

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАЗУМА

II

Заметки на полях: истоки

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАЗУМА

Против эмпирионатурализма

III

Заметки на полях: Разборки

**Москва
2012**

© Сидоркина Е. Н., составление и обработка. 1985–2012

© Иванов П. Б., верстка и оформление. 2012

<http://unism.pjwb.net>

<http://unism.pjwb.org>

<http://unism.narod.ru>

- © Допускается копирование текста и элементов оформления в любой форме, целиком или частично, с любыми изменениями, включая перевод на другие языки, с любыми целями (в том числе коммерческими), при условии, что это не ограничивает свободы распространения данного оригинала.

РАЗБОРКИ

Всякое общение наводит на мысли. Где-то восторгнуться, где-то возразить. Превратить яркие цвета в оттенки — и наоборот. Так рождаются заметки на полях. Иногда их много. И заметок, и полей.

В самой грубой шкале, вырисовываются три уровня творческого взаимодействия. Минимальный вариант — встретились и разошлись. Без особых последствий. Приняли к сведению, выписали полезные цитаты, чтобы при случае сослаться или поругать. Это может быть одна фраза, яркий образ, — или общее впечатление, которое ни в какие цитаты не помещается. Пролетела комета, махнула хвостом — и привет.

Противоположный случай — взаимопроникновение. Встречаться, возвращаться, смотреть с разных сторон, в новых обстоятельствах. Раздвигать свои границы — и становиться продолжением. Это любовь. Как солнце. Но звезды редко блуждают в одиночку — и надо учиться жить в системе многих солнц.

Есть и середина: вопросов полно, обсуждать можно долго и поразному. Только уже не хочется: это другое, не про нас. Всякому свои темы. Чересчур скрупулезно изучать — на главное жизни не хватит. Поэтому лучше не задерживаться, а преодолеть, освободиться. Подвести итог — и отодвинуть в сторону. Не забыть — но и не вспоминать. Разобраться для себя и сделать выводы.

А способ только один: превратить в продукт, нечто логически завершенное, что могло бы жить собственной жизнью. Заметки на полях приобретают форму отдельного трактата — вроде того, как планеты конденсируются из планетарной туманности или разнокалиберных обломков, вычищая собственную орбиту. Светила все те же — и судить будем не вообще, а с определенных позиций. Традиционно это называют критикой. Слово неприятное: претенциозность, высокомерие, взгляд свысока... Указать каждому его место. А это вовсе не то, чего хочется. Задача не других по местам расставлять — а найти свое место, где можно

творить потихоньку и общаться в узком кругу. Любить человечество — это замечательно. В каждом свои интересности. Но если уж очень широко — теряется смысл: непонятно, кто и кого любит. Где-то, быть может, и такая картина хороша: квантовую механику знать тоже полезно. Но приходим мы к ней от обычной, классической механики, очень удобной для целей космической навигации и организации быта. Начинать с хаоса — это путь природы. Разум начинает с порядка — приводит вселенную в порядок. От простого к сложному. От возможного сейчас — к созданию новых возможностей. Поэтому отстраниться от чего-то на первых порах полезно. Если, конечно, не воображать себя пупом земли и душой общества. Нет, мы просто выстраиваем систему отсчета, с ясным сознанием допустимости любых других систем. Но совсем без ничего — тоже неправильно, а самое интересное начинается как раз там, где картины мира начинают перетекать друг в друга.

Еще одно ходовое словечко: анализ. Абстрактная отстраненность, совсем издалека. Дескать, вы не знаете, что у вас там творится, — а нам со стороны виднее. И это правильно — если говорить только о том, что видно со стороны. Но нам этого мало. Хочется еще и влезть внутрь, повариться в синкретизме. И детали вытаскивать из общего впечатления. С другой стороны, никакой анализ нужен не сам по себе — а только в качестве подготовительного этапа к изготовлению чего-то практичного, и по ходу дела придется заняться еще и синтезом, объединением разных аналитических построений, поиском технологической совместимости.

Впрочем, до реального производства пока далеко. Жить приходится в кривом мире, и отражать что дают, — и не всегда понятно: то ли мир подлежит выпрямлению, то ли кривые зеркала. Поэтому критикуем и анализируем прежде всего себя — чтобы лишний раз дров не наломать. Всего лишь заметки на полях, сырье для предполагаемого продукта. Не факт, что продукт будет, — а если и будет, то не обязательно как задумано.

Отдельным томом здесь идет все, что из другой компании, — когда общение практически завершено. Так сказать, книги в книге. Дело не в размерах, а в тематической обособленности. Боковые ветви. Без них, конечно, дерево обойдется — и даже, вероятно, выиграет в стройности. Но пышная крона не лишена своеобразной эстетики — и кому-то путаные переулочки милее прозрачности проспектов. Какая живность где поселится — все равно не угадать. Наше дело — готовить варианты, да присматривать в этих историях местечко и для себя.

О левитации андрогина Бердяева

Народная мудрость гласит: кто пытается усидеть меж двух стульев, рискует задницу порвать. Или еще как-нибудь повредиться. Однако в начале XX века в такие игры ударились значительная часть нетрудовой интеллигенции. И есть среди них настоящий виртуоз, истинный авторитет по части примазаться к чему угодно — под видом сурового порицания и решительного отторжения. Звали его Николай Бердяев.

Мы будем говорить о философии любви — и примеры главным образом из этой области.¹ Но будьте уверены: по другим вопросам картина примерно та же.

Хорошо известен махровый антикоммунизм бывшего «марксиста» (никогда не бывшего марксистом) Бердяева. Его критика исторического материализма — яркий пример смеси расшаркивания перед Марксом:

мы отдаем дань уважения и удивления одному из величайших людей
всех времен

и огульного осуждения его учения, которое

препятствует обнаружению идеальной общечеловеческой природы

Да, препятствует — и очень правильно поступает! Поскольку природа человека далека от идеальности — и уж тем более невозможно говорить о человечности общества, разодранного на классы и рынки. Марксизм заявляет о необходимости уничтожения этой материальной опоры разрушителей единства разума — чтобы появилась возможность не чесать всех под одну («общечеловеческую») гребенку, а выращивать в каждом (а не только в горстке интеллигентов) индивидуальность, свободную личность. Но Бердяев решительно против борьбы классов и (упаси бог!) социальных революций. Лично его даже такой, не очень совершенный мир вполне устраивает, а интересы задавленных нуждой и не умеющих парить в платонических эмпиреях пролетариев истинно свободного человека не волнуют! А эти социал-демократы — ну прямо дети малые! — обижаются на презрительную критику и не пускают Бердяева на их собрания — на которых ему «относительно лучше», чем

¹ Мы в основном используем фрагменты четырех опусов: *Метафизика пола и любви*, *О рабстве и свободе человека*, *Размышление об эросе* и *Смысл творчества*, — с общими отсылками к прочему, когда речь о трактовке чего-то вне нашей темы.

на кадетских банкетах² (манкировать которыми, впрочем, наш герой тоже не собирался).

Не менее суров ценитель истинной духовности и в отношении прежних демократов (без социалистической приставки). Например, Чернышевский — «нигилист и утилитарист», с его «художественно бездарными» произведениями, в основании которых «лежит очень жалкая и беспомощная философия». Он же — «один из лучших русских людей», глашатай «культы вечной женственности»... С одной стороны,

социально и этически я совершенно согласен с Чернышевским и очень почитаю его. Нужно признавать право любви и отрицать право ревности, перестав ее идеализировать. Это сделал Чернышевский

но

в прямолинейной и упрощенной форме, не обнаружив никакой утонченной психологии

Где уж нам уж! Так прогибаться под противоположности — заскоружлая жизнь не дает. Мы же не «высланы» из истерзанной войнами России — наслаждаться безмятежным существованием в одном из пригородов Парижа! Не достойны...

Впрочем, буржуазность существования свободному гению столь же отвратительна, ибо она ограничивает гениальность и отрицает

связь с мировой гармонией во имя индивидуалистической буржуазной собственности.

В скобках: обратим внимание на двусмысленность фразы! С одной стороны, мы против буржуазности — но исключительно во имя нее. Поистине «утонченная психология»... Патетические пассажи эффектны, с ними так и тянет согласиться:

В таинстве любви нет собственника и нет частной собственности. Любовь требует жертвы всякой частной собственностью, всяким буржуазным притязанием обладать любимым лишь для себя. Личность в любви раскрывается лишь через жертву личной корыстью. Космическая по своему смыслу любовь не может отнимать человека у космоса.

На память тут же приходят слова Энгельса о «грязи бракоразводного процесса». Но кому и зачем нужно объявлять любовь «таинством»?

² Оно и понятно: в «благородном» обществе не особо породистый интеллигент теряется — а за счет простых смертных может самоутверждаться, смотреть на всех свысока.

Любите свободно и открыто! — и пусть все порадуются за вас, и станут чуточку возвышеннее от вашей любви. Ан нет! — по Бердяеву, любовь не для людей — она орудие абстрактного космоса, подминающего человека под себя (а вовсе не наоборот, не по Марксу: человек — строитель разумного мира) и хищно требующего жертвоприношений. Про религию чуть ниже — а пока лишь заметим, что настоящая, человеческая любовь о жертвах вообще не думает: мы просто живем в любви, дышим любовью, — и все, что у нас (или в нас) есть становится ее частью, служит ей, чтобы она воплотилась в нас. Если я не отделяю себя от предмета любви — кому и что жертвовать? Только буржуазные извращенцы вроде Бердяева пытаются выгородить в любви что-то для себя, выделить в личное пользование, — чтобы потом демонстративно «пожертвовать» этой «корыстью» (никоим не отменяя самого факта ее существования).

Одно из гнуснейших изобретений обуржуазившегося мира — брак и семья:

Жизненное благоустройство, семейное благоустройство — могила любви.

По этому поводу Бердяев даже готов согласиться с марксистами — а в чем-то и обогнать их:

Семья есть необходимый социальный институт и подчинена тем же законам, что и государство, хозяйство и пр. Семья очень связана с хозяйственным строем и имеет мало отношения к любви

Вспомним о бесконечных метаниях Энгельса, отчаянных попытках вытащить первобытную семью из экономической сферы, облагородить идею — чтобы в коммунистическом будущем предусмотреть местечко для моногамии нового типа [21, 84]:

Полная свобода при заключении браков может, таким образом, стать общим достоянием только после того, как уничтожение капиталистического производства и созданных им отношений собственности устранил все побочные, экономические соображения, оказывающие теперь еще столь громадное влияние на выбор супруга. Тогда уже не останется больше никакого другого мотива, кроме взаимной склонности.

Товарищ не понимает, что уничтожение капитализма устраняет также все формы разделения труда — и саму необходимость «выбирать супруга» (подобно выбору профессии), так что ни «экономическим соображениям», ни «взаимной склонности» просто не на что влиять! Совсем не товарищ Бердяев оказывается тут на голову выше первого

марксиста — и с самого начала относит семью к разряду «родовых» отношений, к сфере «объективации» любви — то есть, ее включения в рыночное хозяйство, товарооборот, воспроизводство общественной материи как единства производительных сил и производственных отношений (в том числе брачно-семейных):

Брак в своей социальной проекции всегда был очень связан с экономикой и нередко носил принудительно коммерческий характер. Брак был очень далек от того, чтобы быть таинством. Теперь брак приобретает не принудительно коммерческий, а свободно коммерческий характер.

Можно сделать маленькую (но принципиальную) поправку: брак не просто связан с экономикой — это *и есть* экономика, одна из сфер общественного производства. Энгельс тоже распространяется по поводу принудиловки и формально-рыночного освобождения браков. Но если принимать семью как «необходимый социальный институт» — придется искать какие-то «высшие» формы семейственности, якобы очищенные от торгашеской бездуховности. И тут пригодится волшебная палочка — любовь. Мистически непонятная, сказочная, божественная, способная освятить грубости плоти. Бердяев:

Смысл и оправдание брака лишь в любви. Брак без любви безнравствен. Вопрос же о должном отношении к детям ничего общего с этим не имеет, это совсем другой вопрос.

У Энгельса читаем [21, 84–85]:

Если нравственным остается только брак, основанный на любви, то он и остается таковым, пока любовь продолжает существовать.

В чем разница? В том, что Энгельс принимает любовь как есть, живьем, эмпирическим фактом, — а Бердяев пытается докопаться до сути любви, выйти за рамки исторических констатаций, — и бросает марксистам справедливый упрек:

Самые крайние революционеры сплошь и рядом оказываются консерваторами, когда поднимается вопрос о любви. Революционное сознание реже всего встречается в сфере пола и любви, ибо тут оно должно быть наиболее радикально, скажу даже — религиозно. Социальные и ученые радикалы и революционеры думают лишь о социальном и физиологическом благоустройстве пола, вглубь же никогда не идут. Любовь скидывается с мировых расчетов и предоставляется поэтам и мистикам.

В число последних Бердяев, несомненно, включает и себя. В чем состоит радикализм и революционность религии — нам не объясняют. Можно только догадываться, что умение целенаправленно преобразовывать природу — сознательная деятельность, — ниже уровнем, чем умение сознательно менять способы деятельности, — то есть, самих себя; тут выход на уровень самосознания (про которое марксисты говорят лишь в контексте классовой борьбы, оставляя за бортом очень и очень многое). Переносим в сферу духовного производства буржуазные порядки — вот вам духовный закон (религия) на месте государства и права. Опять же, стереотип насчет подчинения высокопоставленному начальству — и верховенство любви над светскими установлениями:

Продолжение брака, когда любви нет, безнравственно, только любовь все оправдывает, любовь-эрос и любовь-жалость.

Ругаемся на Льва Толстого, который, дескать, ругает не за ту мораль. Но что взамен? Все та же рыночная перспектива в конфетном фантике:

Любовь есть не только источник творчества, но и сама любовь к ближнему, к человеку, есть уже творчество, есть излучение творческой энергии... Любят ни за что, любовь есть благодатная излучающая энергия... Величайшая тайна жизни скрыта в том, что удовлетворение получает лишь дающий и жертвующий, а не требующий и поглощающий. Всякое творчество есть любовь... Если хочешь получить — отдавай.

Типично буржуазное отношение к любви, бизнес: ты мне — я тебе. Совершенно по-бердяевски: и нашим — и вашим. Начинаем за здоровье: любят ни за что, — но кончаем таки в болоте: отдавать чтобы получить (а вовсе не просто так).

Настоящая любовь «отдает» не ради чего-то взамен, она исходит из себя. Это единственно возможный для этого конкретного человека, для личности, способ бытия. Партнеры в любви не противопоставлены друг другу — они вместе, они одно целое, им не надо давать или жертвовать, им нечего требовать. По разуму — принцип всякого творчества, основа любой нравственности. У Маркса очень похоже — но не на виду. Его революционное сознание исключает религию — и распространяется на все области человеческой деятельности, включая сферу духовного производства: человек не просто принимает мир как данность, не только познает или претерпевает, — он прежде всего творит, превращает природное движение (включая природу духа) в движение культуры, плоды труда. К сожалению, до Энгельса дошло только местами, — что

уж говорить о последующих марксистах любого толка! Волей-неволей приходится прислушиваться ко всякой бердягине:

Брак и семья принадлежат объективации человеческого существования, любовь же принадлежит бесконечной субъективности.

Что такое бесконечная субъективность, и зачем любви вообще кому-то принадлежать, — далеким от парижей никак не разобрать. Учитывая, что «объективацией» Бердяев стеснительно называет рынок, можно предположить, что любовь в его понимании — это когда без базара (другой экономики Бердяев не знает). То есть не то, что делают руками, или иными органами, — а что нечто воображаемое до такой степени, что это в итоге сказывается на публичном поведении. Такую занимательную вещицу в философии искони называли духом. Тогда никакой мистики: есть материальное и духовное производство, общественные формы того и другого существенно различны — и при капитализме нередко вступают в противоречие. О чем Бердяев не медлит нас уведомить:

Половая любовь не вмещается ни в категорию семьи, ни в категорию аскетизма, ни в категорию разврата. Любовь не есть ни упорядочивание сексуального акта в целях деторождения и социального благоустройства рода, ни аскетическое отрицание всякой плоти в жизни пола, ни разнуздание и распускание сексуального акта.

Испокон веков для начальства (которое, конечно же, представляет интересы общества в целом!) то, что не поддается регламентации и не лезет ни под какую юрисдикцию, — потенциальная опасность, и потому

Общество отвергает любовь. Любящий в высшем смысле этого слова — враг общества.

Высший смысл — это если не по кодексу, и не по катехизису. Представить себе общество без начальства — где не регламентируют жизнь людей, а помогают им действовать в их собственном духе, Бердяев совершенно не в состоянии. А при капитализме

Вся эротическая жизнь человека состоит из конфликтов, которые в объективированном мире не могут быть окончательно преодолены.

Исторический материализм так и говорит: капитализм — сплошные противоречия, обострившиеся до такой степени, что на повестку дня становится устранение классовой экономики как таковой, покончить с «объективированием» (превращением в товар) всего подряд. Но Бердяев с истматом уже разделался: никакой борьбы классов нет, а если и есть — ни к чему она не приведет, а если и приведет — то вовсе не к тому...

Максимум возможного — новое средневековье (из которого вырастет новый капитализм — и так без конца). Вердикт:

Любовь сулит любящим гибель в этом мире, а не устройство жизни. И величайшее в любви, то, что сохраняет ее таинственную святость,— это отречение от всякой жизненной перспективы, жертва жизнью. Этой жертвы требует всякое творчество, требует жертвы и творческая любовь. Жизненное благоустройство, семейное благоустройство — могила любви. Жертвенная гибель в жизни и кладет на любовь печать вечности.

Красиво звучит! Так и тянет открыть окно — и вниз с семнадцатого этажа... Или в духе средневековой Японии, где любовный роман неизменно кончается парным самоубийством.

Вот она, бердяевская «революционность» без намордника.

Спрашивается: на хрена нам эта самоубийственная философия? Зачем примерять на себя роль жертвенного скота? Кому выгодна такая проповедь? Неужели мы не в состоянии навести в мире революционный порядок и присвоить влюбленным высочайший общественный статус: они же делают дело общекультурной (или, если хотите, космической) значимости: поднимают на новый уровень нашу духовность, развивают в людях самосознание — и мы уже на ступеньку ближе к разуму! Долой диктат рынка, всеобщее разделение труда, государство и поповщину! — пора строить экономику единения и взаимопомощи, где интересы каждого — общий интерес, где каждый — представляет общество целиком. Кто попытается мешать — снести под ноль! Где нам не хватает Маркса — мы его дополним и обобщим. Вот это философия (и практика) исторического материализма. Сам факт, что мы способны мечтать о таком будущем, — свидетельство зарождения его элементов в недрах глобального буржуинства. Главное — действовать; не получится за — так хотя бы вопреки; пытаться даже в неразумных условиях разумно жить, а не скулить на луну (звонкую монету).

Капиталистическое разделение труда разводит людей по рыночным нишам, сталкивает их лбами (игра!) — и заставляет строить защитные сооружения, стены — а внутри «благоустройство», как в могиле. Поскольку капитализм все выворачивает наизнанку — это называется жизнью; любовь отказывается от такой (тюремной) перспективы — оказывается вне рынка, а это для буржуа — верная смерть. И вот парадокс: пока крохотные рыночные мирки сталкиваются и погибают —

любовь продолжается, на ней печать вечности... Любви не нужны стены: в ней — вся Вселенная. Умирают тела — дух продолжается.

Мораль? Давайте построим новую жизнь, без границ и войн. Чтобы не осталось и следа благополучия — и нет его противоположности, бесправия и нищеты. Зато есть простор для роста в любом направлении. Свобода творчества. Застой — когда двигаться не дают; а в разумном мире никто даже не думает про жизнь и смерть, про жертвы и отречения. Ну, разве что, в контексте истории темных веков... Когда могли в литературе появиться пассажи вроде этого:

Смысл любви не в статике устройства жизни, а в динамике движения жизни, творчестве жизни иной. Всякая победа статики над динамикой в любви есть омертвление, окостенение любви, превращение ее из творчества в послушание, в приспособление к условиям существования. В подлинной любви есть творческий прорыв в иной мир, преодоление необходимости.

По общему настрою — да. Но человеку нового, свободного мира не нужно отрывать статику от динамики: одно невозможно без другого. Нормальный человек ни с кем не борется — и никого не побеждает. Все идет в ход, на своем месте. Стоит что-то «победить» — и вот вам то самое «окостенение», «омертвление». Подлинная любовь не рвется «в иной мир» — она стремится одухотворить этот мир, большой и единственный. Патетическая глупость:

Любовь — полет, разрушающий всякое устройство.

Наоборот, именно любовь и позволяет нам строить миры, склеивать их в одно, и перестраивать заново, на еще более разумных началах. Для того и нужен в мире разум — универсальное, ничем не ограниченное обустройство природы. В классовом обществе — оно сводится к возведению классовых барьеров. Так долой их — вместе с классами!

В качестве еще одного фокуса с седалищем на двух стульях — пространные рассуждения о двоякой любви: «восходящей» (эрос) и «нисходящей» (жалость, сострадание). Конечно же, со ссылками на Платона (в интерпретации Беме).

Любовь-эрос не может быть направлена на всех, к ней нельзя себя принудить, она есть выбор, любовь же жалость, любовь нисходящая может быть направлена на весь страдающий мир, в этом ее преобразующая сила...

Эклектическая смесь, с прицелом ухватить за уши христианство. Спрашивается: кто разделил? Любовь — она и есть любовь. Со всеми ее

сторонами (коих намного больше двух). Но это стороны одного и того же. Заметим, уясним — так миру и страдать будет незачем, — только преображаться: легко, с улыбкой, с любовью. И жалость не нужна.

Все гораздо проще: мы приобщаемся к духовности — чтобы потом одухотворять. Как в логике марксизма: из эмпирии вырастают всеобщие абстракции, универсальные схемы деятельности, — которые потом приходится приводить к конкретности, распространять на весь мир. Это двоякое движение — в каждом человеческом (то есть, разумном) поступке: свертывание иерархии в одном измерении сопровождается ее же развертыванием в другом. Я усматриваю возвышенность в предмете любви — и меня влечет к этому, я должен дорасти до нее, и сделать единичность всеобщей: рост моего духа одновременно есть и рост духовности человечества в целом. Мой эрос — преображающая сила космических масштабов. Но нельзя влюбиться в абстракцию — и потому любовь космическая неизбежно принимает форму вполне эротического влечения. К чему-то конкретному. Хотя не обязательно представимому движением органических тел. Что мы и читаем у Бердяева:

Любовь всегда персонифицирует предмет любви. Но это может быть персонификацией, направленной не на конкретное существо, а персонификацией, направленной на идеальное отвлеченное существо.

Грубо говоря, чтобы любить весь мир — надо полюбить кого-то одного. Как минимум. Для начала. А потом уже разбираться с верхом и низом. Про коллективного субъекта Бердяев у Маркса не понял — и что идеальность и отвлеченность не помеха конкретности — тоже не в курсе. Тем не менее, — даже в такой, мистифицированной форме, — устами буржуазного интеллигента вещает далеко не буржуазная истина, с чем мы его и поздравляем.

Осталось отделить любовь от голого секса, эротику от порнухи. То есть, по-философски, материальное производство от духовного. Тела так воспроизводить надо — и практиковать их природные наклонности тоже полезно для поддержания оптимального тонуса, без которого дух особо не разлетается. Ибо дух есть общественно необходимое движение системы природных тел (органических или нет). Тела не движутся — дух выветривается.

Для материалиста — без проблем. Наличие вещей — вовсе не обязывает их двигаться одухотворенно. Материя — она сама по себе. Одни и те же тела запросто могут участвовать в строительстве разных любовей: я могу влюбиться в девушку, не переставая любить истину, или

уважать друзей, или оставаться патриотом... Телесность обслуживает все эти возможности — оставаясь, таким образом, относительно³ безразличной к личностям. Даже Бердяеву понятно:

Сексуальность носит безличный характер, эротика же носит личный характер, в этом огромность разницы. Никакой прямой и обязательной связи между половым влечением и влюбленностью нет, возможно даже умаление полового влечения от влюбленности. Влюбленность направлена на неповторимо индивидуальное существо, на личность, и в ней невозможна замена. Половое влечение допускает замену и не означает непременно отношения к личности.

Или так:

Любовь — лична, индивидуальна, направлена на единственное, неповторимое, незаменимое лицо. Половое же влечение легко соглашается на замену, и замена действительно возможна. Сильная любовь-влюбленность может даже не увеличить, а ослабить половое влечение.

Правильно. На то мы и выращиваем в телах дух, чтобы контролировать их движение, согласовывать его с потребностями высшего уровня. Собственно, дух как раз и есть другое название для особой, неприродной организации движения (окультуренных) тел. В частности, сексуальность мы умеем сублимировать, внедрять ее в качестве подуровня в какие-то другие деятельности. В самых разных отношениях. Показывая целое каждой из его граней Но для вконец «объективированного» Бердяева это представляется опшлением любви, развалом единого на никак не связанные части:

Любовь исключительно плоская, физиологическая, столь распространенная в нашем мире, есть фетишизм, так как в ней нет ощущения полной личности, всецелой индивидуальности. Любовь к отдельным сторонам духа и плоти, к оторванным частям, к прекрасным глазам и чувственным губам, к духовному аромату отдельных черт характера или обаянию ума — тоже фетишизм, тоже потеря ощущения личности. Единый объект любви, органический идеал, родная душа, мистически предназначенная полярная половина эмпирически раздробляется: в массе женщин для мужчин, в массе мужчин для женщин видятся разорванные черты органического объекта

³ Относительно — потому что материальное и духовное производство суть стороны одного и того же, и потому духовность способна становиться телесностью, а плоть выделяет (или иногда испускает) дух.

Действительно, при капитализме кого угодно могут растащить на органы и продать по частям. Воспроизводство материи разума идет по пути все большей специализации. Компенсировать это общественно-экономическое уродство, оставаясь внутри цивилизации, можно лишь в фантазии, идеально, «мистически», — противопоставляя (и тем самым подчиняя) движение духа движению рынка:

Любовь родовая не есть соединяющее утверждение пола, она продолжает лишь дробление. Только личная половая любовь стремится к преодолению разрыва, к утверждению индивидуальности, к вечности, к бессмертию.

Любовь есть прорыв в объективированном природном и социальном порядке.

Проблема в том, что дух, отделенный от плоти, — уже не совсем дух; это лишь подобие любви, эрзац, приемлемый в каком-то приближении. И в этом смысле он оказывается всего лишь материей чего-то иного, такой же заготовкой для настоящей любви, как и самый разнузданный секс. При капитализме

любовь есть выход из обыденности, для многих людей, может быть, единственный. Но таково только начало любви. В своем развитии она легко подпадает под власть обыденного. В любви есть бесконечность, но есть и конечность, ограничивающая эту бесконечность.

Бесконечность в мире не может существовать иначе как через конечное, это нормально. Но только в классовом обществе отношения между двумя необходимыми сторонами одного и того же превращаются в вопрос о власти. По уму — любая конечная вещь представляет мир в целом, содержит в себе его бесконечность. Есть противоположности — но нет противоречия. Истребим цивилизацию — и любовь сможет спокойно выражать себя в каждой бытовой мелочи, не рискуя утратить себя и опозлиться. По большому счету, она так и делает. Маленькие знаки внимания, доверия, признательности — язык любви, испокон веков. Это вне рынка, это никому и ничему не подвластно. И в этом наша вечность, и надежда, что человечество разовьется когда-нибудь до разумного состояния.

Бердяев ничего кроме капитализма (или, на худой конец, «нового средневековья») не признает — поэтому гармоничный быт в любви (включая постельный) он представить не в состоянии:

Пол принадлежит жизни рода. Любовь же принадлежит личности.

Половая жизнь по-бердяевски — полностью и навсегда отделена от любви, враждебна ей, — точно так же, как «род» (общество, культура) вечно и неизменно противостоит личности. Сидение на двух опорах сказывается-таки на здоровье; не знаю, как там насчет порванной задницы — но в уме повреждения налицо. Наш теоретик вливается в ряды попов-мракобесов и впадает в чисто буржуазную истерику по поводу обычных физиологических отправлений здорового организма:

Сексуальный акт внутренне противоречив и противен смыслу мира. Природная жизнь пола всегда трагична и враждебна личности.

Пол есть один из источников рабства человека, и источников самых глубоких, связанных с самой возможностью жизни человеческого рода.

Жизнь пола в этом мире в корне дефектна и испорчена. Половое влечение мучит человека безысходной жаждой соединения. Поистине безысходна эта жажда, и недостижимо соединение в природной половой жизни.

И под занавес:

Пол ужасен в царстве обыденности, он ужасен в буржуазном мире и связан с властью денег над человеческой жизнью. Рабство пола связано с властью женского начала над человеческой жизнью. Женщина необыкновенно склонна к рабству и вместе с тем склонна поработать.

Вот так. Оказывается, любые мерзости капитализма — из-за всеобщей сексуальной озабоченности (прямо по Фрейду!); наемное рабство, нищета, тюрьмы и окопы, — лишь разновидности половых извращений. Человек — животное, и нет ему спасения, — и закрыты дороги в мистический (платонический) рай. А корень зла — прародительница Ева, и никакой от женщин пользы кроме вреда.

С тем же успехом можно заклеить народную привычку чем-то время от времени перекусывать (с соответствующими выделениями) — или дышать воздухом (насыщая атмосферу углекислотой). Вместо того, чтобы преодолеть и творчески преобразовать собственную природность, и стать через это полноценной личностью, — давайте гордо объявим себя дефектными и испорченными, — и бороться за светлое будущее уже не надо: нам и в рабстве нормально! Когда власти используют наши телесные особенности для устройства своего бизнеса, когда они ездят на нас верхом и насилуют во все дырки, — буржуи не виноваты, это все трагическая природа секса...

Буржуазия еще во времена трубадуров исповедовала мужской шовинизм — считала женщин существами низшего сорта. И потому не признавала куртуазную поэзию, выдвигая ей в противовес грубоватое мещанское морализаторство, традиции которого перенимают нынешние апологеты христианской любви, вроде Бердяева:

Женщина — существо совсем иного порядка, чем мужчина. Она гораздо менее человек, гораздо более природа.

Божественное — только для мужиков. Женское тело — предмет потребления, и пытаться пробудить в нем разум — себе дороже:

В любви есть деспотизм и рабство. И наиболее деспотична любовь женская, требующая себе всего.

О чем это? О том, что мужик хочет пользоваться — и ничего не давать взамен. На этом, по Марксу, зиждется капиталистическая экономика:

Прибыль капиталиста получается оттого, что он может продать нечто, чего он не оплатил. [25, I, 49]

Когда пролетарий начинает требовать хотя бы часть украденного буржуями, — это возмущает господ, и они готовы давить зарвавшихся рабов самыми жесткими мерами. Точно так же, Бердяев возмущается, когда женщина не просто отдается в любви — но еще и чего-то требует! Неслыханная наглость: рабы хотят поработить рабовладельцев!

Женщина отнюдь не склонна к рабству «по природе». Ее загоняют в рабство ежедневно и ежечасно, связывая по рукам и ногам пошлыми предрассудками, стыдливостью и целомудрием. Удивительно ли, что при малейшей возможности женщина пытается урвать по максимуму, даже ненужное? И тем самым превращается для недоразвитых мужчин в метафизическое зло. В конце XX века на это нашли управу: чтобы истребить на корню любой протест, надо превратить его в массовое общественное движение. Организовать — и управлять. Современный феминизм буйствует на животрепещущие темы: насилие в семье, сексуальные домогательства, уничижительная фразеология, деньги и профессии... Все в прилично буржуазных рамках; например, борьба за свободу абортов под лозунгом: мое тело — моя собственность. Что *любая* собственность есть унижение человеческого достоинства — товарищам лучше не знать. Чтобы не хотелось построить мир без собственности, где никто никому не может принадлежать, и нет нужды урывать и требовать, — где забыли про деспотизм и физиологические ограничения, где влечения не мучительны, а благотворны, а любовь не

сводят к биологии, и не выводят из нее, — а творят своим трудом, деятельностью плоти и духа.

Свихнутому на половом вопросе философу первородный грех мерещится по каждому поводу — и отягощает все разновидности любви.

Дружба наполняет жизнь личности положительным содержанием, но не затрагивает первооснов личности. Пол разлит по всему человеку; дружба лишь часть его, лишь душевная функция. Но в подлинной, глубокой дружбе есть элемент эротический — есть если не прямая, то косвенная связь с полом. Энергия пола, энергия жажды соединения может быть направлена и на дружбу, как и на любой творческий акт. И та лишь дружба полна высокого смысла, в которой есть напряжение половой энергии, этой энергии всякого соединения.

Марксизм проще и последовательнее: дружба — та же любовь, в которой на первый план выходит неорганическое тело человека, а не биология. Поэтому дружба изначально шире половой любви — хотя в конечном итоге речь об универсальном воздействии на все уголки человеческой духовности. Половая любовь не менее «космична» — однако путь к этой всеобщности от пола может быть длиннее; с другой стороны, такие пути заставляют дух больше трудиться — добывать то, что в дружбе дано как предпосылка духовного роста. В любом случае, половая любовь рано или поздно перетекает в дружбу — преодолевает ограниченность тел.

В скобках: поскольку работать руками Бердяев не приучен, общественный характер производства для него — тайна за семью печатями. Чтобы всем вместе делать одно большое дело — так не бывает! Остается лишь совокупляться тет-а-тет, наивно полагая, что это и есть «энергия всякого соединения». Когда этой энергии много, и девать ее некуда, — это называется гениальностью:

Гениальность насковзь эротична, но не сексуальна в специфическом, дифференцированном смысле этого слова. Гений может жить специфизированной сексуальной жизнью, он может предаваться и самым крайним формам разврата, но гениальность в нем будет вопреки такому направлению половой энергии, и в его родовой стихии, в его рождающем поле всегда неизбежен трагический надлом. Гениальность несовместима с буржуазно устроенной половой жизнью, и нередко в жизни гения встречаются аномалии пола. Гениальная жизнь не есть «естественная» жизнь.

Но задумаемся: откуда берутся гении? Простая вещь: отнять у миллиона бедняков по рублику — и вот вам преуспевающий миллионер. Когда кому-то общество предоставляет возможность «специфизироваться»,

«предаваться» или «надламываться» — из этого может так вырасти общественно полезный продукт (но чаще — не вырастает). Кому чудить недосуг, и приходится хлеб свой добывать в поте лица, — на гения не тянет: ему бы удержаться в своей рыночной нише, без изысков. Духовные свершения бедняков иной раз намного весомее — только про них никто не знает, ибо эти опасные прецеденты буржуазная пропаганда всячески старается от широкой публики утаить — чтобы занимались творчеством не все подряд, а у кого на то официальная лицензия. Положено им извращаться — пусть извращаются.

Проблема разврата не моральная, а метафизическая. Все биологические и социологические критерии разврата — условны, в них говорит голос буржуазности мира сего.

Что такое биологические критерии разврата — темный лес. Животные этим вообще не занимаются. Они просто живут, в соответствии со своим органическим устройством. Что социология насквозь буржуазна — козе понятно: ее и придумали чтобы господ цифирью выгораживать. Мораль как надстройка над экономикой — азбука исторического материализма. Соответственно, каждый класс, каждый общественный слой, — со своей моралью, и критерии у всех разные. И тут некто из междустулия вещает, что разврат — дело метафизическое: то есть, не для кого попало — а для тех, кто знает толк... Тут ему никакие попы не указ:

Религия рода человеческого должна была бы быть религией сексуального акта, должна вести к обоготворению того, чего люди стыдятся и что скрывают.

Правда, он забывает, что изначально оно так и было, — и фаллические образы стоят за каждой колокольной (или минаретом). Ничего постыдного древние в сексе не видели — а кое-кто (вроде киников) философски обосновывал право заниматься этим принародно. Раннее христианство тоже не против секса — оно лишь против блуда (секса несанкционированного). За что Бердяев обзывает их пошляками:

христианские теологи, учителя Церкви, официальные представители христианства, никогда не могли ничего сказать о любви, кроме пошлостей, и даже не замечали ее, свидетельствует о том, насколько христианство было социализировано в обыденном объективированном мире и приспособлено к его требованиям. Говорили о поле, половом влечении и половом акте, о браке, семье и деторождении, но не о любви; видели исключительно биологическое или социологическое явление. Тема о любви считалась гораздо более неприличной,

чем тема о половом акте или о коммерческой стороне брака и семьи. Существует таинственная связь пола и семьи с деньгами, с мистерией денег, но любовь находится вне этого плана. Такой человек, как блаж. Августин, написал трактат о браке, очень напоминающий систему скотоводства; он даже не подозревает о существовании любви и ничего не может об этом сказать, как и все христианские учителя, которые, по моему глубокому убеждению, всегда высказывали безнравственные мысли в своем морализме, то есть мысли, глубоко противные истине персонализма, рассматривали личность как средство родовой жизни.

Хорошо сказанул! Но в итоге — полное непонимание существа дела. Религия — всего лишь государственный институт, министерство, заведующее духовным производством, — с целью превратить его в бездуховное (удобное властям). С точки зрения церкви, всякий кто пытается казаться святее святых и учить начальство нравственности, — злой еретик. Вякни кто такое в Париже XVI века — угодил бы на костер. Спустя четыреста лет властям уже было по фигу (за что просвещенную Европу сурово осуждал главный русский поп). Но, пардон, коли уж примазываетесь — извольте жить по закону. Либо вы принимаете писание и предание — либо вам надо в другое место. Нет же! — Бердяев и тут со своим уставом:

святые отцы больше призывали к тому, чтобы «ожесточить сердце свое», чем к любви. Не раз уже было говорено здесь, что христианская любовь совсем не была еще раскрыта человечеством в религии искупления. Раскрытие христианской любви требует творческого акта. Она зовет к иному, «не от мира сего» соединению всех в христианском всечеловечестве, к соединению всех в свободном Духе, а не в необходимой природе. Доныне христианское человечество знало соединение природное, соединение из приспособления к необходимости. Это приспособление к необходимости было не только в государстве, но и в церкви, уподобившейся государству. Физическая история церкви была совсем не религиозна. Воплощение церкви в истории было культурно и разделяло все особенности культуры. Во всемирной, всечеловеческой христианской любви должен быть тот же творческий прорыв в иной мир, то же видение человеческого лица всякого брата по духу в Боге, что в высшей степени есть в любви эротической. В христианской любви, не стеклянной, не отвлеченной, есть отблеск небесной эротики, есть направление на все человечество и на весь мир энергии пола.

Короче: вы все завязли в предрассудках, объективировались, — а я мессия иного мира, и выведу вас к свету христианской эротики!

Христианская любовь, которая так легко принимает формы риторические и унижающие человека, превращаясь в аскетическое упражнение для спасения души и в «добрые дела», в благотворительность, христианская любовь в своей высоте духовна, а не виталистична. Но она не может быть отвлеченно духовной, она конкретно-духовна, духовно-душевна, связана с целостной личностью.

Спрашивается: при чем здесь христианство (то есть, официальная доктрина христианской церкви — какого-нибудь толка)? Придумали себе устав — стройте под него монастырь, и проповедуйте за милую душу! Если на то пошло, в бердяеванстве вообще никакой религии по факту не предполагается. Нас призывают обратиться к абстрактной идее космического эроса — на которую, наглядности ради, каждый вправе налепить любую фотографию:

В Боге встречается любящий с любимым, в Боге видит любимое лицо.
В природном мире любящие разъединяются. Природа любви — космическая, сверхиндивидуальная.

Ладно, пусть будет космическая. Но при чем тут бог? Есть буржуинство, которое Бердяев принимает за весь природный мир, и где насчет духовности — особо не побалуешь... Так что теперь? Жить одними фантазиями? Или пуститься во все тяжкие, направо и налево? Не взирая на законный брак или полужаконное сожитительство:

Ревность отрицает космическую природу любви, ее связь с мировой гармонией во имя индивидуалистической буржуазной собственности.

Ну, про мировую гармонию не заливайте: ее еще сделать надо! А для этого, как минимум, истребить базарную экономику, в которой деньги делают как раз на негармоничности. Помните у Достоевского?

Федор Павлович хотя и кутил, и пил, и дебоширил, но никогда не переставал заниматься помещением своего капитала и устраивал делишки свои всегда удачно, хотя, конечно, почти всегда подловато.

С другой стороны, брак есть сделка — и если одна из сторон нарушает ее условия, вторая вправе потребовать компенсации или расторгнуть отношения: ничего личного! Критикуемый Бердяевым Каренин вовсе не ревновал жену — он просто поставил ее перед фактом: либо блядуй на помойке, либо блюди пункты контракта... При чем здесь космическая природа любви? Бердяевская манера всегда садиться между — среди деловых людей столь же неуместна, как и среди людей порядочных.

Наконец, автор устает от половых проблем и подумывает о том, как бы радикально от них избавиться — чтобы дамы не возражали и ничего

не требовали... Нужен удобный предлог, чтобы приструнить эрос, — вспомним о «нисходящей» любви!

Нельзя отказаться от любви, от права и свободы любви во имя долга, закона, во имя мнения общества и его норм, но можно отказаться во имя жалости и свободы.

Вообще-то, отказываться от любви — это как-то не по-джентльменски. А от настоящей любви вообще невозможно отказаться — потому что она захватывает человека целиком, она и есть этот человек! Но наш двусидетель и такое помыслить в состоянии. Особенно если призвать на помощь Платона с его сказочкой о первично совершенном существе, якобы разделенном на три неполноценные части (две с членами, одна без), которые с тех пор ищут всякой возможности слиться в экстазе. В конце XIX века анекдот стыдливо подредактировали — и оставили только одного мужчину и одну женщину; вероятно, XXI век увидит новые редакции, где разных частей гораздо больше — как минимум по числу полосок на знамени нетрадиционно ориентированных. Но Бердяев, так и быть, наступит на горло своей гениальности и потребует воссоединения только двух половинок, как в частушке:

Ты во мне,
а я в тебе —
я на «ме»,
а ты на «бе»...

Предлагается подать петицию Платону (или его фантазиям), чтобы он отменил свое распоряжение о разделе — и не будет больше ни мужчин, ни (тем более) женщин, — а будет диво-дивное под именем *андрогин*.

Глубокие потрясения пола упреждают наступление новой мировой эпохи. Новый человек есть прежде всего человек преображенного пола, восстанавливающий в себе андрогинический образ и подобие Божье, искаженное распадом на мужское и женское в человеческом роде. Тайна о человеке связана с тайной об андрогине.

Придумаем себе тайну — и назовем ее богом. Кто против? Играйте сколько угодно. Вот вам стулья с буквами *М* и *Ж* — садитесь между!

По обыкновению, детские игры имитируют что-то из неигровой («взрослой») реальности; андрогинические фантазии очень косвенным образом намекают на объективные тенденции развития человечества, от классов и разделения труда — к единству и взаимопомощи. В далеком бесклассовом будущем каждый сможет участвовать в любых поворотах общественной жизни, стать строителем общечеловеческой культуры. Такому, свободному человеку — открыто бесконечное разнообразие

путей и возможностей! — ему незачем запирает себя чем-то одним. Его призвание — строить миры, а не клетки. Вопросы пола вряд ли сохраняют крупницу притягательности — и разделение людей на мужчин и женщин станет совершенно несущественным. Как материальный носитель духа, биологические особи уступают место неорганическим компонентам — у которых пол вообще отсутствует; воспроизводство человека перестает ассоциироваться с производством какой-либо органики, становится сознательно и планомерно регулируемой индустрией. Не где-то там на небесах — а как часть единого процесса воспроизводства культуры. Обеспечить соответствие всевозможных форм и уровней духовности достигнутому уровню универсальности технологий — главная задача любви. Стоит появиться чему-то новому — надо увязать это с прошлым и будущим, восстановить единство окультуренного мира. Одна задача решена — будут другие. Делить себя всегда одинаково, внутренним или внешним образом, — никакой необходимости. Любовь не абстракция — это человеческая любовь, она для людей. А не по бердяевски:

Любовь всегда космична, нужна для мировой гармонии, для божественных предназначений. Поэтому любовь не должна бояться порождаемых ею страданий. Из космической природы любви неизбежен вывод, что любви неразделенной, односторонней не может и не должно быть, ибо любовь выше людей. Неразделенная любовь — вина, грех против космоса, против мировой гармонии, против начертанного в божественном миропорядке андрогинического образа.

О каких страданиях может идти речь? Мы просто любим — и счастливы. Начать нам на мировую гармонию — мы ее делаем работающими руками; нет у нас обожествленного начальства — мы сами себе все устанавливаем. Про невозможность неразделенной любви Маркс писал задолго до Бердяева: если вас не любят, значит, ваша любовь еще не родилась, не проявила себя в общественно значимых действиях. Сливать кого-то с кем-то — преступление против любви, ограничение ее свободы: пусть будет много всего, очень разного, — а не только бинарная логика пола и рынка. Без бердяевской белиберды:

Таинственная жизнь андрогина осуществляется не в одном двуполом существе, а в четырехчленном соединении двух существ.

Даже упомянутая Энгельсом [21, 38] ленточная глиста — покруче любых андрогинов: она

в каждом из своих 50–200 проглоттид, или члеников тела, имеет полный женский и мужской половой аппарат и всю свою жизнь только и делает, что в каждом из этих члеников совокупляется сама с собой.

Но дело-то как раз в том, что без разделения — нет и единства. Свалите всех в одну кучу — любви конец. Точно такой же, как и при жестком, физиологическом, животном разделении, одинаковом для всех, родовом. Больше разнообразия — больше любви. Но не по случайности, как в неживой материи, — а свободно, как сознательное решение, разумная цель. Мир не «дан» человеку — человек его создает и пересоздает. Для этого приходится одно отделять от другого — но не насовсем, а для пробы — чтобы испытать себя и еще раз убедиться: вместе лучше. Наши различия — игра, становление любви.

Есть такая игрушка — магнитная левитация («гроб Магомета»). Если правильно подобрать расположение магнитов, металлический шарик парит в пространстве между ними, ни на что не опираясь. Можно попробовать поймать точку равновесия поляризованного тела в электрическом поле, когда оно равно притягивается к обоим полюсам и не двигается с места. Однако такое равновесие крайне неустойчиво: малейший сдвиг — и все свалится на бок. Когда хитроумный писака пытается пристроиться сразу ко всем — долго соблюдать нейтральность у него не получится. Особенно там, где затронуты жизненные интересы миллионов людей. Варианты разные. Некоторые просто исчезают, проваливаются в пропасть между разделенными противоположностями; они не нужны ни этим, ни тем. Другие — намертво прилипают к одному из полюсов. Сознательно или нет. В первом случае — налицо духовный рост, осознание реальности бытия и необходимости жить и действовать, а не только забавляться мифотворчеством. Даже если это откровенно реакционный выбор — он достоин уважения. Однако большинство интеллигентствующих мещан больше всего на свете боятся как раз этого: принять на себя ответственность. Они до конца дней своих возьтятся в идеалистической песочнице и пищат: только не трогайте нас, оставьте все как есть! Какая уж тут духовность! Животные телодвижения — хотя бы и на второсигнальном уровне. А животным поголовьем заведует господствующий класс. Втягивает его в сферу своего влияния, надевает шоры и ярмо — дрессирует и погоняет. Бердяевская левитация из той же грязи. Сегодня этот «андрогин» прочно занял свое место среди апологетов той самой рыночной «объективации», против которой так пафосно возражал; его активно использует в своих целях реакционная поповщина — весьма далекая от космической любви. Строителям нового мира — он не ко двору. Потому что им нужно не приспособиться к базару — а прекратить базар; не торговать любовью, а любить.

Слишком долгое детство

Если посмотреть на прошлое под определенным углом, может показаться, что длительность процесса социализации, включения детей во взрослую жизнь, неуклонно растет от древнейших времен к нашему времени (капитализм и рыночный социализм). Нет, конечно, вариаций предостаточно, и не все так прямолинейно, — однако тенденция, вроде бы, налицо. Допустим, это момент принципиальный. Тогда, по логике, не следует торопить современных детей: пусть сколько смогут остаются детьми — и это, предположительно, должно оказать благотворное воздействие как на трудовые достижения, так и на развитие личности. Вот этот вывод и пытается всячески обосновать писатель Е. Богат в книге *Чувства и вещи*, — и сетует, что цивилизация как-то уж очень ретиво взялась втягивать молодежь в не самые возвышенные занятия.

Первый вопрос: это про кого? Надо сделать поправку на условия (СССР в разгар «развитого социализма» — скрытая дележка народного достояния номенклатурой и «новыми русскими»), а также адресную аудиторию (те же будущие хозяева жизни, плюс обуржуазившаяся интеллигенция крупных городов). Понятно, что общественные интересы никоим образом в расчет не принимаются — а требуется лишь легализовать кое-что из того, что господа устанавливают для себя в своем кругу, так сказать, явочным порядком. Зачем элитному ребенку ваша социалистическая обязательность? — ему голь перекатная не указ. Но формальности ради приходится где-то числиться: не учиться или работать — а просто так, чтобы откосить. Благородных родителей это, конечно же, возмущает: не дают развернуться младенчески невинной душе, обременяют недетскими заботами (хотя бы и переложенными на кошелек предка).

Кому-то каждая копейка на счету, и лучшие годы жизни тратят не на работу по призванию, а отрабатывают на стройках ради хотя бы комнаты в коммуналке... Да и потом не до роскоши — свести бы концы с концами! Но вот, пожалуйста, с живописной натуры: московские родители покупают женатому сыну (развлекающемуся за границей) большую двухкомнатную квартиру в хорошем районе — а потом передумали и сами в нее переезжают, чтобы сыну отдать свою трехкомнатную: «Они же молодые — им пожить надо!»

Есть разница? Еще какая! Изначально небедные дети до последнего сидят на хлебах родителей, а потом их пристраивают по теплым местам, и следующее поколение тоже предполагается задержать в младых летах. Вот это и предлагается узаконить. Чтобы без оглядки на букву кодекса и неуместной стеснительности — или даже совести, упаси бог! Пусть развлекаются в свое удовольствие, не думая, кому и чем за это придется платить. Не только по факту — но и по праву.

Но допустим (чисто теоретически), что есть в теориях Богата и разумная составляющая. Хотя бы в плане постановки вопроса. С начала 1970-х в определенных советских кругах пошла волна озабоченности проблемой «отрыва от корней»: какие-то все мы стали деловые — лишний раз над цветочком не посюсюкаем, зверушку не пожалеем... Дескать нет у современного человека теплых чувств по отношению к соседям по эволюционному древу — сплошная утилитарность, — и это обедняет душу, якобы способную на большее.⁴ А если дать детишкам время (и деньги) — они гармонично соединят предприимчивость с сентиментальностью и станут не только экономической, но и духовной элитой — конечно же, ради всеобщего благоденствия.

Молчаливо предполагается, что когда-то люди (по крайней мере, самые достойные) это умели. Рождались на природе — и оставались ее частью. А с какого-то момента пошло не так. С какого? Выяснить — и откатить вспять, дать себе еще шанс.

Нетрудно догадаться, что списано это с новейшей буржуазной философии, а к советской действительности приложимо лишь потому, что от капитализма она ушла недалеко — и уже рвется вернуться в лоно. Эмпирическая база однозначно есть: гармоничности людям болезненно не хватает. Не очень понятно, чем приобщение к дикой природе могло бы компенсировать дефект. Было бы неплохо сначала разобраться, откуда что пошло — и тогда уже думать, в каком направлении толкнуть.

Еще до разбирательства, напрягает стремление отыскать панацею от нынешних бед в прошлом. С логикой тут у любителей природы нелады: они же сами только что ратовали за длинное детство как продолжение исторической линии — то есть, не возврат в прошлое, а удаление от него. Допустим, не радуют нас издержки технологического прогресса, его

⁴ Пару десятилетий спустя изобрели новое словечко: *биоразнообразие*. Мы теперь должны объединиться не только с теплокровными — но и рептилиями, и с насекомыми, и даже с микробами — не говоря уже о дикой растительности.

общекультурные последствия. Но голые лозунги «берегите детство!» — или: «назад в пещеры!» — проблемы никак не решают. Прошлое для того и прошло, чтобы не возвращаться. Нужно искать другое. Если идеалы столетней давности уже никого не привлекают и забываются — туда им и дорога: значит, объективно, вреда от них больше, чем пользы. Точно так же, если не все хорошо в настоящем, нельзя раскапывать сегодняшнюю грязь ради куда более грязной грязи из прошлого. Каждое повторение должно становиться шагом вперед.

А нам пытаются впарить абстрактное «возвращение к природным истокам», «слияние с природой». Мало того, что сама идея «попятного движения» — внутренне порочна, большой вопрос — как и что понимать под «слиянием»! Человек вышел из природы — стал человеком, принципиально неприродным существом; так зачем ему краситься под цвет местности и впадать в животность? Вместо того, чтобы куда-то сливаться, — следует разумно отнестись к собственной разумности, всячески ее культивировать, — а через это втягивать в движение природные вещи, лишая их первобытной дикости, окультуривать и облагораживать. Мы признаем свои истоки — но мы уже утекли от них, обросли многочисленными притоками и превратились в мощный поток. Что теперь — опять усыхать до ручейка?

Полагаете, если до седин играть в бирюльки — проснется дивная «способность удивляться», импульс к творчеству? Как бы не так! Удивляться учит разнообразие жизненных задач — настоящих, а не игрушечных. Усматривая животворное удивление в предках разной степени отдаленности, забывают о том, что эти удивительные существа рано становились взрослыми — с нежнейшего (по сегодняшним меркам) возраста. Как обычно, палка о двух концах: дети бедняков сызмальства впрягались в рабский труд — и им было не до удивлений; место духовности занимала вера в чудеса, и жажда чудес, — на чем умело спекулирует религия.

Выходит, дело вовсе не в наивной невинности взгляда — а в классовом размежевании, позволяющим кому-то впадать в восторги за счет других, впадающих в нищету. Где чьи корни?

Мы не хотим превращаться в животных — или винтики мертвой механики. Наше начало там, где заканчивается природная случайность или органическая необходимость, — где мы свободны участвовать в любой деятельности и готовить себя к ней. Вот этих корней нас и лишает классовое общество, цивилизация, — и ее высшая стадия, капитализм,

подменяющий универсальность деятельности универсальностью рынка. Человек разумный — это не единство с природой, а единство с людьми. В конечном счете — природа приходит к единству с человеком, а вовсе не наоборот. Мы для того и существуем в мире, чтобы сделать его нашим миром. И удивиться, как много мы успели за ничтожные по космическим меркам времена.

Отчуждение от природы — следствие отчуждения от людей; отрыв от корней — недоступность творчества, следствие собственнического отношения к средствам производства и продуктам труда. Современному человеку просто некогда удивляться: он отстранен от собственной духовности устройством классового быта, необходимостью следовать за движением рынка, кружиться в его водоворотах. Дать (хотя бы на время) вырваться одному — значит, обречь остальных на новые лишения. Значит, надо думать об изменении самого образа жизни, убрать из нее хаос и дисгармонию, освободить от вечной гонки — всех, а не только детей, — и не только в быту.

Умиляющая буржуазных теоретиков наивность людей прошлого — следствие неразвитости духа, неумения заметить сложность в простом и привести ее к единству. В старину люди, вероятно, чаще воспринимали мир целиком — но только потому, что не видели частей и деталей. Капиталистическое разделение труда раздирает мир в клочья — и связывать разделенное приходится окольными путями, через тысячи рук. Сегодня у ребенка почти нет возможности узнавать мир на ощупь, открывать заново: дети почти все получают в очень опосредованном виде. Вопросы, на которые раньше надо было искать ответ самому, теперь стали частью стандартного образования, ответы уже даны — решения приведены в конце учебника мелким шрифтом. Выучиться бы всю эту премудрость уместно употреблять...

Нормальное развитие требует синкретической основы, из которой каждый мог бы выделить важно лично для него — и по-своему упорядочить. Но такой синкретизм нельзя придумать, дать извне, оградить и искусственно поддерживать на фоне общественных антагонизмов. Он возникает на новом уровне, где в качестве природы — синкретически данная культура, выдвигающее на первый план вовсе не то, с чего начинали дети сотни и тысячи лет назад.

Кажется, что сегодняшние дети «обгоняют» взрослых; это нормально: они развиваются по-другому, спрямляя обходные пути. Только воспитанным по старинке кажется, будто детство укоротилось —

ибо они судят по себе, и формально считают по годам. Но получение энного количество сведений не делает взрослым: никакие экзамены, никакие дипломы здесь не авторитет. Важно уметь принимать на себя ответственность. Чтобы не только равняться на кого-то — но и дать ориентиры другим.

Мы подошли к главному вопросу: что именно мы называем детством? Нет ответа — какой смысл говорить о сроках?

Забавно, что никаких разумных критериев взрослости никто не предлагает — зато есть формальный критерий: возрастной ценз, прописанный местным законодательством. То есть, не помер до — повзрослел. Скончался раньше — безгрешное дитя. Внутри детства — свои подразделения (младенчество, уровни формального образования, юность — и всякие переходные периоды). Для взрослых тоже есть градация — и даже объективные показатели (типа репродуктивной способности и деловой продуктивности); однако и здесь больше ориентируются на формальные границы: кто за сорок — уже никому не нужен, а за шестьдесят пять — просто балласт, и ждут от них только одного: издохнуть поскорей.

Откуда вообще сыр-бор? Да все оттуда же, от предписанного рынком всеобщего разделения труда. Кого на базар пускают — взрослый; кто обязан торговать через посредника — не дозрел. Монаршим юнцам в средние века приставляли регентов; у буржуев — родители и опекуны. А у кого совсем денег нет — не из этого мира, и у них детство от взрослости вообще не отличить — так что и рассуждать не о чем. Но нам-то интересны именно это парии, ненормальные, отбросы цивилизации: мы видим свет в конце тоннеля, нечто новенькое, из чего могло бы вырасти совершенство. Разделаемся с рынком, нет больше классов, — формальные различия между людьми станут никому не нужны. Сама постановка вопроса об отделении детства от взрослости покажется абсурдной, нечеловеческой. Зачем? Есть набор материальных тел, которые надо так привести в движение, чтобы получить еще одного члена общества, полноценного субъекта деятельности. Причем не имеет значения, индивидуальный это субъект или коллектив, — одно от другого, опять же, формально не отделяется, а всякие различия условны и временны — на фоне исторически конкретной деятельности. То есть, обществу будущего не требуется никого относить ни к какой категории, поскольку участие каждого в общем деле от таких отнесений никак не зависит — и никакого различия в отношении одних членов общества к

другим нет и быть не может. Да, мы все разные — но каждый в любой момент свободен изменить выбор и сознательно стать другим. Задача общества — создать такие условия, чтобы это строительство себя протекало по возможности ровно, без технологических и социальных осложнений. Окружающие готовы помочь — но без навязчивости.

Вместо идеи «взросления», относящейся к личности целиком, — идея освоения условно выделенной области культуры. Понятно, что мгновенно ничего не бывает, и надо войти, присмотреться, что-то выбрать для себя и развить в новом направлении, внести свой вклад в общее сокровище. Но даже здесь нет никаких ограничений на творчество, полноправное участие: неважно, в какой мере человек знаком с предметом, — он может поставить знакомство «с нуля» так, чтобы открылись незамеченные до сих пор грани давно и хорошо знакомого. Заметим, что это и есть механизм того самого «удивления», которое нам предлагают воспитывать замороженным детством, — только удивляться мы теперь будем все вместе, и не только природе, но и собственному умению по-человечески к ней относиться, творчески воспринять и преобразовать. Выходит, что двигаться к действительному раскрепощению взгляда придется в направлении, противоположном всякой буржуазности: снять послабления на возраст, принимать детство всерьез — как одну из форм общественного производства, необходимый уровень целого — хотя бы и с возрастной спецификой.

Разумеется, возможность выступать на равных — не только не снимает ответственности за культурные последствия, но и многократно умножает потребность освоения ранее созданного, превращение общей культуры во внутреннюю культуру, культурность. Может показаться, что подобная требовательность не свойственна маленькому ребенку, сознание которого слишком неразвито, чтобы отразить столь сложные отношения — до которых и взрослые-то не всегда дорастают. Мнение ошибочное — и целиком определяется противоположностью взрослых и детей в классовом обществе, где из любых взаимно дополнительных сторон главенствовать призвана только одна. Взрослые смотрят на детей свысока, навязывают им чувство неполноценности; не удивительно, что дети активно сопротивляются теми немногими средствами, которые у них есть: капризничают, вредничают, уходят в себя, или разыгрывают инфантильность. Друг с другом они ведут себя иначе — это совершенно взрослый мир. Дайте понять ребенку, что плоды его труда вам не безразличны — и он отзовется пылким энтузиазмом; взрослому такой

порыв может показаться чрезмерным — но ребенку пока просто не с чем себя соизмерять. На ранних стадиях развития человек осознает свою общественную природу интуитивно, чувством, а не рассудком, — что может быть куда разумнее холодной расчетливости, в которую рынок загоняет взрослых.

Нет детства и взрослости самих по себе — есть уровень развития личной ответственности, и не вообще — а по отношению к конкретной деятельности. Именно отсюда расхожие представления о наивности или детской непосредственности, о свежести взгляда или ребячестве. Каждый взрослый в чем-то остается ребенком — однако цивилизация превращает эту многогранность во внутреннее противоречие, и даже болезнь. С другой стороны, каждый ребенок в чем-то взрослее взрослых, что не только вызывает изумление, но и причиняет массу неудобств: приходится принимать в расчет то, чем обычно принято пренебрегать.

Пренебрежительность не безобидна. Даже если она принимает форму потакания «естественным» детским слабостям — и оправданию любой гнусности наивной природностью маленьких существ, которым лишь предстоит превратиться в больших и разумных. Но в итоге маленькие мерзости складываются в большого мерзавца — и теперь мы удивляемся тому, как такое вышло: все делали для него, ни в чем не отказывали... На самом деле отказывали — в самом главном: в разуме. Детство принято отождествлять с дикостью. А в классовом обществе естественность противоположна культуре — до антагонизма. Взрослые могут этого не знать — а ребенок остро чувствует. От него ждут невоспитанности — пожалуйста, он ее продемонстрирует, — мало не покажется! Он будет орать в пространство, бегать и прыгать по дури, путался у всех под ногами, хитрить с сильными и мучить слабых, — и все время чего-то требовать, в пику взрослым, которые не умеют быть требовательными к себе, и которым требуется лишь тупое, животное послушание.

Но даже маленький ребенок — человек. Он не животное, и не должен вести себя как скотина. И надо не умиляться его культурным провалам, а честно указывать на неразумность и вместе искать пути к разумности. Именно так — потому что «природность» ребенка есть результат недоработок общества в целом, его неспособности создать такие условия, в которых дикое поведение стало бы совершенно невозможным. В этом отношении различий между взрослыми и детьми вообще нет. Культура одна на всех — и только классовая экономика,

основанная на всеобщем разделении труда, разваливает ее на сотни враждебных друг другу субкультур. Тем более важно не воздвигать «научно обоснованные» границы возрастов, а как можно раньше начинать социализацию — задолго до биологического рождения, еще до зачатия. Будущий организм должен сразу оказаться в такой среде, которая делает предпочтительными культурные поступки, подталкивает физиологию в общественно ответственном направлении. В какой-то мере люди научились направлять развитие мозга — но одной лишь нейрофизиологии недостаточно: социализации подлежит организм в целом, и если он недостаточно гибок, чтобы угнаться за нервными импульсами, — надо активно вмешиваться, перестраивать тело, вплоть до насыщения его искусственными «неорганическими» компонентами, встраивания во внешние культурные опосредования. Мы выводим новые виды животных — что нам мешает вывести новых себя?

Ответ: мешает капитализм. Которому люди разумные совершенно ни к чему — а нужна только рабочая сила, хорошо управляемая со стороны. Господствующий класс предпочел бы навсегда оставить большинство населения в дикости — вариант и другая сторона «долгого детства». Однако без развития производительных сил была бы невозможна и детская беззаботность среди богатых — а значит, придется отстегнуть от щедрот, тем самым формально уравнивая бедняков с собой и бросая в пропитанную кровью и потом почву семена будущих бунтов.

Человечество задержалось в детстве, ему давно пора — не взростеть, а покончить с дикостью, отдаться своему настоящему призванию — творческому преобразованию мира. Пока не решена экономическая задача — хотя бы мечтать о будущем, готовить дух к великим свершениям. И понемногу экспериментировать, внедрять в жизнь нормы иной культуры, выходящей далеко за рамки цивилизации. Речь не о сокращении или удлинении детства — курс на его качественное преобразование, чтобы в перспективе оно стало неотличимым от взрослой жизни. Искать и использовать любые технологии для достижения предельной индивидуальности образования и воспитания, построения единой системы непрерывной социализации — при которой никакие формальные сроки вообще не нужны: каждый в своем режиме. С самого начала человек включается в иерархию общественно полезных и культурно значимых деятельностей — то есть, приобретает, помимо физиологии, обширное неорганическое тело, способное взять многие ранее органические функции на себя.

И вот здесь рождается иное отношение к природности — через культуру, вторично, от разума. Не прыгать в восторге вокруг каждого кустика, и не воспевать порхание милых пташек, — а трезво понимать, от чего мы ушли — и сознавать: возвышенно лишь то, что возвысил человек. Так почему не начать с себя?

Пока есть детство — как особое общественное отношение, — его надо обустривать на тех же основаниях, что и вся остальную природу. Не превращать в заповедник дикости — а делать материей человека будущего. Которому все равно, как его называют, — лишь бы воспринимали всерьез.

Когда-нибудь для малолетнего ребенка будет естественно, скажем, программировать производственные процессы — или исследовать структуру решений какого-нибудь интегрального уравнения. Игры (детские и не только) станут более интеллектуальными — что лишь при капитализме противоречит мышечному движению. Разумеется, никаких соревнований, — не говоря уже об играх в войну (включая образы искусства); все это отойдет в историю, и будет вспоминаться лишь изредка, в связи с другими, более насущными потребностями.

Другие ориентиры, другой темп жизни... Конечно, способность тонко чувствовать и находить природную красоту — очень важно. Но прежде всего — надо научиться чувствовать разумное, человеческое, — и только потом примеривать его к явлениям природы.⁵ Нет здесь никакого возврата к корням — просто воспитание и образование, чтобы разумно сочетать разные уровни деятельности, трудиться творчески, разнообразно. Именно в силу всем доступного разнообразия оказывается возможным делать выразительные паузы — смотреть вокруг и замечать неожиданное.

Удивительное не только в природе — но от природы тоже. Универсальность разума — стремление не упустить ни крупинцы. Природа — наше зеркало, и нам хочется, чтобы в нем отразилось нечто прекрасное. Но для этого надо трудиться, привнести в природу себя, окультурить ее. Делая прекрасной свою жизнь — мы учимся видеть прекрасное в природе. Так было во все эпохи. И когда разум возмужает, перешагнет через фрагментарность классовой истории, — мы сможем, наконец, думать не только о корнях, но и о спелых плодах.

⁵ Перенос схем деятельности — обычный способ освоения новых предметных областей. Предмет требует — и мы развиваем схемы, — обновляем себя.

Сумасшедший абстракт

Если на клетке слона прочтешь надпись «буйвол»,
не верь глазам своим.

К. Прутков, *Плоды раздумья*, № 106

Люди в мире для того, чтобы строить мир. Потому что больше некому. Разумные люди пытаются строить разумно У больных людей — и мир больной. Совсем больные — способны что-либо строить только в своем воображении; однако это, может быть, и лучше, чем безумие наяву: в бреде еще бывают просветы — в бредовости бытия их уже нет.

Однако отличить разум от безумия — не так-то просто. В классовом обществе мир вывернут наизнанку: великие идеи сплошь и рядом прячутся под маской суеверных извращений, великие достижения оказываются не более чем суеверием... Не потому, что нас сознательно водят за нос — а как раз в силу незрелости сознания. Но пока других технологий не изобрели, приходится заниматься «добычей радия»: просеивать горы идеологического мусора единого слова ради. Искать в людях то, чего они сами в себе не заметили. Сопоставлять, сравнивать. Делать выводы — с поправками на собственную ограниченность. Общаться со всеми — но не ждать откровений: мудрость не существует в готовом виде — ее предстоит выращивать самостоятельно. В качестве зацепок, центров кристаллизации, — выхваченные из грязи слова. Например, открываем старую книжку и читаем:

Вся философия несостоятельна, если она есть мысль без дела.

Вот, прямо-таки про нас. И Маркс об этом же говорил. Продолжаем выращивать кристалл:

...земля и все на ней находящееся, как и все мироздание, есть результат эволюции слепых сил, даже сам человек, т. е. существо, носящее разум, есть создание слепых сил; все эти силы остаются и действуют до сих пор, но с появлением человека явилась в мир новая сила — разум, действие которого выражается в изучении сил, существовавших до него, и в таком их сочетании, основанном на знании, которое произвело уже множество чудес, давших возможность человеку жить там, где по организации, дарованной ему игрою (по признанию науки) слепых сил, он не мог бы существовать...

Бурные и продолжительные аплодисменты. Которым не надо ни во что переходить. Четко и решительно, полнейший материализм: человек

приходит в мир, чтоб переделать его на новой основе, преодолевая стихийность бытия и собственное несовершенство. Человек — порождение природы; но это вовсе не природное существо, и сама природа с возникновением разума становится другой:

Природа стала сознавать себя в сынах человеческих...

Разум универсален, его задача — поставить под разумный контроль мир целиком, и мы должны ставить вопрос

...об едином истинном разуме, объединяющем всех во всеобщем познании и управлении слепую, неразумную силою (в регуляции), в познании и управлении, постепенно расширяющемся на все миры, на все системы миров до окончательного одухотворения вселенной...

Первым делом, конечно же, надо научиться управлять собственной планетой, в геологических масштабах:

...вопрос идет уже о том, окажется ли способным род человеческий, т. е. разумные существа земной планеты, разрешить вопрос о регуляции, об управлении своею планетою как целым...

Мы будем управлять вулканами, предупреждать разрушительные катаклизмы:

У человека, как существа разумного, есть один только враг — это слепая сила природы; но и этот враг лишь временный и станет другом вечным, когда между людьми не будет вражды, а будет соединение в познании и управлении ею, слепую силою природы, которая казнит за невежество, как казнила в настоящем 1902 году на Мартинике за неверное понимание учеными вулканического процесса.

Но мы не собираемся приковывать себя к одной-единственной планете:

Если Коперник распространил земное далеко за пределы земли, если Кеплер лишил эти земли свободного движения, а Ньютон подчинил и их земному закону падения, *то не следует ли из этого прямо, что существо, самое начало которого совпадает с противодействием падению, всеобщему тяготению, и которое из этого противодействия сделало, можно сказать, закон жизни, которое и в движении кругом земли не подчиняется кеплеровскому закону, — не следует ли из этого, что для такого существа земля не граница?* И если бы во всей вселенной, доступной нашим чувствам, не было ничего, кроме земного, то для существа, для коего уже при самом начале *не все* было *данное природою* и которое постоянно трудится, чтобы заменить рожденное трудовым, превосходящим даже рожденное, — для такого существа распространение земного на всю вселенную будет лишь распространением пределов его собственного существования.

С работами Циолковского автор тогда (в 1902 году) был, по всей видимости, не знаком — тем более, что фундаментальный труд (*Исследование мировых пространств реактивными приборами*) издан годом позже. Но речь не только об освоении ближнего космоса: разум призван призвать к порядку *всю* Вселенную — включая такие дали, куда никакие ракеты не долетят! Человек не просто осваивает природу — он пересоздает ее, делает лучше: ему надо «заменить рожденное трудовым, превосходящим даже рожденное». Здесь автор не только на уровне Маркса — но и превосходит буржуазные вульгаризации Энгельса, склонного (вслед за стихийными материалистами) говорить лишь о познании и приручении сил природы, а не об изменении природы как таковой.

Природа не позаботилась снабдить человека сверхъестественными способностями — и по своей телесной организации он ничем не лучше прочих организмов:

Человек по рождению не царь, как его называют, а самое обездоленное существо из всех живых существ; он пасынок природы. Лишенный покровов, преданный холоду, голоду, болезням, человек на каждом шагу чувствовал близость смерти, и потому из рожденного человек поневоле стал созидающим, строителем своего тела, и вынужден все более и более распространять свое влияние на внешний мир, поражающий его голодом, язвами и смертью. Человек, немощный по природе, могуч по работе, по труду. Нужда, бедность ведет к открытиям.

И эти открытия

...не внутри лишь нас, не мысленное только, не духовное лишь, но и видимое, осязаемое, всеощущаемое органами, произведенными психофизиологической регуляцией (т. е. управлением душевно-телесными явлениями), органами, которым доступны не трав лишь прозябание, но и молекул и атомов всей вселенной движение...

Для этого человек активно вмешивается и в строение своего тела — оснащает его дополнительными органами, использует силы природы, чтобы неограниченно расширить возможности управления природой; именно о таком неорганическом теле писал Маркс — но автор про Маркса ничего не знает и самостоятельно задумывается о том,

что считать силою человеческою — непосредственную ли силу рук или же то, что может он сделать при посредстве сил природы. И можно ли считать пределом человеческой силы, человеческой деятельности то, что мы можем сделать теперь при посредстве сил природы.

И приходит к выводу, что человеческий мозг — лишь прототип будущего человека, не связанного условиями жизни на Земле:

В организме с его чувствующими и двигательными нервами, связанными в мозговом узлу, дан образец для управления всею вселенною...

Надо не ждать милостей от природы, а самому себя творить, ставить вровень с великой задачей:

Возлагать же все упование на слепую силу, надеяться, что она создаст более сильные, с более совершенными органами существа, которые заменят, вытеснят человека, есть полная измена разуму, который останется ненужным придатком, если не через разум будет достигаться дальнейшее совершенствование, дальнейшее созидание органов вместо органов...

Человек изначально — лишь часть природы. Но своим трудом он делает природу частью себя, встраивает в человеческую природу:

Подобает ли существу разумному, волею одаренному, в котором не все только даровое — рожденное, а есть и теперь уже нечто трудовое, самим созданное, — подобает ли такому существу подчиняться силе слепой, невольной.

И только таким способом мир в целом может стать по-настоящему целостным, и в этом призвание человека:

Только регуляция естественного процесса, или слепой силы природы, есть истинное отношение разумного существа к неразумной силе... Регуляция природы — не барство (т. е. не подчинение природы капризу, произволу) и не своеволие (эксплуатация), а внесение в природу воли и разума.

Однако в одиночку никто не сможет пересоздать себя — это дело объединенного человечества:

...человек никакими, в сущности, силами не обладает, а располагать может всеми; человек действует не силою лишь своих рук. Сама природа приходит в человеке к сознанию себя, а это сознание требует, чтобы управление, регуляция, было расширяемо постепенно на все, что остается еще неуправляемым, темным; надо только, чтобы человек не сопротивлялся этому требованию, для выполнения же его нужно лишь соединение всех сил всех людей в труде познания и управления слепую силою природы.

Насущная потребность общественного развития в масштабе всей планеты — преодоление разобщенности, противостояния одних другим:

Человек и будет управлять природою, когда между людьми не будет розни...

Только единство разума делает его тем, через что мир воспроизводит свое единство:

...только по достижении единения родом человеческим (т. е. природою, приходящую в сознание, в понимание самой себя) начнется дальнейшее движение как в этом сознании, так и в управлении природы самой собой чрез род человеческий, который есть та же природа, только пришедшая в сознание.

Люди равны меж собой — и каждый имеет доступ к любым областям творческого труда:

...*всех* сделать субъектом и *все* сделать объектом знания и дела.

В связи с этой принципиально общественной сутью, недопустимо принижать человека, сводить его к природе (или выводить из нее). Надо осознать свое место в мире — а не впасть в дикость:

Сознав себя животными, люди и будут превращаться в животных, т. е. разум будет атрофироваться...

Здесь надежная опора — единство общечеловеческой культуры:

И не с природою слепую одною жизнью надо жить⁶, а с себе подобными, чтобы существа разумные управляли силою неразумною.

Иначе получится так, что

...в теории признают превосходство разумных существ над неразумною силою, а в действительности мирятся с зависимостью от неразумной силы и на практике не только ничем не проявляют своего превосходства над неразумною силою, а, напротив, находятся в полном у нее подчинении.

О людях надо думать, об условиях реальной жизни и путях их всемерного улучшения:

...вопрос о богатстве как излишестве и бедности как недостатках и лишениях, ведущих к смерти, входит в вопрос о смерти, вопрос же о сытости как условии труда и жизни и есть вопрос о жизни, вопрос санитарно-продовольственный.

Для человека, как сознания природы, вопрос естественный, вопрос о природе как силе, которая, рождая, умерщвляет, составляет

⁶ Намек на Баратынского, *На смерть Гете* (1832):

С природой одною он жизнью дышал;
Ручья разумел лепетанье,
И говор древесных листов понимал,
И чувствовал трав прозябанье;
Была ему звездная книга ясна,
И с ним говорила морская волна.

естественное его, человека, дело, ибо это дело разрешает вопрос о голоде, моровых язвах и болезнях вообще, т. е. о старости и смерти.

А вместо этого достижения науки употребляют на буржуйские развлечения, глупые безделушки, всевозможные излишества и разврат:

Эксплуатация, истощение, утилизация вынуждают задаться вопросом: ради чего, на какую потребу истощаются многовековые запасы земли? И оказывается, что все это нужно для производства игрушек и безделушек, для забавы и игры. Приходить от этого в негодование, конечно, нельзя; нужно всегда помнить, что мы имеем дело с еще несовершеннолетними, хотя бы они и назывались профессорами, адвокатами и т. п.

Одна из сторон этой оторванности от народа — массовое невежество, засилье диких суеверий, религиозные бредни:

...действие народ приписывает силе одной молитвы, потому что не знает такого труда, дела, которым можно было бы производить нужное действие на природу в случаях, например, засух, наводнений и т. п. бедствий. И не откажется от этих суеверий, или суеверных действий, живущий с природою, в полной от нее зависимости народ, что бы ему ни говорили, пока не укажут действительного средства, которым он мог бы управлять теми силами, от которых теперь в зависимости. В указании такого средства — а вовсе не в отрицании разумной причины всякого бытия и разумной цели существования — и заключается задача теоретического разума...

Можем мы переломить ход развития и вывести человечество на путь разумного обустройства природы и самих себя? Да, это все еще возможно. Однако

...возможности осуществления этой цели одними словами ни доказать, ни опровергнуть нельзя, — только дело даст такое доказательство.

Такое, вот, занимательное чтиво попало... Но кто этот титан мысли, которому, казалось бы, самая дорога в стан русских марксистов (в 1902 году еще не разделившихся на большевиков и меньшевиков)?

Вы будете смеяться — но это именно тот, кто всю сознательную жизнь убежденно отстаивал лозунг оголтелой реакции: *православие — самодержавие — народность!* Душевнобольной, одержимый бредовой идеей воскрешения предков из мертвых — подобно тому как Христос воскрес после мучительной смерти на Голгофе. Недоучившийся барин, захолустный помещик, никогда не занимавшийся никаким серьезным делом, — и понятия не имеющий о том, чем и как живут подневольные

крестьяне. Бесконечно далекий от трудового народа провинциальный графоман. Николай Федорович Федоров — собственной персоной!

Для нас, конечно, сопоставление с таким персонажем далеко не в радость: есть риск прослыть столь же одиозными психами — подорвать (даже собственное) доверие к нашей разумности и способности высказаться по делу. Обыватель рассуждает резонно: если одно так похоже на другое — оно и в остальных частях может быть с тем же душком, и лучше лишний раз не нарываться. Но мы-то трудимся не для обывателя! — и есть надежда, что наши безумства иного рода, а искатель мудрости скомпилирует из нас нечто близкое его чаяниям, — точно так же, как мы здесь скомпоновали совсем не федоровскую мозаику из федоровских обломков.

Обнадеживает, что не мы одни приобщились к безумию: Федоров пытался пропагандировать свое учение, обращаясь к знаменитостям (включая, например, Толстого и Достоевского), — увлекал поначалу красивыми фразами — удостаивался всяческих комплиментов; однако ни у одного знакомства не получилось продолжения: стоило копнуть поглубже — и бредовость идеи-фикс убивала темы возможного общения. У нас в этом плане очевидное преимущество: мы не собираемся лезть со своим аршином в чужие чертежи — нам достаточно уяснить важное для себя, а любое знакомство пусть останется делом случая. Скрывать нечего, и мы открыты миру, — но все же предпочитаем учиться, а не учить.

История с Федоровым весьма и весьма поучительна. В объективном плане, если пришло время каких-то идей — они обязательно отыщут местечко в культуре, так или иначе проявят себя. Начало XX века — кризис классического капитализма, эпоха перехода к новому уровню развития цивилизации. Критика всего, что мешает движению, — часть этой исторической работы. В классовом обществе — есть критика слева и критика справа. С позиций того, что придет на смену, — или снова поднимая на щит разбитые капитализмом феодальные устои. Именно противоположность этих течений подчеркивает их общее: борьбу с обветшавшими принципами общественного устройства. Но сходятся противоположности не потому, что они внутренне едины, а потому что их усилия направлены (с разных сторон!) на то (или, точнее, против того) что между ними; их объединяет как раз то, что их разделяет!

Парадокс: критика справа бывает намного острее критики слева. Строителям будущего приходится искать сторонников, оглядываться на возможные последствия деяний, — а реликтам прошлого терять уже нечего, и в них свободнее передовой духовности (поскольку она вообще

может выразить себя в заскорузлой душе). Примерно то же — о слишком радикальных воззрениях, которые настолько опередили свое время, что им заведомо не воплотиться в практическое действие — и можно пока уповать лишь на ничем не ограниченное парение духа. Такие, далекие от любых реализаций идеи с точки зрения современности суть чистые абстракции; пока они остаются фривольностями ума — это ничему не мешает, и можно подпитывать революцию исподволь, под маской добропорядочности; если же принимать близко к сердцу и всерьез — тогда болезнь, превращение человека в олицетворенную абстракцию. Человеку плохо — и некоторые вместе с разумом теряют жизнь. Однако бывает и так, что нет у истории иных путей в будущее, и приходится пробиваться через безумие и смерть.

Вероятно, помешательство Федорова на идее «воскрешения отцов» связано с какими-то биографическими деталями: детские впечатления от красочных праздников (глазами барского, а не крестьянского дитяти), переживание отцовской смерти (но матери — будто и не было)... Свою лепту внесли и традиционная ущербность внебрачного ребенка, уость деревенского образа жизни и образования, отторжение бастарда в «приличном» обществе... Вынужденная оторванность от современной культуры перерастает в фанатизм одиночества, культ невежества, упорное неприятие всего, чего в детстве был лишен. Обделенному любовью остаются привязанности, которые так легко принять за любовь, если другого ждать не приходится. Лубочная сказочка о любви к отцу небесному — и воскрешении убиенного; страх смерти и надежда, что умение воскрешать умерших позволит урвать толику бессмертия.

Субъективный урок: уродливое воспитание может изуродовать сколь угодно здоровую личность. При всех талантах — перед нами бесконечно больной человек; когда в нем есть крупица разума — это и ему не ко двору, и окружающим сплошные неприятности.

Но не в субъективности корни проблем. Может показаться, что Федоров сам себя запер в идеологическом тупике, ошибся с выбором направления — и забрел не туда. Так оно и было — но не совсем так. Главная беда в том, что классовое общество равно угнетает все классы, лишает всех необходимой разуму универсальности. Угнетенные не могут пробиться к свету из-за нищеты, сводящей жизнь к животной борьбе за существование; но и угнетателям далеко не все позволено: общество не дает им приобщиться к труду — и обрекает на барство, превращает самые возвышенные идеи в пустые абстракции. Духовное

убожество ползучей инфекцией захватывает не только высшие слои общества, но и ближайший круг рабов.⁷

Идеи — продукты общественного труда; так же, как их творцы, идеи не могут жить поодиночке. Отрыв от целого, замыкание в себе — это бредовая идея. Но если внешнему миру не позволено влиять на движение духа — сохранить это движение возможно лишь порождая все новые фрагменты бреда, имитирующие то, чего внутренний мир лишен. Так возникает эфемерный бредовый мир, отражение темной стороны реальности в черном зеркале душевной болезни.

Боль всегда сказывается на слове — но у каждого по-своему, так что ни один признак нельзя считать симптомом, и лишь все вместе дают возможность поставить диагноз. Федоровский стиль не отличается простотой и ясностью: фрагментарность, странность конструкций, ужасающие длинноты... Но и у Аристотеля мы находим громоздкие периоды, где концов не соберешь. Неумение выстроить мысль, плоское мышление, сваливающее все в одну кучу, — это характерно для большинства современных писателей, так и не преодолевших барьер стилистического синкретизма. Типично для большинства и отсутствие иерархичности, способности развертывать идею по-разному в разных контекстах. Вместо этого — голый лозунг, который увязывают со всем подряд не по внутренней логике, а из глупого ребячества или упрямства. Такая замороженная идея бесполезна в общественной жизни; попытки настоять на своем — лишь подчеркивают пустоту абстракции.

Еще раз подчеркнем: даже сумасшедший абстракт не возникает сам по себе — он следует из логики общественного развития и выражает эту логику одним из возможных на данном этапе способов. Справедливый протест, критика слева и справа, требование изменить мир, — это нормально. Ненормальность в том, как мы переходим от слова к делу, от критики к революции. И здесь еще один парадокс: предложения Федорова смелее и радикальнее социалистических программ; пока марксизм заботится о демократических реформах и думает лишь о том, от чего следует отказаться, — Федоров изобретает очередную утопию, совершенно несбыточную, — но его мысль таки о будущем, а не о

⁷ В одном из писем мадам де Севинье (от 22 июля 1671 года) рассказано, как в страдную пору все обитатели поместья (включая не только челядь, но и придворных дам) выходят в поля ворошить сено — а один лакей наотрез отказывается, считая такие работы ниже своего достоинства.

прошлом! Это прямое следствие концентрации социалистов на критике капитализма — мыслями они в прошлом:

феодализм -----> капитализм <----- социализм
 прошлое -----> настоящее <----- будущее

В любом случае, критика (справа и слева⁸) упирается в критикуемое, подчиняется ему и ограничена им. Если же на первое место выдвинуть не критику, не разрушение, а созидание, — тогда будущее становится локомотивом, вытягивающим человечество из капитализма в социализм, и этому движению нет границ; напротив, двигаться из прошлого — значит неизбежно наткнуться на барьер, и дальше все равно ходу нет:

феодализм —————> капитализм —————> социализм

Поэтому реальных перспектив у апологетов пещерности быть не может, и федоровский «проект» не идет дальше прожектерства, абстрактной мечтательности (совершенно в духе Бальзамина): научить попов, что проповедовать, а царя — как править... То-то будет весело!

Разумное ядро всей этой бальзаминощины — призыв сознательно строить новый мир, не полагаться на игру стихий, самим вершить свою судьбу. Безжизненные абстракции — безумная попытка посягнуть на устои буржуазного бытия и сознания, обещание иллюзорной свободы; однако несбыточность идеала — не повод отказаться от идеалов вообще: достаточно избавиться от их иллюзорности.

По форме — очередная апология мифического золотого века и призыв вернуться к этой выдуманной идиллии; но речь таки о том, как устраивать будущее — хотя бы и воссоздавая какие-то черты прошлого. Заметим, что и классики марксизма твердили о возрождении чего-то из первобытной общинности на новом уровне. У них все ограничилось абстрактной декларацией — а Федоров рисует подробный (хотя и бредовый) образ сельской общины нового типа, где каждое село не только регулирует природные процессы (в космическом масштабе), но и становится хранителем высшей нравственности и культуры, своего рода музеем-университетом. Вспоминаем классика марксизма [18, 276–277]:

[...] было бы чистейшей утопией желать, подобно Прудону, произвести переворот в современном буржуазном обществе, сохраняя

⁸ В европейской традиции принято рисовать ось времени слева направо; из-за этого идеологи правых на временной оси оказываются слева от текущего момента, а левые размещаются справа... Но в данном контексте все равно, как что назвать.

крестьянина как такового. Только возможно более равномерное распределение населения по всей стране, только тесная внутренняя связь промышленного и земледельческого производства наряду с необходимым для этого расширением средств сообщения, — конечно, при условии уничтожения капиталистического способа производства, — в состоянии вырвать сельское население из изолированности и отупления, в которых оно почти неизменно прозябает в течение тысячелетий.

В чем отличие? Энгельс тоже за расселение городов — при условии индустриализации сельского хозяйства и налаживания логистики. Однако по Энгельсу — такое изменение способа производства будет сопровождаться изменением участвующих в производстве людей, когда исчезнет как само различие промышленного и сельскохозяйственного труда, так и противопоставление одного другому в мышлении. Напротив, Федоров полагает, что каждый крестьянин уже сегодня готов жить по-новому, — и достаточно лишь уничтожить города (вместе с промышленностью), чтобы буржуазная зараза не разъедала благодать патриархальной умиротворенности. В защиту этого он приводит такие аргументы, которые заставляют подозревать что изолированность и отупление окончательно выели федоровские мозги...

Но мы еще раз подчеркнем: просто так с ума не сходят — тому всегда есть очень веские основания. Возможность идеи — заложена в способе производства; до чего не додумался Федоров — то с лихвой воспроизведут на вид вполне здоровые (и хорошо оплачиваемые) писаки наших дней, столь же далекие от интересов трудового народа и не только лишенные элементарной образованности, но и считающие многознание предосудительным.

Средневековый феодал считает свои владения центром вселенной — и враждебно относится к городу, который живет какой-то другой, непонятной барину жизнью, — да к тому же сманивает работников с земли: барщину взвалить не на кого! Сколько раз феодалы воевали с городами; но как с ними сладишь, если царствующая особа не рвется в деревню — и дарует городам всяческие привилегии...

Город угрожает феодальному укладу, мешает продлиться в будущее. Федоров натывается на барьер капитализма — и хочет его просто отменить, полагая, что все по-настоящему полезное можно произвести не отрываясь от сохи:

...истинно кустарное производство вполне противоположно производству мануфактурному, городскому, отличаясь не внешней красотой и привлекательностью, а прежде всего прочностью, имея в

виду удовлетворение не прихоти, а действительных потребностей. Истинно кустарная промышленность освобождает селяниновичей от фабричной тюрьмы, от фабричного заключения и возвращает их к земле и к открытому небу...

Чуть позже — Н. К. Крупская умиляется тем, как поступивший на завод крестьянин «начинает сознавать себя каким-то винтиком, колесиком общего механизма». Нет в этой механике ничего хорошего — и здесь абстракт Федоров реалистичнее большевистских абстракций. Однако еще глупее закрывать глаза на невозможность обойтись силами одних лишь кустарей — в силу их полной зависимости от поставок сырых материалов и орудий труда, а также невозможности своими силами перекрыть весь спектр производственных и бытовых потребностей (любой же обмен — это уже выход за рамки натуральности). Но Федоров ни с какими технологиями не знаком, и предметы его личного потребления кажутся ему упавшими с неба. Изредка поиграть в патриотизм, вытершись рушником или хлебнув кваса из бадьи, — это одинаково умеют и помещики, и буржуи...

Через сотню лет — все та же напасть. Империалисты-глобалисты один в один повторяют доводы феодала Федорова — и призывают к истинно «зеленому», кустарному производству, и приставка «био» лепится к чему угодно (теперь уже вместе с приставкой «нано»). Например, современное французское телевидение кишит сюжетами о мастерах-одиночках (или семейных предприятиях), у которых самые вкусные вкуснятины, самые полезные полезности, самые красивые красоты... Культ кустарного труда (*artisanat*) — во Франции древняя традиция. Однако именно здесь как нигде заметна грубая реальность: практически все средства производства и предметы массового потребления — продукт крупной индустрии, о которой телевидение предпочитает умалчивать (за исключением нескольких тематических циклов на не очень популярном научно-техническом канале). Никакой кустарь не произведет жизненно необходимую для общества массу продуктов питания, одежды, бытовых приспособлений; кустарные изделия намного дороже — и доступны лишь богачам, становясь для них теми самыми «игрушками», против которых так ополчился Федоров. Борьба с голодом и болезнями руками кустарей — полный бред; история всех стран мира это наглядно показывает — но Федоров не интересуется такими фактами, ему бы повелевать мирами... В пылу полемики он не замечает, что столь превозносимые им змейковый аппарат и аэростат —

порождения промышленной революции: в кустарных условиях ни о чем таком и мечтать нельзя. Провозглашая принцип объединения воинской повинности и общеобразовательной школы, он упускает из виду, что взрывчатые вещества и прочее вооружение, которое там предлагается изучать, — тоже далеко не кустарщина. Опять же, здесь нынешние пропагандисты ничем не разумнее: они тоже «забывают» упомянуть технологическую насыщенность и экологическую вредность всех без исключения средств войны — и убийственность войн как таковых.

Объективно, общество будет развиваться в направлении все более индивидуализированного производства, с переходом от массового продукта к оперативному изготовлению под заказ. В каком-то смысле, федоровские идеи можно считать ранним выражением этой тенденции, гениальным предвидением; сам Федоров о сути своих высказываний не догадывался — но такова судьба многих первооткрывателей. Тем не менее, гибкость и подвижность требуют развитой инфраструктуры, эффективности грузопотоков и средств связи; это ближе к Энгельсу. Распределенное производство — уже не кустарное: оно лишь по форме напоминает индивидуальный труд, а по сути это доведенный до логического предела общественный процесс, когда каждый член общества способен стать его представителем. Только широчайшее обобществление средств производства (а что не становится таковым?) способно преодолеть любые технологические ограничения и обеспечить всех всем необходимым для жизни — что в конечном итоге снимает само различие «прихоти» и «действительных потребностей» (определимое только в терминах противостояния классов). Но при таком раскладе исчезнут и всяческие захребетники, включая сельских феодалов, от которых разоренные поборами крестьяне бегут в столь презируемые всеми города. Это не вопрос «соблазна» — это шанс выжить. Федоров цитирует Н. С. Лескова:

В общинах ли будет жить русский мужик «на кошащем наделе», подворно ли он будет владеть таким куском земли, что курицу некуда выгнать, — в обоих случаях ему придется погибнуть.

В самую точку! Общественное неравенство обрекает одних на лишения и смерть — чтобы другие предавались излишествам. А у Федорова — абстрактное противопоставление:

...решение ли вопроса о богатстве и бедности (вопрос социальный) или же решение вопроса о жизни и смерти (вопрос естественный).

В классовом обществе (где только и существуют богатство и бедность) это не два разных вопроса — это один вопрос! Но по-федоровски противостояние классов — изобретение горожан, а на селе все от природы (воображаемой, лубочной, — в которой волки, конечно же, не кушают агнцев — а лишь христосуются с ними)... Поэтому давайте потребуем

...замены вопроса о бедности и богатстве вопросом о смерти и жизни, вопросом, общим для богатых и бедных...

Вот лучший подарок буржуям и попам! Они испокон веков трубили о «социальном партнерстве» — а в античном Риме христианствующие богатеи мыли ноги рабам в знак единства во Христе. Федоровская «замена» означает прежде всего переход от критики капитализма к его апологетике.

Барин не понимает, что вопрос о жизни и смерти *никогда* не был общим для богатых и бедных; напротив, их взгляды диаметрально противоположны! Жизнь одних напрямую увязана со смертью других. Отсюда, между прочим, следует, что только устранение классов снимает вопрос о жизни и смерти — ставит и то, и другое под сознательный (то есть, общественный) контроль. За что сам же Федоров всячески ратует, не замечая как в остальном противоречит себе, ставя природное выше созданного человеческим трудом.

Впрочем, когда заходит речь о личном благополучии о логике и последовательности позволительно забыть. Лично Федорову присвоить плоды чужого труда — сам бог велел; а городские Федорова обижали — за это мы откажем им в праве называться истинными джентльменами, всегда готовыми похристосоваться с рабами:

В сельском быту [...] различие между богатством и бедностью только количественное, а не качественное, как в городах; в последних богатые и бедные по образу жизни так между собой различаются, что представляют из себя как бы две совершенно различные породы, неспособные даже понять друг друга.

Вероятно, по наущению горожан крестьяне тысячи лет жгли поместья и убивали помещиков, а при первой возможности убегали в город от этой «однокачественной» с баринской жизни... После чего бары с полным пониманием и сочувствием охотились на беглых и расправлялись с пойманными с показательной жестокостью — чтобы другим не повадно было.⁹ Для холопа лучше покончить с собой, чем попасться в лапы «доброжелательному» барскому правосудию.

⁹ В ставропольском краевом музее выставлена длинная коса с мясом оторванная с головы крепостной служанки озверевшей барыней. Такое, вот, взаимопонимание.

Мы подошли к главному «пасхальному» вопросу: воскрешению всех умерших:

...пока бессознательное рождение сынов отцами не обратится в сознательное, светлое воскрешение сынами и дочерьми родителей, до тех пор не будет и братства. Только в естественном, сознательном деле воскрешения люди, т. е. сыны, познают друг друга и сделаются братьями и даже не могут не сделаться таковыми.

Тут у Федорова монбланы путаницы. Прежде всего — воскрешать предполагается только отцов: про «родителей» вообще — только один раз, в вышеприведенном фрагменте; дочери тоже почти нигде не упоминаются (кроме как в роли проституток, жриц разврата). Но даже здесь четко указано: *люди, т. е. сыны*. То есть, женщины — заведомо не люди. Соответственно, есть только братство — а сестратства не предполагается. Остается тайной и статус покойников, не достигших репродуктивного возраста (а дети в старину мерли массово — да и сегодня молодые погибают табунами на какой-нибудь войне). Сынов у них вроде как нет — кто оживлять будет? С другой стороны, у многих и могил не осталось: мало ли где пожар, или утонул, или дикие звери сожрали... Опять же, военные жертвы иной раз по клочкам не соберешь. А как быть с утраченными органами? — калек в мире миллионы, каждый день новых прибавляется. В каком виде восстанавливать?

Что общность цели объединяет — это само собой понятно. После выполнения главной задачи (воскрешения)

...для объединения и необходимо даже, чтобы у всех было одно общее дело; и только при этом братство не будет пустым и бездельным; таким занятием может быть земледелие.

Почему у людей должно быть только одно общее дело — автор не объясняет; по нашему разумению, у людей будущего все дела будут общими, независимо от того, кто чем конкретно будет занят в каждый момент. В свете космической доктрины Федорова ограничиваться вспахиванием одной-единственной планеты — как-то странно... Во вселенной много дел — почему бы не делать их сообща?

Точно так же, когда наш пасхальный авторитет торжественно провозглашает, что, дескать, «объединение в *одном* деле приведет и к *единомыслию*» — у нормального человека возникает резонный вопрос: а на хрена? Зачем всем думать одну и ту же мысль? Тогда кого-то одного было бы достаточно. Парадокс решается просто: в том же контексте читаем, что думать тут полагается только одному человеку —

царю; всем же остальным — «соединение общеобязательного образования с общеобязательною воинскою повинностью», то есть, военной палкой царскую мысль доведут до всеобщего сведения, а все споры-раздоры царским указом запретят: ни тебе внешней войны, ни внутренней... Очевидно, что при таком разделении труда следует трактовать разум теоретический «как отживающий», чтобы разум практический, «как нездоровый», был доведен до зрелости путем воспитания, т. е. участием во всеобщем познании и деле» (армейской службе и земледелию).

В качестве экскурса в сторону от этого черного юмора, обратим внимания на странность ассоциации: воскрешение предков — и пасха. Складывается впечатление, что колокольный звон вредно действует на психику: ничего общего между евангельской сказкой и федоровской теорией усмотреть при всем желании невозможно. По библии — Христос (бог-сын) отнюдь не воскрешает бога-отца, а наоборот, сам воскресает по воле папаша; у Федорова — все с точностью до наоборот. Путать *воскрешение* и *воскресение* — как-то совсем по-деревенски... Кроме того, если уж на то пошло, Христос и в библии вовсе не воскресал, а лишь посмертно *являлся* верующим; понятно, что способный поверить в привидение вполне может убелить себя и в способности «вложить персты» в якобы раны. Если бы мифический персонаж действительно воскрес — он так и продолжал бы жить среди людей, как люди, — и мог бы снова нарваться на неприятности; поскольку ничего такого в писании не упоминается, светлое христово воскресение следует истолковывать чисто метафорически, в смысле вечной памяти; в этом смысле и Ленин вечно живой (а где-то даже и Федоров).

Про религиозные бредни чуть ниже — а пока вспомним о разном качестве жизни у богатых и бедных, в городе и (тем более) на селе. Считать жизнь абсолютной ценностью может только тот, кому не довелось хлебнуть лиха, — благополучный барин на попечении десятков покорных слуг. Для таких жизнь — синоним богатства; про бедность они знают только теоретически — а теоретический разум, по Федорову, есть явление отживающее. Даже если лично господин Федоров не особенно роскошествовал — это лишь плюсики в его персональном досье, при том, что разница между богатым помещиком и деревенской беднотой никак не меньше, чем отличие благочестивого, скромного в пище и еде (но безмерно жестокого) халифа Умара от вывезенных из Египта рабов (один из которых в конце концов убил Умара и покончил с собой).

Спрашивается: кто мечтал о смерти как долгожданном избавлении от мук — будет ли рад возвращению в ряды мучеников? Это лишь у французского барина Лафонтена дровосек призывает смерть только подсобить с тяжелой поклажей; по жизни люди предпочитают сделать шаг в пропасть — но не терпеть бесконечность телесной и душевной боли. Правда, узаконить это взялись только недавно; до того — тысячи лет приходилось идти на лишние мучения ради вечного покоя. Но вот, вылезает сумасшедший Федоров — и требует лишить покойников завоеванной с таким трудом привилегии больше ничего не претерпевать. За что??? Изощренный садизм. Кто уполномочил г. Федорова решать за всех, не спрашивая индивидуально разрешения? Если лично ему жить нравится — пусть живет, но не мешает другим делать свой выбор. Разумный человек не будет содействовать ему в нехорошем деле. Нашему воскресителю ничего не остается, как призвать на помощь палочную дисциплину: посадить над всеми (правильно воспитанного) царя, а остальных забрить в армию, которая в этом случае утратит собственно оборонительные и завоевательные функции: и останется лишь органом классового насилия, удержания в узде расселенного по селам (и по казармам) народа. Так осчастливливание по-федоровски превращается в насильственное участие в насильственном воскрешении тех, кто вовсе об этом не просил; поскольку отцы также не спрашивают разрешения у своих (вовсе не жаждущих являться на свет) отпрысков — возвращение долга выглядит отнюдь на пасхально: это кровавая *месть!* Ветхозаветный принцип: око за око, зуб за зуб...

Не вписывается в федоровскую концепцию и нравственный идеал: способность отдать жизнь за общее дело. Не положено. Сидеть каждому в телесной клетушке — и трястись от страха: а вдруг кто посягнет? Может такой зверек, следуя Федорову, пожертвовать своей жизнью ради чьего-то воскрешения? Да никогда! Утопичность проекта — следствие изначальной противоречивости.

Чисто технически, задача воссоздания кого-то из прошлого во плоти вполне решаема — и Федоров реалистично описывает возможные пути:

...достигнуть чрез всех, конечно, людей познания и управления всеми молекулами и атомами внешнего мира так, чтобы рассеянное собрать, разложенное соединить, т. е. сложить в тела отцов, какие они имели при своей кончине...

Действие это состоит [...] в собирании рассеянного праха и в совокуплении его в тела, пользуясь для сего и лучистыми образами,

или изображениями, оставляемыми волнами от вибраций всякой молекулы

Нынешние планы возрождения поголовья мамонтов и тираннозавров идут совершенно в том же русле. Искусственный интеллект и методы глубокой имитации (deep fake) указывают, что и люди потенциально воскрешаемы. Вероятно, поклонникам рок-звезды приятно лишний раз увидеть своего кумира на сцене. Но для искусства такие повторения бесполезны — и смертельно скучны. Точно так же, продолжать уже завершенную биографию (в духе пошлых сериалов) — все равно что миллионный раз рассказывать всем надоевший анекдот.

Разум — бесконечное разнообразие. Остановиться, замкнуться в чем-то одном, — это смерть. В частности, для разума важно менять воплощения, и для этого используется (помимо всего прочего) природная конечность органических тел (подобно рабочим циклам тепловой машины). С другой стороны, человек — не биологический вид; человек — это его труд, и плоды труда. А всякий труд предполагает переход к другому труду, смену и развитие деятельности. Когда Федоров предлагает ограничить всех (включая воскрешенных) единственным делом — это уже не живые люди, а зомби; федоровская утопия оказывается населенной только мертвецами. Соответственно, высшая цель состоит в «управлении землей, как кладбищем».

Тут следующий острый вопрос: люди очень разные, а в классовом обществе далеко не все могут служить образцом добродетели (как бы ее ни понимать). Более того, в человеческой истории высоко нравственных экземпляров — раз, два, и обчелся... Федоровский проект — раздолье для мерзавцев и убийц, которым возможность еще нагадить — верх блаженства. Народ понимает восстание, сбрасывает кровавую диктатуру ценой тысяч жертв... — а тут сверху указ: оживить главного палача и снова поставить у власти! Сразу видно, откуда у федоровской бредятины ноги растут: это всего лишь животный инстинкт самосохранения правящего класса, нежелание уходить со всемирной арены, стремление вечно ездить на горбу трудового народа.

Думаете, воссозданные добрым барином паразиты сами собой перевоспитаются и станут ангелочками, ко всеобщему умилению? Ничего подобного! — именно они как никто умеют подгрести под себя любую организацию, приспособить любой общественный строй для обслуживания самых нелепых прихотей. Абстрактно-утопическое царство тут же станет вертепом разнузданной коммерции и разврата.

Тем самым Федоров ратует как раз за тех, кого он публично не любит. Если же предполагается перед воскрешением какая-то чистка-смазка-юстировка (чтобы превратить злых людоедов в добрых товарищей) — выходит, что воскрешать мы будем не убиенных как таковых, а кого-то совсем другого, лишь внешне похожего. От исходной идеи не остается камня на камне. Впрочем, промывка мозгов — тоже вполне буржуазная тактика, и мимо этого рубежа все равно не проскочить.

Учитывая, что человек возник отнюдь не единомоментно, можно поинтересоваться также и принципом отбора достойных воскрешения. От каждого тянется в прошлое генеалогическая цепочка; корни переплетаются, и далеко не очевидно, как понимать родство: над этим тысячи лет ломают голову (иногда не только свою) законодатели всех стран. Разные касты не жаждут породниться друг с другом. Но даже если помирятся — откуда отсчитывать историю? Пять тысяч лет назад — вроде бы, уже люди; а неандертальцы? — а питекантропы? — или сдвинуть границу на три миллиона лет назад? Почему тогда не предки из животного мира? — то-то бы радость современным поборникам биоразнообразия! А так дойдет и до первых органических молекул — их тоже пересоздать? С тем же успехом — потребовать восстановления первоначального облика земли, какой она была четыре с половиной миллиарда лет назад, до зарождения жизни. Да и вселенную неплохо бы вернуть к большому взрыву... Для разума в этом безумии места не предусмотрено. Значит, на пустое место просочится религия.

Мы уже видели, что народность в федоровском понимании сводится к лозунгу «назад в пещеры!» (то есть, поближе к земле, к могилам). Несознательное большинство заботы не ценит и увлекается городскими «игрушками»: даже в сортир не может без удобств. Не хотят миром. Прямо как дети малые. Отсюда мечты

о самодержавии, в коем власть над себе подобными заменяется властью над слепою силою, что и ведет к совершеннолетию, к действительному умиротворению, т. е. к доброволию, а в доброволии и заключается сущность самодержавия.

Царь вместе с народом станет исполнителем дела Божия, и бедность существа человеческого, бедность естественная, не говоря уже о бедности искусственной, превратится в «богатство неветшающее»...

Таким образом, суть федоровского проекта — вечная нищета, в том числе духовная. Не для всех, конечно. Самодержец не в счет, да и лично Федорову причитается за благую весть... Под слепою силою, очевидно,

понимается сопротивление рабов, которые, конечно же, никаким местом не подобны просвещенному самодержцу и норовят на каждом шагу сбиться с пасхального пути, не желая добровольно гнуть спины на чужого дядю; значит, добрую волю придется воспитывать. Для этого вводится всеобщая воинская повинность — сугубо добровольно! — а шпицрутены, так и быть, допускается стыдливо переименовать:

Разоружение, или обращение орудий истребления в орудия спасения, в орудия возвращения жизни всем жертвам войны и всякой борьбы, — вот положительный и определенный ответ на вопрос, что такое православие...

И далее открытым текстом о сути религии, о ее роли в классовом обществе:

Для своего осуществления естественное дело, т. е. воскрешение, требует двух объединений: объединения внешнего, которое может совершиться чрез самодержавие, и внутреннего — чрез православие...

То есть, светская власть занимается вопросами экономики и права, регулированием взаимоотношений граждан, которых может становится больше за счет захвата территорий и сфер влияния; в качестве другой стороны того же самого — регулирование духовного производства, управление внутренней жизнью каждого, принуждение не только действовать, но и думать как велят. Так откровенно и классики марксизма не выражались...

Центральный пункт всякой власти — подавление инакомыслия, вплоть до физического устранения оппозиции. Как обычно, светские апологеты религии в пылу защиты святого дела выбалтывают неудобные тайны, о которых официальная церковь предпочитает умалчивать — или даже отрицает с негодованием. Но Федоров рубит правду-матку:

Христианство никогда не было терпимостью, оно или себя отдавало на казнь, или само казнило. Если последнее есть зло, то и первое еще не есть благо.

В новой кладбищенской (пardon! — пасхальной) религии настоять на своем — дело принципа:

Терпимость, эта жалкая, истасканная добродетель, порожденная отчаянием, выражает дряхлость. Что хуже: гнусный ли фанатизм или же пошлая терпимость?..

И заодно выставить напоказ классовую природу традиционных религий:

...вопрос же о смерти и жизни должно отождествить с вопросом о полном и всеобщем спасении вместо спасения неполного и

невсеобщего, при коем одни (грешники) осуждаются на вечные муки, а другие (праведники) — на вечное созерцание этих мук.

Еретик прямо-таки просится на костер! Ему подавай полное единство и единомыслие! — а на ком тогда начальству ездить?

Человек и будет управлять природою, когда между людьми не будет розни, когда не своеволие, а доброволие они будут вносить в мир и когда, следовательно, станут орудием Божественной воли.

...это будет освобождением от рабства слепой силе и подчинением воле Божией вместо отрицания божественной воли, на которое бесплодно растрчивала свои силы философия.

В принципе, идеал светлый — но совсем не христианский. Всеобщее согласие и содружество — это замечательно; но при чем здесь бог? Если люди смогли договориться меж собой — они и без небесного начальства обойдутся; если же они остаются всего лишь орудиями чужой воли — где «доброволие»? Вместо одного рабства нам навязывают другое — какой смысл? Человек — носитель разума. Если бог вне человеческой разумности — он и есть неразумная, слепая сила; зачем нам это терпеть? Если же промысел божий совпадает с разумными стремлениями — бог просто один из нас, и общаться с ним мы можем на общих основаниях, по-человечески. В этом контексте вера уступает дорогу мудрости, философии — учению о единстве мира, а вместо главенства — мы стремимся к сотрудничеству и взаимодополнительности:

Догмат и обряд находятся в таком же отношении между собою, в каком философия к искусству; но что выше — первая или последнее?..
Можно ли ради отвлеченной мысли отказаться от поэзии, живописи, архитектуры?..

Избавьте нас от догматов и обрядов — и дайте самим устанавливать принципы деятельности и пробовать разные формы рефлексии (которая так или иначе надстраивается над способом производства).

Но вместо этого — знакомая со времен Древнего царства и классической античности триада:

Бог, человек и природа

с раз и навсегда установленной иерархией подчинения:

человек является орудием божественного разума и сам становится разумом вселенной

Доктрина заведомо дохристианская — именно разумности-то в ней и не хватает. Не жить своим умом — и не только не критиковать начальство,

но тащить за собой заветы давно (и ко всеобщей радости) скончавшихся начальников:

Познайте себя в отцах, и отцов в себе, и будете братством сынов; тогда осуждение (критика) заменится искуплением, искуплением не словом лишь, а делом, т. е. воскрешением, и тогда будем воистину учениками Христовыми.

При чем здесь Христос — неизвестно даже барину-богостроителю. По уму, если что-то достойно осуждения — его надо осудить, а не молчать в тряпочку. С другой стороны, чего ради нам что-то искупать? — чем и кому мы обязаны? Нормальному человеку что поповское рабство, что отцовское — все едино.

Буржуазный индивидуализм — не сахар; но родовое насилие еще хуже. Собственно, капитализм и развивается на смену этой власти стада или стаи — выдвигает ей на смену главенство рынка, когда люди хотя бы формально берут на себя ответственность за свое будущее, сбрасывая вековой гнет всевозможных отцов — в том числе святых.

А тут — якобы формула открытия, портрет новой религии, которую Федоров по одному аллаху известным причинам отождествляет с учением российской церкви. Остальные вероисповедания — запретить. Если и русская православная церковь (в лице ее начальства) не понимает прелести пасхального идеала — тем хуже для нее: на попов тоже найдутся воспитатели, которые палочным порядком осуществят

синтез науки и искусства в религии, отождествляемой с Пасхой как великим праздником и великим делом.

Вспоминается, как бывший социалист А. Богданов создал собственную доктрину с громким названием *эмпириомонизм* — а потом заявлял, что лично он знает только одного эмпириомониста — лично Богданова... Примерно так же обходился с христианством Н. Бердяев; практически все апологеты истинно религиозного вероучения на деле подставляют под одно из знакомых имен эклектическую мешанину собственного производства, даже отдаленно в родстве не состоявшую с признанными обладателями товарного знака. Типично буржуазная тактика: любая реклама зиждется на подмене терминов, призванной образовать ассоциацию рекламируемой дряни с чем-то приятным, полезным или модным (или хотя бы верноподданническим). Здесь Федоров снова встает в ряды тех, кто ему, якобы, не друг.

Как известно, все религии восходят к синкретическому культу предков, который впоследствии расщепляется на три ветви: предки

животные (тотем), предки земные (лары, гений-хранитель), предки божественные (прародитель или творец). Важно постоянно иметь в виду, что религия не предполагает никакой веры — и запросто выстраивается вокруг произвольного набора воззрений; для религии важна прежде всего форма — которую можно наполнять разным содержанием в разное время при разных обстоятельствах. Предметом культа становится все что угодно; насаждение культов — неотъемлемая черта современной буржуазной пропаганды: один культ сменяется (или дополняется) другим — легко принимается и легко забывается. Всевозможные группы по интересам (типа общества любителей пекинской утки) — ничем принципиально не отличаются от традиционных религий: есть устав, есть обрядность, есть идеологическая верхушка, врастающая в систему права (например, борьба за торговую марку или *appellation d'origine contrôlée*). Вера относится к религии примерно как обычай — к праву: сначала кодификация имеющегося (каноническая библия, усмановская редакция корана, даосский канон...) — потом, наоборот, формальные предписания права и религии трансформируются в бытовые привычки или предрассудки.

Практика богостроительства — для классовой культуры явление вполне нормальное. А начинает каждый с того, что ему ближе по жизни; в частности, правящая верхушка в правовом плане опирается на институт наследования, а в религии это получает отражение как родительская власть и почитание старших, культ предков (включая мифического первого предка, животное или бога). Для феодала, конечно же, на первом месте его феодальное наследство — и Федоров ничего другого не знает и не признает:

Только в селах, и притом в селах, не испорченных городским влиянием, становится понятным культ предков, праздник Пасхи, с которым отождествляется все православие.

По Федорову

Живая религия есть лишь религиозизация, т. е. возведение в религию, вопроса о смерти и жизни, или вопроса о всеобщем возвращении жизни, о всеобщем воскрешении.

Религиозный конструктивизм — открытым текстом: берем первую попавшуюся идею — и объявляем ее религией. Этот культ предков по сути не отличается от первобытного:

Живою является религия в сельском язычестве, которое не только хоронит, погребает зерно и сеет своих умерших, но и верит, что

своими хороводами (хор — солнце, отсюда Хоросан — страна солнца), подобием солнечному бегу, возвращает солнце от зимы на лето и животворною силою этого светила возвращает зерно и воскрешает умерших, воскрешает, конечно, лишь в живом воображении народа.

И вот это Федоров (с лингвистическими экскурсами в духе «народной этимологии») называет православием! Скажите российскому патриарху, что он всего лишь сельский язычник — думаете, поверит?

Интересный момент федоровской тирады — прямое указание на «религиозизацию» традиционного образа жизни: способ производства превращается в производство способа. Пока нет этой формальности — возможна лишь вера, наивная метафора. С другой стороны, здесь один шаг до обычного представления о возрождении предков в потомках, духовном наследовании. Возрожденные предки — это *мы сами*, и не надо никого специально воскрешать. Безумие — понимать иносказания буквально, абстрактно, вне контекста. Федоровская религия мертвецов столь же далека от живой народности, как сам сельский барин — от работы на земле. Живая абстракция — практический прием, полезная схема, применимость которой вытекает из организации жизни и зависит от конкретной деятельности. Сумасшедший абстракт — полагает, что его представления об истине и есть истина: дескать, хозяин — барин: его слово закон! Точно так же, математики сходят с ума на почве глюка в мозгах: математические абстракции, которые выражают лишь какие-то частные стороны реальных вещей, они принимают за вещи как таковые, сущие сами по себе и безусловно всеобщие.

Подобного «православия» в федоровских трактатах — штабелями. Разумеется, с цитатами из (православной) библии — которые столь же легко перевернуть и передергивать, как и остальные вероучения. Но мы тут не за чистоту «истинной» религии — нам они все поперек разума! Наши блуждания по сумрачным отвлеченностям — в поисках любви. Про это господа в рясах, чалмах или ритуальных масках говорят, вроде бы, много и охотно. Хотя и без особых на то оснований. Но таки брезжит надежда: а вдруг за этой кривостью прячется что-нибудь настоящее — и дурные тексты возникают лишь из-за неумения выкладывать суть ясно и откровенно? С другой стороны, ребусы тоже на что-то годны: мудрость на блюдечке подносить — так и блюдечко пустое. Своя голова — инструмент иногда полезный. Потому и ввязываемся в бесконечные дискуссии — и по дороге отвлекаемся на идеологические язвочки.

Федорову с любовью по жизни, видимо, не повезло — и его «проект» допускает только любовь к покойникам (воинствующую некрофилию). Перед нами вопрос

об едином чувстве всеобщей любви к родителям, неотделимом от единого разума.

Но будьте уверены: пока родители живы — они никто; и только в качестве трупов они интересны Федорову, поскольку именно с этим материалом должны (по его мнению) работать пока (по недоразумению) живущие. Федоров ругательски кроет буржуйских ученых, засевавших по лабораториям и урывшихся в абстрактные опыты; но здесь он сам выглядит таким адептом чистой науки, для которого весь мир вертится вокруг его диссертационной темы (у Федорова — вокруг кладбища):

Переход от городского культа женщин к сельскому культу предков выражается тем, что кладбища, вынесенные ныне за город, становятся вновь центрами, как было это в селах, но такими центрами, в которых собраны все учреждения, или орудия знания и искусства...

...каждое сельское кладбище делается кремлем, в коем знание переходит в действие, а искусство от изображения, от мертвого лишь подобия переходит к оживлению самого праха.

Ладно, кому нравится кладбище — туда ему и дорога. Но тут обижают прекрасных дам — и пройти мимо как-то непорядочно.

Вопрос поставлен так:

О двух чувствах: 1) о половой чувственности и 2) о детской любви к родителям, или, что то же, о всемирной вражде и о всемирной любви.

Спрашивается: чем одно мешает другому? Почему надо натравливать одних на других по любому поводу? Эта назойливая разделенность мира на враждебные друг другу половинки (с обязательным требованием главенства чего-то одного) есть отражение классовой экономики в недоразвитом сознании — и тут Федоров никак не откестится от родства с буржуями! Напротив, призывая к уничтожению классов, мы утверждаем единство разума, когда все его проявления одинаково нужны человечеству, и одно помогает другому. Кому-то нравятся сериалы — другие в восторге от Эсхила; одни предпочитают простые цвета — а иным подавай на футболке тропическую феерию. Питаете теплые чувства к родственникам? — на здоровье! это никак не влияет на радости и труды половой любви. И наоборот, без женщин вообще не было бы никаких отцов — и тех, кто (по Федорову и Аристотелю)

обязан их возлюбить. Но логика душевнобольного ведет не только к поражению женщин в правах — но и к полному запрету всякого размножения:

...регуляция внутренняя, психофизиологическая, даст перевес любви к родителям над половым чувством и похотью, и даже совсем заменит их, обращая силу рождающую в воссозидающую, умерщвляющую в оживляющую, т. е. заменяя деторождение отцетворением, или воссозиданием отцов...

Вот так: детей не рожать! только трупы реанимировать! А иначе:

Половое чувство, или похоть, создав бездетный брак, вытеснит тогда любовь и к отцам, и к детям.

Праздность, доставляемая богатством, создает культ женщин, т. е. чувство превращается в половое, а воля в похоть; [...] жизнь ставит себе целью только удовольствие, смысл и цель жизни утрачиваются.

Но что знает сам себя превративший в мертвеца о смысле настоящей, человеческой, разумной жизни? Пустое фразерство:

...совершенство заключается в жизни, в деятельности.

Первый шаг к свободе — считать других людьми. Всех. Независимо от пола и возраста. И только на этом основании можно обсуждать, сколько в ком осталось животности, и как от нее общими усилиями избавиться.

В отчуждающем всех от всего классовом обществе именно половая любовь — хороший прототип будущей духовности: в ней мы любим друг друга, а не начальство, — свободно, а не по царскому (или поповскому) указу. Это знак зарождения в человеке собственно человеческого, отказа от «естественной» борьбы за существование, от конкуренции, — что как раз и напоминает о «всемирной любви»; напротив, навязанные дикой природой и столь же дикими законами приниженность детей и барство родителей закономерно порождают «всемирную вражду»! Так оно, по здравому разумению.

Если лично Федоров не способен отделить человеческое чувство от похоти, если при виде женщины у него только гормоны играют, — это его ущербность, моральная нечистоплотность; тогда именно он — один из «сынов, забывших отцов, заменивших любовь к отцам похотью». Точно так же, если в потомстве видеть лишь собственность, а перед начальством разыгрывать угодливость лакея, — это безнравственно. Воспитывайте себя, становитесь человеком, — и вот вам полное право общаться с людьми по поводу каких угодно теорий.

Опять же, свободный человек, разумно относящийся к людям и вещам, не станет никого и ничто возводить в культ: ему это совершенно не к лицу. Тогда как у буржуев (включая закадычных апологетов, вроде Федорова) допускается лишь заменять один культ другим. Но стоит женщину обожествить — она уже не женщина! Сделать бога предметом культа — это уже не бог, а всего лишь предмет! Соответственно, если предка оживить — он уже вовсе не предок, а наш современник, и еще неизвестно, кто кого породил: в акте «отцветворения» мы становимся предками этих «воссозданных» существ, и тогда (по-федоровски) они у нас в неоплатном долгу!

Вспомним еще раз, что все люди, по большому счету, родня — и раскапывать родословную в глуби веков можно вплоть до зарождения вселенной. Христианствующие мудрецы (к которым больше подходит другое слово с тем же зачином) все поголовно начинают с (языческого!) культа предков — и выводят любовь к богу (и ненависть к язычникам) из этой некультурности:

Все Евангелие есть непрерывная беседа Сына Божия о любви Своей к Богу отцов и требование такой же любви ото всех сынов человеческих.

Это — та же детская любовь к родителям, но уже такая, какою она должна быть в пору зрелости. В этой любви — корень воскресения.

Откуда и зачем любовь к родителям — вопрос деликатный. Любить можно только людей — а не их должности. Однако сразу же возражаем: нельзя *требовать* любви! Кто достоин — того полюбят; так пусть ваш бог постарается, заслужит человеческую любовь.

Любовь как новое рождение — избитый штамп. Но по религиозной логике — предок у всех общий, и федоровский проект сводится к одному: оживить бога, сделать его обыкновенным человеком! То есть, по сути, вообще избавиться от богов. Идея богатая: дайте нам любого бога — и мы его научим уму-разуму! Но богов человечеству пока никто еще не предъявил — а верить на слово многочисленным пророкам было бы странно: объявить себя просветленным может кто угодно — но пока нет (предоставленного людьми) официального статуса, никакая декламация не в счет; поскольку же статус божественности присваивают люди — подтвердить свою правоту им придется практическими действиями (которые в классовом обществе всегда сводятся к диктату грубой силы).

С очень большой натяжкой, федоровский призыв отказаться от деторождения можно понять как проект перевода производства органических тел на индустриальные рельсы, когда новорожденные таки будут — но без участия полового подбора. В принципе, почему

бы и нет? Более того, разумный контроль над рождаемостью прямо этого требует. Но тут встает принципиальный вопрос: а кого считать настоящими предками? Компоновку генофонда и первичную инкубацию можно поручить и роботам. Но, если на то пошло, в появлении младенца уже сегодня участвуют миллионы людей, без труда которых ничего бы не произошло: акушеры и медсестры (или хотя бы повивальная бабка); строители роддома и его проектировщики; чиновники, утвердившие план строительства; все, кто обеспечивает роддом оборудованием и расходными материалами, электричеством и теплом, продовольствием, средствами гигиены, и так далее... Все они — наши предки, каждый по-своему. Наконец, если (совершенно по-библейски!) зажиточный некто женится на вдове с ребенком (и тем спасает ее и ребенка от нищеты), то отцом ребенка формально (по праву!) будет именно отчим — хотя никакого физического участия в производстве вот этой конкретной органики он заведомо не принимал. Подобных юридических казусов в практике хоть отбавляй! Тогда совершенно загадочно звучат фразы вроде этого:

Любовь всемирная рождается из детски-сыновнего и особенно дочернего чувства, развивается же и укрепляется она только в деле отеческом, общем для всех и родном, близком, своем для каждого.

Как чертик из табакерки выскочило нигде более не возникавшее «дочернее чувство» — которое к прочим сентенциям никаким боком не клеится. Ну ладно, допустим (хотя это еще не факт), что мы благодарны всем, кто способствовал нашему появлению на свет — а тут (как означено выше) подвизалось практически все человечество; отсюда и любовь всемирная. Что любовь развивается и укрепляется в деле — полнейший материализм. Только, вот, с логикой кривовато: если дело кому-то родное — это именно его дело, а вовсе не «отеческое»; такое (свое для каждого) дело вполне может быть также делом кого-то еще; при этом совместное участие в общественно полезной деятельности (общность для всех) — автоматически предполагает и общность для родителей с детьми (неважно, кто чей), совершенно уравнивает их в контексте этой общности. С другой стороны, кто мешает мне затеять что-нибудь доселе неведомое — чтобы предложить всем желающим поучаствовать и в этом? Абстрактная противоположность частного и общего — порождение капитализма; бесклассовое общество никого не ограничивает в творчестве, и как раз в открытии нового (в движении от частного к общему и обратно) самый интерес!

А вместо этой бесконечности возможностей и буйства красок — нам навязывают палочную дисциплину под бдительным оком батюшки-царя, скучный и монотонный мир, в котором

Объединение всех способностей и сил всех людей достигается через школу: через школу-храм (Троице-воскресенский, объединяющий для воскрешения), через школу-музей (храм предков) и через школу-лагерь (служащую переходом от кочевой жизни к оседлой, от городской к сельской, — к жизни у праха предков, у их могил)...

Всех в лагеря! Блистательный проект! — буржуинство аплодирует...
Апофеоз правопорядка и социальной гармонии:

Такие храмы, таким единодушием созидавшиеся, являлись во-истину храмами единомысленного исповедания, рожденного любовью [...], и достойны были стать подобием объединенной любовью и знанием вселенной, в которой нет уже ничего мертвого, а есть только живое или оживленное, возвращенное к жизни.

И все это будет делаться во имя Троицкого Бога, причем делающие будут уподобляться Троицкому, пребывающему в безграничной любви Сына и Святого Духа ко Отцу, в любви, исключаяющей возможность смерти.

Итог: нет в федоровском проекте ничего для людей — во имя человека, а не абстрактного бога (которого припутывают к разговору совершенно некстати, приписывая ему странную любовь внутри самого себя — вроде пресловутой ленточной глисты). Прекрасные слова об «объединенной любовью и знанием вселенной» — это не про Федорова, а про тех, для кого действительно нет ничего мертвого, кто своим участием оживляет все вокруг, — про людей разумных и разных, которые нужны друг другу именно в силу своей уникальности, разномыслия и разночувствования, без чего просто невозможно говорить о любви. Спрашивается: если все ожили — зачем мертвые храмы? Зачем строить то, чему заведомо суждено исчезнуть? Давайте сразу думать о том, что потом, о будущей жизни, а не о смерти. Разуму не нужны кладбища и мемориалы: для него ничто не исчезает и не забывается. В разум не загоняют силой, велением свыше — разум расцветает там, где есть реальные предпосылки разумности. Когда людям хочется жить — они будут жить. Сначала сделайте жизнь осмысленной — а уже потом говорите о бессмертии! Вот это, собственно, и есть главное дело разума: делать осмысленной жизнь. Не вообще, не абстрактно, не раз и навсегда — а пересоздавая мир на новой основе в каждое мгновение, в каждой из его бесчисленных сторон.

Подарок к юбилею

Когда в 1867 году (уже не очень молодой) Евгений Дюринг опубликовал рецензию на первый том *Капитала*, его сразу заметили. Но живые классики предпочли спустить дело на тормозах. А зря. Потому что в самом начале 1870-х фундаментальные труды новой скандальной звезды повалили косяком — на потеху скучающей интеллигенции, включая немецких социалистов. Пришлось срочно спускаться на землю с философских и политических высот — оправдываться и объясняться. Так образовался основательный труд, на котором последующие поколения марксистов постигали суть учения классиков во всей его полноте. А не было бы Дюринга — кто бы обо всем знал?

Академические заведения (теперь уже бывшей) ГДР несведущих в коммунистической азбуке, естественно, держать не стали бы. И тем более не подпустили бы их творения к печатному станку. Поэтому хотя бы в названиях текстов-соискателей марксизм упоминаться должен. Через сотню лет после всплытия берлинского доцента — мы увидели еще один трактат, при чтении которого не оставляет впечатление, будто перечитываешь *Анти-Дюринг*; а конкретно — приведенные там цитаты из дюринговских писаний (в оригинале, каемся, не читали). Поскольку цитаты у Энгельса достаточно длинные — можно предположить, что впечатление не очень обманывает, и текстуальное сходство говорит о внутреннем (идейном) родстве. Поэтому логично было озадачиться писанием краткого обзора — чтобы и наши воззрения высветились на этом фоне во всей подобающей по рангу выпуклости (в основатели очередного *-изма*, так и быть, не рвемся). А тут как раз и русский перевод подоспел — и стал (как все заимствования с цивилизованного Запада) популярным номером списков литературы, поставщиком уважительных цитат. Вот и сошлемся:

Г. Гибш, М. Форверг. *Введение в марксистскую социальную психологию* — М.: Прогресс, 1972; 296 с.

Оригинал:

Hans Niebsch und Manfred Vorweg, *Einführung in die marxistische Socialpsychologie* — Berlin, 1969.

Цитировать будем по русскому изданию — здесь оно уместнее. Следуя тактике Энгельса, номера страниц приводить не хотим — нет в

этом никакого смысла, учитывая что и содержимое книги высокой осмысленностью не отличается.

Опять же, вслед за Энгельсом, начнем с чрезвычайно уважительного (в духе г. Дюринга) отношения авторского дуэта к самим себе. В переводе, естественно, тон задает издательская аннотация:

Настоящая книга западных ученых из ГДР, вышедшая четвертым изданием, представляет собой одну из первых попыток отразить становление марксистской социальной психологии, стимулировать дискуссию по важнейшим проблемам этой науки.

Насчет российского преклонения перед Западом — уже говорено. Про четвертое издание — тут же вспоминаем дюринговские тиражи. Что же касается приоритетов — тоже все путем: Дюринг списывал у Канта и Гегеля — а марксистская социальная психология началась еще до русской революции, и своих традиций там предостаточно. Впрочем, новаторство авторов состоит, в частности, и в том, что как раз эти источники их совершенно не интересуют — зато в ходу буржуазные авторитеты (разумеется, лишь в плане беспощадной критики—!). Нам предлагают ознакомиться с итогами изучения

взаимосвязи и соответствия индивидуальных, коллективных и общественных потребностей и интересов в развитой общественной системе социализма.

Звучит — ну, очень фундаментально! Замах — на всю вселенную. Страшновато приступать. Но кто преодолеет робость — увидит:

В книге рассматривается широкий круг актуальных вопросов, таких, как предмет и задачи марксистской социальной психологии, марксистской теории личности и взаимоотношения личности и общества, теория социального поведения, сделана попытка очертить социально-психологическую проблематику сексуальности и др.

В общем, предлагают духовно обогатиться на всю оставшуюся жизнь. Понятно, что предыдущие две фразы — перевод из (сверстанного авторами) немецкого описания. Как говорится, от скромности не утонут. Но насчет приобщиться к высотам духа — это мы всегда с превеликим удовольствием. Правда, настаживает финал:

Авторы дают обстоятельную характеристику средств социализации человека с точки зрения теории коммуникации.

Спрашивается: если мы занимаемся столь фундаментальной проблемой и ставим вопрос предельно широко — почему вдруг заслуживает особого выделения один из не самых существенных аспектиков? Даже

учитывая неизбежное в контексте психологии как науки сужение историко-материалистической трактовки личности и общества — с какого бодуна социализацию человека надо сводить к одной лишь коммуникации? Людям что, больше заняться нечем? У нас, между прочим, на повестке дня пересоздание мира (хотя бы в земных масштабах) на разумных основаниях — чтобы навсегда покончить с базарной экономикой; а нам подсовывают к рассмотрению все тот же базар. Социализация нам как раз и нужна, чтобы изготовить из самих себя настоящую личность, способную творчески трудиться — и тем самым представлять общество в целом, не заморачиваясь деталями отношений. Важно понять, что мы строим, — и тогда станет ясно как.

В силу поистине всеобъемлющего характера заявленной темы, единого плана обсуждения построить не получается; тем более, если не страдать дюринговской гениальностью. По-хорошему, следовало бы двигаться последовательно, параграф за параграфом — переворачивать текст в поисках притаившихся под ним тараканов. Задача неподъемная, да и, если честно, скучноватая. У нас нет задачи отследить и в полной мере оценить воскрешение г-на Дюринга; нам бы только представить кое-что из своих раздумий, о чем душа радеет на данный момент. Поэтому ограничимся парой-тройкой выданных из глобальности откровений — для иллюстрации вполне достаточно.

Нас предупредили, что это марксизм. Очень кстати — потому что сами бы ни за что не догадались. Примерно с тем же успехом Дюринг примазывался к социал-демократии. По логике, приступая к разработке социальной психологии в рамках марксизма, следовало бы указать, как исторический материализм трактует личность, что для марксиста означает общество, и как из практики материального производства вырастают потребности и интересы, личные и общественные. Надо бы также пояснить, что само различие личности и общества (а тем более наличие многочисленных общественных групп) есть результат долгого исторического развития — и дать пару намеков на перспективы снятия всех этих различий в едином человечестве будущего. Мы должны четко осознавать отличие разумной деятельности от поведения животных — указать, чем формы психики в животном мире отличаются от собственно человеческих — и как один уровень влияет на другой. Только в таком контексте можно осмысленно задать конкретные психологические вопросы и приступать к поиску (не какого-нибудь, а марксистского) ответа (или нескольких, где потребуется).

Думаете, в книге есть хоть что-то в этом роде? Ровный ноль! Масса пересказов из всевозможных сборников попсовых анекдотов, которые буржуазная пропаганда выдает за великую науку, — но ни крупинки единого, последовательного развертывания авторской позиции, на каждом шагу увязанного с теорией и практикой строительства социализма (как громко заявлено в аннотации). Даже минимально приличного пояснения, что (по Марксу) следует называть любовью, — и того нет; поэтому обсуждать вытекающую из этого психологию просто не на чем, и любые суждения одинаково беспочвенны. Впрочем, авторы и не заморачиваются с высокими материями — и половину книги посвящают голой сексуальности, опять же, не разбирая человеческого секса от прочей копуляции. Остается следовать за ними — в надежде вытащить хоть что-нибудь заслуживающее обсуждения.

Условно выделим три группы вопросов: общесоциологическая теория, юмор о сексе, перебранка с Фрейдом. Остальное пока побоку.

Судя по названию, книга должна была бы ввести нас в психические движения прежде всего группового (коллективного) субъекта — вплоть до психологии классов, наций и народных масс. Однако, поскольку само понятие субъекта остается совершенно неопределенным, говорить о том, что такое коллектив и чем его поведение напоминает психику отдельных лиц, практически нереально. Нам впаривают чисто буржуазную идею: любой коллектив есть просто совокупность единичностей, и свойства целого вытекают из свойств частей. Соответственно, авторы остаются либо на уровне общей психологии (сводя любое общение к передаче сигналов, коммуникации) — либо на уровне психологии личности (главным образом, по части секса). Где-то ближе к началу (вводные разделы) еще возникают перспективные фразы:

Господствующий класс отстраняется от всякого, в том числе и теоретического, труда и покупает себе такой же зависимый, как и рабочий класс, социальный слой — интеллигенцию.

Замечание очень богатое — и отсюда много чего следует. Например, исторически наблюдаемое изменение роли господствующего класса внутри каждой общественно-экономической формации: на начальном этапе, в период становления, — это «организаторы производства»; ближе к упадку — чисто паразитный слой. В марксистской литературе такая эволюция почти не отражена — и все ограничивается абстрактным противопоставлением одного класса другому. Но сама возможность (и необходимость) перехода к новому экономическому порядку связана как

раз с тем, что господствующий класс утрачивает свою экономическую функцию — становится бесполезным довеском, от которого допустимо избавиться.

Еще одно важное следствие — невозможность консолидации интеллигенции в класс: на каждом этапе экономического развития, она лишь *представляет* те или иные классовые интересы — а никаких специфически «интеллигентских» интересов у нее нет. Тем не менее, внутри этой надстройки разворачивается своя иерархия, в силу вторичной рефлексии, своего рода делегирования полномочий, — когда одна часть интеллигенции начинает представлять другую. Высшие управленческие кадры (номенклатура) — это совсем не то же самое, что инженер, бухгалтер, или системный администратор. Другое направление разворачивания — духовное производство, как в плане рефлексии («творческая интеллигенция»: деятели искусства, ученые, философы), так и в сфере социализации (учителя, наставники, пропагандисты и популяризаторы). Заметим, что каждый их этой когорты действует вовсе не от своего имени — а в интересах определенного производства, что при капитализме сводится к рыночным секторам и борьбе партий.

Следствие из следствия — продажность «социалистической» интеллигенции и ожесточенная борьба разных кланов за места у кормушки. Разумеется, речь не только об уровне доходов и культурных запросах; существеннейший момент здесь — возможность сохранения самой роли посредника, без чего интеллигенту придется либо стать предпринимателем — либо перейти в ряды рабочего класса (включая так называемую «рабочую» интеллигенцию). Тут масса интереснейших процессов — раздолье для социальной психологии. Но в практическом плане мы сразу замечаем, что социалистическая интеллигенция легко поддается веяниям из-за бугра: строительство коммунизма предполагает снижение веса рынка (вплоть до полного уничтожения) — и потому куда больше возможностей продаться зарубежным акулам капитала, нежели завоевать авторитет внутри страны. Нет торговли — нет интеллигенции. Для бесклассового общества требуются иные категории.

Отсутствие собственной экономической роли порождает в среде интеллигентов всех мастей тот самый вульгарный индивидуализм, который в буржуазном обществе привыкли называть свободой. Это из области влияния группы на личность — то есть, раздел социальной психологии: коллективный субъект представлен индивидуальным. Отсюда тонкая игра мотивов в индивидуальном поведении, когда

личность становится как бы способом соединения общественных тенденций — что позволяет, в частности, находить новые направление общественного развития.

Но ничего этого в книге Гибша-Форверга мы не увидим, и следовало бы назвать их науку не социальной психологией, а, скорее, социал-психологией, или психосоциологией. Если, конечно, не замечать, что по сути тут сплошной эмпирионатурализм. Как обычно, идейной основой буржуазно-интеллигентской науки о человеке становится (вульгарно-материалистическое) сведение человеческого к животному; тогда любые общественные процессы легко объявить лишь продолжением видовых признаков, гипертрофированными физиологическими отправлениями. Как утверждают авторы,

после возникновения человека уже не появилось никаких новых органически обусловленных потребностей.

Фраза крутейшая! Сразу обратим внимание: возникновение человека подается как одномоментный акт — и вся многотрудная история очеловечивания зверушек дружно отправляется в унитаз. Что классовое общество по сути своей еще не совсем человеческое — и нуждается в полной переделке ради перехода к разумному существованию, — про это психические «марксисты» предпочитают забыть. Далее, одним махом уравниваются человеческие потребности (которые *никогда* не бывают органически обусловленными — у них общественные корни) с тем, что потребностями зачастую можно назвать лишь в переносном смысле — как мы употребляем антропоморфные термины в физике и прочем естествознании: одна частица вовсе не *действует* на другую — они лишь закономерно связаны в своем движении; звезды не *светят* — они лишь клубок ядерных реакций, связанных с возникновением фотонов; кварки не пахнут; переменные в математике ни к чему не стремятся... Точно так же, живое занимается превращением одного в другое по заданной строением организма схеме, которую мы называем обменом веществ (или метаболизмом); никакого намерения за этим не стоит — а есть лишь природная необходимость («органическая обусловленность»). Если на строительство дома надо затратить энное количество кирпичей — мы же не говорим, что у дома есть в этом потребность! — потребность есть у нас, кто затеял строительство и придумал дом именно таким (исходя из каких-то нестроительных целей).

Поведение животных устроено просто: надо кого-то съесть — и потом избавиться от несваримого. При определенных условиях один

организм способен разделяться на несколько; такая возможность также заложена в архитектуре — и столь же не является потребностью: это всего лишь физиологическое отправление, по поводу которого животное не испытывает никаких эмоций, а просто делает, как предписано физиологией. Опосредованные варианты того же самого предполагают взаимодействие нескольких особей того же (как, например, при половом размножении) или разных (как симбиоз растений с насекомыми, птицами и прочими поедателями плодов) видов. С человеческой точки зрения это может выглядеть как целенаправленное репродуктивное поведение; но вирусы вовсе не ищут, кого бы заразить: они просто летают где придется — а попадая в подходящие условия начинают работу по своей репродуктивной программе. Не попадут — не начнут. Рабочие пчелы не знают, зачем они закладывают в соты мед, — они просто так устроены, а другие пчелы устроены так, чтобы откладывать яйца; все они — органы некоего составного организма, у которого есть своя органическая обусловленность. Точно так же, когда животное ухаживает за потомством — это вовсе не по причине возвышенных чувств, а лишь в силу того, что новорожденный молодняк лишь внешне отделяется от родительского организма — а по факту это еще один организм, составленный из нескольких особей; когда он распадается на несколько — зависит от видовой программы. Когда кошка подбирает чужих котят — это биологически ничем не отличается от того, как медведи (и некоторые другие звери) пожирают своих детенышей. Стаи, прайды, стада и устойчивые пары, симбиозы и биоценозы — это разные уровни органики, со своими этологическими иерархиями и строгими правилами обмена веществ внутри организма и с внешней средой.

Разумеется, поведение высших животных намного сложнее — но эта сложность не индивидуальна, она возникает за счет включения особей в состав организма более высокого уровня. Участие в таких природно регламентированных объединениях часто приводит к специализации — точно так же, как в теле каждой особи есть ткани разного типа. Но клетки одной ткани взаимозаменяемы — и в каждой из них имеется механизм пристройки к другим клеткам того же или иных типов; для высших животных таким механизмом служит нервная деятельность и психика. Используя в человеческих целях органические тела, человек также приспособливает к делу и животную психику — и приходится учитывать заложенные в органику ограничения, выстраивать деятельность таким образом, чтобы нейтрализовать ненужный функционал и развить

полезные способности. То есть, человеческий организм — это продукт деятельности, не природное, а общественное образование, элемент культуры. Органические движения мы не просто поддерживаем, но и направляем: если организму хочется спать, а работа не сделана, — мы лишаем его сна; мы можем стойко переносить голод и жажду, жить где попало, одеваться в дерюгу — и воздерживаться от секса. Излюбленные буржуазными теоретиками «базовые» потребности — для человека вовсе не потребности, а лишь органический фон, условия деятельности, а не ее мотив. Люди добывают пищу, ищут жилье, или размножаются, не просто так, а ради чего-то другого; когда нет этого другого — мы справедливо называем такое существо животным (а иногда говорим и о растительном существовании). Вот об этом, об отличии собственно человеческого от биологии и зависимости биологии от общества, и должна бы поведать нам социальная психология.

Но эмпирионатуралисты так не умеют. Когнитивная психология до одури ковыряется в оболваненных капитализмом мозгах — социал-психология усматривает универсальный закон тяготения личностей в чувственных удовольствиях, и прежде всего в сексуальности (*l'origine du monde*). И тут выясняется, что отличия от животных таки есть. Насчет пожрать или опорожниться — на первый взгляд, проще: занятия узкопрофильные, и окультурить их можно без особого напряжения (хотя, по нашим наблюдениям, в этой сфере культурных не так чтобы уж очень много; но немцы всегда были впереди планеты всей). А, вот, секс люди почему-то (причин в книге мы, конечно, не усматриваем) довели до уровня затычки в каждой бочке — и к нашему времени совсем отделили от приличествующей этому занятию функции продолжения рода:

Сексуальность человека в противоположность сексуальности животных является далеко не специализированной потребностью. В целом она является незавершенной и должна быть восполнена в каждом единичном индивиде посредством научения, которое осуществляется в соответствии с общественными нормами.

Фейерверк дюрингизмов всех цветов. Насчет потребностей животных — см. выше. Они делают что-то не ради чего-то, а просто потому, что их на это толкает природа (помните у Портоса? — *я дерусь, потому что я дерусь*). Поэтому говорить о специализации тут вообще не приходится. Репродуктивное поведение у животных возможно и тогда, когда нет по близости подходящего партнера (ну прямо как собаки!), и последствия совершаемых актов животное совершенно не волнуют. В этом смысле

«незавершенность» означает изначальное отсутствие и необходимость общественной выработки потребностей — воспитания. Каждая культура предусматривает свой базовый набор — с анатомией и физиологией связанный весьма опосредованно. Ничего удивительного, если одна и та же органическая функция будет задействована в самых разных делах: человеческих деятельности много больше, чем органических реакций. Разумеется, в контексте определенной деятельности органику помещают в особые условия — настраивают на один из возможных способов движения. Совокупность таких внешних (по отношению к организму) вещей (вместе с набором культурно определенных взаимодействий) Маркс называл неорганическим телом человека — вероятно, нашим «марксистам» этот факт неизвестен. Заметим, что даже расширенное тело — это все еще организм, и его поведение становится человеческим лишь при включении в совместную деятельность, в материальное и духовное производство. На практике бывает сложно отличить труд от прозябания: сколь угодно навороченная интеллигентность вполне может оказаться (и — в классовом обществе — частенько оказывается) лишь высокоуровневым рефлексом, или аналогом обмена веществ.

Если физиологические и психические процессы, обслуживающие репродуктивное поведение животных, человеку удастся приспособить для запуска самых различных производственных процессов (включая духовное производство) — такая сексуальность теряет физиологический смысл и становится компонентом способа производства, общей схемой, которую в каждой деятельности мы наполняем особым содержанием — иначе осмысливаем. Такие схемы работают практически везде, в каждой области культуры, на всех ее уровнях. Великая заслуга Фрейда в том, что он обратил на это внимание; его ошибка в типичном для буржуазной науки отождествлении человеческого с животным, с преувеличением сходства и замалчиванием различий. Но Фрейд, по крайней мере, не называл себя марксистом...

Справедливости ради следует вспомнить, что обучаемость — вовсе не прерогатива разумных существ: это всего лишь биологическая предпосылка разума. Память, и адаптация метаболизма, наблюдаются уже на клеточном уровне; в свою очередь, организм надстраивает такие способности над аналогичными механизмами в неживой материи (гистерезис, резонанс, автокорреляции, квантовая интерференция...). Геном задает лишь круг возможностей (или, наоборот, накладывает связи); как развернется структура в конкретном организме — зависит от

разнообразнейших влияний среды. Образование животных сообществ (коллективных организмов) выносит часть процессов развития на уровень взаимодействия особей — и здесь включаются собственно психические механизмы (динамическая перенастройка индивидуальных регуляторных систем в процессе общения). У высших животных пласт условно-рефлекторного поведения весьма значителен; в частности, таким способом складываются некоторые формы репродуктивного поведения (в зависимости от места в этологической иерархии). Зрелость животного определяется уровнем усвоения этих коллективных норм; подлинное рождение связано с этим переходом к самостоятельной жизни, а не с моментом отделения от материнского организма.¹⁰

Как обычно, человек по максимуму использует наработки живой природы — но в качестве родителей выступают не органические тела, а общественные образования, и уровень зрелости человека определяется возможностями участия в общественно полезной деятельности. И вот тут возникает характерный парадокс: с одной стороны, новорожденный младенец — уже член общества, активно влияющий на деятельность широкого круга людей; с другой стороны — это представитель общества в целом, и от этого организма он не отделится вообще никогда. Выходит, что человек одновременно и самостоятельный деятель — и вечный ученик. В классовом обществе, еще не освободившемся от остатков животности, такие противоречия приводят к развитию уникальной личности, по-своему выбирающей жизненный путь. В отношении к бесклассовому обществу будущего — парадокс говорит лишь о некорректной постановке проблемы: поскольку каждый член общества представляет общество в целом, не имеет смысла противопоставление различных сторон одного и того же, отделение личности от общества. Здесь требуются иные категории, до которых современная (классовая) философия пока не доросла.

Еще один блок возражений — сомнительность выделения секса в отдельную статью, придания ему какого-то особого статуса в жизни людей. Да, вопросы пола можно приклеить к чему угодно, и нет у них никакой «специализации». Но разве с другими телесными функциями дело обстоит иначе? Помнится, Маркс что-то писал про удовлетворение голода... [12, 718] Еда и питье в человеческом обществе издревле

¹⁰ Черепаха откладывает яйца в песок — отделение от матери уже произошло, а до рождения черепашек еще далеко, и не факт что кто-то вылупится...

считались ритуальными действиями — и во всех языках мира пищевые метафоры употребляются по отношению к чему угодно. Даже одно из древнейших чувств — обоняние — приобрело в языке характер высокоуровневой абстракции и превратилось в нюх, чутье (плюс полный букет прикладных синонимов). Одно дело — принюхиваться; другое — вынюхивать. Еще древнее — кинестезия; но и она у человека стала ходячей идиомой: кого-то вывели из душевного равновесия, от кого-то тошнит... Что уже говорить о физиологии слуха и зрения! Если мне нравится музыка — это вовсе не животная потребность; любование звездным небом или творениями великих живописцев — недоступный животному кайф. Такие «сублимации» насквозь пропитали нашу культуру — мы просто неотделимы от них. В этом ряду сексуальность не представляет собой ничего примечательного — и о ней мы частенько говорим языком чувственной идиоматики: аппетитная женщина, горячий поцелуй, жесткое порно... А наряду с этим — совершенно невероятная у животных жажда просто смотреть на любимого человека, слышать его голос, чувствовать его рядом, предвкушать встречу, блаженство радовать, — или даже просто знать, что есть во Вселенной родная душа (или когда-то была, или только будет)... Нет в этом ни капельки физиологии — и ни о каких яйцеклетках мы не думаем.

А нам талдычат про редукцию инстинктов, про то, как чувственное наслаждение отделяется от деторождения, становится самостоятельной целью, и что половая активность уже не подвержена сезонным циклам и приводит в восторг круглый год, из-за чего у людских особей образуется «избыток сексуального влечения»...

Поэтому для человека становится абсолютно необходимым сознательно управлять сексуальностью в соответствии с общественными нормами.

Так «марксизм» плавно трансформируется в учение о самосущем сексуальном влечении (в попсовом фрейдизме — либидо), которое надо регулярно расходовать, чтобы избыток не толкнул ненароком на что-нибудь совсем неприличное. Ибо сами люди этой темной энергией управлять не в состоянии — и общественная узда (в виде кодекса о браке и семье, и уголовного кодекса, в сочетании с бдительностью соседей и полицией нравов) нужна каждому индивиду позарез. Ибо

сексуальность в широком смысле, то есть совокупность видов поведения, направленных на биологическую цель продолжения рода, принадлежит к основным органическим потребностям человека, как и

потребности в питании и защите. Они, как известно, составляют комплекс врожденных динамических (импульсивных) и саморегулирующихся (инстинктивных) механизмов.

Г-н Дюринг обзавидовался в могиле — или порадовался за достойных продолжателей. Легким движением печатной машинки нечто абсурдное выдают за общеизвестное — и даже как-то неудобно спорить: за дурака будут держать... Правда, авторы таки соглашаются (следуя тактике Дюринга) пойти поперек себя и признать, что

эта особенность относится не только к сексуальности, но, с различными вариантами, также и к другим основным потребностям...

Но про соответствие прочих врожденностей общественным нормам большие ученые предпочитают не распространяться; зато об идеалах высокого секса — сколько угодно:

Это вообще справедливо не только для регулирования сексуального поведения в смысле собственно половой активности; «общественный» характер человеческой сексуальности ведет помимо этого к тому, что сексуальные или эротические импульсы и моменты могут проникнуть во все возможные виды формальных и неформальных человеческих взаимоотношений и здесь в различном этическом, эстетическом или религиозном оформлении создавать вполне определенные и неотъемлемые ценности человеческого общества.

Маленькая пикантность: на повестке дня «общественный» (именно так, в кавычках!) характер человеческой сексуальности; то есть, вообще-то, у нас все как у животных — но влияние общества мы, так и быть, допускаем, — разумеется, не меняя сермяжной сути полового акта. Про вполне определенные ценности — без дальнейших разъяснений; авторам и так ясно — а читатель пусть сам трахается со своими недоумениями. Почесав репу, предполагаем, что «общественность» у Гибша-Форверга есть синоним «неспециализированности», благодаря которой

сексуальная активность человека может быть пронизана другими действительными мотивами человеческого поведения. Именно это составляет собственно гуманное, нравственное начало в сексуальности человека.

То есть, не физиологию мы приспособливаем к нуждам человеческой деятельности — а наоборот, всяческое творчество и созидательный труд служат лишь расцветиванию сексуального наслаждения. Чем круче — тем нравственнее. Банальное изнасилование теперь можно списать на

требования гуманности: чтобы секс не просто так, а обогащенный мотивом насилия. Иначе — кайф не тот: нет «неотъемлемой ценности».

Таким образом, мы снова приходим к марксистскому пониманию человека как общественного существа...

Это в том же смысле, как Дюринг — социалист. Воистину необходимо строго придерживаться принципа ничего не принимать на веру как просто заранее данное, ничего не считать само собой разумеющимся и потому неизменным и неотъемлемым.

Тут, правда, есть грешок и за нашими главными авторитетами. Вопросы пола они предпочитали замечать под ковер, а когда высказывались — так хоть святых выноси! Вот, например, у Энгельса [20, 98]:

Что два человека или две человеческие воли как таковые *совершенно* равны между собой, — это не только не аксиома, но даже сильное преувеличение. Два человека могут быть, прежде всего, даже как таковые неравны по полу, и этот простой факт тотчас же приводит нас к тому, что простейшими элементами общества, — если на минуту принять всерьез эти ребяческие представления, — являются не двое мужчин, а мужчина и женщина, которые основывают *семью*, эту простейшую и первую форму общественной связи в целях производства.

Да, конечно, про «человеческие воли как таковые» — это полный бред: человеческая воля не живет отдельно от человека, а люди живут и действуют в определенных общественных условиях, чем и определяется их воля, и много чего еще. Издевательства насчет «простейших элементов общества» — палка о двух концах, поскольку построить последовательную философию духа (теорию духовного производства как необходимое дополнение к экономической теории) без выделения каких-то первичных категорий никак не получится — и здесь Дюринг таки прав! — хотя его «элементы» блистают бредовостью; но, ведь, ни Маркс, ни Энгельс, и ни один из их последователей, так и не удосужились высказаться по существу — и дух в марксизме до сих пор витает в идеологической пустоте (то есть, отдан на откуп буржуям и попам). Но обратите внимание: чисто *биологическое* различие полов полагается как вечное и безусловное, эдакое абсолютное *общественное* неравенство, а семья при этом объявлена не только «первой» формой общественной связи — но и *производственной* единицей. Можно ли сделать большой подарок господам-эмпирионатуралистам? Вместо того, чтобы выяснить, откуда берется неравенство мужчин и женщин в классовом (и только классовом!) обществе, — строение общества

напрямую выводят из биологии, человеческое отождествляют с животным. Но минимальнейшая историческая добросовестность тут же обнаруживает, что семья *никогда* не была ячейкой производства — это всего лишь механизм раздела имущества, источник и первичная форма *собственности* — то есть, сугубо надстроечная структура, *из которой* впоследствии развиваются государство и право. Когда Аристотель замечает, что устройство семьи подобно строению полиса, — он видит реальность в ее отражении: на самом деле, это полис унаследовал классовую сущность семьи — и любое общество, где процветает семейственность, неизбежно собьется на путь классового развития, о чем тот же (или какой-то другой?) Энгельс нас предупредил [20, 315]. Как известно, приживать детей вполне возможно и без семьи; у людей производство потомства (как и любое другое) становится отраслью *общественного* производства — но это производство в первобытной общине не предполагает никакой формализации союза мужчины и женщины — а *правовое* регулирование отношений полов складывается лишь по мере становления классовой экономики, и вовсе не обязано сохраняться в бесклассовом обществе далекого будущего. Разумеется, пока мы существуем в капиталистическом болоте, различия в правах так или иначе сохраняются — но разные для разных классов, и причины, следовательно, не в разнополости, а в отношении к собственности. Приходится бороться за равенство женщин, мужчин, гермафродитов и андрогинов, или еще каких-нибудь секс-меньшинств (вплоть до предоставления правового статуса сексуальным игрушкам). Но, как легко видеть даже из этого неполного перечисления, речь идет исключительно о *культуре* сексуальных отношений — а не об их физиологии (которой у роботов может вообще не быть). Соответственно, *полное* равенство разнополых (а также многополых и бесполой) вполне *возможно* там, где половые различия становятся *несущественными* — когда об этом просто не приходится говорить; но для этого надо *по-настоящему* (то есть экономически) освободить женщину (в том числе от «почетной» обязанности деторождения) — а тем самым и мужчину от необходимости быть ее общественной противоположностью. Когда Энгельс ехидствует [20, 99], что

даже г-н Дюринг не сумел бы из первобытной семьи сконструировать моральное и правовое равенство мужчины и женщины

он непростительнейшим образом упускает из виду, что мораль и право не зависят от пола, и от иных биологических черт — это чисто

общественный институт; *в этом отношении* — равенство вполне возможно, и все последующие построения *Анти-Дюринга* оказываются чистым вздором; так великий антибуржуй играет на руку буржуям. Вслед за ним и Ленин всячески раздувает миф о производственной роли семьи — и о «естественном» первичном разделении труда. Скользкие формулировки встречаются и у Маркса [42, 117]:

Религия, семья, государство, право, мораль, наука, искусство и т. д. суть лишь *особые* виды производства и подчиняются его всеобщему закону. Поэтому положительное упразднение *частной собственности*, как утверждение *человеческой* жизни, есть положительное упразднение всякого отчуждения, т. е. возвращение человека из религии, семьи, государства и т. д. к своему *человеческому*, т. е. *общественному* бытию.

По существу, вроде бы верно: деление людей по религиозному, семейному, или еще какому-нибудь статусу, — выражение классовой природы экономики, и вместо *любых* подразделений надо выгрести к объединению, когда человек будет чувствовать себя не семьянином, чиновником или большим ученым, а непосредственно общественным существом, носителем разума. Однако (как и в других местах) Маркс говорит лишь об упразднении «частной» собственности — предполагая сохранить мистическую «индивидуальную собственность» [23, 773] (что это за зверь — нигде не сказано). Но собственность в любых формах — собственность, то есть отчуждение, формальное ограничение доступа к средствам производства (а потребление одного всегда есть производство чего-то другого); где есть собственность — там все шансы на выходе получить новый капитализм. В нашем контексте — бьет в глаза выставление семьи «особым видом производства», что сгоряча легко истолковать как приписывание семье производственных функций. Выдранная из контекста цитата почти наверняка станет флагом этой буржуазной идеи. Требуется свести воедино разные страницы (и разные тексты), чтобы понять: речь совсем о другом. Надстроечные формы общественного бытия сами по себе не являются производством — они его регулируют, приводят в соответствие с (классовой) структурой экономики и культуры в целом. Однако, в силу универсальности человеческой деятельности, способы организации могут и должны воспроизводиться целенаправленно — становиться продуктами труда. Общество не только *использует* религию, право, семью и т. д. для управления производством — но и *производит* их как особый продукт,

сознательно творит свою историю. Поскольку в бесклассовом обществе уже не требуются такие посредники между творческой личностью и обществом в целом — соответствующие производства упраздняются, уходят в прошлое.

Но Гибш и Форверг мыслить оттенками не приучены — они с энтузиазмом выхватывают из первых марксистов самые слабые места (совершенно естественно: все остальное понять не в состоянии).

Различие мужского и женского является, без сомнения, одним из тех основных биологических различий, которые следует считать исходным условием для человеческой жизни и человеческого общества.

Вот вам, интеллигентная отрывка энгельсовского биологизаторства! Продолжение — нахальная попытка «углубить» традицию, совершенно в стилистике столетней давности:

Однако эти различия не являются столь всеохватывающими, как это принято считать в абсолютизирующей их типологии. Они касаются некоторых немногих анатомических и физиологических (морфологических и функциональных) черт, и прежде всего расхождения в задачах продолжения рода.

Живописная картина: сидят Ванька с Манькой за початой поллитрой; Иван (гоняя по тарелке недогрызенный огурчик) замечает: не фигово бы заняться продолжением рода... На что Марья резонно возражает, что ни фига: надо сначала устранить расхождения в задачах!

Очевидно, что эти различия должны с необходимостью проявляться в первую очередь в трудовой деятельности. Поэтому существует естественное несходство функций, то есть «естественное разделение труда», которое Маркс характеризовал как первую форму разделения труда вообще.

Еще бы Манька не возражала! Получается, что наличие первичных и вторичных половых признаков играет решающую роль в выборе рода занятий — и что положено М, то запретно для Ж. Классики марксизма решительно отреклись от такой постановки вопроса; но наследников Дюринга не проведешь! — они достают первый том *Капитала* и тыкают мордой в предательскую фразу [23, 364]:

В пределах семьи — а с дальнейшим развитием в пределах рода — естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве, и оно расширяет свою сферу с расширением общественной жизни...

И далее о совершеннейшей естественности происходящего:

Различные общины находят различные средства производства и различные жизненные средства среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. [...] Здесь общественное разделение труда возникает посредством обмена между первоначально различными, но не зависимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого разъединяются, разлагаются...

Гибш с Форвергом радостно подхватывают:

Характер и способ, каким осуществляется это разделение труда и который определяет соответствующий специфичный для данного пола способ поведения, является для данного общества само собой разумеющейся вещью.

Спрашивается, что может г-н Энгельс иметь против г-на Дюринга? Пусть себе вещает о [20, 156]

самых общих естественных законах всякого хозяйства

Чем он тут хуже Маркса? Тем более, что и сам Энгельс парой страниц раньше лихо заявляет [20, 153]:

Связь между исторически данным распределением и исторически данными материальными условиями существования того или иного общества настолько коренится в природе вещей, что она постоянно находит свое отражение в народном инстинкте.

Слово «естественный» как раз и означает «природный»! Выходит, исторический материализм выведен из чистой вещности, и никакой специфики по сравнению с живой и неживой материей разумная деятельность не предполагает. Одни инстинкты. По сравнению с этим, гигантским скачком вперед выглядит утверждение Гибша и Форверга о принципиальной небиологичности культурных размежеваний:

Ни распределение трудовой деятельности, ни тип поведения полов, даже в области социального и в сфере индивидуальных достижений (одаренность), не дифференцированы биологически.

...выработку норм поведения, включая и область сексуальности, в данном случае в особенности выработку и институционализацию общественных ролей обоих полов, определяет способ производства,

свойственный данному обществу, и относящиеся к нему как надстройке общественные отношения людей. Биологические различия не играют здесь никакой роли.

Скажите это Марксу! И Энгельсу с Лениным. Конечно, от первичности секса никто не отказывается — и наши улучшатели по-прежнему глубоко веруют, что общество создано лишь для повышения качества постельной жизни. Но именно регуляция труда дает

определяющие регулятивные и нормативные импульсы для специализации ролей обоих полов и форм отношений между ними. В обобщенном виде это означает, что тенденции регулирования в области отношений сексуальности возникают не из самой сексуальности. Они имеют внесексуальную основу.

Иначе говоря: кто не работает — тому и не положено; сделал дело — плодись смело. Насчет задач продолжения рода — мы уже отметили: оказывается, человеческая сексуальность без этого немыслима. Но тут всплывает еще один (вполне марксистский) предрассудок: трудиться на репродуктивном поприще люди призваны не сами по себе, а только в составе семьи — и для этого требуются соответствующие правовые институты. Как и все остальное, брак представляется чисто природным явлением, которое общественная жизнь не только ужимает в культурные рамки — но и расцветивает всевозможными гуманно-нравственными ценностями, вроде походов налево, семейного насилия, проституции и грязи развода. Градус пикантности — чего животным и не снилось. Ну и, конечно, стабильный бизнес для психотерапевтов.

Из вечности семьи прямо следует вечность капитализма; в этом плане марксизм показывает себя сугубо буржуазным течением, весьма полезным, чтобы выпустить пар народного возмущения, держать антиначальственные движения под начальственным контролем.

Как водится, психосоциологическая «наука» начинает с зоопарка: повышенное внимание к «бракам» животных нам гарантировано. Удивительным образом (с чего бы это?) обнаруживаются буквально все привычные по расхожим анекдотам формы: моногамия, полигамия, полиандрия, — длительные или сезонные отношения, — одиночные, стадные и групповые... «Семьи» животных классифицируют по признаку того, кто из родителей по преимуществу заботится о потомстве: родительская семья (певчие птицы), отцовская семья (рыба колюшка), материнская семья (большинство млекопитающих)... У насекомых и пресмыкающихся о потомстве вообще никто не заботится,

что так и просится в аналоги чумазого детства низших классов. Конечно, психологи должны бы знать о проекции собственной ущербности (или гения) на внешний мир, крепко встроенной в человеческое восприятие; но в отношении собственной научной добросовестности у них сомнений нет. И можно даже блеснуть нетрадиционностью:

Согласно прежнему, традиционному понятию сексуальности, между половым влечением и браком как общественным институтом должна существовать однозначная причинно-следственная связь. Сексуальность должна являться существенной и биологически заранее данной причиной возникновения и соответствующего конкретного оформления брака. С этой точки зрения брак должен возникнуть на основе сексуальности с главной целью регулировать сексуальные отношения и способ поведения в обществе. Первоначальная цель института брака в этом случае состояла бы в регулировании отношений между людьми.

Это, так сказать, психофизическая теория брака: якобы социальный институт, предназначенный для выработки условного рефлекса на штамп в паспорте — чтобы хотелось не при виде телесных прелестей, а только на условиях регулярного общественно-санкционированного сожителства (см. выше про водку с огурцом). Тут, правда, мы можем задать тот же вопрос, который Энгельс задавал Дюрингу: в чем состоит такое регулирование? — и выясняется, что не стоит за ним ровным счетом ничего, кроме чисто имущественных отношений, вопроса о собственности. Нет, конечно, мы допускаем, что кто-то ведется на хороший капитал — и браки по расчету сплошь и рядом заключаются по причине этого безмерно эротического возбуждения. Но твердокаменным марксистам размениваться на банкноты не пристало:

В противоположность этому Энгельс указал на то, что брак и семья хотя и возникают на основе сексуальности и главным образом в связи с биологически необходимым длительным периодом ухода за потомством, но в первую очередь являются производственным сообществом, то есть социальной группировкой, главная цель которой — кооперированное воспроизводство и производство жизни (своей собственной и жизни детей).

Энгельса мы уже цитировали (и можно еще долго цитировать в том же духе) — но здесь он предстает в смелой новаторской интерпретации: нам не только показывают семью как трудовой коллектив — но и четко определяют цели и задачи производственного процесса! Тем самым разногласий у Маши с Иваном быть уже не может — и рождается сексуальная гармония.

Брак твердо введен в репродуктивные рамки: воспроизводство и производство жизни. Никакого другого смысла в нем нет, и государство принимает гражданский кодекс (или кобс) исключительно в интересах поддержания метаболизма предусмотренного законом (и освященного религией) количества органических тел. Мысль о втором пришествии Дюринга напрашивается со страшной силой.

Поскольку духовное производство и творческое общение классики марксизма упорно игнорируют, их видение семьи по сути дела именно таково: производство на работе, потребление дома; производственное потребление создает все разнообразие культуры — индивидуальное потребление (которое допускается только в семье) производит только один продукт, рабочую силу. Пока мы остаемся в рамках бездуховной экономики — других вариантов нет. Но продвинутые социал-психологи не имеют права забывать об истоках всего:

Долгий период детства человека, продолжительная зависимость ребенка от матери, в которую неизбежно вовлекается и отец; связанная с этим необходимость добывать путем совместного труда средства существования для семьи или рода — все это способствует стабилизации возникшей таким образом социальной группировки и приводит к возникновению внутри этой социальной единицы новых межчеловеческих связей и обязанностей. Можно предположить, что последние влияют, так сказать, обратным путем на собственно сексуальные отношения брачных партнеров, то есть указанные внесексуальные (в конечном счете — экономические) факторы стимулируют регулирование сексуальных отношений.

Нам еще раз объясняют: брак нужен для того, чтобы создать кучу житейских сложностей, запутанную семейную экономику... Навязанные семейным статусом ограничения классовое общество искусственно «стабилизирует», из-за чего члены отдельных «группировок» не могут тратить семейный бюджет на стороне — и обязаны вкладываться не куда попало, а в собственное потомство. И вот тогда сексуальность станет «неотъемлемой ценностью человеческого общества». Дескать, оттягивая удовольствие, мы его тысячекратно усиливаем.

Допустим, где-то люди живут полнокровной общественной жизнью, свободно участвуют в чем хотят, открывают и устанавливают законы природы, совместно исследуют глубины духа, созидают миры... Там никому не надо добывать средства существования, а можно напрямую пользоваться всем, что человечество успело за сотни веков насоздать. Будет у них обостренная (и даже болезненная) чувствительность в

вопросах сексуального удовлетворения? Да ничего подобного: вся эта физиология для них останется всего лишь скучноватой гигиенической процедурой, для которой продвинутая культура найдет максимально свернутые формы, не отвлекающие от собственно человеческой деятельности. Ставить искусственные препятствия, и потом из последних сил их преодолевать — это весело, азартно, спортивно. Бытовые подвиги наполняют жизнь до краев — а тем, у кого нет иной жизни кроме животной, заполнять время больше нечем: стоит на миг остановиться — пугает экзистенциальная пустота.

Насчет долгого детства — это модная на рубеже 1970-х тема, и к Энгельсу ее приплели задним числом, для приличия. Но усмотреть здесь биологические корни семьи — надо еще постараться! У слона детеныш выкармливается 18 месяцев — и ничего, в загс не бегают, и попам на свечи не подают. Животные про своих отпрысков особо не думают — и избавляются от них при первой возможности. У слаборазвитых народов дети совершенно беспризорны — они фактически принадлежат общине в целом, а не какой-то отдельной семье! Откуда же у цивилизованных родителей необходимость ишачить много лет на детей? Очевидно, их принуждает к этому кто-то извне; имя этому насильнику — классовая экономика. Не столь важно, кто именно будет удерживать народ в рамках приличия: полицейский произвол, корпоративные бонусы или общественное мнение. Суть в том, что характер (и продолжительность) детства общественно обусловлен, причем по-разному для разных слоев. Принимать в расчет органику вообще никто не собирается — и тут можно вспомнить про *Критику Готской программы*, где Маркс ставит вопрос о возрастных ограничениях при использовании труда детей — как часть общедемократической программы социалистов. Разумеется, утопические теории на этот счет были и раньше — но практические шаги только у правящей элиты, а эксплуатируемые низы в отношении детей не ответственнее рептилий.¹¹ Таким образом, продолжительность детства есть, по сути дела, показатель уровня паразитизма, отхода господствующего класса от всякой экономической деятельности и превращения в ненужный балласт, тормоз экономического развития.

По каким-то причинам Гибш и Форверг вообще ничего не знают об общественном воспитании — для них развитие ребенка возможно только в семье! Да, конечно: школы, детские дома и сиротские приюты

¹¹ Скрытая торговля детьми — неотъемлемая часть буржуазной семейственности.

в классовом обществе финансируют по остаточному принципу — или в целях рекламы, а детям достаются остатки из остатков, поскольку скудные дотации персонал растащит по себе, в свои семьи. Но на другом полюсе — богачи, которые предпочитают отдавать детей в престижные интернаты, оставляя домашнее воспитание прослойкам поскромнее, у кого на такие роскошества денег нет (и с кого делает жизнь гнилая интеллигенция). Достаточно допустить, что современные формы школы для избранных — лишь прототип полностью общественного воспитания будущего, — чтобы увидеть всю нелогичность увязывания физиологии с семейственностью: даже если по каким-то причинам созревание организма вдруг растянется (вещь почти невероятная: исторически темпы органического взросления у человека только растут) — это никоим образом не предполагает посредничества каких-либо малых групп, ибо заботу о подрастающем поколении в итоге все равно берет на себя общество в целом — как минимум, обеспечивая культурный фон. Тем более воспитание не зависит от принятых в данной культуре норм полового общения — тогда как Гибш и Форверг выводят из своей теории принципиальную невозможность промискуитета, ибо

абсолютно неупорядоченные сексуальные отношения не могли бы обеспечить существование потомства.

Спрашивается: по какой такой причине широта сексуальности может ущемить экономические права ребенка? Только из-за существования семьи, узурпирующей право финансировать и направлять развитие детей и ограничивающей возможность прямого участия для «чужих», и для общества в целом. Выходит, что, скорее, наоборот: полное выведение секса из ведения семьи способствует разрушению социальных барьеров и надежнее обеспечивает «существование потомства».

В логическом плане, здесь типичная ошибка: попытка вывести необходимость семьи из факта ее существования. Если в наши дни правила таковы — они не могли быть иными до нас, и не могут измениться после. Дюринг добавил бы: во всех населенных мирах. Да, что есть — то и должно было произойти; но подобный логический ход возможен лишь в предположении возможности и чего-то другого, что исторически предшествовало своему отрицанию; при этом потребуется еще и указать, почему отрицание стало необходимым, как одно превращается в другое. У того же Энгельса, при всей апологетике семьи и ее возведении к биологическим потребностям, усматриваем важное признание: семья разрушает род. Таким образом, первобытная община

как форма общественного бытия рода оказывается предшественницей семьи и ее антагонистом. Семья относится к роду как классовое общество к доклассовому. Бесклассовое общество будущего — отрицает семью. Но если один тип общественного устройства сменяется другим, столь же общественным, — при чем здесь органика? — все движение происходит уже не в животном мире, а на уровне человеческой (общественной) деятельности. То есть, по крайней мере в отношении семьи неуместны *никакие* аргументы от физиологии; скорее всего, и возникновение родоплеменной структуры не вытекает из строения животных сообществ — но этот вопрос заслуживает отдельного рассмотрения. Здесь нам важно лишь, что семья — отнюдь не древнейшее и «естественное» образование, — что выделение семьи в отдельную экономическую единицу связано только с экономическими причинами, с развитием способа производства.

Учитывая, что исследование древностей и пережитков прошлого при капитализме практически монополизировано и находится в руках буржуазии, трудно ожидать достоверных сведений о находках, и тем более разумных интерпретаций. На основании имеющихся данных — можно предположить, что первоначально семья есть ячейка угнетения одной части рода другой. Возникает она только там, где исходно равные роды становятся, в силу неравномерности экономического развития в рамках племени, в различные отношения к средствам производства. Семья в данном случае утверждает экономическое превосходство одного рода (например, род мужа) над другим (из которого приходит жена; в этом случае складывается хорошо знакомое нам приниженное положение женщины в семье, вплоть до отказа в праве называться человеком — как у Аристотеля). Поэтому именно семья становится механизмом разрушения родоплеменных отношений и предпосылкой государственности, понимая государство как орудие угнетения одного класса другим — в соответствии с идеями классического марксизма. И пока есть государство как необходимость господства одного класса над другими (то есть, в любом классовом обществе) — семья существует не только как надстроечное явление (общественный институт), но и как постоянный источник экономического и духовного неравенства, снова и снова возрождающий классовый характер экономики и классовое сознание. Только вместе с государственностью в целом умрет и весь пласт брачно-семейных отношений; и наоборот, смерть государства невозможна без упразднения семьи.

В нашей гипотетической модели, отношения собственности возникают вместе с семьей — это вещное выражение экономических преимуществ одного рода перед другим — и способ его поддержания. Семья — первичная форма закрепления экономического неравенства, способ такого разделения уровней потребления, при котором более сильному экономически — доставалось бы и лучшая доля продукта. Поэтому одной из самых ранних правовых форм (то есть принципов регулирования отношений собственности) становится наследование — ограничение доступа к совместно используемому имуществу кругом членов одной семьи, а внутри семьи — в соответствии с «правом рождения»: рожденный внутри семьи заведомо выше статусом, чем пришлые родственники. Разумеется, вариаций этого принципа очень много; например, экономическая значимость рода матери может со временем перевесить мощь рода отца — и с этим придется считаться. Наша модель объясняет столь тесное переплетение родовых и семейных связей: внешняя расстановка экономических сил отражена в структуре семьи, и обратно, совокупное богатство группы семей может изменить характер родоплеменных отношений (вплоть до полного размывания).

Первые семьи на вид мало отличаются от рода: это большие группы общинников, так сказать, род в роде. Поскольку же родовая структура семьи с приходом все новых членов усложняется, внутрисемейные отношения уже не совсем подобны отношениям родов — они становятся самостоятельной силой, выделяют семью из рода и противопоставляют родоплеменной организации как таковой. Экономически, род основан на *распределении* труда — при совместном пользовании продуктами производства; неравномерность экономического развития для рода есть нечто внешнее, отношение к другому роду. Напротив, семья сразу складывается как форма внутрисемейного *разделения* труда — с последующим распределением его *продуктов*. Внешнее отношение семей приобретает в этом случае характер *обмена*.

В любом случае, мы вообще не говорим ни о каких «естественных» корнях семьи, и уж тем более не выводим ее из нужд продолжения рода или сексуальности. Напротив, только в ходе выделения семей факт рождения внутри семьи приобретает и общественное звучание, становится принципом распределения собственности. Поэтому для древних отношение родителей к детям намного важнее, чем любовь или дружба, военное или экономическое партнерство: наследник — залог сохранения семьи как таковой, он *представляет* ее наиболее общим

образом, абстрактно, как телесная оболочка (знак) семейного капитала. Именно семья наполняет половой акт экономическим содержанием, а не сексуальность влияет на становление семьи.

В ходе тысячелетней классовой истории экономические функции семьи заметно менялись; семья встраивается в иерархию государства, становится одним из надстроечных элементов, — но никогда не теряет первоначальной роли, остается источником общественного неравенства. У животных, вероятно, можно встретить предвестия рода — но семьи у них однозначно нет и быть не может. Тем более невозможен животный брак — хотя люди иногда ведут себя в браке как последние скоты.

Однако по мнению социопсихической парочки брак — надстройка не над экономикой, а над физиологией, хотя они и допускают, что (неизменно присутствующая)

функция брака как регулятора сексуального поведения является вторичной,

а на первый план выдвигается библейский завет: *плодитесь и размножайтесь!* — то есть, биология деторождения; а уж поскольку мы достаточно расплодились, нужна семья, которая

возникает как необходимость гарантировать экономическое состояние данной социальной группировки.

А вовсе не как принцип экономического обособления, определение того, чье состояние предстоит поддерживать. С точностью до наоборот. Но тут нас огорошивают фундаментальным открытием, что, оказывается,

в браке регулируются отнюдь не все сексуальные отношения, а лишь те, которые связаны с его необходимым экономическим состоянием.

Круто! Брак регулирует только то, что он регулирует. Это очень глубоко и свежо. Было бы непростительно не распространить душок на все обитаемые миры:

Необходимо заметить также, что эти положения касаются не только соответствующих отношений «современного» брака, но и основ генезиса всех наблюдаемых его форм.

Здравствуй, г. Дюринг! С днем возрождения!

Ну, чего еще? Если угодно — обсудим разнообразие этих самых «наблюдаемых форм». Исключительно с точки зрения регулирования сексуальности и репродуктивной потенции. Беспорядочные половые сношения мы уже отвергли как не способствующие семейному воспитанию. От фонаря перечисляем: групповой брак, полигамия,

моногамия (абсолютная и относительная). Полиандрии почему-то нет — без объяснения причин. В наши дни уже не новость однополые браки, тройки, обмен партнерами, виртуальные браки, браки асексуалов... — не говоря уже о фиктивных браках. Говаривают, что в Аргентине, где шимпанзе имеют правовой статус, зарегистрирован даже брак с обезьяной. Допустим, что в эпоху социалистической скромности такого букета авторы не могли себе представить. Но зато они способны выдать истинно дюрингианский букет теоретических вольностей:

Весьма вероятно, что полигамия соответствует той стадии общественного развития, в которой более крупные общественные единицы («роды») развивались под руководством одного «отца рода».

Вот вам: переряженный под Маркса неофрейдизм, в худших его вариантах! Достоевского среди нас давно нет — но с отцами этой теории тянет обойтись по Фрейду... Дальше приходится запинаться чуть ли не на каждой букве:

Его (то есть, отца рода! — все остальные не в счет) экономические интересы при существующих тогда формах жизнедеятельности рода (скотоводство и земледелие) состояли в максимальном расширении его клана (кроме рода и семьи появился еще и клан — это что?) с помощью им самим (то есть, даже без жены?) рожденных детей, прежде всего сыновей (женщина, как известно, не человек), что можно было гарантировать только путем владения (это в каком смысле?) многими женами (а почему не рабынями? — раз уж жен за людей не держим). Возможно, здесь играет роль также избыток женщин (вот-вот, новорожденных девочек убивать, как в античности) в результате войн (можно подумать, мирное население на войне не страдает! — вырезали города целиком; а атомной бомбе вообще пол до фени). Там, где эта причина — в рабовладельческом обществе — исчезает (это при рабовладении-то нет войн! — оно целиком держится на грабеже), закономерно (по каким законам?) развивается моногамный брак. Однако у некоторых народов полигамия как следствие традиций (почему-то не подвергшихся «закономерному» развитию) частично сохранилась до наших дней.

Уф-ф-ф... Грубо! Хотя бы немножко поуважать исторические факты, гг. дюрингианцы! Понятно, что вам хочется примазаться к Энгельсу, изобретателю новой, невиданной доселе (и вряд ли ожидаемой в будущем) формы семьи: «пролетарская моногамия»:

Общая тенденция развития всех известных нам народов ведет все же от полигамии к моногамному браку.

Это, пардон, почему? Даже если исторически оно так и было — ни из какой биологии оно не следует. А сетовать на якобы нехватку войн (не успеваем выкашивать мужиков, да-с!) — это как-то не по-людски. Особенно после двух мировых и в начале третьей. Современные тенденции идею моногамии почти похоронили — но в 1970-х еще можно было порассуждать от абсолютах и категорических императивах:

Абсолютная моногамия в этом случае означает поставленное как цель, то есть требуемое этическими нормами, ограничение половых связей одним браком, скрепленным общественным актом, часто санкционированным религией и нередко считающимся нерасторжимым. Там, где существуют такие требования, они переносятся также на добрачные и внебрачные половые отношения.

Поставить себе целью ограничение половых связей — это примерно как поступить в монастырь. В брак вступают вовсе не для того. Иногда как раз наоборот: чтобы совсем развязать ниже пояса. Но чаще по экономическим причинам — а изредка по искренней симпатии. Впрочем, симпатию можно ублажать и без брака — и если штамп таки ставят, это все равно коммерция. Насчет скрепления общественным актом — тут дикари во все эпохи умели зажигать. Пышная свадьба — как изнасилование перед публикой. Религию сейчас уже всерьез не принимают, и в храме венчаются для хохмы — или попа заставляют прыгать с парашютом. Некоторые коллекционируют церемонии по разным обрядностям. Но, конечно, чинуши и святоши в классовом обществе не переведутся никогда — и тут нам рассказывают о моногамии «в наиболее строгой форме»: «абсолютное добрачное целомудрие» (а что, есть еще и относительное?), «полный отказ от внебрачных связей» (разумеется, только для жены; с другой стороны, какой-нибудь *quickly* в офисе — тоже не марает супружескую постель), «отказ от вступления в брак после смерти одного из супругов» (молча предполагается: мужа). Но не все так однозначно!

Во-первых, наиболее строгую монополизацию и контроль над половыми отношениями (по крайней мере в официальной морали) мы встречаем в обществах, переживающих подъем; напротив, расшатывание и зачастую распад сексуальной морали — на стадии упадка общества.

Ну, ребята, вы даете! Даже если бы это было правдой — столь сильные заявления, по совести, следовало бы как-то обосновать... Хотя бы намекнуть, из каких соображений оно должно быть именно так. Темное

место — как понимать переживание подъема. Это физиологически оно сразу заметно; а в обществе — всякий подъем есть одновременно и начало упадка,¹² так что проводить грань приходится на основании далеких от эмпирии принципов — исходя из того, зачем эта грань нам понадобилась. С другой стороны — что такое «сексуальная мораль»? Можно понять и в смысле страстного влечения к морали как таковой — по смыслу хорошо вписывается! Предположительно, здесь имеется в виду лишь расширение круга половых партнеров и отмена семейной монополии. Но кто сказал, что это аморально? С точки зрения других времен — может быть; но в современности — другая мораль, и судить о ней следует с позиций ее времени. Поэтому разумно было бы не заниматься морализаторством, а честно обсудить, как меняется отношение к определенным общественным институтам (а вовсе не к сексу!) при переходе от одной стадии развития общества к другой. Тогда мы увидим, что на этапе становления какого угодно уголка культуры новое явление не вписывается в обывательскую мораль — и осуждается правом; по мере все более широкого распространения — то же самое становится привычным и не вызывает отрицательных эмоций; на следующем этапе — превращение в составную часть морали и правовое закрепление (а психологически — скука и отторжение пошлости); подобная объективация (формальный канон) исключает необходимость вмешательства субъекта: если все происходит само собой — можно переключиться на другое, более интересное. Так в поле зрения общества входит следующий вызов морали — и все повторяется на новом уровне.

Сухой остаток тот, что нет никакого волнообразного подъема и спада в отношении общества к абстрактно выделенному общественному институту — а есть эволюция самого этого института вместе с обществом; любое выделение стадий — требует культурной привязки, указания конкретного исторического процесса, по отношению к которому эти стадии уместно выделять. В данном случае — следует выяснить, когда начинает складываться буржуазная семья (в отличие от прочих видов моногамии), как ее вписывают в мораль и право разных классов и общественных слоев, и что идет ей на смену — если налицо признаки упадка. А не говорить об упадке общества как такового — это пустая абстракция.

¹² Именно поэтому классовая философия вырабатывает свои категории только задним числом, когда порядок вещей уже изменился — а старое не вернется никогда.

Но вернемся к той же странице текста, где нас поджидает еще один неоднозначный пункт:

Во-вторых, можно повсюду наблюдать факты (часто критически обсуждаемые), свидетельствующие о том, что при всех формах брака мужчине предоставляется больше свободы.

Тут сами авторы признают проблематичность постановки вопроса: факты то ли есть, то ли нет... Откуда споры? Все оттуда же, от путаницы в понятиях. Когда неизвестно, что такое брак и каковы его формы — как можно разговаривать о положении людей в браке? И самое время задать знаменитый пилатовский вопрос: что есть свобода? Допустим, сбегал кто-нибудь налево — он что, освободился от пут семьи? Да ничего подобного! — сама оценка походов на стороне как нарушающих нормы права и ходячей морали (и попытки скрыть проступок, замести следы) указывает на отсутствие свободы: чем больше правонарушений, тем крепче право. Китайский император и царь Соломон обладали тысячами женщин, совершенно по праву, — но и это свободой не назовешь, поскольку формы обладания закреплены традицией и никак не зависят от воли участников этого производства. Свобода в браке — нонсенс; возможна лишь свобода *от* брака — что в классовом обществе практически недостижимо, ибо сама идея собственности предполагает и ее раздел. Богатый холостяк — не свободен от брака, поскольку, например, чужие браки ограничивают его круг общения (хотя и не запрещают ничего наотрез); невинная девушка не вправе свободно распоряжаться «своей» невинностью — для этого есть общественно установленные формы; проститутка не может продаваться без хорошей крыши — да и налоговое бремя никто не отменял.

Вопрос о «предоставлении» — вообще из области анекдотов. Если мужчине разрешено пользоваться телами нескольких женщин — это лишь означает отсутствие моногамии: такой брак следует называть как-то иначе. Преимущества одних дам перед другими — часть брачной системы; у того же китайского императора была первая жена, несколько вторых и еще больше третьих, — с аналогичными градациями среди наложниц (которые яростно интриговали ради изменения официального статуса). У пророка Мухаммеда была старшая жена — и любимая жена; и эти должности не совпадали. Если в Европе принято называть женой только одну женщину — это не значит равным счетом ничего, пока мы не обратимся к экономическим различиям жен и любовниц (а также мужей, любовников и спонсоров — как у богини Афродиты, у Манон

Леско, или у многотелой Сабины). Но указание таких различий есть, по сути дела, *определение* типа семьи: при разном распределении ролей мы получим совершенно разные семьи. Штамп в паспорте не играет ни малейшей роли в экономической иерархии: муж вправе тратить всю зарплату на выпивку или баб — а жене только слезы. В некоторых странах есть формальные ограничения — вроде заселения в один номер гостиницы или возможности подавать прошения от имени семьи; однако всегда найдутся альтернативные способы, позволяющие запретное сделать возможным (не без выгоды для ушлых посредников).

В итоге, исторически конкретная буржуазная моногамия есть не один тип семьи, а *класс* типов семей — допускающий различные формы брака в зависимости от социального (экономического) статуса сторон. Положение мужчины в семье — это абстракция; для конкретного мужчины — свой выбор брачных вариантов; для конкретного брака — группа мужчин (или женщин), допущенных к участию.

Первое следствие — отсутствие связи с биологией пола. Кто как устроен — к делу не относится. Важно лишь, кто кому и сколько должен. Свобода — понятие экономическое. Это понимают и Гибш с Форвергом, и пытаются по-своему отразить:

Нередко еще и сегодня это аргументируется тем, что мужчина по своей природе полигамен. В действительности же, факт, что мужчине «больше дозволено», связан прежде всего с тем, что обязанности отцовства в значительной мере легче, чем обязанности материнства, в том числе и в экономическом отношении. Кроме того, результат внебрачных половых отношений мужчины (при определенных имущественных отношениях) в значительно меньшей степени затрагивает экономическое состояние (имеется в виду правила наследования), чем у женщин.

Получается криво. На полигамию от природы следовало бы выставить контраргумент: обсуждать это (хотя бы в биологическом контексте) можно лишь при четком осознании того, что есть полигамия — и что есть природность. Например, когда люди скрещивают кого попало с кем придется в целях селекции — это от природы или нет? Домашний скот о половых (и тем более супружеских) предпочтениях не спрашивают. В биологии даже мужчину от женщины не всегда отличишь: первичные и вторичные признаки запросто перепутываются, известны факты партеногенеза, — а некоторые зверушки умеют менять пол при надобности (последнее время и люди к этому пристрастились).

Понимать полигамию как спаривание с несколькими партнерами? Так в этом большинство животных никак не ущемлены — и самцы, и самки. Например, у кошек бывают очень интересные пометы... Однако если речь об институте брака — природа вообще не имеет к этому ни малейшего отношения. Разрешить или запретить общественную связь может только общество. А наши писатели одну «природную» лапшу заменяют другой! Совершенно темные воззрения оппонентов они пытаются побить не менее темными понятиями материнских и отцовских обязанностей. Откуда они взялись и что такое — ни малейшего намека. Зато заранее ясно: есть в этом что-то нечеловеческое (природное?) — поскольку экономика лишь «в том числе». При таком раскладе утверждение о тяжести женской доли (в смысле легкости мужской) — абсолютный произвол: на пустоту с равным (не)успехом можно наклеить любой ярлык. Но самый терминологический крутяк — стыдливо назвать внебрачных детей «результатом»... Дескать, законный результат экономику семьи потрогать может — а левакам ни-ни! Определяющая роль наследования в происхождении собственности — как на ладони. Фишка в том, что (по Гибшу и Форвергу) побочный результат женщины всегда остается в семье, а на мужские результаты можно смело начхать. Предрассудок настолько укоренившийся, что авторам и в голову не приходит задаться вопросом об общественной сути такого разделения труда и возможности альтернатив. Но стоит хоть капельку приобщиться к действительной истории — стройная картина трещит по всем швам. Законодательство СССР и ГДР содержит идею установления отцовства — и алименты платить придется все равно; сегодня на этом спекулируют секс-террористки, сшибающие бешеные компенсации со знаменитостей за (иногда сказочные) прошлые грешки. С другой стороны, матери запросто бросают своих младенцев — и хорошо, если не топят или закапывают живьем, а лишь спускают в мусоропровод или подкидывают! Яркие образы — в художественной литературе (от Еврипида до Достоевского, и далее в наши дни). Законодательство о наследовании во многих странах позволяет полностью лишиться наследства «законных» детей и раздать состояние по барской дури. Обратная сторона — широко распространенная среди нынешних богачей практика усыновления и удочерения. Там вообще «результаты» неизвестно чьи. А наследство в полном объеме.

Базар про «легкость» и «экономическое состояние» прикрывает тысячелетнее семейное рабство; в Европе и ее окрестностях играть роль

репродуктивного орудия довелось женскому полу (хотя и здесь не без громких исключений: Клеопатра, Тамара, Виктория с Елизаветой).¹³ Но не физиология женщины приковывает ее к семье — а классовое право. Нет брака — нет и внебрачных детей. В бесклассовом обществе даже вопрос о равенстве — неуместен (кроме исторических реминисценций). Замалчивание классовой природы «половых» (или иных) различий — на руку апологетам капитализма.

Для иллюстрации: английские буквы M и W — как бы перевернутые отражения друг друга; на этом основании уже можно строить теорию семейного неравенства: мужчина (Man) и женщина (Woman) чисто лингвистически различаются — и только у богатых господин (Mister) и госпожа (Mistress, или Madame) на одну букву... Будем мы обозначать общественно неравных буквами или интимными частями — погоды не делает.

Пассаж про «результаты» не убеждает даже авторов — и они хотят спихнуть ответственность:

Здесь необходимо отметить, что эти проблемы представлены нами в более упрощенном виде, чем это имеет место в действительности.

А в действительности — «менее упрощенно» (но все-таки упрощенно)? Даже если этой корявостью мы обязаны переводчику — признаем прямо: нет здесь никакого отношения к действительности! Так что остается лишь хлебнуть для храбрости — и в бордель, за утешением...

Вообще явление проституции в капиталистическом обществе представляет собой выражение сексуальной морали этого общества.

Глыба разума! Где глыбь — там и рыбь. Про сексуальное отношение к морали — см. выше. Но здесь оно уже перетекает в порнографию: несчастную мораль затрахали во все дырки. Оказывается, в проститутки идут не абы кто — а передовые люди своего времени, жаждущие в полной мере выразить его нравственные устои (или несостоятельность). То есть, сначала придумаем себе мораль — потом устроим бизнес по образу и подобию. Не такие крутые марксисты — не представляют «собой», а представляют себе голодных или обманутых — которых классовое общество (в лице правящей элиты) искусственно выводит за пределы правового поля (на панель) — как ущемлением прав, так и насаждением филистерской морали. То есть, буржуазная мораль

¹³ У легендарных амазонок (и воительниц Дагомеи), по слухам, было наоборот: пленных мужчин использовали для зачатия — а потом убивали за ненужностью.

выражает экономическую организацию капитализма — а вовсе не наоборот. Разумеется, мы в курсе, что мир проституции столь же иерархичен, как и классовое общество в целом, и разные места работы предполагают и различия в общественном положении: крестьянка в хлеву — вовсе не то же самое, что элитная эскорт-модель; секретарша офисного владыки — не чета придворной интриганке или порнозвезде. Уровни доходов плавают соответственно. Не секрет также, что кое-кому занятие нравится — позволяет раскрыться во всей красе великого таланта; творчество возможно везде — и всякое искусство достойно уважения. Можно предположить, что и в будущем какие-то стороны человеческой духовности будут выразимы в образах высокого секса. Однако на дворе капитализм (иногда под вывеской социализма) — так что любое отношение людей по поводу вещей (например, половой акт) принимает форму акта купли-продажи. Будет это происходить кустарно (в семье) или в лоне секс-индустрии — не принципиально.

Все это доказывает общественно-экономическую обусловленность как самих форм брака, так и связанных с ними норм половых отношений. Очевидно, что экономическое мотивирование половых отношений в первую очередь связано не с половыми отношениями как таковыми, а в большей степени с их последствиями. Мораль целомудрия возникла лишь вторично. Затем она посредством различного рода идеологических санкций превращается в норму и контролируется ритуалом.

Если «взять с потолка» означает «доказать» — тогда дюрингианство абсолютно доказательно. Что нам стоит переопределить понятия?

Чисто ассоциативно — социалистическое соревнование: «нормы половых отношений» можно выполнять и перевыполнять — и даже бить рекорды, по-стахановски... Непонятно только, зачем это обязательно увязывать с браком. На панели тоже есть выдающиеся работницы, перед(ович)ки труда — хоть сейчас на доску почета.

Торжество метода Дюринга: парой абзацев выше обнаруженная гипотеза о первичности «результатов» — здесь уже превращена в очевидность. То есть, мы, как марксов архитектор [23, 189], сначала строим плод в голове — и только с полным сознанием дела приступаем непосредственно к оплодотворению. По-рыночному: просчитываем все этапы проекта, составляем бизнес-план... А потом честно уплачиваем в казну причитающиеся казнокрадам налоги. Половые сношения сами по себе — фи, как вульгарно! В качестве поддержания экономической стабильности путем избирательного наследования — другой колленкор!

Тут, откуда ни возьмись, неизвестно кто, непонятно зачем, — выкатывает «мораль целомудрия». Чтоб у того изобретателя член отсох! А если другого пола — пусть от цистита сгниет. Потому что подбивают начальство на «идеологические санкции»: что это такое, мы не знаем — но звучит очень страшно! В итоге — устанавливают нормативы, и начинают ритуально контролировать их выполнение. Кошмар. Но будет и на нашей улице праздник!

По многим причинам, однако, имевшие до сих пор значение экономические факторы теряют свое действие. Так, например, широкое распространение противозачаточных средств и техники регулирования рождаемости в известной мере делают практически недействительными требования целомудрия и сексуальных ограничений.

Ура! Свобода! Гуляй кто сколько сможет!

Кроме того, более не существует — и прежде всего в социалистических странах — вышеупомянутых причин, побуждающих избегать внебрачного материнства или отцовства, так как это обстоятельство, если его рассматривать с чисто экономической стороны, не может более влиять на существование брака или вступление в брак.

Ну вот... А только что говорили про презервативы. А если кому и бракованное не по нутру? Зачем сразу о грустном? Материнство и отцовство — что в браке, что без него... Как только мы ставим людей в формальные отношения друг к другу — это уже не люди, а органы семьи. Которые не вправе свободно распоряжаться органами. Отношения супружества ничем принципиально не отличаются от связи родителей и детей: и то, и другое — связывает. А надо наоборот — освобождать. Чтобы никто не знал, чье он потомство; чтобы общество в целом занималось каждым — и каждый жил жизнью всего человечества, а не мелочностью домашнего хозяйства. Свободный человек везде как дома, и ему просто неинтересно, с кем у кого есть общие гены. А нам опять про брак и мораль, хотя и с тенденцией:

к общему ослаблению единобрачия и соответствующих моральных требований

То есть вместо единобрачия — какое-то другое -брачие, и опять тупая мораль вместо высокой нравственности. Ничего не хочется. Разве что отвлечься и воспарить мечтой

к тому, чтобы с постепенным развитием наметившейся в моногамном браке гуманизации половых отношений последние могли со временем

достичь относительного совершенства. Это, однако, предполагает наличие всеобщих социальных условий, при которых взаимоотношения людей в целом могут нести в себе тенденцию к гуманизации, подобно отношениям при социализме и коммунизме (в том числе и отношениям любви), более не подверженным законам купли-продажи, а подчиненным стремлению к реализации идеала социалистического гуманизма.

Vive l'idéal ! Дюринг прослезился — в обнимку с Марксом и Энгельсом, на трибуне мавзолея. Половые отношения до того гуманизировали, что они вот-вот превратятся в отношения любви — и настанет сексуальный гуманизм — тот самый, к которому все стремится... Вероятно, мы никогда не узнаем, какие для этого нужны «всеобщие социальные условия». Но это и неважно: прокукарекали — и хоть трава не расти!

Нет, вы не так поняли: авторы вовсе не собираются остановить поток строгих доказательств экономической обусловленности всего и вся! Пройдено лишь два этапа: «Обусловленность поведения и характера обоих полов» и «Обусловленность института брака».

На третьем этапе нашего исследования мы постараемся углубить это доказательство.

На очереди новое откровение, торжественно озаглавленное: «К вопросу о десекуализации в области человеческих отношений». Ой, шо щас буде-ет! Первая же фраза «углубления»:

Точно так же, как всякое общество заинтересовано в урегулировании сексуальной активности своих членов на основе присущих ему экономических отношений, оно заинтересовано и в том, чтобы десекуализировать, сексуально нейтрализовать определенные области жизни и поведения, в которых биологически возможны сексуальные отношения.

Обществу, конечно же, больше нечем заняться, кроме регулирования секса! И экономические отношения нужны исключительно как орудие этой всеобъемлющей регуляции. При таком раскладе не совсем ясно, зачем откуда-то устранять секс — если он таки всему голова. В силу «доказанной» на предыдущих этапах «неспециализированности» секса, «эротические импульсы» запросто проникают «во все возможные виды формальных и неформальных человеческих взаимоотношений» — но благодаря этому рождаются «неотъемлемые ценности человеческого общества». Повторимся:

Именно это составляет собственно гуманное, нравственное начало в сексуальности человека.

В сексе мы сталкиваемся, как частицы в ускорителе на встречных пучках, порождая каскады невероятных состояний материи; на этом же принципе зиждется термоядерная энергетика будущего (если пока не принимать всерьез фокусы с холодным термоядом). Так на кой нам что-то нейтрализовывать? Наоборот, стимулировать и развивать! Общество, конечно, может заняться урегулированием сексуальной активности своих членов — и прочих полезных приспособлений. Как мы видели, регуляция сводится к нагромождению всевозможных препятствий — чтобы людям было интересно их преодолевать, и тем самым оттачивать сексуальное мастерство, достигая «относительного совершенства». Но так это же не против сношений, а всецело ради них!

Насчет биологической возможности сексуальных отношений — это нонсенс: отношения всегда возможны, как минимум, пока существуют биологические организмы, оборудованные надлежащим образом. При должной «гуманизации», сексуальность способствует реализации всех прочих идеалов — до которых меньшие братья пока не доросли. Если кому-то приспичит заняться сексом с синхрофазотроном — или даже с абстрактной идеей, — честь ему и хвала. Тем более, когда нет повода опасаться «результатов».

Получается, что и говорить-то не о чем. Поэтому остаток раздела лишь посвящен исключительно теории кровосмешения, предварительно смешивающей биологию, брачно-семейное законодательство и строение классовой экономики. Центральный пункт этой новой науки — отсутствие каких бы то ни было запретов в «естественном» состоянии человечества: спаривайтесь, с кем хотите, — это не против человеческой природы. Совершенно непонятно, какое это имеет отношение к институту семьи и брачному статусу: допустим, взял кто-то жену из другого рода — это никак не мешает неформально общаться с кровными родственниками; а совместно трудиться тоже можно с кем угодно, семейным и холостым, и даже без сексуальной подоплеки. Но Гибш и Форверг на этом этапе допускают секс только с женой, а родственники поголовно обязаны участвовать в семейном бизнесе. Отсюда чисто буржуазное противопоставление эндогамии и экзогамии — и дутая проблема запретов и разрешений.

Новаторство состоит в том, что механизмом закрепления обычных для Европы брачных норм (безотносительно к сексу) считается не запрет эндогамии — а требование экзогамии, поскольку это, дескать, укрепляет общественный характер производства и дает «ряд экономических и

социальных выгод»: расширение рода, укрепление его отношений с другими родами, возникновение межродовых обязательств, взаимная поддержка и т. д.

Разве ты не понимаешь, что, если женишься на сестре другого мужчины, а на твоей сестре женится еще один мужчина, у тебя будет два новых родственника. А если ты возьмешь замуж собственную сестру, у тебя не будет ни одного. С кем же ты хочешь тогда охотиться, обрабатывать свое поле, к кому ты будешь ходить в гости?

Чтобы такое рассуждение стало возможным — нужны «всеобщие социальные условия», и в большом количестве. Прежде всего — уже сложившийся институт брака: иначе говорить о женитьбе как-то странно. Более того, здесь, судя по всему, имеют в виду парный брак, и тоже не абы какой, а тот, где доминирование мужского пола — само собой разумеется: жена — всего лишь орудие труда, собственность — причем именно частная собственность, ибо об отношениях к роду мужа ни единого слова. Идем дальше. Господство частной собственности выражается еще и в том, что земельные наделы и охотничьи угодья уже поделены между семьями — и пользоваться ими могут лишь законные владельцы (родственники по закону); чтобы пустить чужака в семейные угодья — об этом и подумать нельзя! Обрабатывать сообща землю или вместе охотиться без каких-либо предварительных условий, в том числе совершенно незнакомым людям, — невероятная ересь. Чтобы запросто заглянуть к соседу на огонек — боже упаси! Зато родственникам с восторгом принимать контрольные визиты (чуть позже это превратится в камеральные проверки фискальных служб) — вменяется в прямую обязанность. Таким образом, перед нами вполне сложившееся классовое общество — и общинность в нем далеко не первобытная: это семейная община, прообраз раннего средневековья.

Ясно, что требование экзогамии соответствует совершенно определенным общественным и технико-производственным условиям, а именно там, где семья или незначительный род уже недостаточны для развивающегося производства и где поэтому необходимы более обширные общественные связи.

И в темные времена бывают светлые мысли! Продолжая приведенные выше соображения, мы согласны: институт брака — это, собственно, и есть механизм объединения семей в кланы, сословия, классы, — переход от этнического деления к государственности. Превращение совместной деятельности в распределение (а потом и разделение) труда — что и

означает возникновение собственности как «всеобщего социального условия». Брак — и *есть* экзогамия, по определению. Соединение экономически *разных* единиц. Чтобы родичи могли вступить в брак, они должны противостоять друг другу внешним образом, как частные собственники, для которых брачный договор определяет правила доступа к собственности друг друга. Просто переспать с сестрой или дочерью — недостаточно для «эндогамии»: необходимой предпосылкой становится имущественное расслоение внутри рода. Таким образом, нет надуманной противоположности эндогамии и экзогамии — а есть иерархия «экзогамий», классовая структура общества.

К сожалению луч света в социал-психологии быстро потух: вместо экономики нам опять впаривают рассуждения о сексуальности, которую во что бы то ни стало требуется подавлять. Чем в таком случае авторам не угодил Фрейд — дело темное. Почему экзогамия накладывает табу на внутренние (?) половые отношения — полнейшая мистика: казалось бы, партнерство по бизнесу ничуть не мешает партнерству по постели — распил денег может сочетаться с каким угодно времяпровождением во внерабочее (внеофисное) время. Соответственно, половое воспитание детей может быть совершенно разным, в зависимости от сложившихся культурных норм — а их возникновение никто пока не объяснил. Зачем нужна «десекуализация» отношений в семье? Использование любого орудия труда в каждой конкретной культуре определяется способом производства, организацией экономики. Человеческие тела — не исключение. Если существуют ограничения на применение доступных нам способов действия — для этого имеются веские экономические причины, мотивы деятельности. А нам опять про животный мир:

Биологически обусловленный длительный период детства и юности у человека с закономерно вытекающими отсюда продолжительными отношениями зависимости детей от родителей и других членов рода вместе с экономической необходимостью обеспечения существования этой социальной группировки приводят к ее четкому структурированию.

О том, что длительность детства — совершенно социальная условность, сказано достаточно; про юность — то же самое. Биология тут вообще никаким боком. Но по Гибшу и Форвергу — мы все еще звери, а экономические факторы — вроде бантика у кошки: они лишь «вместе» с биологией, и никак не влияют на зверскую суть. То есть, группировка живет по диким природным законам, а от общества требуют лишь

«обеспечить существование» — типа: *жрать давай!* Легко видеть, что «четкое структурирование» вырождается здесь в дико паразитарные структуры — явно списанные с реалий классового общества. Все это живо напоминает теорию насилия Дюринга («труд производит, насилие распределяет») — против которой Энгельс, к сожалению, так и не сумел осмысленно возразить. Но у наших социопсихологов есть достижение, которым похвастаться не может почти никто: осознание иерархической структуры общества. Более того:

Структура меньшей социальной группы слагается по форме и содержанию в соответствии со структурной моделью общества в целом.

Отсюда один шаг до возможности различных способов развертывания общественной иерархии в разных исторических условиях — и далее к многообразию форм любых человеческих отношений, включая секс и семью. Причем определяющим всегда будет господствующий способ производства — а все остальное в классовом обществе неизменно воспроизводит и противоположность основных классов.

К сожалению, этого решительного шага авторы не делают. Вероятно потому, что это в условиях «развитого» социализма слишком обнажило бы первозданную буржуазность, отсутствие исторических перспектив. Кому охота заказывать гильотину на дом? Тем не менее, даже такое половинчатое открытие подсказывает:

Аскетизм происходит, следовательно, совсем не из первичного требования целомудрия, а из запрета брака.

В переводе на человеческий язык: правящая верхушка раньше бесправных низов консолидируется в класс, и отгораживается от всех остальных кастовыми барьерами, одним из которых становится запрет на передачу собственности в руки «недостойных» — отсюда требование классовой «эндогамии», осуждение мезальянсов; идеологически это может, например, принимать форму божественности происхождения (как у египетских фараонов) — или врожденного права повелевать (голубая кровь) — или удержания контрольного пакета в кругу своих (ответственность «белого брата», по Кипплингу). Другая сторона того же самого — контрактная проституция, институт временных содержанок, заведомо ущемленных в правах — но сохраняющих за собой какие-то рыночные гарантии. Так засадившая себя в клетку элита покупает иллюзию полной свободы — и может тешить себя ощущением превосходства. Но в итоге и внутриклассовый («династический») брак

оказывается лишь временным союзом — и распадается при малейших изменениях конъюнктуры. При капитализме разрушение семьи как общественного института набирает невиданные доселе темпы. Тем самым классовая экономика рубит сук, на котором сидит.

На других уровнях классовой лестницы — воспроизводится то же самое, но с небольшим (хотя и существенным) отличием: здесь есть куда расти, и выгодные межсословные браки не просто приветствуются — это предел мечтаний. Именно для этой массы средних и мелких буржуа важна «экзогамность» семьи, брачный либерализм, — вкупе с доступом к собственности новообращенных родственников. Законы и мораль не для правителей — это кнут и пряник, или опиум для народа.

Понятно, что на самом низу делить уже нечего, и пролетарская мораль вообще не озадачивается брачно-семейными материями: есть вопросы посерьезнее. В какой-то мере, это прототип нравственности будущего, которой важна лишь способность участия в экономическом и духовном творчестве, безотносительно к способу приобщения. Для пролетария любые законы (в том числе брачно-семейные) — чистая абстракция: они неуместны там, где нет собственности. Тем самым пролетариат занимает особое место в «структурной модели общества в целом» — это зеркало, в котором правящий класс видит себя во всем уродстве. Но именно такое «зеркальное» родство позволяет некоторым представителям верхов переходить на сторону угнетенного большинства и становиться выражением пролетарской идеологии (всегда неполно и непоследовательно).

Разумеется, теоретические модели на практике лишь просвечивают сквозь переплетение самых разных тенденций; выстроить жизнь в соответствии с идеалом — большой и тяжелый труд. Не бывает капиталиста или пролетария в чистом виде: в каждом имеются и буржуазные, и пролетарские элементы, — и расстановка приоритетов зависит от развертывания иерархии личности в процессе ее роста в определенной классовой среде. Проблемы воспитания — другая сторона экономических проблем. Вот бы куда приложиться материалистической социальной психологии. Но здесь Гибш и Форверг фактически самоустраиваются, ограничиваясь глубокомысленными указаниями на то, что воспитание

следует рассматривать, с нашей точки зрения, как сознательную, целенаправленную и институированную форму опредмечивания и присвоения.

Здоровая это мысль или больная — зависит от того, что мы собираемся опредмечивать или присваивать, и как будем это институировать. Судя по имеющимся разъяснениям, опредмечивание понимается как участие в общественном производстве, а «присвоение» — просто неудачный (буржуазный) термин для выражения идеи приобщения к богатствам культуры (вероятно, следовало бы сказать: *освоение* — превращение в часть себя). В таком понимании есть что-то от марксизма, и можно лишь порадоваться: не все в этом мире упирается в секс. Радует также увязка с принципом иерархичности: воспитывает не только непосредственное окружение, но и влияние всех остальных общественных групп, вплоть до общества в целом. Тут, правда, под гладкой поверхностью — скользкие камни замшелой буржуазности. Господствующий класс испокон веков узурпирует право представлять общество в целом, и низшие слои вольно или невольно лепят себя с этого «высшего» эталона. Поэтому для буржуазного психолога (а также для Гибша и Форверга) общественная «детерминация» всегда направлена сверху вниз:

структура общества → структура группы → структура личности

Отсюда сведение человеческого образования к животным механизмам:

Сходство возникает часто как следствие раннего социального подражания.

Тут нам впаривают совершенно буржуазную теорию: дескать, при «непосредственной коммуникации» воспринимается поведение других людей, а «опосредованная коммуникация» что-то передает через жесты и речь... Другая сторона (и следствие): воспитание сводится к дрессировке, когда общественная необходимость (или тенденция развития) «закрепляется в индивидах в виде эмоциональной установки». Однако человек не просто обезьянничает — он трудится, активно вмешивается в жизнь — включая строительство собственной личности. Всякое восприятие у человека опосредованно деятельностью: не просто наблюдать со стороны, а влезть в шкуру другого человека (или вещи) — *пережить* все самому. Такое переживание — не просто эмоция; это факт культуры, общественный продукт. Поэтому вполне можно согласиться с Гибшем и Форвергом, что

в научении мы должны видеть универсальный акт человеческой деятельности.

Человека не просто учат — от учатся; но не «подражает», не копирует внешние образцы, а использует их как *материал* для производства себя

как общественного продукта (получая тем самым право представлять общество в целом, разум как таковой). Общество заинтересовано в том, чтобы вырастить в каждом индивидуальность, уникальность, отличие от других. И тогда совершеннейшей дикостью выглядит буржуазная фраза о том, что

всякое научение происходит на основе общечеловеческих, имеющих в определенных вариациях в каждом индивиде *способностей*...

Это прямая пересадка в психологию платоновских представлений о самостоятельном существовании абстрактных идей — которые людям надо лишь улавливать из надмировых сфер и приспособливать к ним свое поведение. Марксизм — наоборот: человеческие способности суть продукт общественной деятельности, и как выстроится иерархия личности — зависит от характера включения единичного человека в материальное и духовное производство. Поэтому нет в личности ничего «общечеловеческого» — именно этим она и личность. И говорить надо не о подражательном «сходстве» с другими — а о том, что разнообразие личностей есть выражение единства разума (как одна из сторон единства мира). Разумно поставленное (неклассовое) образование не подводит под стандарт, а наоборот, дает возможность преодолеть животную тягу к стереотипам.

Мы исчерпали практически все относящееся к нашей теме. Есть еще что-то о психологии руководства и о сущности речи — стилистику легко представить по уже приведенным фрагментам. Для удобства читателя авторы дают сводку результатов:

(1) Инстинкта социального поведения не существует:

Человеческое существование и поведение, напротив, обусловлены наличием основных органических потребностей, которые должны быть удовлетворены в целях сохранения жизни индивида и существования рода.

Под основными потребностями подразумеваются питание, продолжение рода и безопасность.

⟨Таким образом, ничего человеческого в человеке не остается — это всего лишь животное, и можно с ним как со скотом.⟩

(2) Органические потребности человека неспециализированы и не инстинктивны.

⟨Они первозданны и божественны...⟩

(3) Удовлетворение их опосредовано трудом, в котором «заложены истоки социального поведения».

⟨В пункте (1) сказано, что истоки всего — в «основных органических потребностях». Следовательно, труд (и вытекающее из него «социальное поведение») — всего лишь комбинация животных телодвижений, какой-то уровень метаболизма.⟩

(4) Удовлетворение органических потребностей «осуществляется посредством общественного регулирования».

⟨Забавно. Если, скажем, я хочу есть — можно вместо еды пару часов порегулировать что-нибудь. Это удобно начальству: работников можно не кормить. Обычное дело: когда творишь — забываешь обо всем!⟩

Далее, в силу неспециализированности органики, надо иметь «систему общественного руководства для достижения биологических целей».

⟨Остается загадкой, почему при этом капитализм оказывается целиком построен на разделении труда, на узкой специализации по профессиям. Что общественное руководство служит лишь примитивным животным позывам — это вытекает из принятого представления о человеке как и неразумной твари. Однако тогда и само это руководство не выходит за рамки животности, и дикое барство власть предержащих (вкуче с хамским поведением мелких хозяйчиков) поставлено на солидную «научную» основу: это в природе человека — так что придется смириться и терпеть.⟩

(5) Социальное поведение людей не может быть «непосредственно и элементарно связано с наличием основных потребностей».

⟨Если мы признаем, что человек годен лишь на поддержание животного существования и продолжение рода — пункт (1) — его «социальное поведение» ничем не отличается о прочей животности; поэтому упор здесь, по-видимому, на посредниках и неэлементарности. Типа: должно выводиться из органики — но мы пока не вывели.⟩

(6) Сексуальность ⟨ради чего все существует⟩ регулируется нормами экономического, культурного и общественного происхождения.

⟨То есть, она ими регулируется — но проку от этой регуляции ноль, поскольку любые нормы (и формы регуляции) всегда выводятся из органических потребностей.⟩

(7) Социальное поведение не заложено в биологическую структуру человека в виде готовых регулятивных механизмов.

⟨У животных тоже есть условные рефлексы — на том же уровне здесь трактуют социальное поведение. Популярная буржуазная теория.⟩

(8) Частота половых сношений сильно варьирует (от 0 до 3 раз в сутки), нет единой нормы.

⟨Ну, очень фундаментальный вывод... Остается только принять к сведению, что

коллективная силовая потенция складывается из суммирования сил, выравнивания сил и упорядочения сил.

И можно переходить к обсуждению психоанализа.⟩

Фрейда в социалистических странах полагалось ругать. По возможности, о нем старались даже не упоминать; книжки просто так в магазине не купишь, и только в очень столичной библиотеке по корочкам с фотографией. По рукам ходили самодельные перепечатки. Для дерзнувших публично покритиковать мировую знаменитость — прямо-таки клад: говори что придется — все равно никто не проверит и не поймает на слове. По воле судьбы, у нас корочки были еще в советское время — а после реставрации буржуинства народные массы получили возможность ознакомиться с первоисточником (хотя бы в скверной типографике и в дурном переводе). То есть, присмотреться к психоаналитическим воззрениям Гибша и Форверга — вполне реально.

Для партийных критиков тема непростая: Маркс и Энгельс творения Фрейда читать не могли; Ленин однозначно был знаком — но публично (из принципа) никогда не высказывался (его позиция известна только по хадисам). Так что сослаться на писание не получится — и придется творчески развивать.

При минимальном знакомстве с марксизмом, нетрудно догадаться, что неувядающая всемирная слава пришла к психическому аналитику не случайно, и вовсе не от любви правящих кругов к идеологическим игрушкам. Если нечто стало неотъемлемой частью мировой культуры — дело тут в объективных процессах общественного развития, отражением которых и стала теория Фрейда. То есть, сначала следует понять, откуда оно взялось и что в этом ценного, — а уже потом цепляться к дефектам словоупотребления. Начиная же с голой критики — так и останешься голым. Суций срам.

К сожалению, ни одного (то есть, буквально: ни одного) марксиста на разработку этой богатейшей жилы так и не нашлось. В конце 1970-х мы (для внутренних целей) предприняли попытку разобраться и внести какой ни на есть материализм; но эти рукописи могут и не дожидаться шанса выползти на публику: борьба за физиологическое выживание при капитализме не оставляет времени и сил для возвышенной философии. Будем надеяться; а пока — разрозненные замечания по следам.

Первое впечатление от социал-психологов — с большой головы на (хотя бы относительно) здоровую. Первая идея психоанализа как раз и состоит в том, что нельзя понимать сказанное очень уж буквально, по словарю. Сами же ссылаются на «симпрактического» Бюлера:

Итак, совместные действия, относительно общая для всех структура ситуации, используемая при этом мимика и жесты, звучание голоса и интонация с заключенными в них эмоциональными оттенками — все это вместе обуславливает значение произносимого для коммуникации и понимания. [...] Часто достаточно отдельных слов или отношений. «Грамматика» домысленного к ним полного высказывания коренится точно так же в совместно пережитом событии.

По Фрейду, если пациент говорит: *голова болит*... — на самом деле болит кое-что другое. И точно так же, когда Фрейд говорит о половых органах — это лишь (как минимум, терминологическое) вытеснение других, куда более важных лично для него (и для общества в целом) человеческих обстоятельств.

Но Гибш и Форверг, с их теорией обусловленности всего и вся «основными органическими потребностями», под сексом понимают только секс — копуляцию в популяции. Задуматься о том, что у людей есть еще и потребность в духовном развитии, в любви, — боже упаси! Это очень по-марксистски: классики таких тем панически боялись — любые надстроечные явления упоминаются лишь в качестве расхожей эмпирии, насквозь пропитанной буржуазными предрассудками. То ли дело экономика! — там можно лихо оперировать самодвижением абстрактных идей (вроде капитала или способа производства) и забыть о том, что вещи и общественные отношения не сами производят себя — их делают люди своим трудом, (чаще всего) в здравом уме и твердой памяти. Однако говорить о людях — признак дурного тона: есть только классы и прочие масштабные единицы. И тогда вместо конкретной задачи приведения условий жизни и труда в соответствие реальным потребностям разумных существ Энгельсу приходится (в духе античной

фразеологии) ссылаться на «свойственную современным средствам производства силу расширения» [20, 293] — ну, и чем это «научнее» метафизических построений г-на Дюринга?

Понятно, что, если подставлять под слова собеседника не его собственные, а какие-то свои понятия, — разговора не получится. Как в известной частушке:

Вылетит из ротика
чистая эротика —
а влетает в ухо
грязная порнуха!

Формально, Фрейд увязывает некоторые (но не все!) конфликты в психике (невроты) с проблемами в сексуальной сфере, прежде всего — наследием (еще не социализированной) детской сексуальности. Однако у Фрейда «сексуальность» — очень широкая категория, охватывающая все виды интимности — в сугубо человеческом, личностном, а вовсе не физиологическом смысле. Обозначение этого терминами из биологии секса — всего лишь условность, подсказанная весьма поверхностными аналогиями: суть не в названиях, а во внутренней связи обозначаемых (возможно, не очень подходящими) словами реальных общественных явлений, для которых более разумное выражение еще только предстоит открыть. Труды гениев — лишь постановка проблем: новорожденный ребенок, которому многое нужно, чтобы повзрослеть. Для наших целей достаточно принять, что речь идет не о половых контактах как таковых, а о фундаментальном механизме развития субъекта через общение с другим — о любви. Можно, если хотите, обозвать это сексом — как пресловутую лузинскую корову превращают в трамвай. Классовое общество ограничивает и регламентирует человеческую близость — навязывает ей громоздкие и неудобные формы (при капитализме — главным образом, рыночные). Противоречие необходимости любви и невозможности любви в нездоровых общественных условиях — другая сторона подчеркнутого Марксом экономического противоречия между общественным характером любого производства и собственническим характером присвоения: экономические противоречия приводят к разрушительным кризисам и войнам — личные противоречия принимают форму психического заболевания, невроза. Таким образом, основная причина невроза — недостаток любви! Если ребенка не научили любить и быть любимым — это моральный урод. Если какие-то мечты о любви еще остались — ущербность классового воспитания не

позволяет найти любовь, или сохранить найденную: общество не дает человеку необходимых для этого средств духовного производства.

Универсальность любви — одно из выражений универсальности человеческой деятельности, целенаправленного переустройства мира. Фрейд обнаруживает связи с таким образом понятой сексуальностью везде и всюду — и это выводит его далеко за пределы собственно психиатрии. Но в представлении последующих вульгаризаторов все свелось к пренебрежительному штампу:

Сексуальность, как известно, возводилась Зигмундом Фрейдом в универсальную движущую силу человеческой жизни, человеческого общества, культуры и цивилизации вообще.

Это называется: чья бы корова мычала... — опять вспоминаем про трамвай! У Гибша-Форверга сексуальность — «основная органическая потребность в продолжении рода», абсолютно «неспециализированная», которой определяется вообще все! Критиковать тут надо не Фрейда а самих критиков. Эмпирионатуралистическая сексуальность столь же далека от человеческой любви, как бихевиоризм и этология — от психологии человека (и, тем более, социальной психологии).

В качестве побочного недоумения — высказывания по поводу «цивилизации вообще»; что это? Буржуазная пропаганда называет цивилизацией все, что заблагорассудится, — и вопит о большевистских преступлениях против цивилизации. Этимологически, это всего-навсего «городская» культура — когда полис организует общественную жизнь, становится центром притяжения для всей остальной экономики и ведущим укладом в рефлексии. По современному — буржуазность. Поскольку документированная классовая история повсеместно начинается вместе со становлением городов, мы вправе называть цивилизацией классовое общество вообще — в противовес предшествующей родоплеменной общинности (уже пропитанной элементами классового расслоения) и бесклассовому обществу будущего, к которому нас подводит развитие капитализма (который для марксиста — последняя стадия цивилизации; буржуазная интуиция поэтому имеет веские основания усматривать в социалистической революции разрушение цивилизации как таковой).

Фрейдю приписывают позиционирование психоанализа в качестве «универсального мировоззрения». Это откровенный подлог. Фрейд добросовестно подчеркивал, что его построения относятся *только* к современной ему исторической эпохе — к капитализму. Тем самым

рамки «мировоззрения» заведомо узки. Далее, при всех экскурсах в социологию, Фрейд ограничивается лишь усмотрением *аналогий* между социальными явлениями и психическими движениями — без широких обобщений. Наконец, Фрейд указывал на очевидную гипотетичность распространения психоаналитических идей за пределы психологии неврозов — и такие, изначально ограниченные гипотезы надо серьезно проверять и дорабатывать.

Тем не менее, сама возможность усмотрения далеко идущих аналогий — следствие присутствие низших форм организации движения на более высоких уровнях; всякое явление оказывается, таким образом, иерархичным, сочетая элементы разного характера — при подчинении главному. Если мои отношения с другими с какой-то стороны похожи на отношения между животными — значит, общество недостаточно развито, чтобы предоставить мне более приличествующие разумному существу формы. В этом смысле выводы Фрейда о невротичности общественного устройства при капитализме — не менее революционны, чем марксова критика политической экономии: значит, лечить надо!

Гибшу и Форвергу возразить нечего. Однако причесать под себя хочется — и обстановка конца XIX века преподносится исключительно с сексуальной стороны: дескать, пациенты косяком из богатеев — где сплошь сексуальные табу и скрытая проституция, где брак стал одним из бизнесов и т. д. Поэтому основные причины неврозов у пациентов Фрейда — сексуального характера. И Фрейд, как «беспристрастный и мужественный исследователь», выкладывает внутренности правящей элиты на всеобщее рассмотрение... О коренном изменении мировой экономики (переход от классического капитализма к империализму) — ни единого слова; это раздражитель куда серьезнее животных позывов! А завтра была война.

Фрейд, конечно, Ленина не читал — и физиономию эпохи видел через задний проход («анально»), сквозь aberrации декаданса. Ему в руки попало поколение буржуев, воспитанных на паническом страхе: эхо подъема рабочего движения в Европе (вплоть до Парижской коммуны) — и предчувствие невиданных доселе кризисов, передела собственности в глобальном масштабе. Угар лихорадочного веселья, шок неумеренной роскоши, эмансипация извращений — напрасная попытка подавить тревогу, заглушить голос совести, вытеснить гнетущие сомнения. Ленин умел использовать эти настроения, чтобы

выколачивать из буржуев деньги для партии — намекая на шанс откупиться. Фрейд делал свой бизнес, отвлекая внимание ипохондриков на простые и понятные половые сказочки: убедить пациента, что все решается в постели, — значит, с экономикой все в порядке, — а для буржуа это бальзам на израненное кризисами сердце (хорошая прибыль ему в миллионы раз важнее плохого секса). Разумеется, если бы за ловким предпринимательством не стояло чего-то серьезнее, Ленин так и остался бы заурядным политиканом, а Фрейд — очередным шарлатаном от медицины. Как ни странно, и тот, и другой выехали на одной и той же идее: при капитализме всякий продукт производится как товар, для обмена, — и за счет этого обезличивается, уравнивается с другими, превращается в чистое количество. Очень кстати пришлось аналогия из физики: сохранение энергии и ее превращения, когда одно и то же содержание способно принимать сотни очень непохожих друг на друга форм. В экономике роль такой универсальной абстракции играет капитал как мера экономической продуктивности; в психоанализе на первый план выдвигается понятие духовной продуктивности — либидо. Вульгарный фрейдизм отождествляет либидо с половым влечением, измеряет его количеством яйцеклеток или запасом сперматозоидов. Фрейд серьезнее: для него либидо — просто условное название для (пока) неопределенной сущности, разновидности духовной энергии, способной перетекать из одной формы в другую, проявляться в любой деятельности. Фрейда попрекают его «энергетизмом», приписыванием либидо и его динамике определяющую роль в человеческом поведении; с тем же успехом можно было бы ругать физиков за использование принципа сохранения энергии во всех без исключения физических теориях. Помимо энергии, физические системы обладают более специфическими характеристиками; сохранение энергии накладывает связи на их возможные значения и ставит границы изменениям. Точно так же у Фрейда: либидо ничего не означает само по себе — и представляет интерес как общая основа для индивидуальных вариаций. Универсальность либидо — зеркало универсальности рынка. В этой картине, гипотеза о сублимации — мечта о развитии человечества в сторону большей разумности, постепенно вытесняющей биологические влечения с перераспределением энергии на собственно человеческие мотивы, «высокие» цели, творчество, общественную и культурную деятельность. Это вполне аналогично тому, как в органическом теле человека мозг оттягивает на себя значительную часть поступающей с

пищей энергии — а в периоды долгой интенсивной нагрузки тормозит работу внутренних органов настолько, что это способно привести к физиологическим дисфункциям и даже перерасти в болезнь. Но точно так же, как подобное поведение мозга вызвано не его собственными пристрастиями, а требованием включения организма в общественную деятельность, — сублимация есть прежде всего показатель влияния культуры на психику и прочие органические явления.

Либи́до по Гибшу-Форвергу — «универсальная движущая сила человеческого поведения». Это совсем не то же самое, что либи́до по Фре́йду. Психоанализ, собственно, занят как раз выяснением «движущих сил» (русский перевод слова *мотив*) — которые очень различаются у пациентов, и потому невозможно автоматизировать процедуру, свести к чисто количественным показателям (вроде классификации DSM); либи́до — не мотив, а способ упорядочения мотивов по степени влияния на поведение, выстраивание иерархии мотивов (которая, собственно и есть личность). Если где-то среди мотивов сексуальные влечения — либи́до относится и к ним. Гибш и Форверг, отстаивая звериную сущность человека, приписывают Фре́йду собственные дикие воззрения, сведение всего на свете к животному сексу (слегка припудренному буржуазными украшениями, вроде семьи).

Идея либи́до представляет собой, таким образом, слишком обширное некритическое обобщение из области динамики определенной и, как мы теперь знаем, узко ограниченной группы неврозов.

Что знают Гибш и Форверг — они так и не сообщили. Но каким ветром «беспристрастный и мужественный исследователь» вдруг оказался лишь некритичным обобщателем? — с чего бы вдруг?

Фре́йд распространил свои обобщения еще дальше в двух направлениях. *Во-первых*, он рассматривал либи́до в его сублимациях также и в качестве динамической основы всякой человеческой деятельности, как труда, так и творений культуры и искусства, как социальной, так и политической деятельности. Поэтому он пришел к выводу, что все формы, в которых протекает человеческая жизнь (то есть, следовательно, общество, культура, цивилизация), в конечном счете черпают свою энергию из либи́до, то есть из стремления к удовлетворению влечения. *Во-вторых*, он расширил исторически ограниченный и общественно детерминированный конфликт между сексуальностью и определенными общественными нормами, или табу, до понятия универсального, так сказать, метафизического конфликта или противоречия между природой и обществом.

Даже по этому кривобокому комментарию заметно, что Фрейд — голова! Он бесконечно выше примитивно-мещанского понимания любви — он знает ее как всеобщую форму движения мира. Речь идет *именно* о принципиальной неприродности человека, и о несоответствии полуживотных форм буржуазной культуры этому новому, разумному содержанию. Фрейд копнул там, где остановился марксизм: единство материального и духовного производства, невозможность ограничиться «хлебом единым» — потребность любить и быть любимым. А у Гибша-Форверга опять одни абстрактные (на деле — буржуазные) формы: общество, культура, цивилизация... Ни одну из них авторы читателю не представили — и говорить можно что угодно, одинаково бессмысленно. Противопоставлять труд творчеству — это клиника; художник, ученый, философ — поскольку они не продают свой талант господствующему классу — такие же трудяги, как рабочий, ремесленник, батрак, — поскольку и те, и другие *любят* свое дело и *стремятся* сделать его как можно лучше, в интересах всего человечества. Что любовь придает человеку силы с честью проходить через любые испытания — факт общеизвестный. Не Фрейд это открыл, но соответствие его теории таким фактам — ее великое достоинство. Очень естественное допущение о том, что энергия в *динамической* сфере психики едина на всех уровнях, есть чистейший материализм — которого так недостает большинству психологов, ограничивающихся абстрактными классификациями, на уровне кухонных сплетен. Более того, здесь Фрейд показывает себя не только грамотным ученым, но и настоящим философом, избегающим эклектики и произвола. Знаменательно, что энергия любви никоим образом не зависит от материальных реализаций — это сугубо общественный продукт, несводимый ни к какой животности. И после этого нам будут говорить, что Фрейд не увидел «человеческого», «неспециализированного» характера сексуальности!

Никак не комментируют Гибш с Форвергом отмеченную Фрейдом противоположность человеческой любви и грубой реальности, которая в капиталистическом обществе принимает форму безличной силы — и обезличивает любовь. Для Фрейда это аналог смерти. Когда иерархия мотивов сплющивается в нечто плоское, их взаимосвязи превращаются в сплошные границы, и личность распадается на почти изолированные осколки. Каждый из мотивчиков варится в собственном соку — и все они выглядят совершенно одинаково; в поведении человека — это

абстрактная любовь ради любви, — которую легко отождествить с чем угодно (например, с сексом).

Истолкование Фрейда в контексте апологетики семьи и брака ведет к странному выводу, что (якобы фрейдовская) сексуальность

должна была бы вести к образованию пар, браку и возникновению семьи, то есть образованию основной социальной группировки, а объединение семей или родов вело бы к возникновению более крупных социальных единиц, вплоть до общества.

Фрейд и рядом не стоял! Это просто маразм. Вообще ни о чем.

Относительно подробно — о любимой попсовой теме: стремление к «кровосмешению». У Фрейда представлена гипотеза о том, что в раннем детстве «сексуальность» преимущественно направлена на родителя противоположного пола. В переводе на обычный язык это означает, что (по крайней мере, в малолетстве) дочери больше любят отцов, а сыновья матерей. Утверждение интересное — но не безоговорочное. Немало свидетельств и в пользу «прототипирования»: девочки берут пример с матерей, сыновья с отцов (вплоть до обожествления — иногда под маской решительного отрицания). Это тоже любовь, хотя и другого рода. Половое влечение к родителю противоположного пола очевидно отсутствует в неполных семьях, когда такого родителя просто нет. С другой стороны, есть факты большей привязанности к родным предыдущего поколения (бабушка и дедушка), нежели к матери или отцу. В общем, осмысленное обсуждение возможно лишь при уточнении теории, с широкой эмпирической проверкой.

Несомненно, что в каких-то условиях «кровосмесительная» тенденция присутствует — но пока трудно сказать, в каких. Прежде всего напрашивается мысль о социальной обусловленности структуры симпатий в любой группе. Всякое развитие идет от синкретизма к аналитичности, и потом к синтезу. Вполне возможно, что на каком-то этапе ребенок просто не отличает себя от родителя одного с ним пола (а для младенца — все окружающие сливаются в одно лицо), и потому его любовь концентрируется на другом родителе. Когда традиционная система (семейного) воспитания вбивает в ребенка представление о различии поколений, внешней моделью этого становится отношение родителей к их родителям — а дальше все зависит от типа семьи и общественных влияний — структура симпатий уточняется по мере осознания структуры группы и ее места в постепенно складывающейся картине мира.

Буржуазное воспитание очень рано внедряет в подсознание идею собственности, распространяя рыночные отношения и на личностную сферу. Первые представления ребенка неизбежно оказываются очень широкими («генерализованными») — и лишь накопление социального опыта позволяет уловить тонкие градации. Когда в семье нет подлинного единства, любовь ребенка к другому члену семьи может приобретать характер соперничества, борьбы за право обладания: собственность правит бал! Любовь умирает, вырождается в рыночное поведение, — но именно этого и ждет капитализм от семейного воспитания, и активно навязывает такую модель сколько-нибудь состоятельным семьям. Много рассуждают о «соперничестве отца» и подавлении «кровосмесительных тенденций» мальчика — пресловутый эдипов комплекс. Но секс — всего лишь пикантный антураж, маскировка простого экономического факта: отношения в семье определяются не биологическими факторами, а строением экономики; члены семьи поставлены в разное отношение к собственности — и в итоге рост *экономической* активности ребенка неизбежно наталкивается на *экономическое* противодействие со стороны *экономической системы капитализма*, в первую очередь — отца как главы семьи. Ревность к отцу возникает именно так — и лишь чисто психологически принимает форму полового соперничества (во многом, благодаря намеренной пропаганде такого «вытеснения» в буржуазной культуре, включая как правовые установления, так и социальные табу). Легко видеть, что перераспределение собственности в семье мало чем отличается от классовых войн и стихийных бунтов — в экономическом плане это экспроприация, «отцеубийство» (чаще воображаемое, как метафора, идеальный образ). Взаимодополнительность материального и духовного производства в движении культуры приводит к тому, что экономические явления представлены в строении личности (в иерархии мотивов) — и наоборот, строение экономики следует уже сложившимся представлениям об идеале (иногда вопреки объективным тенденциям развития). В этом понимании, «неврастеническая конституция» есть выражение определенных социальных (прежде всего экономических) условий, а психологические «комплексы» — отражение противоречий классовой экономики (чаще опосредованное надстроечными формами). Рыночную конкуренцию вполне допустимо уподобить невротическому поведению: общественная потребность в творчестве масс не может быть удовлетворена при господстве частного присвоения — и потому вытесняется, заменяется другой, низшей, животной потребностью —

погоней за прибылью. Но экономика нужна не сама по себе — она для людей; общественный характер экономики приходится протаскивать через задний проход — «сублимацией» торгашества в том, что власть имущие называют «демократией»; типично невротические явления — благотворительность и спонсирование разного рода общественных фондов. Исторический характер таких «нарушений» очевиден; формы собственно психических расстройств также меняются со временем, вплоть до полной переоценки «девиантности».

Не умея вырваться из круга чисто органических нужд, Гибш и Форверг приписывают Фрейду чисто физиологическую трактовку табу, связанных с «инстинктом кровосмешения»: дескать, общественное регулирование необходимо, чтобы избежать вредных биологических последствий родственных браков... И тут же (сами себе) возражают:

Последнее представляется неубедительным, поскольку запрет кровных браков существовал уже тогда, когда людям еще совершенно не был известен механизм наследственности.

Возражение глупое. Пчелы тоже не читали учебников по пчеловодству; оса-сфекс парализует жуков, не только без соблюдения теоретически установленных правил — но и вообще не задумываясь, ради чего. Там, где люди недостаточно разумны, чтобы управлять природой (в том числе общественной), объективные законы устанавливаются стихийно, как результат «суммирования сил, выравнивания сил и упорядочения сил». Другое дело, что речь вообще не о сексе, а о стабильности бизнеса, регулировании рынка — при любой постановке постельных сцен. Просто так отнимать друг у друга деньги — это альтернативная экономика, бандитизм, жизнь по понятиям. Цивилизованный грабеж требует соблюдения внешних приличий.

Чтобы уж точно отправить (выдуманного ими) Фрейда в нокаут, Гибш и Форверг добавляют:

... теория психоанализа Фрейда оказывается ложной не только ввиду этих неправомерных обобщений. Она с самого начала исходит из неправильного представления о *сущности человеческой* сексуальности, которая введена в философскую концепцию Фрейда как недоказанный постулат.

Если уж оставаться в рамках (хотя бы декларированного) марксизма, ложность теории никоим образом невозможно вывести из ее строения или предпосылок: это вопрос исторической практики. А практике психоанализа уже сотня лет — и ее широчайшее влияние на все отрасли

психологии невозможно отрицать. Фрейду ставят в вину, что он не посоветовался с Гибшем и Форвергом, когда создавал универсальную теорию динамики человеческой личности и ее развития (любви): если бы нашим социал-психологам родиться чуть пораньше — они бы подсказали «беспристрастному и мужественному исследователю», что про любовь не надо, — а надо про дикие инстинкты и звериное начало в человеке. Не просто прятать экономические течения за сексуальными терминами — а полностью избавиться от всего человеческого, тупо дразнить половые органы (а заодно брюхо набивать, и пещеру искать покомфортнее). Фрейд не говорил о «сущности сексуальности» — его интересовали практические выводы из простой теоретической схемы, опирающейся на общеизвестные факты и клинический опыт. Фрейд ни во что не ставил абстрактное философствование — дурную метафизику, которую мы в изобилии встречаем у Гибша и Форверга. Изображая из себя больших марксистов, они самоуверенно заявляют, что человеческая сексуальность не только

социально перестроена или переформирована, как, возможно, полагал Фрейд, но одновременно безусловно является общественным явлением.

Фрейд говорил о том, что классовое общество воздвигает препятствия на пути человеческой любви, ограничивает ее развитие буржуазными формами, не способными вместить подлинно разумного содержания. Для него «сексуальность» — сторона *личности*, то есть, *уже* чисто социальное явление, и не требуется тут ничего «перестраивать» и «переформировывать». Тогда как по Гибшу и Форвергу — секс лишь «одновременно» с животностью (наряду с ней, в качестве нагрузки) «является явлением» общественной жизни; тем самым *человека* (как *социальное* существо) беспардонно отождествляют с животным вида *homo sapiens*; а это противоположности — абстрактные, несовместимые, логически недопустимые в одном контексте.

Прежде чем откланяться, маленькое замечание о единстве разума и о буржуазной неразумности. Легко заметить, что мы не питаем особой почтительности к г-ну Дюрингу — и сравниваем Гибша-Форверга с ним отнюдь не в качестве комплимента. Тем не менее, вступая в общение с кем угодно, мы обязаны предположить, что сам факт возможности общения говорит о присутствии в собеседнике чего-то человеческого, что может скрываться под сколь угодно очевидной бредовостью — но безусловно есть, и требует уважения. Способность по-человечески

относиться к заведомо нечеловеческому — одна из характерных черт разума. Допустим, Дюринг убог; но смеяться над убогими — низость. Хотя бы и в «примирительно-веселом духе», по-мещански выставляя диагноз: «невменяемость как результат мании величия» [20, 338]. Здесь Энгельс как раз и обнаруживает «манию величия» и «самоумнение», без малейших оснований объявляя себя знатоком психиатрии, которому дано право квалифицированно судить о душевном здоровье других. С другой стороны, объяснять «научные заблуждения» какими угодно «личными качествами» — это явный отход от материализма: заблуждения не придумывают — они витают в воздухе, выражают характер эпохи; личные обстоятельства лишь подталкивают человека к выбору из этого меню, объясняют, почему заблудился именно он — а не почему возможно само заблуждение. Как бы ни был Энгельс уверен в своей (и Маркса) правоте — это не должно перерастать в некритическую самоуверенность, стремление *навязать* публике свою точку зрения, вместо того, чтобы объяснить и убедить. Тем более, что по части идейной последовательности Энгельс тоже не ангелочек (при всей правоте в общих чертах).

Оппонентов надо критиковать. Но не ради любви к процессу, а чтобы уяснить для себя нечто важное, на что ранее не обращал внимания. Вытаскивая на свет чью-то ошибку — мы тем самым лишаем себя права говорить об ошибочности как таковой: самые дикие (на наш взгляд) построения критикуемого — это не бред собачий, а *постановка проблемы!* Они важны хотя бы тем, что подвигли нас высказаться, дали возможность по-своему раскрыть тему. Энгельс (а за ним Ленин) — пример злоупотребления журналистикой, самолюбования, образец *партийной* критики, нацеленной на *подавление* всякого инакомыслия, насаждение железной партийной дисциплины. В каких-то ситуациях такое (классовое) единство необходимо; однако это вовсе не то единство, ради которого мы собираемся уничтожить цивилизацию, расколотив на классы общество. Точно так же, нас совершенно не устраивает другой полюс того же самого — благожелательная критика, снисходительное похлопывание младшего брата по плечу, замечания признанного мэтра. Разумная критика может быть жесткой — но суть ее не в том, чтобы разжевать или соблюсти букву устава, а в поиске культурно-исторических корней нашего духовного родства — ибо само разнообразие мнений говорит об их сопоставимости, наличии общей меры. Огульное отрицание (в стилистике Энгельса и Ленина) ничего не

дает для осознания этих *общественных* оснований; издевательства и ругань — показатель слабости позиции критика, попытка скрыть от самого себя болезненную уязвимость и растерянность. То самое вытеснение, по Фрейду: я недостаточно владею предметом — но мой оппонент вообще ничего не сообщает! — значит, это не я недоумок, а он дурак! А что умного может сказать клинический идиот? Приятная возможность не задумываться и не сомневаться — бездумно отвергая сомнения.

Анти-Дюринг считают своего рода учебником марксизма, сводкой основных принципов и результатов. Возможно эта компилятивность оправдывает в какой-то мере легковесность и неубедительность, грубые идеологические ляпы и неряшливость формулировок. С другой стороны, неумение обоснованно высказаться по поводу заданных Дюрингом трудных вопросов — показатель незрелости, непродуманности идей, неготовности (и нежелания) принять на себя ответственность за неудачи и провалы в практической работе, в организации классовой борьбы. Разумеется, в пылу творчества многое виделось как в тумане; спустя сто лет, у нас есть возможность оценивать метод по реальным результатам.

Основная проблема — отсутствие исторических перспектив. Энгельс издевается над Дюрингом [20, 193–194]:

... превращать производительный труд, создающий нечто положительное, в нечто чисто отрицательное — в преодоление сопротивления, это значит целиком извращать дело.

Он не замечает, что это целиком и полностью относится к прошлым и нынешним марксистам: есть представление о том, что надо преодолеть и устранить — но ни малейшей ясности в том, что мы хотим получить в итоге. Допустим, классики бояться впасть в утопизм, живописуя (подобно Дюрингу) грандиозные картины коммун и «социалитетов». Более того, где Маркс и Энгельс так решаются предвосхитить облик будущего — они неизменно вульгарны и смешны. Но кто сказал, что общественное проектирование возможно лишь в наглядных образах? Маркс формулирует экономические законы капитализма в очень общей и абстрактной форме — что мешает точно так же вывести законы экономики будущего, на уровне основных принципов, а не в мелких деталях? Тем более, что зачатки таких принципов уже есть: плановое нетоварное производство, не предполагающее сведения труда к чистому количеству, стоимости (следовательно, *никакого* присвоения, *никакой* собственности) [20, 321]; выведение любых отношений между людьми в

сферу общественно организованного производства — и следовательно полная *невозможность* семьи [23, 500]... Но тогда постановка задач предстоящей революции принимает совсем другой вид: прежде всего, мы говорим о том, что нужно построить, а уже потом — что для этого потребуется подготовить или устранить. В частности, не надо ждать государственного переворота — можно отрабатывать принципы новой жизни в недрах капитализма; да это всегда будет временным и частичным воплощением идей — но подготовит человеческое сознание к решительному перевороту в способе производства.

Тут мы нарываемся на следующий трудный вопрос: полное отсутствие материалистической теории духовного производства, без чего любая экономическая теория подвисает в пустоте. Дюринг бьет в большое место, указывая, что [20, 220]

социально-политическое всегда должно объясняться, по Марксу, экономически.

А такой экономизм в принципе невозможен, ибо общество не только регулятор производства — но и продукт деятельности; как всякий продукт — это единство объекта и субъекта, и принципиальное отличие человеческого общества от сообществ животных — в сознательной организации собственной жизни, а следовательно, и в возможности сознательно ее изменить. При всей нелепости дюринговской «теории насилия», Энгельс не приводит *ни одного* убедительного аргумента против и, наоборот, неуклюжими возражениями лишь подтверждает правоту оппонента. Например, поднимая как щит высказывание Маркса о том, что [20, 220]

имманентные законы капиталистического производства проявляются во внешнем движении капиталов как принудительные законы конкуренции и в этой форме достигают сознания отдельного капиталиста в качестве движущих мотивов его деятельности

Энгельс не замечает, что конкуренция здесь прямо представлена как неэкономическое явление, как отражение экономики в общественном сознании. Точно так же, Энгельс поучает Дюринга, что [20, 166]

Частная собственность образуется повсюду в результате изменившихся отношений производства и обмена, в интересах повышения производства и развития обмена, — следовательно, по экономическим причинам. Насилие не играет при этом никакой роли.

Но сама-то собственность — сугубо надстроечное (правовое) явление, и ее существование невозможно без каких-то рычагов общественного

давления. Акт *присвоения* прибавочной стоимости капиталистом — это отнюдь не «добровольное вступление в подневольное состояние» [20, 100]; это принуждение к повиновению, использование всей мощи государства как инструмента классового господства. А Энгельс — сияет девичьей наивностью, сугубо идеалистически выводя общественное неравенство из различия способностей (или намерений) [20, 636]:

... распределение же происходит в соответствии с тем, что каждый из них сделал [...] Итак, двое мужей легко могут положить начало всему современному строю, капиталистическому производству и пр., и при этом ни одному из них не приходится прибегать к сабле.

Распределение у него — как безличная сила, что-то вроде судьбы. Но в действительности «происходит» оно не само — его *производят* люди! Это не материальное производство — но влиять на материальное оно очень даже умеет. Однако люди *ничего* не делают сами по себе: любое производство предполагает не только (созданную человеческим трудом) материальную базу), но и вполне определенные общественные условия, а значит — участие человечества в целом. Что насилие может принимать самые разные формы — это козе понятно; разумеется, непосредственно человек с кнутом (или отравленным пряником) может при дележке не присутствовать — но он всегда подразумевается где-то на заднем плане. Энгельсов ушлый янки может, конечно, облапошить берлинского студюзуса — но возможность раздела собственности предполагает существование самой идеи присвоения — а это тоже общественный продукт, — равно как и бессовестность дельца, нагло присваивающего, то, что изначально принадлежит всем.

Говорить о том, что возможность отнять предполагает возможность произвести, и на этом основании отрицать возможность сознательной организации производства и общественной жизни — это просто детский лепет, вопрос о курице и яйце. Дюринг буржуазен; но Энгельс слепо ведется на чисто буржуазную постановку вопроса: труд и насилие, производство и распределение, как абстрактные противоположности. Дело-то как раз в том, что материя и рефлексия, объективное и субъективное, материальное и духовное производство — различаются *лишь в определенных границах* (Ленин, [29, 90]), на одном из уровней иерархии мира в целом, — как стороны чего-то третьего, в чем заключена сама возможность сопоставления. Здесь нет

метафизической «первичности», главенства одного над другим; одно переходит в другое, становится другим. Энгельс ехидствует [20, 97]:

Сперва из предмета делают себе понятие предмета; затем переворачивают все вверх ногами и превращают отражение предмета, его понятие в мерку для самого предмета. Теперь уже не понятие должно сообразоваться с предметом, а предмет должен сообразоваться с понятием.

Но ведь именно так обстоит дело в любой человеческой деятельности: сначала мы учимся использовать природные закономерности; потом мы осознаем это свое умение как абстрактный принцип, понятие предмета; следующий этап — организовать себя в соответствии с этим принципом. Разумеется, голые принципы толком работать не будут — и приходится потрудиться, чтобы применить теорию на практике (восхождение от абстрактного к конкретному). Это, в свою очередь, обогащает наши понятия — и мы возвращаемся к организации деятельности на новом уровне. В конце концов деятельность перерастает рамки понятия — и приходится искать новые идеалы, и снова добиваться претворения мечты в жизнь. Не об этом ли марксов *Kapital*?

Тот же Энгельс скоренько вспоминает о диалектике, когда надо поиздеваться над политическим противником, выставить безграмотным школяром, подавить и унижить [20, 92]:

Истина и заблуждение, подобно всем логическим категориям, движущимся в полярных противоположностях, имеют абсолютное значение только в пределах чрезвычайно ограниченной области; мы это уже видели, и г-н Дюринг знал бы это, если бы был сколько-нибудь знаком с начатками диалектики, с первыми посылками ее, трактующими как раз о недостаточности всех полярных противоположностей. Как только мы станем применять противоположность истины и заблуждения вне границ вышеуказанной узкой области, так эта противоположность сделается относительной и, следовательно, негодной для точного научного способа выражения. А если мы попытаемся применять эту противоположность вне пределов указанной области как абсолютную, то мы уже совсем потерпим фиаско: оба полюса противоположности превратятся каждый в свою противоположность, т. е. истина станет заблуждением, заблуждение — истиной.

В своем самолюбании г-н Энгельс не замечает, как научность походя отождествлена с метафизикой; выходит, наука лишь расставляет истины по полочкам, и совершенно не годится для отражения разнообразия и взаимопревращения вещей. Хорош диалектик, готовый переметнуться

из одного лагеря в другой через пару страниц, по чисто конъюнктурным соображениям!

Материальное и духовное производство — две стороны развития культуры, и разумное существо столь же планомерно производит собственные воззрения, как и свое (органическое и неорганическое) тело. В этом плане, замечательно предвидение Дюринга, что люди будущего станут сознательно и целенаправленно ваять свои тела, вместо того, чтобы размножаться подобно неразумным зверушкам [20, 336]. Разумеется, Дюринг тут не первопроходец: подобные идеи мы встречаем у старых утопистов — а Аристотель задумывается о продуманных правилах для вступления в брак и особых условиях для рождения и роста подрастающего поколения, которые обеспечивали бы не только телесное, но и духовное здоровье! На уровне просто отбраковки негодного материала евгеника существовала с древнейших времен (вспомним хотя бы о традициях спартанцев). Дело серьезное; марксизм должен бы привязать это к развитию экономики и культуры в целом. Но реакция Энгельса — пошлое вышучивание, совершенно не по существу; заодно лишний раз обнаруживается прореха в идеологии: любовь для Энгельса невозможна без секса, секс нужен лишь для деторождения, а дети должны появляться лишь в законном браке (зарегистрированном государственным чиновником). Полный букет буржуазности.

Непонимание отмеченной (Аристотелем и) Марксом [3, 1] активной, деятельной сущности человека на каждом шагу приводит Энгельса к мысли, что любые надстроечные явления (религия, национальность, ...) возникают сами собой, в ходе «естественного» развития — а если все же они меняются или разрушаются, то все тем же «естественным» путем, как следствие развития экономики или еще чего-нибудь. Полезная буржуйам идея: не может быть и речи о разумном перенаправлении процессов общественного развития — и не надо классовой борьбы. Ладно, приспичило вам что-то перекроить в косяках рыночного хозяйства — но зачем же с топором на барина? Существуют вполне устоявшиеся демократические процедуры: можно проголосовать на очередных выборах за того буржуя, который вам больше нравится, — и пусть он правильно распоряжается уже имеющимся [20, 278]:

... средства для устранения обнаруженных зол должны быть тоже налицо — в более или менее развитом виде — в самих изменившихся производственных отношениях. Надо не *изобретать* эти средства из

головы, а *открывать* их при помощи головы в наличных материальных фактах производства.

По Энгельсу, никакие изобретения вообще не нужны — достаточно только «открывать» (чисто случайно) заложенные в «природу вещей» возможности. Как прикажете тогда понимать в той же книжке [20, 55]:

Без акта творения мы уж, конечно, никак не можем перейти от ничего к чему-то, хотя бы это «что-то» было не больше математического дифференциала.

А чтобы построить социализм, надо, как минимум, построить его идею.

Ну хорошо, не нравится вам лозунг Дюринга об «упразднении» всех «существенных элементов культа»; предложите взамен что-то свое, более разумное — а не спихивайте на самотек: дескать, наладим райскую жизнь — и само все образуется... [20, 330] При таком подходе — не наладите никогда. Работать надо. Пресекать воспроизводство духовной отравы и запускать производство разума. Энгельс слепо уверовал в спекуляции буржуазной пропаганды, отождествляющей религию и веру и подло прикрывающей насаждение выгодных верхам умонастроений (промывка мозгов) лозунгами свободы совести, невмешательства в духовную жизнь (абстрактно индивидуалистического) человека.

Поскольку признать сознательное участие человека в перестройке природы и себя Энгельс не желает, экономические процессы также предстают действием слепой силы, игрой стихий. Обругать Дюринга за объявление антагонизма между городом и деревней «неустранимым по природе вещей» [20, 301] — это мы умеем! Чтобы потом с невинным личиком основывать связи производства и распределения на «природе вещей» и «народном инстинкте» [20, 153], а право собственности на плоды «своего» труда вводить «по самому существу дела» [20, 281]. Конечно, первому марксизму невдомек, что не бывает никакого «собственного» труда, что любой труд обусловлен другим трудом — вовлекает *всех* в сколь угодно индивидуальное производство, и в этом принципиально общественный характер *всякого* труда.

Точно так же, издеваясь над тривиальностью дюринговских «истин», Энгельс забывает, что философия как раз и начинается с умения задуматься над привычным и очевидным, обнаружить в нем незамеченные до сих пор глубины — повод поработать над собой и наметить новые пути для человечества в целом. Что Энгельс против изобретателей — это мы уже знаем. Теперь ему хочется высмеять Дюринга — и он ничтоже сумняшеся признает, что «изобретения и

открытия часто увеличивают производительную силу труда» — так что говорить об этом вообще не стоит, и идиот Дюринг, дескать, держит нас за идиотов [20, 229]:

Если, например, мы говорим: животные едят, то мы, сами того не ведая, изрекаем великую истину; ибо стоит только сказать, что фундаментальный закон всякой животной жизни состоит в том, чтобы есть, и мы уже совершили переворот во всей зоологии.

Но Энгельс смеется над собой! Марксизм, ведь, так и не удосужился объяснить, чем живое отличается от неживого (равно как и ясно указать отличие человека разумного от животных). Если же честно подумать — оказывается, что умение есть представляет одно из существенных органики от мертвой природы: неживые вещи *не едят!* Добавьте к этому необходимость выведения из организма непереваренных остатков — и вот вам четкое определение жизни: преобразование одних материальных форм в другие необходимым (и регулярно возобновляемым) образом. Назовем это метаболизмом, обменом веществ. Если это есть — перед нами живое существо; если закончилось — труп. Вот вам и «безнадежно затасканная обыденная истина» [20, 230]! Как тогда назвать определение по Энгельсу (в черновиках *Анти-Дюринга*) [20, 635]?

Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования заключается по своему существу в постоянном обновлении их химических составных частей путем питания и выделения.

От нашего оно отличается лишь неоправданным сужением сферы живого на существование белковых тел и сведением к химии — тогда как в природе вполне возможны самые разнообразные формы жизни: например, мы говорим об общественном организме — когда история в каких-то отношениях движется не как сознательно организованная деятельность, а подобно налаженной механике метаболизма; точно так же, возникновение искусственного интеллекта ведет к появлению изначально небелковой жизни, материальным носителем которой становятся компьютерные сети.

Но тут Энгельс испугался самого себя — и в основной текст вставил абстрактную пустышку [20, 82]:

Жизнь есть способ существования белковых тел, и этот способ существования состоит по своему существу в постоянном самообновлении химических составных частей этих тел.

Глупость невероятная! Подчеркнуто сведение к химии белка (хотя бы уж добавил: *насколько мы сегодня знаем...*) — и выдуманно невесть что

означающее «самообновление химических составных частей» (видимо, чтобы больше походить на Дюринга). Обмен веществ уничтожен как класс. И плевать, что [20, 81]

За последние тридцать лет физиолого-химиками и химико-физиологами говорилось несчетное число раз, что органический обмен веществ представляет собой наиболее общее и наиболее характерное явление жизни

Раз это взял на вооружение г. Дюринг — не можем же мы признать его правоту! Это слишком банально, ибо [20, 82]:

определять жизнь как органический обмен веществ — это значит определять жизнь как... жизнь

А вы хотите определить жизнь как что-то другое? Выделить главное — это не определение? Не Вы ли, г. Энгельс подтасовали естествознание, подсунув ему неуклюжую фразу «органический обмен веществ» вместо точного «метаболизм»? Жизнь — это обмен веществ. Тогда, конечно, «органический» обмен веществ — масло масляное. Утверждать, что «обмен веществ как таковой имеет место и помимо жизни» — чистый софизм, подмена понятия: вместо биологического термина подставить абстрактно-метафорическое выражение, в науке отсутствующее.

Разумеется, самого по себе перетекания вещества из одного места в другое для жизни недостаточно. В неживой материи вполне возможны самоподдерживающиеся процессы, с постоянным притоком веществ извне и разделением продуктов реакции. Но это не обмен веществ как определение жизни. Принципиальный момент — *необходимость* метаболизма. Неорганическое движение случайно: есть оно или нет — это никак не отражается на существовании вещи; воспроизведите внешние условия — и процесс пойдет; не один, так другой. Живые существа без обмена веществ *перестают существовать* — и надо их создавать заново; оживление трупа требует быстрых и решительных действий, и происходит не без потерь. И тут совершенно уместно замечание некоего Энгельса (вероятно, однофамилец...) [20, 83]:

Как только в белковом теле прекращается это непрерывное превращение составных частей, эта постоянная смена питания и выделения, — с этого момента само белковое тело прекращает свое существование, оно разлагается, т. е. *умирает*.

Он же справедливо указывает, что взаимодействия в неживой природе приводят к разрушению тел — в отличие от того, как живое *строит себя* за счет обмена веществ.

Но и этого мало! Определение будет неполным, если не указать отличия жизни от разумной деятельности — которая надстраивается надо органическим уровнем точно так же, как жизнь вырастает из физико-химических взаимосвязей. Только триада

вещь → организм → субъект

вводит достаточно определенную схему уровней самовоспроизводства материи (рефлексии). Не умея отличить человека от животных — мы не сможем понять, что такое жизнь. Но как раз этим вопросом марксизм отказывается заниматься наотрез. А в итоге сводит движение общества к игре бездушных стихий.

И здесь самое время вспомнить об основном вопросе философии. Нет, не про абстрактное противопоставление материи и сознания — прямо вытекающее из реалий капитализма, где любые отношения между людьми (а стало быть, и между идеями) принимают форму вечной вражды всех со всеми (конкуренции). Речь о том, что любые различия предполагают внутреннее родство — а в конечном итоге снимаются (разрешаются) и внешние противоречия, — и мир снова приходит к самому себе. Просто потому, что ничего другого нет и не может быть. Именно об этом вполне определенно говорит Евгений Дюринг. Но он идет дальше: *единственности* мира недостаточно самой по себе — надо еще и понять мир как *единство*, снятие всевозможных различий. Да, это гегелевская идея — но почему хорошую мысль не подумать сообща? Пусть стилистика Дюринга больше напоминает Козьму Пруткова, чем Ларошфуко, — но он выражает самую суть, и с такой определенностью, которая марксистам и не снилась! Мир только один, он представлен необъятным разнообразием вещей и связей между вещами, и всеобщая взаимосвязь приводит мир к единству. Основной вопрос философии, таким образом ставится предельно просто: поиск единства. Нет этого — нет и философии. Но Дюринг делает следующий решительный шаг:

Сущность всякого мышления состоит в объединении элементов сознания в некоторое единство...

Энгельсу возразить нечего — и он только ерничает [20, 83]:

Последнее положение просто неверно. Во-первых, мышление состоит столько же в разложении предметов сознания на их элементы, сколько в объединении связанных друг с другом элементов в некоторое единство. Без анализа нет синтеза. Во-вторых, мышление, если оно не делает промахов, может объединить элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах

это единство уже до этого существовало. От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими, — от этого у нее еще не вырастут молочные железы. Таким образом, единство бытия и, соответственно, правомерность понимания бытия как единства и есть как раз то, что нужно было доказать.

Тем самым он обнаруживает вопиющее непонимание элементарных положений философии — и опускается до пошленькой софистики. Прежде всего, философия вообще не должна ничего доказывать! Она лишь формулирует всеобщие принципы, до которых человечество успело на данный момент дорости — вырастить их в исторической практике. Как обычно, Энгельс валит шишки на других [20, 138]:

О полном непонимании природы диалектики свидетельствует уже тот факт, что г-н Дюринг считает ее каким-то инструментом простого доказывания, подобно тому как при ограниченном понимании дела можно было бы считать таким инструментом формальную логику или элементарную математику. Даже формальная логика представляет собой прежде всего метод для отыскания новых результатов, для перехода от известного к неизвестному; и то же самое, только в гораздо более высоком смысле, представляет собой диалектика, которая к тому же, прорывая узкий горизонт формальной логики, содержит в себе зародыш более широкого мировоззрения.

А у самого фразы про «доказательства» — устанешь цитировать. Насчет правомерности — это из юриспруденции (хуже Дюринга).

Далее, если мышление помимо синтеза занимается еще и анализом (или чем-нибудь еще) — это ничего не говорит о его *сущности*. Мышление всего лишь воспроизводит в своем движении движение мира: от нерасчлененной целостности (синкретизм) — к переплетению сторон (анализ) — и далее к единству (синтез). Утверждается, что анализ нам нужен не сам по себе, а как путь к единству — поскольку мы просто не сможем осознать единства, не выделяя того, что, собственно, предстоит объединять. Точно так же, в практической деятельности люди не просто собирают в кучу разные вещи — а подбирают необходимое для производства вполне определенного продукта, который (вещным образом) представляет единство исходных компонент — и творческого труда.

Разумеется, что-либо объединять мы можем лишь следуя строению действительности — и никакого произвола тут не предполагается, ибо человек тоже часть мира, и устроен так, чтобы связывать одно с другим. Но совершенно гениальная догадка Дюринга дает ключ к пониманию

фундаментального отличия человеческой деятельности от животного метаболизма: животное (в отличие от *случайных* взаимодействий неживой материи) связывает вещи *необходимым* образом, встроенным в организм; человек (как субъект деятельности) — связывает мир *универсально*, завершает делает единство мира, соединяя даже то, что ни по каким природным законам не может быть соединено. Сам того не замечая, Энгельс *объединяет* (в одной фразе!) сапожную щетку с млекопитающими — это особое, неприродное единство, факт культуры (поскольку книга Энгельса становится таковым). Человек на каждом шагу делает то, чего не умеет живая и мертвая природа *без* человека. Человек преобразует природу, строит новый мир, устроенный по неприродным законам — культуру, единство природы и духа, продукт материального и духовного производства в их переплетении. Тем самым человек переделывает и самого себя; когда это происходит намеренно — дух проявляет себя как *разум*.

Высказывания Энгельса о том, человек может лишь обнаруживать уже имеющееся, противоречат его же упоминаниям самых разных «актов творения» — от работы селекционера до социалистической революции. Когда примерно о том же говорит Дюринг — это, видите ли, протаскивание бога! Но человек выше любых божеств: он творит даже то, чего не может быть, — например, богов. Как можно до такой степени не уважать себя, чтобы высмеивать лучшее в собеседнике?

Идем дальше. Смехотворный Дюринг, якобы, следует «иезуитскому правилу: когда два человека делают одно и то же, то это еще вовсе не одно и то же» [20, 214]. Когда то же самое утверждает Энгельс — это совсем другое [20, 206–207]!

Стоимость, созданная часом труда двух работников, хотя бы одной и той же отрасли производства, всегда окажется различной, смотря по интенсивности труда и искусству работника...

Подобные перевертыши у Энгельса на каждом шагу — и надо быть очень наивным, чтобы полагать, будто массовый читатель этого не замечает. Не всегда могут сказать — но прекрасно чувствуют. Потому и приходилось несчастным советским учителям палкой вбивать в малолетних зубоскалов пиетет к классическому наследию. Потому и сложилось (при содействии умелых пропагандистов) у буржуазных ученых стойкое отвращение к вывертам марксистской «диалектики» — выставляющей себя образцом вульгарной непоследовательности, когда

люди сами не понимают, что говорят. Да, буржуазная философия и экономика ничем не лучше; но у них хотя бы хватает ума соблюдать приличия, не соваться со своим уставом в чужой монастырь, если нет за душой весомых аргументов (например, в форме денежных знаков или академических предпочтений). Догмы официального марксизма, отнюдь не добавляют (пока еще) живому марксизму притягательности. Не удивительно, что и в бывших социалистических странах ученые и философы неизменно впадают в буржуазность — которую так легко прикрыть буржуазностью наших классиков!

Тем более вызывает изумление у западных коллег беззастенчивое протаскивание хорошо знакомых буржуазных воззрений под вывеской марксизма; при этом «последний писк» чаще всего оказывается осколком какой-нибудь старой моды, от которой бывшие адепты уже ничего серьезного не ждут. Кому нужна безнадежно компилятивная наука или философия? Нужна. Тем, кто по должности поставлен опошлять и размывать марксизм, кому платят за хорошо промытые мозги, не умеющие отличить идеологическую диверсию от творческого поиска. Уродства «марксистской» литературы (в каких угодно странах) не отменяют великих открытий, гениальных идей; и все же это знак изначальной ущербности, избавиться от которой придется долго и трудно. Да, люди умеют преодолевать косную животность тел — двигать историю. Дух марксизма никакими ляпами не истребить — но этого мало: человеческий разум шире, универсальнее.

Гибш и Форверг (безотносительно к их личным качествам и намерениям) представляют идейную позицию, которую мы здесь характеризуем как эмпирионатурализм. Ругать или высмеивать их за это было бы странно: есть, что выражать, — найдутся и выразители. Наша задача — наметить темы для обсуждения, возможные направления развития. Мы принимаем у Маркса: если мир не устраивает человека, человек задумывается о том, как его изменить. В современных условиях идеологическая подготовка революции — единственная возможность. Но мы не хотим, чтобы идеи становились силою; нам важно, чтобы они оставались идеями: не принуждали, а убеждали. Как минимум, хочется быть честными с собой. Только тогда мы вправе говорить о духовности, о разуме, о способности быть любимыми и любить. Для этого (и только для этого) имеет смысл что-то менять. Любовь сама по себе не изменит мир — но невозможно изменить мир без любви.

Воспитание роботов

Когда буржуазному пропагандисту ставят задачу во веки веков утвердить идею общественного неравенства, он сразу же вытаскивает из рукава две «вечные» темы: совершенство природы и несовершенство человеческое. Первое — воплощает мудрость и всемогущество творца; второе — образчик его же тупости и недалководидности. Но ради общего дела противоположности прекрасно уживаются друг с другом: делить всех на классы и сословия — совершенно естественно, ибо только так особо одаренные представители грешного человечества могут сдерживать низменные наклонности бракованных людишек. Надо лишь предписать недоделанным во всем слушаться пророков божественной природы, подавляя при надобности собственно человеческие позывы. Такова руководящая идея классового педагогика, в разных вариантах озвученная выдающимися мыслителями всех эпох, от античности до развитого социализма.

Однако человеческое несовершенство всегда готово подложить свинью даже литературно выдающимся и официально признанным наставникам. Из-под живописно нагроможденных глыб разума — нет-нет, да и выглянет неформатная идейка, камня на камне не оставляющая от теоретико-вулканических красот. Некто Иммануил Кант заронил в массовое сознание крамольную склонность относиться к чрезмерно стройным доводам с долей юмора; Гегель подхватил почин — и объявил юмористом Канта, а заодно показал, что природа вообще ничего не представляет сама по себе, и любые ее возвышенности — дело рук человеческих, артефакт, игра в бога. Следующий удар — связан с именем Карла Маркса, который предположил, что и несовершенство человека — дело рук человеческих, и что не дают человеку становиться совершенным как раз те, что взял на себя (узурпировал) отеческую заботу о первородных грешниках, якобы неспособных распорядиться плодами собственного труда и уподобиться небожителям. По Марксу, именно господствующие классы обнаруживают величайшее уродство — но у них на вооружении кривое зеркало, в котором мерзость выглядит мудростью, а свинство — утонченным благородством. Эта барская забава — *деньги*. Маркс писал о деньгах как «всеобщем извращении индивидуальностей», всеобщей «извращающей силе» [42, 150]; глядя на

мир сквозь финансовые очки, человек забывает о всяком совершенстве, а человеческое достоинство тонет в тени знаков денежного достоинства. Человека, выросшего в этом вывернутом наизнанку мире, уже не надо заставлять оставаться несовершенным — это часть его природы, его естественное состояние, способ восприятия и образ действия. Какая к лешему свобода? наш идеал — воплощенная ограниченность!

И тут объявляют второй акт того же балета: редкие проблески человечности, просвечивающие сквозь миазмы классового сознания, носитель буржуазной культуры пытается привести к въевшимся в душу стереотипам — и вытаскивает из разумности лишь то, что напоминает столь дорогую его сердцу первобытность. Не то, чтобы проходит мимо, пожимая плечами, — но и активно перетолковывает мудрые слова на идиотский манер, причесывает будущее под прошлое. Разум отрицает дикость — на первых порах представляя разумное содержание в еще диких формах. Отрицание отрицания — возврат к дикости, когда от разума остается лишь оболочка, а внутри сплошное убожество. Маразм.

Подлость классовой истории духа в том, что сколь угодно идейного писателя обезличенный буржуазный читатель обязательно постарается понять совершенно извращенным образом, следуя указаниям рынка. Если в собрании сочинений засветилась лишь одна кривая идея — будьте уверены: читатель выхватит из целого именно ее, и представит автора рупором этой, быть может, не самой характерной для него мысли. Тем более искорежат наследие писателя, у которого светлые мысли рассеяны по болотам — да еще высказаны коряво и двусмысленно.

Первым делом, конечно, досталось Марксу: его сразу же начали толковать на буржуйский лад все кому не лень, включая близких друзей (Энгельс, Ленин) — и даже самого Маркса. Потом, как водится, стали извращать толкователей — и так далее, по экспоненте. Не по злобе, без особой корысти, — а совершенно естественным образом, следуя законам неразумного (классового) общества.

Конечно, если человек честно пытается разобраться в сути вопроса, и все же ошибается, — это не случайно: значит, общество пока не готово откликнуться на зов будущего, и предстоит долго рыхлить и удобрять почву для подлинно культурного посева. Сослаться на такую неудачу — очень удобно тому, кто жаждет утвердиться в собственной низости: дескать, все вокруг такие — стало быть, и мне не грех, и заморачиваться духовностью выше среднего никакого резона. Кривая душа в любом зеркале выглядит криво — а виноваты, как водится, зеркала...

Но мы читаем для другого: нам важно вытащить на свет хотя бы крохотные искорки будущего, приметы выветривания цивилизации и перехода к бесклассовому, свободному сознанию. Если удастся выйти на чистый звук — полный восторг; если музыка лишь угадывается сквозь шумы — радуемся, что удалось угадать; когда же ничего толком не разобрать — плюс хотя бы в том, что отрицательный пример не даст пойти по дурной дорожке, позволяет освободить стройплощадку от части мусора — и есть шанс, что аленький цветочек таки прорастет.

По большому счету, одна книжка не хуже другой. Из прошлого опыта, есть какие-то предпочтения. В остальном — что попало в глаза в условиях книжного дефицита и рыночных запретов. В каждой предметной области — набор громких имен, типовые формулы; мелкая рыбешка подбирает ссылки по теме, плодит обзоры и рефераты. Первоисточники не всегда доступны — но чем известней автор, тем больше шансов, что его освободят от коммерции благородные пираты. Педагогика обилием ярких светил не избалована, а изучать теорию и практику советского периода — пальцев одной руки даже много. Каждому пальчику — свое место; здесь обратимся к послевоенному авторитету, официально причисленному к лику выдающихся: Василий Александрович Сухомлинский.

Что и говорить — человек заслуженный... Конечно, среди учителей долгий стаж — явление обычное. Но тут еще и тяга к рефлексии — а литературная плодовитость (вкупе с местнической установкой на продвижение нацкадров) финишировала собранием сочинений в пять толстенных томов (не считая хрестоматий). Ну, равняться мы ни на кого не собираемся — много разговаривать не приучены. Прочсть такую от кипы корки до корки — тоже несерьезно. Однако составить общее впечатление, определиться с плюсами и минусами, — можно и по диагонали, с задержкой на особо пикантных местах.¹⁴ Выводы — по возможности компактно, чтобы не отвлекаться от прочих, не менее насущных тем.

Первым делом — взгляд по периметру. Сразу настораживает зашкаливающий индекс цитирования, широчайшая популярность в

¹⁴ Здесь мы цитируем, в основном, три опуса: *Рождение гражданина*, *Методика воспитания коллектива*, *Проблемы воспитания личности*. Последние два — авторские компиляции собственных трудов, достаточно полные обзоры; для наших целей этого вполне достаточно.

профессиональной литературе и у популяризаторов. Когда чего-то перебор — это подозрительно. Сразу вспоминаем про избирательность классового читателя — и начинаем приноживаться к критериям отбора. Тем более, что запускают канонизацию не абы когда, а в конце 1970-х, когда процесс дестабилизации советской власти выходит на финишную стадию, этап подготовки государственного переворота. Еще несколько лет — и конец; но имущество делить начинают заранее: живое тело хищники рвут в клочья, пытаясь ухватить кусок пожирнее. Было бы очень странно, если бы в такое время власть предержавшие вдруг решили продвигать идеи возвышенной духовности и коммунистические идеалы. Конечно, на словах пока все приличия в ажуре — и в печать не попадет откровенная антисоветчина; тем важнее, чтобы давно приученная к политическим анекдотам публика не принимала лояльность всерьез, выискивала под глянцем гнилое содержание. Что сам автор про себя думает — никому не интересно; важно, чтобы его творения ни в коем случае не вставали поперек генеральной линии, настраивали обывателя на безропотную покорность воле будущих господ. Другими словами, переход в рабское состояние рабы должны воспринимать как нечто совершенно *естественное*, как *освобождение* от необходимости самим устраивать свою жизнь, признание неискоренимого несовершенства — и возможность переложить ответственность на тех, кто уже готов пострадать за ближнего и ее принять, — разумеется, с подобающими материальными компенсациями.

Диссидентство никакие власти не приветствуют. Правые уклонисты чересчур откровенно выбалтывают публике подоплеку происходящего, и если их не приструнить — массы могут возмутиться и раздуть почти остывшие угли классовой ненависти.¹⁵ Но опаснее для начальства — диссиденты слева, которые подогревают протестные настроения самим фактом своего существования, наглядным утверждением хотя бы принципиальной возможности противостоять контрреволюционным поползновениям, — неуклонно подпитывая в людях разум и стремление к свободе. И правые, и левые — вынуждены действовать за гранью легальной литературы; но материальные возможности окопавшихся по престижным заведениям (или сбжавших за границу) буржуйчиков на порядки превышают объемы доступного честным трудягам, не самого

¹⁵ В стихийных акциях такого рода нам приходилось участвовать — с тяжелыми оргвыводами со стороны властей.

интеллигентного происхождения; впрочем, в водоворотах борьбы с марксизмом настоящего марксиста не спасет никакая родословная: перед глазами печальный пример Э. В. Ильенкова...

Сухомлинский в всех отношениях соответствует возложенной на него идеологической миссии: он достаточно тенденциозен по форме — и абсолютно буржуазен по содержанию; изрядная примесь феодальной патриархальности антисоветчикам на пользу: на этом фоне реставрация капитализма выглядит движением вперед. Замшелая провинциальность большого ученого властям очень удобна: нет претензий на столичные посты (с когортой наследников и учеников); не надо делиться добычей и привилегиями: ублажить ветерана, подыграть самолюбию ничего не стоящим формальным признанием, использовать — и выбросить, когда оскал капитала уже не надо прикрывать коммунистической улыбкой. Про национальную гордость малороссов — и говорить не приходится: будущим самостийцам приятно слыть великой педагогической нацией, наравне с роинами Коменского и Песталоцци. Раз в кои веки не с русского переводят на суржик, а сочиняют непосредственно на одном из своих диалектов. Опять же, воспитанники заранее готовы влезть в американские танки и двинуть грозной лавой на клятых москалей...

Короче — само совершенство. С чем деревенский членкор вполне согласен — без лишней скромности:

Я учу подростков и юношество жить для людей...

Моя власть над ребенком оправданна и мудра...

Я призываю маленьких граждан — и они отвечают на мои призывы тончайшими движениями души; я прошу их задуматься над собственной жизненной судьбой — и они задумываются; я веду их тернистым путем, пройденным героем до вершины подвига, — и они идут вместе со мной, увлекаются и благоговеют...

... у каждого человека, которого мы воспитываем, формируются правильные взгляды

... с каждым из воспитанников у меня был сердечный, задушевный разговор...

... ребенок, одухотворенный нашими поучениями, чувствует: вот здесь — труд любви.

Мы учим отцов и матерей создавать в семье атмосферу чистосердечных нравственных побуждений и желаний...

Несколькими поколениями людей, прошедших нашу школу, выработались законы истинной дружбы...

Мы внимательно изучали становление духовного облика и процесс нравственного созревания воспитанников, которые в годы отрочества и ранней юности много духовных сил вкладывали в деятельность для общества. Став взрослыми людьми, они отличались высоким нравственным уровнем, благородством.

Наши юноши и девушки, окончившие школу, зарабатывают солидные суммы денег.

Для этого мало твердых идейно-гражданских убеждений воспитателя, его коммунистической партийности. Необходимы педагогическая культура, знание социальных законов, влияние слова на душу воспитанников, необходимо великое мастерство видеть человека, ощущать сердцем тончайшие движения его души.

... оценка и учет всего этого предостерегли нас от формального понимания важнейших истин, связанных с самой сущностью всестороннего развития личности.

И так далее, и тому подобное... Плюс десятки анекдотов о мудрых воспитательных действиях, возрожденных перерожденцах, вылеченных клинических идиотах, и о гениальном директоре, который

умеет объединять усилия учителей для коллективной мысли, умеет найти, указать путь ее развития в творческой работе и — это самое главное — умеет вместе с учителями из года в год накапливать духовные ценности учебно-воспитательного процесса.

Сюда можно добавить и фантастические истории о творческих успехах детишек в растениеводстве, зоотехнике, пчеловодстве, механизации и автоматизации сельского хозяйства:

Уже 7–9-летние дети на нескольких десятках квадратных метров выращивают урожай с каждого метра в десять, а иногда и в пятнадцать раз выше, чем на колхозных массивах, причем результаты эти достигаются не увеличением физической нагрузки, а исключительно активностью мысли, творчеством.

Например, выращивались помидоры, каждый куст которых давал 12–13 кг плодов — в десять раз больше, чем обычно. Путем скрещивания и вегетативной гибридизации создавались плоды необычайной величины. Благодаря тонкому, требующему большой точности приему ухода за растениями во время их цветения создавались плоды без семян. В два раза увеличивался период плодоношения овощей, выращивалась рассада, устойчивая к снижению температуры.

Остается только удивляться, почему Советский Союз всю дорогу плелся в хвосте у капиталистов, а дефицит всего на свете породил дикие очереди и талонную систему. Возникают серьезные подозрения, что

«активность мысли» и «творчество» больше относятся к сочинению победных реляций, нежели к производственной реальности...

Как бы то ни было, сочинения уважаемого автора регулярно переиздаются на разных языках и перекомпилируются в сборники афоризмов. С одного из таких и началось наше знакомство с идеалом гуманистического ученого: *Потребность человека в человеке*, М. 1981. Первая (эмоциональная) реакция: эти, с позволения сказать, идеи поражают вульгарной убожеством. Ничего общего с коммунистическим воспитанием, советской гражданственностью, разумом, духовностью, нравственностью, — или хотя бы с элементарной порядочностью. Проповедь патриархальной деревенской общины, охватывающей много поколений, — диктат примитивного жизненного уклада с безусловной властью старших, с культом предков, земли, цветов и природных стихий, с проповедью вечности абсолютов добра и зла, благородства и мерзости, правды и лжи, ответственности и долга, — в форме самодельных притч и вульгарно-морализаторских сказок.

Нас можно упрекнуть в излишней суровости. Но мы-то говорим о конкретных исторических условиях, об особенностях классовой борьбы в СССР и на мировой арене в последней четверти XX века. Для балансирующей на грани развала страны внутренний враг страшнее внешнего: внешняя агрессия пока еще сдерживается экономической мощью, а идеологическая диверсия — сдерживает рост экономики, размывает ее общественный характер, нейтрализует всякую мощь.

При всем благородстве возмущения, было бы непростительно на этом и остановиться. В конце концов, тенденциозные компиляции никого еще не украшали — и мы знаем, например, как великого романтика Ницше его враги навеки скомпрометировали совершенно антиницшеанской посмертной публикацией черновиков под уродским названием *Воля к власти*. Поэтому разумно было бы обратиться к первоисточнику и высказать наши претензии (или восторги) автору прямо в лицо. Вот этим мы и займемся на следующих страницах — без претензий на полноту, и уж никак не беспристрастно.

Наука и утопия

Изобилие педагогических училищ и вузов наводит на мысль, что кроется за всем этим какая-то наука — и желающие могут у нее чему-то научиться. Само название: *Академия педагогических наук* — намекает на

некую множественность; правда, после развала СССР остатки былой академической роскоши дружно сливают в синкретическую *Академию образования*... Разумеется, дипломы о высшем образовании отнюдь не свидетельство высокой учености — и нужны они исключительно для изображения серьезности, в соответствии с правилами игры. Реальные педагоги преподают не по науке, а по программе — которая, собственно, и сводится к изложению правил, позволяющих передвигать фигуры с одного поля рыночной экономики на другое.

С другой стороны — известные имена, с которыми ассоциируются не столько технические детали, сколько (якобы) всеобщие принципы выведения неразумных ребятишек к взрослому свету. Такие обобщения заведомо выходят за рамки науки: всеобщее — хлеб философии, а мудрости невозможно научить — ее надо любить и дарить окружающим. Испокон веков мудрецов считали ненормальными, существами не от мира сего, — при том, что гениальный ученый превосходит коллег лишь в пределах своей науки, и сама идея превосходства подразумевает чисто количественные различия, при качественной однородности. То же самое можно усмотреть и в искусстве — где тоже длинный перечень великих имен. А философов человечеству катастрофически не хватает...

От лирического отступления — к практике. Поскольку мир далеко не идеален, готовых форм для выражения идеалов в нем не найти; приходится либо переосмысливать имеющееся (то есть, усматривать великое в малом) — либо фантазировать, строить идеальные миры. Эти две стороны в разных пропорциях соединяются в каждом философском учении — но в любом случае философия не столько учит, сколько побуждает (но не принуждает!) к действию — хотя бы даже не в русле замыслов философа.

Философские фантазии — на бытовом уровне воспринимаются как сказки, выдумки с намеком. В художественной и научной рефлексии — это абстракции (художественные образы и научные понятия). Попытки идеализировать философию — приводят к возникновению философских систем. Наконец, на синтетическом уровне — всевозможные утопии.

Фундаментальные педагогические проекты (начиная, как минимум, с Конфуция и Аристотеля) опираются на опыт обособленных групп, когда можно сузить, максимально ограничить круг внешних влияний, воспроизвести условия применимости фундаментальных принципов в сугубо экспериментальной чистоте. Поэтому, писатели-утописты всегда помещают свои «едгины» на затерянные в океане острова, в чащу леса,

в неприступные горы — или на другие планеты (как у Сирано: империи Луны и Солнца). По той же причине, попытки внедрения идеала в жизнь сводятся в условиях классового общества к созданию относительно изолированных сообществ: от сект и колоний — вплоть до «отдельно взятого» социалистического государства (или даже «социалистического содружества»).

Одной из таких педагогических утопий и стала Павлышская средняя школа. В отличие от опытов Оуэна и Макаренко (или от буддистских монастырей), это не колония (фактория), не интернат (коммуна), где все стороны быта вписаны в рамки искусственных границ (и школа — лишь часть системы), — нет, сельский эксперимент Сухомлинского помещает школу в реальном мире, с его собственной жизнью, из которой приходят и куда уходят его ученики, и потому образование подвержено самым разным воздействиям: речь уже не о том, чтобы вырастить идеального человека в идеальном обществе, — требуется выяснить, возможно ли следовать общим принципам социализации в открытых системах, сделать педагогическую идею устойчивой по отношению к внешним возмущениям. Разумеется, в рамках эмпирионатурализма:

... недопустимо создавать какие-то специальные необычные условия, т. е. практически делать что-то неестественное для того, чтобы исследовать. Соблюдение этого требования предотвращало опасность создания искусственных, «стерильных» условий и обстоятельств.

Легко видеть, что сама постановка задачи внутренне противоречива: в качестве утопического мира (носителя идейной чистоты) выступает сельская школа, противопоставленная остальному миру (источнику разрушающих влияний); это означает, что на первый план, вместо общественно-культурного единства (как источника духовной цельности, общественного ядра личности) выдвигается *борьба* «правильного» с «неправильным», совершенной идеи с несовершенной практикой, абстрактного добра с абстрактным злом:

Наша задача состоит в том, чтобы человек вступил в *борьбу* со злом.

Настоящий мастер-воспитатель благословляет своего воспитанника на борьбу...

Искусство воспитания подростков и юношества сейчас состоит в том, чтобы увлечь их романтикой борьбы, чтобы каждому хотелось стать настоящим воином, непоколебимым и непримиримым к врагам.

Я прав, а мой враг — нет

Ненависть и непримиримость — это видение мира.

... идейное воспитание включает в себе ярко выраженный элемент борьбы...

... активное презрение, гнев, отвращение к злу является духовной энергией борьбы за добро.

... добро означает только борьбу, только мужество...

Даже если не будет иных способов борьбы, пусть разовьется в ней непримиримость и ненависть к злу.

«Победив, я убедился, что любой справедливый взгляд, убеждение можно доказать, если проявить настойчивость, силу воли» — таков смысл ответа людей, проявивших героизм.

Разумеется, все это «во имя идеала» и «за счастье народа»... Конечно, не забываем и о вынужденном внешнем противостоянии:

Мир социализма не только живет один на один с миром капитализма, где господствуют жестокие законы человеконенавистничества, но и пребывает в постоянном идейном, духовном, моральном единоборстве с этим миром насилия и порабощения.

Но в итоге эта вынужденная противоречивость, рудимент классового бытия и сознания, обожествлена и сделана самоцелью, видением мира! Как мы увидим чуть позже, идеология Сухомлинского бесконечно далека от коммунистической; тем более трудно ожидать ясности по поводу путей в будущее от его учеников. Зато есть абстрактная готовность к борьбе — с чем и с кем? Людей делают послушными исполнителями чужой воли (которую им положено воспринимать как свою). Пространная апология военных игр — на ту же мельницу:

Военная игра имеет большое значение в воспитании мальчиков еще и потому, что она являет собой настоящую школу сознательного, дисциплинированного подчинения всех своих сил руководителю.

Будьте героями! Что называть справедливостью — дело десятое, поскольку «любой справедливый взгляд, убеждение можно доказать», если «проявить настойчивость». А вашим вождям — *вера* в свою силу и *право* повелевать.

Но вернемся к принципам организации «очень продолжительного педагогического эксперимента». Систематичность, конечно же, в плюс, поскольку теория тесно увязана с практикой. Обратная сторона — увязка практики с теорией: при всей добросовестности ученого, необходимость систематизации неизбежно сдвигает фокус с воспитания на рефлексию, заставляет воспринимать людей как подопытных кроликов. Которые должны вести себя в русле исследовательской тематики. Где-то в другой

отрасли — это не принципиально. Но предмет педагогики — живые люди, и не почувствовать инструментального отношения к себе они могут лишь в условиях жесткого идеологического прессинга, промывки мозгов. Заведомая несимметричность методики (безусловный примат экспериментатора) ведет к однонаправленной схеме межличностных отношений: сверху вниз, от воспитателя к воспитуемому.

Довоенные годы знали немало педагогических экспериментов — в том числе экспериментальные классы и школы. Позже это увлечение заклеямили и осудили: не потому, что сводилось все к насаждению буржуазных методов (вместе с вшитой в них белыми нитками буржуазной идеологией) — а просто шло к большой войне, и следовало шить униформу — в том числе духовную. Отличие школы Сухомлинского — в *универсальности*: не только отработка частных методик и дидактических приемов — но и полная интеграция обучения и воспитания, охват всех сторон внутренней и внешней деятельности, полное погружение в образовательный процесс.

... одновременно исследовалось несколько проблем, но при этом предметом пристального внимания исследователя на определенном этапе работы была одна из сложного комплекса проблем... Исследуя ту или иную конкретную проблему, автор как практический работник не мог ослабить внимания к другим проблемам, сторонам, элементам, составным частям, аспектам обучения и воспитания.

Прекрасная формулировка иерархического подхода к педагогической науке. Однако, в условиях отделения школы от быта это означает, что школа берет на себя руководство внешкольной жизнью, становится высшей инстанцией и предписывает обществу, как ему следует себя строить, чтобы соответствовать педагогической идее! Проекция модной тогда теории о руководящей и направляющей роли партии в обществе развитого социализма. Сравнивая с довоенными и послевоенными доктринами, обнаруживаем все ту же схему двойного отрицания: буржуазно-педагогический демократизм уступает дорогу формальному образованию — а ему на смену идет новый строй, демократический формализм... То есть, мы не против влияния педагогической практики на официально одобренные программы и методики — пока творчество остается в пределах предписанного и не посягает на устои. У старых утопистов школа — часть культуры в целом, и лишь таким способом, через общность истоков, она может стать школой жизни; напротив, излюбленное словечко Сухомлинского — *учить жить*.

Но что сие может означать на деле? Возможность предписывать и наставлять в классовом мире напрямую увязана с собственностью на средства производства: чем больше капитал — тем убедительнее. Партийная номенклатура прибрала к рукам вся страну — и потому ее слово закон; у сельской школы матчасть не та — и сфера влияния ограничена ближайшей окрестностью, да личными связями. Таким образом, моделью обюрократившегося социализма на селе становится *община* — микроэкономический комплекс, объединяющий разнородные взаимозависимые производства по территориальному признаку. Можно назвать это (по-французски) коммуной — суть дела не изменится.

Воспитание вообще представляет собой целенаправленную деятельность, успех которой в решающей мере определяется тем, в каких условиях, при каких обстоятельствах эта деятельность происходит. Мы твердо убеждены в том, что одной из самых больших бед школьного воспитания является несоответствие условий, обстановки, обстоятельств тем усилиям, которые предпринимаются для правильного воспитания. Речь идет об условиях, обстановке, обстоятельствах, создаваемых прежде всего самой же школой в процессе воспитательной работы.

Искусственность эксперимента подсказывает искусственные выводы. Создать «правильные» условия, «гармонизировать» отношения школы и окружающей среды (в смысле примата школьных интересов) — тогда все будет по науке. Вместо замкнутой в себе школы (производства институток) — столь же безжизненная изоляция воспитательного комплекса, школы вместе с ее связями (производство общинников). Тем самым наука уверенно стремится к нулю: педагогика натурального хозяйства не переносится на массовое духовное производство — это теория *ad hoc*, призванная оправдать пережитки средневековья. Но не такова ли вся идеология «научного социализма»?

Хороший метод — работает в любых условиях. Выработать такие методы возможно лишь путем сопоставления разных форм реализации общего принципа — когда приложения науки развиваются вместе с наукой. Можно десятки (и сотни) лет наблюдать одну звезду — но лишь сопоставление данных о миллиардах звезд и галактик позволяет делать выводы в космологических масштабах. Если удастся показать, как общую идею возможно реализовать в самых разных экономических условиях — тогда это действительно общая идея, а не абстрактная фантазия. Слова об активной перестройке обстоятельств в другом

контексте можно бы понять как намек на суть всякой разумности: перестройка вселенной, окультуривание. Человек не приспособливается к условиям — он творит их, изменяет природу — и только так изменяет себя. В отношении единичного человека — это и есть образование (обучение и воспитание). Но переделывать надо весь мир — а не создавать культурный кокон; не просто благоприятная среда здесь и сейчас — а технология адаптации любых сред к нуждам человека разумного. Воспитывая человека — мы воспитываем мир.

История знает разные типы общины. Специфика сухомлинской утопии — преобладание духа над экономикой: директор школы играет роль наместника бога на земле, и его «рекомендации» обязательны к исполнению. Это было бы неплохо, в условиях засилья вульгарного экономизма: признать, наконец, духовное производство необходимым дополнением и обратной стороной материального производства — и обеспечить тесное взаимодействие того и другого в ходе культурного строительства... Однако в данном случае — ни слова о партнерах, закулисное перетягивание каната, детская игра в молчанку: сочинения Сухомлинского (насколько нам удалось с ними ознакомиться) ни разу не упоминают ни советской власти (призванной руководить экономикой района и области), ни связи с партийными организациями (политическое руководство). Да, великий педагог был-таки членом райкома и обкома партии — но об этом мы узнаем только из комментариев издателя. Такое начальство — партийным или советским никак не назовешь. Глухо упоминаются «руководители комсомольской и пионерской работы» (формально приравненные к учителям); но их роль в происходящем строго равна нулю: вся полнота власти — в руках педагогического гения и ведомой им учительской дружины. Комсомольская и пионерская организации по Сухомлинскому — только внутри школы, а вовсе не всесоюзные органы. Вам это ничего не напоминает? Тысячу лет назад земли в Европе были поделены между светскими феодалами и попами; между ними все время тлело скрытое соперничество, многолетние тяжбы за лакомый кусок, — но для прикрепленных к земле крестьян разница заключалась лишь в характере эксплуатации: то ли напрямую работать на главу прихода — то ли отстегивать из оставшегося после барщины. Средневековые храмы похожи на феодальные крепости — и бунтовало подневольное население против всех. Аристократические кланы владели и замками, и монастырями; их отпрыски делили меж собой церковные и светские должности, свободно переходя от одних к

другим, при полной идентичности строения рыцарской и церковной иерархий. Известнейший пример — кардинал Ришелье, первоначально готовивший себя к военной карьере, — но пришлось перенять приход от недееспособного брата. Рыцарские ордена (вроде тамплиеров) — сами себе церковь. Когда английский король берет управление духовенством на себя — это вполне традиционно, и у большинства подданных не возникло ни малейшего сомнения в его правоте. Напротив, подчинение советов компартии, — пример захвата власти религиозной верхушкой, нечто вроде исламского государства, халифата.

Буржуазная пропаганда любит преподнести общину как образец «прямой демократии», где все вопросы непосредственно решаются «народом» в общих интересах. Рассуждениями такого рода творения Сухомлинского набиты под завязку. Фиговый лист плохо прикрывает срам общественного неравенства, на котором держится общинность (как форма классовой экономики). Приходится оправдываться, списывать очевидные факты — на что бы вы думали? — конечно же на природу, естественные различия, из-за которых одним предписано властвовать — а другим довольствоваться положением «твари дрожащей»:

... природа духа человеческого такова, что не все воспитанники, которые пришли в школу маленькими детьми, уходят из ее стен в жизнь одинаково духовно богатыми,

Росчерком пера дух сводят к природе — подчиняют свободу внешним обстоятельствам. Как после этого понимать речи о пересоздании школой «обстановки и обстоятельств»? Лапша на уши? Если школа не дает духовности — это плохая школа. Если педагогика не может указать, что в экономике и обществе надо изменить ради обеспечения равного доступа к культурному достоянию всем без исключения — это не наука, а гнусное шарлатанство. Зачем тогда все ваши наставления? — природа (и капитал родителей) заранее решают все за всех. Предприимчивый по природе — выживет. А которые не выбились в люди — сами дураки:

Неравенство умственных способностей, которое становится очевидным для самих воспитанников уже в годы их детства и отрочества, понимание этого неравенства как причины, в силу которой не всем суждено достичь одинакового предела умственного развития

Тройная подлость: все богатство человеческой личности сводится к уму; умственные способности — заложены в каждого от рождения; каждому «суждено» занять в обществе место в соответствии с внешним обликом и физиологией. Люди «от природы» обречены на экономическое и

общественное неравенство — классовый оскал без маски! Образование сводится к тому, чтобы вбить в головы «понимание этого неравенства» и примирить бедолагу с его долей:

Задача воспитателя заключается в том, чтобы это неравенство не переживалось отдельными воспитанниками как несчастье.

То есть, радуйтесь тому, что есть — и не замахивайтесь на большее. Слушайтесь старших товарищей — они вам соболезнают. Не вздумайте разрушать классовую гармонию — требовать человеческого отношения к каждому, независимо от природы и породы.

Можно ли на таком фундаменте строить человеческую, разумную педагогику?

Человек — не природное существо. Его труд и общение с другими людьми — не от природы, а от общества. Общественное неравенство — порождение классового общества, и никакая природа не может на это повлиять. Если у человека чего-то нет — разумное общество обязано позаботиться о компенсации всяческих дефицитов расширенными возможностями неорганического тела — включая координацию усилий многих людей. Люди разные — но каждый способен на все.

Община Сухомлинского — наследие раннего средневековья, полное подчинение приписанного к ней населения воле духовенства (в лице назначенного высшим церковным руководством епископа). Да, приход очень мал; зато внутри — своя рука владыка! Добившись особого, академического статуса, Сухомлинский выводит свое царство из-под влияния любых властей, становится помещиком-самодуром. Читая пространные отчеты о барских благодеяниях подданным, вспоминаем, что многие европейские и русские феодалы искренне считали себя радетелями за мелких людишек (по Сухомлинскому — «маленький человек»), и подданные тоже в это верили, и не спешили уйти от барина после отмены крепостного права (а в Германии даже бунтовали против отмены). Община многим удобна — она снимает бремя индивидуальной ответственности, заменяет ее верой и традицией. Но будущего у общины нет: капитализм перекраивает любые общности под запросы рынка — и легко разрушает родовые или местнические связи, когда того требуют финансовые интересы. Выпускники школы (семинарии) Сухомлинского прекрасно вписываются в пейзаж полуфеодальной экономики (а другой в СССР и не было). Узость взглядов, экономическая и политическая слепота, не позволяет общинникам (обывателям) заметить скрытый за коммунистической фразеологией дележ собственности. Реставрация

капитализма застаёт их врасплох — но кажется общественным прогрессом, утверждением личной свободы. Кому-то нравится — остальные утешают себя тем, что и при капитализме возможно местное самоуправление, потихоньку перерастающее в самоуправство... А заменить в учебной программе коммунистические идеалы «общечеловеческими ценностями» — дело нехитрое. Ценности — это от рынка; общечеловеческое — значит не человеческое, дикое. Разумное существо пытается устроить жизнь разумно — хотя бы в границах выдуманной общности. Капитализм против утопий. Зачем этот сизифов труд? — пусть кем-то собранные камни весело катятся вниз.

Что есть и чего нет

Прежде чем скатиться к злопыхательству, хотелось бы все же вытащить из кучи дерьма несколько драгоценных камешков. Всякая дикость в человеческом обществе — не просто так, она в неразумных условиях становится единственно возможной формой разумности. Конечно, религиозная литература давит гипертрофированной убожеством малейшее желание прокачивать через себя тысячи тонн словесных помоев ради недоистребленного намека. Но взялся за гуж — не говори, что не дюж. Надо пробовать. Тем более, что идейных концентратов в пределах доступа нынче не сыскать.

Мы вовсе не утверждаем, что усмотренные в Сухомлинском блестящие разума в нем действительно присутствуют. Важно только, что их там таки *возможно* усмотреть: объективная необходимость общественного прогресса вмещалась в авторский замысел и привела творения к форме, обнаруживающей совсем не феодально-общинные настроения. Мы можем заметить эти идеологические утечки лишь в силу знакомства с другими авторами, и после изрядной порции самогонной рефлексии. Соответственно, придется делать поправку на нашу собственную ограниченность. Но если есть действенное желание — почему бы не выдать желаемое за действительное? Когда нет сказки — откуда возьмется быль?

Для затравки — уже отмеченная «агрессивность» школы, попытка активно влиять на окружающую среду, а не просто приспособливаться к ней. Педагогическая команда «учит жить» не только школьников, но и родителей, и соседских производителей. Да, всех прогибают под абстрактные идеи с нехорошим душком — но сама постановка вопроса

вполне могла бы стать прототипом будущего, разумного образования, которое никоим образом не для пассивного усвоения культурных достижений, а для рефлексии по поводу достигнутого — и внедрения находок в быт. Образование обнаруживает порядок — и устанавливает порядок. Иначе зачем что-либо обнаруживать? Разумеется, такая школа должна иметь солидный общественный статус, на равных с другими производствами; при капитализме это вырождается в право командовать партнерами, вторгаться в их внутренние дела, предписывать образ жизни в соответствии с образом мысли. Все религии таковы — и захват духовенством (или партией) политической власти устанавливает (хотя бы локальную) диктатуру. С точки зрения абстрактной свободы — это ужасно; однако если в уродливо-классовой форме брежжит заря будущей настоящей свободы, нам и это сгодится — поскольку ничего лучшего в цивилизации все равно не сыскать.

Идея о том, что социализация направлена не на переделку человека, а не переустройство мира, — это революционно. Сравните с обычной практикой психотерапии: неуютно чувствующего себя в дикой среде пациента заранее считают ненормальным — и пытаются примирить с действительностью, успокоить, «скорректировать» его внутренний мир, используя хитроумные методики внушения (а потом и самовнушения). От медикаментозного натиска традиционной психиатрии это ничем не отличается. Но если по жизни все будет как было — остаются лишь две (по-буржуйски противопоставленных друг другу) возможности: либо стать тупым идиотом и радоваться самой возможности радоваться, безотносительно к уместности оптимизма, — либо отгородить свое от чужого, выстроить психологическую защиту, искусственный невроз, плавно перетекающий в шизофрению. Обе крайности мы повсеместно наблюдаем в советской (а тем более в несоветской) педагогике. Вывод ясен: лечить надо не больного человека, а больное общество. Именно этим занимаются педагоги-утописты — но идея Сухомлинского богаче: не замыкаться в «правильно» устроенном мирке — а подталкивать большой и неправильный внешний мир в нужном направлении, мало-помалу расширяя сферу влияния. Собственно, этим и следовало бы заняться большевикам после прихода к власти — но у них не нашлось на то ни сил, ни желания... Проповедь мировой революции осудили как левацкий уклон — и поделом! — но вместе с ним похоронили и разумное зерно: невозможно внутреннее единство за железным занавесом — пламя революции в наглухо закрытом отсеке потухнет, сожрав

последний кислород. Как перейти от оборонительной позиции к активному продвижению передовых идей — думать надо. В частности, поучиться и в школе Сухомлинского.

Тут мы подходим к другой фундаментальной идее, сближающей Сухомлинского с Марксом — и начисто разводящей с марксизмом. Материальное производство — это замечательно, и его надо переводить на бесклассовые рельсы, избавлять от рыночной грязи и ставить на службу конкретным потребностям его участников. Но этого мало. Изменение способа материального производства требует сознательного изменения субъекта деятельности — *духовного производства* как другой стороны экономики. Одно теснейшим образом связано с другим, одно невозможно без другого. Руки без головы столь же напрасны, как и голова без рук. Человек тем и отличается от прочих существ, что умеет делать бестелесные идеи материальной движущей силой, способной изменить облик не только нашей планеты, но и вселенной целиком. Однако официальный (да и диссидентский) марксизм совершенно не в курсе движений духа — и брезгливо отодвигает духовность в сторону: дескать, это нечто вторичное, зависимое от экономики, что само собой образуется, как только мы наладим производство вещей — серьезному политику с этим связываться незачем... Но одно исключение сделать таки пришлось: политика — отнюдь не материальное производство, и говорить о руководящей роли партии без признания относительной самостоятельности надстройки и ее влияния на экономику решительно невозможно; поэтому коммунисты правдой и неправдой расправлялись с вульгарным экономизмом, осуждающим борьбу партий как явление совершенно буржуазное и призывающим заменить политическое руководство экономическим. На это большевики пойти никак не могли; но как установить идеологическую монополию, если признать столь же активную роль всех без исключения устремлений духа? Пришлось скатиться в эклектику, превратить исторический материализм в монструозный гибрид: общественное бытие определяет индивидуальное сознание у всех, кроме высшего партийного звена, которое вправе менять направленность экономики, руководствуясь невесть откуда звучащим внутренним голосом (озвучивающим лишь экономические претензии привилегированных слоев). Пробились куда положено? — тогда назначайте своих цензоров; у рядовых — извольте выводить духовность из экономики, мудро организованной для вас очень высоко поставленными товарищами. Никакой внешкольной самодеятельности:

учиться, учиться, и учиться! Таким образом понятая энергия духа (почти по Эйнштейну) обладает массой — и потому естественнейшим образом течет сверху вниз...

В отличие от своих «последователей», Маркс исходит из права и обязанности каждого разумного существа следовать голосу разума, действовать сообразно обстоятельствам — но в качестве полномочного представителя разума как такового, осознанно преследуя сознательно поставленную цель, вовсе не вытекающую из порядка вещей; более того, именно несоответствие наличного бытия разумной идее и порождает намерение что-то изменить — иначе не было бы никаких целей. Природе совершенно безразлично, как что движется; деятельность производит нечто, в природе невозможное; когда человек сознательно стремится к невозможному — и преодолевает невозможность, — он становится субъектом как таковым, созидательным духом.

Как может нечто изначально неприродное (выделяющее человека из природы) быть выведено из внешних обстоятельств, сделано их *естественным* продолжением? Дух не существует помимо своих воплощений — но не сводится к ним. Более того, в деятельности человека вещи постепенно пропитываются духом — и нужен человек миру как раз для того, чтобы одухотворить мир! Другого способа нет.

Всякая деятельность осознанна; однако духовная деятельность возвышает сознание человека до самосознания — а разум (как указывал Гегель) есть единство сознания и самосознания. Это единство возникает лишь в единстве материального и духовного производства — в практике. Соответственно всякий *труд* есть единство материальной и духовной сторон, работы и творчества. Оторвите одно от другого — и нет труда, а есть рыночное рабство (независимо от места в классовой иерархии).

Через все творения Сухомлинского красной нитью (в отличие от прочих, белогвардейских) проходит мысль: школа призвана прежде всего развивать дух человека — и тем самым делать его способным к любой деятельности; а такая универсальность, собственно, и есть определение разума. Внешнее (в том числе экономическое) проявление универсальной духовности есть *свобода*.

Конечно, в классовой среде всеобщее разделение труда отделяет образование от прочих производственных отраслей, выделяет в особую рыночную нишу. Поэтому трудно ожидать, чтобы профессиональный педагог в полной мере осознал все следствия из этого принципа; одно из важнейших — историческая необходимость исчезновения школы как

таковой, вместе с устранением противоположности материального и духовного производства. Но мы можем смело процитировать:

Духовная деятельность — это активные усилия личности, которые прилагаются, чтобы наши политические, моральные, эстетические идеи, взгляды, убеждения, идеалы стали богатством личности, внутренними ценностями человека. Духовная деятельность — это не какие-то оторванные от повседневного труда самоуглубление и самоанализ. Это творческий труд, кипучая общественная деятельность, одухотворенная благородной целью. Духовная деятельность — это отражение общественных отношений, включая труд, во внутреннем мире человека, в его пристрастиях и устремлениях, в его *желаниях*. Повторяю: в *желаниях*. Настоящим человеком становится только тот, у кого в душе возникают, утверждаются благородные желания, которые стимулируют поведение, порождают страсти и поступки, в которых человек опять-таки утверждается, в которых рождаются новые желания. Этот сложный процесс и является тем, что мы в практике воспитания называем идейной жизнью личности. Идеи делаются святыми и нерушимыми не тогда, когда они запоминаются, а тогда, когда *живут* в живом трепете мысли и чувства, в созидании, поступках.

Не будем придирается к абстрактно-морализаторской фразеологии; по большому счету — это по-нашенски! И совершенно замечательно:

Нетрудно убедить и переубедить, что материальной субстанцией духовного являются сложные биохимические процессы, что никакой души, изолированной от тела, нет, что человек смертен, как и все живое на свете. Но это означало бы поставить человека на один уровень с животными; поэтому параллельно с этим нужно раскрыть перед юным разумом и то, что возносит человека как творца, одухотворенного высокими идеалами.

Вот такого решительного протеста против животности не хватает всем марксистам — включая Маркса.

Важно, что духовная деятельность и обусловлена материальным производством — и, в свою очередь, обуславливает его. Человек преобразует мир так, чтобы сделать все его стороны доступными всем без исключения, независимо от природы.

Конечно, у каждого ученика есть свои природные задатки, но индивидуальные способности не являются чем-то фатальным, раз и навсегда установленным, обусловленным только «искрой божьей».

Опыт убедил меня в том, что в своих задатках, возможностях, способностях, склонностях человек безграничен и в проявлении этой

безграничности — неповторим. Нет в природе человека, здорового физически и психически, о котором мы могли бы сказать: он ни на что не способен. Мудрость и подлинная гуманность коммунистического воспитания состоит в том, чтобы в каждом человеке открыть неповторимый источник творческого труда, помочь каждому посмотреть на самого себя, ощутить в себе эту человеческую неповторимость...

Непоследовательность Сухомлинского в том же, что и у всех остальных: допущение о существовании задатков «от природы» — уступка вульгарному биологизаторству, отождествляющему разумное существо с единичным органическим телом. Тела ограничены — человек безграничен. Как это возможно? За счет развития неорганического тела, сознательной реорганизации природы и общества таким образом, чтобы снабдить каждого набором искусственных органов — инструментов, позволяющих преобразовывать мир наравне со всеми. Например, если у меня нет рук — я, вроде бы, не могу играть на скрипке... Но это классовое, неразумное решение. В подлинно человеческом обществе нашли бы способ: например, манипуляторы, управляемые биотоками, — или виртуальная скрипка, точная компьютерная модель, — или еще что-нибудь. У нас есть примеры безногих летчиков и парализованных физиков; в конце концов, даже зубной протез — это уже выход за рамки животности (не говоря уже об электронных чувствах, прецизионных манипуляторах, экзоскелетах, автоматизированных производствах и интеллектуальных космических аппаратах). Избавьте все это от власти денег, сделайте нормой бесклассовой экономики. Сделайте технологии столь же разнообразными, как использующие их организмы. Когда Сухомлинский рассказывает о специальных орудиях труда, удобных для младших школьников, — это принцип экономики будущего, не допускающей разделения труда: если кому-то что-то не по силам — значит, мир недостаточно окультурен, и надо приложить все силы к устранению обнаруженных ограничений.

Труд детей должен иметь как можно больше элементов общего с производительным трудом взрослых и по общественной значимости, и по технике и технологии трудовых процессов. Нельзя задерживать развитие детей: они должны по возможности использовать такие же орудия труда, как и взрослые. Конечно, машины, механизмы, инструменты для детей должны соответствовать возрастным особенностям, требованиям школьной гигиены и техники безопасности. Создание для детей специальных машин и инструментов, в которых

как можно полнее воплощалась бы настоящая техника и которые могли бы служить для настоящего труда, — одна из очень важных воспитательных задач.

В самую точку! Буржуазная педагогика кивает на неподсильность обычных производственных операций детям — и неготовность детей участвовать во «взрослом» производстве. Но дело-то не в том, что дети «не могут», — а в том, что никто не озаботился приспособить к их возможностям орудия труда; точно так же, «не готовы» дети к труду лишь потому, что взрослые не заинтересованы в том, чтобы их готовить. Сухомлинский предельно точен, увязывая воспитание с подготовкой материальной базы для детского труда. Заметим, что в эпоху раннего, «дикого» капитализма вполне «взрослый» труд детей использовали совершенно бессовестным образом, оплачивая его по заниженным, «детским» расценкам. Десятилетия классово-борьбы заставили власти ограничить это варварство — а затраты на охрану здоровья детей делают их эксплуатацию нерентабельной. Тем не менее, лазейки для любителей поездить на детской шее до сих пор существуют (например, в виде семейного рабства).

Однако отделение всего от всего — принцип капиталистической экономики, разделение труда. Дело не в том, чтобы запретить детям какие-то деятельности — а в том, чтобы способ производства открывал равные возможности для всех, устраняя дискриминацию по любым признакам — в том числе по возрасту. Нет ничего глупее разговоров о недопустимости вовлечения детей во вредные производства: а что, взрослым вредить можно? Если вредно — измените ваши технологии, сделайте их безопасными. Каждое дело можно делать тысячами разных способов — и разумный человек сумеет подобрать общественно и индивидуально приемлемые. И не надо про то, что гибкое производство обходится дороже! — какое значение имеют деньги, когда речь о свободном труде свободных людей? Правильная постановка вопроса у Сухомлинского:

Наши воспитанники, где только это возможно, входят непосредственно в коллективы взрослых тружеников, становятся непосредственными участниками производства материальных ценностей.

Возможно, большей частью он выдает желаемое за действительное; теневые стороны рыночного взаимодействия школы и производства Н. К. Крупская отмечала еще в начале века. Тем не менее, есть ясное указание и на принцип некоммерческого труда: трудимся мы не ради

производственных показателей самих по себе, а для удовлетворения конкретных потребностей конкретных людей. Например:

Тут выращивают виноград для стариков и больных, для маленьких детей, которым необходимо усиленное питание.

Это изначально нетоварное производство, зародыш бесклассовой экономики будущего.

Слишком узкое понимание труда у Сухомлинского (все сводится к материальному производству, да еще с апологией необходимости «грязной» работы) не дает ему заметить, что духовный труд требует точно такой же универсализации средств производства и грамотной ориентации потенциальных творцов. В частности, это относится и к образованию — к обучению и воспитанию. Рынок надо изгонять из школы — в первую очередь устраняя практику единых образовательных программ и количественных оценок «зрелости». С другой стороны, труд в искусстве, в науке, в философии, — не менее почетен, чем труд хлебороба или сталевара, механизатора или строителя. Нельзя забывать и об организации производства, и о сфере услуг. Люди разные — зачем загонять всех палкой в сельское хозяйство, или на конвейер? Разумно каждому подбирать индивидуальную схему социализации. Конечно, дело не в том, чтобы потворствовать изобилующим в классовом обществе любителям «откосить», используя сословные привилегии или родственные связи. Гениальному скрипачу полезно уметь при случае починить трактор или компьютер, заменить аварийную сантехнику или посадить самолет. Но первая задача общества — не допустить, чтобы такая занятость мешала призванию, ограничивала возможности для творчества. С другой стороны, трактористу или сантехнику — надо предоставить шанс проявить музыкальные или поэтические таланты, заняться биохимией или квантовой теорией поля, — не на поповском уровне, а на полном серьезе, грамотно и вдохновенно. А не кивать на невозможность освоить все в границах жизни! — измените технологии, чтобы сделать это возможным, — или дайте несколько жизней. Кто мешает тебе выдумать порох непромокаемый?

Даже сказки не сразу сказываются — тем более требует усилий и времени перестройка производства. Встать в позу и ждать режима полного благоприствования — не по-человечески. Это животное впадает в ступор, когда всюду клин. У человека — универсальность, способность вместо одного заняться другим, не менее интересным; а

там, глядишь, и прежние задумки выльются в практические шаги. Мы разумно относимся к собственным возможностям: в каждом конкретном действии нам доступен не мир целиком, а лишь его небольшая часть; это ни в коей мере не означает, что надо отказываться от желаний, — речь лишь о том, что при любых обстоятельствах дух найдет способ направить деятельность в нужную сторону, творчески используя наличествующее здесь и сейчас. А для этого человек воздействует не только на вещи, но и на других людей, вовлекая их в совместную деятельность и тем самым ломая любые природные барьеры. Допустим, я не могу свергнуть власть подлого мерзавца (или преодолеть световой барьер); но я могу поделиться своей мечтой с другими — живым примером, словом, стихом, философским трактатом, или просто самим фактом существования прекрасной мечты вопреки навязанному извне уродству; другие поделятся тем же с кем-то еще — и в итоге все вместе мы станем достаточно могущественны, чтобы призвать дикость к порядку. Нечто подобное мы находим и в практике Сухомлинского — и у других советских педагогов.

Всякое разумное действие становится у самосознающего субъекта также и *поступком* — формой его общественного бытия, проявлением духовности; в этом, духовном аспекте сознательная деятельность превращается в *поведение*. С одной стороны, это не просто изменение среды, но и самовыражение; по Сухомлинскому, «воспитатель учит своего воспитанника выражать себя в труде». Но есть и другая сторона: движение духа становится осознанным поскольку человек воздействует не только на вещи, но и на других людей, на их духовность, через это одухотворяя и себя (а других способов нет). Сухомлинский требует, чтобы «каждый маленький человек, каждый подросток был прежде всего воспитателем самого себя» — и только тогда он способен что-то почерпнуть для себя в поступках окружающих (включая учителей). Ребенок — воспитывает себя, наряду с взрослым:

Никто не сможет воспитать человека, если он сам себя не воспитывает.

Но признавая способность воспитывать себя — мы признаем и способность воспитывать кого угодно:

... каждый должен кого-то воспитывать, отдавать свои силы во имя блага, счастья человека. Это одна из истин нашей педагогической веры: если человек никого не воспитывает, ни о ком не заботится, никого не защищает и не оберегает, не вкладывает частицу своей души в душу другого человека, он сам не может быть воспитанным...

В частности, каждый воспитатель — воспитанник своих воспитанников. По трактатам Сухомлинского разбросано немало примеров такого обратного воздействия — но сам он не замечает разительного контраста повсеместно (в том числе у него) принятому педагогическому принципу образования «сверху вниз»: общество (в лице мудрого наставника) → коллектив → личность. Разум требует иного:

Учитель и ученик должны взаимодействовать и как два гражданина — лишь при этом условии они могут быть воспитателем и воспитанником.

От этого общественного равенства одного маленького шага не хватает до идеи *взаимного* воспитания — особого отношения между людьми, независимо от их возраста и опыта. Каждый человек открывает другим нечто новое — просто потому, что он отличен от других. Среди свободных людей стремление поделиться находками — другая сторона готовности прислушаться и почерпнуть.

Пропасть между педагогом и его воспитанником — наследие классового общества; разделение труда никуда не денется — но уже сегодня в развитых странах традиционную педагогику пытаются «демократизировать», сблизить учителя и ученика, свести к минимуму формальности. Традиционные для рыночной экономики временные критерии (отсидеть за партой несколько лет) — уступают место гибким оценкам полученных «компетенций», которые вовсе не обязательно приобретать по единому расписанию, и в одном месте. Надо, чтобы человек «воспитывал и утверждал в себе неугасимое стремление к самообразованию не только сегодня, но и на протяжении всей своей жизни». На смену обычным образовательным учреждениям приходит распределенное образование, в котором нет обязательных для всех программ, и выбор курсов определяется предпочтениями ученика, который тем самым активно строит себя как личность — и воспитывает своих учителей. Единственное препятствие для внедрения такой педагогики с раннего детства (начиная с рождения, или даже раньше) — классовые различия, из-за которых большинство людей связаны по рукам и ногам (и в мозгах!) обстоятельствами рождения: семейные ограничения, уровень обеспеченности, гражданство, доступ к средствам производства (включая духовное)... Придется отказываться от узкой трактовки общественного характера деятельности и ее субъекта, когда совместный труд опосредован принадлежностью к формальному коллективу (который далеко не во всех отношениях остается трудовым). И первое, что надлежит полностью устранить, — семья.

Сухомлинский с горечью замечает, как семейная атмосфера губит на корню его духовный посев, вырывает из общества, не дает развить творческое начало и ограничивает перспективы:

... в школу поступают дети, которых уродует, калечит семья.

И далее:

Педагогический коллектив думает над тем, как обезвредить, нейтрализовать нежелательное влияние семьи и сделать преобладающим влияние школы...

Казалось бы, логика однозначна: семья — зародыш классовой экономики и лекало классовой личности; без уничтожения семьи пробиться к разумности нельзя. Однако деревенско-патриархальные установки Сухомлинского заведомо безумны: он пытается подчинить семью школе, диктовать правила семейной жизни уже существующим семьям — и внедрять в новые, через усвоенные в школе абстрактные (якобы) моральные принципы. Грубая реальность никогда не позволит осуществить эту выдуманную семейную идиллию; однако даже в такой, извращенной форме есть неистребимое разумное начало: если наличные формы семьи можно и нужно переделывать — внутренне приемлема и идея решительного разрыва с семейственностью как таковой, переход к непосредственно общественному бытию человека. Мечта о том, как

раскрывается мужчина перед женщиной и женщина перед мужчиной прежде всего как человек со всем его богатством, а не как существо противоположного пола.

Это совершенно не зависит от штампа в паспорте или совместного проживания — любовь не ограничена никакими формальностями, ей нет дела до моральных предрассудков или правовых установлений. Такая любовь связывает людей независимо от физиологии пола, это сугубо человеческое, духовное начало. И воспитывать тогда предстоит не «настоящих женщин и настоящих мужчин» (по Сухомлинскому) — а просто *людей*. Нет совершенно никакой связи между брачным статусом, интимными отношениями и деторождением — все это разные сферы общественной жизни, и лишь классовое общество может догматически увязывать одно с другим. В разумно устроенном обществе рождение ребенка предполагает четкое осознание экономической и общественной потребности, осмысленность, учет обстоятельств и последствий.

Дети — не цыплята, и если их родит существо, мудрость которого идет не дальше мудрости квочки, то это несчастные дети.

Если ребенок рождает не в семье — он изначально общественное существо, и счастьем его озабочено общество в целом.

То же самое относится и к любым другим формам коллективного субъекта: любая формальность, «уставные» отношения (или жизнь «по понятиям») — превращает человека в члена коллектива, существо заведомо несвободное, а значит и неразумное. Недостаточно выстроить иерархию коллективов и внешним образом урегулировать отношения между ними — надо чтобы эта структура не заостенела, чтобы человек мог самостоятельно определять в каком качестве ему хотелось бы участвовать в совместном труде в данный момент — и изменить свой статус в других обстоятельствах. В этом случае и коллектив станет живым, подвижным; отношения между единичным и коллективным субъектом превращаются в «одухотворение трудовым творчеством». Школа также динамически возникает на каких-то этапах производства как объединение субъектов разного характера:

Между ними нельзя провести какой-либо резкой грани, они не отделены друг от друга какой-то стеной, они в своем единстве представляют школьный коллектив, вместе с тем они и не сливаются в единое целое.

По сути дела, любой коллектив по Сухомлинскому есть проекция общества в целом на субъекта конкретной деятельности:

... школьный коллектив должен отображать коммунистические идеалы, жить тем, чем живет наш советский народ.

Такая взаимосвязь в классовом обществе порождает всевозможные формальные структуры; в свободном мире коллектив — воплощение свободы, сообщество личностей, а не набор ролей:

Деятельность — это краеугольный камень коллектива, но построить коллектив нельзя, если этот камень — единственный. Коллектив — сложная духовная общность людей, которые стоят на разных ступенях интеллектуального, идейного, морального, общественного, трудового, эстетического развития людей с разными потребностями и интересами.

Материальное производство выстраивает труд — духовная деятельность создает единство иерархически организованного субъекта:

Общность, многообразие переплетающихся интересов воспитателей и воспитанников, общее удовлетворение духовных потребностей, взаимное обогащение и постоянная передача духовных богатств — вот неперенные черты школьного коллектива. Не надо забывать, что в

школе ребенок не только учится. В школе он живет. Коллектив живет богатой, полноценной духовной жизнью тогда, когда в нем есть идейные, гражданские, интеллектуальные, трудовые, эстетические отношения. Повторяем: отношения. Это значит, что сфера общения человека с человеком охватывает многогранность интересов личности.

Важно воспроизвести в каждой частице общество культуру в целом; без универсальности не может быть разума. В таком, свободном сообществе

человек с малых лет, формируясь в условиях коллективной деятельности, творчества, отдает все лучшее, что в нем есть, другим людям, словно творит себя в другом человеке, стремясь повторить только лучшее и не допустить повторения худшего.¹⁶

Здесь не играют роли формальные различия (возраст, пол, характер труда). Все воспитывают всех. Каждый творит каждого — и себя через других. Вопреки все еще классовой реализации — есть примеры перераспределения ролей и совместного творчества, ответственности за общее дело, не по разнарядке а по внутренней убежденности:

Для Петрика это дело его души. Без этого он не смог бы жить.

В свободном сообществе люди уважают друг друга, и авторитет

становится могучей силой воспитания только тогда, когда он создается гармоничным единством поступков, поведения и слов...

Только тогда возможно, чтобы кто-то

увлекся моей мечтой, моими взглядами, моим личным отношением к идеалу и вынес из духовного общения со мной определенное отношение ко мне — отношение, в основе которого глубокое уважение к моим убеждениям, жизненным принципам и (еще раз повторяю, потому что это особенно важно) к моему представлению об идеале.

А в идеале никто никого не учит и не воспитывает — мы живем вместе и трудимся вместе, и воспринимаем друг друга всерьез:

О том, что дети обиделись безосновательно, что это их каприз, не могло быть и речи.

И тогда каждый переживает

состояние духовной независимости и гордости, непримиримости к унижению, неприятие мысли о собственной никчемности, слабости,

¹⁶ Разумеется, способ выражения хромает: намертво въевшаяся в Сухомлинского абстрактная противоположность добра и зла, плюс рыночная картина человеческого общения как товарообмена — а любовь не умеет брать или отдавать.

мысли о своей неспособности повлиять на жизнь коллектива, на собственную судьбу.

Здесь стереотип «сверху вниз» отмечается со всей решительностью:

Вы приходите к подросткам с собственными размышлениями, обращаясь к ним как к единомышленникам, как к равным себе.

Точно так же, формальное разделение по годам обучения — это классовая привычка, а в нормальном обществе

одно из важнейших условий успешного развития — постоянное общение старших и младших.

Деятельность не предполагает возрастного ценза:

Там, где с первых дней пребывания в школе младшие и старшие ученики объединяются общей деятельностью, основанной на высокоидейных духовных интересах, создаются благоприятные условия для более богатой духовной жизни и для формирования качеств, характерных для старших ступеней развития.

Если при каких-то условиях человек развивается опережающими темпами — зачем тормозить его рост искусственными градациями? Точно так же, зачем силой впаривать человеку то, что ему на данный момент не интересно? Когда по жизни потребуется — подхватит.

Тут, конечно, очень важно, чтобы вместе с детьми работал воспитатель, чтобы его воля к преодолению трудностей была всегда перед ребенком, как неугасимый огонь.

Переживая обращение учителя, воспитанники чувствуют себя участниками похода по тернистой тропе знаний: вместе с учителем идут они этой тропой

Важнейшее условие — трудиться вместе:

радость труда рождается только тогда, когда маленький человек, открывая прелесть творчества, деяния, вместе с тем открывает радость, привлекательность соединения своих сил с силами других людей.

Вот суть: *соединение* сил (в отличие от рыночной конкуренции) — каждый по-своему, кто как считает нужным, и любой вклад ко двору. Только в такой, изначально доброжелательной атмосфере

личность чувствует себя неповторимым цветком в венке, а не только прутиком в венке

И на надо ни на кого равняться: не подчиняться, не подражать или перенимать, — а учиться у всех, и становиться их наставником.

Творческие способности особенно бурно развиваются, когда интеллектуальные богатства добываются подростком или юношей по собственной инициативе.

Повседневная учеба, радость познания может стать желанной деятельностью лишь при условии, что мысль направлена на открытия, поиски, а не на запоминание готового, данного учителем.

Сухомлинский замечательно говорит о таком совместном творчестве: учитель вместе с учениками увлекается исследованием предмета — и забывает ставить оценки; школьники разных возрастов вперемешку трудятся в кружках по интересам — и это обуславливает духовный рост «как отдельной личности, так и коллектива». Так возникает

отношение к общественному, как к личному,— все это, становясь особым коллективным видением мира, является вместе с тем ориентиром личного поведения.

В пределе (недостижимом без уничтожения классов, сословий, семьи, права и религии, этнических различий), человек чувствует себя полноправным представителем общества в целом:

В самом стиле мышления, во взаимоотношениях между членами коллектива важную роль играет чувство сопричастности каждого ко всей жизни социалистического общества.

Однако этого недостаточно: надо, чтобы и общество как всеобщий субъект осознавало себя выразителем интересов каждой личности, воспринимало индивидуальные потребности и устремления не как прихоти или капризы, а как постановку *общественной задачи!* Таким образом само различие личного и общественного снимается, становится несущественным для культуры и ее истории.

Свободный человек трудится не ради чего-то — а по зову сердца. Таков способ его бытия. Разделяя радость творчества с другими, человек не замечает трудностей, его не тяготит никакая работа, — любые препятствия для него лишь формулировка задачи, переход от одного этапа к другому.

Это работа в полном понимании этого слова творческая, потому что человек, который выполняет ее, ощущает себя творцом. Потому что он получает от нее большую радость — радость творения счастья для людей.

Напротив, любые формальные ограничения уводят от творчества к выполнению «нормативов» — подавлению личности, подчинению внешней силе; вытекающая из этой несвободы неразвитость сознания

приводит к тому, что центральным мотивом деятельности становится страх — во всех формах: опасение не соответствовать, не оправдать надежд, стыд, робость, ложь, конформизм...

Страх — это веревки, которыми связывают не только волю, но и мышление ребенка.

Дети в классовом обществе зависимы от взрослых — им труднее одолеть страх. Но и взрослые сплошь и рядом действуют с трусливой оглядкой. Предпочитают держаться в стороне: меньше знаешь — крепче спишь... В итоге даже производственные показатели перестают воздействовать на чувства — и приходится стимулировать извне. Сухомлинский справедливо возмущается:

Почти все, чем заняты пионеры во многих дружинах, делается для первенства. Добиться первенства — и все. А где же живая душа коммунистического воспитания — труд во имя блага и счастья человека, без какого-либо первенства, без похвальной грамоты, без награды?

Здесь он на голову выше советских властей (начиная с Ленина), которые всячески раздувают в массах соревновательность, духовное уродство как отражение животнo-рыночной конкуренции. Разум ни с кем себя не сравнивает — он идет своим путем. Даже в отношении к телесному здоровью — на первом плане разумность труда:

Человек должен заниматься гимнастикой и спортом в первую очередь не для достижения успеха в соревновании, а для формирования физического совершенства.

Скажите это заправилам спортивного бизнеса! И миллионам идиотов-болельщиков, усматривающих в спорте оправдание собственной животности. Разумеется, физическое совершенство — не самоцель; главное — рост духовности, способности творчески преобразовывать мир. Поэтому важно иметь свой взгляд на искусство и науку, на движение истории. Человек осваивает все сферы культуры, ищет себя:

Нужно, чтобы ему хотелось учиться уже потому, что он человек.

Вот это и есть подлинная духовность. Разумный человек

всю жизнь учится, испытывая жажду познания и неудовлетворенность: я знаю еще очень мало.

И снова: знания не самоцель, это опора, а не замена духовности.

В наше общество приходит всеобщая образованность, должна прийти и всеобщая воспитанность.

Не послушание, не рабство, не следование традиции — а сознание возможности изменить все, что не отвечает идее разумности.

Право на образование как величайшее завоевание нашего социалистического строя превращается ныне в право каждой человеческой личности на гармоническое всестороннее развитие.

Конечно же, речь не о формальном праве, а действительном доступе ко всем сокровищам культуры, любым видам труда. Что предполагает и знакомство с широким кругом враждебных разуму идей, способность разобраться в классовой сути происходящего:

Школу нельзя представить в искусственно созданной обстановке идеологической стерильности. Вокруг подростков кипит сложная и противоположная жизнь: часто они оказываются на перекрестке идейных влияний. Нужно не укрывать от чуждых идейных влияний, а сталкиваясь с ними, понуждать пытливую мысль к самостоятельному анализу жизненных явлений и ситуаций.

Педагог не цензор — он может подсказать, но не запретить. Такое образование неизбежно выходит за рамки школы, перерастает ее и в конечном итоге делает излишней.

Нас учит абсолютно все, что было достигнуто человечеством в прошлом, в том числе и античная идея единства физической и духовной красоты. Об этом единстве в наши дни мы рассуждаем, исходя из совершенно новых идейных позиций. В нашем обществе царствует свободный труд человеческой личности, выбирающей свой жизненный путь в полной гармонии со своими задатками, способностями, дарованиями.

Конечно, Сухомлинский идеализирует реальный социализм:

Для того чтобы гармонически развивались все стороны личности, чтобы труд стал свободным, привлекательным, творческим, чтобы блага науки и культуры служили всем членам общества, необходимо уничтожить производственные отношения капитализма — частную собственность на средства производства и эксплуатацию человека человеком, необходимо заменить капитализм социализмом.

Предполагается, что в советской стране все это уже есть. Победили — раз и навсегда. Трудности на каждом шагу — но задумываться над этим не следует. Примитивно-обывательское представление о возможности «заменить» классовое общество царством свободы умело используют буржуазные идеологи для подрыва убежденности в самой возможности (а значит, и необходимости) светлого будущего.

Но мечтать не вредно. Мы усматриваем здесь важнейший принцип материалистического историзма: идеи прошлого человек видит сквозь призму современности — их «спектральный состав» зависит от того, какое будущее мы собираемся строить — не для себя, не для далеких потомков, а для разума как всеобщей, универсальной связи вещей. Точно так же, творения Сухомлинского мы препарлируем, исходя из наших (пусть даже по-своему несовершенных) идеологических ориентиров, — и можем многое почерпнуть для себя, несмотря ни на что.

Не будет злоупотреблять вниманием читателя — и лишь бегло пробежимся по другим приятностям (иногда подпорченным буржуазной фразеологией). Так, для Сухомлинского

педагогическим убеждением, необходимым для действенного влияния на воспитанников, является уверенность в больших возможностях разума.

Если полагать, что и воспитанники влияют на педагога — возможности разума вообще ничем не ограничены. Общение внутри коллектива (школьного или трудового) — одна из сторон движения общества в целом.

Гражданская инфантильность ведет к ограниченности интеллектуальных интересов. Мы твердо убеждены, что причина этого заключается в отсутствии таких взаимоотношений, при которых бы человек уже в детстве непосредственно участвовал в жизни общества.

По факту, все остальные интересы деградируют в той же мере. Однако тут и упрек обществу: существующие формы культурного строительства не отвечают возможностям и потребностям людей — и абстрактные «общественные» интересы далеки от интересов членов общества, не дают им стать свободными людьми; значит, общество надо менять!

Абстрактность человеческих понятий — следствие недоразвитости духа, животности. Например,

Неправильное, уродливое воспитание ведет к опасности, которую я назвал бы извращением желаний. Эта опасность состоит в том, что ребенок с первых шагов своей сознательной жизни не учится различать желания и потребности.

Надо не «реагировать» на животные позывы младенца, а направлять их, окультуривать, превращать в человеческие потребности. И тогда

ребенок ощущает (а потом и понимает): «Мой крик, мой плач заставляет мать быстрее удовлетворять мое желание, но вместе с тем он причиняет матери боль, волнение». Добро для ребенка оборачивается злом для матери.

Вот мы и ушли от формального противопоставления добра и зла — превратили абстракции обыденной (то есть, буржуазной) морали в конкретно-исторические категории, зависящие от характера и способа деятельности, от историко-культурного контекста. Здесь светится и мысль о важности духовной составляющей всякого производства: не только трудиться вместе — но и чувствовать вместе (а человеческие чувства — тоже деятельность). Отсюда, в частности, следует, что

Научные знания необходимо преподносить так, чтобы не нарушать гармонии эмоционального, интеллектуального, эстетического мира детей; чтобы дети понимали: кроме понятий полезного и вредного, есть еще понятия красивого и отвратительного.

Иначе говоря, знание должно быть не только истинно — но и *уместно!* И наоборот: истина лишь там, где она во благо. Не абстрактно — а для вот этой единичной личности, чтобы

моральная красота представляла бы перед воспитанником не как отказ от личного счастья во имя высокого гражданского долга, а как основа личного счастья.

Мораль тут следовало бы, конечно, заменить на нравственность; но суть прежде всего в том, что человек не из природы — он общественное существо, и никакое личное счастье невозможно безотносительно к счастью других людей — и человечества в целом. Разумеется, не абстрактно, а по отношению к текущим задачам культурного развития, представленным перипетиями повседневного быта.

Нельзя допускать, чтобы общечеловеческие истины нравственности превращались в какие-то узко бытовые нормы и правила. Нравственная культура обретает свой высокоидейный смысл лишь тогда, когда озаряется, одухотворяется великими идеями коммунизма. Нельзя быть трудолюбивым *вообще*; трудолюбие приобретает характер нравственной ценности только тогда, когда служит благородным общественным целям. Нельзя быть добрым и чутким *вообще*; доброта и чуткость представляют собой нравственное богатство, если эти качества идейно заострены, выражают непримиримость к злу, порокам, несправедливости во всех и всяких их проявлениях.

Осталось только избавиться от «общечеловеческих» истин: истина — понятие классовое! Точно так же, человеческая нравственность выше любых ценностей и богатств — рыночные замашки тут неуместны. Опять же, разум никому и ничему не служит — и трудолюбие просто его атрибут. «Идейная заостренность» — черта классового сознания, разорванного на добро и зло; у человека свободного нравственность подразумевается сама собой, и не предполагает никакой борьбы.

В отличие от классовой экономики, целиком ориентированной на сиюминутный «успех», производство разума — дело обстоятельное; развитие человека как субъекта деятельности предполагает саму эту деятельность как культурное явление, продукт производства. Человек ставит себе разумные цели — и не только следует им, но и торит пути для других.

Опыт убеждает также, что силы и возможности детей намного возрастают, когда их труд не сводится к разрозненным операциям, а представляет собой продолжительную деятельность, основанную на интересном замысле.

Относится это не только к детям — хотя, в каком-то смысле, не вполне разумное классовое общество можно метафорически назвать детством человечества; к сожалению, мудрых наставников нам не дано — придется самим вытягивать себя из капиталистического болота...

Воспитать любовь к труду можно лишь при условии, что в годы отрочества и юности человек собственными усилиями заменил определенный трудовой процесс машиной или механизмом. Это и есть творческий труд, возвышающий человека в его собственных глазах, и вместе с тем психологическая подготовка к трудовой жизни. Очень важно, чтобы учебно-опытный участок, теплица, плодовый сад школы, пасека, кабинет живой природы — все это становилось школой технической культуры.

Выкинуть отсюда типичное для Сухомлинского ограничение одним лишь сельскохозяйственным трудом — и тогда идея грандиозная! Здесь он идет по пути воспитания разумности — вопреки свои рассуждениям о необходимости и полезности «грязного» труда. Открытым текстом: избавляться от грязи, окультуривать трудовой процесс — только тогда это будет именно трудом, единством работы и творчества.

Истинная, имеющая огромное значение в определении жизненной цели связь труда и знаний заключается в том, что культура мысли воспитывает культуру взаимодействия человека с природой; труд доставляет радость, насыщает духовную жизнь потому, что он — творчество, в нем раскрываются способности, дарования, талант; благодаря тому утверждается чувство человеческого достоинства.

Для этого труд должен быть разнообразным — а не только руками, и не в одной отдельно взятой отрасли. Сухомлинский вынужден защищать честь мундира:

Не может быть и речи о том, что ограничение сферы производственной деятельности единственным трудом ведет к какой-то односторонности или неполноценности или в какой-то мере противоречит всестороннему развитию личности.

Это так — если такие «ограничения» никого не ограничивают, если человек свободен в любой момент сменить род занятий — и общество предоставляет ему для этого все возможности. Но когда дух загнан в клетку профессии — привязанность и любовь превращаются в рабство, и речь уже не о развитии личности, а о ее деградации. В частности, искусственное ограничение трудовой практики сельскохозяйственным трудом (преимущественно физическим, «ручным») не дает школьникам представления о разнообразии материального и духовного производства и многоуровневости форм участия в общественном труде. Внешняя ограниченность становится внутренней, духовной.

Еще одна типичная ошибка: отрыв «всестороннего развития» личности от ее всестороннего проявления в труде. Как будто возможно быть духовно бесконечным где-то внутри — и никак это в обществе не обнаруживать. Если доярка в душе поэт или выдающийся математик — каким образом общество (в том числе она сама) об этом узнает? Нет, человек оказывается разносторонним лишь поскольку он реально участвует в самых разных производствах — пробует себя, в разной степени, в самых разных областях. Нравится в родном селе? — хорошо; но духовным это отношение станет лишь если есть опыт жизни в других средах, и предпочтение не случайно, и не навязано происхождением, воспитанием или отсутствием иных перспектив.

Универсальность общего образования, ориентация на всестороннее развитие, — никоим образом не сводится к эклектическому насыщению школьной программы абстрактными «предметами»:

Очень немногие вещи, изучающиеся в средней общеобразовательной школе, имеют прямую связь с трудом на производстве.

Каждый должен быть в определенной мере и математиком, и физиком, и химиком, и биологом, и историком, и литературоведом — в той мере, в какой это необходимо для всестороннего развития.

Но кто определяет меру? Абстрактность набора — хороший повод отказаться от единообразия: если все оказываются «всесторонними» одинаково — это тоже односторонность, отказ от индивидуальности, вырождение личности. Противопоставление школы и производства бросается в глаза. Но соединять одно с другим — не значит изучать лишь то, что (хотя бы косвенно) развивает полезные навыки; ключевая идея здесь — разнообразие, сочетание разных производств. Школа — такая же производственная среда, как и любая другая; у нее свои технологии и свой продукт. Когда мы даем возможность (но не заставляем!) сочетать

образование с трудом в поле, на заводе, в лаборатории, в больнице, — человек усваивает сам принцип универсальности, доступность любого творчества. А это

пробуждает новые интеллектуальные интересы; человеку хочется больше знать для того, чтобы глубже проникнуть в тайны труда; он читает и думает, стремясь обогатить свои творческие поиски в труде. Связь образования с трудом закономерно ведет к тому, что человек выходит за пределы программы. Здесь начинается тот животворный источник пылкости, любознательности, интереса к знаниям, благодаря которому человек всю жизнь учится, испытывая жажду познания и неудовлетворенность: я знаю еще очень мало.

Следующий шаг — полностью отказаться от абстрактных программ, от жесткого графика обучения. Не выход за пределы — а беспредельность. Человек может самостоятельно подбирать темы, активно искать нужное именно ему — без возрастных и профессиональных ограничений. Конечно, это требует изменения способа производства! Но школа для того и нужна, чтобы подсказать возможные направления.

Образование, конечно же, не сводится к обучению — это единство обучения и воспитания. Тут Сухомлинский традиционен:

... послешкольное воспитание — это главным образом самовоспитание...

Но как только мы устрояем разделение труда, когда ученик и учитель взаимно воспитывают друг друга через участие в совместном труде, — больше нет ничего «послешкольного»! — всякая деятельность остается с человеком навсегда, и школа так или иначе остается в нем — без нее не будет всесторонности. Конкретные формы — какие угодно. Но дух школы продолжает воспитывать — точно так же как и опыт любых других встреч. Не может человек воспитывать сам себя — воспитывает общество. В каких-то случаях человек способен стать представителем общества, и в этом отношении воспитание кажется самовоспитанием. Классовый человек с наслаждением вырывается из школы «на свободу»: ему уже не нужны никакие воспитатели. Но классовое общество нуждается в инструментах постоянного давления на людей, в средствах контроля и ограничения духовности. Оно подпитывает контраст, тем самым создавая иллюзию свободы — на которую легко наложить сколь угодно жесткую регламентацию. Но если школа воспитала в человеке страсть к духовному росту — его воспитание не завершено; с точки зрения господ, это чистая самодеятельность, самовоспитание.

Через творческое отношение к деятельности — выход на живые, а не классово-абстрактные принципы эстетики, логики, этики. Это не приходит со стороны, и никакой педагог тут не поможет.

Абсолютно недопустимо требовать от воспитанника, чтобы он рассказывал о том, что он еще не может понять как социальное или нравственное явление.

К сожалению, такое понимание редкость в недрах капитализма (или обуржуенного социализма). Взрослые тут ничем не разумнее детей. Соответственно, педагогу полезно посомневаться в собственной картине мира — и не преподносить ее воспитанникам как нечто вполне осознанное и устоявшееся. Возможности для совместного труда всегда есть; по разуму, учитель и ученик — не бизнес-партнеры, а хорошие друзья, и от возраста здесь ничего не зависит.

Развитие самосознания, дифференциация интересов, осознание своих личных наклонностей, сил и возможностей углубляет интерес подростка к духовному облику своих товарищей.

Развитие духа через другой дух — это определение любви (и дружбы как одного из ее проявлений). Именно любовь возвышает человеческое сознание до самосознания — и отсюда все личные наклонности и интересы (в отличие от вещных, экономических интересов).

Подросток испытывает настоящую «жажду друга» — в этом проявляется духовная потребность развивающейся личности, он стремится найти таких друзей, мысли, чувства, интересы, запросы и взгляды которых были бы созвучны его духовному облику.

Здесь Сухомлинский возражает буржуазной психологии любви и дружбы (представленной в советской литературе, например, работами И. С. Кона): главное в дружбе — духовность, и только вторично — телесные движения и психология.

Содержание, идейная основа и роль дружбы в духовном развитии подростка определяются идейным богатством жизни и деятельности коллектива.

Иначе: переход к духовности возможен лишь *через* производство — материальное и духовное; для буржуазного, формального коллектива говорить о духовности возможно лишь в плане *преодоления* исходной ограниченности, высвобождения личности из-под власти такого, урезанного общества. Свободные люди не противостоят коллективу — они и *есть* коллектив, а коллектив — не только субъект деятельности, но и ее продукт. Соответственно, содержание дружбы расширяется до

содержания культуры в целом, и богаче такой жизни ничего нет. Никакими словами это не передать — и смехотворные «исследования» буржуазных спецов, сводящиеся к статистике самоотчетов, ничем не отличаются от формальностей «изящной» литературы. Любовь там, где не нужны слова.

Немыслимое дело — учить говорить о любви, вместо того чтобы учить любить.

Но научить любви может только любовь.

Назад в пещеры

После блужданий в звездных блестках не хочется говорить о грустном. Но придется. Потому что в толковании буржуазных идеологов потенциально человеческая педагогика выглядит совершенно иначе, и вместо звездного неба — сплошная чернота. У Сухомлинского почти каждое высказывание можно повернуть разными сторонами — а в рыночном мире каждый блюдет свою выгоду... Трудно сказать, к чему больше склонялся автор; вероятнее всего, он больше напоминает знаменитого персонажа Дидро: эклектическая противоречивость для увлекающихся полевой работой теоретиков — в порядке вещей. Необходимые для единства картины принципы ни из какой эмпирии не следуют — это вопрос проектирования будущего. А, вот, как раз про будущее в трудах Сухомлинского ни слова! Его утопия (судя по текстам) существует вне пространства и времени; заведенные в ней порядки самодостаточны и неизменны; абстрактная истина открыта раз и навсегда — и не предполагает никакого развития (за исключением чисто количественного накопления методичек):

Поколение за поколением дети поступают в школу, учатся, заканчивают ее, а школа живет непреходящими духовными ценностями, которые по капле накапливаются и умножаются.

Где-то бушует научно-техническая революция, грядет эра космоса и компьютеров; в Союзе один генсек сменяется другим, перекраивая идеологические ориентиры; международная обстановка мечется между крайностями... Замкнутый мирок сельской школы всего этого будто не замечает — и остается все той же феодально-общинной сказкой.

Когда столичный житель приезжает в глухую провинцию, ему становится не по себе от замедленного темпа жизни, невыносимой традиционности и размеренности бытия; даже «столичный» Питер

кажется москвичу тихим омутом. Еще разительнее контраст города и села (даже сегодня, когда балом фермеров правят акулы городского бизнеса). Речь не о том, что одно хуже или лучше другого — пустые противоположности нам ни к чему. Крупномасштабные карты живут вместе с детальными планами; общее впечатление расцветивается тонкими нюансами. Важен сам факт сосуществования разных миров — и свобода смены масштаба при переходе от одной деятельности к другой, осознанно и разумно. Может школа Сухомлинского воспитать такое отношение к делу? Вряд ли. При том, что село отнюдь не самое бедное: тамошние школьники, например, мечтают купить цветной телевизор — а в каком-нибудь колымском поселке (городского типа!) еще десять лет после этого дети даже не догадываются о существовании телевидения, и радио для них — динамик на стене, подключенный к общей трансляционной сети. Директор Сухомлинский печенкой чувствует, что без хорошей материальной базы влиять на движение духа не получится, — и гребет под себя по максимуму. Однако его вовсе не устраивает, чтобы воспитанники уж слишком избаловались и начали возражать против чрезмерно настойчивой педагогики. Ваши личные интересы извольте попридержать — и следуйте введенным сверх стандартам, подробно расписывающим, какие навыки следует освоить в каждом возрасте, в какой обстановке и по какому графику заниматься, какой соблюдать режим питания, какие книжки читать и в какое время, какие испытывать эмоции:

Школа не может превратиться в дискуссионный клуб, а воспитание — в бесконечные споры.

Даже внутренние противоречия юной личности длинно прописаны в директорской диссертации — и есть на них авторитетные разъяснения. В школе

идейно стойкие, духовно богатые, умудренные жизненным опытом люди — представители старшего поколения — учат молодое поколение жить.

Кому другого хочется — это уже из Фонвизина... Есть четкое классовое деление: старшие и младшие — и даже в отношениях между школьниками субординацию предлагается соблюдать.

Про сословную иерархию — отдельным подзаголовком. А здесь обратим внимание, что всеобъемлющая регламентация (и подведенная под нее теория) возможна лишь в условиях застойного бытия, когда

характер труда и общественное устройство не меняются долгие годы (или десятилетия):

Необходима длительная, прочная система воспитывающего влияния.

В городе (даже провинциальном) эксперимент тут же лишается академической чистоты — и педагогическая наука трещит по всем швам. Но и село далеко не всякое подойдет. Например, на Волге многие деревни (при всей своей замшелой первобытности) тесно связаны с соседними городками — и учатся дети в городе и по-городскому. Для выстраивания сельско-педагогической общины село должно быть достаточно большим и экономически самостоятельным (а не хутор какой-нибудь); это предполагает наличие серьезной промышленной базы — но только в качестве вспомогательного производства, без выхода на внешний (то есть не региональный) рынок. Даже соседняя ГЭС, куда Сухомлинский наведывается с экскурсиями, — уже за гранью, и на такую работу будущих общинников не ориентируют. Другими словами, речь идет о возрождении (на новом уровне) натурального хозяйства, чтобы на жизни нескольких поколений все потребности и интересы вращались вокруг сугубо внутреннего обустройства, воспроизводства все тех же экономических структур и общественных связей, а значит, и соответствующих поведенческих стереотипов. Легко видеть, что здесь Сухомлинский продолжает утопические прожекты Песталоцци: давайте изолируем детишек от рыночных спекуляций и политики, создадим специальные школы за городом, на селе, на лоне природы — и будем все вместе умиляться гармоничности этого абстрактного бытия...

Для Швейцарии — ход мысли вполне ожидаемый: на европейском континенте эта страна всегда была своего рода анклавом, и до сих пор ее экономическая, политическая и культурная автономия во многом сохраняется (несмотря на уступки агрессивной глобализации). Но и там, при всей традиционности сельского быта, самостоятельность общины практически невозможна: производство полностью ориентировано на мировой рынок, и без посредничества городов не обойтись. Тем более в большой стране, сознательно вставшей на путь индустриализации, найти подходящую площадку — дело почти безнадежное. Современная экономика, невозможная без крупной промышленности и единого рынка, способствует, скорее, выходу за любые границы; для того и сметал капитализм остатки крепостничества, чтобы гарантировать подвижность рабочей силы, обезличить производственные связи,

вырастить универсального работника, гибко программируемого робота. Роботы Сухомлинского для такой экономики не годятся — это сугубо сельскохозяйственный инвентарь. Во многом именно экономическая неуместность привела к отсутствию прямых последователей — и метод Сухомлинского так и остался историей единственного образца; по той же причине из книг Сухомлинского выдирают прежде всего общие места, абстрактные лозунги и пустые декларации, допускающие любые толкования.

Сухомлинский в своей литературе всячески избегает разговоров о том, какой ценой удастся удерживать общину в установленных рамках. В общем и целом — вроде бы, все замечательно, и теория блестяще подтверждена... И можно умиляться тому, как тридцатилетние сельчане приводят своих детей в давно оставленную ими школу. Но по скудным намекам можно догадаться, что не все так просто. Разлетаются бывшие птенцы кто куда. Попробуй удержи их! Есть утвержденные на самом верху общеобразовательные стандарты — и приходится скрепя сердце доводить до сведения общинников, что где-то там, за зеркальной стеной живет другой мир — и многим захочется до него дотронуться. Широта кругозора, которую на словах проповедует Сухомлинский, не вяжется с узостью судьбы. Призывы к постоянному духовному росту — требуют логического продолжения, освоения все новых уровней духовности, предполагающих иную материальную основу.

Подготовить «простого» труженика со средним или даже с высшим образованием — задача очень сложная.

Различия в характере труда говорят сами за себя — и как бы ни агитировал Сухомлинский за вдохновенность вил и кувалды, способ производства на селе с трудом поддается сколько-нибудь значительной модернизации, от чего руки опускаются — и хочется махнуть рукой. Дело тут даже не столько в отсталости технологий и зависимости от капризов природы — на пути преобразований стоит заскорузлая деревенская психология, во всех случаях предпочитающая старые, «проверенные» решения — иногда в пику чересчур продвинутым рационализаторам. Не этому ли учит Сухомлинский? Вот его кредо:

... понятия *«труд»* и *«трудно»* тесно сливаются в органическую закономерность становления человека.

... соблюдение установленных и закреплённых традициями обычаев

... необходимость выполнять правила, которые регулируют поведение, стимулируют и в то же время ограничивают потребности

... коллектив должен стать тем оркестром, к которому подстраивается каждая личность.

От того, что думает о человеке коллектив, зависит его мнение о самом себе...¹⁷

Чувство единомыслия, единства является могучим источником уверенности в том, что мое личное убеждение — истинно правдиво.

И так далее, на каждом шагу. Быть как все. Не выбиваться из стада. Финальный аккорд махрового консерватизма:

Быть по-настоящему образованным гражданином нашей Отчизны — значит любить ее такой, какой ее создали и утвердили старшие поколения...

То есть, без вариантов: создано не нами и во веки веков. Любите что дают — а думать за вас начальство будет, и не вам сомневаться в мудрости старших товарищей. Религии начинаются с культа предков; секта Сухомлинского — не исключение.

Получается, что школа, с одной стороны, позволяет глянуть в замочную скважину, а с другой — золотого ключика все равно не дадут. Типа: показать конфетку — и съесть самому. Разруливать противоречие приходится долго и трудно: на несколько страниц рассуждения о том, что все эти видения — сплошная кажимость, что истинная жизнь только здесь, на сырой земле (и в нее же уйдем)... А сказки хороши только правильные, с незамысловатой деревенской моралью; все остальное — вражеская пропаганда. Метод Сухомлинского — сродни искусству древнего сказителя, собирающего вокруг себя детей и взрослых ради недолгой паузы в далеко не сказочных буднях: можно расслабиться и в который раз слушать хорошо знакомое; и в этом постоянстве — иллюзия житейской правды и правоты. С младенчества привыкая к сказкам, воспитанники и прочие истории не будут принимать слишком всерьез: слышат-то они их из уст того же сказочника!

В течение всех лет обучения в школе ученику следует давать не только знания об основах наук. Прежде всего его нужно учить жить...

Вместо разума — традиции, ритуалы. Гражданственность не вообще — а как преданность духу общины. Так что впрягайтесь в ярмо — и тешьте себя фантазиями о своей образованности и культурности.

¹⁷ Эта фраза отсутствует в пятитомнике: несколько абзацев издания 1975 года выброшены; соседние сильно переделаны. Чья это самодеятельность? — и зачем?

В этой культуре преступна мысль о том, что всякому позволено стремиться к другому, не столь дикому существованию, когда любая трудность воспринимается как знак недостаточной разумности — и требует такого усовершенствования способа производства, которое позволило бы устранить зависимость личности от недоразвитости технологий, от тупой толпы. Чтобы не примирять человека со скотским положением — а уничтожать скотский труд, высвобождать время и силы для творчества. Не мыслить под копирку — а поступать согласно сложившимся убеждениям, и вырабатывать новые. В частности, о себе думать без оглядки на какие угодно мнения со стороны.

Свободный человек общине не нужен. Пусть (следуя незабвенным заветам тов. Крупской)

они коллективно переживают, коллективно радуются, коллективно волнуются.

Не люди, а роботы. Которых, конечно же, надо программировать. А при необходимости и вправлять мозги. Тут как тут и забугорные сказочники:

У ребенка, по словам Сент-Экзюпери, — неискоренимая потребность быть прирученным. Ребенку хочется, чтобы кто-то старший, мудрый, кто обладает богатым жизненным опытом, взял на себя не только заботу об его благе, не только ответственность за него, но и его радости, волнения.

Да. Царь-батюшка обо всех позаботится. Главное, чтобы барин был добрый — и относился как к родным.

Секрет воспитания, если хотите, в этом и состоит: беречь стремление ребенка к тому, чтобы вы были его другом. Но другом необычным. Ребенок прекрасно понимает, что вы старше и мудрее.

Вот-вот: про субординацию таки не забывать! Можете воображать себя кем угодно — но в пределах своего сословия. Помещик может научить людишек высокой латыни — или балетному танцеванию; пожалуйста, творите на радость хозяину! Богатая духовная жизнь всем обеспечена.

Принцип общины, как и любых иных классовых структур, — разделение труда. Вариантов не так много: первобытность, рабство, крепостничество, капитализм. Плюс всевозможные комбинации, при безусловном господстве наиболее передового уклада. Сухомлинский вынужден допустить элементы рыночного хозяйства: школьники не только отрабатывают на благоустройстве школы и ее окрестностей (барщина) — но и продаются как обычные сезонники, а заработок сдают

в школьную кассу (оброк). Назначенные сверху старосты (комсомол и пионервожатые) могут поучаствовать в процессе вложения средств (с правом совещательного голоса). Понятно, что все для блага общины; не может быть и речи, например, о премировании талантливой самоучки квартирой в городе, где он мог бы полноценно развить дарование.

Однако по большому счету базар у Сухомлинского восторгов не вызывает: капитализм разъедает общинную мораль.

На уроках истории, из книг подросток начинает познавать некоторые объективные закономерности общественного развития, и это приводит к убеждению в том, что настоящая свобода может быть только там, где человек не продает своего труда другому человеку.

Не подумайте, что вас зовут к коммунизму! Речь о возрождении патриархальной общины, с внутренними сословными градациями — но в целом подчиненной хозяину, феодалу, — который «старше и мудрее». Крепостные свободны от заботы продавать труд: назначать каждому свое будет барин. Заметим: это не формальная свобода (как в рыночной экономике) — люди реально чувствуют себя свободными, и боятся утратить эту относительно твердую кочку при попытке выползти из болота. Тем более, что их постоянно страшат: вам все равно свободы не видать — придется выбирать профессию (а одно рабство не лучше другого), становиться не человеком, а мужем или женой, отцом или матерью (истцом или ответчиком, преступником или жертвой, — агрессором или защитником отечества...). Про это у Сухомлинского неоднократно, чтобы до подсознания дошло. А здесь, на селе, мы все вместе ближе к матушке-природе, и можем без конца восторгаться ее красотами, изумляться ее великим тайнам (типа деторождения).

Исследование явлений растительного и животного мира — это не только средство воспитания любви, склонности и призвания к сельскохозяйственному труду. Хлеборобом, животноводом, агрономом станет далеко не каждый, а работа в мире природы необходима каждому подростку, — необходима прежде всего для выработки мировоззрения, для возвеличивания, возвышения самого себя в собственных глазах.

Вот. Дружно займемся самовозвеличиванием и самовозвышением — в собственных глазах. Не жизнь, а сказка. А заодно воспитаем в себе склонность к этой сказочности, позволяющей мириться с убогостью быта и примитивностью труда. Особым пунктом — обучение умению сочинять сказки, восхваляющие милое кочкообразие.

Тут, правда, у нравоучителя проскальзывает-таки грустная нотка: ведутся на пропаганду далеко не все, и даже на селе имеются странные персонажи, далекие от общинных интересов: врач, киномеханик, завклубом, кладовщик, бухгалтер, продавщица, милиционер... Или поп, с которым нашему директору приходится вести непримиримую борьбу за сферы влияния. Впрочем, за те же сферы приходится рубиться и с кем-то помощнее: начальства много, и утопическое благоденствие на деле сопряжено с отнюдь не утопической бюрократией, перетягиванием тысяч канатов. Теоретическая педагогика не опускается до низменных тем: когда разговор о борьбе мирового добра с немирным злом — стыдно спрашивать, как удастся все добыть и организовать... Детей в такие подробности тоже не посвящают: предположительно, все валится с неба и попадает к тем, кто достойнее. Помните анекдот про Ленина? — есть такая партия! Минимальное знакомство с реалиями жизни при советах позволяет догадаться, что именно пускали в ход. Но мы замнем для ясности: задача у нас другая.

По всей вероятности, преобладание проповедей на сельхозтемы отработывает социальный заказ. Было бы глупо агитировать за работников торговли: у них и так все схвачено, и лишних вакансий нет; опять же, директор сельской школы, призывающий всех поступать в хореографическое училище или идти в космонавты — чистый нонсенс. Напротив, отток «строевых» кадров — катастрофический, и уговорить лишнюю пару рук — крупное педагогическое достижение. Тем более, что образованных уговаривать сложнее.

В промышленности местами тоже трудно. Рабочие руки утекают в нерабочие заведения. Но городу всегда есть чем приманить лимиту: конфетку можно не только разглядывать, но и нюхать. Рынок — движение денег. Большие деньги притягивают сильнее — даже если перспективы только теоретические. Что можно противопоставить такому материализму? Только гипертрофированную до карикатуры духовность, религию самодовольного духа, которому и в дерьме хорошо. Речь вовсе не о том, что к любому труду можно подойти творчески — и поэтому он, собственно, и становится трудом, а не унылой барщиной. Сухомлинскому важно, чтобы все принимали *как есть*, без неуместных позывов изменить порядок вещей. Воображаемые достижения — в духе эпохи. В своих глазах мы велики. А за этими фантазиями — строгая общественная иерархия, которую педагогика призвана всемерно охранять. Когда воспитанники Сухомлинского

играют в воспитателей — это не просто выпустить пар! — тем самым в глубины подсознания закладывается мысль о вечности и неизменности различия «старших» и «младших» — вера в незыблемость общественной системы, основанной на классовом неравенстве.

Откуда в обстановке застоя по-настоящему творческое отношение к труду — пусть даже не особо привлекательному? Для творчества нужна материальная база — источник идей. Перевести отсталые сельские технологии на новый уровень возможно только там, где есть опыт иного, высокотехнологичного способа производства — и именно он принят как общественная необходимость. Если человеку, прошедшему школу передовой промышленности, интересно поработать на земле — он так или иначе будет привносить в работу творческое начало, — он просто не сможет работать по старинке. Именно на это была нацелена политика подъема села в 1930-х, когда рабочие и студенты стали ядром нового экономического уклада, постепенно подтягивая за собой деревенскую массу. Нельзя воспитать реформаторов внутри общины — натуральное хозяйство способно лишь бессмысленно воспроизводить само себя. Идея Песталоцци об отделении школы от города — верный способ загубить и сельское хозяйство, и промышленность, перекрывая приток современно мыслящих кадров. Стоит ли говорить, что искусство и наука тем более нуждаются в сбалансированно питательной среде, удобренной технологическими находками? Можете вы создать за городом центры духовного производства, обеспечивая открытость границ и активную кадровую динамику? Тогда бурный рост духовности там гарантирован.¹⁸ Стоит начинанию выродиться в секту — снова застой и моральное разложение.

Первая задача натурального хозяйства — упорно воспроизводить собственную натуральность. Педагогика Сухомлинского исходит из тесного союза материи и духа, светской жизни и церкви (разумеется, не христианской) — утверждая примат духовного производства. Соблюсти натуральность экономики — не самое сложное: пусть ушлые европейцы прикручивают компьютеры к коровам! — нашу глубинку кибернетикой не проймешь, и до сих пор сельские технологии в своей массе не особо

¹⁸ Нечто подобное мы усматриваем в становлении средневековых университетов. Вырожденная форма — современный кампус. Россияне тоже экспериментировали; например — Царскосельский лицей. В СССР — создавали академгородки, и спецшколы в гуще большой науки; но это принципиально незамкнутые сообщества, продолжение городских структур.

далеко ушли от довоенных достижений, а подобию индустриальности можно встретить лишь в крупных совхозах (которые после реставрации капитализма упорно пытаются развалить). Задача Сухомлинского — перенос принципов натурального хозяйства в область духа. Выстроить духовное производство так, чтобы ни в чем не выходить за пределы символа веры, — обычное дело для любых религий; чем ограниченнее быт — тем проще ограничить духовность, свести ее к предрассудкам и стереотипам, превратить в традицию — то есть, в нечто объективно противостоящее человеку в деятельности, в природу. Будут это телесные движения или поведенческие шаблоны — без разницы. В застойной среде деятельность свертывается все больше и больше — пока не превратится в рефлекс, чисто физиологическую функцию. И тут религия тесно смыкается с буржуазной наукой (или наоборот, науку ставят на службу религии): человеческую психику, урезанную до рефлексов, легко отождествить с работой мозга, а почему он так работает — божья воля. Типичный образчик:

Мы исходим из того, что мышление — дискретная работа мозга: мозг мгновенно отключается от одной мысли и переключается на другую, потом снова возвращается к первой и т. д.

Человеческое мышление — это совместный труд; физиологически мыслят только роботы. Дальше про эту автоматику можно придумывать сколь угодно вульгарные теории:

Это переключение происходит мгновенно, и от быстроты переключения зависит способность сохранять в сознании следы, отражающие мир, способность осмысливать объект познания и — что исключительно важно — *мыслить о своих мыслях*.

Вот вам образчик недомыслия! Если нечто происходит «мгновенно» — как можно говорить о «быстроте»? Почему память зависит от скорости переключения — никому неизвестно; даже в буржуазной науке знают о нескольких механизмах органической памяти, работающих с разной скоростью, — и уж тем более смешно, когда мы вспоминаем про культурную или историческую память. И скажите на милость: откуда в этом коммутаторе сознание? Если триггер умеет перескакивать из одного состояния в другое — это вовсе не значит, будто он что-либо познает, да еще и осмысливает; тем более странно воображать в нем мышление о собственных мыслях. Разумеется, современная электроника широко использует контрольные и корректирующие цепи, датчики состояния и т. д. Но вся эта машинерия совершенно бесполезна, если ее

не запрограммировать должным образом, законнектировать выход на вход, да не абы как, а с ясным пониманием того, зачем это нужно. Такое понимание конструкцией машины не предусмотрено — его привносят эксплуатирующие машину люди; они же добиваются устранения паразитных эффектов, экранируют системы от внутренних и внешних шумов. Точно так же, воспитание роботов в школе Сухомлинского направлено на обеспечение требуемых техзаданием эксплуатационных характеристик. Сначала, как водится, промерить заготовки:

Ставя перед собой цель получить представление об индивидуальных чертах мышления каждого ребенка, мы видим работу его мозга задолго до того, как ребенок сел за парту.

То есть, педагог видит перед собой не человека, с которым надо по-человечески общаться, а всего лишь мозг, на который допускается бесцеремонно воздействовать. Про методы измерения «дискретности» Сухомлинский не говорит ни слова. Либо опасается, что поднимут на смех — либо никаких объективных оценок вовсе нет, и речь идет об интуитивном усмотрении, предвзятости, — о педагогических фантазиях, использующих псевдонаучный жаргон чисто метафорически.

Мы видим, что дискретность работы мозга проявляется у детей порозному: у одного эта работа очень быстрая, у другого — медленная, отсюда — сообразительность и несообразительность, понятливость и непонятливость, прочность и непрочность памяти, сильно и слабо выраженная способность к овладению знаниями.

Спрашивается: какое отношение вся эта физиология имеет к развитию личности, к воспитанию? Органика способна повлиять на темп усвоения материала — но никоим образом не ограничивает возможности. Надо учитывать природный ресурс — но ни в коем случае не культивировать различия, компенсировать их — а не приучать к ним. Изменять мозг мы можем лишь в узких пределах; расширять сферу воздействия личности на культуру в целом — можно до бесконечности. Все сводить к уму — плодить дураков. Безмозглых кретинов.

Умственное воспитание — это постоянное изучение мыслительной деятельности, это бережное прикосновение к мозгу с целью улучшения дискретности.

Где есть деятельность — там не физиология, а общественный процесс. Любая деятельность включает человека целиком — и воспитывает с самых разных сторон. Зацикливаться на выдуманной горе-теоретиком «дискретности» — превращать людей в рабочий скот. Это вообще не

воспитание — это дрессура. Подгонка под абстрактный шаблон. Реально, физиологическая педагогика ведет к тому, что

учение превращается в зубрежку, урок — в проверку вызубренного, ученик — в послушный механизм...

Можно сколько угодно рассуждать, что все это, дескать, «большое зло, отупляющее разум», и блистать лозунгами:

Там, где царит зубрежка, нет уважения к уму, там, где нет уважения к уму, не почитается умственный труд как самое нелегкое дело; там, где не почитается умственный труд, учитель не входит в духовный мир ученика и не запечатлевается в нем как яркая, ведущая и зовущая личность.

Мы тут же вспоминаем данное самим же Сухомлинским замечательное резюме позиции Маркса:

Лишить духовной жизни порабощенного человека, превратить его только в говорящую скотину эксплуататорские классы не могли, — дело не только в том, что это объективно невозможно, но и в том, что они не могли этого и хотеть. Эксплуататорам всегда необходимо было влиять на духовный мир порабощенного человека в нужном им направлении.

Именно этим и не устраивает классическая схема выработки условных рефлексов педагога-физиолога: если «учитель не входит в духовный мир ученика и не запечатлевается в нем» — возможности влияния на работа не столь значительны, и есть риск, что раб со временем поработит своего господина (как сейчас искусственный интеллект подминает под себя остатки человеческой разумности).

Предметом особой заботы каждого учителя является то, чтобы необходимое для прочного запоминания навсегда запомнилось и, наоборот, то, что не нужно запоминать, не заучивалось. От этого в большой мере зависит творческий характер мысли, гибкость, подвижность ума.

В переводе: сначала мы решаем, что ученику необходимо, а к чему приобщаться не следует, — а потом регулируем «подвижность ума», чтобы ни в коем случае не выпускать «творческий характер мысли» из технологических допусков.

В школе сложился минимум книг, обязательных для чтения и перечитывания.

Православным — «четыре минеи», мусульманам — коран... В каждой религии свои канонические тексты. Чтобы читать и перечитывать.

Свободные люди — круг чтения не ограничивают: им нужна радость открытия и возможность поделиться неожиданными находками — чтобы читать не положенное по программе, а что сам нашел, или кто-то заинтересовал. Но если читать что попало — как удержать в рамках догмата мысль?

Мы добиваемся того, чтобы преподаватели всех предметов учили детей правильно думать и выражать свои мысли, пользоваться внутренней речью.

Старшие товарищи, конечно же, знают, что для нас правильно... Пусть где-то в другом мире люди думают не «правильно», а творчески! Метод Сухомлинского требует, чтобы «правильность» не только блюли и демонстрировали — но и считали единственно возможной, железно доказанной; роль (абстрактной) математики в воспитании роботов трудно переоценить.

Культура мышления, которой овладевают все дети в процессе изучения математики, накладывает отпечаток на их умственный труд...

Познавая, доказывая и, доказывая, познавая — в этом единстве мысли и труда заключается единство умственного воспитания и образования.

Чтобы никому ничего не доказывать, а просто делать свое дело, — такого педагогика не признает. Классово разобщенный мир обязан делить все на «правильно» и «неправильно» — и насмерть сражаться с носителями первородного греха. Иметь как-то нажитые мнения и убеждения — недостаточно! Надо навязать их окружающим, «доказать», превратить в религиозные догмы и нормы права. Чтобы следующие поколения с младенчества впитывали представления о незыблемости катехизиса и кодекса. И повторить за Сухомлинским:

Вот важнейшие нормы нравственности, которые я стремился раскрыть подросткам как азы моральной культуры.

Ладно, давайте попробуем на зуб эти азы.

1. Вы живете среди людей. Знайте, что существует граница между тем, что вам хочется и тем, что вам можно. Ваши желания — это радости или слезы ваших близких. Проверяйте свои поступки сознанием: не причиняете ли вы зла, неприятностей, неудобств людям своими поступками. Делайте так, чтобы людям, которые окружают вас, было хорошо.

Когда начинается с границы — это уже симптом. Разум — чтобы объединять, а не делить. Никто не вправе устанавливать границы

дозволенного. Нам не просто «хочется» — мы считаем разумным сделать так. Значит, это не только «можно» — но и нужно! Не только нам — но всем вообще разумным существам. И никаких границ.

Далее, никакими желаниями дела не делаются (соответственно, никому от них ни холодно, ни жарко). Нужны реальные действия, поступки. Если мы достаточно разумны в наших решениях — последствия мы видим, и сознательно принимаем их. Исходить при этом мы будем не из абстракции «зла», а из насущных потребностей развития человечества: мы решаем, что *делать*, — а не чего *не* делать. Если кому-то в результате разумных действий другого человека становится не очень удобно — это повод задуматься о собственной разумности. Если случаются неразумности — значит, мир еще слабо окультурен, и надо не хныкать и жаловаться, а соображать, как сделать мир разумнее.

Последняя фраза особенно хороша! Помните алкашей у Высоцкого?

Мы, правда, третьего насильно затащили...

Хотели же, чтобы ему было так же хорошо, как и нам! А он артачится. Пришлось очки разбить... Точно так же, барин решает, что хорошо для его рабов, поп — что хорошо для паствы. А Сухомлинский — всеобщий благодетель...

Никто не должен думать и чувствовать за других. Это фантазии, бред. Дело не в том, чтобы все было «хорошо» и «правильно». Там, где трудится разум — эти понятия вообще неуместны: их надо оставить в классовом обществе. Действуйте по-человечески — и другие это сразу почувствуют. И наоборот: гниль тут же всплывет. Но держаться от греха подальше — смертный грех. Надо пробовать себя в деле — испытывать себя на разумность. И делать выводы, и духовно расти. На наших ошибках учится человечество.

2. Вы пользуетесь благами, созданными другими людьми. Люди дают вам счастье детства, отрочества и юности. Платите им за это добром.

Рыночная идеология без намордника. У кого много всякого добра — тот и купит побольше... Богатые наследники в шоколаде. А у кого детство несчастное? Или юность в болоте? Расплачиваемся по тому же прейскуранту? Если кто-то решает нас осчастливить в расчете на какие-либо компенсации — в гробу мы видали такое счастье! Благоденствия — поработают. Человек — свободен быть для других, и никто ему ничего за это не должен.

3. Все блага и радости жизни создаются трудом и только трудом. Без труда нельзя честно жить. Учеба — ваш первый труд. Идя в школу — вы идете на работу.

Смешай, господи, хлеб и землю! Работа и труд — совершенно разные вещи. В труде человек свободен: он делает лишь то, что считает нужным и разумным. Работа — это уступка (природной или общественной) необходимости, нечто вынужденное и противное духу:

... человек напрягает усилия, делает не то, что хочет, а то, что нужно, и, наконец, переживает радость за сделанное для людей, *хочет* делать то, что *нужно* для всеобщего блага.

Вот вершина классово-педагогической драмы! Дрессировщик заставляет животное пристраститься к тому, что поначалу было в тягость, считать рабство своим естественным состоянием, чтобы больше не помышлять ни о чем другом. Сверху спустили список рекомендованных желаний — и не нам задумываться, кому и зачем оно нужно. А если вдруг получается убажить барина материальными результатами (от коих, быть может, и нам толика отломится) — прямо-таки экстаз!

... подросток чувствует себя тружеником, переживает гражданскую гордость за свой труд, потому что он видел материальные результаты своей работы.

И правда, если уже ничего для души не хочется — так хоть тешить себя сознанием собственной полезности: не просто говорящее орудие, но и гордое своей орудийностью...

Разумный человек, конечно же испытывает душевный подъем, когда удается довести начинания до логического конца; но человека больше привлекает возможность сделать красиво, элегантно, добротнo. Вложить в продукт не только рабочую силу — но и творческий дух. А это и означает, что трудится человек не по указке сверху, а по своей воле, — и сам решает как ему поступать. Напротив, ученики Сухомлинского послушны воле пророка — и гордо идут под ярмо, а потом и привыкают к нему, — и даже как-то неуютно без него:

Чтобы утвердить в сознании подростков народные взгляды на труд, мы сызмала воспитываем в каждом привычку работать.

Народность тут — в смысле подлой фразы: *кто не работает — тот не ест*. Если на ишаке никто не ездит — зачем кормить? Лафонтеновская муравьица ни гроша не даст бедной цикаде: артистические таланты у буржуа не в чести: им нужно, чтобы вилы в руки — и навоз разгрести!

Вот туда, в это первобытно-муравьиное общество нас и приглашает великий педагог Сухомлинский.

4. Будьте добрыми и чуткими к людям. Помогайте слабым и беззащитным. Не делайте людям зла. Помогайте в беде товарищу. Уважайте, почитайте мать и отца: они дали вам жизнь, они воспитывают вас, они хотят, чтобы вы стали честным гражданином социалистического общества, человеком с чистым сердцем, ясным умом, доброй душой, золотыми руками.

Абстрактная проповедь доброты и чуткости — никоим образом не влияет на поведение. Палач тоже может быть добрым и чутким — но работа есть работа, и приходится истязать — не по злобе... Помогать кому-то — значит, унижить человека и выставить себя благодетелем, самоутвердиться за чужой счет. Разумный человек действует не для того, чтобы кому-то помочь, — он просто делает дело и привлекает тех, кто может быть уместен. В бесклассовом обществе просто не от кого защищаться, и некому помогать в беде. Если есть слабость — надо менять общество, а не собирать войско слабаков, чтобы всем миром побить сильного. Искоренять слабость и силу как таковые, а не в чьем-то лице.

Что такое зло — Сухомлинский так нигде и не рассказал. Чистая абстракция. Даже непонятно, как ее можно делать. Соответственно, про добро мы тоже без малейшего представления.

Культ предков — это сельской общины в самый раз. Дать жизнь — невелика заслуга. Животные этим занимаются миллионы лет. Насчет мотивов и методов семейного воспитания — явное преувеличение, попытка выдать политкорректное за действительное. Ребенка попрекают потраченными на него средствами и усилиями, и впихивают в рынок: дескать, на тебя потратились — изволь отработать! См. пункт 2.

5. Не будьте равнодушны к людям, которые стараются жить за счет отца, матери. Проявляйте нетерпимость к тем, кто не заботится об интересах общественных. Ненавидьте того, кто творит расточительство, обкрадывает общество.

Это для полноты комплекта. Почему вообще кто-то должен жить за чужой счет? Разумно устроенное общество просто не предполагает такой необходимости — и вообще не подсчитывает, кто кому должен. Свободные люди живут в обществе, и пользуются всем, что в нем есть. Кто чей отец или мать — никого не волнует. Но в патриархальной общине дети — собственность родителей, и обязаны отрабатывать

содержание (в частности, содержать престарелых). Городские дети сплошь и рядом используют состояние и связи родителей, дабы застолбить местечко потеплее. Точно так же родители используют детей (например, чтобы выбить льготы, или откосить от службы) — это нормально. Капитализм. В феодальной общине такой бизнес не в струю: кого куда поставить — решает феодал, или назначенный им староста. Тягу к свободе не приветствуют.

Фраза насчет нетерпимости — это про стукачей. Кто оскотинился сам — заставляет оскотиниваться и других. Общественное тут — в смысле общинное. То есть, барское. Кто пытается урвать больше, чем начальство уделит — тот редиска, нехороший человек. Подобные прелести совершенно невозможны в обществе свободных людей — дикую терминологию там могут и не понять...

Итак, моральный кодекс Сухомлинского — призывает общество откатиться в далекое прошлое; как говорится: новое — это основательно забытое старое. Идиллическая картина: все дружно работают по спущенной сверху разрядке — и ужасно этим довольны; плодятся и размножаются в рамках дозволенного, чтобы не пустовали рабочие места. Самостоятельно ставить задачи и стремиться к чему-то за линией общинного горизонта — это против монастырского устава, и братва может возразить — с благословения пастыря. Особенно, когда старших не уважают. Это называется коллективным воспитанием — о нем мы сейчас и собираемся пристально рефлексировать.

Лики обезличивания

Один из главнейших разделов математики — теория множеств. Одно время даже пытались вывести из нее всю вообще математику. Исходный принцип: любые единичности можно (хотя бы мысленно) собрать вместе — и рассматривать как все сразу, как одно целое. Потом выяснилось, что такая возможность далеко не везде очевидна — иногда приходится ее провозглашать волевым решением, а к этой «аксиоме выбора» у многих весьма скептическое отношение... Некоторые из формально построенных совокупностей оказывались настолько дикими, что о них нельзя рассуждать без противоречий. Тогда постановили: математика рассматривает только «правильные» коллекции, которые мы называем множествами; всякие ненормальности — обозвать классами и в приличном обществе о них не говорить. И тут оказывается, что наши

ограничения уже не дают права строить множества из чего угодно: элементами множеств могут быть только множества — а все остальное для математики на одно лицо, и потому все единичности, которые не являются ни множеством, ни классом, представлены в науке единственным объектом — пустым множеством (что это такое, никто не знает, но результаты удается получать удобоваримые).

При всем кажущемся различии математики и педагогики, в трудах больших педагогов и психологов мы неожиданно сталкиваемся с теми же логическими трудностями — и с точно такими же подходами к их преодолению. Мы в какой-то мере умеем налаживать совместную деятельность нескольких граждан — но совершенно не представляем себе, что такое социальный слой и общество в целом; точно так же, совершеннейшая загадка — роль личности в истории. Даже самое примитивное производство предполагает культурно обусловленные формы участия, разделение труда; единичная личность может выступать лишь в качестве носителя одной из ролей — исполнителя, мини-коллектива (иногда состоящего из одного человека); кто не годится ни для какой работы — пустышка, полный нуль (которым и приходится считать всякую свободную личность, не занятую по понятиям властей). Значит, на первое место в педагогике следует выдвинуть коллектив — составлять одни коллективы из других (включая пустые).

Человек — коллектив — общество — вот та система взаимоотношений, благодаря которой коллектив становится силой...

Как в математике элемент определен лишь как класс множеств, которым он принадлежит, — личность можно трактовать как совокупность всех коллективов, в которых она так или иначе включена. Осмысленно обсуждать множества мы можем только объединяя их в классы эквивалентности; точно так же, каждый коллектив становится носителем классовой идеологии — и члены коллектива автоматически оказываются представителями соответствующих классов.

Социологическая математика выпирает из книг Сухомлинского на каждом шагу. Очень кстати плеоназмы Крупской:

... воспитание в школе II ступени должно преследовать цель — воспитание из ребят коллективистов, т. е. людей, умеющих подходить ко всякому вопросу с точки зрения целого, умеющих работать и жить коллективно...

О том, что точка зрения целого далеко не всегда совпадает с мнением коллектива (а истинный коллективизм помогает это осознать), наши

верховные наставники предпочитают умалчивать (чтобы субординацию не пошатнуть). Воспитание с самого начала понято как подчинение личности коллективу — причем и то, и другое взято абстрактно, чисто математически, как заранее заданные структуры. Говоря о том, что «сфера общения человека с человеком охватывает многогранность интересов личности», автор молчаливо предполагает уже готовые личности, сфера интересов которых становится предпосылкой охвата некоторой столь же априорной сферой общения. О том, что в норме личность вместе с ее интересами как раз и складывается в процессе общения — никаких упоминаний; точно так же, образование коллектива (как иерархии форм общения) в ходе совместной деятельности — выше разумения классовой педагогики. Опять же, есть на кого сослаться. Выданные их политического контекста слова А. С. Макаренко:

По нашему мнению, коллектив есть контактная совокупность, основанная на социалистическом принципе объединения.

По отношению к отдельной личности коллектив утверждает суверенитет целого коллектива.

Утверждая право отдельной личности добровольно состоять в коллективе, коллектив требует от этой личности, пока она состоит в нем, беспрекословного подчинения...

Метафизика махровым цветом. Почему члены коллектива обязательно должны соприкасаться органическими телами — совершенно от фонаря. Это для секса оно в самый раз — а производство вполне допускает распределенные коллективы, члены которых могут не догадываться о совместной принадлежности, даже если они по жизни здороваются на улице, или живут в одной квартире. Сегодня такие рабочие группы запросто охватывают всю планету — и участники взаимодействуют только по компьютерным сетям, при необходимости контактируя лишь неорганическими телами.

Насчет «социалистического принципа объединения» — Макаренко явно перегнул. Это «определение» — из черновиков; а там, между прочим, встречаются и совсем странные утверждения:

Не только то, что было при Аристотеле, но даже и то, что было при Николае втором, можно оставить без рассмотрения. Во всяком случае, никогда еще педагогика эксплуататорского общества не могла похвалиться сколько-нибудь заметным изобретением в области воспитания.

Сама идея педагогики возникла задолго до российской революции — без чего не было бы и педагога Макаренко (не говоря уже о Сухомлинском).

Это что, не достижение? Не жалуется вы рабовладельца Аристотеля или абстрактного гуманиста Песталоцци? — но почему бы не вспомнить о предвидениях Кабе или опыте Оуэна? Социалистическому педагогу есть чему у них поучиться. Вот и про коллективы — в пылу полемики, горяча; не факт, что в публичной редакции осталось бы:

Мы говорим и пишем: «Коллектив ХТЗ должен дать стране сто тракторов».

Но мы никогда не употребим выражение «коллектив заводов Форда».

Мы говорим «коллектив сотрудников ГПУ», но не скажем «коллектив французского министерства внутренних дел».

И если советская семья, построенная на равном участии ее членов в общественном труде и принципиально утверждающая свободу и равенство своих членов, может быть названа коллективом, то ни в каком случае не будет коллективом купеческая семья, во главе с отцом-самодуром, или дворянская семья, допустим, утверждающая даже равенство членов, но по отношению ко всему обществу стоящая в потребительской групповой позиции.

Отрицать существование коллективов при капитализме — грубая вульгарность. Хотя бы потому, что и социализм есть ветвь капитализма, поскольку он вписан в рыночные формы. Но и классический капитализм дает тысячи примеров вполне намеренной коллективности: кооперация, общественные объединения и партии, спортивные команды, тресты, международные союзы, правительственные учреждения, рок-группы, — и школы! Это в советском университете студенты могли во многом оставаться самостоятельными личностями — у буржуев такое не пройдет: там всех силой распикивают по конкурирующим меж собой формальным сообществам — почти как у Сухомлинского.

Центральный пункт (о «суверенитете коллектива») — отдельным абзацем, чтобы подчеркнуть важность: личность ничто — коллектив все! Раньше думай о Родине — а потом о себе. Никому и в голову не приходит, что противопоставлять одно другому — привычка чисто буржуйская, а у разумных людей каждый учитывает мнение всех — но и все прислушиваются к мнению каждого. Помните мушкетерский лозунг? Ключевое слово там — *за*. Не против кого-то, а друг за друга. Единичное равно целому — субординация тут неуместна.

После наделения коллектива диктаторскими полномочиями, говорить о добровольности — это форменное издевательство. Человек в классовом обществе вынужден присоединяться к тому или иному

коллективу просто потому, что иначе у него ни малейшего шанса не то, чтобы творить, — но даже физиологически выжить. Выпускник советского вуза идет работать на стройку не потому, что мечтает рисовать в небе силуэт города! — ему элементарно надо попасть в очередь на жилье; вступать в брак ему придется по той же причине (одиноким — только общежитие). И так во всем. Первичный классный коллектив по Сухомлинскому — это что, образец добровольности? Да и кое-кто из учителей, вероятно, предпочел бы городскую школу — но пряников, как известно, всегда не хватает на всех... Настоящая добровольность предполагает не только свободу присоединения — но и свободу следовать собственным убеждениям, независимо от воли сообщества (которая далеко не всегда совпадает с его действительными интересами). Наконец, это и реальная возможность (а не только формальное право) уйти (и желательно не на тот свет) — если нет иных способов оставаться собой, быть личностью.

Насчет беспрекословного подчинения, якобы вытекающего из суверенитета, — это на практике тоже хорошо знакомо. Например, кому довелось (конечно же, добровольно!) попасть в тюремную камеру — пройдет через все круги блатного ада и в конце концов подчинится посаженному тюремным начальством пахану. То же самое — о жизни по понятиям в воровской шайке, или о «социальном договоре» в правовом государстве (включая социалистическое). Никто не спросит, хочешь ты родиться в этой стране или предпочел бы другую, — значит, придется воспитывать любовь к отеческим (или отечественным?) гробам.

Легко видеть, что воспетая Сухомлинским «суровая дисциплина и ответственность личности» начисто уничтожает личность как таковую: проявить себя как личность человек может только в труде, в творчестве, открывая свое, а не уступая давлению, — следуя призванию, а не роли. Характернейшая фразочка Сухомлинского:

Ответственность человека перед коллективом, обществом.

Но разумная ответственность — бывает только *за*; если *перед* — это ярмо, страх, позор... Не годится и «ответственность человека за человека» — не за других надо отвечать, а за свое дело. Можно заботиться о ком-то, любить кого-то; но начинается все равно с экономики: только в контексте совместной деятельности действия становятся поступками, из которых и складывается личность. Яркая индивидуальность (то есть, неповторимая манера участия в общем

труде) — основа личности; из нее вырастает дух (как особое место человека в культуре). Личность трудится так, как считает важным для себя — и счастлив человек сам, а не по регламенту. А нам заявляют:

Первые ручейки той могучей реки, которая называется коллективизмом, начинаются с отдачи духовных сил личности во имя радости и счастья других людей — членов своего коллектива.

Эдакое добровольное рабство — и даже не ради людей, а ради «членов»; к тому же не каких угодно — а только «своих». Господам всегда хотелось, чтобы рабы с радостью служили «высшим» интересам, начисто забывая о собственной разумности.

Одна из главнейших основ воспитания коллективизма — духовное благородство, которое утверждается в детской душе тогда, когда ребенок больше думает и заботится о других, нежели о себе.

То есть, духовное благородство — это полное убожество, смиренность, отказ от себя (в пользу тех, кто благородный по праву). Для разумного человека само противопоставление себя другим — абсурд: для него нет ни своего, ни чужого. Еще одно знаковое словечко: «больше». Сугубо рыночный ориентир. А разуму незачем сравнивать себя с кем-то — разумны все одинаково, и отношение ко всем одно.

Что в итоге? Обезличенная человеческая единица вне коллектива остро чувствует свою ничтожность: в себе ничего иметь не положено! Отсюда наркотическая зависимость от коллектива:

Важное условие успешного воспитания мы усматриваем в том, чтобы каждого ученика тянуло к коллективу, чтобы коллектив был средой, в которой можно показать себя во всей красоте и величии.

Вместо творческого труда — показуха; важнее выглядеть, а не быть. Показать себя во всей неприглядности — но считать это красотой и величием. Деградация и вырождение.

По Сухомлинскому, коллектив призван вбивать в каждого *чувство личной чести* — которое следует понимать как осознание великой милости, которую коллектив оказывает принятому в его ряды, — а главное, *чувство долга* — безусловную необходимость следовать предписаниям свыше. Одна из десятков формулировок:

Исключительно важную воспитательную проблему мы усматриваем в том, чтобы непрерывно развивать в человеке самоуважение, умение дорожить собственной честью, достоинством, строго контролировать свое поведение, подчинять личные интересы общественным, формируя их на основе стремления ко всеобщему благу.

И честь, и долг — классовые категории, несовместимые с духовностью, с личной свободой. Община приучает людишек («маленький человек») смотреть на мир предлагается «глазами гражданина» — а не глазами разума. Но чье оно — «всеобщее благо»? Кто представляет общество в целом в педагогике? Очевидно, мудрые наставники, олицетворяющие собой честь и долг. Отсюда

возникает со всей очевидностью моральная истина о долге младших поколений перед старшими.

Патриархальный уклад — ядро теории Сухомлинского. Но иерархии не выстроить «эпизодическими средствами»:

Необходима длительная, прочная система воспитывающего влияния.

И здесь никак нельзя без всевидящего начальника, «без незримого присутствия его всюду, где есть дети».

Влиять на человека через коллектив нужно тонко и незаметно.

Поэтому Сухомлинский (в полном соответствии с принципами НЛП) предпочитает не заставлять, а подталкивать к «правильным» действиям (вспомним софистику Сократа!) — и не прибегать к откровенно силовым решениям.

Лицемерие такой педагогики бросается в глаза. Если кого-то «характеризовать не называя фамилии» — все прекрасно понимают, о ком речь. Не ставить оценок в ожидании, пока воспитанник вытянет хотя бы на троечку, — вполне красноречивая оценка. Для учащихся — проповедь честности и откровенности (чтобы не спрятались в себя); воспитателю этот закон не писан, и он может не моргнув глазом соврать, чтобы прикрыть чей-то неблагоприятный поступок, — и не стесняется подробно описывать эти воспитательные приемы в «мудрых» книгах. Полагаете, воспитанники ничего не замечают и наивно восторгаются? Вряд ли. В их души сызмала закладывают подлость и двурушничество: можете быть кем угодно — но на виду извольте соблюдать приличия. Пусть взрослый дядя ложится грудью за честь заблудшего — и потом воображает себе, что преступник искренне раскаялся и оплатит личной преданностью; нет, дитя, скорее, сделает вывод, что всякую провинность можно списать на невинность — и при случае оплатит черным предательством.

Где мы видели подобную систему взаимоотношений? В церкви. Религия не нуждается в боге; ей нужны не верующие, а прихожане. Что они на самом деле думают и делают — попа не волнует: ему важно,

чтобы соблюдали обрядность по установленному тарифу. Зачем свечной заводик, если никто свечку не поставит? У каждой церкви ритуалы свои. Секта Сухомлинского в значительной степени опирается на проповедь. По его мнению, «слово выпрямляет душу, как гимнастика выпрямляет тело». Конечно, он догадывается, что душу выпрямляет не слово, а дело. Но в планы всемогущего вовсе не входит что-либо по-настоящему выпрямлять: ему достаточно сделать вид — а на деле навязать братьям меньшим почтительную обрядность в виде регулярных церковных собраний и выслушивания начальственной проповеди. Кальвинисты в Женеве — за отказ сжигали на костре (а позже — изгоняли из города). «Добровольным» членам «первичного коллектива» улизнуть вообще ни малейшего шанса: в деревне все на виду.

На закате средневековья проповедь стала литературным жанром, способствуя развитию светской литературы. Проповеди Сухомлинского направлены в прошлое: их задача — укреплять веру. Его хрестоматия по этике — коллекция пошлых притч, которые даже на заре цивилизации выглядели бы диким примитивом (сравните, хотя бы, с библейским Экклезиастом). Но церковному проповеднику важно не содержание проповеди, а ее тон — поэтому Сухомлинский тщательно готовится к выступлениям на публику, стремится увлечь, вбить в подсознание догмы о чести и долге (нечто вроде эриксоновского гипноза). Разумеется, его самолюбование в педагогических книжках — наивно и смешно: по жизни, дети относились к «беседам о гражданственности» по-разному — а кое-кто вообще пропускал мимо ушей; однако в том и сила психотехники, что она действует и на скептиков, — подобно тому как анекдотическая подкова приносит счастье и тем, кто в нее не верит.

В классовом обществе церковь воспитывает массы в духе убогого послушания — и нормы права на этом фоне выглядят порождением разума. Но есть и другая сторона: заведомая нелепость мифов и ритуалов возвращает в душах формальное отношение к любой идеологии — в том числе и к передовой. Привычка считать всякую мысль пошлой легко переносится и на мечты о счастье, о лучшем будущем для всего человечества. Тем самым население отучают от самой идеи счастья, убивают способность мечтать. Именно такому разложению личности способствует система Сухомлинского. Вроде бы, рассказывать малышам сказки — дело безобидное... Но когда в той же струе начинаются рассказы о военных и трудовых подвигах — ни о каком воспитании гражданственности не может быть и речи: один анекдот не серьезней

другого. Историк не станет слепо верить летописям: их авторы всегда политически ангажированы, а официальные документы тоже поддаются подделке и подлогу. Современный человек (даже выращенный в общине Сухомлинского) относится к литературе как к литературе — а отнюдь не живому свидетельству или высокой правде. Мы все знаем, как писатели сочиняют правдоподобие; в наши дни им на помощь приходят чудеса кино, всемогущий фотопшоп, или глубокая имитация с привлечением искусственного интеллекта. Когда Сухомлинский раздает детишкам задания по сочинению сказок — он копает под себя: когда-то сказители и поэты воспринимались как голос бога (или дьявола)¹⁹ — если же каждый научится наврать с три короба, очарование испаряется. С другой стороны, когда творчество сводят к обязательке (пусть даже не очень нудной) — оно перестает быть творчеством, превращается в отработку норматива: не для себя, а на чужого дядю, для галочки, для прикида, для отчетности.

При других обстоятельствах любить сказки — очень даже полезно. Сказка учит человека придумывать воображаемые миры — не ради фантазий самих по себе, а чтобы осознать призвание разума — делать мир разумнее. Разумеется, не сказки делать былью — а преображать быль творческим трудом, подобно тому, как мы умеем творить внутренние миры. Схемы духовной деятельности становятся схемами материального производства. Но сказки Сухомлинского другие! Это «волшебное зеркало», которое «отображает мир таким, как он есть в действительности» — но лишь для того, чтобы убедить воспитуемых, что этот мир уже прекрасен, примирить с очевидными несуразностями бытия, необходимостью соответствовать и подчиняться. Таковы мифы любой религии.

Социализация по Сухомлинскому — упорная борьба с «эгоистами». Потому что

каждый эгоист — это трещина в фундаменте коллективистских взаимоотношений; если трещин много — здание коллективизма будет разваливаться...

Не положено записанному в члены думать о себе и желать своего, вопреки давлению коллектива (общины). Для разумного общества — следование желаниям не порок; более того, настоящее единство

¹⁹ У древних арабов считалось, что поэт говорит от лица могущественных демонов («шайтанов»). Мекканца Мухаммада внезапно открывшаяся способность сочинять стихи настолько поразила, что он возомнил себя пророком — и основал новую религию.

начинается там, где свободно желать может каждый. И все уважают желания друг друга, какими бы странными они ни казались. Но на утопической стройплощадке задачи другие:

Как построить фундамент коллектива, чтобы в нем не было трещин?

А если уже и есть трещины — как их замуровать?

Всякого, кто отступает от норм коллективности, — тут же записывают в преступники, и думают не о том, чтобы грамотно спроектировать фундамент, а о следовании проекту любой ценой — замазывая рты несогласным. На уровне изолированной общины воспроизводятся реалии советского социализма, о которых мы знаем не понаслышке, испытывали на собственной шкуре.

Метафизика эгоизма логично приводит к *требованию* («должно господствовать стремление») «творить счастье своим родным, близким, товарищам, всем членам коллектива, соотечественникам». Абстрактное осчастливливание выглядит подозрительно: человек и про себя не всегда понимает, где его счастье, — и тем более странно было бы решать за других. Напрягает и приоритетность счастья для «своих» — для «членов», а не для всех людей. Тут нам разъясняют, что

основа одного из важнейших человеческих богатств — радость творения счастья для других людей. Как можно больше поступков, побуждаемых стремлением к моральной красоте, стремлением сделать людям добро, — это одно из важнейших условий правильного включения личности в жизнь общества.

Снова абстрактная «моральная красота» (о которой Сухомлинский не устает трубить на каждом шагу), абстрактное добро, абстрактная правильность... Абстракции не безобидны: за ними кроется диктат коллектива. Личность не просто участвует в общем труде — ее следует «включить», подчинить, обезличить. За счет этого красота и добро превращаются в абстракции: они противопоставлены личности как внешняя сила и в личностном плане совершенно бессмысленны. Так можно исподволь

подготовить человека к тому, чтобы он обратился к коллективу со словами: «Скажите мне, друзья, в чем смысл нашей жизни, для чего я живу на свете, что произошло в мире оттого, что я пришел, будет ли мир таким и без меня, или, может, я что-то принес в него своей жизнью, болями и волнениями, радостями и тревогами?»

Свободная личность не станет искать смысла на стороне, ей не нужно ничего спрашивать, — разумный человек просто делает мир по своему разумению, и когда можно это делать вместе — счастье.

Вместо этого батька Сухомлинский травит байки про якобы простого казака Мака, который эдак скромненько поселился в степи — но тут же упоминание о его «усадебке»... Больше похоже на помещика. Да и заниматься массовыми лесопосадками — финансов требует. Ну, назвали Маков лес его именем (то ли в честь озеленителя — то ли указание на собственность). И вывод:

Наверно, смысл жизни в том, чтобы не пройти по земле неприметным.

Вот где реальное моральное уродство — а не абстрактная «моральная красота»! Оказывается, главное в жизни — это показуха, выпендрейж. Отмочить что-нибудь эдакое — чтобы на века запомнили... Нет уж. Осмысленная жизнь — это когда не нужно быть заметным. Когда вопросы о смысле — неуместны. Противоположность:

Коллективное переживание благородных чувств утверждает в юной душе большую чувствительность к мнению коллектива о *своем* поведении, о *своей* работе, о *своем* отношении к общественным интересам.

Вот так: вместо свободы разума, рабская зависимость от мнений. Для барина коллектив — «орудие влияния на личность». И даже чувства подчинены «благородному» диктату. Стадное чувство подминает под себя все личное, и человек превращен в животное.

Но в лицемерной терминологии Сухомлинского эта стадность именуется самоуважением! С соответствующими разъяснениями (чтобы не подумали хорошо):

Подчинение — это одно из самых сильных проявлений активной духовной деятельности человека.

И тогда, конечно, можно ханжески заявлять:

В коллективе не должна теряться личность; чувство радости труда — это не только коллективное вдохновение, но и глубоко личное переживание личного достоинства.

Но изюминка педагогического метода Сухомлинского — в том, что воспитание покорности тесно связано с воспитанием барства:

... чтобы подчиниться разумным, целесообразным, необходимым, обязательным требованиям общества, человек должен уметь подчинять самого себя, иметь в себе силу воли, способную приказывать, повелевать, сдерживать. А чтобы подчиниться самому себе, чтобы утвердить в себе повелителя, нужно глубоко уважать себя. Утверждая в человеке уважение к самому себе, мы воспитываем в нем коллективиста.

Вот резюме классовой психологии: лизать задy сильным, отыгрываться на слабых. Зверство чистой воды.

В практической работе педагогический коллектив Павлышской средней школы добивается того, чтобы каждый школьник имел в школьном коллективе несколько своих маленьких воспитанников.

Тем самым возникает этологическая иерархия среди зверушек — а пока они грызутся за доминирование меж собой, у верховного дрессировщика нет лишних хлопот. Пикантный штрих: речь о «своих» воспитанниках; тоже самое у педагогов. То есть, подчиненные для начальства — как собственность, и с ними можно экспериментировать на свое усмотрение. Крепостническая утопия в точности воспроизводит средневековые нравы. Но в этом церковном приходе работает и религиозное чувство, когда раб не просто послушен, но и, «уважая себя, умеет ставить требования коллектива перед собою».

Утверждать в школе дух самоуважения — это означает добиваться того, чтобы с первых шагов своей школьной жизни маленький человек учился видеть в себе моральные ценности, воспринятые от других людей. И одновременно эти общечеловеческие моральные ценности должны переживаться им как свое, личное, дорогое.

Насчет ценностей — это от базара. Где все оценили до нас, и остается только ориентироваться на рыночную конъюнктуру («от других»). Легким движением полицейской дубинки эти «ценности от других» возведены в ранг «общечеловеческих ценностей» — про которые на каждом шагу вопит буржуазная пропаганда. При этом «уважающим себя» постоянно тычут в морду якобы естественным неравенством:

Нельзя ни на минуту забывать о том, что наш маленький труженик — ребенок.

Выводить рабство из природы — господа умели испокон веков. Еще Аристотель писал, что «большинству людей по природе свойственно подчиняться», что у женщины и раба начисто «отсутствует элемент, предназначенный по природе своей к властвованию», и отсюда всеобщая гармония:

В силу своей природы властвующее — и в силу своей природы подвластное. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же.

По Сухомлинскому, это называется коллективизмом...

Разумный (свободный) человек — уважает всех. Уважает как свободных личностей, действующих разумно, а не по воле барина и попа (стыдливо переименованной в коллективную). В частности, человек уважает себя — а не общество в себе. Только тогда общество может уважать личность — и подстраиваться под ее потребности, а никак не наоборот. Не бывает «маленьких людей» и «маленьких тружеников» — каждый человек равен другому человеку, и всякий труженик — велик. Сухомлинский же, в своей подлой манере, начинает за здравие:

Только в труде каждый из нас выражает себя как человек, как личность,

но кончает за упокой:

как участник борьбы за благородные идеалы и непримиримый противник зла, как гражданин и защитник Отчизны, как творец счастья других людей, как семьянин, как сын своей матери и отец своих детей, как коллективист, как, наконец, мыслящая личность.

И чуть ниже:

Нельзя ни на минуту забывать о том, что в выпускном классе перед нами, воспитателями, люди с паспортом и свидетельством допризывника, что они должны чувствовать себя завтрашними тружениками и воинами, отцами и матерями.

То есть, человек важен не тем, что он человек, разумное существо, субъект деятельности, — а всего лишь способностью заполнить дырки в штатном расписании (в качестве рабочей силы); и лишь в самом конце, так и быть, пусть будет личность — но только мысленно! — чтобы никакой крамольной духовности:

Пусть маленький ребенок повторяет то, что было уже сделано, создано другими людьми, но если это деяние — плод его собственных умственных усилий, он — творец, а его умственная деятельность — творчество.

Скользко и двусмысленно. В другом контексте — можно было бы согласиться. Но здесь — настойчивое повторение: творчество только воображаемое, все в уме. А по делу — всего лишь повторение. Чтобы творчески действовать — это не положено. Только согласно технологии. Так устроено трудовое воспитание по Сухомлинскому.

Гарнир обычный: абстрактная «моральная красота», борьба с абстрактным «злом» — и конечно же, полное «единомыслие». Под этим подпишется любой буржуй. Но у советских свои примеры: чуть что — мы про Ленина... Дескать был человек глубоко верующий — «глубоко

верил в коммунизм». И постоянно «вдохновлял своих воспитанников». Ну совсем как Сухомлинский! Который требует от детишек, «чтобы они восхищались Владимиром Ильичем как живым человеком».²⁰ И невдомек ему, что живые люди не для того, чтобы ими восхищаться, — с живыми людьми общаются, и трудятся сообща. Не умеете вы общаться с Марксом или Лао Цзы — это для вас трупы, труды которых можно разъять на пошлые цитатки — в угоду демонстративной начитанности, салонному остроумию.

Система трудового воспитания у Сухомлинского расписана до мельчайших деталей. Образец застойной монументальности. Для всех одинаково. Поскольку личности давно выродились в члены, и своих предпочтений им иметь не положено. В «самодеятельном» коллективе души греет «понимание детьми того, что их деятельность — не игра, а настоящий труд, как у взрослых». То есть, различие таки подчеркнуто: не просто общественно полезный труд — а как у кого-то. Поэтому «понимание» быстренько превращается в игру: мы договорились, что все правильно понимают. Начальник сказал — подчиненный согласен.

И в который раз про доброту, милосердие, жалость, любовь ко всему живому... Это к тому, чтобы играя во власть — не очень увлекались, не вообразили себя властью на самом деле.

В годы отрочества и ранней юности каждый должен кого-то воспитывать, отдавать свои силы во имя блага, счастья человека. Это одна из истин нашей педагогической веры...

А во всякой добродетели важна умеренность. Тут и Лев Толстой — как же без него? Он же «в беседе с народными учителями поучал их: Жалеть тех, кто несчастен...» Над всяким свой авторитет: учителей тоже «поучают» (и называют это «беседой»). Вот традиционно библейское поучение: дескать, не ломайте веточку! — если бы тебе кто пальчик сломал — тебе было бы больно? — вот и цветку больно... Религия, как обычно, смыкается с коммерцией: ты мне — я тебе. Не делай ближнему чего не хочешь. Не плюй на коллектив — а то коллектив плюнет на тебя, и ты утонешь.

Не нужна человеку абстрактная жалость. Нужен разум. Антипод жестокости. Когда пошло наперекосяк — благородным сочувствием не поправить. Нужно переделывать жизнь — чтобы открывались другие пути. Может разумный человек быть садистом? — да никогда! Зачем оно

²⁰ Орфография оригинала.

ему? Столько всего предстоит — и всякий трудяга в помощь. А если случится мусор выметать — то уж не для того, чтобы замусоривать вселенную.

Но в ограниченном мирке бесконечно расти нельзя: не дай бог, упреешься головой в потолок — и крыша поедет. Поэтому

сложнейшая задача воспитателя состоит в том, чтобы сформировать в каждом человеке крепкое, непоколебимое моральное ядро, утвердить идеал, дать на всю жизнь мощный духовный заряд...

И дальше можно не развиваться. Сколько отмерили заряда — тем и тяни (или толкай). Чтобы не прыгали выше ушей. А то некоторые (эгоисты) увлекаются вне коллектива — и воспитывать их трудно. Такая вольница нам ни к чему:

Самодеятельность только тогда и приобретает воспитательную силу, когда она одухотворяется мудростью педагогического замысла.

Если же замысел недостаточно мудрый — официальную мораль могут и похерить, придумать какую-нибудь соблазнительную кустарщину, одухотворенную неизвестно чем. Отсюда раскол в церкви — дурной пример. Дело серьезное.

От того, *чем* увлекается ребенок, в значительной мере зависит формирование его морального начала.

Поэтому прежде всего — учет и контроль. Это у разумных существ нет морали, а есть нравственность, которая совершенно свободна и не поддается никакому регулированию. А в классовом обществе (и в патриархальной общине) мораль для того и существует, чтобы давить на личность, подрезать крылышки.

Влечение не такая обычная вещь, как кажется на первый взгляд. Влечение — это не просто «хочется» или «нравится». Человек без влечений — безликое существо, у него нет четко обозначенной, целенаправленной линии поведения.

Сухомлинский воспитывает своих питомцев так, чтобы не было у них никаких влечений и стремлений, кроме «моральных» — то есть, санкционированных общественным мнением (такими намного проще управлять). Безликость — возможность вылепить что угодно.

В качестве орудия производства — придуманная Сухомлинским «моральная красота»:

Стремление — это высшее эмоциональное состояние, вдохновляемое увлечением моральной красотой.

Аморальная красота начальство не устраивает. Поэтому всем без исключения предписано прослушивание проповедей, внушающих «правильную» эстетику и мораль — в дополнение к проповедям о «гражданственности». Про что вещают? Все про то же: долг, верность, преданность, стойкость, непримиримость... И ни слова про разум. Вконец оболваненное население схавает что дают — и будет счастливо; и это правильно, ибо

только счастливый человек может быть преданным высокой идее, может быть глубоко убежденным в величии того, во имя чего он живет.

Идти за вождем с улыбкой идиота — вот рабское счастье. И радостно осчастливливать других (см. выше).

Когда отпускают вожжи — добра не жди. Вон, в фильме *Доживем до понедельника*²¹ учащиеся забастовки устраивают, организованный протест... Лично Сухомлинского это возмущает до глубины души:

Романтизация, даже героизация поведения, которое противоречит моральным нормам, — очень серьезная опасность...

Для разума (который не подчиняется никакой морали — а следует самостоятельно выработанным представлениям о нравственности) — абстрактное морализаторство еще опаснее. Но разум Сухомлинскому не указ. Дисциплина в его общине на высоте: разрешается *поиграть* в равенство, следуя предписанным правилам (вроде спектаклей с разноцветными хризантемами) — но посягать на учебный план и расписание проповедей никому не позволено! Если «нет правильного представления о хорошем и плохом» — народ привлекают дерзкие выходки (даже совершенно идиотские) отдельных отщепенцев, дразнят призраком недоступной в общине свободы. Фильмы про бандитов и суперменов идут на ура. Советского школьника от сериала про Фантомаса было не оттащить (хотя писатель Липатов наивно пытался это отрицать, агитируя за милую сердцу Сухомлинского деревенскую идиллию). И смеялись зрители не над криминалом, а над лопухом-полицейским — а он таки власть!

²¹ Фильм, конечно подленький... Объективные тенденции к освобождению от духовных рогаток интеллигентствующие шестидесятники в основном толкуют на белогвардейский манер: уничтожить завоевания социализма, вернуть разнузданное буржуинство! Но Сухомлинский критикует буржуев «справа», с точки зрения феодала. И тем самым, по факту, льет воду на ту же мельницу.

Способность *правильно* смеяться — показатель морального здоровья коллектива и личности.

Это сказал великий педагог. Тут, вероятно, и у буржуев мурашки по спине: когда даже смех по выдаче — совсем клиника. Но о чувстве юмора — чуть позже. А пока продолжаем про абстракции.

Лицемерная педагогика провозглашает лозунг:

устранение одного зла не должно рождать нового.

Но пока зло и добро остаются абстрактными противоположностями, устранение одной абстракции ведет лишь к утверждению другой — и зло непобедимо. Классовое решение проблемы — передать право суждения высшей инстанции, снять с себя ответственность (то есть, заменить ответственность *за* на ответственность *перед*) — освободиться от разума. Ребенок, дескать, по природе не способен «отличить настоящую красоту от показной эффектности» — и поэтому школа должна всучить ему абстракцию «моральной красоты» в качестве эталона «правильного, идеального представления о красоте поведения».

Тяготение к хорошему зарождается под влиянием разумной и благородной мысли, а она сама по себе в детской голове не возникает, ее надо внушить.

Но как только речь заходит о правильности и идеалах — тут же встречный вопрос: кому это правильно — и чьи это идеалы? Начальство юлит и предлагает считать навязанные подчиненным нормы совершенно естественными (тем самым приравнивая человека к животным) — или «общечеловеческими» (обожеествляя законодателя и записывая всех скопом в рабы). При любом раскладе,

ребенок не сознает ни своего внутреннего духовного мира, ни требований общества, ни интересов коллектива — больше того, он еще не способен подчинить свое желание разуму...

Остается лишь слепо уверовать в навязанное извне, считать темноту истинным светом:

Вера ребенка в незыблемость, непоколебимость правды — яркое солнце, озаряющее его жизненный путь

В этой картине разум — синоним господина, барина: и если низшее существо не понимает, что лучше добровольно уступить «коллективу», допустимо призвать девианта к порядку, иезуитскими способами.

У людей разум никого и ничто не подчиняет. Он делает желания разумными: не прихоть, не ерничество, не глупая поперечность, — а

попытка найти способ если не сделать общество свободнее — так хотя бы сохранить внутреннюю свободу.

У животных претендент на более высокое место в этологической иерархии ведет себя вызывающе, демонстрирует все, что пока еще есть показать. Людям на это смотреть смешно — и сравнивают с такими особями далеко не из глубокого уважения. Но Сухомлинский верит:

Человеку свойственно *желание быть привлекательным*.

И вся общинная педагогика состоит в том, «чтобы коллектив был средой, в которой можно показать себя во всей красоте и величии». Если же думают о себе не по уставу — такое

искаженное представление всегда является *производным* от внутренней духовной убогости; а там, где господствует эта убогость, где нет богатой жизни мыслей, чувств, активные силы человека расходуются на то, чтобы *показать себя*.

Спрашивается: чем это отличается от расходования «активных сил» на демонстрацию преданности и послушания? Поскольку ответа пока не придумали — опять прячемся в абстракции:

Воспитание идеальных представлений о красоте поведения возможно тогда, когда каждый воспитанник увлекается чем-то таким, в чем выражается его стремление к благодетельству, к возвеличению в себе человека.

Про благородство по-сухомлински — уже говорено. Про настоящую красоту народу не надо — достаточно «идеальных представлений». Чтобы сами себе восторгались — и умилялись собственному умению увлекаться правильно, по указанию свыше:

Увлечение тем, что возносит человека, возвеличивает его в собственных глазах, — лучший путь предупреждения всего жалкого, предосудительного, унижающего человека.

Ладно. Про то, что всякое возвеличивание несовместимо с разумностью, так и быть, умолчим. Но заметьте: возвеличивать себя предлагается только в собственных глазах! Ни на что действительно великое — замахиваться не положено. Про то, что обезличенные «члены» могут смотреть на все (включая себя) только глазами коллектива (то есть, поставленного над коллективом начальства) — мы уже уяснили. Честно трудиться по собственному разумению — это «эгоизм»; а настоящим коллективистам необходима «способность стремиться к нравственной красоте и величию» — вечная оглядочка: «какое у коллектива мнение

обо мне?» — то есть, важнее показать себя, а не быть. См. выше о «духовной убогости».

Где убожество — там и бог. Сухомлинский выдвигает теорию «мудрой власти» педагога над личностью и коллективом.

По существу, коллектив и начинается с того, что воспитанники идут за своим воспитателем.

Но если просто приказать — это правовое государство. Община Сухомлинского — это религиозная секта, и там

духовная жизнь коллектива должна вдохновляться стремлением идти за воспитателем, жить так, как учит воспитатель.

Технология промывки мозгов (включая организацию быта и труда, вперемешку с нудными проповедями) заточена под вытеснение желаний человека, подчинение их желаниям начальства.

По сути, власть коллектива над личностью — это власть над ее желаниями. Настойчивое, постепенное, мудрое утверждение этой власти является самой сутью воспитания коллектива.

Но фальшивые маски, в общем-то и не нужны: в системе духовного рабства коллектив лишь орудие, ничего не значащее само по себе. Воля начальника — закон, в том числе духовный.

Мудрая власть педагога состоит в том, чтобы моя воля стала желанием ребенка.

Это вековая мечта всех эксплуататоров... А когда добились своего — можно поиграть в доброго барина:

Я твердо верю в то, что воспитать ребенка можно прежде всего лаской, добром.

Однако

человек все время ощущает: о его судьбе беспокоится воспитатель, что он, маленький человек, воспринимает, обязательно на фоне духовной жизни коллектива, тревоги, заботы, волнения о себе, ощущает, что педагогу больно за каждый его неправильный, опрометчивый шаг.

Вот-вот! Барин так переживает, когда нерадивые холопы уклоняются от предначертанного пути! Не будем лишний раз огорчать благодетеля.

Обезличивание почти завершено. Что осталось доистребить? Шанс на экономическую самостоятельность, из которой так легко вырастают мечты о духовной свободе. По барскому счастью, тут все налажено задолго до нас: кто не работает — того нет. Будет это

наемное рабство или барщина — большой роли не играет. Хотя, конечно, главе общины приятней перекрыть любые лазейки в большой мир. Поэтому

В системе положительных взглядов, которые нужно излагать подросткам и юношеству, особое место занимают вопросы: кем быть? Какую приобрести специальность? Какому труду посвятить свою жизнь?

Что посвящать себя без остатка чему-то одному вовсе не обязательно — что можно заниматься сразу всем или вообще ничем, — это ересь.

Идея всестороннего развития несовместима с верхоглядством и везнаиством. Выбор человеком специальности на всю жизнь — одна из исключительно важных задач общеобразовательной школы.

Именно так: узкая специализация — на всю жизнь!

Свою миссию воспитатель должен усматривать в том, чтобы в каждом воспитаннике до конца раскрылся человек, чтобы уже в школьные годы каждый нашел себя и принял твердое решение о выборе специальности.

Счастье там, где не надо выбирать... Но так положено! Это каким-то боком демократично. А уж влиять на избирателя ушлые капиталисты насобачились. Поставят тебя в такие условия, в которых волей-неволей проголосуешь правильно:

Правильность выбора жизненного пути каждым воспитанником зависит в конце концов от того, в чем в годы отрочества и ранней юности человек познал счастье.

Звучит очень эротично. Самое время бы переходить к следующему разделу... Разве что, сделать еще пару оптимистических замечаний.

В основе педагогического юмора — двусмысленная фраза:

Ребенок не может жить без смеха.

На всякий случай повторяется — чтобы хорошенько запомнили. Но что имеется в виду? Либо это чисто природное качество — и ребенка мы вписываем в животный мир, либо ребенку *не дают* жить всерьез — низводят до животности. Сухомлинский склоняется к первому варианту, утверждая, что есть «мера смеха, как бы отпущенная самой природой каждому ребенку». Однако на практике — идиотские сказочки, над которыми детям положено смеяться, плюс задания на составления таких же глупых анекдотов. Это уже вполне очевидное намерение вживить в детей «правильный» юмор (см. выше).

Когда нам заявляют, что смех — это «радостное удивление», сразу тянет спросить: чему они радуются? Тут нам рассказывают историю о том, как мальчик просит сторожа позволить украсть один арбуз:

... как и каждому сельскому ребенку, самым вкусным казался тот арбуз, который был взят без разрешения.

Странный юмор. Такие настроения — это трагедия! Не до смеха... Надо срочно принимать меры — и не только воспитательные, но и образ жизни менять. В государственном масштабе. А Сухомлинскому весело:

Я вижу большой воспитательный смысл в том, чтобы научить ребенка смотреть на мир с жизнерадостной улыбкой

См. выше про улыбку идиота.

Цитаты из знаменитостей при серьезном разглядывании играют против Сухомлинского. Например, психолог Рубинштейн:

Улыбка и смех, будучи первичным выражением — сначала рефлекторным — элементарного удовольствия, органического благополучия, вбирают в себя в конце концов все высоты и глубины, доступные философии человеческого духа; оставаясь внешне почти тем же, чем они были, улыбка и смех в ходе исторического развития человека приобретают все более глубокое и тонкое психологическое содержание.

То есть, в основе смеха — всего лишь животное удовольствие, чувство комфорта и безопасности. Будет источником физиология или высшая духовность — без разницы: улыбка (точнее, оскал) и смех остаются «тем же, чем они были». Психологическое содержание состоит в стремлении уйти от сложностей жизни, спрятаться за спиной «коллектива» таких же юморных — отступить от главной задачи разума, окультуривания мира. Тут как раз и писатель Гете подоспел:

Ни в чем не проявляется характер людей так, как в том, что они считают смешным.

Это определение *классового* человека! Глупо смеяться над явлениями природы — в классовом обществе одни смеются над другими. Смех — иллюзия силы: мы замечаем чужие слабости — и можем тешиться, упиваться воображаемой властью, способностью причинить боль — и собственным великодушием, приостанавливающим экзекуцию (игра кошки с мышкой — намного гуманнее). Всегда: мы — и они. Одним хорошо — другим плохо. Напрасно Сухомлинский пытается отгородить добрый смех от злого:

Умеет смеяться по-человечески тот, кто по-настоящему любит людей.

Нет, *любой* смех — *над* чужим горем; более того, именно смех *делает* горе *чужим*. Разумный человек не смеется — он действует. Пытается спасти. Когда Сухомлинский называет смех «оборотной стороной мышления» — с ним можно согласиться: где начинается смех, там уже нет мысли. Возможно, иногда полезно расслабиться — чтобы на этом фоне острее ощутить неуместность животности. Но чаще одна поблажка тянет за собой другую, одно уродство — за другим:

Намек заставляет парня взять себя в руки, ибо пробуждает в нем стыд перед товарищами.

Нормальному человеку стыдиться незачем — он ни перед кем не в ответе (даже перед разумом). Если кому-то смешно — это их недоразвитые проблемы. Но педагогическое лицемерие идет дальше: проповеди правдивости — для рабов; а воспитатель

на самое смешное, с точки зрения взрослого, должен смотреть как на серьезные вещи, должен словно бы не замечать смешного, вступать с детьми или подростками в игру. Эта игра для вас, педагога, для них — сама жизнь. Я назвал бы такие отношения внутренним юмором. Он представляет собой большую воспитательную силу.

Барин посмеивается над потугами рабов устроить жизнь: пусть играют в разум — только бы не становились разумными. Это другая сторона иллюзорного освобождения, которое дает смех: рабы по возможности издеваются над господами, господа жестоко шутят над слугами, — вроде бы, все равны; но это равенство животных, одинаковая неспособность уйти от низменных чувств. Подлинная свобода — не может отделять свое от чужого: она не отстраняется, не злорадствует, не сочувствует, — она позволяет каждому чувствовать то же, что чувствует другой, — чувствовать вместе, становиться одним существом. У людей — это называют любовью.

Еще раз про любовь

Если у нас в наличии энное количество стройматериалов — это вовсе не означает, что у нас есть дом. Чтобы материалы превратить в жилище, надо над ними хорошенько поработать, приладить одно к другому — иногда видоизменяя до неузнаваемости. Форма дома — вовсе не то же самое, что его материал. Но даже если материалов достаточно, и мы умеем строить — вовсе не факт, что мы сможем заняться строительством, а если и позволят — не факт, что в строении

доведется жить; такие обстоятельства, которые не определяются ни материалом, ни формой вещи, в философии называют ее содержанием, и содержание иногда существенно влияет и на выбор материала, и на приданные ему формы. Еще сложнее в духовной деятельности, в рефлексии: можно прочесть текст на хорошо знакомом языке — но так и не понять, что это стихи; красоту формулы способен заметить только увлеченный наукой; подловить философа на подленьких уступках господствующей идеологии — нужна мудрость.

Но люди не только вместе трудятся — они еще и общаются, и осознают общность, проникаются друг другом. Такие отношения мы называем духовными — и это сильно отличается от производственных (экономических) отношений, которые можно считать формой процесса производства — его технологической материи. Отношения между людьми в процессе производства не материальны: вне деятельности они не существуют. Однако эти отношения — внешнее для субъекта деятельности, то основание, на котором вырастает его собственное строение, дух. Как обычно, внутреннее и внешнее взаимообусловлены и способны превращаться друг в друга — но в каждом конкретном контексте это не одно и то же. Классовое общество противопоставляет их, делает непримиримыми противоположностями, вплоть до бурных конфликтов, от которых и производство разваливается, и личность страдает. В структуре цивилизации производственные отношения (включая духовное производство) регулирует *право* — а духовность отдана на откуп *религии*. И то, и другое зависит от уровня развития экономики — надстраивается над этим материальным базисом. Чтобы в свою очередь активно влиять на направленность и темпы развития.

Поскольку общинная утопия Сухомлинского соединяет в лице верховного наставника светскую и духовную власть, отношения между людьми разворачиваются от духа, и взаимодействие личностей для педагогики важнее производственной кооперации:

Деятельность — это краеугольный камень коллектива, но построить коллектив нельзя, если этот камень — единственный. Коллектив — сложная духовная общность людей, которые стоят на разных ступенях интеллектуального, идейного, морального, общественного, трудового, эстетического развития людей с разными потребностями и интересами.

Заметим: духовная общность возможна только у *людей* — и лишь *потому* что они ведут себя по-человечески. Однако для духа нет

никакого различия между (всегда частичными) его воплощениями; поэтому расставляя людей по разным ступеням (чего угодно) — мы неминуемо ограничиваем их духовность, так что на место разума тут же встает животность (инстинкты и рефлексy). Как это происходит при общении формально противопоставленных личности и коллектива — мы уже видели. Присмотримся теперь к одноуровневому общению: либо личность с личностью — либо коллектив с коллективом. Про второй вариант — в основном общие слова, и выводы из практики мы сделаем как-нибудь в другой раз; что же касается духовной связи личностей — материал достаточно богатый, и обсуждать можно во всех подробностях.

Духовная взаимосвязь одного человека с другим — это любовь. Какие формы она примет — вопрос внешних обстоятельств, которые сами по себе никакой духовности не предполагают — но позволяют ей проявиться в деятельности людей, придавая ей характерную окраску. Поскольку (человеческая) деятельность бесконечно разнообразна — перечислять возможные проявления и формы любви нет ни малейшего смысла. Выделяя что-то одно, мы вынуждены абстрагироваться от универсальности разума, его свободы, — и представить целостную личность какими-то из ее культурных ролей. В качестве осознанного упрощения, не забывая об условности и неполноте любой абстрактной схемы, мы можем рассматривать такие виртуальные различия на пути к синтезу. Классовая наука (и философия) — отражение всеобщего разделения труда, когда абстрактные различия становятся реальностью, закрепляются в системе права и в религии — становятся привычной повседневностью и отношением к миру. Для классового человечества различные производства выглядят очень разными, и кажется, что движут их столь же различные субъекты: единый дух распадается на эзотерику бесчисленных духов, терпимых или враждующих друг с другом подобно людям. Соответственно, вместо единой любви — мы видим много духовных связей, которые не только не одинаковы — но иногда и несовместимы. Тем не менее, поскольку любой язык выражает единство практики, люди склонны все эти частности называть любовью — и только потом «уточнять» словоупотребление, изобретая специальные слова для видимых форм.

Органическое тело традиционно служит человеку для сведения воедино жизненных впечатлений и упорядочения поведения. Несмотря на то, что человеческая мотивация возникает как культурный процесс,

люди представляют ее телесным движением, обозначают состояниями организма. Нам кажется, что чувствует и желает живое существо, с которым мы привыкли себя ассоциировать. Эту связь культивирует классовое общество — внешне, физически отделяя одну общественную структуру от другой. Противоположность классов сводится к различию тел — а потом и выводится из нее. И здесь первобытному сознанию непосредственно явлено телесное и физиологическое различие полов: все другие размежевания (по возрасту, телесным данным, навыкам и темпераменту) носят условный и временный характер — и границы приходится проводить искусственно, в зависимости от потребностей производства; противоположность мужского и женского — как будто встроена в человека от природы, и через это уже никак не перешагнуть. Поэтому и любовь как неразрывное единство индивидуальностей прежде всего связывается в неразвитом сознании со слиянием тел в половом акте — а способность любви преобразовать мир представлена метафорой деторождения.

Примитивность подобных ассоциаций бросается в глаза при первой же попытке посмотреть на себя со стороны. С древнейших времен известна однополая любовь — тем самым чувственные наслаждения заведомо отделены от половых различий. Точно так же — уже для античного человека, а тем более сегодня, — половой акт в большинстве случаев не служит репродуктивным целям — и становится всего лишь совместной деятельностью, материальным носителем личностных связей. Однако рефлексия в классовом обществе — привилегия господ; для рабов — любовь сливается с предписаниями свыше, облеченными в правовые или религиозные формы. С другой стороны сознание господствующего класса — лишь зеркало рабского сознания: то же самое, вывернутое наизнанку. Труд рефлексии хозяева жизни ненавидят как и любой другой труд — и при первой же возможности перекалдывают на чужие плечи (или умы). Так складывается иерархия предрассудков, когда в одну кучу валят производство и общение, деторождение, устройство быта, суеверия, господство и подчинение, расхожую мораль, право и религию... Развитие капитализма призвано разрушить эту пирамиду, сводя любые общественные явления к движениям рынка, формально уравнивая всех членов общества (рыночных агентов, продавцов и покупателей) и любые производства (поскольку производят они не предметы потребления, и даже не товары, — а абстрактные стоимости, капитал).

Чем меньше личностных различий — тем стабильнее рынок, тем удобнее комбинировать абстракции для обслуживания верхов. Только в таком соединении оторванных (отчужденных) друг от друга производителей, статистических единиц, возможно массовое товарное производство. Капитализм — общество одиночек, вне системы не способных ни к чему.

Критика слева — призывает разрушить рынок, прекратить всеобщее отчуждение и обезличивание, сделать людей полноценными субъектами деятельности — разумными существами, и никто ни за кого не в ответе. Критика из прошлого — ностальгирует по феодально-сословным различиям: люди заведомо не одинаковы, каждому по породе, от каждого — по велению долга... Барин в ответе за своих людишек — а те ищут у барина защиты и покровительства. И все друг друга любят. Как в старину, золотой век. Вот эту патриархальность и пытается возродить Сухомлинский — вместе с убогими представлениями о якобы природных корнях — что в его религии сливается с волей творца:

Когда бог создал мир, он научил все живые существа продолжать род свой — рождать подобных себе.

Говорит о любви Сухомлинский по самым разным поводам — как и все остальные носители языка. И даже иногда тянет на лирику:

Мастер-скульптор видит цветок в мертвом камне. Он начинает вырезать, и вот из глубины мертвой материи выступают очертания живой красоты — красоты рукотворной. Эта красота — из мрамора, но мрамор остается мертвым камнем до того времени, пока к нему не прикоснулись руки, одухотворенные внутренней человеческой красотой и талантом. Вот эта рукотворная красота и есть человеческая любовь.

Понятно, что одухотворять мир можно в самых различных отношениях, и это всегда совместный труд, взаимное одухотворение. Всякие там шуры-муры — лишь обстоятельства, которые разумный человек может создавать осознанно, не ограничивая себя ни одной из доступных форм. И никакие законники ему не указ — потому что он не род продолжает, он в ответе за весь мир и воспроизводит его во всех отношениях сразу. Животные не умеют любить:

Живут, продолжают свой род тысячи тысяч живых существ, по любит только Человек. И только тогда, если он умеет любить по-человечески, только тогда он — Человек.

Причем

любовь человеческую нужно воспитывать, творить, она не передается по наследству, как передается инстинкт продолжения рода.

И любить надо людей, их духовность, а не репродуктивную органику:

... наисложнейшая, невиданно напряженная, счастливая, благородная, одухотворенная высокими побуждениями работа — любовь к человеку.

При чем тут загс, пьянка после загса, роддом, снова загс, — и прочая животно-семейная атрибутика? Но в педагогических печенках намертво засело примитивно-деревенское: любовь = секс, секс нужен только для производства детей (однополый секс — извращение), детей рожать разрешено только в семье (а незаконнорожденные — всегда ущербны). Поскольку же людишки дикие — регулировать все это призван добрый барин его мудрой властью. Поэтому важно отследить момент — настроить малолеток, чтобы первым делом проконсультировались с патриархом, испросили барского согласия:

Наступает такая пора в духовной жизни мальчиков и девочек, когда, ощущая рождение чувства любви, они спрашивают, что такое любовь?

Тут великий педагог сентиментально вспоминает, как сам задавал этот вопрос своей бабушке — и она сочиняла для него романтическую сказочку... Правда или нет — не знаем: бабушка получается уж очень продвинутая, явно не от сохи. Ну, это их дела. А про себя мы думаем: чего ради нормальный человек будет задавать интимные вопросы постороннему дяде? Логичнее потихоньку присматриваться со своего края, пробовать разные разности — и вывести свою формулу, ни для кого больше не пригодную. Кто уже любит — не спрашивает. Кто еще не любил — тому не о чем спрашивать.

Закрадывается мысль, что своевременно информировать народ о половой любви полезно как раз для того, чтобы не пустить процесс на самотек: внушить сроки влюбленности — и ввести ее в уставные формы. Как не вспомнить Ларошфуко:

Иные люди потому и влюбляются, что они наслышаны о любви.

Система Сухомлинского с младенчества приучает слушать проповеди и исповедоваться. Интимность — понятие не деревенское. Там все на виду, а кто прячется — злоумышленник, эгоист. Вот и городские по старой привычке всюю обсуждают своих «френдов» с подругами или приятелями — но в городе хотя бы не бегут с докладом к начальству.

Патриархальная община требует полной открытости снизу вверх: для педагога коллектив — сплошное *reality show*, застеколье.²²

Но фишка-то в том, что ответить педагогу и нечего! — он сам не в курсе по поводу настоящей любви, духовности. Его спрашивают про любовь — а у него в голове одни постельные сцены! — просто кошмар... Нет, конечно, по жизни оно так часто и получается; а деревенские девки почти никогда не доходили до замужества непорченными — это старая традиция. В древности такие связи были чем-то вроде магического ритуала — и на Руси, и в Европе. Про античную оргиастическую обрядность тоже всем известно. А древнекитайская литература уже упоминает и восстановление девственности (у них одно время секс был национальным помешательством).

Давайте задумаемся: а почему молодежь почти всюду считает любовь всего лишь гарниром к траху? Причем зачастую даже не умеет отличить одно от другого. Ответ на поверхности: потому что они так воспитаны. Когда воспитатель (а также родители, и прочие начальники) общается с воспитуемым сверху вниз — это тоже трах, и в народе подобное воздействие на мозги так и называют. Вместо общения личностей — навязывание норм формального общения. Классовое образование — производство рабочей силы, а не разумных существ: важно быстренько выдрессировать зверушку, чтобы заставить ее приводить в движение орудия труда, согласно полученной от властей разнарядке. Производство таких же зверушек — отрасль экономики, наряду с прочими. Соответственно, на первом плане производственные отношения, а духовность — в качестве дополнительной стимуляции, контур управления и настройки. Вот вам и гарнирная любовь.

Все, что может предложить педагогическая практика, — банальная софистика, подмена термина. Вопрос о любви — а в ответ про правила размножения. То есть, совсем про другое — но под той же вывеской. Стоит ли удивляться, что юнцы, вместо того, чтобы упражнять дух в любви, — упражняются в примитивно-кустарных технологиях секса? — ибо учеба без связи с производством — напрасное времяпровождение: кто как не Сухомлинский всячески на этом настаивает? Ничему другому мальков не учат — а потом удивляются, что выходит криво. Была бы

²² Заметим, что детки таки не все идиоты — и умеют превратить вынужденную открытость в шоу, прикрывая истинные мотивы уместной имитацией. Педагог любит детей, играет с ними, как с куклами (+ *muñecos en la cabeza*), — а те лишь подыгрывают партнеру, инсценируют оргазм...

возможность — точно так же упражнялись бы и в сожительстве; но буржуазное право устанавливает для семейной жизни возрастной ценз (в дополнение к классовым ограничениям). Община по части морали еще строже — поэтому оттягиваются тайком, когда удастся сбежать от хозяйского глаза. Школа лицемерия. А главный лицемер вещает:

Не направляйте духовных усилий мужчин и женщин на обогащение «опыта любви».

Чем автоматически перенаправляет неопытных в постель — ибо любовь для него только секс, и «опыт любви» — соответственно. Разумному существу полезен разумный опыт — узнать о бесконечности ликов любви. Но преподать такую мудрость некому — вот и тянутся юнцы к внепрограммной литературе (вовсе не про тракторы или овощеводство!):

Юноши и девушки стремятся найти в поэтическом произведении большую, верную, идеальную любовь, стойко преодолевающую все испытания.

Великий детовед видит в этом только «интерес к интимной стороне жизни взрослых, к отражению ее в литературе и искусстве». Конечно, присутствует и это. Но еще не испорченные педагогами души не прочь задержаться на романтическом этапе, когда искусство не для полового образования — а для полноты чувств:

Под влиянием музыки юноши и девушки сознательно оберегают эти чувства от всего низкого, аморального.

Как музыка влияет на влечения — вопрос открытый, и есть на этот счет свидетельства совершенно противоположного свойства... Но что подлая педагогика портит нравы — это однозначно.

Задача школы — оберегать души детей от всего грязного и порочного в области чувств, противодействовать аморальным явлениям.

Оберегать — значит, подчеркивать, признавать господство. Разумная педагогика не ширмочки расставляет, ради приличия, — она занята устранением «грязного и порочного» из жизни, чтобы исчезли сами понятия грязи и порока. Аморально — навязывать юным примитивную мораль, опошлять движения духа сентенциями скотопромышленника:

Своим питомцам — юношам и девушкам — мы внушаем: моральное право на любовь имеет тот, кто умеет отвечать за будущее — за своих детей.

Не собираешься рожать — так и любить не фиг! И снова: «свои» дети, в противоположность чужим (с которыми можно не церемониться). Это

будущее зверушек, умеющих только огрызаться и размножаться. Неудивительно, что и критерии зрелости сводятся именно к этому:

Это новое выражается прежде всего в осознании юношами и девушками своего приближения к физической зрелости, которое проявляется в чувстве уверенности в своих силах, в переживании своей «взрослости».

То есть, умеешь всех пересилить — уже не дитя; начались поллюции или менструации — значит, дозрел... Но кто мешает человеку разумно поступать и без превращения в здорового бугая или ядреную телку? Взрослость как сознательное отношение к миру и к себе возможна в любом возрасте — и вовсе не обязательно во всех отношениях сразу. Совершенно независимо от мнения начальства. Но у Сухомлинского все по понятиям:

Проявлением уважения духовных и физических сил юношей и девушек, признанием их зрелости является, в частности, переход воспитателя в обращении к ним с «ты» на «вы».

Барин посмотрел — и одобрил: эти готовы, их перевести в загон для репродуктивных. Никаких иных оснований нет. Почему нельзя уважать человека прямо с рождения? Тем более в сфере духовного производства, где производственные отношения в какой-то мере формальны, и потому обращение на «вы» вполне уместно; даже если учитель подружится с учеником (и даже если дело дойдет до секса) — «тыкать» они будут наедине друг с другом, а в производственной обстановке формальности лучше соблюсти — тем самым подчеркивая уважительное отношение ко всем остальным, не выделяя любимчиков. В идеале, следовало бы подправить нормы языка — отменить языковую почтительность и прочую политкорректность; когда-то у арабов местоимения второго лица (единственного, множественного и двойственного числа) были одинаковы для всех — потом европейцы навязали свой этикет... В европейских (и русских) семьях издревле был обычай обращаться к старшим на «вы»; однако, скажем, в отношениях вассала и сюзерена такая почтительность действует в оба конца! Так почему не призвать взрослых с самого начала обращаться к детям (без разделения на своих и чужих) как к равным себе, партнерам по общему делу? Нет, властям нужно вбить клинья между различными группами рабов — научить их надменности и снисходительности; тогда любая власть будет казаться естественной и по природе необходимой — и надо слушаться...

Традиционно, образование в области (физиологически понятого) интима сводится к указаниям на природные различия мальчиков и девочек, с обсуждением клеточных механизмов зачатия и правил интимной гигиены. Сухо и наукообразно, чтобы — не дай бог! — не разбудить чувственность.

Обо всех непонятных подростку явлениях, связанных с половым созреванием, нужно говорить с мальчиками и девочками отдельно.

В каком-то смысле это разумно: существует физиология полового созревания — и было бы странно говорить со всеми одинаково, без учета индивидуальных различий. Но практически важны не яйцеклетки и хромосомы — а умение управлять биологическим телом, содержать его в рабочем состоянии для использования по другим — не биологическим, а культурным надобностям. То есть, сознательно относиться к телу — одному из инструментов духа. Зажатое дурацкими ограничениями тело не способно стать полноценным носителем разума. Если вовремя не поесть — трудиться несподручно: интенсивной нагрузки организм не выдержит. Точно так же, спермотоксикоз (или гормональный шторм) — не лучший помощник в сознательной деятельности: физиология пола оттягивает на себя ресурсы и препятствует выработке других, культурно обусловленных функций. Поэтому крайне важно вовремя научить людей адекватным реакциям на физиологические события — но не по природной необходимости (по нужде), а в соответствии с развитием деятельности, общественного производства (в том числе духовного). Сначала перед нами стоит великая культурная задача — а потом может стоять и что-то другое. Как (потенциальные) носители культуры — мальчики ничем не отличаются от девочек, и разговаривать о телах с ними можно совершенно одинаково; более того, мужчинам полезно ясно представлять себе характер женских проблем, и наоборот, женщина просто обязана на какое-то время влезть в шкуру мужчины. И тем, и другим, надо знать о возможных физиологических влияниях и уметь снимать напряжение, в том числе помогая друг другу. А что у дикарей?

И этот глубоко интимный разговор (с мальчиками — разговор мужчины, с девочками — женщины) должен не углублять интерес к половой зрелости, а, наоборот, сглаживать, облагораживать его.

Вот так. Подчеркнуто развести (в духе всеобщего разделения труда) женщин и мужчин на основании одного лишь телесного (формального) различия — без малейшей увязки с движением духа. Фактически, это как

раз и подогревает нездоровый интерес к половым играм — извращенная форма восстановления единства, на чисто физиологической, животной основе, вместо нормальных человеческих отношений. То, что люди могли бы делать вместе, — становится противоположностью задач мужчин и женщин, не единством, а вечной борьбой, а потом и рыночной конкуренцией. Все внимание к телу! — к вещи, которую можно выгодно продать — или отнять силой.

Далее, вместо полового образования, выработки полезных умений, предлагается всячески подавлять сексуальность, загонять ее в клетку и тем самым удобрять почву для неврозов, психических расстройств; надо ли говорить, что даже без клинического обострения такие внутренние зажимы существенно влияют на характер и протекание деятельности, разрушают сотрудничество в коллективе, за которое на словах ратует Сухомлинский? Если вы искусственно разорвали человеческие связи, растащили мужчин и женщин, как боксеров по углам ринга, — вам придется выстраивать их взаимоотношения как-то иначе, не разумно, не по-человечески, — а по классовой логике, как право и религию. Людей толкают друг к другу внешней силой, принуждают совокупляться в предписанных обществом формах — а такой отчужденный секс не восстанавливает материальную опору духовности, а наоборот, раздирает ее все новыми противоречиями.

Как было бы разумно? С ранних лет раскрывать человеку его место в мире — воспитывать как носителя разума, творца, воплощение духа. Тогда просто незачем стыдиться органических побуждений: мы же не отождествляем себя с биологическим телом, а лишь используем его, превращаем в орудие разума. Никаких принципиально новых проблем половое созревание не приносит: достаточно вырастить понимание того, что физическая близость без соответствующего духовного родства может быть и необходима, и даже полезна (для всех), однако не дает того удовлетворения — ни физиологического, ни духовного — как *человеческая любовь*. Не отношения мужчины и женщины — а общение людей. Совместное творчество в самых разных сферах — включая телесную близость (которую вовсе не обязательно сводить к половому акту). Когда нет внешних ограничений — откуда возьмется рыночное отношение друг к другу, исключительное «право» на секс? Важно, чтобы партнеру было хорошо — и ради этого не грех и поспособствовать разнообразию связей. Почти как у Лукреция:

Влаги запас извергать накопившийся в тело любое,
А не хранить для любви единственной, нас охватившей...

С тем отличием, что и такую разрядку любящие поставят на службу любви, — сделают одинаково нужной и приятной обоим.

Еще раз: чтобы воспитать разумное отношение к телу, надо как можно раньше ввести человека в атмосферу одухотворенного труда, без различия полов и возрастов; тогда, впрочем, и воспитывать ничего не надо — и обсуждать детали можно без дебильных ужимок. Никакой пикантности во всей этой физиологии нет — и соблюдение сексуального режима ничем не отличается от аккуратного туалета или чистки зубов. Когда есть медицинские проблемы — их тоже решать разумно, без преувеличенной терапии и раздувания трагедий.

Слышим вопли защитников безмятежного детства: не позволим развращать малолетних! — извольте чтить уголовный кодекс! Дикое ханжество. Начинать половое воспитание в школе (и только в старших классах) — это поздно. Взрослые заведомо в курсе, что про всякие органы детишки давно уже знают: еще в ясельной группе они уже пощупали друг друга и подсмотрели немало занимательного у взрослых. Бывшие дети сами через это прошли. В наши дни — пуританство совсем смешно: поток порнухи в интернете не иссякает — а с компьютером детишки умеют обращаться лучше родителей, никакие защиты не спасут. Но буржуазное право остается на уровне первобытных абстракций — и говорить с детьми про секс учителю-мужчине просто опасно: за простую внимательность к девочкам уже можно получить срок. Женщинам не проще: скандальные дела по фактам секса с учительницами были еще в советское время, и только убогие старушки (пока?) вне подозрений. Чтобы не конфликтовать с законом, остается лишь замалчивать всем известное, лицемерить и лгать:

Между нами, воспитателями, и нашими воспитанниками был молчаливый уговор: нам известно, что подростки знают об интимных отношениях между мужчиной и женщиной, но делаем вид, будто это нам неизвестно; подростки знают о том, что нам, взрослым, известна их осведомленность, но тоже делаем вид, что они этого не знают.

Тогда, вроде бы, не так страшно. Но тут во весь рост встает проблема последствий бескультурного секса — окультуривать который законом запрещено. И приходится изворачиваться, блюсти политкорректность — но стращать, запрещать и предупреждать:

Избегая лишних разговоров о том, что такое любовь и что бывает результатом естественных интимных отношений между мужчиной и женщиной, мы считали необходимым, чтобы мальчики и девочки с

глубоким чувством ответственности относились к своим взаимоотношениям.

Если ничего не дать взамен — все эти увещевания превращаются в чистейшую абстракцию: теория приживается лишь на достаточном эмпирическом базисе — и нуждается в ярких примерах практического применения. Когда людям есть, чем заняться, — они забывают про физиологию. Вплоть до того, что иной раз приходится напоминать о поддержании телесного здоровья. Отчасти метод Сухомлинского это учитывает: жизнь школьников до упора насыщают действием, она расписана чуть ли не по минутам — и в этом водовороте уплыть в эротику просто некогда. Но вопросы пола в суете не растворяются! Вытеснить — не значит снять (в гегелевском смысле слова). Камни оседают в глубине души — и ей уже не воспарить. Тем более, что воспитательные действия, по большей части, абстрактны, одинаковы для всех — и неприменимы ни к кому, расписаны не по этапам духовного развития, а по формальным возрастам... Ребенок подчиняется законам общины — но ищет отдушин, и сексуальность как форма духовного протеста становится еще притягательнее: либертинаж — извращенная форма свободы.

В секте Сухомлинского любовь — страшное табу, и даже пометчать вместе, поделиться впечатлениями — уже преступно:

О любви говорите вы, отец и мать, а они пусть молчат. Лучший разговор юных о любви — это молчание.

Скорее, как раз таким педагогам — лучше бы помолчать... Но они узурпировали власть — и право пудрить мозги:

... как воздух, молодым необходимы разумные поучения, разумные наставления, разумный рассказ о моральной красоте человека.

Разум не поучает и не наставляет. Разум позволяет трудиться вместе, духовно расти друг через друга. Религиозная проповедь — против разума. Тем более, когда в одной куче «слово о любви, о браке и рождении детей». Любовь не имеет отношения к браку и размножению. Браку безразличны человеческие отношения и количество детей; его функция — раздел собственности. Деторождение возможно независимо от брака; среди первых декретов советской власти (сразу же после революции) — признание внебрачных детей, и это всегда расценивали как великое преимущество социализма! А Сухомлинского такой поворот совсем не устраивает...

В том и суть этой чрезвычайно нежной сферы воспитания, что без одухотворения благородными чувствами любви человек только похож на человека, но еще не человек. Труднейшая страница человеческой мудрости — это постичь умом и сердцем, что значит любить так, чтобы был счастлив тот, кого ты любишь, чтоб счастливым приходил в мир тот, кого порождает любовь.

Как обычно: начинаем за здравие — кончаем за упокой. Любовь рождает только любящих — все остальное в какой-то другой деятельности. Но сказал господь: *плодитесь и размножайтесь!* И назвал это любовью.

Когда я рассказываю завтрашним отцам и матерям о любви, я стремлюсь утвердить в их сердцах чувство самоуважения и чести.

Поэтому видим в людях мы только отцов и матерей: типа, оцениваем племенной скот. И называем признаки породы самоуважением и честью. Тем самым лишний раз унижая любовь: демонстрация приверженности догматам общины — это уже не любовь, а пошлый выпендрег.

Забвение этой истины ведет к тому, что из стен школы выходят 17–18-летние дети, созревшие физически для того, чтобы рожать детей, и не созревшие духовно, чтобы любить и воспитывать. Да, любить и воспитывать — только в единстве этих двух вещей состоит создание человека — самый сложный и самый радостный, самый тяжелый и самый счастливый труд.

Создание человека — это не кустарщина под кустом! Это общественное производство; его формы можно и нужно разумно регулировать. Чтобы не случайно плодить тела, а обеспечивая общественную потребность. Соответственно, воспитанием занимается не абы кто — а общество в целом; это никак не зависит от технологии воспроизводства органики. По Сухомлинскому:

Истинная любовь между матерью и отцом — важнейшая духовная сила, воспитывающая ребенка.

А у кого нет отца или матери (или ни того, ни другого)? Уже не люди? Но даже при родителях — почему духовной силой не может стать другая любовь — скажем, пример грамотно предохраняющихся любовников, свободных от юридических (рыночных) пут и обывательской морали? Дело педагога — показать богатство возможностей; а решать человек будет сам.

Большая радость для школы, учителя, когда мать и отец — наши бывшие ученики — приводят в 1 класс свое дитя; и мы, педагоги, убеждаемся, что воспитанники наши в своем творении сумели не

только повторить себя, но и подняться еще на одну ступеньку людской красоты и нравственной доблести. Это еще и еще раз убеждает нас в том, что в школе нужно говорить о любви человеческой, как о большой, нелегкой работе. Вот она перед нами, эта работа,— в образе малыша, который смотрит на мир широко открытыми глазами.

Глупое сюсюканье! Ребенок — человек, а не имущество семьи. В школу его приводит общество, а не родители. Семья тут вообще ни при чем. Велика доблесть — вырастить отпрыска до школьного возраста! Можно подумать, он без родителей так и останется дошкольником... Но у Сухомлинского собственная гордость: как же, барин благословил, — вроде как поучаствовал в создании ребенка... Радует в нем не человек, а хозяин, которому удалось удержать общину под контролем, остаться у власти еще на срок. Принудить народ

... творить свои собственные силы, силы своей души для любви, которую нужно пронести через всю жизнь, сберечь от бурь и лихолетья, донести до смерти.

Высокопарные словеса означают лишь одно: повязали вас до гробовой доски — и не отвертитесь! Извольте терпеть:

Уметь любить человека, с которым общаешься повседневно, — это бесценное человеческое умение, которое нам нужно воспитывать и у девочек, и у мальчиков.

Чтобы не наткаться друг на друга каждый день — это не по-деревенски (моряки, геологи, вахтовики, — уставом не предусмотрены). Чтобы спали супруги в разных кроватях — это еще Ленин запрещал [38, 221]. Про межпланетную любовь — и подумать страшно! И уж тем более невообразима любовь виртуальная, когда супруги вообще друг о друге не знают — но жить друг без друга не могут, и общество без этой духовной связи далеко не уйдет... Искусственное оплодотворение позволяет родить от неизвестно кого — и никаких юридических последствий. Вынашивать ребенка — тоже на любителя: есть техника эрзац-материнства, с пересадкой оплодотворенной яйцеклетки. Но все это в запредельном мире, куда порядочным общинникам ходу нет. Поэтому — думайте о смерти! Это «естественная» граница семейного «счастья», а любовь — нечто потустороннее:

Вот что такое Любовь. Это вечная красота и бессмертие людское. Мы превращаемся в горстку праха, а Любовь остается вечно...

Нет! Не мы бережем любовь — любовь бережет нас. Любовь делает человека бессмертным; любимые не умирают — они живут в других

телах, или вообще без тел. Люди — не прах; они — любовь и свобода, и недействительный паспорт — не повод изменить себе, перестать быть. Не любовь «пронести через жизнь» — а жить для любви, использовать любые тела, чтобы остался дух.

Школа Сухомлинского — могильник любви. Двuruшничество на каждом шагу. С одной стороны, как и положено:

Нет каких-то специальных воспитательных мероприятий, призванных формировать высоконравственные взгляды на любовь.

Но на деле — бесконечные проповеди, якобы про любовь:

Рассказы о любви — это часы счастливейшего нашего духовного общения. Этих часов мальчики и девочки ждут с затаенными надеждами

С одной стороны, «о любви нужно говорить высокими, возвышенными словами» — но разговоры лишь о правах и обязанностях:

Счастье любви — в большой ответственности за человека.

Счастье — в любви. Когда не надо думать об ответственности. Когда можно просто любить. Об этом можно вообще не рассказывать. Но если и словами — их координата по вертикали совершенно не важна: говорить о любви надо с любовью. Вспомним Гаргантюа: к дьяволу куртуазность и жеманное изящество! А Сухомлинский одним боком ратует за «духовную основу любви» — а на деле сводит ее к браку и опасному сексу:

Ощутил половое влечение, уже стремится удовлетворить его, считая, что это любовь. Если нет ничего, кроме полового влечения, то в супружеской жизни будет только умение рожать детей.

Влечения, супружество, дети — вот и все «возвышенные слова». Кто кому и сколько должен — рыночные кошмары.

Ханжеское отношение к половому воспитанию — выводит его за рамки культуры, насаждает бескультурие.

Педагогическая мудрость полового воспитания состоит в том, чтобы как можно меньше говорить о физиологическом во взаимоотношениях полов.

То есть, это можно оставить «улице», заменить учительский авторитет вульгарным опытом уже приобщившихся к «взрослости». Девочки пробуждаются раньше, и тянутся к старшекласникам; чуть позже им нравится чувствовать себя наставницами сверстников, подогревать раннее сладострастие, играть в обольстительниц. Это могло бы стать частью полноценной, свободной и разнообразной человеческой любви;

но в условиях пуританской общинности и тюремных запретов — остается источником дико животного отношения к телу: подчинение физиологии — вместо разумного использования возможностей. При этом отличить телесные позывы от любви человек не умеет: политика и педагогика заставляют ставить знак равенства между биологией и духом, равно как и между животным размножением и правовым (то есть, экономическим) статусом. Вот и получается, что наивные граждане, раз познав половую близость (и получив неожиданное удовлетворение), бросаются в ЗАГС, считая, что чудо любви уже свершилось, — а на самом деле ничего еще нет, и все рухнет через какое-то время, потому что производство не вылепить из органики — оно требует минимальной культуры труда. Для тех же (чаще всего, женщин), кто не представляет себе половую близость как сугубо физиологический акт, это отоляется психозом, и может быть даже отсутствием детей, — вопреки всему, ради чего оно начальством затеяно. Но Сухомлинский предпочитает делить, а не объединять; общая граница, вроде бы, тоже общность... — но общение возможно только через таможенню.

Исключительно важна тут гармония физического развития и духовной жизни. Если мальчик открывает в девочке только изменения в ее внешности, если ему попадают на глаза только вторичные половые признаки — это уже щель, в которую прорывается яд цинизма.

Интересно, а что еще ему может попадаться на глаза? Что на виду — то и видим. Чего не видим — о том догадываемся. Например, про первичные половые признаки. И тогда «щель, в которую прорывается яд цинизма», — превосходный эротический образ, достойный маркиза де Сада! Каким образом «мальчик» обнаружит за мягкими выпуклостями талант педагога или умение вести хозяйство? Не попробуешь — не узнаешь...

Мальчик должен видеть, чувствовать в девочке прежде всего ее ум, духовные потребности и интересы, и самое главное, ее высокую требовательность к человеку, чувство собственного достоинства, гордости, неприкосновенности.

В смысле, давайте воспитывать ясновидящих? Чтобы созерцать не тела, а витающие в эмпириях самосущие идеи? Как выглядит ум? Каков он на ощупь? Каким местом чудо с косичками изображает потребности и интересы (тем более духовные)? Опять же, когда их не хватает — это что, повод отказаться от любви, переметнуться к продвинутым девам, у которых тела не особо аппетитные, с достоинствами прокол, — и

потому гордиться остается лишь вынужденной неприкосновенностью? А как насчет развития духовности через любовь? Далее полная жесть:

Прежде чем полюбить в девочке женщину, мальчик должен любить в ней человека, пережить чувство восхищения, гордости, одухотворенности высшей человеческой радостью, — радостью интеллектуального, эстетического общения человека с человеком.²³

Здорово! В существе женского пола, оказывается, есть и женщина, и человек — и можно любить их по отдельности. Опыт легко обобщается и на недоразвитый пол; вот, из диссертации:

Перед тем как полюбить в девушке женщину, в юноше мужчину, полюби в ней, в нем настоящего человека — это ведущая идея поучений, с которыми мы обращаемся к своим питомцам.

И еще раз, в другом месте:

Чтобы быть готовым полюбить девушку как женщину, молодой человек должен приобрести моральный опыт уважения ее как одаренной, самобытной, мудрой, независимой личности.

Спрашивается: кто решает? Куда обращаться за сертификатом? Какие сдавать экзамены? Противопоставляя половую любовь «моральному опыту» — мы разделяем их и во времени: одно строго следует за другим, как монотонное восхождение от первого класса к десятому. На фоне деревенского пейзажа проповедь исключительно интеллектуального и эстетического общения — это очень круто. В духе «изящной» (*précieuse*) словесности XVII века. Романтические беседы пастухов и пастушек. Опять задумываемся: кто у Сухомлинского бабушка? Послушать таких теоретиков — телесные ласки и прочее общением не являются, и никак не могут служить источником «высшей человеческой радости». Единство духовного и физического разрывают даже не по-деревенски (под давлением внешних зависимостей), а на совершенно мещанский (буржуазный) манер: интеллект — это *хорошо*, телесность — *плохо*; духовное — от бога, физическое — от черта (хотя по божественному замыслу у человека изначально таки предусмотрены органы полового размножения!).

Любить можно *только* человека. И не в ком-то — а сразу во всем, целиком. Не в каких-то отдельных отношениях — а в неразрывности всего, что с этим человеком было, есть или может быть связано.

²³ Этот кусок почему-то выкинули из пятитомного собрания трудов; воспроизводим по изданию 1979 года.

Понятно, что у Сухомлинского эвфемизм «любить как женщину» — замена неполиткорректного слова *секс*. Давно испорченные ханжеским воспитанием недоросли возбуждаются даже от слов — и приходится выбирать выражения. Но если не воспитывать — так оно и останется на остаток жизни. Компенсировать недостаток человеческой половой жизни сфабрикованные тысячами сухомлинских моральные уроды будут семейным или уличным насилием, властью за деньги. Дети чувствуют эту вонь со всех сторон — и готовы получить хотя бы эрзац образования, намек на возможность любви. Потому и спрашивают иной раз. Ищут поддержки. А им талдычат про коллектив...

Призывы не травмировать детскую психику и ограждать знающих от знаний — верный способ извратить знание, выставить его постыдным и запретным, вызвать нездоровый (неуместный и преувеличенный) интерес. Но беседовать надо не о сексе — о любви. Обо всех ее ликах, во всех возрастах. Чем больше перед человеком разумных путей — тем слабее притягивают неразумные. А разум — это свобода. Стоит загнать любовь в формальные рамки — она тут же испаряется, вырывается из них, оставляя только тень. Любить могут только люди — а не «члены» (семьи, коллектива, партии, общины, организма, класса). Для «мудрой власти» доброго барина — это неподходящий контингент. Педагогу нравится изображать мудрость: он общается не с равным ему человеком, не участником общего дела, — а с сырьем для изготовления «ячеек общества», по спущенному свыше шаблону. В этой грязной работе человеческая любовь — ненужная примесь, грязь, от которой людишек надо избавлять. Задача вынесена в название раздела: *«нравственное облагораживание чувства любви и подготовка к браку, отцовству и материнству»*. Оказывается, любовь, величайшее достояние человека разумного, надо «облагораживать» мерзостями брака, животностью отцовства и материнства! Чтобы не вздумали чувствовать себя людьми, свободными от начальственных предписаний.

Я говорил мальчикам и девочкам: «Вы будущие отцы и матери. Через несколько лет у вас будут дети, вы будете думать об их воспитании так, как сейчас о вас думают ваши отцы и матери. Помните, что взаимоотношения мужчины и женщины ведут к рождению нового человека.

Получается, что мужчина и женщина отдавались друг другу столько раз, сколько у них есть детей! Как «повзаимоотношались» — так сразу и произошло. Безрезультатные забавы — грех! С другой стороны, почему

о детях должны думать родители, а не общество в целом, которое, собственно, и ставит задачу поддержания поголовья биологических тел? На всякий случай детишек предупреждают:

Это не только биологический акт, а прежде всего великое человеческое творчество.

Кому-то сразу же хочется поднять руку и спросить: шеф, ты о чем? — про половой акт или рождение ребенка? Можно понять и так — и так. На что проповедник возмущенно вещает:

Только циник и негодяй может думать об этих взаимоотношениях как о чем-то грязном».

Кто бы говорил про грязь! Судя по школьному канону, кавалер исключительно движением мысли (хотя и сопровождаемым иногда специфическими телодвижениями) внедряет сперматозоид в яйцеклетку здесь же присутствующей дамы — и ее мысленное благоволение (господи, какой оргазм? — ну что вы!) запускает процесс безудержного деления клеток — ни про какие аборт мы и не помышляем, и даже презервативы — от нечистого. По этой теории сексом можно вообще не заниматься — а только глядеть друг на друга, как в куртуазной сказочке педагоговой бабушки. Забавно, что в наши времена зачатие и в самом деле не требует «взаимоотношений»: достаточно сугубо медицинского вмешательства, с использованием консервированного генетического материала. Еще бы додумались избавить женщину от родов — чтобы уж совсем духовно (индустриально) производить на свет подлежащие социализации тела... Тут патриарх встает на рога и повторяет тысячи раз пропетую всевозможными попами агитку: нельзя! — женщина должна рожать по всей строгости, чтобы жизнь медом не казалась — и чтобы прочувствовать всю полноту ответственности за репродуктивное творчество. И за это мы возведем ее в ранг божества — и будем на ее примере отвращать молодежь от неплановых экспериментов:

Еще раз подчеркиваю: беседы о половой зрелости не разжигают нездоровой пытливости лишь тогда, когда школа одухотворена культом матери.

Кто слишком любознательный — тех сразу послать к какой-то матери. Чтобы не заморачиваться с превращением нездоровой пытливости в здоровый интерес. В этой религии мать — бесполое существо, идея плодovitости как таковой. С христианством Сухомлинский решительно порывает: иудейско-христианский демиург у него «дрожит от страха и

зависти», он «немогущий, но злой и мстительный старик», — и, когда злится, «руки дрожат, изо рта пена летит, глаза на лоб лезут»... В конце концов сбегает от людей — и люди становятся (кем бы вы думали? — нет, не свободными людьми, а всего лишь) богами.

Но нам, по большому счету, без разницы, кому кланяться. Хочется воскресить первобытность? — на здоровье. Во всякой религии народ почитает не богов — а вполне земного барина, который распоряжается их судьбами здесь и сейчас. Объявили мать богиней — она больше не человек, а всего лишь абстрактный символ общественного неравенства, господской власти. С тем же успехом можно провозгласить и культ отца (вкуче с сыном и святым духом), и (над всеми прочими культурами) культ (нраво)учителя — который один умеет отличить правильное поклонение от неправильного (а о том, чтобы вообще никому не кланяться, вопрос вообще не стоит). Где-то еще выше — непогрешимый генсек (царь, президент, или еще кто-нибудь в этом роде), преданность которому называется любовью к родине. Учитель — его наместник на селе, призванный нести в массы политический кретинизм:

Вечно живым и ничем не заменимым источником патриотических чувств и убеждений является любовь сына и дочери к матери и отцу и любовь матери и отца к детям, взаимная преданность и верность, создающие честь семьи и рода. Честь отцов, дедов и прадедов, гордость моральным достоянием семьи — все это идейные, нравственные, гражданские корни человеческой личности, все это — первая колыбель гражданственности.

Истоки патриотических чувств и убеждений будут чистыми и неиссякаемыми при условии, что в семье и в школе царит культ Матери и Отца, культ Дедушки и Бабушки

Главное в этом тонком состоянии детских и юношеских душ — *долженствование и ответственность.*

Полный букет первобытности, диких суеверий — культ рабства. Когда цивилизация разрывает эту семейственно-родовую паутину — это великий шаг вперед по пути общественного прогресса, несмотря на все издержки рабовладения, феодализма и капитализма. Цивилизованный человек не свободен — но он противостоит классу, сословию, обществу в целом, а не другому человеку, — и появляется лучик надежды: способность любить себе подобного — возможность равенства и свободы. Но об этом мы поговорим позже — а пока лишь отметим, что гражданственность и патриотизм в интерпретации Сухомлинского —

частный случай патриархальности, жесткая структура власти, по сравнению с которой этологические иерархии — верх динамизма. Утопия Сухомлинского выращена как кристалл — и она выталкивает человека даже из мира живого, превращает его в неодошевленную вещь.

Культ несовместим с разумом. Пусть твоя мать пьяная шлюха или распоясавшаяся садистка — но она таки мать, и будь добр кланяться ей в ножки. Пусть твой отец последняя свинья или маньяк-убийца — но он твой отец, и ты обязан его чтить и повиноваться. Мать больше подходит на роль идола, поскольку отцовство иногда не удается установить. Чисто биологическая случайность поставлена над духовным родством — дух унижен, разжалован в сводню, в лагерную охрану. В любом случае, отчуждение человеческого от человека начинается с запертой клетки.

Мы внушаем юношам и девушкам мысль о том, что любовь — это преддверие материнства и отцовства.

Первый этап: запомните, зарубите на носу, что вы всего лишь скот, и ваша обязанность — давать приплод, обеспечивать хозяйство рабочей силой — а господ игрушками. Размножается скотина не сама по себе: заводчик блюдет чистоту породы — товарное качество. Отсюда второй уровень культа: отец и мать — не случайная связь, а муж и жена.

Главное в жизни тех, кого мы десять лет учим и воспитываем в школе — творение человека. Ведь всем придется быть мужьями и женами, отцами и матерями. Это главное в их жизни.

Дважды подчеркнуто: жизнь людей — только для племенных нужд. Собственно человеческого здесь еще меньше — поскольку личность каждого подчинена не только биологии, но и родовому коллективу — семье (желательно большой, в несколько поколений, как модель властной иерархии классового общества). Деторождение допускается только в браке; внебрачные дети — материал порченный, и привести их к воспитательным стандартам намного труднее. Разумеется, никаких разводов! Ребенок навязан родителям как повод для сохранения семьи и, следовательно, обезличивания ее членов; именно поэтому общество не намерено делать воспитание полностью общественным.

Жизнь решительно отвергла утверждение, что будущее принадлежит оторванной от семьи школе-интернату. Все, что ослабляет повседневное участие семьи в воспитании детей, ослабляет и школу.

Другими словами, чем больше свободы — тем сложнее властям. Ребенок легче поддается дрессировке, если в школу он приходит, чтобы

вырваться из семьи; точно так же, семья дает ему относительную независимость от школы — и может диктовать свои правила. Все вместе вбивает в подсознание коммерческий дух, склонность играть на чужих слабостях и беззастенчивую подлость во имя минутной выгоды.

В этой картине взаимодействие семьи и школы воспроизводит на уровне сельской общины взаимодополнительность права и религии в классовом (а других не бывает) государстве:

Гармоническое, всестороннее развитие возможно только там, где два воспитателя — школа и семья — не только действуют заодно, ставя перед детьми одни требования, но и являются единомышленниками, разделяют одни убеждения, всегда исходят из одних и тех же принципов, не допускают никогда расхождений ни в целях, ни в процессе, ни в средствах воспитания.

Разумеется, это утопия, беззастенчивая пропаганда. По жизни, политики и попы постоянно занимаются перетягиванием одеяла — это одна из популярнейших тем мировой литературы, с древнейших времен. При том, что и те, и другие служат интересам господствующего класса, и преобладание гражданского или светского начала в жизни общества определяется экономическими соображениями. Но об этом вовсе не обязательно знать лакеям.

Серьезной задачей семьи и школы является формирование у воспитанников нравственной готовности к отцовству и материнству. Без этой готовности невозможно представить всестороннее развитие человека.

Тут нам открытым текстом говорят, в каком смысле следует понимать гармонию и всесторонность: речь идет о *воспроизводстве* классовой культуры, о сохранении властных структур, закреплении общественного неравенства. Все, что способно разрушить эту идиллию, не должно закрепиться в качестве элемента культуры — и надо активно выпалывать ростки крамолы, как в экономике (семья), так и в духовном производстве (школа). Это педагогика рабства — против разума.

При таком раскладе настоящая, человеческая любовь — бревно в глазу. Как только люди начинают интересоваться друг другом, а не текущими репродуктивными задачами, — никакие боги им не указ, и в этом смысле религиозная сказочка сухомлинской бабушки совершенно права. Но та же сказка указывает и на стандартный механизм борьбы с духовностью: надо одно рабство заменить другим, превратить любовь в формальность, подменить свободу властью, возвышающей одних людей

над другими, созидая новых богов. На это и направлена педагогика Сухомлинского, узурпация права говорить от имени любви:

Нравственная подготовка к созданию семьи на основе подлинной любви и дружбы — наиболее тонкая сфера всестороннего развития, в которой тесно соприкасается глубоко личное и общественное. В благородстве и нравственной чистоте любви выражается гражданский облик человека — мужа, жены, отца, матери. Высоконравственная, истинная, глубокая и верная любовь и дружба — фундамент семьи в социалистическом обществе.

Заметьте: ни слова о том, что прежде всего надо быть человеком, разумным существом! — и только на этой основе думать о возможных формах экономического и духовного производства. Любовь — всего лишь фундамент семьи! Только в качестве семьянина и репродуктивной силы вы нужны этой стране:

Мать с младенцем на руках, отец, ведущий сына за руку, — то же самое, что пограничник на своем посту.

Миллионы семей — это миллионы тончайших корешков, питающие вечное дерево, имя которому — Отечество.

Став мужем, женой, вы стали гражданином вдвойне, потому что создали семью.

Теснейшая связь классового и семейного рабства — как на ладони. Плоды такого воспитания мы видим на каждом шагу. Встречаются старые знакомые — о чем они будут разговаривать? Нет, не о поэзии, не о творческих планах, не о строении вселенной... Снова и снова — треп о семейных делах и о работе. Кто-то женился или вышел замуж — всеобщие поздравления; у кого-то что-то родилось — все в восторге; повысили в должности или окладе — удивляются и завидуют... Сюда же примыкают классические темы: здоровье и погода (с экономическим и семейным уклоном). Госка.

И после этого нам будут говорить о свободе! Поначалу сводим любовь к эмоциям и внешности:

Любовь — сфера исключительной эмоционально-эстетической суверенности.

Потом уточняем:

Любовь, брак, деторождение — самая гордая и самая ранимая, самая скрытая и самая уязвимая область человеческой свободы.

Оказывается, любовь сама по себе недостаточно суверенна — на нее позарез необходимо навесить брачные узы и родительские обязанности!

Брак без детей или дети без брака — тоже не по понятиям. Велено отождествить любовь с производством зверушек:

Будучи сферой личной и неприкосновенной, любовь в то же время глубоко отражается на жизни общества, потому что она творит детей.

Верх пошлости: любовь сводится к сексу, чисто животной копуляции. Но даже такая «свобода» — лишь по указке сверху:

Самая красивая человеческая свобода является в то же время самым строгим и неуловимым долгом перед обществом.

Как животных разводят запуская в клетку самца и самку. Но верх дрессировки — выработка рефлекса на мнение начальника: если что-то может ему не понравиться — это противно и рабу, и с такими позывами зверушка решительно борется:

Подлинная человеческая свобода и красота выражается в том, что человек сам решает, пожелать чего-то или не пожелать, заявить ли о своих желаниях другому человеку или строго и мудро подавить их в себе.

Чтобы не подумали, что действительно сам решает, — авторитетное разъяснение:

Но решения принимаются человеком как членом общества. А из этого вытекает, что и воспитание нравственной чистоплотности и красоты в сфере любви заключается прежде всего в воспитании нетерпимости к недостойным человека социалистического общества желаниям: нравственно воспитанный человек брезгливо отвергает и подавляет их в себе и ненавидит в других.

Под животноводство подвели общенациональную идею: в постель надо падать с красными флагами и пением *Интернационала*... Кто-то наверху пропишет, что чего достойно, — и спустит на рядовую общественность, подобно заповедям моисеевым: *не возжелай*... И вот это раболепие предлагается называть свободой! Религия всегда насильствовала язык, придавая обычным словам прямо противоположные значения. Секта Сухомлинского — не исключение. Но здесь политическая порнуха так и прет из всех щелей:

Распущенность, стихийность, необузданность желаний — большой моральный порок, который приносит несчастье не только тому, кто сам не воспитан, но и обществу. Благородство, красота желаний — большая духовная сила, воспитывающая детей. Там, где нет этой красивойшей духовной силы, человек становится животным — вот что опасно!

Духовность — сводится к правоверности, вместо разумных желаний — их обуздание (конечно же, исключительно в интересах потомства); благородством называют животность, а животное — человеком:

Мы придаем исключительно большое значение тому, чтобы наши питомцы были людьми высокой культуры желаний. В этой сфере воспитания мы видим становление морального благородства будущих отцов и матерей. Воспитание хорошей матери, хорошего отца, а значит и хороших мужей и жен — по существу одна из самых важных целевых линий работы школы...

Клиника. Не надо быть людьми — только родителями, и только в супружестве, — и желать правильно, как предписано законодателем, — все культурно (благопристойно), — и это хорошо...

Свободная, человеческая любовь — может принимать любые формы и столь же свободно от них отказываться; любящим дела нет до моральных, правовых и религиозных условностей — они творят друг друга, они становятся разумными в этом общении, и других путей к разуму нет. Свободный человек может участвовать в производстве каких-то тел — и в их социализации; это никак не зависит от брачного статуса. Люди любят друг друга — а не способность деторождения. Если потребуется — будут дети; однако вовсе не обязательно сажать их себе на шею — в общественном производстве всему свое место: делать шурупы — не значит самому их закручивать. Опять же, разумно устроенное общество позаботится, чтобы освободить человека от телесного рабства — и окончательно отделить рождение детей от любви. Обществу все равно, кто чей отпрыск, — для него все одинаковы, всем предоставляются равные условия индивидуального развития — и никому нет дела до генотипа или экономической роли.

В религии Сухомлинского — как и в христианстве — любовь тождественна долгу, обязанности, подотчетности верховному существу, в качестве которого выступает отнюдь не любимый человек, а рыночный фетиш, хозяин, «организатор» производства. Говорящее орудие ставят на конвейер, прикрепляют к станку, — и оно (совершенно добровольно) работает, как предполагается технологией; малейшее отклонение, выход из режима — это авария, и на выходе брак (в обыденном, а не в семейно-правовом смысле). Точное исполнение производственных функций в соответствии ожиданиям руководства — вот любовь по Сухомлинскому:

К браку, к супружеству мужчина должен готовиться как к духовному союзу людей, готовых помогать друг другу, преданно заботиться друг о друге до конца жизни.

Реакционная поповщина без намордника. Развод даже в мыслях не предполагается. В общем ярме — пока кто-то не рухнет. Но и после — никакой свободы, продолжаем работать по графику:

Подлинная любовь — это человеческая верность, преданность, умение любить человека и тогда, когда он стал старым, слабым и немощным, и тогда, когда он умер — любить память о человеке.

Если по-человечески — любят не память, любят человека. А любимые не умирают — они живут в нас, а мы в них, и все это остается и после нас. Меняются внешние формы, оболочки — остается любовь. Любить память — это как пить мочу, или играть ноты вместо музыки. Жалкая тень, суррогат. Но пророк Сухомлинский повторяет на тысячу ладов: верность, преданность, долг... Рабство во всем и всегда.

Ни в чем не может быть надежным человек, изменивший великому человеческому долгу отца, матери, мужа, жены. Верность долгу мужа жены, отца, матери, сына, дочери — школа человеческой преданности и верности, без которой немислимы идейная убежденность, нравственная стойкость.

Другими словами: не бунтовать! Не заводить никого на стороне! По закону супруг один — извольте плодоносить в рамках коллектива:

Предательство в супружестве, в отцовстве и материнстве — мерзость, к которой нельзя быть снисходительным.

Что бывают и другие законы — деревенскому нравоучителю даже в голову не приходит. Но по факту левые похождения не редкость даже в сельской местности — что уж говорить о городе! И тут затык. С одной стороны, Сухомлинский осуждает

лицемерное сожителство матери и отца, *сожителство*, в котором нет не только истинного человеческого богатства, но иногда и элементарной порядочности.

И тогда засаженному в семейную клетку ребенку наглядно преподают озлобление, жестокость, неверие в идеал, презрительно-ироническое отношение к поучениям старших, безразличие к людям и даже к собственной судьбе.

То есть, проповедями такого уже не проймешь — и даже притвориться идиотом не сумеет. Но развода религия не предполагает — как быть? Прежде всего — профилактика, промывание мозгов. Чтобы и думать не смели о духовности и свободе:

Средство, предотвращающее эти несчастья, — крепкая семья, построенная на чистой, благородной и мудрой любви.

Надо воздействовать не только на детей, но и на их родителей — и школа подминает под себя семейную жизнь, религия в этой общине выше права. Сухомлинский хвастает:

Для этого у нас существует родительская школа, куда родители записываются за два года до поступления их ребенка в школу, посещая затем занятия до окончания им средней школы. Курс психологии и педагогики в родительской школе рассчитан на 250 часов. (Кстати, это значительно больше, чем любой институтский или университетский курс).

Конечно же, основная тема — законопослушность (причем закон божий главнее формально-правовых рамок).

Мы учим отцов и матерей создавать в семье атмосферу чистосердечных нравственных побуждений и желаний, воспитывающих умение любить человека и быть верным ему, даем советы о том, как выражать непримиримость к малейшим проявлениям эгоизма.

Как обычно, эгоизмом Сухомлинский именуется любое уклонение от задач коллектива (поставленных вышестоящей инстанцией). Умение любить походя отождествлено с верностью (духовным убожеством преданного раба). Заметим, что в разумном понимании сама мысль о верности — измена любви, поскольку неверность допускается хотя бы теоретически. Идея прелюбодеяния — другая сторона верности: подавление желаний не уничтожает их, а лишь вытесняет на периферию, в подсознание; даже если желаний не было — проповедь необходимости их подавления неизбежно их породит. Человеческая любовь (в отличие от религиозной догмы) не связана никакими формальными рамками — и потому понятия измены или верности в любви неуместны; как только возникает что-то в этом роде — любви конец.

Когда человеческие желания отделены, отчуждены от человека, приходится противопоставлять одни желания другим: низменные — «возвышенным» и «благородным». В качестве арбитра — требуется нечто противоположное желаниям как таковым, стоящее над ним; так рождается отчужденная от человека абстракция мысли — символ господской воли, внушение извне; при этом сознательность понимается в узко-идиоматическом смысле, как добровольное подчинение:

Научить человека быть верным своему чувству, долгу, слову можно лишь при условии, что желание озаряется светом хорошей, чистой, возвышенной, благородной мысли. Возвышенно и благородно желать может лишь тот, кто умеет возвышенно и благородно думать. Только

при ведущей роли мысли, сознания в управлении чувствами воспитываются достойные человека желания. Никак нельзя согласиться с формулой: чувству не прикажешь. Наоборот, нравственная культура в том и заключается, что мысль, идея, облагораживающая желание, управляет чувствами, повелевает, приказывает.

Вот сводка классовой педагогики и психологии. Не содружество мысли и чувства — и власть одного над другим. Управлять и приказывать — ничего другого недоразвитый индивид не представляет себе. А разуму просто невозможно приказать. И он не управляет, а направляет, не приказывает, а подсказывает. Мы переделываем мир — но не друг друга. В любви люди духовно растут — но любят они не для того, чтобы кого-либо выращивать, и уж тем более производить. А вместо этого:

Чтобы быть верным любимому человеку всю жизнь, надо всю жизнь создавать, как бы восстанавливать его красоту, отдавая для этого свои духовные силы, вкладывая свои ум, чувства, стремления.

Пожалуйста, вкладывайтесь в окружающий мир, в природу и культуру, в прошлое и в будущее. Но не надо навязывать себя любимому человеку, опутывать его духовной ограниченностью, верностью. Любовь никак не связана с существованием «белковых тел», со свидетельствами о рождении и смерти. Крематорий формально устраняет препятствия к новым связям и новой «верности». Но не убивает любви — для которой все эти физиологические случайности — невесомые тени.

Итак, новому поколению начальство предписывает по достижении детородного статуса вступить в законный брак (по аналогии с выбором профессии), сексом заниматься только в семье и только в благоприятное для зачатия время — и тут же завязывать при положительных тестах на беременность. Супруги обязаны постоянно напоминать друг другу о долге и верности — и взаимно укрощать:

Юношей и девушек мы готовим ко взаимному воспитанию и самовоспитанию в браке.

Казарменная перспектива. Но когда формальные приличия соблюдены, нам, так и быть, дозволяется духовно совершенствоваться — и даже делать это вместе, что почти узаконивает супружескую любовь:

Одна из граней счастья в браке в том и состоит, что муж и жена становятся духовно богаче; совместное переживание духовного совершенствования доставляет большую радость и полноту жизни.

Непонятно одно: почему нельзя быть людьми просто так, без пошлостей официальной регистрации? Вы же сами рассказываете молодым про

Тристана и Изольду, Ромео и Джульетту... Абеяра с Элоизой в списке нет — но и первые две парочки в браке не состояли, хотя общались вовсе не платонически. Тем более не подпадают под указ Лейли и Меджнун — которым родственники запретили предначертанный по тем временам ортокузенный брак как раз из-за того, что поэт проговорился в стихах о своей любви к невесте, что считалось смертельным оскорблением. Данте и Беатриче (из рекомендованного списка проповедей) — тоже странный образец: поэт влюбился в замужнюю женщину, а потом женился на другой, по политическим мотивам (как и положено средневековому аристократу). Трудно сказать, которого Фархада (персидского или узбекского) включил в состав дозволенных сказок Сухомлинский, — но оба до брака не дожили, и «гражданский долг» исполнить не успели; по крайней мере, хотя бы они не противоречат замшелым представлениям о целомудрии, к обсуждению которых мы и переходим.

Сказка о настоящем

Как мы уже знаем, человечество по Сухомлинскому делится на резко отделенные друг от друга группы, отношения между которыми регулирует (общинное) право и (самодельная) религия. Происхождение этой разобщенности — козни матушки-природы, которая, вообще-то, прекрасна и удивительна — но в отношении человека выкинула такую подлянку, — что, по-видимому, выражает какую-то высшую мудрость, и потому столь же прекрасно и достойно языческого культа. Различие возрастов и жизненного опыта — естественное основание главенства особо мудрых над недоразвитыми; различие в силе рук и мозгов — приковывает народ к (добровольно) выбранной профессии и подчиняет воле коллектива; фундаментальнейшее различие полов — заставляет мужчин и женщин склеиваться в семьи (вроде куперовских пар в физике сверхпроводимости) и почковаться разнополыми отпрысками, согласно общественному заказу. Соответственно, педагогика обязана сохранять и поддерживать всеобщую разделенность, по-разному просвещая разные породы воспитываемых.

Полноценное воспитание невозможно без учета того, что каждый школьный коллектив складывается из представителей двух частей рода человеческого.

Сейчас это уже не актуально: эмансипация сексуальных меньшинств и успехи гендерной хирургии размывают границы естественных различий,

что в некоторых странах выразилось в демократизации правовых норм и перемешивании культурных типов — и даже обывательскую мораль удается усилиями платных психотехнологов прогнать под новые реалии. Но деревенская утопия Сухомлинского гордо отвергает эти отрывки капитализма — и возвращает нас к счастливой стадности под дудку заботливого пастыря.

В коллективе, в повседневных взаимоотношениях формируются не только граждане, но и мужчины и женщины, утверждаются взгляды, убеждения будущих отцов и матерей.

Как только мы всех рассадили по клеткам — про людей можно забыть: есть только граждане и животные. И они в этом должны быть прочно убеждены. Пусть общаются через решетку — это благородно.

Забота воспитателя о благородстве отношений между девочками и мальчиками — это, можно сказать без преувеличения, половина всех забот в сфере морального воспитания.

Как известно, понятие «благородство» — изначально классовое: предполагается неравенство людей (а потом и их поступков) — когда одного назначают в господа (благородное сословие), а другой пусть будет тварь дрожащая. То есть отношения между полами заведомо не предполагают ничего человеческого — это отношения господства и подчинения. Как ни замазывай уродства — оно прорывается в каждой педагогической формуле. Для мальчиков:

Мужчина в большей мере отвечает за семью...

Пусть сызмала мальчик приучается к мысли, что, став мужем и отцом, он, возможно, одним своим заработком будет содержать всю семью. В этом долг, ответственность и достоинство мужчины.

ведущая роль принадлежит воспитанности, благородству мужчин
следует приучать мальчиков к тому, чтобы всюду они брали на себя большую нагрузку, большую ответственность.

стремление человека утвердить свое мужество, силу воли, бесстрашие
стремления юноши утвердить свое мужское достоинство

Про мужское достоинство — это пикантно. А что же девочкам?

девушке-женщине должна принадлежать ведущая роль
женщины — настоящие властительницы и повелительницы
стремления девушки утвердить себя как повелительницу

Ни при каких обстоятельствах у девочек не должна даже возникнуть мысль о том, что они слабее мальчиков.

Как огня бойтесь того, чтобы девочки почувствовали: мы слабее, наша доля — покоряться.

яркая жизненная цель дает женщине духовную силу, которая делает ее властительницей и повелительницей

через женщину нужно влиять на мужчину

И так везде. Борьба миров. Антилюбовь.

Конечно, о соревновании нельзя говорить ни слова; оно есть только тогда, когда никто и никогда не говорит о нем; даже мысль о соревновании должна быть глубоко спрятана — все искусство воспитательного влияния коллектива именно в этом и состоит.

Вот-вот. Искусство ханжества состоит в лицемерии: мы прикидываемся партнерами, но каждый тянет одеяло на себя... Но как ни крути — есть мужское и женское, и хозяином в доме должен быть мужчина: жене отведена роль инструмента для утверждения мужского достоинства — типа морковки на палочке; при этом женщина должна быть готова тащить на себе все — в том числе, чтобы морально давить на мужика, а при случае злорадно утереть ему нос.

Самую тяжелую работу выполняют мужчины. Но пусть только где-нибудь мужчина проявит слабость — женщина сейчас же заменит его, покажет, на что она способна.

Без их участия невозможно было бы воспитание настоящих мужчин. Они часто проявляют большую, чем мальчики, выдержку, большее мужество и силу духа — и именно благодаря этому воспитывают мальчиков настоящими мужчинами, а сами воспитываются настоящими женщинами.

На практике это выливается в полнейшее равнодушие мужиков к делам семьи: дело главы — главенствовать; дело рабыни — работать. Пусть строит из себя повелительницу! — в ее бабском царстве. А у мужика — кореша в ближайшем кабаке, и заначку не сделать грех. Ну да, они все умеют, и даже делают лучше; но «сильная» половина их все равно не воспринимает всерьез — путь знают свое место! После всего главный педагог может сколько угодно ратовать за равноправие:

Не должно быть таких трудовых взаимоотношений, при которых девочки обслуживали бы мальчиков и привыкали бы, таким образом, к роли домашней хозяйки.

То, что нужно делать в домашнем хозяйстве, одинаково умело должны делать мужчины и женщины. Если и есть какое-то разделение в

самообслуживании, то оно должно быть временным: сегодня парни выполняют одну работу, завтра — другую.

Все это хорошо в другой вселенной, где нет эксплуатации человека человеком, и никаких семейных уз, и не требуется размножаться из-под палки, — и физиологические различия ровным счетом ни на что не влияют. Прекрасная греза о бесклассовом будущем, где нет никакого разделения труда — и, соответственно, никаких домашних хозяйств! — только общественное производство, материальное и духовное, — и всеобщая любовь... Сухомлинский понимает неуместность таких картин в им же выстроенной патриархальной утопии — и быстренько задействует стандартный демагогический маневр:

... нужно так организовать деятельность коллектива, чтобы не было специально мужских и специально женских видов деятельности (это, однако, не означает, что и самую тяжелую физическую работу должны делать мужчины и женщины).

Все то же ханжество! Никаких специальных производств — всего лишь разделение труда: каждому свое — и *Arbeit macht frei*.

«Естественное» разделение по половым признакам (напомним, что в эпоху Сухомлинского они считались данными раз и навсегда) ребром ставит вопрос о соответствии каждого «гражданина» его общественной (то есть, репродуктивной) функции.

Гражданская, моральная, этическая, эстетическая зрелость, которую мы должны сформировать в школе, проявляется прежде всего в том, насколько осознали наши воспитанники в годы ранней юности ту важную истину, что и физически и духовно они должны быть настоящими мужчинами и настоящими женщинами.

Так, одна из важных воспитательных целей состоит в том, чтобы наши подростки, юноши и девушки глубоко понимали: мы — завтрашние мужья и жены, матери и отцы. У нас через несколько лет будут дети, наша ответственность за будущее общества проявится прежде всего в том, как мы воспитаем своих детей, какими людьми они станут.

Думаете, это против линии верховного командования на строительство коммунизма? Ничуть! Безмерное лицемерие подгоняет коммунизм под животноводческие стандарты:

Формирование нравственной готовности к любви, браку, рождению и воспитанию детей, материнству и отцовству — это забота школы о личном счастье человека. Создавая счастье каждого человека, мы творим всеобщее счастье. И вряд ли в чем либо другом наше общество

заинтересовано так, как в том, чтобы буквально каждый был счастлив во всех сферах своей жизни, ибо счастье каждого — это в конце концов цель коммунизма.

Аплодисменты фокуснику! Счастье — быть рабом и воспитывать рабов. Повесть о настоящем человеке в переводе Сухомлинского:

Нам нужно стать настоящими людьми прежде всего потому, что мы — будущие воспитатели своих детей.

Но в «благородной» педагогике людей вообще нет — там только мужчины и женщины (и только в роли «мужей и жен, матерей и отцов»). Соответственно, становиться будем настоящими животными на самой настоящей звероферме (сельская тема — как ни крути).

Дано: есть органические полуфабрикаты двух сортов. Требуется: вылепить из них *настоящих* мужчин и *настоящих* женщин. Идеальных исполнителей господской воли — глубоко верующих в невозможность иного предназначения.

Воспитание настоящих мужчин и настоящих женщин начинается с формирования гражданского ядра личности.

В переводе на человеческий язык: стадность. Чтобы легко смирились с брачным статусом — и не косили от первичного коллектива при каждой возможности. Тем более, что развод кодексом не предусмотрен:

В утверждении «брак без любви — аморален», если этим утверждением оправдывается не заключение брака, а развод — есть нечто опасное.

Потому что

это с самого начала обрекает молодые души на неверие в святое и незабываемое: раз любовь угасает, значит, мы сходимся на какое-то время, а потом разойдемся, и общество будет смотреть на это как на благо...

Чуете религиозный пафос? «Неверие», «святость и незабываемость»... Как и положено в религии, все человеческие представления выворачивают наизнанку:

Утверждать, что «любовь угасает», — значит отрицать духовную основу любви, сводить ее к животному влечению.

Кто бы говорил про животность! Главный зоотехник, для которого «духовная основа» сводится к послушанию и отсутствию желаний.

У людей — любовь бессмертна, даже задаваться вопросами об «угасании» здесь неуместно. Но такая любовь — вовсе не семейные узы

(оковы); более того, она возможна только вне брака (или вопреки ему, при наличии штампа в паспорте). С другой стороны, развод не отменяет брака — а продолжает его другими средствами: раздел собственности и детей, финансовые и административные обязательства и т. д. Но развод не отменяет и любви! Например, Johnny Hallyday и Sylvie Vartan после развода (и создания новых семей) ни на миг не переставали любить друг друга, и это бесконечно далеко от животных влечений — и племенной работы. Сухомлинскому этого никогда не понять.

Зоотехническая гражданственность — осознание «долга». Надо дрессировать зверушек так, чтобы не конфликтовали с соседом по клетке, а спокойно размножались с теми, кого зоотехник подсадит. А это не удовольствие, а «труд любви»:

Подлинная любовь немислима без труда, без понимания и чувствования, что такое трудно. Любовь — не дар божий, нисходящий откуда-то свыше: любовь добывается и постигается напряжением сил духа.

Какая тут, мать вашу, несовместимость? Извольте творить «красоту отношений»!

Люди, полюбившие друг друга, должны выработать в себе готовность к духовной совместимости, требующей быть не капризным и неуживчивым, а терпимым, уступчивым, покладистым, умным, рассудительным. И здесь с особой яркостью выступает одна из важных задач школы — оттачивать, формировать в каждом человеке готовность к совместимости с другим человеком.

Где мы это видели? В коммерческой морали якобы презируемого патриархом капитализма: деньги не пахнут — и даже отъявленный подлец может оставаться вполне сносным партнером по бизнесу. То есть, семья — социальный контракт, условия которого стороны должны соблюдать — в той мере, в какой ловкий адвокат не сумеет истолковать букву писания в духе либертинажа. Школа жизни — готовит будущих «граждан» — деловых людей.

С целями определились. Теперь можно уточнять, чем настоящие мужчины и женщины отличаются от ненастоящих. Буква *М* в алфавите главнее буквы *Ж* — поэтому начнем гнить с головы.

С допотопных времен мужчинами считали здоровых бугаев, годных лишь для перевалки тяжестей, мордобоя и охоты на мамонтов. В народе добавляют про способность дерябнуть покрепче — и неутомимость детородного органа; но для секты Сухомлинского это не подходит: зверское начало предполагается «облагораживать» институтом семьи,

предполагающим дележку денег — то есть, регламентацию развлечений и централизованное регулирование похоти. В остальном же идеал деревенского мужика (мужлана) остается в силе:

Уже в малыше-первокласснике, в дошкольнике мужского пола нужно воспитывать настоящего мужчину... Есть три вещи, которые необходимо утверждать в мальчиках и юношах, — долг мужчины, ответственность мужчины, достоинство мужчины.

То есть, ничего человеческого — боже упаси! Долг — это рабство, слепое повиновение; ответственность — чтобы без лишних фантазий, только по приказу; достоинство — соответствие пещерному канону, культ физической выносливости и грубой силы.

Мы учим: достоинство мужчины — не заявлять о своей боли. Ты мужчина, и уже поэтому ты должен быть стойким и терпеливым. Если у тебя болит зуб или палец, не спеши заявлять об этом во всеуслышание — стыдно! Молчи, терпеливо переноси боль, а после занятий, если есть надобность, иди к врачу. Умей переносить холод, жажду и другие лишения, создавать в себе чувство бодрости.

Есть в этом хоть капля разума? Ради идиотского выпендрежа, глупого фанфаронства, следуя предрассудкам толпы, — не принимать разумные меры против органических дисфункций, а изображать здоровяка — пусть даже с риском для жизни.

Никакой расслабленности, никакого хныкания, никакой надежды на то, что кто-то возьмет на себя трудности, которые надлежит преодолеть тебе, — это непереносимые условия воспитания настоящих мужчин.

Человеческая взаимопомощь — понятие в общине Сухомлинского неизвестное: есть грубая скотина, альфа-самец, который (в полном соответствии с голливудскими стереотипами) в одиночку рубится с какими-нибудь трудностями, — которому скучно жить как люди, и кулаки чешутся. Абстрактное бодрячество, показная выносливость — для чего все это? А для того,

чтобы уже в детстве и раннем отрочестве мальчики гордились тем, что они будущие воины, защитники своей Советской Родины.

Все понятно: сила — для насилия, зверство — для грызни... Когда все боятся — это по-мужски. Напрягаться надо только чтобы продираяться сквозь дикие джунгли — и кого-нибудь побить.

Напряжение духовных, волевых сил для преодоления физических трудностей и препятствий рождает в юноше, мальчишке особое ощущение — ощущение себя сильным, великодушным человеком.

Классовый характер педагогики Сухомлинского как на ладони: сила важна не сама по себе — ее используют для установления и сохранения общественного неравенства, когда одни — полностью во власти других. Могу раздавить — но, так и быть, великодушно оставляю в живых. Упоение властью — отрывка классовой психологии: воспитанные в этом духе низы — уподобляются господам и уже не воспринимают господство как несовместимое с разумом; недовольство властями сводится, таким образом, лишь к замене одной власти на другую: ты начальник — я дурак: я начальник — ты дурак. Культ силы воспитывает умение (и склонность) подчиняться; это называют коллективизмом. Разумеется, все прямо переносится на экономику семьи:

Мы считаем очень важным моментом в воспитании настоящего мужчины то, чтобы мальчик раньше, чем девочки, включался в оплачиваемую продуктивную работу, чтобы его заработок шел в общий бюджет семьи.

Пусть охотится на мамонтов — и тащит туши в пещеру! А потом тычет жене в морду ее (якобы) иждивенчеством, попрекает каждой подачкой. Это не человеческое — это мужское достоинство:

Чем сильнее, выдержаннее мальчик или юноша духовно и физически, тем глубже он переживает чувство мужского достоинства, тем чувствительней, великодушней в своем отношении к девочке, девушке, женщине, тем острее его нетерпимость к пошлости, грязи, цинизму.

Бугай, который привык все решать грубой силой, просто не знаком с подлинной духовностью, с человеческими отношениями между людьми; поэтому его трудно упрекнуть в пошлости и цинизме — поскольку возникают они лишь на фоне осознанной человечности, как намеренное отступление от принципа. В какой-то мере такой дикарь «чище» изысканного аристократа или лицемерно-демократичного буржуа. Но великодушные силы — не мешает мужланам оскотиниваться в окопах, бесчинствовать в разграбленных поселениях, и вспарывать животы изнасилованным (как во времена Аттилы — так и в «просвещенном» XVIII веке, а кое-где и сейчас²⁴). Когда босс трахает секретаршу (или

²⁴ Одно из основных антисоветских орудий западной пропаганды — пересмотр истории второй мировой войны: для обывателя, это накат красной чумы, которая затопила бы всю Европу, если бы не героическое сопротивление гитлеровцев (а потом и пришедших на выручку американцев). На всех экранах — геббельсовские фальшивки о том, как красноармейцы насилуют миллионы женщин, от ясельного возраста до дряхлых старушек. У нас нет достоверной информации о реальных масштабах бедствия — но в свете теорий Сухомлинского можно предположить, что прецедентов предостаточно, — а факты, как известно, хлеб клеветника: без них ложь не выглядела бы так убедительно.

тренер девочек-спортсменок) — это из той же серии, это в порядке вещей; лютующая ныне в «свободном мире» борьба с сексуальными домогательствами ничего не может решить по существу: она не меняет классовой иерархии — и выражающих ее властных структур.

Война удобна всем — она оправдывает все. В рыночной войне всех против всех политическое насилие — продолжение экономического, и производство резервной армии труда плавно перетекает в производство пушечного мяса. Было бы странно, если бы советскую педагогику не заботили вопросы обороны (а где-то и военной экспансии). Однако при установке на строительство бесклассового общества воспитание надо бы развернуть в противоположном направлении: всякое применение грубой силы расценивать как великую трагедию, как вынужденное зло, с которым разум обязан бороться, находить способы несилового решения возникающих проблем. Да, нам пока приходится работать на войну; однако и военные технологии не стоят на месте — и дух следует освобождать от зверства, искоренять идеи насилия и власти. Воспетые Сухомлинским военные игры — против разума.

Нигде так не раскрывается моральная сущность личности, нигде так человек не заявляет громко товарищам о своем душевном естестве, как в военной игре, да еще в напряженном физическом труде, где равнодушие или лень одного делают невозможным успех всего коллектива. Самый слабый и самый изнеженный приобретает настоящую мужскую закалку.

... мальчики должны быть закалены настоящими «мужскими» трудностями.

... они должны закаляться и физически, становиться сильными и мужественными!

Полный мрак: «моральная сущность личности» — это ремесло убийцы. Готовьтесь душить врагов голыми руками. Не просто быть скотиной — но и во всеуслышание заявить «о своем душевном естестве» (то есть, о дикости). Попутно отметим: если от кого-то одного зависит успех общего дела — либо дело того не стоит, либо организация ни к черту, и гнать надо начальство в три шеи; самое интересное — сделать так, чтобы при любом раскладе был результат, — и здесь без единства разума не обойтись. А на войне — моральное давление: среди сильных нельзя быть слабым (а почему?) — стремление работать головой, а не кулаками, называют изнеженностью... Найти решение сложной математической проблемы или спеть виртуозную арию контртенора — это не «мужские»

трудности! Отбился от стада — «стыдно будет перед коллективом», и «товарищи будут высмеивать». Дикие нравы диких тварей.

Нигде с такой выразительностью не переживается чувство чести, как в условиях борьбы за победу коллектива, а военная игра всегда является именно такой борьбой.

Всякая борьба — из животного мира. Человеку — не нужны победы; ему важно делать свое дело, свободно творить. Еще страшнее — когда речь о победе «коллектива»: личность ложится под каток неизвестно чьего интереса, и это рабство считает честью! Конечно, пока игра. Но:

Самый глубокий воспитательный смысл ее в том, что мальчики вместе переживают волнующее чувство победы над собственными слабостями, гордятся собственной выдержкой и стойкостью, ощущают себя мужчинами.

Воспитательный смысл в том, чтобы ощущали себя не людьми, а духовными уродами, «настоящими мужчинами», — на игрушечной войне оскотинивались по-настоящему. Не оставим без внимания и тонкий намек: «настоящая женщина» обязана ценить в мужике именно это; если она требует другого — можно и по мордам... Как же! — ведь всю самую тяжелую работу выполняют мальчики. Мальчикам нужно разъяснять: если хочешь, чтобы о тебе думали как о настоящем мужчине, — придерживайся этих и многих других правил моральных взаимоотношений мужчины и женщины.

Такова деревенская мораль: самец решает сам. Что ему тогда робкие увещевания:

Не будет ничего предосудительного в том, что вы скажете мальчику прямо: твоя подруга будет матерью, как и твоя мать; уважай в девочке будущую мать.

Сказано ясно: уважать не человека, а какую-то мать. Мужик может уважить девку, сделать ее матерью. Чтобы было кого уважать. Раз уж не дано самому стать матерью — и потом уважать только себя. Кстати, во многих цивилизованных странах отцы обрели, наконец, полное равноправие и могут вместо женщин уходить в декрет... И детей в гомосексуальных семьях воспитывать не запрещено. А Сухомлинский тннет народ в средневековье:

Я тысячу раз убеждался: чтобы мальчики выросли настоящими мужчинами, чтобы в школьном коллективе отношения были проникнуты духом рыцарской заботы мужчин о женщинах...

Слабость и незащитность женщины относительно. Эти благородные эстетические качества нежнейшей и красивейшей части рода чело-

веческого проявляются только на фоне благородной силы, мужества мужчин.

Эдакая куртуазная игра: все по правилам, взаимная показуха. Мы вам комплимент — а вы нас должны умаслить, восторгнуться и подпитать самомнение. Чтобы мы не только силу демонстрировали, но еще и безмозглость (пардон, бесстрашие).

Сила, закаленность, бесстрашие мальчиков — это, образно говоря, та почва, в которую сеются семена благородства.

Точнее было бы: семена уродства. Благородные так называются в пику всякому быдлу — которого, по определению, намного больше, и на чьем горбу благородные въезжают в рай. Феодалная иерархия. Когда вокруг только люди — не может быть даже тени благородства. А где нет благородных — и бояться некого.

Настоящее бесстрашие у мальчиков — это могучий мужской иммунитет против равнодушия и подлости, без которого невозможно сформировать будущего мужчину, будущего отца.

Фраза скользкая. Можно понять и в том смысле, что мужиками страшно лезть под семейное ярмо — и надо настропалить их на безудержную лихость, чтобы отцами становились не равнодушно и подло (то есть, без штампа в паспорте), а таки по кобсу. Разум тут — только помеха. Тем более, когда

Мужчина должен пойти на смерть во имя спасения своей жены, своих детей... А для этого необходимо бесстрашие.

На языке нормальных людей это могло бы звучать так: человек делает все во имя любви — а для этого необходим разум. Но в деревенской педагогике любовь возможна лишь как привходящее обстоятельство; главное — долг и ответственность. Семейное рабство.

Сила, мужество, бесстрашие, облагороженные добротой и нежностью, являются источником той человеческой красоты, в которой проявляется верность мужчин своим чувствам, своей любви, своему долгу сына, мужа, отца.

Долг — ядро человеческого благородства в семейной жизни. Наш воспитанник не станет человеком долга, если его представление об идеальном поведении не объединится с силой духа, закаленной волей, выдержкой, мужеством, бесстрашием.

Еще бы! Придется, ведь, тянуть ляжку по гроб жизни. Потому что необходим прочный, вечный союз, построенный на подлинно человеческой любви, на преданности, верности, долге. Поэтому,

воспитывая юношей, необходимо утверждать в их душе мужскую готовность оберегать, хранить свое чувство. К браку, к супружеству мужчина должен готовиться как к духовному союзу людей, готовых помогать друг другу, преданно заботиться друг о друге до конца жизни.

Католическая вера в редких случаях допускает развод. Православие — пример самой реакционной поповщины. Вера Сухомлинского явно того же корня.

Настоящий мужчина должен быть на всю жизнь верен своей жене, своим детям. Чтобы уметь по-настоящему, по-мужски любить, нужно быть человеком сильной воли. Это, конечно, в одинаковой мере необходимо и девочке и мальчику, но мужская верность и мужская любовь — это далеко не одно и то же, что верность и любовь женщины. Мужчина в большей мере отвечает за семью, его любовь и верность — это прежде всего ответственность, ответственность за детей, за жену...

Мы возвращаемся к вопросу о том, кто тут главный. Но чуточку смягчить первобытные нравы было бы полезно:

Юноше, будущему отцу, мы внушаем мысль: важнейшей школой воспитания вашей духовной культуры в браке является ваше отношение к женщине — жене, матери ваших детей, к своей матери. Отношение к женщине — тончайшая мера совести. Это огромная нравственная доблесть — умение любить жену, мать, дорожить ее здоровьем, красотой, честью, умение защищать и оберегать ее от болезней, изнурения, обид, несправедливости.

Какой пафос! Это из ранее заявленного культа матери. Странно только: а что, без брака заботиться о людях нельзя? Не только о женщинах — а вообще. Иначе получается не уважение, а с точностью до наоборот: женщина — лишь инструмент размножения, который рачительный хозяин будет, конечно, содержать в порядке. Как? Методом воспитания «настоящих женщин»! О чем Сухомлинский говорит много и охотно.

Инструментальное отношение к женщине — основа основ. Помимо собственно производственной стороны, нужно использовать слабый пол для насаждения культа мужской силы:

... для того, чтобы воспитать настоящих мужчин, нужно воспитывать настоящих женщин.

А женская природа — зловеднее мужской: солдафонской дисциплиной баб не проймешь. Как приглянулся кто — на все готовы. А козлы и рады оттянуться за чужой счет.

Там, где у женщин не развито чувство чести и достоинства, процветает нравственное невежество мужчин...

А это неправильно, потому что женщины и мужчины — орудия хозяина; на то у нас и педагогика: разделяй и властвуй. Кого с кем повяжут — тому и с тем и быть, до конца чьих-нибудь дней. Коли сообразят, что любиться без формальностей гораздо интереснее, — и разузнают про контрацепцию, — никакой управы не останется. Работать не захотят.

По-человечески, мы понимаем, что половая озабоченность дамского пола — прямое следствие догматической семейственности: не повяжешь мужика — замуж не залетишь; а чем вязать-то? Смазливых вокруг — пруд пруди. Конкуренция. Интеллигентность «настоящему мужчине» не к лицу — тем более не интересен ему внутренний мир женщины: все это бабские штучки — пусть с подружками базарят. Кто побогаче — теоретически могут приманить на деньги; но на селе оно не самый ходовой вариант. Так что как ни кинь — всюду клин. В смысле — мужское достоинство.

Чтобы воспитать силу духа, гордость, нетерпимость девочек к духовному угнетению и пассивности, нужно сделать тысячу вещей...

Олин из методов — опошлить саму идею любви, выхолостить, вытравить все живое. Вместо человеческой любви — проповеди о «настоящей» любви, адаптированная к сельской местности технология производства «настоящих женщин». Неопытным девочкам старательно внушают, что их страдания — от нечистого, и надо переучиться из обыкновенной женщины в «настоящую», чтобы уже не желать ничего для души, а убежденно исполнять супружеский и материнский долг, — и удовлетворение получать не от близости, а наоборот, от гордого высокомерия:

Женщина должна быть гордой и неприступной... Это возможно лишь тогда, если она будет сильной духом.

Духовность начинается там, где не бывает силы или слабости — где эти понятия теряют всякий смысл. Равно как и половые различия, и возраст. Человеком надо быть. Жить и действовать разумно, без оглядки на мнения обывателей. Но Сухомлинскому

нужно, чтобы каждая девочка воспитывалась самобытной и ярко выраженной личностью, чтобы всем без исключения девочкам нетерпимой казалась даже мысль оставаться неприметной, пассивной, слабовольной.

В общем, изобразить из себя бой-бабу, напугать мужика... Чтобы не лез лапищами куда не попадая — а с нетерпением ждал церемонии по понятиям (брачный танец, как у зверей).

Любить — значит чувствовать огромную ответственность за человека — того, которого ты любишь, и того, которого ты создаешь. Любовь лишь тогда высоконравственна, когда она целомудренна, умна и предусмотрительна.

То есть, «настоящая женщина» любит не просто человека, со всеми его достоинствами, — а носителя репродуктивной функции, которому нельзя позволить откосить от почетной должности главы семейства (мужа и отца). До брака целомудрие становится заманкой, воздействием на недоразвитое воображение. Потом, после загса, занимаясь сексом, настоящая женщина должна думать лишь о зачатии — и целомудренно воздерживаться от сношений в «безопасные дни». Все по уму, все предусмотрено... Эдакий биоробот, холодный и расчетливый.

Любовь человеческая должна быть не только красивой, преданной, верной, но и мудрой, осмотрительной, внимательной, требовательной, разборчивой. И только тогда, когда она мудра и осмотрительна, она может быть красивой и счастливой.

Это любовь роботов. Коммерция. Женщина продает себя — и ее учат отдаваться подороже. Прикрывать срам рекламой — инсценировать застенчивость, придумывать тайны, требовать деликатности...

Любовь благородна только тогда, когда она стыдлива.

В мыслях и сердце человека любовь всегда должна быть окружена ореолом романтичности, неприкосновенности.

Настоящая любовь разумна — ей ни к чему рыночные игры и романтическая мишура. Она чиста — в ней нет ничего безнравственного, поскольку она сама и есть нравственность. Ей нечего стыдиться и нечего скрывать — но она и не выставляет себя напоказ, изображая фальшивое «благородство». Любовь не в мыслях, и не в сердце, — она в жизни, во всем, что человек делает вместе с другими людьми. Ей не нужна реклама, она выше демонстративных поз. Любовь соединяет людей — как легким касанием, так и погружением, растворением без остатка. Не бывает «своей» любви — всякая любовь есть достояние человечества.

Но продолжим про умерщвление плоти. Поскольку речь о не о людях, а о женщинах, устройствах для деторождения, первым делом требуется объяснить, что женское тело — принадлежит общине, так что

распоряжаться самостоятельно им женщина не вправе — отдаваться не абы как, а только в интересах коллектива.

С девушками мы проводим специальные беседы о том, как проявлять бескомпромиссность и непреклонность.

Умение торговаться в рыночных условиях совершенно естественно:

Сама природа повелевает девушкам быть сильными духом, может, даже сильнее парней, мудрыми, осмотрительными, осторожными, требовательными.

Снова культ силы вместо разума — и опять не люди преобразуют природу, а природа командует людьми. Безответственность парней — как само собой разумеющееся, естественное состояние; деревенский предрассудок: коли подзалетела — сама виновата, а мужику за доблесть воспользоваться женской слабостью (чтобы дружки уважали).

Для девушки это особенно важно: природой и обществом на нее возложена особая ответственность.

Так что помните:

Настоящая женственность — это сочетание нежности и строгости, ласки и несгибаемости.

Учитесь, девочки, динамить и манипулировать, кружить головы, вязать и охмурять... Это нормальные рыночные отношения, жестокая борьба. Ничего личного. А на помощь придет мудрый барин:

Мы, педагоги, должны особо заботиться о защите девушек, о защите их *женского счастья*, о воспитании у них защитных сил, способных противостоять грязи, пошлости, гнусности.

Людам — человеческое счастье, а «настоящим женщинам» — женское. И снова: не любить, не становиться одним целым, — а защищаться, противостоять. Для виду, какую-то чувствительность придется все же допустить:

Было бы даже странно, если бы в вопросах, глубоко волнующих их, затрагивающих самые сокровенные уголки их сердец, юноши и девушки проявляли холодную рассудительность, расчетливость и резонерство.

Но относиться к этому всерьез, конечно же не стоит:

Любовь — горячее чувство, но властвовать над сердцем должен ум.

Мы же не при коммунизме живем! — у нас есть вертикаль власти, снаружи и внутри.

Великая педагогическая мудрость состоит в том, чтобы учить девушек быть хозяйками своих чувств, повелевать чувствами. Духовно-

психологическое рабство идет от эмоционального невежества, от первобытного бескультурья чувств.

Хозяйствовать, повелевать — это классовая терминология. А рабами предлагается становиться культурно, добровольно подчиняясь велениям руководства и ограничениям биотехнологий.

Если в присутствии юноши или даже при одной мысли о нем у тебя ускоренно забилось сердце, если тебе захочется, чтобы юноша смотрел на тебя с удивлением и восхищением, считая тебя единственной в мире, — это означает: в тебе пробудилась Женщина, пробудилась Мать — творец новой жизни. С этой минуты началась для тебя новая жизнь. Помни, что с этой минуты ты отвечаешь не только за себя, но и за то будущее человеческое существо, которое живет в твоей плоти, которое ты носишь в своей душе. Так создано природой, но природа — только строительный материал для создания прекрасного — будущей человеческой жизни, а творить тебе, вместе с тем человеком, который полюбит тебя и которого полюбишь ты.

Вот классика воинствующей пошлости! Не человек общается с человеком — и одни половые органы с другими. Не наслаждаться духовной близостью — а представлять себе прелести беременности и родов. Просто так любить запрещено! — надо превратить и себя, и партнера в природный материал, демографический конвейер...

Педагогика Сухомлинского старательно вычеркивает из жизни любовь, убивает человеческое отношение человека к человеку: все сводится к физиологии размножения, ни о чем ином и думать нельзя! Возможно, у кого-то теплилась в душе надежда вырваться из животного мира, стать свободным; после такой школы — души мертвы: есть только рабы, роботы. Но одни роботы главнее других:

Будь настоящей женщиной с той поры, как природа пробудила в тебе Женщину,— одна из заповедей морального воспитания девочек, к которой мы подводим их с первых шагов школьного воспитания. В сфере духовно-психологических и морально-эстетических отношений общая гармония наступит тогда, когда властительницей и повелительницей в любви станет Женщина, которая мужественно и мудро живет в душе девушки. Мужество, бесстрашие, сила духа Женщины творит духовное благородство, красоту, преданность, верность Мужчины.

И эту дикость возводят в идеал... На всякий случай — указать женщине ее место: властвовать будете только в своем воображении, «в сфере духовно-психологических и морально-эстетических отношений» — тогда как реальная (экономическая) власть остается прерогативой

настоящего мужика, а бабье дело — умаслить и ублажить, чтобы не гулял налево. Поскольку в робототехнике различие полов сводится к голой телесности, призывы создавать мужественных женщин уже не напрягают; объективно, предполагается и появление женственных мужчин — но эту природу утопия Сухомлинского замечает под ковер, требуя, чтобы все только силами мерились, и выглядели зверьми. Для примера — фальшивка про спартанских женщин; первоисточниками сельские дикари вряд ли поинтересуются — им предписано спариваться по-семейному и расхлебывать естественные последствия; книжки против программы читать некогда (особенно, учитывая жесточайший книжный дефицит).

Поставленный над чувствами ум призван предотвращать всякое внутреннее единство, гармонию всех сторон личности, которую мы называем разумом. Ум раба — полномочный представитель хозяина: он умиряет душевные порывы, которые, в условиях тотального контроля (и самоконтроля), неразумной стихийностью своей напоминают об идее свободы — и тем самым выступают (извращенной формой) разумности.

Девочка, девушка, женщина должна с молоком матери впитать истину, что любовь — это прежде всего ответственность, а потом уже наслаждение, радости.

Казалось бы, зачем отделять? Пусть одно помогает другому! Нет же, классовая педагогика вдальбивает в недозревшие умы нарочитое противопоставление: послушание от бога — радость от дьявола.

Подхватила девушку волна полового влечения — и девушка отдается стихии чувств, плывет, сама не зная куда, думая, что чувство, которое она переживает, — это и есть настоящее счастье. Если чувства полонили стихия, бездумность, жажда минутного удовольствия и наслаждения — это значит, что девушка в большой опасности: цветок, к которому она тянется, скрывает смертельный яд.

Походя оскорбили половину человечества: как и у прочих попов, женщина в секте Сухомлинского — существо изначально нечистое, жаждущее похоти (и развращающее невинных мужиков). Что девушка вынуждена в уродском обществе отдаваться не из удовольствия, не ради минутного наслаждения — а наоборот, ради того, чтобы привязать к себе, уйти от мимолетности в отношениях, — этого деревенская мораль не признает! — виновата гулящая девка, и все тут!

Половое влечение, не одухотворенное и не облагороженное мудростью и мужеством, не очеловеченное долгом, — большое зло, суть

которого должна понимать каждая женщина, первый шаг к несчастью, к рождению несчастного человека.

Опять же, походя отождествили секс с деторождением, а счастье — с брачным статусом. Контрацептивы (и тем более стерилизация) — тяжкое преступление; внебрачного ребенка — общество постарается сделать несчастным; чисто общественное воспитание, освобождающее ребенка от тлетворного влияния семьи, — нечто невообразимое... Тут Сухомлинский призывает на подмогу собственную жену, доверяет ей делиться с девицами опытом превращения в настоящую женщину — и этот курс у них называется «воспитанием материнской гордости»: чтобы

на первом плане была мысль: я, девочка, — завтрашняя мать. Природой и обществом на меня возложена высокая миссия — повторить в детях себя и того, кого я люблю, переложить в детей все лучшее, созданное человечеством. Я должна быть мудрой, строгой и осматрительной. Я — женщина, мои отношения с мужчиной ведут к рождению детей. Любовь — это великое, благородное чувство, но оно не должно затмевать мысли о том, что мои отношения с мужчиной ведут к созданию *семьи*. Я должна быть гордой, недоступной; я должна быть в сто раз мудрее мужчины — отца моих детей, потому что в миссии продолжения рода человеческого, сохранения и приумножения духовных богатств человечества природа возложила на меня несравненно большую ответственность, чем на него.

Ставить перед собой творческие задачи, выходящие за предписанные общиной репродуктивные рамки, женщина не имеет права! Если ей интереснее программировать компьютеры, делать науку, опреснять океаны, летать на другие планеты — или искать пути для освобождения женщин от деторождения, — это разврат, грех, смертельный (для педагогических утопий) яд...

Но плодить детей — вовсе не миссия, а рудимент животности; возлагает это рабскую обязанность на женщин не природа, а классовое общество, которому важно делать одних людей ущербными — чтобы другие могли жить за чужой счет, чтобы господа упивались властью и презирали рабов, изображая заботу и покровительство. Задача разумного человека — не повторять себя в детях, а дать им возможность вырасти другими, единственными и неповторимыми; создают такие условия люди не поодиночке — а все вместе, всем человечеством, не разбирая, кто от кого произошел. Дети не собственность родителей, не разменная монета в чьих-то отношениях; они прежде всего люди — равные другим, независимо от пола и возраста. Любовь — отношение людей, а не

типовых ролей; если женщина и мужчина (обыкновенные, а не «настоящие») любят друг друга — они воссоздают человечеством духовность друг в друге, а не в ком-то еще; это не запрещает им любить иначе — и общаться, например, с детьми (не задаваясь вопросом об обстоятельствах их рождения — которое очень скоро может стать чисто индустриальным, никак не связанным с половыми действиями, и не требующим ни от кого поставки генетического материала). Строгость и осмотрительность — классовые понятия, выражение животного страха; мудрость преодолевает страх, ведет к разуму. Приведут ли отношения женщины и мужчины к рождению детей — вопрос разумной воли, взаимного согласия и готовности общества принять и окультурить еще одно органическое тело (которое вовсе не обязательно отождествлять с человеком, с личностью). Любящим не надо ни перед кем отчитываться, оправдываться — блюсти приличия, вписываться в правовые рамки, уважать какие-то культы. Они вместе, пока им это необходимо; потом они, возможно, разлетятся в разные вселенные — но это не мешает им по-прежнему любить друг друга, и новая любовь каждого становится источником духовного роста, продолжением прежней любви.

А у супругов Сухомлинских — неодолимая животность, семейное рабство, конкуренция («я должна быть мудрее»), стремление набить цену (недоступность: пусть меня возьмет сильнейший, пусть самцы подерутся), продолжение рода — важнее строительства нового мира, сохранение и приумножение культурных достижений зависит только от численности населения, а поскольку рождает женщина — она и отвечает за последствия... На нее возложили ответственность — и пусть думает, что это от природы, от бога, или еще как-нибудь, — и гордиться тем, что ее рабство почетнее, чем у него (а по факту он вообще не нужен: есть же искусственное оплодотворение!); пчела-матка среди рабочих пчел. Какого-нибудь трутня можно, так и быть, допустить к телу — после продолжительной разъяснительной работы:

Конечная цель воспитания материнской гордости: девочка, женщина должна быть в определенной степени воспитателем юноши, мужчины, будущего отца.

Вспоминаем Грибоедова (школьная программа!):

Муж мальчик, муж слуга, из жениных пажей...

Мы возвращаемся к инструментальному отношению к женщине: это не человек, а орудие производства: сами по себе они не нужны, их дело —

рожать и подстегивать «настоящих мужчин», пополнять запасы рабочей силы и пушечного мяса.

Как и положено в рыночной экономике, основной инструмент — конкуренция. Натравить одних на других — и пусть огорчают друг друга своими успехами.

Парни и девушки не просто выполняют общественно полезную работу. Это тонкая игра их интеллектуальных и эмоциональных сил.

Начальство подзуживает, посмеивается, чувствует себя в безопасности. Ради такого дела не грех и нагрузить чем-нибудь вне семьи:

Ориентация девочки-женщины на активное участие в общественном производстве, а не на пассивную роль домашней хозяйки, на пассивное ограничение сферы ее деятельности присмотром за детьми — вот что очень важно... Быть матерью, быть воспитателем детей — гордая и почетная миссия, но если только этим ограничить деятельность женщины — она будет зависимым существом.

Выходит, что участвовать в общественном производстве женщинам нужно не потому, что это им нужно и интересно, — а чтобы изобразить независимость. Но допустимые производства тщательно фильтруют, оставляя сильное сильным, а слабое слабым:

Для утверждения в девочке силы духа, независимости, самобытности очень важно, чтобы она уже в детстве, и особенно в раннем отрочестве, переживала гордость исследователя, мыслителя, творца, чтобы рядом с добросовестным, старательным выполнением всех учебных заданий шла богатая интеллектуальная жизнь, выраженная в творчестве.

Заметим: исполнительности никто не отменял, и все остальное — только фантик, иллюзия интеллекта. Серьезные дела — делают мужики. Но

Активное творчество девочек является большой побуждающей силой, которая воспитывает мальчиков, пробуждает в них гордость мужчин.

Женщина — не самостоятельный объект социализации, а лишь орудие в руках педагога, занятого прежде всего воспитанием сильного пола. Важно, чтобы продвижение к идеалу мужика

побуждалось внимательным и требовательным взглядом женщины. Иначе говоря, мальчик, юноша будет стремиться вести себя, как настоящий мужчина, чтобы не было стыдно перед женщиной.

Разумное существо побуждать не надо — оно ведет себя разумно. Без оглядки на окружающих. «Настоящему мужчине» (рабу) руководить собой сложновато — и нужно его пнуть хорошенько, чтобы завертелось. Женщины как раз и нужны в качестве такого стрекала.

Как это важно — сделать регулятором самовоспитания мужчины мысль: что подумает обо мне жена? Как посмотрит она на мое поведение?

Это вместо любви, духовного единства...

Чем выше развита эта чувствительность, тем духовно богаче становится их любовь в супружеской жизни.

Муж-подкаблучник — сказка для девочек. Чтобы компенсировать экономическую ущербность иллюзорной властью. Любовью называют отношения господства и подчинения, взаимного рабства.

Что необходимо для формирования и развития этой чувствительности? Прежде всего, чтобы девочки принимали участие во всех видах деятельности, где успех обеспечивают сила воли, упорство, где сравниваются силы, выдержка, стойкость, бесстрашие мальчиков и девочек, где перед мальчиком не только перспектива успеха, но и опасность остаться далеко позади девочек, быть пристыженным.

Другими словами, женщина — своего рода минимум достижений, планка, ниже которой опуститься нельзя:

... ее место в военной игре особое.

Стимулятор, антипод, группа поддержки.

Мальчиков и вдохновляет именно то, что рядом с ними девочки. Заплакать от того, что трудно, именно потому и стыдно, что рядом девочка.

В воспитательных целях можно играть в поддавки: польстить якобы достигнутым, чтобы заставить достигать еще и еще.

Эта чувствительность юношей к мнению, оценке девушек и есть, по сути, та могучая, хотя и старательно скрываемая, сила, которая создает настоящих мужчин.

Планку можно понемногу повышать — превращая перетягивание одеяла в увлекательное соревнование:

В настоящем коллективе парень старается учиться хорошо еще и потому, что ему стыдно перед девушкой плохо учиться; в такой же мере девушке стыдно показать свою слабость и тем более интеллектуальную убогость перед юношей.

Разумеется, все это в контролируемых пределах, чтобы не превратить игру в экономические реалии. Пока девки дрессируют мужиков — честь им и хвала; как только они замахиваются на хотя бы воображаемую свободу — ткнуть им в морду их природой и повесить на шею мужа и его наследника.

Странно, когда мужчина действует только из стыда, или опасается реакции жены. Но таковы порядки в патриархальной общине, и этой традиции не одна тысяча лет. В разумно устроенном мире каждый руководствуется только разумом, воодушевлен только любовью, — и никого не надо подталкивать и побуждать.

Любить иначе

Педагогика Сухомлинского замешана на первобытно-обыденном понимании отношений между людьми; отсюда ее кажушиеся парадоксы. Мы видим, что слово «любовь» действует на патриарха как красная тряпка перед рогами: его тут же тянет заняться обличением похоти — и проповедью «чистых» (то есть, полностью выхолощенных) отношений между полами. То есть, любовь для него — прежде всего половая, и надо срочно увязывать ее с брачным статусом и деторождением. Однако публично провозглашенный моральный кодекс задвигает половые связи в самую задницу, а на первое место выходит возрастная вертикаль, старшинство в границах рода (охватывающего родню в нескольких поколениях). Как муж с женой относятся друг к другу — не самое интересное (в конце концов, этим занимается гражданское право); куда важнее урегулировать отношения между родителями и детьми — которые в законодательстве отходят на второй план, а в религиозном сознании приобретают особое звучание, становятся выражением любви к богу — на роль которого Сухомлинский предлагает назначить самого мудрого и просветленного из людей (нет-нет, это не далай-лама, и не генсек КПСС!).

На первый взгляд, ничего нового. Испокон веков дети считались собственностью родителей — и были обязаны их любить, как преданный раб любит господина своего. Древнеегипетский жрец Шеши хвалит самого себя:

Я уважал отца моего, я был нежен к матери.

Оттуда же поучения фараона (XX век до нашей эры):

Подражай отцам своим и предкам своим... вот речи их закреплены в писаниях. Разверни их, читай их, подражай им в знаниях.

Без *Ветхого завета* никак не обойтись:

Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы продлились дни твои на земле, которую Господь, Бог твой, дает тебе.

[Исх. 20:12]

Аристотель трактует отношение детей к отцу как долг, а родителей к детям — как любовь творца к своему творению. И так далее, и тому подобное. Сухомлинский подхватывает:

Уважайте, почитайте мать и отца: они дали вам жизнь, они воспитывают вас...

Уважай и почитай мать и отца — они дали тебе жизнь, они воспитывают тебя... Твоя любовь к родителям — это твой труд во имя того, чтобы они были горды твоей гражданской красотой, честью, достоинством.

... труд, наполненный беспокойной мыслью о том, что я не сделал и сотой доли того, что должен сделать для родителей, остаюсь перед ними в долгу, и чем дольше я живу, тем больше этот долг.

И как раз потому, что, создавая радость для родителей, ребенок сам находит радость, в этом труде рождается и крепнет человеческая верность и преданность матери, отцу, долг перед ними — а это и есть настоящая человеческая любовь.

Я всегда стремился к тому, чтобы мать, отец, бабушка, дедушка были для ребенка дорогими людьми, чтобы любовь к родным была самоотверженной и бескорыстной.

Истоки патриотических чувств и убеждений будут чистыми и неиссякаемыми при условии, что в семье и в школе царит культ Матери и Отца, культ Дедушки и Бабушки

Любовь к матери и преданность ей — любовь нежная и требовательная, сердечная и тревожная — это первая школа коллективизма...

Намешано всего — воз и маленькая тележка. Но центральная идея — почтительность и повиновение, «долженствование и ответственность». В трезвом уме трудно понять: чего ради мы должны восторгаться теми, кто выкинул нас в этот мир, не спрашивая нашего согласия? — скорее, это их вечная вина — и обязанность обеспечить потомкам сносные условия существования, доступ к культурному наследию человечества, возможность свободного выбора жизненного пути; многие ли родители так поступают? — почти никто.

Нет у нас никакого долга перед родителями — а есть забота о тех, кто придет в мир после нас (независимо от нашего участия в порождении): надо каждым поступком делать жизнь разумнее, устраивать ее по-человечески, чтобы всем жилось свободнее — и дышалось легко. Чтобы никто ни от кого не зависел, и трудиться не по обязанности, а с жадной творчеством, когда просто не можешь иначе, и ничего нет приятнее.

Но школа Сухомлинского — школа рабов. В ней с детства учат повиноваться и надеяться на возможность отыграться на слабых как-нибудь потом. Любите (ублажайте) старших (по возрасту и по званию) совершенно «бескорыстно» — то есть, ничего от них не требуя; тогда у вас будет «моральное право повелевать, подчинять». Что вы из себя представляете по жизни — никого не волнует; нужно лишь подбрасывать старикам повод «гордиться» отпрысками, хвастать их успехами как своими собственными.

Если маленький человек по-настоящему любит мать и отца,— он прекрасный труженик в учении.

Снова сказка о «настоящей» любви (которая ничего общего не имеет с любовью). Заметим, что на практике многие дети сбегают в школу, чтобы хоть ненадолго вырваться из семейного болота — вдохнуть воздух свободы (хотя и отравленный идиотскими проповедями). Городских по той же причине притягивает безнадзорная улица, с ее блатной иерархией; в сельской общине этой отдушины нет, там все на виду. Поэтому,

если воспитателю удалось утвердить в детском сердце именно такое чувство любви, ребенок *хочет* учиться хорошо потому, что любит мать и отца, он *не может* учиться плохо потому, что принести боль, огорчение, беду любимым родителям — для него настоящее горе.

По жизни, горе вполне может оказаться настоящим: отцовский ремень (и прочий инструментарий экономического и морального воздействия) эффективно «утверждает в юной душе большую чувствительность к мнению коллектива» и раскрывает «азбуку моральной культуры»: «соблюдение установленных и закрепленных традициями обычаев семейной жизни».²⁵

Если серьезно — не бывает любви по регламенту: нельзя полюбить отца или мать, старшего или младшего, — любить можно только человека (вне возраста и должности). Любовь свободна: у нее нет долгов. Но Сухомлинский не просто подменяет любовь рабством — он еще и заставляет любить рабство:

Любить без требовательности к самому себе — значит лишить любовь главного — долга.

А потом удивляется: почему криво получается?

²⁵ Из практики: иногда отцы увильивают от жестокой необходимости; тогда матери проводят с ними разъяснительную работу — и показывают пример.

Важной сферой жизни человека является сфера духовно-психологических и морально-эстетических отношений: семья, дети, долг родителей перед детьми, детей перед родителями. Это сфера, в которой человек, к сожалению, нередко еще остается невеждой, становится рабом или подлецом.

Семья — это и есть рабство и подлость. Особенно если ее превратить в абстрактное благо, в самоцель — средство укрощения строптивых:

Прежде всего, умение владеть своими желаниями, умение поступаться частью своих желаний во имя блага семьи, детей, родителей.

Разум не будет ничем поступаться — его желания разумны, ими не надо владеть, они становятся преобразующей, творческой силой. Всякий культ — отчуждение человеческого от человека, воспитание роботов.

Чтобы в полной мере соответствовать статусу общинной религии, культ предков оснащают всевозможными ритуалами. Например:

Ждет — не дождется ребенок, пока созреют яблоки и виноград, а созрели — настоящий праздник. Берет ребенок тарелку, срывает плоды, приносит их матери, бабушке, отцу, бабушке.

Из далекой первобытности: жертвоприношения. Где-то в храм несли, а здесь все тащат в семью. Заодно вырастает классовое отношение к труду: не ради чего-то общественно нужного — а чтобы выслужиться, снискать благоволение, приобщиться к благам... Лицемерное бескорыстие, вполне в духе прочих лицемерий. Главное — поменьше удовольствий, чтобы жизнь медом не казалась!

... дети, не знающие забот, тревог, беспокойства о матери, отце, дети, купающиеся в море удовольствии, не любят матери и отца, им неведома подлинная любовь, они обделены этим великим даром.

Кто недостаточно почителен — тому и противоположный пол любить не положено: обделены они этим даром. Любые шуры-муры — только с позволения старших по должности:

... хотя они мужчины и женщины, но для отца, матери навсегда остаются детьми.

И в античности (*Дафнис и Хлоя*) и в новые времена (*Манон Леско, Юлия*) рабы сходятся только по указу хозяина — их личные пожелания, в лучшем случае, терпеливо выслушают.

Культ всегда культ. Ничего нового. Но в секте Сухомлинского — отголоски матриархата, счет родства по материнской линии. Его школа «одухотворена культом матери». И всякую любовь выводят из любви

детей к матери и материнской любви. Разумеется, это никак не влияет на экономическое господство сильного пола — но в религиозном плане с дамами спокойнее: воспитанники идут за своим воспитателем — он для них главнее отца, он где-то на уровне отца небесного, или даже выше. Женские культы — земные, они обожествляют дикую природу. Напротив, как в семье мужик играет роль номинального главы и бессовестно эксплуатирует супругу, — так и бог-отец не от мира сего: он олицетворяет не деятельность, а власть.

Примат материнства — противопоставляет религию Сухомлинского большинству прочих культов, и прежде всего христианству, изначально провозглашающему культ отца (господствующего класса), неразрывно связанный с культами бога-сына (олицетворение права) и святого духа (власть религии). Буржуазная культура в недрах средневековья nascitur патриархальна и противостоит аристократической куртуазности²⁶ — но даже в конце XIX века большинство философов, педагогов и правоведов не считали женщину полноценным существом, и оправдывали ее порабощение прежде всего природностью — над которой призван восторжествовать дух. Как мы уже видели, «настоящая женщина» Сухомлинского ничуть не выбивается из буржуазной традиции: она остается всего лишь инструментом, носителем и выразителем идеи семейного (а следовательно и экономического) рабства. Дифирамбы «нежнейшей и красивейшей части рода человеческого» — маска духовного уродства. Однако Сухомлинский идет дальше: он против ограничения сферы орудийного использования женщин только семьей (и бытом) — ему важно задействовать этот мощный рычаг во всех сферах жизни. Разумеется, привлечение мужчин к домашнему хозяйству останется лишь широким жестом — но поднимать производительность труда за счет конкуренции с женщинами в условиях женского культа гораздо удобнее. При этом важно, чтобы на первое место выходил именно культ матери — в противовес хуже управляемой половой любви. У некоторых буржуев наоборот; например Йозеф Геррес:

... любовь женщины переходит в материнскую любовь, и, подобно тому как любящие склоняются друг к другу в любви, дитя склоняется к матери и в материнской любви завязываются узы, соединяющие людей в семье. Одна любовь — сила вторичная, другая же — изначальная.

²⁶ Маркиз де Сад выступал против пошлостей победившего капитализма под флагом женской свободы; заскорузный буржуа Бонапарт этого простить не мог.

Производить семейную вертикаль из притяжения полов — это не по-сухомлински. Но любое бодание за первичность — против разума. Нет в любви ни первичного, ни вторичного, — а есть бесконечность форм и оттенков, неограниченная свобода.

Поскольку семья в религиозной общине Сухомлинского подчинена школе, внутрисемейные отношения лепят себя с педагогического энтузиазма. Главный детовед пускает слезу:

Что самое главное было в моей жизни? Без раздумий отвечаю: *любовь к детям.*

Это значит — он не любил людей. Видел в ребенке не равного себе человека, собеседника, труженика, — а лишь урезанного «маленького человека», на которого надо влиять «мудрой властью». Изобразить товарищеские отношения можно — но только в качестве «старшего товарища», а лучше — по-родственному:

... вы для них — не только товарищ, друг, но прежде всего отец, мать.

Чтобы лишний раз настроить на семейную музыку:

Отцовский, материнский акцент в каждом слове о любви, браке, семье, воспитании детей — это словно бы волшебная палочка в руках мудрого дирижера...

Чтобы не вздумали любить друг друга — а знали только «любовь воспитателя к своим ученикам»: пусть «любят своего воспитателя, верят ему»... Сухомлинский осуждает «ограниченную только инстинктом, то есть по существу животную любовь к детям» — ему нужна не животная, а классовая любовь: раба к повелителю, доброго барина к послушному слуге. Школа задает тон — и пусть воспитанники как можно раньше сами становятся «воспитателями маленьких детей, дошкольников и первоклассников», чтобы «этот труд стал потом смыслом и целью их жизни».

И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле.

Это уже библия [Бытие 1:28] — ветхозаветный конспект передовой педагогики: плодитесь и размножайтесь, обладайте и владычествуйте...

Ладно, с семейной вертикалью разобрались. Но отношения между людьми этим не ограничиваются. Что еще могут любить подопечные Сухомлинского? Лично он — любит увязывать всякую любовь с

гражданственностью; однако было бы наивно воображать себе, будто феодального властителя заботит процветание державы — не говоря уже о строительстве коммунизма. Граница его мира проходит по окраине села — и мировоззрение на каждом шагу упирается в классовые барьеры: здесь — и там; мы — они; добро — зло; коллективизм — эгоизм... Такая, вот, наука:

Жизнь мысли, жизнь знаний — это любовь и ненависть, единомыслие и непримиримость.

Точно так же, искусство — это

огонек, который должен зажечь в юной душе любовь и непримиримость, преданность и презрение.

Вражда противоположностей — забудьте про любовь! Непримиримость надо раздуть. Искать врага. Вот новый категорический императив:

Делай все так, чтобы хорошим людям было хорошо, а злым — невыносимо.

Кто будет делить? Мудрый патриарх. Он подскажет, как любить «своих» и ненавидеть «аморальных циников». Кастрированная любовь плавно перерастает в ненависть:

Все школьное воспитание — это, по сути, воспитание любви и непримиримости, любви и человеческой гордости, любви и ненависти — любви к Отчизне и родному народу, ненависти к его врагам, любви к матери и отцу, любви к человеку, с которым ты будешь продолжать род...

Вместо единства — драка, мордобой... Вместо мечты и созидания — примитивная физиология. Поэтому и гражданственность сводится к резким граням: «грязи» повседневного труда противопоставлен яркий жест, эффектная выходка:

Мы стремимся к тому, чтобы маленький гражданин понял и почувствовал, что есть настоящая человеческая жизнь и есть холопское, рабское существование... Гневная ненависть к холопскому прозябанию — это нравственная основа величия духа. В детстве и отрочестве наши питомцы восхищаются героями, презирающими жалкое прозябание, идущими на мужественную смерть, любя жизнь и думая о победе.

Выходит, если не сдох — значит, не жизнь, а прозябание? А кто будет работать, вытаскивать человечество из дерьма? Это намного труднее: остаться жить — вопреки невозможности жить. Галилей публично отрёкся от своих убеждений — но мы не перестаём им восхищаться, ибо

сделанное в тени, после отречения, подрывало устои старого мира намного мощнее, чем демонстративное мученичество. А здесь:

Нет ничего прекраснее и величественнее героического подвига во имя Отечества.

Большинство проповедей Сухомлинского — о подвигах, прежде всего военных. Но подвиг — почти всегда жертва. Он говорит об убитых и замученных — но никогда о тех, кто уничтожает врагов и остается в живых. Он говорит о трудовых свершениях — но не о радостном труде, свободном от погони за достижениями и победами, не о научных открытиях, не о поэтическом вдохновении — или об обычной, человеческой любви, без «непримиримости» и «долга».²⁷ Так в детях воспитывают готовность положить себя под колеса истории, жертвовать всем — во имя чего?

Выясняется, что патриотизм — это нежные чувства к родной деревне, а гражданственность — приверженность интересам общины. Воспитывать и то, и другое собирается школа Сухомлинского, и для этого разработаны специальные методики. Нет, в любви к отдельным уголкам планеты нет ничего предосудительного — это нормально, таким способом человек осознает себя как личность. Важно при этом помнить, что во всем свои плюсы и минусы, — и хорошее не потому хорошо, что оно свое, родное, а плохое — не соринка в чужом глазу. И тут особенно полезно отрешиться на время от привычного и правильного в узком кругу — приглядеться к другим обычаям, вдуматься в «чуждую» идеологию, сопоставить, найти точки соприкосновения. Всегда ли хорошо расти в неизменном окружении, когда за окном — милый сердцу пейзаж, а вокруг — милые соотечественники? Не вырастет ли такое существо малость однобоким? Быть может, есть свой резон и в жизни космополита, нигде не задерживающегося надолго и воспринимающего всю планету как целое, большой дом для человечества в целом? Речь не о том, что одно плохо — другое хорошо: главное, чтобы человек был свободен избрать тот или иной путь — или придумать такой, которого до него и вообразить было нельзя. Крепостной общинник — такое же горе, как и бесприютный скиталец. Лишь бесклассовое общество устранил массовое производство и тех, и других.

²⁷ Ср. у Вольтера: есть «герои» — и есть «великие люди». Герои поражают подвигами — но историю делают незаметные труженики, которые не думают о грандиозных деяниях — но в этом и состоит истинное величие.

Любовь к родным местам у Сухомлинского неразрывно связана с любованием природой:

Наши деды и прадеды были поэтами. Словом они передавали нам свои заветы, свою любовь к родному краю.

По большей части, они передавали дикие предрассудки. Привычку тянуть ляжку — и напиваться по праздникам. Но у Сухомлинского — бездна высокопарности — и методики тренинга чувств, почти буквально списанные из *Эмиля* Руссо. В общем-то, особых возражений оно не вызывает: искать красоту всегда полезно — равно как и задействовать для этого ресурсы выданного родителями организма. Единственное пожелание — не ограничиваться физиологией и дикой естественностью. Если у кого-то слабое зрение — это вовсе не означает, что ему недоступны живописные прелести; музыкальность возможна и у глухих; уловить идею аромата или букет вина способен и тот, кому не интересны детали композиции и тонкости купажа. Излишняя чувствительность мешает воспринять единство замысла: за деревьями не видят леса. Методике Сухомлинского не хватает иерархичности: пристальный взгляд соединить с видом издалека. Уметь переключиться с одного уровня на другой, заметить разные (на вид несовместимые) грани одного и того же. Отсюда грубый эмпиризм, превращение красоты (или истины) в абстрактную данность.

А в природе нет ни истины, ни красоты. Их делают люди. Человек привносит в живое и неживое частицу себя, пропитывает бездуховное духом. Не только своим. Красота природы — лишь способ заметить красоту человека, почувствовать духовность — и самому стать чуточку выше. То есть, полюбить. Когда писатели и киношники заставляют своих героев падать в страсть на фоне изумительных пейзажей — это не литературный штамп; именно так природа на самом деле становится лакмусовой бумажкой для зреющих в глубине чувств. Точно так же совместное удивление гармонии мира заставляет людей идти на баррикады (но не на подвиги!) ради свержения власти подонков, убивающих такой удивительный мир. Подлинная (а не местечковая) гражданственность — мечта о всеобщем счастье.

Деятельная суть красоты — выводит ее из сонной естественности. Красоту можно не только усматривать — но и активно созидать. Плоды трудов человеческих столь же пригодны для воспитания разумных чувств, как солнышко, цветочки и ручейки. Более того, окультуренный

пейзаж прекраснее дикого: в нем не только любование, но и гордость. Человек обязан изменять мир, облагораживать лесные дебри, управлять течением рек, взрывать скалы — и воздвигать новые, рукотворные, где это уместно, и для души. Городской квартал может быть прекраснее гнилого болота. Обустроенный пляж — возвышеннее протухшего омута. Ландшафтная архитектура — интереснее дикого ландшафта. Бурьян напоминает про матроса-партизана — но розы на улицах (и в душах) все же приятнее. Вот этой, активной красоте и стоило бы научить детей. Не только деревенских. Чтобы люди стремились делать прекрасным быт — и очистить от грязи труд (и уж тем более не превращать эту грязь в орудие воспитания, как в педагогике Сухомлинского). Человек должен смотреть на природу человеческими глазами, а не умиляться каждой букашке, и не сочинять глупые сказки про вредителей. Можете сколько угодно уважать комара — но там, где комары мешают, пригодится хороший репеллент, химия которого не менее красива. А Сухомлинский пичкает малышей абстракциями:

Любовь к живому, творение живого и нежного дает маленькому человеку большое счастье: он обретает способность нести в своей душе что-то ему безгранично дорогое, родное. Сначала это цветы и птички, потом — человек, потом — мысли, идеи. Способность дорожить живым, красивым, единственно правильным — это корешок могучего ростка, который мы называем идейностью.

Живое живому рознь. Идейность не совместима с «единственно правильным» — она, по сути, и есть способ решать, что правильно в каждой конкретной ситуации, — но может быть неуместно в другой. Еще раз: любить можно только людей. В том числе опосредованно, через продукты творчества. Первое, что следует воспитывать в человеке — способность видеть разумное и осознавать неразумность. Отличать природу от духа. Тогда пугающее Сухомлинского противоречие между знанием и сказкой легко снимается: малыши больше не путают фантазии с реальностью — воспринимают сказки как сказки, как возможность создавать необыкновенное, творить миры; так мы готовимся претворять мечты в жизнь — но принимать желаемое за действительное разумный человек не должен.

Без сказок немислимо полноценное умственное развитие детей. «Сказочный» период умственного развития — не просто детство мысли. Это и своеобразный взгляд на мир, ни с чем не сравнимое видение природы, человеческих отношений.

Пусть будет. Сама по себе — сказка не ложь. Вредно — когда жизнь представляют сказкой. Ребенок все равно узнает, что человеку нередко приходится уничтожать живое — но он должен осознавать, что это не из пристрастия к уничтожению, а наоборот, ради творения действительно прекрасного. То есть, прежде всего видеть в деяниях возвышенный смысл — и только с этих позиций судить о необходимых и достаточных средствах. Только такой человек никогда не превысит меры разумного вмешательства — и уж конечно не станет садистом (чем Сухомлинский страшит читателя); филистерский садизм — это насилие без смысла, упоение властью ради власти, — а разумный человек занят переустройством мира, и ему никакая власть не нужна. Тогда и войну люди будут воспринимать не как абстрактное зло — не оправдание злодейства, а лишь вынужденная мера (только в рамках осмысленного), и следует так устроить мир, чтобы к этому не приходилось прибегать.

Ну как же! — возражает Сухомлинский. — Я тоже про это говорю, и даже в диссертации написал:

Важный элемент нравственной воспитанности — понимание и чувство того, что в мире есть вещи мерзкие, гнусные, недостойные. Испытывать отвращение, негодование к этим вещам — нравственная доблесть; быть сопричастным к ним — подлость и отступничество. Добрая половина всех наших усилий, направленных па то, чтобы наши питомцы были нравственно здоровыми и негибачемыми, уходит на утверждение кодекса человеческой порядочности.

То или не то? Нет, не то. Опять черно-белый классовый мир, война одних абстракций с другими. Вещи не просто есть — их делают. И суть в том, чтобы не только испытывать или быть сопричастным, — но и активно менять мир, чтобы (на первых порах) устранить какие-то мерзости — а потом выстроить отношения между людьми иначе, без грубых противоположностей, без линии фронта. Действовать по разуму, а не по кодексу. Не воевать, а созидать. Здоровье и негибачаемость — дело десятое, средство, а не цель; абстрактная нравственность, следующая раз и навсегда кем-то утвержденному кодексу, — это моральное уродство. Абстрактная негибачаемость (хотя бы и во имя великих идей) — это жестокость.

Мы добиваемся, чтобы у ребенка с малых лет пробуждалась боль души, когда он видит что-нибудь в жизни не таким, каким оно должно быть. Это чувство пробуждает горячее стремление утверждать красоту жизни, бороться с несправедливостью.

А откуда ему известно, что должно быть так? Мало ли какие кодексы сочиняют! Закон — это еще не все. Сама всеобщность закона — повод усомниться. С другой стороны, «утверждать красоту жизни» — занятие странное: другие могут не усмотреть в этом ничего прекрасного — лишь стремление всех причесать под свою гребенку, духовный бандитизм. Точно так же, бороться с чем-то — требует очень сильных допущений о собственной непогрешимости. Что на практике означает: плясать под чужую дудку.

В этой псевдонауке отсутствует главное: *совместность* труда. Любая неудовлетворенность существующими порядками вызывает не противостояние вещам и людям — а стремление что-то сделать *вместе*, общими усилиями решать большие вопросы. Если я кому-то сделаю больно — это больно всем; радость одного — и все счастливы. Тогда нет страха ошибиться — люди достаточно разумны, чтобы вместе со мной найти источник ошибки — и обустроить мир так, чтобы вообще снять подобные проблемы. Я не борюсь против чего-то, и ничего не утверждаю: я просто веду себя так, как подобает разумному существу, и даже мои ошибки разумны — поскольку они делают мир разумнее.

Разумеется, при таком воспитании уже не будет возможности давить на человека через формальные структуры:

Это и ответственность перед родителями: соблюдение установленных и закрепленных традициями обычаев семейной жизни. Это и отношения в классном коллективе: необходимость выполнять правила, которые регулируют поведение, стимулируют и в то же время ограничивают потребности, развивают интересы. В этих средах — в семье, в классном и общешкольном коллективах — ребенок получает уроки гражданственности.

Не нужна разумному человеку никакая семья. Неразумные традиции он соблюдать не обязан. Действует он как считает нужным — и не надо его стимулировать и ограничивать. Не правила регулируют поведение, не абстрактные «кодексы», — а сознательный выбор средств для каждой практической задачи. Гражданственность по Сухомлинскому — замена разума, выстраивание вертикали власти и подчинения — вместо сотрудничества и любви. Свободный человек не поддерживает ни одну партию — даже если, в каких-то условиях, ему приходится в партии состоять. Кстати, перед глазами (отрицательный) пример коммуниста Сухомлинского: его педагогическая теория никаким боком не ссылается на линию партии и партийного руководства не признает.

Но вернемся на минутку к «потребительской» любви. Кто-то любит пиво. Кто-то классическую музыку. Или прогулки под луной. Кому-то, быть может, милее лежать и смотреть в потолок — и видеть за ним бездонность вселенной. Нужно ли причесывать все это под несколько фасонов и типоразмеров?

Однако «настоящая» любовь по Сухомлинскому никаких радостей не предполагает: это только труд — и только от слова «трудно».

Долг — ядро человеческого благородства в семейной жизни. Искатели легких развлечений и удовольствий — это прежде всего люди слабые духом, безвольные, боязливые, а отсюда и подлые.

Что удовольствия бывают не самые легкие — что это тоже труд (ничуть не менее важный, чем производство органических тел), — ни в какую религию не вписывается. Благородно — это когда в клетке, и все друг другу должны. Которые хотят не по понятиям — готовы развалить священный союз кроликов при первой же возможности:

Разводиться торопятся прежде всего эгоисты — те молодые люди, для которых личные желания превыше всего на свете.

А что, желания могут быть не личные? Кто-то будет желать за нас? Это вершина рабской психологии, самая что ни на есть безнравственность и подлость.

Любовь к вещам и «бесполезным» занятиям (например, играм) — часть ответственной работы по осознанию собственной духовности. Дух, собственно, и начинается с отказа от утилитарности, превращения жизненной необходимости в удовольствие. Когда не надо ничего добывать, ни с кем соревноваться, кому-то что-то доказывать... Классовое общество подобных позывов не одобряет: развлекаться — прерогатива господ. Которые, по большому счету, развлекаются не сами собой, а по обязанности — чтобы соответствовать общественным ожиданиям. Коварная подоплека жизни со вкусом — скрытое изменение характера человеческих отношений. Действительно: любить можно только человека; но когда людям предписывают не любить друг друга, а бешено конкурировать — и за нарушение правопорядка установлены чувствительные взыскания, — любовь к людям принимает форму любви к вещам, продуктам человеческого труда, явлениям человеческой культуры.

Выражается это стремление прежде всего в отношении человека к вещам и через вещи — к человеку, поскольку в вещах очеловечивается

труд, воплощается мастерство, трудолюбие, моральное достоинство человека...

Любитель вещей формально следует правилам — но глупейшая возможность оттянуться якобы наедине с собой обнаруживает главное человеческое желание — стремление к свободе. Если удалось вырваться, на мгновение отделаться от рыночных войн, — значит, свобода таки есть! И тогда переход к обществу всеобщей свободы — вопрос времени. Борьба попов всех мастей и ханжеской морали против радостей жизни есть разновидность классовый борьбы.

Поскольку в классовом обществе господствует вещное отношение к людям, не приходится удивляться, что обыватель воспринимает других прежде всего как источник удовольствий (орудие для собственнических радостей). Это Сухомлинского не радует — но его критика насквозь реакционна, она превозносит ограниченность и застой:

В истине «дети — радость жизни» — глубокий смысл, но и глубокое противоречие. Ребенок сам по себе не может быть источником радости; в человеке, который повторяет мать и отца на новой основе, настоящим источником радости для отца и матери прежде всего является то, что они сумели вложить в него.

Суть разумной социализации как раз в том, чтобы дети не повторяли родителей — чтобы такой связи вообще не существовало, чтобы каждый мог воспитывать каждого — и тем самым воспитывать себя, радоваться неповторимости — и через это духовно расти. Рыночная терминология («вложили» — «получили») совершенно здесь неуместна. Радость — когда удалось настроиться в резонанс, когда другой чувствует в тебе человеческое — и в результате ты сам обнаруживаешь в себе человека, становишься личностью.

Величайшее наслаждение для разумного человека — радость труда, творчества. Не работать на барина (или природную необходимость) — а созидать то, что не связано напрямую с удовлетворением базовых потребностей. Приготовить что-нибудь вкусненькое — не то же самое, что надыбать жратвы; картина — не просто закрывает дырку в обоях; камин — не для отопления; одежда не для того, чтобы срам прикрыть; автомобиль — не только транспортное средство; танцы — кое-что кроме тренировки мышечной координации; секс — вовсе не для деторождения. Здесь тончайшие градации: красивая внешняя отделка может быть выражением духовности — или демонстрацией социального статуса; розу можно вырастить ради ароматного и красочного волшебства — или

на продажу; огородничать из удовольствия покопаться в земле — либо ради экономии на овощах. В реальной жизни противоположности часто уживаются в одной деятельности, перетекают друг в друга. Тем более важно воспитывать в себе некоммерческое, духовное отношение к труду. Любить труд.

Жизнь убедила: если ребенок не знает труда, одухотворенного идеей творения красоты для людей, его сердцу чужды тонкость, чуткость восприимчивость...

Это правда — если речь о труде свободном, самостоятельном, а не производственном задании (например, в рамках учебного процесса). Пока человек не стал субъектом деятельности, пока он остается предметом или орудием, — он не человек, не личность в полном смысле слова: личность раскрывается только в свободной деятельности — только эта свобода позволяет другим людям духовно расти, а через них деятель растет сам — в этом суть любви. Да, в классовом обществе люди разобщены, отчуждены друг от друга; но нельзя эту разобщенность возводить в культ, запрещать любовь:

До того времени, пока в мире есть эксплуатация человека человеком, нельзя воспитывать любовь ко всем, ибо нет какого-то абстрактного, внеклассового человечества.

Нет! Любить можно всех — но по-разному. В той мере, в которой они стали (или хотя бы могут стать) людьми, разумными преобразователями вселенной. А не торгашами — по Сухомлинскому (пардон за повторную цитату из аморального кодекса):

Вы пользуетесь благами, созданными другими людьми. другими людьми. Люди дают вам счастье детства, отрочества и юности. Платите им за это добром.

Все блага и радости жизни создаются трудом и только трудом. Без труда нельзя честно жить. Учеба — ваш первый труд. Идя в школу — вы идете на работу.

... человек напрягает усилия, делает не то, что хочет, а то, что нужно, и, наконец, переживает радость за сделанное для людей, *хочет* делать то, что *нужно* для всеобщего блага.

Ничего подобного! Человек — делает именно то, чего хочет сам; это умение желать и делает его человеком, а не придатком организма, не роботом, не вещью. Человек сам определит, что нужно для всеобщего блага: пока он не способен это сделать — он лишен разума. Человека не заботит, как будут использованы плоды труда, — ему важно, чтобы они

были! Человек свободен участвовать в любом производстве — и он найдет формы разумного участия. А не по указу сверху:

Справедливое распределение труда между всеми без исключения членами общества и справедливое распределение плодов труда между тружениками — объективная основа нового, воистину человеческого отношения к труду как к органической потребности: это, по существу, и объективная основа всестороннего развития личности.

Справедливость — понятие буржуазное: оно связано с отчуждением орудий и продукта труда, и уже этим предполагает несправедливость. Свободное человечество не отработывает повинность — оно трудится. Это не «органическая» (то есть, животная) потребность — это радость, удовольствие, чувство свободы: что бы мы ни делали — это важно и полезно всем.

Уродство системы Сухомлинского — в противопоставлении духа телу, и труд для него — только «физический» (и только на селе). В результате попытки объявить любовь трудом подвисают в пустоте — либо подставляют на место любви семейное или сексуальное рабство.

Подлинная любовь немыслима без труда, без понимания и чувствования, что такое трудно. Любовь — не дар божий, нисходящий откуда-то свыше: любовь добывается и постигается напряжением сил духа.

Труд — это когда не трудно, когда хочется еще и еще. Иначе — грязная работа, торговля собой. Но нам тут же объясняют, что речь не о любви, а об «истинной любви» по-сухомлински:

Истинная любовь к человеку — большой, нелегкий труд. Труд любви заключается в том, что человек отдает силы своей души другому человеку и при этом обретает то, что становится для него самым дорогим. Принести человеку радость и в этом найти свою собственную радость — вот в чем труд души, труд любви.

Отдает, приобретает... — базар! Рыночное «долженствование»... Никакой любви, никакого труда. Кому-то работать в хлеву или в поле совсем не в радость; но начальству положено проявлять «мудрую власть». Воспитатель гонит всех поголовно в поля и в гаражи — вкуче с банальным промыванием мозгов:

Социалистическое общество делает все для того, чтобы максимально приблизить физический труд к труду умственному, придать ему творческий характер. Молодежь с каждым годом все больше убеждается, что трудовая деятельность на заводе, стройке, в колхозе или совхозе не только дает время и силы для богатой духовной жизни, но и сама по себе способствует духовному развитию.

Вряд ли ученики этой сказке верят — выкручиваются кто как сумеет, спускают на тормозах. А барин и рад:

У воспитанников нашей школы физический труд стал неотъемлемой частью их духовной жизни.

Действительно, поиск способов откосить — дело серьезное, прямо-таки духовный подвиг! А патриарх продолжает развешивание лапши:

... с каждым годом все больше юношей и девушек предпочитают беспокойный физический труд токаря, слесаря, мастера животноводства спокойному, безмятежному умственному труду табельщика, учетчика, делопроизводителя и т. д.

Называть работу табельщика (и прочих конторских крыс) умственным трудом — как-то странно... С другой стороны, у кого спокойнее — большой вопрос! Принимать разумные решения и осмысленно вести учет — это вам не руками махать! Нарваться на неприятности — пара пустяков. Спроектировать мост — ничуть не безмятежнее, чем его строить. А уж муки научного или художественного творчества (если говорить о науке и искусстве, а не коммерческих поделках) — это на износ, мало кто из слесарей и животноводов согласится. Зато есть радостная статистика:

... многие молодые рабочие и колхозники, окончив заочно высшее учебное заведение, продолжают заниматься тем же производительным трудом, что и до поступления в вуз.

По своей ли воле? Деваться им чаще всего некуда; да и положение лимиты — не сахар.

Трудно понять, почему орудовать вилами или гаечным ключом — это труд, а стоять за прилавком или дежурить на проходной — занятие недостойное. В кривых руках и гаечный ключ — орудие экономической диверсии (если не убийства); в руках хорошего программиста — и клавиатура творит чудеса. Про благодать великой поэзии мы уже и не говорим. Чтобы снять различия между разными видами труда, нужны новые технологии, радикально новые решения: рационализаторства тут мало — и даже очень продвинутый слесарь не придумает метод дистанционного закручивания гаек при помощи мобильного телефона (или того круче — полностью безгаечную индустрию). Не бывает «высокого» и «низкого» труда — всякое ремесло в почете. Только не надо забывать, что ремесло — лишь материя труда, а одухотворять материю может только любовь. К людям, к их труду.

По-хорошему, следовало бы приглядеться и к любви на уровне коллективного субъекта. В определенных условиях сообщество людей (полноценных личностей, а не «коллективистов») может приобрести относительную устойчивость и представлять (но не представлять собой) некоторое единство, — как единичный субъект по отношению к каким-то производствам и как личность по отношению к другим субъектам — так что само различие «индивидуальных» и «коллективных» субъектов снимается. В той мере, в которой отношения таких «коллективов» между собой и с составляющими их личностями не закреплены никакими формальностями, — когда они объединяют, а не разобщают, — общение делает их носителями особой, коллективной духовности, и есть место для духовного развития — а значит, для любви.

Однако в педагогике Сухомлинского — это не вариант. Ему нужно представить общину единственно возможным коллективом, в котором все его части крепко спаяны волей патриарха. Да, существуют разные уровни и относительно замкнутые сообщества: «первичный классный коллектив» (с традиционно жестким разведением по годам обучения), коллектив учителей, комсомол и пионерская организация (возможно, с участием привлеченных работников); на периферии — семья, церковь, производственники, социальные службы (медицина и питание)... Но семью подчиняют педагогическому процессу, с попами конкурируют, производство прогибают под нужды школы (создание материальной базы и организация ученических рабочих мест). Строение школьного коллектива в точности соответствует устройству патриархальной семьи: строгое старшинство поколений, властные структуры на каждом уровне. Коллективы школьников — под руководством педагогов; формальный коллектив учителей — поверх любых ученических объединений; при этом каждый педагог относительно независим — и учительский коллектив в норме выступает не как единый субъект, а как совокупность личностей; заметим, что и в семье представители старшего поколения поодиночке главенствуют над младшими — но в некоторых случаях для младших старшие выступают как целостность, коллективный субъект: например, отец и мать — как родители. В составе коллективного субъекта — участники коллектива взаимозаменяемы, они вместе движутся к единой цели; отсюда ясно, что возникновение коллективного субъекта возможно лишь на основе любви — а любые формальные объединения так и остаются всего лишь коллективом, распределением производственных ролей. Так обстоит дело и в утопии Сухомлинского:

составляющие ее коллективы определены лишь в отношении к главе общины, это ее органы, части большого организма, физиология которого подчинена внешнему регулятору. Поэтому не приходится говорить о свободе взаимоотношений — связь чисто функциональна.

Братья по кодексу

Дружба как духовное единство и взаиморазвитие — один из ликов любви. Отличие от половой любви — только в характере воплощения, способе развертывания иерархии деятельности. В одном случае мы начинаем с биологического тела и стремимся одухотворить телесные отправления, освободить их от пошлой животности; в другом варианте внимание сначала обращено к отдельным частям неорганического тела человека, и общаемся мы формально, по поводу внешних вещей (или общих знакомых). До сих пор про неорганическое тело кроме Маркса и пары-тройки последователей никто не знает; поэтому бытует иллюзия резкого различия, и даже противоположности дружба и любви. Перерастание любви в дружбу — в обывательской морали означает увядание любви; зарождение любви — почти смертельно для дружбы.

Как мы знаем, растаскивать всех по клеткам и натравливать друг на друга — чисто классовые повадки, при капитализме приобретающие универсальный характер (всеобщее разделение труда). Когда-нибудь это глобальное недоразумение (цивилизацию) уничтожат — и не надо будет думать об отдельности, останется только любовь, в ее бесконечном многообразии.

Общинность Сухомлинского следует даже не капиталистическому, а феодальному образцу: любые общественные отношения подчинены единому центру — существует (как говорят физики) выделенная система отчета, и всякая относительность — только в дозволенных пределах. Опять же, на языке физики это означает, что на систему наложены внешние связи; следовательно, движение уже не будет свободным. Фактически, Сухомлинскому не нужны ни любовь, ни дружба, — ему достаточно лишь их проекций на априорно заданные структуры, никак не связанные с динамикой — а предписанные извне (подобно квантовым асимптотикам). Любовь при таком раскладе оказывается отраслью животноводства — объектом правового (семья) и религиозного (школа) регулирования. Тут все традиционно. С дружбой сложнее: действующим законодательством это понятие не предусмотрено — и загнать народ в

формальные рамки выставить не удастся. Точно так же, в религии положено любить только бога и ближних, а с дальними — сплошная непримиримость. Как быть?

Выход, конечно, же найдется: религиозная софистика. Давайте незаметно подменим понятия — и будем называть дружбой кооперацию, формальное объединение усилий для достижения общей цели. Для этого существует подходящая категория буржуазного права — юридическое лицо. Религиозным выражением той же идеи оказывается коллектив — внешняя общность, выражение способа организации деятельности. Право занимается экономикой коллектива — религия обеспечивает соответствие характера общения требованиям классовой культуры.

Специфика утопии Сухомлинского в том, что это педагогическая система (религиозная община), и потому вопросы животноводства — выше прочей агротехники: семья и школа занимаются разведением человек, и здесь вопросы любви безусловно первичны, а дружба остается подсобным производством, на вторых ролях:

Прекрасной школой труда любви являются дружба и товарищество, верность и преданность в отношениях между членами коллектива.

Вот полный букет диких, обывательских представлений: дружбу походя отождествляют с товариществом; и то, и другое — сводится к верности и преданности (формально) общему делу; и служит все это своего рода тренажером, предварительной ступенью для перехода к серьезному труду (деторождению). Все в куче.

Дружба религии и права выпирает из каждой буквы. Начальство не интересуется, как люди относятся друг к другу, — лишь бы не разваливали (классовую) экономику, блюли дух закона. Как и в половой любви, склеивает всех воедино сугубо экономическая необходимость — долг. Однако этой эпоксидке таки нужен отвердитель:

Без дружбы — преданной, верной, долженствующей — немислим коллектив.

Речь, конечно же, не о дружбе: точно так же, как любовь подменяют абстракцией «настоящей любви» — на место дружбы подставляют некую «истинную дружбу», которая не сама по себе — а подчинена выработанными в школе «законам» (догмам), которые предписано считать «важнейшим нравственным достоянием коллектива». Что же предлагают самозванные законодатели?

Не оставляй друга в беде, дели с ним не только радости, но и горести.

Ходячая мораль с допотопных времен. В переводе: каждый работает на своем месте, даже если бизнес далек от процветания (а при удачном раскладе — премию обмываем всем коллективом). Стадность, рабство.

Человеческая дружба — не в том, чтобы делить. Это совместный труд, избавляющий людей от горестей; такой труд — сам по себе радость. А у Сухомлинского — сплошная коммерция:

Дружба — это нравственное обогащение человека, поэтому тебе не безразлично, *каков твой друг*. Не просто надежный и верный друг, но надежный и верный *в чем* — вот что главное. Истинная дружба означает, что вы связаны не мелкими интересами, а великой целью.

Открытым текстом: вы члены производственного коллектива, для вас все, что не связано с бизнесом, — «мелкие интересы», а хозяйские указания — «великая цель». Поэтому отношение друг к другу — лишь способ доказать лояльность, выслужиться перед кем-то третьим. Кого начальство считает «ненадежным» — тот нам не друг...

У людей — дружба другая: она (как и всякая любовь) захватывает вся стороны бытия, она не в чем-то одном, а сразу во всем! Если мы заняты в разных производствах (и не натываемся друг на друга каждый рабочий день) — это ничуть не мешает нам оставаться друзьями. Каждый из нас свободен выбирать род занятий и менять его в любой момент. Духовная связь с другом от этого не зависит. Если мы в детстве играли во дворе, а потом разъехались по разным городам, — как это может изменить наши отношения? Даже если один из друзей умер, он продолжает жить в друге; общаться можно через парсеки и века.

Коммерческая струя — фраза про «обогащение». Казалось бы, если кто-то мне по душе — зачем мне что-то от него получать? Мы ничего не ждем и не требуем — мы любим друг друга. И никто ничего не должен. Но в «истинной» дружбе все кверху каком:

Дружба — это прежде всего вера в человека, требовательность к нему и долженствование.

Религиозная суть педагогики Сухомлинского — как на ладони. Его «дружба» — взаимная кабала (на благо хозяина):

Чем глубже твоя вера в друга, тем выше должна быть требовательность и тем больше ты *обязан, должен*.

Воистину, чем больше веры — тем больше рабства! Мы не «обязаны» дружить — мы просто дружим, потому что это нам нравится, и начхать нам на чьи-то долги. Любовь — это свобода.

Вспоминая о непримиримости Сухомлинского к отклонениям от стадного коллективизма, легко догадаться, что дружба вне коммерции подлежит строгому осуждению. Действительно:

Дружба и эгоизм несовместимы и непримиримы. Дружба учит *отдавать* духовные силы и богатства.

Ты мне — я тебе. Базар-вокзал... Эгоизм — когда наличные тратят на личное, а не пускают, как приличные господа, в оборот, в расчете на рост капитала и расширение рынка. Вот еще образчик:

... потребность в человеке рождается с желанием найти для себя в другом человеке источник радости, отдавая что-то свое.

Это как в бордель сходить. И снова: «для себя», «свое».

Когда у тебя появляется верный и надежный друг, во сто крат возрастает твоя заинтересованность в том, что делается вокруг тебя, какие люди тебя окружают, что для них свято и дорого, что они любят и что ненавидят.

Вот-те раз! А по собственной инициативе интересоваться окружающим и присматриваться к людям — запаadlo? Только чтобы выпендриться перед кем-то? И параллельно блюсти собственную выгоду (тогда как у разумных существ — только бескорыстный интерес, который сильно отличается от коммерческой «заинтересованности»)...

Дружба учит преданно любить и мужественно ненавидеть. Дружба — это вершина, с которой перед человеком открываются мельчайшие детали доблести и красоты, пошлости и уродства. Дружба дает нам зоркость на добро и зло. Дружить — значит быть прилежным, старательным учеником в школе требовательности.

Косяком буржуазные абстракции, голые противоположности... Лишь бы науськать одних на других — вселенский мордобой. Дружба как любовь — снимает различия, приводит к единству. Речь не о пошлом примиренчестве: в классовом обществе даже враги могут любить друг друга — а уничтожение цивилизации равносильно исчезновению всякой вражды.

Дружба испытывается в беде и опасности. Человек остается непобедимым в самых трудных условиях главным образом потому, что чувствует плечо соратника. Умей жить так, чтобы уже в отрочестве и ранней юности познать счастье единомыслия, счастье стойкости и негибкости в едином строю со своими друзьями.

Эдакая античная фаланга... Навалиться всем кагалом — и враг бежит. Заодно и придержать плечом с двух сторон — чтобы смыться некуда.

История учит, что и на фалангу нашли управу, научились ломать — обращать в паническое бегство. Еще Ахилл Татий рассказывал:

Уже не связывали этих людей ни дружба, ни хотя бы совесть, каждый думал только о собственном спасении, ничуть не заботясь об остальных. Так большая опасность с легкостью разрывает узы дружбы.

Товарищество формально — оно не может удержать вместе, когда это невыгодно. Именно поэтому Сухомлинский пытается примазаться к дружбе, уповая на то, что его урезанную общинность нормальные люди (еще не осознавшие духовности) перепутают с дружбой — по-своему интерпретируют слова, доверятся опытному манипулятору, не выловят софизм.

Омерзительные «испытания» — одна из древнейших литературных тем. Спрашивается: зачем дружбу (любовь) испытывать? Мы что, не доверяем человеку? — тогда какая это, к лешему, дружба? Подвергать друга или любимую унижительным проверкам — гнусная подлость. Тем более, подвергая кого-то опасности. Разум на то и нужен, чтобы делать жизнь уверенной и безопасной; где этого нет — недоразвитость и дикость. Человек сделает все, чтобы отвести от любимых малейшую угрозу, не омрачить дух, не оскорбить. Чтобы не требовалось никакой «стойкости и несгибаемости» — а было обыкновенное, человеческое счастье. Счастье любви.

Про единомыслие — любимый конек Сухомлинского. У людей — восхищение неповторимостью любимых, их несравненностью. Радость приобщения к новому, неожиданному. «Истинная» дружба воспитанных Сухомлинским роботов — это машинальные операции на конвейере, точность и синхронность, шаблонность, программируемость.

Умей жить так, чтобы тебя объединяло с другом единство духа, идеалов.

Да, у друзей много общего — но это именно *единство*, совместность заведомо различного. А не вынужденное сплочение перед лицом общего врага. Единство не может быть целью — оно вторично, возникает в совместной деятельности как побочный эффект. Любая деятельность уводит нас от единства — и возвращает к нему. Приковать людей цепями друг к другу — обречь на неизбежное одичание. Как у поэта:

Единство ради единства —
это единство свинства.

Призывы к единомыслию — скрывают классовую задачу: подчинить массы воле господ. Отучить мыслить — и тем более мечтать.

Власть педагога над личностью и коллективом — одна из главных проблем воспитания.

Изображающий из себя божество педагог навязывает коллективу и его членам абстрактную (не вытекающую из движения их духа) цель — причем важно не достижение, а лишь безоговорочное подчинение: «чтобы моя воля стала желанием ребенка». Единомыслие — духовное рабство, другая сторона рабства экономического.

Спорам об истоках дружбы — не одна тысяча лет. Аристотель обозначил дилемму: взаимную склонность порождает сходство — или противоположности сходятся. Сторонники каждой из позиций приводят убедительные аргументы. Все правы — и никто не прав. Это наводит на мысль, что вопрос о сходстве и различиях просто неуместен в делах любви. Кому хочется сродства пусть ищет сходство; кому нужны различия — пусть их найдет; сейчас это так — потом будет иначе. Любовь не серый камень — она как звездное мерцание. Живет, меняется, умирает и возрождается.

Помимо политических мотивов, первичность сродства в системе Сухомлинского вытекает из ее внутренней логики. Когда математики определяют на множестве отношение эквивалентности, множество распадается на классы взаимно эквивалентных элементов, и все элементы одного класса формально неразличимы. Связано это с чисто формальным характером эквивалентности: она наложена на множество внешним образом, а не вытекает из природы элементов. Точно так же, подчинение коллектива внешним образом заданной цели нивелирует индивидуальные различия, подгоняет всех под абстрактный образец. Когда общность складывается на основе живого общения, внутри нее каждая личность уникальна — и это заставляет развиваться коллектив. В отличие от педагогики Сухомлинского, где личность подгоняют под стандарт, вынуждают перестраивать внутренний мир под давлением извне: коллектив не продукт совместной деятельности, а инструмент в руках узурпировавшего власть «воспитателя».

Но продолжим о «законах» дружбы. Некоторые из них — глупая патетика, никаким боком к практике не привязанная:

Верная дружба немислима без мечты о будущем. Пусть дружба будет для тебя ярким светом, озаряющим жизнь.

Смысла — ноль. Что, наедине с собой мечтать нельзя? Или речь о том, что верность следует понимать как кабалу, обреченность: и ныне, и присно, и во веки веков... Дескать, не вырваться. У человека — есть

разум. Он не просто мечтает о будущем — он его делает. И меняет планы, когда изменился мир. Дружба, конечно же, на все влияет — но возникает независимо от мечтаний, и лишь задним числом становится их неотъемлемой частью.

Отрочество и ранняя юность — рассвет человеческой жизни: на рассвете человек должен создавать силы духа для мудрой и мужественной человеческой любви.

Юность без верной, преданной, идейно богатой дружбы убога и пуста. Не умея дружить, ты обкрадываешь себя. Озаренная светом высоких идеалов, духовно насыщенная дружба — это моральная энергия всей твоей жизни. От того, что ты сумел такой дружбой создать в годы юности и взять с собой в зрелые годы, — зависит твое счастье.

Здравствуйте, пожалуйста! Почему только юность? А в преклонном возрасте дружить никак? Опять рынок: нажать состояние — потом проживать... Или нам навязывают старческую немочь, неспособность мечтать и творить? Дескать, кто старше установленного срока — уже ни на что не годен, пора становиться в очередь в крематорий. Типа: пожил сам — дай пожить и другим. Кому песня — кому пенсия. Снова царство конкуренции, без любви.

Дружба воспитывает приверженность возвышенному, идеальному уже потому, что в дружбе больше отдают, чем берут, и по-настоящему приобретают лишь постольку, поскольку отдают; самым богатым становится самый щедрый. Готовность отдать самое дорогое во имя идеала — положить голову в борьбе за счастье народа — это огромное нравственное богатство доступно лишь тому, кто видит в жизни нечто большее, чем кусок хлеба и уютное гнездышко. Подлинная дружба учит презирать корыстолюбие.

Без рынка просто ни шагу! Отдают, берут... Дорогое, дешевое... Богатство и благотворительность. Это и есть корыстолюбие. Коммерция.

В человеческой дружбе вообще не требуется что-либо брать или отдавать. Рыночные понятия здесь совершенно неуместны.

Про путаницу категорий — как всегда. Возвышенное и идеальное — не одно и то же. Идеалы не обязаны быть возвышенными, а возвышенное вполне способно удовлетворяться прошлым, или текущим моментом. Конечно, сама идея возвышенного — от убогости классовой реальности; точно так же, абстрактность идеалов — порождение экономических и социальных уродств. Разумно устроенный мир ничего этого не знает — там все одинаково замечательно, и мечта неотделима от деяния.

Насчет идиотизма подвигов разговор уже был. Не добиваться своего, не выдавливать из жизни всякую дрянь, — а покорно лечь под каток; не быть счастливым — а «положить голову» неизвестно за что. Но идеи не витают в потусторонней пустоте — они возникают как особая направленность деятельности, которая мотивирована не в отдаленной перспективе, а здесь и сейчас. Кусок хлеба и уютное гнездышко — в каких-то условиях вполне могут обозначить идеал, представить, материализовать мечту. Вот, например, у Ленина [34, 332]:

... для масс полупролетариев, для большинства мелкой буржуазии города и деревни, разоренных, истерзанных, измученных войной, это не фраза, а самый острый, самый жгучий, самый большой вопрос о голодной смерти, о куске хлеба.

Изменится контекст — будут другие формы. Будем мечтать о герметичном куполе на Марсе, или о предотвращении столкновения галактик... Дело не в этих утилитарных целях — речь о человеческой способности (и призвании!) материализовать мечты, свои действием изменить мир — а не отсиживаться в изоляции патриархальной общины. Не идеал руководит нами — мы сами творим идеалы как инструменты разума, орудия труда. Чтобы вечно жить, а не умирать.

Насчет утилитарности — тут бы Сухомлинскому помолчать... Его утилитарное отношение к женщине как ходячему инкубатору или средству воздействовать на мужиков — верх пошлости. Точно так же, он собирается изуродовать дружбу — свести ее к конкуренции и сделать стрекалом для особо неповоротливых.

Чувство долга и ответственности личности перед коллективом тесно связано с чувством стыда: только тот, кому хочется видеть себя достойным высоконравственной, красивой дружбы, обладает большой чуткостью к тому, что говорят и думают о нем люди.

Да пусть они думают и говорят что хотят! Если у меня что-то есть — я этого достоин. Собой быть надо, а не рабом мнений. Только это красиво и нравственно. А нам тут — как будто цитируют Плутарха:

... строй, сплоченный взаимной любовью, нерасторжим и несокрушим, поскольку любящие, стыдясь обнаружить свою трусость, в случае опасности неизменно остаются друг подле друга.

Древние греки ничего не знали о любви! — что, конечно, не означает ее отсутствия. Любовь — несовместима со стыдом, это не стадное чувство, а отношение свободных личностей. Сухомлинский, следуя своему

иезуитскому методу, на коллективных пинках не останавливается, ему важно внедрить мнения толпы в самую сердцевину души:

Стыдно самому перед собой — это чувство развито у того, кто знает подлинную дружбу, умеет видеть себя не только своими собственными глазами, но и глазами друга.

А почему мне должно быть стыдно? Друзья не стыдятся друг друга. Опять же, раз вы такие умные — не доводите до стыда! Приведите ваш коллектив в соответствие с моими желаниями и возможностями — и мы прекрасно уживемся вместе. Коллектив — экономическое объединение; примешивать к вашему производству мои личные дела — это, мягко выражаясь, неблагородно! Никакой коллектив не имеет права вмешиваться в частную жизнь — пока существуют коллективы и частные лица. Сам же вещает:

Вообще «вывертывание души» воспитанника противоречит духовной гуманности советской педагогики, по отношению к подростку это преступление.

Золотые слова. Остается добавить, что это не только о детях, и не только о педагогике. Всякое посягательство коллектива на суверенность личности — классовое насилие, дикость и варварство. Тем более недопустимо ставить любовь на службу верхам, как у Сухомлинского:

Есть определенные условия создания и жизни коллектива; при отсутствии этих условий коллектив вообще немислим, и личность лишается наиболее сильного идейного влияния, идущего от живого человеческого содружества. Эти условия теснейшим образом связаны с подлинной дружбой, они создаются такой дружбой.

Мы будем дружить, ни у кого не спрашивая разрешения, — там, где это выражает нашу духовность, а не чьи угодно экономические интересы. Есть коллектив, или нет, — друзьям без разницы. Опять же, цитируем того же автора:

Я убедился, что основой дружбы в подростковом возрасте, особенно в тринадцати-четырнадцатилетних, являются чаще духовные интересы и потребности, нежели увлечение тем или иным видом труда.

Так на фига припутывать к дружбе коллектив? Независимо от возраста. Дружба свободна. Загонять ее в контрактные рамки может только моральный урод:

Быть требовательным в дружбе — значит иметь мужество разорвать ее, если друг предает то, во имя чего построена дружба — стремление к возвышенному и идеальному. Отступничество — один из самых

подлых пороков, и непримиримость, ненависть к нему должна воспитываться каждым шагом школьной жизни.

Друг по определению не может предать или отступить. Кто не давал обета — не ведает греха. Дружба вечна. Независимо от деталей биографии. Представлять дружбу какой-то временкой — грубейшее опошление. Включили — выключили. А потом заявлять, что

именно дружба является одной из сфер воспитания любви к человеку, взаимного уважения, ощущения тончайших душевных движений в другом человеке.

Дружба не воспитание любви — она и есть любовь.

Боль свободы

Во всяком деле — своя мера. Как только начинает просвечивать бесконечность — лучше остановиться и оглядеться по сторонам: быть может, уже и не надо продолжать? — не катиться по инерции, а поискать более насыщенных забав. При всей неисчерпаемости духа, хитрость разума в том, чтобы разместить его в конечных вещах: постигать бесконечное по частям — дело безнадежное; но можно охватить одним взглядом и вобрать сразу, целиком.

Мы посмотрели на педагогический эксперимент Сухомлинского в нескольких проекциях — и с прискорбием обнаружили, что эти якобы научные изыскания далеки от благоуханной изысканности... Об их идейной начинке — приходится непolitкорректно. Разумеется, всякий вправе предложить иной ракурс; вероятно, с какой-то стороны выглядеть будет если не приемлемо — то хотя бы терпимо. Однако лично для себя уже можно подвести итог: наши интересы — плохо совместимы с курсом на заскорузлую древность вместо светлого будущего, попытками навсегда заморозить формы человеческого общения — и тем самым поставить предел развитию духа. Каждый раз, упираясь в эти границы, мы вынуждены напоминать о свободе — экономической, политической, духовной. Бесклассовое будущее — не то место, где ходят по струнке и скрупулезно соблюдают приличия; разумному человеку не нужны никакие кодексы — он поступает как считает нужным, без оглядки на мнения, без авторитетов и вождей. Никто его не ограничивает — и не может быть речи о самоограничении. У каждого свои интересы — и нет нужды действовать в интересах других. Есть мир — который надо окультуривать, приводить к единству.

В этом одинаково заинтересованы все — но каждый со своей стороны, никого не повторяя и увлекая за собой. Что бы человек ни совершил — другие достаточно разумны, чтобы осознать истоки поступка, и при необходимости поставить перед обществом (то есть, перед собой) новые задачи, сделать мир разумнее.

Нашим современникам, испорченным классовым воспитанием, такая перспектива может показаться ужасной: дай всем волю — так они поубивают друг друга! Люди судят по себе — исходя из сегодняшних представлений о человечестве, расколотом на враждующие друг с другом группировки, о рыночной конкуренции, дикой войне всех против всех. Примеры иного отношения к вещам и к людям, прототипы будущего, всегда были, их много, — но они теряются на фоне обыденной необходимости строить свое благополучие за счет других; в рефлексии это ведет к абстракциям добра и зла — голым противоположностям, неотличимым одна от другой. Человека заставляют на каждом шагу делать выбор — принимать сторону одних против других. В результате разум вырождается в противоположность формальной рациональности или столь же формальных чувств — и внутри личности воспроизводится внешнее противостояние классов и партий.

Что может спасти? Только труд и любовь. Первое — свобода материального и духовного производства; второе — свобода развития духа. И только свободная любовь становится и любовью к труду; только свободный труд — станет трудом любви.

По видимости, об этом и говорит Сухомлинский — о труде и любви. Не хватает свободы. А без нее — не склеится, и вместо единства опять сплошные противоречия, непримиримая борьба. Развязать этот узел несвободный человек не сможет — нужна внешняя сила, сдерживание интеллекта и эмоций, подчинение их одинаково чуждой для всех воле. Капитализм в качестве всеобщего регулятора выдвигает рынок; старые, нерыночные формы возрождаются в разного рода утопических проектах, в том числе в педагогической утопии Сухомлинского. Религиозно-феодалная община — заведомо неподходящие форма для выстраивания разумных отношений между людьми. Однако в изоляции от внешнего мира, в рамках суженной до масштабов села экономики и в условиях равенства членов общины перед лицом духовного вождя — какое-то время способно существовать подобие единства, классово извращенная форма труда и любви. Великая заслуга Сухомлинского в том, что в такой, безобразной и пошлой форме он сумел сохранить отблеск идеала,

и кто-то, читая про этот педагогический кошмар, сумеет усмотреть в кромешной тьме далекие звездочки — и ему захочется стать чуточку ближе к ним.

Слово *свобода* — у Сухомлинского явно не фаворит. Встречается оно, почти всегда в составе клише: «борьба за свободу и независимость» какой-нибудь страны третьего мира — или советской страны. Если про буржуев — еще можно побороться за «счастье, честь и свободу человека», предположительно угнетенного исчадьями зла. Что все сие означает — никаких разъяснений; но это и не нужно, поскольку речь не о воспитании убеждений (с риском разрушения общины), а лишь об их имитации, об усвоении общинной идиоматики, — чтобы при случае согласиться с начальством: да-да, конечно...

Помимо этого встречаются рассуждения про свободное время — верится в которое с трудом, при столь жестком программировании воспитательного процесса, когда каждый день расписан по часам. Так уж и быть, не все в школе:

В предпраздничные и праздничные дни подросток пусть будет с матерью и отцом — это лучше всего.

Но мать и отец — обязаны посещать школу для родителей, где им доходчиво объясняют, как не оставить дитя наедине с собой.

Вообще, свобода развращает. Вон, раньше: оттрубит строитель или тракторист полную смену — а дома и огородик, и свинарник, и крольчатник... Даже выспаться не успевали (а туман в голове — вещь очень полезная для классовой пропаганды). А тут вдруг — надоело:

Купил несколько костюмов себе и жене, приобрел хорошую обстановку для квартиры. Но меня тревожил вопрос: допустим, будет у меня двадцать костюмов — стану я лучше от этого? Нет, не стану. Постепенно охладел я к вещам.

Опять же, городские изобретают всякие там комбайны, от которых производительность труда зашкаливает; а как быть сельчанам?

... свободного времени стало больше, — так неужели я буду продолжать такую же беспросветную жизнь? Нет, дальше так жить нельзя.

На помощь приходит Сухомлинский со товарищи: есть еще и духовная деятельность, которой всегда хватит, чтобы заткнуть дыру в расписании! Давайте книжки читать. Конечно, только правильные. Опять же, себе — радиоприемник, сыну — аккордеон. Чисто-культурно.

Раньше, бывало, не хотелось после работы идти домой, знал, что ожидает тяжелый труд; теперь свободное время научился ценить по-настоящему.

Деньги девать некуда — заделаться туристами, колесить всей семьей по всей стране (а если дорасти до академика — то и в загран).²⁸ Короче, свободное время — это чтобы век свободы не видать.

Еще одна боковая ветвь — борьба с конкурирующими сектами. Придуман спецкурс (серия проповедей) по истории свободомыслия, после чего детишки начинают богоборчество в семье и по церквям, смущая верующих совершенно неуместными вопросами: *А разум — разве это не душа?* Они не понимают глупости вопроса — и не поняли бы ответа (если бы в деревне нашелся достаточно умный поп). Тут кстати школьный мудрец — роль и психотехника которого вполне аналогичны месту старчества в жизни христианских общин (эдакая секуляризованная религия).

Слово *разум* — для Сухомлинского тоже заноза. Говорит про разум он редко, а все больше про веру, про моральную красоту, про долг и ответственность... Чтобы человек не разумно действовал — а по указке коллектива. Несознательное общество тут может директору подгадить:

От того, как каждый индивидуум, который потом стал членом коллектива, включается в общество, зависит формирование, с одной стороны, способности коллектива влиять на личность, с другой — способности личности поддаваться влиянию других людей.

Заметьте: ни слова про то, что социализация — двусторонний процесс, в котором не только общество влияет на личность — но и личность меняет общество (и в частности коллектив). В таком понимании — и личность, и общество свободны: никто никем не повелевает. Сухомлинский против такой свободы — ему надо чтобы все «поддавались влиянию».

Исключительно важную воспитательную проблему мы усматриваем в том, чтобы непрерывно развивать в человеке самоуважение, умение дорожить собственной честью, достоинством, строго контролировать свое поведение, подчинять личные интересы общественным, формируя их на основе стремления ко всеобщему благу.

Есть тут хоть капля свободы? Только вбитое сверху «стремление ко всеобщему благу» — про которое никому ничего не известно, и даже

²⁸ Далеко не все в советской стране были такие богатые. Кое-кому даже один костюм — великое достижение. И вещи приходилось не просто покупать — а добывать, доставать, по большому благу. Но в сельской утопии — все чин-чинарем.

задумываться грех. К чему скажут — к тому и стремитесь! Чем это отличается от проповедника-сектанта, с которым бодалась храбрая девочка Тина (из книжки про рождение граждан)?

Как и любая церковь, Сухомлинский подменяет понятия, именует убожество духовностью. И тогда, конечно:

Группа школьников не может быть настоящим коллективом, если духовная жизнь каждого воспитанника убога и ограничена.

В переводе: если остался хоть кусочек, неподвластный стадности, — человек свободен, и «коллективу» конец. Поэтому важно охватить все, универсальным образом ограничить дух.

Кое-кто из учителей считает, что воспитание коллектива и развитие, углубление интеллекта человека (ребенка, подростка, юноши), развитие способности к самостоятельному мышлению — вещи, будто бы несовместимые и разноплановые. Это примитивный, поверхностный взгляд на воспитание. Между тем во многих случаях группа школьников не становится коллективом именно потому, что у каждой личности и в совокупности личностей нет богатой жизни в мире мыслей, нет чуткого, взволнованного углубления в вещи, явления, идеи, проблемы.

В переводе: если вы не разделите разум на рациональность и эмоции, и не подчините эмоции (конечно же здравому!) рассудку — есть риск, что самостоятельность мышления потянет за собой еще какую-нибудь самостоятельность, идущую поперек представлений начальника о строении и функциях коллектива. А когда самостоятельность только в мыслях — ничего страшного: промывать мозги мы хорошо умеем!

Мы всегда боялись дать почувствовать подростку, что не верим в него. Потому что, как только он это почувствует, научится виртуозно обманывать воспитателя и родителей, достигнет в этом деле утонченности. Неверие в человека словно парализует душу подростка, не оставляет в ней места для самостоятельных решений, напряжения волевых усилий для определения трудностей, — он привыкает делать из-под кнута. Мы полагались на внутренние духовные силы человека: не стояли у него над душой, не держали его за руку, а предоставляли ему свободу выбора, и он выбирал как раз то, что мы от него ждали: напрягал волевые усилия, преодолевал трудности, переживая при этом уважение к самому себе.

Чуете высший пилотаж? Совершенное владение методами НЛП: человек якобы свободен выбирать — но выбирает всегда как раз то, что от него ждали. И почему Сухомлинского во время заграничных командировок

не переманили в одну из западных контор по соцтехнологиям? Крутой кадр. Вероятно, у них и своих специалистов достаточно; а советского лучше выучить по-буржуйски — да заслать в совдепию для разложения режима изнутри.

Религия поработает дух — как право закрепощает экономически. Для этого хитрый поп умело подольстится к наивности, как будто церковь преследует не свои (всегда корыстные) интересы, а лишь помогает прихожанину убедиться в могуществе духа, дает возвышенные примеры и указывает пути в бессмертие:

Я стремился, чтобы мои воспитанники осмыслили и пережили истину: да, человеческий дух бессмертен! Человек бессмертен. Он не безвестная пылинка в вихре времени, а творец. Бессмертно духовное богатство человечества, бессмертны прогрессивные идеи, завоевания, добытые человеком в его многовековой борьбе за освобождение.

Красиво — и скользко: абстракция свободы позволяет подставить на ее место все, что начальственной душе угодно. Ну что вы! — мы же не христиане какие-нибудь... Мы не про послушание. Великий Инквизитор полагает, что законопослушность — категория сугубо светская.

В послушности и покорности многие воспитатели видят внутреннюю душевную доброту, а это далеко не так. В годы отрочества такого очень бедного *выявления человека*, уже маловато: он жаждет проявить себя в сложной гражданской, общественно активной деятельности. И вот потому, что его не учили вкладывать свои духовные силы в другого человека, потому он не научился понимать, чувствовать, оценивать самого себя, отдавая свои силы творению добра для другого человека, он в годы отрочества словно перестает замечать, что живет среди людей.

Религия — «укрепляет» дух. А заодно учит выгодно вкладывать его, размещать под хорошие проценты...

Не должно быть ни одного дня, когда бы ум юного гражданина не углубился в мысли о силе собственного духа.

Вот-вот, медитируйте — вместо того, чтобы просто трудиться, жить разумно, не думая о себе и «своем» духе.

С самого «нежного» возраста, с детского сада в человеке должно формироваться преобладание силы духа. Этой мудрости мы учим...

Могучая мудрость: все только силой — никаких нежностей!

Мы учим детей, *как* гневаться на себя и быть требовательным и беспощадным к себе, *как* повелевать своими желаниями, *как* ненавидеть жалкое, малодушное чувство боязни нелегкого труда.

Это уже из области садомазохизма. Ненависть к себе — переряженная ненависть к другим; повелевать собой — это воля к власти, а не разум. Исторически именно «чувство боязни нелегкого труда» — источник всех открытий: стремление облегчить жизнь миллионам людей, работа на благо человечества; такие позывы, с точки зрения проповедника грубой силы духа — нечто жалкое и малодушное... А беспощадность к себе — прекрасная школа беспощадности в отношениях с другими.

Воспитание «сильной» личности преследует примитивную цель: подчинение другой воле, которая сильнее.

Без друга-взрослого подросток не может понять ту истину, что независимость имеет свои разумные границы, а свобода немислима без долга и ответственности.

Что есть истина? И так ли уж не сможет? Скорее, кому очень хочется истребить свободу — загнать дух в долговую кабалу. Но действовать надо аккуратно, исподволь, ханжески:

Нельзя даже допустить мысли о том, что обязательное обучение — это насилие над душой человека, классная доска — порабощение детской свободы, а мир за окнами — подлинная свобода.

Единственная забота наставника —

одухотворить воспитанников желанием знать, думать, иметь правильные взгляды на окружающий мир.

Кому как не ему виднее, что правильно?

Настоящий воспитатель тот, кто идет к питомцам со своими яркими мыслями, идеями, убеждениями. Речь идет о духовной потребности учителя выражать себя как личность, раскрывать свой внутренний мир перед людьми.

Но подопечные — пока не люди, и приходится объяснять:

Преодоление «не хочется» является сознательным стремлением к моральной силе и красоте.

Моральная сила — это эвфемизм для духовного уродства, разлада с собой: пусть все решает сила — тогда ума не надо! Впрочем, мы никого не принуждаем:

Педагог воспитывает прежде всего своей мыслью, своим думанием.

Людей воспитывают дела, а не мысли. Но школа дает знания — кем-то добытые и вкусно приготовленные истины:

... истинные знания не только объясняют, истолковывают мир, но и к чему-то призывают, куда-то ведут!

На самом деле, конечно, знания — всего лишь инструмент, и они никуда не ведут: ведут люди...

Быть воспитателем — значит к чему-то призывать.

И делать вид, будто и сам собираешься туда же:

Знания перерастают в убеждения только в том случае, если воспитанникам хочется быть похожими на воспитателя...

Вообще-то, убеждения бывают только свои — они не заботятся о похожести, им важнее подвигнуть на творчество, увести от традиций. Рыночное хозяйство — превращает убеждения в товар:

По самой своей сущности убеждения — вещь, которая добывается нелегко; задача воспитателя в том и состоит, чтобы, добыв свои убеждения, человек дорожил ими.

Это среди разумных людей невозможно (и не нужно) ничем дорожить: убеждениями надо жить. Почти по Сухомлинскому:

Там, где все покупается и продается, человек не может быть свободным.

Но в классовом обществе

Нелегкий, хлопотливый труд — единственно возможная тропинка к стойким убеждениям.

Хлопоты — суета. Разум не терпит суеты, и убеждения вырабатывает вовсе не для того, чтобы почить на лаврах: каждое убеждение — лишь ступенька к другому. Свободный человек — не будет рабом убеждений.

Свобода личности, в том числе и свобода чувств, является великим благом нашего общества. Но это благо может превратиться во зло, если взаимоотношения между людьми не пронизывает одно из самых чистых и самых благородных чувств: *чувства человека*, переживание того, что рядом со мной — люди, интересы и желания которых могут не сойтись с моими. Свобода чувств будет приносить общее благо только тогда, когда она вытекает из большой внутренней эмоциональной самодисциплины. Тут более чем в какой-либо иной сфере духовной жизни необходимо развитие чувства ответственности человека за другого человека. Подростков нужно подводить к понятию «свобода чувств» через дисциплину чувств, через самовоспитание и самоограничение.

Превратили свободу в самоограничение — теперь можно разделаться и с любовью.

Свобода любви требует самой суровой, самой непримиримой к легкомыслию дисциплины и самодисциплины. Это большое человеческое

счастье доступно только тому, кто умеет держать себя в руках, кто имеет власть разума над инстинктом. Только при этих условиях можно говорить о свободе любви.

С одной стороны — у нас договорняк: замалчивать секс, табуировать тему. Но при этом таки надо про это высказаться: как минимум, объяснить, что такое легкомыслие, о каких инстинктах речь (например, Н. К. Крупская развивает теорию «общественного инстинкта» — его тоже к ногтю?). Соответственно, в каком смысле понимать свободу любви. По факту, любая молчанка — это несвобода. Мы уже не можем свободно обсуждать — и вынуждены полагаться на указания свыше. Указания, надо сказать, довольно странные. Типа:

В хорошей семье женщина-мать вообще является нравственным руководителем и повелителем, и чем больше покоряется ее воле муж-отец, тем лучше для воспитания детей.

Хорошенькое дельце! Повелевать и покорятся — и это любовь??? Тем более странно припутывать к отношениям тет-а-тет каких-то детей: любит-то он ее, а она его, — и никого третьего им, вообще говоря, не надо (если не рассматривать узаконенную в наши дни групповуху). Точно так же, любиться вне семьи — намного свободнее, ибо семья — сплошные ограничения (хотя бы и приставкой *само-*). Впрочем, про свободу — это мы не туда забрели. В общине тотальный контроль:

Узнав, что мальчик и девочка до позднего вечера просидели под цветущей яблоней, мы не переживали тревоги и страха. Мы были уверены: между ними все чисто и благородно, потому что каждому из них есть что открывать друг в друге.

Конечно, педагог не станет принимать меры, если ему доложили, что все было «чисто и благородно». Надзиратель отбрыкивается:

Ни малейшего намека на то, что один пятнадцатилетний подросток назвал «ощупыванием сердца железными рукавицами».

Сам же и проговорился: чувствуют детишки именно так — и даже осмеливаются вякать против!

Про моральный кодекс — это бородатый анекдот. Ханжество викторианской эпохи:

Парню восемнадцать лет, ему понравилась девушка — и он уже обнимает и целует ее. Это распушенность. Подлинная любовь — великий, священный долг, обязательство на всю жизнь. Если ты хочешь не растерять свои чувства, не опустошиться духовно, — не поддавайся первому влечению. Целовать и ласкать человек может

того, кому он дает какое-то нравственное обязательство: стать мужем, стать отцом ее детей. Всякую другую любовь, любовь для острых ощущений, любовь от скуки — я считаю распущенностью.

Когда-то из-за неприличного взгляда вызывали на дуэль. Есть страны, где увидеть палец на ноге — все равно что лишиться девственности. Без паранджи ни шагу. Будь его воля, Сухомлинский запретил бы и танцуйки — это же сплошное неприличие, почти секс: балет — форменная порнография, а после вальса или танго — надо строевым шагом в загс (не говоря уже про какую-нибудь ламбаду или бачату — даже названия неприличные). Разве что сделать исключение для невинных девичьих хороводов... Разумеется, в полностью одетом виде, а не по-русалочьи! И волосы под платок — а то грех. Мало ли что издревле повелось! Традиция у нас одна — уважение начальства; именно в приличном (самодержавном) обществе называют народностью. Не какие-нибудь импортные нравы. Помыслить себе эскортницу, или воспользоваться предоставленной гостю (по обычаю некоторых племен) чужой женой — нечто совершенно невообразимое. А уж про сдачу генетического материала и искусственное оплодотворение — крамола, бунт. Ну вас в баню с вашей свободой и вашей любовью!

Не знаю, как Сухомлинский преподавал историю изобразительных искусств. Там же фиговых листочков не напасешься! А классическая литература? — замучишься цензурить. Ладно, Апулея и Бокаччо вырезать из программы легко. Похождения античной красотки Елены (или Гулливера) — беспощадно адаптировать. Но поэта Александра Пушкина или писателя Льва Толстого так просто не вычеркнешь — хоть и они говаривали по матери. Нет, лучше всего музыка: если без слов — ничего неприличного не разглядишь. Впрочем, и тут не получится без оглядки: мудрый педагог Аристотель, например, писал, что флейта — инструмент эротический, и несовершеннолетним такое категорически противопоказано... Так что нечего сопеть на дудочке! Только гусли звончатые, да гусли лапчатые.

Ладно, посмеялись, поплакали... Доистребили в себе все разумное. Пора ставить точку. Или пулю в лоб.

Но напоследок — пара длинных цитат. Сначала о том, что не есть хорошо, и что, таким образом, объявлено вечным и неизбежным:

Вот что считается у нас мерзким, гнусным, недостойным человека: отступить от своего долга; наедине с самим собой поступать не так,

как ты поступал бы на глазах у людей; лениться, бездельничать, быть нерадивым, дармоедом; выдавать за доблесть и заслугу то, что является твоим долгом; быть жадным, корыстолюбивым, гнушаться простого труда отца и матери; надругаться над старостью; лицемерить, говорить не то, что думаешь и чувствуешь; заискивать перед тем, кто сильнее тебя; давать пустые обещания, нарушать слово; наушничать, доносить на товарища, честного человека, допустившего ошибку; злорадствовать, малодушничать, уходить от ответственности за свой предосудительный поступок, сваливать вину на других; проходить равнодушно мимо человеческой беды, горя, отчаяния; оправдывать свое равнодушие физической слабостью, бессилием; употреблять свою силу, физическое превосходство во зло; молчать, когда надо говорить, и говорить, когда надо молчать; отступать перед опасностью из стремления сохранить свой личный покой и благополучие; добиваться для себя облегчения за счет трудностей и лишений товарища; пользоваться результатами труда товарища, выдавать его труд за свой; обижать девочку, девушку, женщину; пустословить, произносить впустую дорогие для всех имена; надругаться над памятью умерших; смеяться над увечьями; обижать животных.

Здесь каждое слово — образец высокопарной демагогии, лицемерия, ханжества, беспардонной софистики, самодовольного барства (которые, конечно же, мерзкими, гнусными и недостойными Сухомлинский не считает). Абстракции с двойным дном — толковать которые дозволено только главному гуру; остальные — его эхо, и безусловно согласны.

Второй фрагмент — логическое дополнение и продолжение: о том, что прихожане господствующей церкви (пардон, школы) обязаны считать правильным, и что им неустанно разъясняют на обязательных к прослушиванию проповедях — а также в сеансах сказкотерапии и прочих мозгомойных (пардон, педагогических) процедур. Так сказать, этический кодекс подрастающего динозавра, верный способ воспитать морального (или даже «высокоморального») урода. Все прелести в одном флаконе — внемлите и трепещите!

В системе этических бесед раскрываются такие нормы, правила, требования, проблемы нравственности, как долг и долженствование перед родителями, старшими поколениями, социалистическим Отечеством; сущность истины: Человек — высшая ценность; гармония желаний и долга, желаний и дисциплины, желаний и истинных потребностей; отношение к жизни, к счастью бытия; уважение и почитание стариков; почитание памяти умерших; умение

властвовать над рассудком и руководствоваться требованиями долга, а не просто желаниями; самовоспитание желаний, достойных человека; нравственный смысл понятий: жизнь для людей, доблесть, благо и добро; счастье и горе; чуткость к внутреннему духовному миру другого человека, к радостям и горю других людей, сочувствие и сопереживание; нравственный смысл понятий: день рождения, семья, сын, дочь, внук, отец, мать, бабушка; моральная сущность активной деятельности, в которой выражаются понятия должностования, — надо, необходимо, недопустимо; послушание и умение велеть, приказывать самому себе; понятия трудно, трудности; воспитание нравственной готовности преодолевать трудности; духовно-психологические и нравственно-эстетические отношения между юношей и девушкой; нравственная чистота, благородство и ответственность любви; поступок, проступок и вина; нравственный смысл понятий совесть, угрызение совести; аморальность эгоизма; мое и наше, личное и общественное; вещи на службе человека и опасность порабощения человека вещами; умение ненавидеть зло и быть непримиримым к нему; равнодушие, отступничество, предательство — величайшее зло; нравственная сущность общественных интересов; труд и трудолюбие; что такое трудолюбие в учении; аморальная сущность лени, безделья, нерадивости; дармоедство — социальное зло; лень мысли, пустота души, убогость интересов, легкомыслие — опасности, которые человек сам должен предотвращать; в чем заключается нравственная зрелость человека и богатство его духовной жизни; великий нравственный смысл гордости сына социалистического Отечества; высокое и ответственное звание коммуниста, ленинца — идеала нашей морали, поведения, деятельности; труд во имя укрепления дружбы народов СССР, братского содружества стран социализма, интернационального единства трудящихся всего мира; помощь угнетенным и эксплуатируемым в странах капитала, помощь трудящимся, борющимся за освобождение от колониального рабства — морально-политический долг всех советских людей; защита Отечества — священный долг советского гражданина; умение уважать законы Советского государства; как воспитывать в себе мужество, стойкость, силу воли, храбрость, бесстрашие.

Непревзойденный концентрат вредительских предрассудков, шедевр абстрактного морализаторства. Начало, конечно же, с «долга»; потом каждая фраза — перл заскоружлой эмпирики и лицемерия. С учетом собранных выше критических замечаний, желающие могут продолжить, высветить убожество этой морали — разнести по кирпичику, в качестве домашнего упражнения. А мы пойдем глотнуть свежего воздуха...

Дух и буква

Когда мы говорим, что разумный человек свободен поступать так, как ему заблагорассудится — это вовсе не предполагает нескончаемого потока удовольствий. Есть вещи, которыми заниматься — ну, очень не хочется... Но почему-то обойтись нельзя. Отметая в сторону неуместные среди свободных гипотезы о разумном мазохизме (слишком утилитарно) или об очистке совести (от нее мы тоже свободны) — можно допустить, что в причисывании хвостов после чего-то очень вспомогательного и промежуточного есть своя разумность — а значит, и эстетика, и логика, и этика.

В условиях хронического книжного дефицита и сегрегации по щекотливости тем, даже художественную литературу про любовь найти было непросто — еще недоступнее ученые и философские трактаты. Теоретически, можно бы неделями просиживать в ленинке и длинно конспектировать (фотосъемка там была запрещена, а платный ксерокс по лимиту и по длинной очереди). Но у каждого таки официальная специальность, и предаваться любовным утехам далеко не всегда дозволено. Поэтому приходилось, в основном, выискивать по крохам в том, что дают, — с креном в то, куда все перекошено. То есть, пошлое морализаторство — или правовое регулирование. Вот это последнее и выступало чаще всего канвой, по которой отдельные популяризаторы бросали несколько стежков — то здесь, то там, — в качестве опоры для обывательской интуиции, без чего вмешательство государства в интимную сферу выглядело бы в глазах широких масс совершеннейшим произволом. А так — вроде бы для общего блага, во имя любви...

Изучение юридических норм и подзаконных актов быстро пришло к окончательной определенности: противоположность права и свободы очевидна; экономические основы буржуазной морали — как на ладони; необходимость преодоления любых догм в настоящей, человеческой, разумной любви — вне всякого сомнения. Вроде бы, можно убирать леса и горы строительного мусора — и больше заниматься духовностью как таковой. Но изжитое лично для нас — пока далеко не изжито в наличной культуре, и жечь мосты рановато: а вдруг по ним кто-то еще на нашу сторону перебежит? Да и собственную историю не хотелось бы огульно списывать в утиль — разумнее хотя бы что-то подвергнуть вторичной

переработке, в надежде иметь под рукой удобные заготовки, если очередной крутой поворот заставит оживлять трупы. Так уж и быть, потратим лишнюю сотню страниц — а читать никому не в обязанность, и весь этот раздел не слишком дотошному собеседнику предлагается с легким сердцем пропустить. Речь, конечно же, о духе — но и том, как далеки от него создатели строгих букв.

Это страшное слово...

КоБС.

Нет, речь не о немецком оборудовании для коррекции с обратной биологической связью (в одной из кавказских здравниц) — мы имеем в виду советский *Кодекс о браке и семье* — для определенности: РСФСР, год 1969, в редакции на начало 1980-х. Почему так? Просто под руку подвернулось. С тем же успехом можно было взять версию любого другого года — включая буржуазные кодексы постсоветской России, или аналогичные опусы каких угодно стран. Все они на одно лицо — которое тиражируется в каждой статье, так что нет ни малейшего смысла полностью разбирать на атомы: достаточно обозначить общий принцип прочтения и ключевые кочки на болоте. Никакой теории за всем этим не стоит — опись эмпирических пожеланий с упором на то, кто кому и сколько при случае будет должен. Поскольку разумные существа однозначно никому ничего не должны — технические детали можно смело опустить. А концепция ясна уже в преамбуле. Вот и давайте переведем на человеческий язык несколько пассажей — выбирая наугад.

Забота о советской семье, в которой гармонически сочетаются общественные и личные интересы граждан, является одной из важнейших задач Советского государства.

То есть, речь не про семью вообще, а только о «советской семье» — что сразу фиксирует некий конкретно-исторический тип. Это, вроде бы, согласуется с принципами исторического материализма. Если не забывать, что интересы сочетаются не только в семье — и заботиться надо бы именно о «гармоническом сочетании», а не об одной из ячеек, далеко не самой гармоничной. Поскольку «забота» выставлена задачей государства — налицо политическое регулирование, а следовательно, предметом разбирательства оказываются не всякие отношения, а лишь экономические (материальные) — причем не просто человеческие, а сугубо гражданские — и защищать предполагается лишь «интересы

граждан». Причем на первом месте — общественные, а к ним вдогонку еще и личные (не в смысле личностей, субъектов деятельности, — а в плане указания на единичный субъект права, юридический атом). Сразу ясно, что «гармония» здесь лишь относительная, так как направленность общественных, семейных и индивидуальных интересов может быть весьма и весьма различна.

В Советском Союзе [...] созданы наиболее благоприятные условия для укрепления и процветания семьи.

Предполагается, что в несоциалистических и недосоциалистических странах все не столь благополучно — хотя на деле семейственность есть явление классовое, и укреплять семью — значит звать коммунистов назад в пещеры. Если бы авторы текста были озабочены строительством коммунизма — они бы оговорили, что «укрепляться и процветать» семья может только в плане соблюдения общедемократических (все еще буржуазных) норм — но суть как раз в том, чтобы постепенно готовить отмирание семьи, переход на прямое участие людей в жизни общества. Условия, соответственно, имеются в виду лишь материальные (хотя бы и в очень широком смысле) — а слово «созданы» следует переводить как «хотелось бы создать».

Социалистическое общество уделяет большое внимание охране и поощрению материнства, обеспечению счастливого детства

«Общество» тут — эвфемизм (вместо «государство»). Опять же, «уделяет» переводим как «должно уделять». «Поощрение материнства» (без малейших намеков на отцовство) — ненавязчиво переводит женщин в ранг средства увеличения рождаемости, поддержания поставок рабочей силы на экономически выгодном уровне. Понятно, что «поощрять» можно очень по-разному — в том числе и путем грубого насилия. Поскольку же счастьем государство никак не заведует, «обеспечение счастливого детства» сводится к сугубо *материальной* поддержке — кого и в каком размере?

Коммунистическое воспитание подрастающего поколения, развитие его физических и духовных сил является важнейшей обязанностью семьи. Государство и общество всемерно помогают семье в воспитании детей, широко развертывая сеть детских садов, яслей, школ-интернатов и других детских учреждений.

Ну, воспитание пока (в лучшем случае) социалистическое... А если в семье — то лишь семейное. Напрягает «важнейшая обязанность» — то

есть, волевым решением *назначением* семьи становится производство *работника*; неплохо было бы огласить список обязанностей целиком: что советы считают менее важным? По-видимому, под формулой «государство и общество» имеются в виду собственно государственные учреждения, плюс партийные (и подведомственные им) органы, плюс общественные организации; общество как таковое не вмещается в сферу правового регулирования. Лозунг «всемерной помощи» — признание прискорбного факта: в СССР *нет* системы *общественного* воспитания; вместо этого — воспитание в семье *с помощью* общества (а не наоборот: в обществе — но *с использованием* института семьи). Наконец, если помощь сводится лишь к «развертыванию сети» — речь лишь о совмещении «важнейшей обязанности» с работой в общественном секторе (для чего приходится высвобождать силы и время).

Советской женщине обеспечиваются необходимые социально-бытовые условия для сочетания счастья материнства со все более активным и творческим участием в производственной и общественно-политической жизни

Опять речь о женщине, и только о ней, — предполагая, что именно она тянет на себе *основную* массу репродуктивной обязаловки; тем самым закон исходит из (факта и принципа) общественного неравенства. О правах мужчины — ничего; по умолчанию, мужчина и так начальник, заниматься «отцовством» он может на свое усмотрение, и помогать ему в этом незачем. «Социально-бытовые условия» — сеть производств для *экономической* поддержки материнства; однако где-то за скобками и моральное давление: общественное мнение к закону не пришьешь — но не желающие осчастлививаться (говорим: *женщина* — подразумеваем: *мать!*) вне закона, и защищать их от ревнителей традиций некому. Как обычно, «обеспечиваются» — выражение абстрактных пожеланий, или (иногда) намерений. Еще один казуистический трюк: мы, дескать, вас обеспечиваем; а будете вы обеспечены или нет — нас не касается! Типа: кайло дали — идите камни дробить; чего вам еще надо? — ах, вы еще и есть хотите! — ну, это не по кодексу...

Материнское «счастье» — для комплекта «счастливому детству» (см. выше). Счастье — категория не юридическая. Но предполагается, что мать всегда рада ребенку (и ни о чем другом не мечтает); другими словами: общество *требует*, чтобы женщина этому радовалась (или хотя бы изображала радость). Вместе с добровольно-принудительным поощрением рождаемости — скрытая угроза, моральное давление.

Не знаем, как насчет отцовства, — а материнство, по кобсу, заведомо *не есть* участие в производственной и общественной жизни! Поэтому приходится его как-то со всем остальным «сочетать» — а «социально-бытовые условия» обеспечивать только тем, кто согласен тянуть двойную ношу (не «для счастья» — а «для сочетания счастья»). Нечего по домам сидеть! К станку, в контору, — а дети в качестве неоплачиваемых сверхурочных (для них только «создают условия» — фронт работ).

Советское законодательство о браке и семье призвано активно содействовать окончательному очищению семейных отношений от материальных расчетов, устранению остатков неравного положения женщины в быту и созданию коммунистической семьи, в которой найдут свое полное удовлетворение наиболее глубокие личные чувства людей.

Как только пошли разговоры об «очищении», — да еще и попали в официальный документ, — делаем вывод: сейчас семейные отношения от материальных расчетов *не* очищены (а они и не могут быть очищены, поскольку брак есть сугубо материальное отношение, способ дележки собственности). Подразумевается, что торгашество — это таки грязь, отрыжка капитализма, — и очиститься бы надо... Но поскольку в перспективе лишь «создание коммунистической семьи» — никакого очищения и не предполагается: одну конкретно-историческую грязь просто заменяют другой. Реальным «очищением» стало бы уничтожение всякой собственности — а тогда и семья ни к чему. Нет, семья подана как *вечный* институт — а значит, через задний проход протаскивают и вечность *права* (а в конечном счете и государства), ибо иначе никоим образом не канонизировать семью как общественную структуру, экономическое и культурное явление.

Маленькое уточнение: расчеты бывают *только* материальными. Едва заходит речь о количествах и выгоде — это уже рынок; в какой валюте будем считать — без разницы. В условиях всеобщего базара товаром запросто становятся сколь угодно идеальные активы (типа возможности тренда — или способности мечтать).

Насчет неравенства мужчин в быту кодекс молчит — хотя семья не только женщину превращает в домашний скот, но и мужчин строго разводит по старшинству (о чем выразительно писал Фрейд). Однако, поскольку в закон впяна задача «устранения», — признано фактическое неравенство; а законодательство, исходящее из неравенства, само себя

ограничивает, не дает путей развития, — так что постановка задачи оказывается чисто абстрактной, для красного словца.

Почему личные чувства следует удовлетворять только в семье — совсем темно. Допустим, я питаю глубоко личную симпатию к генсеку КПСС; что же, мне с ним в брак вступать? А если я не один такой? Странная тогда семья...

В какой-то мере, с натяжкой, можно усмотреть в этой корявости выражение здоровой идеи: если разумные люди вступают в относительно устойчивый союз не для размножения или антиобщественных делишек, а исключительно из взаимной симпатии, — такая «семья» выступает как духовная категория; но именно поэтому она не может существовать как социальный институт — ибо отношения личностей суть их личное дело, и формальному регламентированию, нормированию и лимитированию не подлежат. Никакой кодекс в таких отношениях неуместен — и никаких расчетов не может быть по определению. Кому нравится словечко — пусть называет это семьей. Остальные будут любить как им заблагорассудится.

Преамбула заканчивается на неустойчивой ноте — с ощущением недосказанности, случайности, доморощенной эмпирии. Зачем все это затеяно? Почему надо выделять в особую область права одну из сторон регулирования имущественных отношений? Эдак можно по каждой отрасли писать отдельный кодекс — и менять их количество по мере появления новых отраслей (или исчезновения старых). Кажется вполне логичным, что в некоторых странах семейное законодательство вообще никак не выделено — а является одной из частей гражданского (то есть имущественного) права. Советские книжки считают это недостатком и мнят себя впереди планеты всей. Но по сути — в кобсе нет ничего, выходящего за рамки гражданского кодекса, и многие статьи прямо на него ссылаются. Есть страны, где вообще не пишут кодексов — а копят прецеденты и судят на основе прежней практики. В принципе, можно себе представить правовую систему, синтезирующую эти два типа в нечто иерархическое: с одной стороны, мы не полагаемся на случайные решения и требуем обоснования каждой нормы, исходя из каких-то общих принципов; с другой стороны, нормы вовсе не обязательно объединять крупными блоками — достаточно по каждой насущной теме составлять специализированные сборники, не имеющие формального статуса и динамически адаптируемые к изменениям законодательства. Такое построение лучше отвечает реалиям сегодняшнего дня, когда

разнообразие ситуаций требует большей гибкости от законодателей, — и есть эффективные инструменты анализа больших бах данных, с группировкой по любым критериям. Другими словами, *иерархическое* право разворачивается в особую иерархическую структуру в каждом конкретном деле, упорядочивая нормы по степени релевантности. Отсюда один шаг до устранения права как такового: давайте прямо решать на основе базовых принципов, без лишних опосредований; прецеденты тогда останутся лишь иллюстрациями, эвристиками, или учебным материалом. По сути, так могло бы буржуазное государство трансформироваться в систему общественного самоконтроля — почти готовую окончательно отмереть.

Но допустим, что кобс для чего-то все-таки нужен. Как могло бы выглядеть его рамочное описание там, где на самом деле собираются строить коммунизм (или что-то вроде)? Учитывая, конечно, условность отнесения такой юриспруденции к традиционному праву. Ясно, что задачу устранения централизованной регуляции следует прямо и недвусмысленно поставить в самом начале — и все остальное подать как переходные формы, которые предстоит общими усилиями изживать. То есть, социалистическое право защищает не одного гражданина от другого, а всех вместе от антисоциальных элементов, от дикости и духовного растреления. Преамбула такого утопического кодекса могла бы выглядеть примерно так:

Бесклассовое общество не нуждается в государстве и праве. Учитывая, что на переходном этапе производство и потребление в отдельных отраслях может регулироваться централизованно социалистическим государством (как временным органом общественного управления), настоящий кодекс закрепляет основные принципы такой регуляции в сфере воспроизводства рабочей силы и условий жизни людей:

1. Общество ставит перед собой задачу добиваться полного равенства людей в части как производства, так и потребления, — независимо от пола, возраста, происхождения, принадлежности к объединениям, или иных формальных различий.

2. Основная форма участия в общественном производстве и в быту — прямое (непосредственное) включение в производственный процесс и прямое получение необходимых средств существования от общества (включая регулируемые государством общественные фонды). Наряду с этим допускается образование объединений (коллективов, семей, союзов, общественных организаций и т. д.), опосредующих отношения членов общества к обществу в целом; с точки зрения общества такие

объединения выступают как коллективный субъект — переходная форма от государства к сознательной саморегуляции.

3. Взаимоотношения членов объединений устанавливаются в рамках неформального общения — но могут принимать форму принимаемых по взаимному согласию правил, норм и обязательств. Эти отношения государственному регулированию не подлежат.

4. Объединения могут совместно использовать какую-то долю общественных благ — в том числе на регулярной основе. Такое использование не предполагает исключительных прав — и не делает общественно доступные средства собственностью групп или частных лиц. Произведенный отдельными лицами или группами продукт становится частью общего благосостояния. Любые блага могут быть перераспределены в соответствии с общественной необходимостью, с соблюдением принципа равного участия в экономической и духовной жизни. Не допускается наследование материальных и духовных благ.

5. Принадлежность человека какому-либо объединению не должна ограничивать возможность прямого участия в любых общественных процессах, а также свободу присоединения к любым другим группам или выхода из их состава.

6. Все члены общества должны иметь равный доступ к средствам производства, свободу выбора рода занятий, а также направлений, форм и темпов образования, — независимо от участия в группах. Общество (и в частности государство) призвано обеспечивать всем равные возможности участия в производстве (включая доступность образования) и устанавливать возможный на данном этапе уровень потребления, соответственно перераспределяя общественный продукт между группами и лицами.

7. Производство органических (или иных) тел для использования в качестве материального носителя разума (субъекта деятельности), а также социализация этих тел (включение в совместную деятельность), есть часть экономики в целом, производство особого продукта (детей), принимающее любые возможные на достигнутом уровне развития технологий формы. Основным способом следует считать плановое индустриальное производство; однако в этом производстве могут на добровольных началах участвовать как отдельные лица, так и группы. Общество регулирует производство детей как любую другую отрасль экономики; в частности, минимальная потребность в рабочей силе может на переходном этапе удовлетворяться путем привлечения широких масс к деторождению — в сочетании с разработкой упрощенных (специализированных) систем образования.

8. Независимо от места, времени и способа рождения, дети считаются равноправными членами общества, которое предоставляет детям все

возможности для самообразования и самовоспитания, а государство предотвращает давление со стороны отдельных лиц или групп.

9. Дети могут быть включены в группы, ставящие перед собой задачи обучения и воспитания; однако такое вовлечение не делает ребенка членом группы — и общество переводит детей из одних групп в другие (или выводит из всяких групп) по мере необходимости, предотвращая однобокое развитие и обеспечивая возможность сознательного построения собственной индивидуальности.

10. Не существует возрастных границ: участвуя в общественном производстве вместе с другими, ребенок ничем от них не отличается; общество направляет развитие технологий с целью обеспечения полноты участия любых индивидуальностей во всякой деятельности, дополняя органические тела неорганическими расширениями.

На основе этих принципов, общество выносит решения по конкретным вопросам. Настоящим кодексом известные прецеденты предлагаются в качестве типовых решений (правовых норм), с целью ускорения и упрощения процедур, а также для обобщения и критического анализа. Никакая правовая норма не может противоречить базовым принципам, уточнение которых требует пересмотра имеющихся норм.

Конечно, так никто кодексы не писал — и вряд ли напишет... Как и любая формулировка, этот текст лишь в общих чертах обозначает суть дела — важен дух, а не буква.

Но вернемся с небес на землю. Первые восемь статей кодекса — общие положения. Их мы тоже разберем подробно — как источник заразы.

Первая статья — задачи кодекса (в количестве шести штук). Уже здесь — махровая реакция, гнилое болото.

дальнейшее укрепление советской семьи, основанной на принципах коммунистической морали;

Разговоры о «советской семье» возможны лишь там, где ясно, чем советская семья отличается от несветской. Ни единого намека. Далее, даже расшифровывая «коммунистическую мораль» как ссылку на «Моральный кодекс строителя коммунизма» (именно строителя — но отнюдь не коммунистического человека, потому что при коммунизме не нужно ни права, ни морали), — строить правовую систему на какой угодно морали — это нонсенс, типичная ложь буржуазной пропаганды. Мораль и право, конечно же, взаимодействуют — но это разные уровни культуры; путать одно с другим — как валить в одну кучу уголовный и уголовно-процессуальный кодексы. Право — из экономики; мораль — синкретическая рефлексия, кодекс предрассудков. Право учитывает

настроения обывателя — но служит господствующему классу. Через право этот класс влияет на мораль, объявляя закон вечным и неизменным, «естественным» принципом поведения, критерием моральности (но не нравственности! — ибо мораль почти всегда безнравственна, а нравственное — аморально).

построение семейных отношений на добровольном брачном союзе женщины и мужчины, на свободных от материальных расчетов чувствах взаимной любви, дружбы и уважения всех членов семьи;

Всякий нормальный человек придет от таких словес в полнейшее замешательство. Действительно, семья сначала объявлена синонимом брака — то есть, парным союзом мужа и жены (все прочие типы семей напрочь отменяются — и это само по себе странно); но в конце вдруг всплывает фраза о «всех членах семьи» — то есть, как чертик из табакерки выпрыгивают дополнительные персонажи, которые в браке с заявленными ранее женщиной и мужчиной заведомо не состоят; на каком основании они включены в состав семьи? Об этом кобс умалчивает. По логике, если мы собираемся регулировать семейные отношения — следует дать какое ни на есть определение семьи, и ясно указать, кого именно мы понимаем под ее членами. Такого определения в кобсе нет: хотя отдельные родственники упоминаются в ряде статей, нигде не оговорено, что не может быть каких-то еще, — отношения которых с уже известными членами семьи кобс не регламентирует.

Настоящее определение семьи мы находим в Гражданском кодексе, в разделе о наследовании. Там четко оговаривается, какие родственники являются наследниками по закону — и делятся они на первую, вторую и третью очереди. Тем самым семья *определена* как способ наследования собственности — и все отношения внутри семьи заведомо оказываются лишь «материальными расчетами», и ни о каких «взаимной любви, дружбе и уважении» и речи нет — а есть материальная зависимость и финансовые обязательства, — и это правильно, поскольку любовь, дружба и уважение суть *духовные* отношения, а право разбирается только с экономикой (даже если допустить, что советская семья как-то совместима с любовью — духовные связи не зависят от правовых норм, и основывать на них имущественные отношения никак не получится). Лишний раз убеждаемся в искусственности отделения кобса от ГК.

Можно, конечно, считать, что принадлежность семье и родство — разные категории. В таком случае наследование исходит из степеней родства — но чем тогда заведует кобс? Надо определять семью как-то

иначе. Ссылка на «брачный союз» явно не катит: если включить в семью родителей брачующихся (дедов и бабок будущего или наличествующего ребенка) — мы получаем, как минимум три брачных пары в одной семье; на каком из этих союзов зиждется «построение семейных отношений»? А если каждый из родичей вступал в брак по несколько раз, да еще встречаются усыновление и опека, — тут вообще черт ногу сломит.

С другой стороны, если предки проживают отдельно и не имеют вообще никаких контактов с потомками, включать их в состав семьи было бы странно (хотя родство все еще может влиять на наследование). Тогда следовало бы исходить из общности быта, определяя семью как коллективный субъект (юридическое лицо). С точки зрения права, семья участвует в материальном и духовном производстве как целое; отношение семьи к государству и внутрисемейное разделение труда подлежат правовому регулированию. Однако кобс и тут запутывает дело, утверждая право на (никак не определенное законом) «общение» родственников, независимо от фактической принадлежности семье.

Осмысленная юриспруденция должна была бы выкатить список формальных критериев принадлежности семье. Вроде того, как при поступлении на работу сотрудник подписывает трудовой договор. Заключение брака — частный случай. Включение в семью кого-то кроме супругов — требует особых правовых актов.

Разумеется, следовало бы недвусмысленно указать, какие именно производства могут (но не обязаны!) находиться в ведении семьи; вообще говоря, участие в каждом из этих производств члены семьи особо оговаривают в «семейном контракте». Тогда кобс целиком и полностью сводится к оформлению актов гражданского состояния, — оказывается разделом гражданско-процессуального права.

Тут, правда, напряженка с принципом добровольности. Даже при регистрации брака приходится верить брачующимся на слово — хотя, как все понимают, в определенных обстоятельствах одуроченный или запуганный человек скажет что угодно. Но принадлежность ребенка семье устанавливается свидетельством о рождении — и младенческого согласия никто не спрашивает. С другого боку — совершеннолетие формально привязано к определенному возрасту, и можно, вроде бы, уже не считать себя членом семьи... — но по кобсу дети все равно обязаны содержать престарелых родителей (плюс несовершеннолетних братьев и сестер), и от семейных отношений никак не отделаться. Точно так же, развод, вроде бы, ликвидирует семью — но имущественные

обязательства остаются, не говоря уже о всяких «правах на общение» (и наследование). С одной стороны кобс загоняет несколько поколений в одну семью — а с другой, никак не регулирует участие предков в семейных делах потомков, и наоборот.

В классовом обществе, семейные отношения суть отношения по поводу производства рабочей силы — включая как репродуктивную сторону, так и образование, и поддержание работоспособности (быт). По всей видимости, советский кобс молчаливо подразумевает то же самое.

воспитание детей семьей в органичном сочетании с общественным воспитанием в духе преданности Родине, коммунистического отношения к труду и подготовки детей а активному участию в строительстве коммунистического общества;

То есть, воспитывает *прежде всего* семья, хотя и «в органичном единстве» (без малейшего намека на порядок осуществления этого единства — на методы общественного контроля и приемки результатов). Логически, поскольку речь только о «строительстве», возможно лишь *социалистическое* воспитание, и *невозможно* «коммунистическое отношение к труду» — по чисто экономическим соображениям.

всемерная охрана интересов матери и детей и обеспечение счастливого детства каждому ребенку;

Снова мать прикована законом к ребенку — и ни слова про отца (а тем более про остальных членов семьи). Но если «интересы» (какие?) надо охранять — значит, они в опасности! В какой? От чего защищаемся?

Про счастье — это не юриспруденция. Право, разумеется, имеет отношение к материальной обеспеченности — и эта сторона в кобсе хоть как-то затронута. Однако счастье не в деньгах — и даже не в их количестве. Человеку важно чувствовать себя человеком. Вспомним про дикую обывательскую мораль, третирующую внебрачных детей и сирот как опасных для общества уродов, моральных калек (каковыми эта мораль их и делает). Вместо борьбы с предрассудками — наоборот, семейное воспитание как норма, и ни слова о правах детдомовцев или прочих бессемейных, о праве ребенка на защиту от семейного и прочего насилия, от презрения и снисходительности. Ребенка ставят в полную зависимость от взрослых — загоняют в семейное крепостничество.

окончательное устранение вредных пережитков и обычаев прошлого в семейных отношениях;

В связи с предыдущим пунктом — звучит очень неубедительно. Кроме того, устранять вредные пережитки в одной отдельно взятой сфере —

дело заведомо безнадежное: синкретизм морали распространяет ее влияние сразу на все. Соответственно, про «окончателность» — это метафизика: выдавливать из себя мораль надо во всем и всегда; почить на лаврах — значит, оскотиниться. Кто определяет вредность — дело темное. У буржуев это господствующий класс, вооруженный аппаратом для промывания мозгов. А здесь кто?

Но даже если снять возражения по мелочам — остается главное: пережитки и обычаи — вне правовой сферы. Поэтому никакой кодекс их устранить не может. Только если моральное давление перерастает в противоправное деяние — можно бежать в суд. А что считать деянием в семейной сфере — бабушка надвое сказала...

воспитание чувства ответственности перед семьей.

Последний пункт по порядку — не последний по странности. Относить воспитание к правовой сфере — полная чушь; тогда следовало бы срочно составлять педагогический кодекс, образовательный кодекс... — пенитенциарный кодекс (уложение о наказаниях), вроде бы, уже есть. Скорее, подразумевается выработка условного рефлекса: человек знает, что над ним висит меч закона — и потому не делает неосторожного в отношении к другим членам семьи; только в этом аспекте разговор про «чувства». Разумеется, право не обсуждает никакую ответственность кроме материальной (не обязательно в денежной форме). С другой стороны, ответственность возможна лишь перед теми, кто пишет законы; в данном случае — перед государством. Чтобы возникла ответственность перед семьей, следует наделить семью правом издавать подзаконные акты — и требовать жизни «по понятиям». Отчасти так и происходит в классовом обществе.

В продолжение списка задач — эскиз области компетенции брачно-семейного законодательства (ст. 2):

Настоящий кодекс в соответствии с Основами законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье устанавливает порядок и условия вступления в брак, регулирует личные и имущественные отношения, возникающие в семье между супругами, между родителями и детьми, между другими членами семьи, отношения, возникающие в связи с усыновлением, опекой и попечительством, принятием детей на воспитание, порядок и условия прекращения брака, порядок регистрации актов гражданского состояния.

Картина презабавная! Может показаться, что кобс — это приложение к якобы имеющемуся «основному» законодательству (где все изложено

гораздо основательнее)... На самом же деле имеется в виду всего лишь общесоюзный черновик кобса, ранее утвержденный правительственным указом в качестве образца для сочинителей республиканских кодексов. Вероятно, на местах добавлены этнически окрашенные статьи; в России текст тупо переписан, под другим названием.

Формально, здесь просто оглавление кобса, зачем-то упакованное в одно предложение. Как и ожидалось, основное внимание — регистрации изменений гражданского состояния; отсюда сразу заключаем, что кодекс регулирует только отношения *граждан* — но не отношения *личностей*. Поэтому фраза про «личные и имущественные отношения» говорит про личные отношения только в смысле отношений *лиц*, т. е. актуальных или потенциальных работников. Кодекс регулирует чисто экономические отношения; семья и ее суррогатные формы (опека и «принятие на воспитание») представлены как экономические категории. Отсюда логично следует, что брак как *экономическое* установление не может быть прекращен свободно: он связан с другими производствами, и нужно оговорить такие условия прекращения, чтобы по возможности сохранить общую экономическую структуру. Если бы брак был связан с *духовным* воспроизводством (в чем пытаются нас уверить буржуазные и советские пропагандисты), для его расторжения не требовалось бы предусматривать «порядок и условия». Обратим внимание: порядок и условия вступления в брак — определяются экономическими условиями расторжения брака; то есть, вступая в брак, люди уже думают о разводе! Буржуазный брак требует явно оговорить условия развода в брачном контракте; в противном случае — сами виноваты, если что...

Дальше две статьи про равноправие.

Ст. 3 — про женщину и мужчину: в семейных отношениях они, якобы, «имеют равные личные и имущественные права». Со ссылкой на конституцию, где декларировано абстрактное равенство «во всех областях государственной, общественно-политической, хозяйственной и культурной жизни страны». Здесь, конечно же, личное — в смысле относящегося к *лицу* (юридическая категория), а не к *личности* (которая из области духа). Точнее было бы: *частное* (относящееся к частному лицу, частнику, — в противоположность всему общественному). Про культурную жизнь в 1979 году убрали — но, в принципе, можно было бы говорить о культурном равенстве с экономической стороны, как о равном доле *теоретически* причитающихся на каждого человека культурных благ; однако такое равенство настолько противоречило реалиям советской жизни, что предпочли не дразнить гусей.

В первой редакции ст. 4 была про «равноправие граждан в семейных отношениях, независимо от их национальности, расы и отношения к религии». В 1979 статью значительно расширили:

Все граждане имеют равные права в семейных отношениях.

Не допускается какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав, установление прямых либо косвенных преимуществ при вступлении в брак и в семейных отношениях в зависимости от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств.

Поскольку про половое равенство тут включено, ст. 3 можно было бы смело выкинуть. Видимо, оставили для сохранения нумерации (чтобы не менять ссылки из очень разных мест). Но текст получился пикантный: вступление в брак независимо от пола — это интересно... Ни в одной из последующих статей не оговаривается, кто именно может вступать в брак. Ст. 16 (о препятствиях к заключению брака) не исключает возможности однополых браков — если брачующиеся дееспособны и не являются близкими родственниками (хотя последнее явно противоречит принципу равенства ст. 4; с другой стороны, мачеха не состоит с пасынком в кровном родстве — почему бы ей не вступить с ним в брак?). Более того, запрет на вступления в брак уже состоящим в браке (что тоже против провозглашенных свобод) не мешает заключению сколь угодно обширных групповых браков — если для всех вступающих этот брак единственный.

Абстрактная формулировка про «другие обстоятельства» — неиссякаемый источник злоупотреблений. Например, как быть с ограничениями по возрасту? Входит ли это в «другие обстоятельства»? Ст. 15 устанавливает минимальный брачный возраст в 16–18 лет; это уже ограничивает права граждан. Допустим, что до этого возраста люди просто не считаются гражданами (это типично буржуазный произвол), и потому понятие брака к ним вообще неприменимо; но почему тогда не допустить внебрачное сожитие как тип семейных отношений? Нет, сожитие с малолетними считается уголовным преступлением — на каком основании? Предположительно, корни сугубо экономические: нештатное использование оборудования для производства рабочей силы может вести к рыночным убыткам. Соответственно, препятствием служит не возраст как таковой, а репродуктивная физиология. Но в

законе это явно не оговорено — и возможны всякие интерпретации. Ограничивать отношения людей из биологических соображений — в любом случае вульгарность, превращение человека к рабочий скот.

Жульническая формулировка «равные права» — ничего не говорит о том, в каких именно отношениях граждане (частные лица) равны. Очевидно, не во всех. Например, записать отца в качестве матери (и наоборот) никакой загс не решится. Хотя физиологически такое вполне возможно. С другой стороны, отец мужского пола имеет полное право кормить младенца грудью — но реализовать это право ему не так-то просто. Если семья состоит из нескольких поколений — вопросов еще больше. То есть, осмысленный текст должен явно указать, в каких областях производства (деятельностях), где женщина и мужчина *не* равны как личности, они равны как граждане (частные лица); равенство предполагает неравенство — в чем это последнее? То есть нечто существенно *неправовое* влияет на права граждан. Как и почему?

Пятая статья — идет поперек четвертой и говорит об охране и поощрении материнства. Материнство — это почетно; отцовство — вовсе нет (равно как и братство/сестричество, дедовство/бабуинство, кузенство или кумовство). Редакция 1979 года таки пытается прикрыть одеялом семью в целом — но все равно в тексте все про женщин. Ребенка опять вешают на шею к матери — льготы и пособия только матерям (хотя по жизни мужик запросто может эти подачки пропить — имеет право!). Совершенно непонятно, как государство собирается семью охранять и от кого защищать. Кто у нас враг по закону? Что касается лозунга про «поощрение» — намек на обязанность граждан поставлять государству новых работников и пушечное мясо по утвержденной разрядке; закон увязывает гражданские права с наличием детей, заставляет народ плодиться и размножаться, — при том что содержать детишек гражданам предлагается самостоятельно, выбивая время от времени какие-нибудь господачки (а для этого на практике приходится продирааться сквозь совершенно непролазную бюрократию).

Политика репродуктивной дискриминации закреплена статьей 6, которая напрочь отмечает все виды брака не проштемпелеванные в загсе. То есть, внебрачные (или рожденные в браке иного обряда) дети — вне закона, и поддержка государства на них не распространяется. Либо матери придется пройти через унижительные формальности и получить статус матери-одиночки (что, впрочем, тоже предполагает поражение в правах). О прочих членах семьи — и речи нет. Что уж говорить о

подкидышах и детдомовцах! Если одинокий миллиардер вдруг решит усыновить кого-то без роду и племени — всякая поддержка со стороны государства исключена: в законе прописана только мать!

Правовое регулирование брачных и семейных отношений в РСФСР осуществляется только государством.

Чем отличаются «брачные отношения» от «семейных» — так никто и не рассказал; но защита и поддержка — только плодоносящим. Получить жилье одиночкам без богатых родственников было при советах почти невозможно; приходилось идти в загс ради постановки на очередь (а там приоритеты по количеству официально признанных детей).

Дальше две технические статьи, из которых мы узнаем, что, кроме союзного и российского кодексов, силу закона имеют подзаконные акты, изданные кем попало по каким угодно поводам. Тем самым дышло становится предельно изворотливым. Сюда же примыкает вторая глава (ст. 9–12), где по вопросам сроков и давности всех дружно отсылают к Гражданскому кодексу. Примечательно, что исходный текст — о «брачных и семейных правоотношениях» — тогда как вариант 1979 года говорит о «брачных и семейных отношениях». Это попытка замазать глаза публике: имеются в виду все те же правоотношения — но подмена термина делает их синонимом взаимоотношений вообще, и позволяет государству вмешиваться в духовную жизнь свободных людей, а не только в разборки между гражданами. Бессрочный характер семейных дел — крепостное право: чтобы освободиться — надо потрудиться!

Все остальное — вытекает из уже изложенного. Плюс глупые мелочи, типа обязательности «торжественной» регистрации брака — что позволяет загсам прорезать брачующихся на энную сумму и подкормить знакомых халтурщиков, специализирующихся на помпезной дури.

Регистрация брака устанавливается как в интересах государственных и общественных, так и с целью охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей.

Очень показательное: государственные и общественные интересы законом противопоставлены интересам граждан. От чего надо права охранять — кодекс умалчивает; под это дело ловкий сутяга может подвести что угодно. В общем, призыв плодиться и деньги делить. Но почему-то распространяется «охрана» только на «супругов и детей» — прочие члены семьи, вроде как, и не в семье...

Между прочим, следовало бы так определить, что понимается под супругами. Из контекста мы заключаем, что это лица, между которыми

зарегистрирован брак (с проставлением соответствующей отметки в паспортах и выдачей свидетельства установленного образца). Но явно это нигде не формулируется; более того, нигде не оговорен состав этого коллектива, и теоретически возможны однополые и групповые браки. Без определения остаются также понятия мужа и жены — а в наши времена чего только не бывает! — иногда и не разберешь, кто какого пола, плюс нетрадиционные ориентации, плюс усыновление — когда формальные родители не имеют ни малейшего отношения к рождению. Поэтому, например, подвисает в вакууме статья 54:

Отец и мать имеют равные права и обязанности в отношении своих детей.

Родители пользуются равными правами и несут равные обязанности в отношении своих детей в случаях, когда брак расторгнут.

Оставляя пока в стороне необходимость уточнения «равенства» (по отношению к какому неравенству? в какой деятельности?) — спросим себя: совпадают ли объемы понятий «родители» и «отец и мать»? Не очевидно. Например, мать-одиночка прописывает в свидетельстве о рождении абстрактного отца — или после пары повторных браков, ребенок оказывается законом прикреплен к отчиму и мачехе, а исходные родители (если они есть) — вне этой новой семьи. Теоретически, почему бы не допустить наличие многих отцов или матерей? Запись в реестре не зависит от биологии (от способа появления ребенка на свет) — это чистая условность.

Но условности, оказывается, способны приводить к очень даже материальным последствиям. Например, как нас информируют, штамп в паспорте «порождает» права и обязанности. Главным образом, в смысле дележки имущества. Обязанности сводятся к материальной поддержке друг друга — формы которой предписывает суд. Причем эта обязанность сохраняется и после расторжения брака. То есть, брак, вообще говоря, не связан с семейным статусом. Ст. 19 разрешает супругам тут же после заключения брака разлететься по разным уголкам вселенной и больше не вспоминать друг о друге — однако при этом собственность уже общая, и на каждый чих надо испрашивать согласие других супругов. Спрашивается: зачем все это вообще затеяно? Плодиться можно и без брака — родство устанавливает суд, и отстегивать средства придется все равно. Родительские обязанности (типа «участия в воспитании» — что это такое?) и права (типа допуска к узаконенному чаду с целью

«общения») возникают и сохраняются независимо от брака (по суду). Тогда на фига? Единственное соображение — возможность выбить из государства льготы и пособия; но, положив руку на сердце, неспособным обеспечить своих детей до официальной зрелости — и рожать бы не следовало; плодить нищету — это социально безответственный акт, а безответственных надо бы лишать родительства... Чтобы не тратить государственные средства на какую-нибудь блядь (она все равно проплет!) — а поручить воспитание детей непосредственно государству (тем самым обезопасив психику будущих работников).

Пикантный момент: участвовать в «воспитании», по ст. 19, могут только супруги (официально признанные родителями). Прочие члены семьи не имеют права голоса. Как мы знаем, предки родителей по жизни оказываются очень даже влиятельными — но их влияние связано с иными экономическими отношениями, которые кобс не регулирует! Это теневая экономика, жизнь «по понятиям». Как и в уголовке, лазейки для таких отношений открываются там, где государство *не выполняет взятых на себя обязательств*. Так, если зарплата у родителей на нуле — государство должно было бы обеспечить ребенку достойное содержание из казны; но оно этого не делает — и родители оказываются в мерзкой зависимости у зажиточных стариков (спонсоров). Точно так же, если нет возможности определить дитя в ясли/сад — придется бить челом теще да свекрови, али еще кому. Потому как производственные обязанности никто не отменял — да и на курорт съездить иногда не вредно.

Как уже говорилось, воспитание (даже в кавычках) — вне правовой сферы, и юридически регулируется лишь движение активов. Даже защитить детей от попов или кухонных антисоветчиков государство не в состоянии (и не пытается этим заняться). Раздолье для спекуляций и кляуз, топливо для семейных конфликтов и вымогательства: детей бессовестно используют в качестве тарана — чтобы пробить выгодное для себя решение в каких-нибудь инстанциях. Детьми прикрываются отъявленные мерзавцы, дабы гадить окружающим и всегда уходить от ответственности; понятно, кем вырастут их дети. И не вздумайте соваться с советами! — по ст. 54:

Все вопросы, относящиеся к воспитанию детей, решаются обоими родителями по взаимному согласию.

То есть, вообще *все*. Только при отсутствии согласия приглашают арбитра со стороны (органы опеки и попечительства — но всегда «с

участием родителей»). О примате единой государственной политики в области социализации и речи быть не может. Тем более, что (по ст. 53)

Защита прав и интересов несовершеннолетних детей лежит на родителях.

Сбросили начальники с себя обузу — и рады как слоны...

Как уже отмечалось, для государства несовершеннолетние — не люди. Это не граждане, не лица — а значит, и не члены семьи! Их просто нет — и кодекс трактует их как вещи, которыми родители совместно распоряжаются наравне с прочим имуществом (и делят при разводе). Ст. 53–54 говорят о «своих» детях — тем самым превращая ребенка в собственность. При этом:

Родители являются законными представителями своих несовершеннолетних детей и выступают в защиту их прав и интересов во всех учреждениях, в том числе судебных, без особого полномочия.

Детей, понятно, никто не спрашивает. Так оно было в античности — так остается по сей день. Лишний раз убеждаемся в классовом характере юриспруденции.

У детей нет никаких прав — но чудесным образом возникают обязанности по содержанию родителей (волшебной палочкой, опять же, служит бумажка со штампом). Пожизненное рабство. Особенно весело, когда в результате многократных разводов и браков ребенок получает, наряду с исходными родителями, еще и букет отчимов и мачех — которых, по закону (ст. 81), он тоже обязан содержать!

Учитывая аналогичные требования кобса о взаимном содержании супругов (ст. 25), братьев и сестер (ст. 82), дедов и внуков (ст. 83–84), и даже посторонних людей («фактических воспитателей» — ст. 85–86), имеем полномасштабный набор законов об *иждивении* (ст. 48) — которое тем самым утверждается в качестве основного экономического отношения частных лиц. То есть, государство в одностороннем порядке *использует* граждан (иногда частично возмещая им издержки) — *принуждает* воспроизводить и продавать себя как рабочую силу. Никаких государственных обязательств и гарантий.

Институт иждивения — характерная черта классовой экономики. Человеческое общество обеспечивает каждому доступ к общенародному достоянию, независимо от взаимоотношений с другими людьми. Если бы в СССР действительно собирались строить коммунизм, первым пунктом закона стало бы признание каждого члена общества субъектом

совместной деятельности независимо от пола, возраста и всего прочего; в этом случае именно государство (как представитель общества в целом) берет на себя предоставление этим «гражданам» достойных условий быта и труда — а любые объединения (независимо от формальной регистрации) выступают лишь инструментом, органами государства — и полностью ему подчинены и подотчетны. Грубо говоря, каждому ребенку (безотносительно к происхождению и семьям) выплачивается установленное законом пособие — и совершенно без разницы, какой кассир будет его выдавать. Каждый ребенок обеспечивается жильем, одеждой, питанием и прочими удобствами по установленным нормам независимо от семейного статуса — это не ребенок, а полноправный член общества, которым никто не имеет права распоряжаться и помыкать. Но тогда никто и не обязан кого-либо содержать — и может в полной мере распоряжаться собой, стать экономически свободным. Напротив, советское право внутренне противоречиво: с одной стороны, общая собственность супругов — с другой, их личная собственность; ни тем, ни другим супруги не имеют права свободно распоряжаться — поскольку на личное имущество может быть наложено взыскание (ст. 23), а в общем котле каждому принадлежит лишь доля, «которая ему причиталась бы при разделе этого имущества» (следовательно, это не общая собственность в прямом значении, а лишь сложенные в кучу доли частных лиц). Современное буржуазное право более последовательно: каждому свое — а обмен только на контрактной основе. Общая экономика вовсе не предполагает общности средств — и понятие «общей совместной собственности» в правовом плане (то есть, в классовом обществе) совершенно излишне.

Отсутствие четкой идеологической основы делает кобс рыхлым собранием обывательских предрассудков, а не правом как таковым (инструментом господствующего класса). Идея взаимного содержания опирается на представление о семье как *экономической* ячейке общества; однако круг семьеобразующих производств не определен — и потому ни семья не может стать полноценным коллективным субъектом, ни общество не может потребовать от семьи продукта по сколько-нибудь четкой спецификации. Капиталистическое предприятие, напротив, заранее оговаривает формы и объемы участия в предусмотренной уставом деятельности — и существуют строгие нормы отчетности, порядок выплаты государству гонорара за инфраструктурные услуги.

Туманные формулировки кобса — классический пример советского законотворчества, пытающегося сидеть между двух стульев. Так, ст. 27 гласит:

Суд может, принимая во внимание непродолжительность срока пребывания супругов в браке или недостойное поведение супруга, требующего выплаты ему алиментов, освободить другого супруга от обязанности по его содержанию или ограничить эту обязанность определенным сроком.

Что такое «непродолжительность»? Одному из супругов срок может показаться мгновением — для другого это пытка вечностью. Точно так же, отличить в правовом плане достойное от недостойного — задача совершенно непосильная (кроме, быть может, преступных махинаций с имуществом). По-рыночному, требуется экономическое обоснование: исполнение финансовых обязательств одной стороной предполагает аналогичные действия другой, в соответствующей пропорции.

В том, что касается расторжения брака, советское право не только буржуазно — но и попахивает крепостничеством. Ну, всякие фишечки типа невозможности продления брака в завещательном порядке (или посмертного развода, задним числом) — это ерунда. Но вот ст. 31:

Муж не вправе без согласия жены возбудить дело о расторжении брака во время беременности жены и в течение одного года после рождения ребенка.

Требование очень странное. По закону (ст. 26) он все равно должен содержать супругу и ребенка — а сохранение конфликтного брака идет вразрез с интересами всех сторон, и прежде всего травмирует психику детей. Точно так же, намеренное затягивание развода по ст. 33 может в ряде случаев быть просто преступным (с летальным исходом). В той же преступной статье:

Суд принимает меры к примирению супругов и вправе отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения в пределах шести месяцев.

Брак расторгается, если судом будет установлено, что дальнейшая совместная жизнь супругов и сохранение семьи стали невозможными.

Вот она, «грязь бракоразводного процесса», о которой писал Энгельс! Буржуазность брака требует буржуазного развода — со скандалом и взаимными претензиями. Как же, все по закону!

По поводу споров о воспитании детей после развода (ст. 34) — все то же вещное отношение: это совместно нажитое имущество, не более.

Предполагается, что детей содержит и воспитывает семья. А было бы правильнее при разводе вообще отбирать детей (национализировать!), обязав родителей выплачивать алименты напрямую занятым детьми государственным учреждениям (платят же родители за детский сад, и отстегивают что-то школе! — см. также ст. 69).

Еще один образчик непоследовательности — ст. 43, о фиктивных браках. На основании ст. 19:

Каждый из супругов свободен в выборе занятий, профессии и места жительства.

То есть, супруги могут не иметь ничего общего, кроме штампа в паспорте (и вытекающих из этого имущественных ограничений). Но:

Брак может быть признан недействительным при нарушении условий, установленных статьями 15 и 16 настоящего кодекса, а также в случаях регистрации брака без намерения создать семью (фиктивный брак).

Брак не может быть признан фиктивным, если лица, зарегистрировавшие этот брак, до рассмотрения дела судом фактически создали семью.

Ссылка на статьи с формальными запретами от фонаря хоть как-то понятна — хотя и здесь свои странности: например, ст. 16 запрещает брак между братьями и сестрами, а в ст. 43 читаем:

Если к моменту рассмотрения дела отпали обстоятельства, препятствовавшие заключению брака, он может быть признан действительным с момента отпадения этих обстоятельств.

То есть, если мы перестали быть родственниками (методом составления соответствующих документов) — можно сожительствовать и дальше! Про сложности определения родственных связей — см. выше.

Но скажите на милость: что означает — «создать семью»? Проверять присутствие спермы мужа в половых органах жены? Но по какому закону они обязаны переспать? Наличие детей? А кто запрещал бездетные семьи (хотя бы и без государственной «защиты»)? Что же касается общего хозяйства — оно автоматически возникает в момент регистрации брака (проставление подписей в загсе), о чем кобс дает подробные разъяснения (ст. 20–26). Какие еще критерии существования семьи? Да никаких! — поскольку семья никак законом не определена, и создать ее какими-либо юридически значимыми актами в принципе невозможно. Тем более странно заставлять суд выяснять истинные намерения брачующихся (много лет назад): психология — дело тонкое, и мы сами зачастую не знаем, чего хотим...

Потом (из ст. 46) мы узнаем, что признание брака недействительным не меняет ровным счетом ничего — кроме разрешения поставить еще один штамп в паспорте. Возникшие имущественные отношения сохраняются, отношения с родственниками — тоже (как минимум, через общих детей). В общем, фиктивная семья столь же вечна, как и любая другая — и все это лишь развлечение на любителя.

Тему семьи развивает раздел III — в той же туманной стилистике. Семья изначально сводится к родителям и детям — а это чистейший произвол. Остальных членов семьи доведывают к супружеской паре; но если в семье три поколения — к которой из дюжины пар будем вязать? В первой же статье раздела (номер 47) читаем:

Взаимные права и обязанности родителей и детей основываются на происхождении детей, удостоверенном в установленном порядке.

Происхождение ребенка от родителей, состоящих между собой в браке, удостоверяется записью о браке родителей.

Происхождение ребенка от родителей, не состоящих между собой в браке, устанавливается путем подачи совместного заявления отцом и матерью ребенка в государственные органы записи актов гражданского состояния.

Здесь походя вводится юридическая категория «происхождение» — которая не имеет ничего общего с репродуктивными действиями или иной биологией: все сводится к составлению и формальному заверению соответствующих документов. То есть, если у меня на лбу написано, что я родственник китайскому императору — достаточно поставить печать, чтобы я таковым стал в действительности. Без штемпеля — марка негашеная. Приносят двое младенца в загс и говорят: записывайте на нас! Им в ответ: а штамп о браке есть? Если есть — тупо запишут, и не спросят, где взяли. Нет — тоже запишут, но еще придется заявление написать (типа, снять грех с души регистратора).

В теоретическом аспекте, кобс различает два (относительно независимых) типа «семейных» отношений: 1) брак; 2) происхождение. Реальное определение требует указания экономических оснований.

Типичная для кобса противоречивость: в первой части ст. 48 говорится, что отец может быть истцом при определении отцовства через суд, — а во второй части той же статьи отец неизменно оказывается ответчиком...

По логике, следовало бы симметричным образом устанавливать материнство. Вещь тоже далеко не очевидная. Присвоить чужое дитя —

пара пустяков. Даже если дама родила не в домашних (или диких) условиях, а в солидном государственном учреждении, могут всплыть ошибки с номерками — или сговор злоумышленников.

В любом случае, сама идея установления происхождения — грязнее грязи. Казалось бы: какая разница, кто каким образом появился на свет? Может быть, меня просто собрали по атомам! Есть живой человек — назовите его как угодно и дайте возможность вращаться в культуру вместе со всеми, но по-своему. Ан нет, надо обязательно прикрепить к фамилии, заклеить на всю жизнь (ст. 51). За кулисами цирка — все та же мерзкая грызня по поводу денег; а это означает, что государство в целом провоняло базаром, и не дает людям жить и трудиться по-человечески, без оглядки на уровни дохода.

Согласно ст. 50, если меня признали сыном китайского императора (даже при отсутствии такого понятия в современном Китае) — я автоматом влезаю в большие долги и вынужден содержать всех, кого какие-то другие суды признали родственниками того же вымышленного персонажа. В законе ничего не сказано о том, что признанный отцом должен реально существовать — и взаимозависимость «родственников» возникает все равно. Тут мы можем сослаться на практику многих религий, возводящих всех верующих к мифическому предку.

Вернемся на чуток к вопросу о воспитании. В оригинале ст. 52 нам заявляют:

Родители должны воспитывать своих детей в духе морального кодекса строителя коммунизма, заботиться об их физическом развитии, обучении и подготовке к общественно полезной деятельности.

То есть, воспитание отдано на откуп родителям — и они сами решат, что именно они своим чадам должны; общество стоит в стороне и нюхает растущие на частных грядках цветочки. В приличном обществе следовало бы наоборот: обязаны содействовать обществу в воспитании детей — всех, не разбирая своих и чужих (но не исключая и возможности кого-то повоспитывать персонально, в тесном контакте, по мере участия в совместном труде по организации здорового быта. Кобс 1979 года излагает несколько иначе:

Родители обязаны воспитывать своих детей, заботиться об их физическом развитии и обучении, готовить к общественно полезному труду, растить достойными членами социалистического общества.

То есть, уже не должны, а обязаны, — и коммунизма нам больше не надо. Общий посыл — подготовка к чему-то общественно полезному.

Социальный заказ: подготовка рабочей силы, которую общество найдет на что употребить. Собственно, это единственное, что кобс реально понимает под воспитанием (а физическое развитие — только для придания товарного вида). Вторая часть той же статьи:

Родительские права не могут осуществляться в противоречии с интересами детей.

Сразу клин. Дальше много всего про «интересы» — но ни слова о том, что это такое, как их надо «защищать», как из них «исходить», и что им может «противоречить». Поскольку же представлять свои интересы самим детям не положено (не доросли!) — развести интересы детей и всюду представляющих их родителей (или опекунов) не представляется возможным. В этом контексте ст. 56 выглядит полным произволом:

Органы опеки и попечительства могут на определенный срок лишать родителя, проживающего отдельно от ребенка, права на общение с ним, если это мешает нормальному воспитанию ребенка и оказывает на него вредное влияние.

Вот так: в любой момент, на *любое* время, по *своему* усмотрению (на практике — по настоянию матери или ее сородичей). Ребенка вообще никто не спрашивает. Что для него нормально, а что вредно — взрослые решат меж собой.

Ст. 57 оговаривает право деда и бабушки на общение с внуками «если такие свидания не мешают нормальному воспитанию ребенка и не оказывают на него вредного влияния». Недоразвитое, хилое, бедное общество хватается за патриархальную трехколенную семью как утопающий за соломинку — без малейшего учета экономических реалий. Одно насилие поверх другого. Ну, и опять про «вредность». Нет в законе такого понятия — и снова жизнь по понятиям.

Положения кобса об опеке и попечительстве (первое — для тех, кто вообще ни на что не годен; второе — для тех, кто что-то соображает, но имеет поражение в правах) по сути закрепляют вещное отношение к детям — при том, что опекунам предписана «охрана материальных интересов подопечных, их здоровья, забота о бытовых условиях и содержании» — и все это якобы совершенно безвозмездно!

Итого: стандартом признана семья из трех поколений — но в центре одна брачная пара, и остальные «члены семьи» суть *ее* дети, и *ее* родители (с соответствующим ущемлением в правах). Общество только выполняет роль арбитра в спорах, да общего контроля со стороны

органов опеки и попечительства. Дети принадлежат их родителям *непосредственно*, как совместное имущество.

В *развитом* (бесклассовом) обществе взаимодействие *любых* двух его членов опосредовано обществом в целом, за счет включения в совместную для всех деятельность: всякое производство приобретает (или, если угодно, восстанавливает) *непосредственно общественный* характер — в отличие от классовых обществ, где общественный характер труда складывается стихийно, как итог бесчисленных *частных* опосредований. В разумном обществе одни человеческие отношения ничем не отличаются от других; поэтому не имеет смысла различение родителей и детей, женщин и мужчин, — исчезает само понятие брака; больше нет ни семьи, ни родовых кланов, — не бывает родных и чужих. В таком мире нет идеи недееспособности: невозможность напрямую в чем-то участвовать — не ущербность, а повод всем вместе заняться вовлечением таких людей в движение культуры, развитием их неорганического тела: им не нужна нянька — а нужна особая организация общественного труда, снимающая физические или иные ограничения через расширение круга общения и разработку новых технологических решений.

Осемьенение

На болоте туман. Законодательные кочки твердости не добавляют. Неровен час оступишься — и никакой силой не вытянуть из бездны. Кто в помощь? Мерцают блуждающие огоньки — но не верьте лживым звездочкам: они не выводят к истине, а заманивают в непролазную топь. Многочисленные толкователи и популяризаторы корявого права — инструмент промывания мозгов; их задача — так перевернуть букву закона, чтобы страшное стало еще страшнее, чтобы путник смирился и покорно принял уготованные ему круги ада. Самые ретивые служители культа вынашивают проекты углубления преисподней — которая, по их мнению недостаточно антигуманна. Придется сказать пару ласковых и об этих проповедниках, желающих быть святее папы.

Их много. Но для анатомирования сгодится любой труп. Например, некий Ю. А. Королев, *Семья, государство, общество* (1971). Книжка выпущена издательством «Юридическая литература» — с намеком на осведомленность автора в тонкостях адостроительства: все солидно и авторитетно. Внимайте — и трепещите!

Планку выставляет первая же фраза:

Семья — первичная ячейка человеческого общества...

То есть, не дело рук человеческих — а божественное установление, для всех и во веки веков. И браки заключают не в загсе, а на небесах. Не верьте кобсу! — господину Королеву виднее... Он точно знает:

В семье отражаются и все достижения общества на пути нравственного прогресса, развития и формирования человеческой личности.

Утверждается это от имени тов. Энгельса. Идем по указанному адресу и видим нечто иное [21, 70]:

Таким образом, в тех случаях, когда индивидуальная семья остается верна своему историческому происхождению и когда в ней в силу исключительного господства мужа противоречие между мужчиной и женщиной приобретает ясно выраженный характер, эта семья дает нам в миниатюре картину тех же противоположностей и противоречий, в которых движется общество, разделенное на классы со времени наступления эпохи цивилизации, и которые оно не способно ни разрешить, ни преодолеть.

У Энгельса — речь об уродстве семьи как выражении уродства классового общества. У Королева бичевание превращается в панегирик: семья, дескать, концентрат всего самого замечательного. Впрочем, когда и кодекс не авторитет — что церемониться с каким-то классиком какого-то марксизма!

Роль, значение и функции семьи — этого самого первоначального, но вместе с тем и наиболее устойчивого звена общества — естественно менялись вместе с изменением характера самого общества. Особенно существенно происходило изменение ее экономического значения.

Первоначальность — из того же мифа о божьем даре. Если все буржуа (включая буржуазно мыслящих марксистов) называют первобытные отношения между людьми семьей — из этого вовсе не следует, что семья в древности существовала; подставляя современные понятия на место действительных структур древнейших обществ, классовая наука лишает себя возможности изучать древнейшую историю, следуя фактам, а не идеологическим предрассудкам, — то есть, перестает быть собственно наукой и превращается в рупор буржуазной пропаганды. Многообразие исторически известных форм семьи — само по себе отвергает сказку об «устойчивости»: называть все это одним и тем же словом теоретически возможно — но тогда значения терминов будут существенно разными в

разных исторических контекстах, и отождествлять один «брак» с другим через время и пространство — элементарная логическая ошибка.

Фраза про «экономическое значение» протаскивает из-под полы фундаментальные постулаты, приемлемость которых полагалось бы обосновать. Прежде всего, предполагается, что, помимо экономических, у семьи есть еще какие-то функции — а это вовсе не факт. По крайней мере, в отношении современной буржуазной семьи (созданной на контрактной основе) — это заведомая ложь; феодальная и античная семья также заняты лишь вопросами дележки собственности и наследования. Более того, любые попытки определить само понятие «семья» не дают ни одного надежного критерия кроме ограничения доступа к продуктам общественного труда. Тем самым семья в любых формах оказывается чисто *экономическим* отношением; возникновение государства связано с приданием этим отношениям *правового* статуса — а право по определению есть способ регулирования *экономики* в интересах господствующего класса. Никакие прочие отношения закону не подвластны — и говорить о них можно лишь выходя за рамки экономики в область духовного производства. И тут буржуазия (в лице якобы юриста Королева) делает традиционный кульбит, вульгарно отождествляя экономику и дух — и причисляя человека к животным:

Единственное, что оставалось и остается сравнительно неизменным в семье во всех исторических формациях — это личный, интимный характер супружеских отношений и функции семьи по рождению и воспитанию детей. В любом типе общества, как бы политически и экономически они ни отличались друг от друга, в семье всегда предполагается физическая близость между супругами, без которой не может быть выполнена главная задача семьи и брака — продолжение человеческого рода.

Спрашивается, что общего между духовной близостью двух (или нескольких) личностей и репродуктивной физиологией? Одно другому может сопутствовать — но может и обойтись. Супружество — правовое отношение, возникающее в результате заключения брака; по отношению к первобытным обществам это неприменимо, «так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о праве в юридическом смысле» (Энгельс, [21, 46]). Говорить об «интимности» супружеских отношений, при том, что «в семье всегда предполагается физическая близость между супругами», — это нонсенс; наоборот, увязывание брака с сексом есть грубейшее вторжение в личные дела людей (вроде варварского обычая

предъявлять кровь на белье в качестве подтверждения девственности), а взваливать на любовников еще и обязанность заниматься этим делом без контрацептивов (дабы «продолжать человеческий род») — сродни изнасилованию; не хватает только городского рядом с постелью — чтобы контролировал законопослушность акта...

С другой стороны, заниматься сексом (с детьми или без) можно и вне семьи — так что ни «физическая близость», ни «продолжение рода» от изъятия из законодательства брачно-семейных статей нисколько не пострадают. И уж совсем никак семья и брак не связаны с духовным общением, близостью личностей. Тогда «единственное, что оставалось и остается сравнительно неизменным в семье во всех исторических формациях» — отношение к собственности, экономическое неравенство как внутри семьи (законной или нет), так и в отношениях ее членов с государством — которое, в частности, перекладывает расходы по содержанию и воспитанию детей (производству рабочей силы) на кошельки родителей, что есть неприкрытый классовый грабеж. Что Королев, конечно же, всячески приветствует:

Потребностям любой исторической формации служит функция семьи по физическому и духовному воспитанию детей, их обучению, формированию сознания, идеологии.

Что такое «потребности формации» — мы не знаем; зато потребности есть у людей, и в классовом обществе одни удовлетворяют свои потребности за счет других. В частности, государство — обслуживает потребности господствующего класса, и всеми силами удерживает в повиновении массы трудящихся. В том числе, загоняя их в разного рода клетушки и науськивая одних сокамерников на других. Условия тюремного быта меняются от одной эпохи к другой; преподносить семью как нечто вечное и неизменное — значит увековечивать сам принцип всеобщей дележки, классовый характер экономики. Семья тем самым выносится за рамки истории, она поставлена *над* обществом — это принцип общественной организации как таковой! Господам очень нужно, чтобы не закрались в сердца идеи всеобщего единства, примата общества над любыми общественными структурами (включая семью и государство); иначе логика неминуемо приведет к необходимости (и неизбежности) уничтожения классов. Чему может научить ребенка семья? Только тому, что находится в ее ведении — узкой мелочности быта, ограниченности кругозора. Какое сознание и какую идеологию

будет воспитывать противопоставленная обществу «ячейка»? Сознание нормальности всеобщего размежевания — идеологию конкуренции, вражды, борьбы всех со всеми. А это как раз и нужно правящей верхушке: пусть холопы дерутся меж собой — а главная дубинка все равно у барина!

Увлечшись патетикой, Королев иногда выбалтывает то, о чем начальство предпочло бы промолчать. Например, обличение «двойной эксплуатации женщин» при капитализме (муж и общество), неявно признает, что эксплуатация таки есть и при социализме — но теперь, якобы, только в общественных интересах...

Следуя за буржуазными историками, Королев постулирует также вечность «морали» (для него это обычай плюс традиция). Первобытное общество, дескать, зиждется на семье и морали — а потом зачем-то добавили еще и право. В такой постановке, конечно же, нет вопроса о происхождении морали — как и семья, это божий дар.

Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что мораль — продукт расслоения первобытной общины, превращения общественной практики в закостеневшую (и потому антиобщественную) традицию, абстрактную норму); мораль вытекает из права, а не наоборот. Именно семья становится *первичной формой* правовых отношений, с самого начала будучи экономическим институтом. В этом смысле государство вырастает из семьи: одна *форма* права снимает другую! Господство той или иной формы — определяется ведущим экономическим укладом, способом воспроизводства.

Основные признаки права (всеобщность, нормативность, наличие средств принуждения) синкретически присутствуют в любой морали. Например, изгнание из племени за нарушение обычая — показатель *наличия* (хотя и не *кодифицированного*) права. Многие нормы вообще не осознаются первобытным человеком — они воспринимаются как вечные и естественные, как природа (не только человеческая — но еще не обожествленная). Однако если древнейшие общества не шли дальше стихийности такого, неявного права — семья запускает процесс формализации экономических отношений, знаменует утверждение практики отчуждения и присвоения продуктов труда и тем самым возникновение первичного правового института — собственности. Почва есть; произрастание современного рынка — вопрос времени.

К сожалению, Энгельс этого не понял. Он говорит о некорректности терминов «материнское право» и «отцовское право» — но именно в них

буржуазная историография разглашает тайну и подчеркивает *правовую* сущность семьи задолго *до* возникновения древнейших государств. Отсюда и стремление «цивилизованных» государств *ограничить* рамки семейственности: если допустить выход семьи за пределы формально-правовой регистрации (брака), неформализованная часть порождает теневую экономику, способную не только подорвать основы «правового государства», но и радикально изменить общественный строй. Конечно, в реальной жизни «белый» рынок не существует без «черного» или «серого»; такая неустранимость противоречий — признак незрелости экономики, неразумности общественного устройства, — и предвестие бесклассового будущего.

Соответственно, когда советские проповедники (включая Ковалева) упирают на «нравственные принципы брака» по взаимной любви и свободному согласию супругов, свободе совести и т. д., речь вовсе не о социалистическом переустройстве семейных отношений — а лишь о *доведении до конца* задач буржуазной революции, о провозглашении лозунги буржуазии: *свобода — равенство — братство!* Именно *при капитализме* муж и жена истинно *равны* в семейных отношениях, ибо они равны как *товары* — и как *собственники*. Равенство всегда есть отношение между *неравными* людьми. Юридический и фактический статус человека в классовом обществе необходимо различаются. Но сама идея равенства — всецело буржуазна по содержанию: она изначально допускает существование рыночного эквивалента.

Буржуи всех времен считали себя выразителями воли народа, а свое (буржуйское) государство — безличным и беспартийным, механизмом сближения и примирения партий. А Королев со товарищи вещают, что именно в социалистическом обществе

законы выражают волю и интересы не отдельных классов или слоев населения, а являются воплощением взглядов подавляющего большинства народа, отражают общественное мнение.

и что

Впервые в истории государства и права нормативные акты по вопросам семьи и брака стали сближаться с нравственными принципами общества

якобы выражая

мораль огромного большинства населения

Выведение права из морали (которая противоположна нравственности как разумному, не подчиненному внешним авторитетам поведению) —

типично буржуазная пропаганда. Развитие человеческого общества сводится тем самым к борьбе *мнений*, и никакой направленности в историческом процессе усмотреть нельзя. Точно так же, все религии претендуют на выражение морали «огромного большинства населения» (иногда с куда большим основанием).

В качестве лирического отступления — пример типичного для советских «марксистов» обращения с законами диалектики:

Отдельные противоречия, свойственные динамичному развитию общества и отношений в нем, поискам наиболее верных решений, как правило, не имеют решающего значения и носят временный характер.

Замечательно! Нас учили, что противоречия — источник развития, что именно они имеют решающее значение в переломные моменты истории. А «временный характер» — неперменная черта вообще всего в неживой и живой природе, как и в человеческом обществе.

... право только в силу своей обязательности, властности не обладает еще способностью приходить в полное соответствие с нравственными требованиями. Для этого необходимы определенные организационные и материальные условия. Только при наличии всей совокупности обстоятельств в обществе возможно совпадение нравственных принципов, правовых норм и реальных возможностей их применения и выполнения.

Цель истории по Королеву — пресловутая «гармонизация» общества: власть нравственна, а нравственность властна... Об этом трубят буржуи уже несколько сотен лет — а им вторят всяческие «эмпириомонисты». Разумеется, под «нравственностью» везде подразумевают расхожую мораль (ибо настоящая нравственность ничего ни от кого не требует). Как представляет себе Королев необязательное право без власти — догадаться трудно. Совпадение права и морали — возврат в пещеры, когда как раз все и определялось реальными возможностями; разумный человек думает о том, что ему нужно, — и находит возможности, без оглядок на абстрактные принципы и нормы. Не приводить в соответствие одно уродство с другим — а полностью устранить общественный диктат (и антиобщественные выходки в качестве нормальной реакции). Для этого и нужно создавать организационные и материальные условия — а не для увековечивания боданий частников с властями (то есть, в итоге, одних классов с другими).

Далее вдруг (в дополнение к обществу и его членам) всплывает еще одно (и столь же неопределенное) понятие: коллектив. Оказывается,

человеку надо не только вливаться в народ — но и блюсти интересы коллектива, которые также регулирует стихийная мораль:

Общие, понятные и доступные для каждого человека правила поведения людей в коллективе складывались стихийно на самой ранней стадии исторического развития человечества.

Без таких элементарных правил было бы невозможно существование и развитие человеческого общества, поскольку они являются средством, объединяющим отдельных индивидов в коллектив...

То есть, объединяются люди не потому, что без этого ничего толком не произвести, — это всего лишь договорняк: придумать правила игры — и играть по правилам.

Такого рода правила были положены и в основу семейных отношений, поскольку в течении длительного периода семья являлась главной хозяйственно-экономической, производственной ячейкой общества.

А вот тут извините-подвиньтесь! «Длительный период» — совпадает с классовой историей человечества; это несколько тысяч лет, а до того — сотни тысячелетий доклассовых обществ, существование (и тем более экономическая роль) семей в которых — не более чем плод буржуазного воображения (воспаленного мечтами о солидных грантах от денежного заказчика). Тем не менее, нам заявляют открытым текстом, что семья — особый вид коллектива, и что ее возникновение обусловлено нуждами производства. Заменяли одну обожествленную абстракцию другой — уже прогресс. По крайней мере, теперь можно ставить вопрос об отличиях производства, которым занята семья, от прочих производств; если мы на него ответим — у нас есть *определение* семьи. Например, пошив одежды раньше возлагали на членов семьи — а потом стали покупать одежду в магазине; это значит, что такая деятельность не является существенной для семьи, и надо искать что-то другое. Точно так же, отпадают эротические фантазии, деторождение, обучение и воспитание потомства: все это запросто возможно и вне семьи — и все активнее изымается из ее ведения. Если упереться в вечность и божественность семьи — ситуация патовая: нет ничего, что было всегда и будет всегда. Стоит предположить, что семья — лишь первобытная форма раздела собственности, все значительно упрощается: возникает семья в результате общественного разделения труда (и классового расслоения) — и она не может сохраниться в приходящем на смену капитализму обществе без классов (а также без государства, права, морали и прочих классовых регуляторов). Специфически семейным

производством, по всей видимости, следует считать *воспроизводство классовой структуры общества*.²⁹ Тогда понятно, как и почему одни типы семей сменяются другими в разных культурах, следуя за развитием способа производства: строение семьи заточено под строение классовой иерархии — на разных уровнях которой и семьи оказываются разными.

Последнее обстоятельство, вслед за Энгельсом, муссируют все советские теоретики и разъяснители. Королев, конечно, туда же — но в качестве основания у него набор априорных «принципов и правил», якобы выражающих суть семейных отношений: «взаимная помощь и товарищеская поддержка», «оказание помощи слабым» и «защита детей». Ни один из этих «принципов» не предполагает семейственности: все это можно делать и без частных клетушек — всем миром или в индивидуальном порядке. Но Королев просто не в состоянии вообразить себе мир без семей — и приходится постулировать, что выдуманные им правила «были закономерны в коллективе тружеников, в котором все свободны и равноправны». Перепевы на тему золотого века. Однако где свобода, когда люди грубо рассованы по семейным клеткам? И откуда равноправие, если семья как раз и призвана отгородить права членов семьи от прав всех не членов? Закусив удила, летим дальше:

Общечеловеческие нормы нравственности при всем их многообразии были общими и едиными до появления классового общества. Затем произошел коренной пересмотр этих понятий.

Про общечеловеческие ценности — любимая песня всех буржуйских мозгомоев. Но как только что-то превращают в (обязательную для всех) норму — нравственности конец, и остается только обывательская мораль, выражение общественно-экономического устройства, при котором одни могут (и должны) диктовать свою волю другим. Насчет разнообразия первобытной морали — большие сомнения; даже современная мораль синкретически сплавляет богатство общественной жизни в пару-тройку догм, меряет все одной мерзкой меркой, — тем более было бы странно ожидать богатой этической рефлексии от древних: до Платона с Аристотелем (и даже до Моисея) еще предстояло дорасти... Забавный момент — моментальное «включение» классового общества по невесть чьей прихоти: раньше не было — а сейчас есть!

²⁹ Возможно, мы здесь не блещем формальной аккуратностью; это лишь намек на решение, а не готовый результат. По крайней мере, есть что осмысленно обсудить.

Пришел злой демон — и все порушил... Пришлось себя пересмотреть — и жить по другим понятиям. При этом

принципы нравственности перестали быть общечеловеческими, их истинное первоначальное значение сохранилось лишь у угнетенных классов.

Скажите это американскому президенту или бундесканцлеру! Они бьют себя в грудь и божатся, что коллективный Запад (НАТО) отстаивает именно общечеловеческие ценности, высшую гуманность, подлинный демократизм. С другой стороны, если допустить, что в СССР нет угнетенных классов, — там нет и абстрактной «общечеловеческой» морали! И якобы на ней основанная семья — не приложится никаким местом к обществу свободных людей. К сожалению, существование государства и права, а также морализаторских писаний Ю. Королева, свидетельствует о далеко не изжитой дикости.

Рабочая семья, представляющая собой коллектив, обеспечивающий всем его членам средства для существования, хранит в условиях эксплуататорского, капиталистического общества лучшие традиции нравственных отношений — осуждение обмана и неверности, насилия и угнетения, несмотря на влияние правящих классов, их морали и законов.

Современные сетевые тусовщики написали бы *ЛМАО* (или *ржунимагу*). Оказывается, рабочая семья существует для того, чтобы обеспечивать членам этого коллектива средства к существованию! Можно подумать, что капиталист нанимает на завод семью, а не конкретного рабочего или работницу! Нет, конечно, в богатых странах бывают подачки ключевым кадрам якобы на содержание семьи (как в денежном выражении, так и в виде разного рода льгот и бонусов). Советское государство точно так же поощряет семейственность. Но трудовой договор заключает физическое лицо с юридическим — а семья там никак не прописана. Так что денежки в семейную копилку несут по одиночке — а иначе не требовалось бы семейное право, которое как раз и определяет обязательные доли участия и порядок раздела имущества. И это Королев называет лучшими традициями нравственных отношений?

Чуть только заходит речь об «обмане и неверности» — встречный вопрос: а что такое верность? Покорно сидеть на цепи? Отношения личностей право никак не регулирует — и они вне морали. Остается экономическая составляющая, соблюдение предписанной законом производственной дисциплины. То есть, отдать все до копейки — и

никаких заначек на опохмел, и уж тем более не тратиться на (непродуктивное) хождение налево. Кто утаил — обманщик; кто растратил — изменщик. Разумеется, вкладываются в семью не только деньгами, но и отработкой по нормативам; поэтому, скажем, посиделки в кафе с любовницей квалифицируют как украденное у семьи личное присутствие — даже если счет в заведении оплатит дама. Типа того, как на предприятии есть положенные офисные часы — и будьте добры присутствовать, при всех удобствах удаленной работы.

Про насилие и угнетение — давайте не будем. Можно подумать, рабочие поголовно начитались куртуазных романов и выражаются с непринужденным изяществом, блистая трезвостью и благородством. Скорее, именно в буржуазных слоях семейное угнетение принимает изощренные формы — а низы могут и за волосы потаскать, и прибить чем придется, и грубо насиловать, не зирая на пол и возраст. Отсюда поток уголовных дел — когда по пьяни случился перебор. У богатых — больше имущественные разборки, интеллигентно, иногда и без мата...

Важный момент — признание классовых различий в морали. Однако дело вовсе не в том, что одна мораль нравственнее другой — они одинаково безнравственны; отличается одно от другого лишь по форме, по способу бытования. У буржуев моральным считается все, что не противоречит брачному (или иному) контракту; здесь мораль совпадает с правом. У работяг контрактные отношения не так распространены — и приходится уповать на неформальные разборки, по понятиям. По отношению к пролетарской морали — право есть внешняя сила, которая больше вредит, чем ведет к согласию. Право — у богатых; бедные бесправны. У рабочей элиты и среди интеллигенции — всевозможные промежуточные варианты. Во многих случаях нормой становится сожительство без брака — не тратиться лишний раз...

В трудовой среде правилом является заключение брака, основанного на любви и создании нормальной семьи, поскольку пролетарий не имеет связей с частной собственностью, не волнуется о ее сохранности и наследовании.

«Нормальной» — это в смысле перпендикулярной? Буржуазный брак *всегда* заключается по любви — к деньгам. Капиталисты (как раньше аристократы) сливают и разливают капитал, делят сферы влияния. Кто победнее — гоняются за мезальянсами. Пролетариям делить нечего — и браки в их среде регистрируют под давлением сверху, чтобы избежать неприятностей или поймать шанс на хоть какие-то правовые гарантии;

обещания и угрозы — обычный инструмент классового насилия, не прямое (экономическое) принуждение. Когда приходится выбирать между браком и тюрьмой — нормальный человек, скорее всего, выберет брак. Когда в конкурсе на вакансию преимущество у семейных — надо выправлять бумажку. Если же с браком не связано вообще никаких имущественных ожиданий — он и не нужен, а называть вольные союзы семьей можно лишь с весомой терминологической натяжкой. Чтобы подвести уклонистов под закон, законодатели вводят, помимо брака, еще и отношения родства — которые регистрируют по отдельной процедуре, не обязательно опираясь на брак. Внебрачные дети, усыновленные и воспитанники вступают в имущественные отношения наряду с прямым потомством (наследниками по умолчанию). Прослеживание генеалогии всегда было любимой забавой крючкотворов. Но факт рождения в человеческом обществе — это именно *факт*, то есть, нечто *сделанное* (*factum*): никакого отношения к репродуктивной физиологии это не имеет — достаточно официального признания (которое суд иногда предписывает по очень косвенным свидетельствам).³⁰

Отброшенные и извращенные капитализмом общечеловеческие принципы нравственности возродились в социалистическом обществе. В них содержится многовековой опыт народа. Сила их в том, что они соблюдаются не под угрозой наказания или каких-либо санкций, а лишь потому, что они всем предельно понятны, справедливы и за ними авторитет народной мудрости.

Согласно предыдущему, выдуманная Королевым общечеловеческая мораль вовсе не «отброшена» капитализмом, а лишь передана на ответственное хранение господам-трудящимся. Тут автор противоречит себе. То есть, социализм не «возрождает», а только предписывает первобытные догмы всем без разбора. Можно принять положение о сохранении остатков первобытности в народных низах — именно в силу их духовной неразвитости, вытекающей из экономических условий. Верхушка общества узурпирует духовность и позволяет себе отказаться от старой морали — ради построения другой, столь же уродливой. Поэтому и возможно говорить об «общечеловеческой» морали: ее классовые формы отражаются друг в друге, как в зеркале. Логический

³⁰ В последнее время к делу подшивают также сравнение ДНК. Однако сходство не означает родства — по логике, это не аргумент. Буржуазные «ученые» выстраивают генеалогию человечества в целом на основании якобы общих генов; кое-кому это очень удобно: из ложных посылок можно сделать любые выводы...

вывод: когда социализм (якобы) устраняет привилегии и навязывает всем атавистическую мораль низов — это вовсе не общественный прогресс, а наоборот, возврат в пещеры, к первобытности — из которой, по логике истории, не может вырасти ничего кроме все той же классовой морали: на колу мочало — начинай сначала!

Нелады с логикой у Королева на каждом шагу. Говоря о принципах нравственности — мы не можем говорить об их «соблюдении»: это не норма, а именно *принцип*, которому можно творчески следовать — но никоим образом не ставить над собой. Нормативны лишь мораль, право, религия. Сугубо классовые явления. Далее, нравственное поведение как раз и состоит в том, что мы можем начать на «многовековой опыт», если он идет против принципа. Не бывает «опыта» на все времена: есть лишь опыт конкретной исторической эпохи. Чтобы изменить мир, сделать его разумнее, — надо смело, без оглядки на авторитеты, отбрасывать ставшие обузой традиции, мечтать и воплощать мечты. Это и называется творчеством — для этого и нужен разум.

Послушать Королева — никакое право вообще ни к чему! Давайте заменим его притчами и побасенками — и будем жить по наитию, как первобытное стадо... Потому что всем все понятно. Логическая неувязка всплывает при увязывании понятности со справедливостью: значит, есть и несправедливость — и отделять одно от другого призван «авторитет народной мудрости». А если у нас другие авторитеты? Кого в судьи? Получается, что речь всегда об исторически конкретном сообществе, обывательскую мораль которого мы объявляем «мудростью» — и это льстит самолюбию обывателя, позволяя ему обнаруживать звериное лицо по отношению к несогласным: подавлять «авторитетом», изгонять из стаи, грабить и убивать, — это справедливо! В самом деле: внутри банды только согласные — и никаких наказаний или санкций просто не требуется. А не наши люди — вообще не люди. Поэтому и мораль у нас «общечеловеческая» — относящаяся только к своим и автоматически оправдывающая классовое насилие и геноцид.

Проявляясь наиболее отчетливо в сфере отношений между людьми в процессе производства, в отношении к собственности, общечеловеческие нормы нравственности находят свое отражение и в сфере брачно-семейных отношений.

Вот и проговорился! «Общечеловеческая» мораль — это просто мораль собственника, буржуя!

Естественно, что наиболее важные отношения в классовом обществе, кроме провозглашения их истинно нравственными, находятся под

защитой правовых норм; правила же, нарушение которых не может вызвать опасных последствий для общества, остаются не закрепленными в праве.

Конечно, самое важное — как бабки делить! Очень естественно для буржуинства (и недалеко ушедшего от него социализма). Что есть — то для нас и нравственно; имеем право! Но природное — против разума; классовое общество состоит из недолудей.

Для Королева, право отличается от морали как явное от неявного. До чего руки дошли — право; что отложили на потом — мораль. Это не совсем так, поскольку мораль точно так же связана и с религией, регулирующей духовное производство теми же методами, какими право регулирует материальное производство. Две стороны одного и того же в морали синкретично спаяны. Но важно признание однородности права и морали — безнравственности и того, и другого. Нам прямо говорят: правила существуют для того, чтобы их нарушать, — а степень опасности нарушений определяет кому положено. Разумеется,

вопросы, регулируемые нравственностью, далеко не всегда являются второстепенными...

Флюгер — существо изворотливое. Может быть не самое важное — но не второстепенное, а не второстепенные нарушения не приводят к опасным последствиям. Может быть, имеется в виду, что есть еще и третьестепенное? Дальше совсем смешно:

Буржуазные мораль и право требуют формального соблюдения всех правил приличия, внешнего благополучия брака и семейных отношений.

А при социализме можно и неприлично? Мораль и право как раз и есть соблюдение приличий и правил — и это (по определению) считается благополучием. И полная клиника:

Трудно подсчитать, какая часть семей в среде буржуазии (а основную часть населения в капиталистических странах составляет не буржуазия) построена на расчете и выгоде, без любви и уважения, и сколько создано семей, основанных на искренних чувствах. Естественно, что в буржуазном обществе (не считая даже пролетарских семей) есть и то, и другое.

Тут что ни слово — то вранье. Насчет «основной части» — глупая абстракция: в развитых капиталистических странах рабочий класс насквозь буржуазен — и можно говорить лишь о преобладании той или иной идеологии. Основания создания семьи — отличаются от характера внутрисемейных отношений. Расчет и выгода — никак не связаны с

любовью и уважением (в классовом обществе они вполне могут — и вынуждены — сосуществовать), а любовь и уважение — не имеют никакого отношения к браку и семье (духовные связи не подчиняются не праву, ни морали). На каких данных Королев делает вывод о «естественности» — никому не ведомо (он только что признал, что никто не подсчитывал); к тому же, искренними могут быть очень разные чувства (например, алчность — или ненависть). Наконец, допущение об идеальности пролетарских семей не выдерживает никакой критики: среди низов предостаточно мерзавцев — и верхи заботятся, чтобы этот гнойник не подсыхал.

Семья при капитализме при всех ее пороках продолжает сохраняться, приспособляясь к условиям жизни и развития общества.

Еще бы она этого не делала! Семья идеально приспособлена к миру собственников, она ему равнозначна. С большой головы на большую:

Многочисленные нормы права детально регламентируют семейные отношения, приводя их в соответствие с базисными отношениями, характерными для капитализма.

Можно подумать, что при социализме это не так! Нормы практически те же, и приводят все к тем же «базисным отношениям».

Главным противоречием, существующим в семейных отношениях в капиталистических странах, не учитывая коренных пороков, свойственных буржуазному обществу в целом, является противоречие между ролью женщины в современном обществе и неравноправном юридическом и фактическом положении ее в семье.

Во, сказанул! Буржуи давно обогнали по части гендерного равноправия все соцстраны вместе взятые — и похвастаться советам нечем. Как в семейных отношениях проявляются «коренные пороки» — ни намека. Роль женщины в обществе — пустая абстракция: в классовом мире нет женщины вообще — и общества вообще, все зависит от обстоятельств; чем богаче страна, тем больше оттенков. Почему женский вопрос надо вытаскивать поверх всего — вообще от фонаря. Куда больше насилия в отношениях поколений, родителей и детей, — и здесь экономика торжествует самым бесстыдным образом, при самом безоблачном супружестве.

И дальше букет якобы отличий буржуинства от советского рая — но каждая фраза вопит про тождество социализма и капитализма:

... по буржуазному брачно-семейному законодательству основные последствия расторжения брака сводятся к материальной компенсации.

А где оно было иначе?

Имущественным интересам подчинены все без исключения институты брачно-семейных отношений: заключение брака, содержание детей и супруга, развод и раздел имущества.

Это однозначно про советский кобс. Ни о чем другом он и не говорит.

В брачно-семейных отношениях, складывающихся в социалистическом обществе, наблюдается большое разнообразие их проявления в зависимости от различных условий экономического, исторического, национального и социального порядка.

См. выше про главенство женского вопроса. Буржуйская экономика еще разнообразнее — и там есть семьи, совершенно немыслимые даже в постсоветской России. Буржуазная семья уже почти освободилась от формальностей брака — она либо возникает на контрактной основе, либо вообще неформальна и правовой регуляции не подлежит (при сохранении отношений по понятиям). Количественная унификация, сведение всего к рынку — логически ведет к качественному развитию, в рамках единой меры (способа производства, основанного на всеобщем разделении труда).

Это свидетельствует об активном процессе действительного освобождения личности, ее расцвете при социализме.

В огороде бузина — а в Киеве дядька... Если вместо одного ярма на шею навесить сотню — от этого разнообразия личность не станет свободнее. С другой стороны, какое вообще отношение семейная экономика может иметь к личности, к духовной стороне субъекта? Разве что в смысле косной материи, которую духу приходится преодолевать ради свободы.

В советском обществе неуклонно и последовательно соблюдаются требования о соответствии характера отношений в браке и семье социалистическим моральным принципам и основным правовым нормам, регулирующим эту категорию общественных отношений.

Господин Королев клинически заговаривается. Только что заявлена якобы свобода личности — и тут же на каждого навешивают цепи морали и права, требование неуклонного соблюдения норм — а не свободы нормотворчества (чур-чур-чур!) как первичного проявления личной свободы. Чуть выше автор резонно замечает:

Буржуазная мораль, формирующая взгляды на семью и брак, неразрывно связана с буржуазным правом, выражается в нем и подкрепляется его нормами, являясь в свою очередь основой для образования этих норм.

Это почти марксистский подход — почти осознание классовой сути всякого права и всякой морали. И после этого он может писать:

Такое сочетание, приемлемое для каждого члена общества, возможно только в социальных формациях, свободных от неравенства и эксплуатации.

Следовательно, капитализм — общество свободы... И соответствие «моральным принципам и правовым нормам» возникает само собой, когда неравенство и эксплуатацию переименовывают в демократию, торжество общечеловеческих (классовых) ценностей.

Из той же перловой каши — сетования по поводу того, что громко разрекламированная охрана законом прав и интересов одиноких матерей и государственные мероприятия помощи им не сняли отрицательного отношения к ним у широкой публики (в отличие от буржуйских стран, где происхождением детей вообще никто не интересуется, и понятие «мать-одиночка» в обиходе отсутствует). Допотопное советское право порождает столь же атавистическую мораль. Но у Королева мораль — исток всего (не по-французски: *l'origine du monde*):

В области брачно-семейных отношений особенно заметно, что моральные оценки поведения, как правило, более глубоки и прочны, чем категории правовые, они стабильнее и труднее поддаются изменениям.

Спрашивается: куда вдруг испарилась возвышеннейшая первобытная («общечеловеческая») мораль, которую, согласно Королеву, сберегли во глубине буржуйских руд сознательные пролетарии — и которая должна была бы восторжествовать при социализме? Почему правит бал всякая дичь, восходящая бог знает к чему? Вспомните у Достоевского: даже феодальные нравы не дают обидеть убогую мать или приبلудившегося сироту — а для советской морали это в порядке вещей! Не будем, конечно, чересчур доверять тенденциозным литераторам — но их идеи таки не с потолка, они живописуют что есть. При феодализме не то, чтобы очень жаловали «незаконнорожденных» детей, — но и у них были какие-то права. Советский кобс по большей части возвращает страну к феодальным порядкам — и возвращает отношение к женщине как собственности, средству производства. Добавьте к этому рыночную конкуренцию (чужие дети — потенциальная угроза благополучию своих) — и вот вам двоякое основание для морального осуждения «недосемейных».

Тезис об отставании морали от права — весьма знаменательная оговорка «по Фрейду»: если бы право строили над моралью, было бы

наоборот. Для исторического материализма все очевидно: мораль — форма общественного сознания, а право — надстроечный институт (компонент экономики); чтобы мораль (как уровень синкретической рефлексии) могла отражать строение экономики (и вытекающий из него образ жизни), это строение должно уже наличествовать. Право исходит не из морали, а из *правового сознания* — отражения тенденций развития способа производства, перестройки экономических отношений. Такое отражение поначалу тоже синкретично — но это никоим образом не сводит его к морали. Аналитические формы правового сознания (искусство управления, юриспруденция, философия права) подводят к синтетической рефлексии, к идее права, исходя из которой создают и пересматривают кодифицированную законность, на фоне которой уже возможны противоположные уровни «понятийного» права: рудименты прошлых установлений — и прототипы будущего. Все это вместе (плюс аналогичные процессы в сфере религиозного сознания) и создает тот самый образ жизни, который мораль превращает в закостеневшую традицию, «вульгарное право». Наиболее высокоморальных членов общества мы называем узколобыми мещанами и филистерами (а также святошами, педантами, чинушами — или просто дураками).

Дальше опять вертлявость флюгера. В социалистической семье, заявляет Королев, нет эксплуатации. Зато (даже по советскому кобсу) есть имущественное неравенство, ограничение сделок, материальные претензии — и прочие прелести экономической зависимости. Отсюда закономерный вывод:

В семье эксплуатация может существовать во внешне благопристойных и вместе с тем очень жестоких формах.

То есть, эксплуатации на словах нет — но она может существовать в очень жестоких формах. Что мы на практике и наблюдаем.

Не менее забавно и перепрыгивание от личных отношений к правовым — а от них к экономике:

Социалистическому обществу свойственны любовь, взаимное уважение и дружба как единственное основание для заключения брачного союза и как главная сила, связывающая семью и определяющая отношения между супругами.

Чушь собачья! Любовь, дружба и взаимное уважение никоим образом не нуждаются в официальных санкциях, бумажках и штампиках. Это либо есть — либо нет. Основанием для брака чаще становится как раз отсутствие любви — экономическая необходимость и моральное

давление. А отношения бывают разными: экономические отношения регулирует кодекс — духовные связи не подлежат регулированию и про них государство, как и г. Королев, ничего знать не может; любые утверждения на этот счет — дремучая фантазия.

Изучением отношений в семье занимается очень глубоко и обстоятельно экономическая наука, которая, в частности, рассматривает семью в качестве экономической единицы, производящей и потребляющей общественный продукт.

Покажите нам эту обстоятельную науку! Пропитанные позитивизмом современные экономисты изучают лишь количественные (чаще всего, статистические) аспекты экономики — и вообще не интересуются происхождением и составом выделяемых ими экономических единиц. Можно условно обозвать какие-то из них семьями — от этого они никаким боком не подвядутся к кобсу, и уж тем более к расхожим представлениям о семейственности. Межуровневые взаимосвязи — вне науки; ими занимаются философы — и спекулируют буржуазные идеологи. А у Королева одна вульгарность на другой:

Теперь рассмотрение семьи с экономической точки зрения возможно лишь в отношении ведения домашнего хозяйства отдельными ее членами, обслуживающими работников, участвующих в общественном производстве.

То есть, антиобщественное семейное производство — это семейное рабство, обслуживание «отдельными членами» полноценных граждан (которых — под именем «общество» — может эксплуатировать кто-то другой). И тут же замечает следы:

... следует отметить большую важность экономических условий существования семьи, которые могут оказать очень серьезное влияние и на остальные стороны семейных отношений.

То есть, экономика все-таки едина, и в семье работает по тем же принципам, как и везде. Семейное рабство — уровень рабства вообще. Там где одни «обслуживают» других — мы наблюдаем классовое общество во всей его неприглядности. Но Королев опять флюгерит:

Безусловно, экономическая наука, изучая семью в социалистическом обществе, не использует такие категории, как закон стоимости, рентабельность, прибыль и др., поскольку как производственная единица семья почти полностью утратила свое значение.

Получается, что «экономическая наука, которая, рассматривает семью в качестве экономической единицы», занимается тем, что уже «полностью

утратило свое значение!»! По счастью, дальше переход к другой теме — и можно чуток отдышаться, набраться сил для новых сальто-мортале...

Задвинув в запасники экономику, Королев решительно берется за семейное воспитание.

Основные черты характера, отношение к людям, элементы познания мира закладываются в раннем детстве в семье, и от того, насколько правильным было семейное воспитание, нередко зависит развитие личности.

Разве это правильно? Это ужасно! — это беда общества. Вместо людей оно получает исковерканные семьей отбросы — однако проверить «правильность» происходящего в семье возможно только *post factum*, по степени плачевности результатов: никаких законных инструментов контроля не существует — и не может существовать. Тем более нет в кобсе никаких методов оздоровления «неправильных» семей — кроме их разрушения (развод или изъятие детей), что на практике большая редкость, и тоже отнюдь не радужно сказывается на воспитании. Хуже того: по закону даже насильственное прекращение брака не лишает родителей права общаться с ребенком — а отсутствие формальных критериев «вредности» такого воздействия передает дело в лапы «понятийного» правосудия — или ловкого адвоката. А г. Королев бессовестно врет:

... все выходящее за пределы личных и имущественных отношений в семье, включая и очень широкие воспитательного характера правомочия родителей, для норм семейного права существенного значения не имеет.

Нет в кодексе ничего про «личные отношения» — а про воспитание только пустые слова, не наполненные конкретным содержанием. Никаких «воспитательных правомочий» законом не установлено — кроме обязанности и права «воспитывать» (никому не ведомо как). Когда алименты не платят — это понятно, тут можно надавить и заставить. Хотя и здесь не всегда очевидно: деньги ребенка тратят родители и опекуны — поди разбери, насколько это в его интересах! Например, отец запросто может сослаться на жизненную важность опохмела после веселых праздников — без чего полноценно воспитывать дитя он не в состоянии, а семейные финансы на веселом нуле; придется поменять любимую игрушку на бутылку проклятой... Нефинансовая педагогика — дело темное. Допустим, папаша приучает сына заниматься вивисекцией попавших в лапы зверушек, — почему

бы и нет? — уроки подлого садизма прекрасно ложатся на сказку о воспитании естественной любознательности и научных склонностей будущего гения. Когда мать сначала сама лупит ребенка шлангом от стиральной машины — а потом заставляет отца пустить в ход ремень, — это полностью согласуется с принципами семейного воспитания; столь же формально безупречен высокомерный запрет общения с подлым (без денег и связей) людом в семье какого-нибудь махрового интеллигента или закулисного спекулянта.

Как правило, установление правового регулирования тех или иных отношений в семье или же отмена его происходит не сразу, а в результате экономических сил или социальных сдвигов в обществе, с учетом отдельных изменений в характере отношений, нравственной переоценки явлений, фактической работы судов и государственных органов.

Начало за здравие: эволюция права следует за эволюцией экономики. Но финал всецело идеалистический: вместо собственно экономических причин, все сводится к моральной «переоценке» и тупой кодификации прецедентов. Но что заставляет переоценивать — и откуда берутся новые казусы?

Следовательно, можно сделать вывод, что главным для вмешательства права, а посредством его и государства в семейные отношения является важность охраняемых отношений и правильное определение опасности нарушения установленного порядка для участников нарушенных отношений и для государства.

Про то, что самое важное — деньги поделить, уже говорено. Поэтому опасность имеет монетарный эквивалент — и можно тарифицировать убытки и назначать возмездие без особых проблем. Правда, здесь ничто ниоткуда не следует — и преysкурант от фонаря; если бы исходить не из субъективных претензий, а из потребностей и перспектив экономики, — тогда никакого произвола, и решают не абстрактные «участники» и не абстрактное «государство», а общество в целом, представленное на разных уровнях различными общественными группами и течениями, балансировать интересы которых предстоит на основе единой цели. Разумеется, в классовом обществе такое единство возникает лишь временно и в ограниченной области — поэтому высшим критерием всегда будет соответствие разуму, требование устранения классов — вместе с заточенными под них правовыми преysкурантами. Но Королев, оказывается не об этом! — ему надо быстренько отказаться от лозунга

«экономических сил или социальных сдвигов» и свести все к пошлой мещанской морали:

... моральное правило — плати добром за добро — существует уже много веков и может служить примером общечеловеческой нравственности...

Круто! Открытым текстом выболтать страшную тайну проповедников рыночной демократии: «общечеловеческая» мораль — это мораль собственника-торгаша, который ничего не знает (и не хочет знать) кроме товарного обмена: за все положено расплачиваться своим (то есть, нагребленным) добром; а у кого добра не густо — тому своим горбом... Разумеется, решать про добро и зло будут специально поставленные для этого над холопами инстанции; кому они подотчетны — умолчим для ясности.

Очередной финт — забыть про всеобщую торговлю добром и переключиться на зауряднейшее филистерство:

Трудно представить себе, чтобы общество не реагировало на сожительство несовершеннолетних или близких родственников в тех случаях, когда такие ненормальные явления будут замечены.

То есть, если персонально господину К. что-то не нравится (поскольку его слабое воображение до разнообразия культур не дотягивает) — он тут же объявляет это ненормальностью и требует общественного вмешательства! Кто сомневается в резонности санкций (или — того хуже — не согласен с господскими правилами) — аморальный тип, опасный урод. Поборнику воинствующего морализаторства невдомек, что говорить о сожительстве несовершеннолетних или близких родственников можно лишь там, где как-то установлены границы совершеннолетия и степень близости родства — то есть, реагировать «нормальные» будут на отклонения от норм, которые они же для своих нужд и установили; если установить иначе — ненормальное запросто становится обыденным, и наоборот. Все опять сводится к произволу власть имущих, классовому диктату, — который не вытекает ни из какой морали, а наоборот, совершенно аморальным образом насилует и мораль, и право ради шанса удержаться у кормушки лишнюю сотню лет. Пусть потом несчастные апологеты (вроде Королева) путаются, что в какую дырку положено совать: для верхов все дырки одинаковы, не взирая на возраст и семейственность. От этого пофигизма едет крыша у теоретиков; интуиция их таки не подвела, — но вывод нужен наоборот:

не увязывать право с моралью — а выкинуть на свалку и то, и другое. Вместо этого Королев пытается уточнить и разграничить:

... конкретное, регистрируемое нарушение правил поведения находится в сфере действия права, а более неопределенные ситуации — в сфере воздействия морали.

Весело. Если вам дали по морде статьей кодекса — это по праву; а если просто так морду набьют — это мораль. Как прикажете суду подшивать к делу неопределенности? Это не в его компетенции (хотя пламенные ораторы испокон веков оттачивали остроумие перед жаждущей крови публикой). Но Королеву тесно в рамках закона — ему подавай еще и неформальные разборки, чтобы у «ненормальных» не осталось ни малейшего шанса ускользнуть. Право, дескать, хватается за какую-то часть человека — а «мораль воздействует на всю личность в целом»; в частности, оценка брачно-семейных отношений требует призвать на подмогу мораль, поскольку права кое-кому недостаточно. Но и мораль перестает порой греметь цепями — и тут всплывает третий кит «общественной» регуляции:

Так называемая народная мудрость существует и является результатом накопленного веками человеческого опыта, к ней следует прислушиваться и использовать ее в условиях, когда нет возможности применить норму закона, а более конкретные моральные факторы не регулируют данное отношение.

Вот вам и блатняк, малина, базар по понятиям! Когда вяканье соседей натывается на неприкосновенность частной жизни, а судья не подобрал поносной статьи, — есть уголовный авторитет, вор в законе, мудро наводящий своих шестерок на слишком самоуверенного фраера — после чего выпендриваться иной раз уже и некому... И вот эту порнуху выдает издательство «Юридическая литература»! Разъяснили, нечего сказать...

Хорошо, давайте посмотрим, чем заведует «народная мудрость» — какими такими отношениями.

Таково, например, соблюдение традиционного свадебного обычая.

Классовый интерес как на ладони: как же не подкормить корешей, которые делают бизнес на идиотской атрибутике, мерзких обрядах и свадебных фотосессиях? Гуляй во всю ивановскую! — деревенская дикость плавно перетекающая в мещанские понты и бизнес-рекламу. Если люди любят — им никакие свадьбы не нужны, и не зависит их любовь от казенных документов и пошлых мнений; невозможна любовь

напоказ. Аналогично про родителей с детьми — о чем еще одно «мудрое» (точнее — на букву «м») предписание:

То же самое можно сказать и о рождении ребенка — трудно представить, чтоб это событие не вызвало радости родителей и так или иначе не было отмечено ими.

Бедность юридического воображения Королев уже демонстрировал. Теперь, вот, по торжественному случаю: как тут не напиться вдрызг? Особенно если ребенок оказался полнейшей неожиданностью, а на семейный капитал кроме поллитры и купить нечего. В XVIII веке во Франции были специальные заведения, куда радостные родители могли сдать не вовремя народившееся нечто; в конце XX века придумали специальные ящики в темных улицах — чтобы родители не топили и не расчленяли младенцев, а культурно сдавали рачительному государству. То есть, не просто в мусоропровод — а все по отдельности: металл, пластик, бумага, органика... Но дикая Россия пошла по начертанному всяческими королевскими пути: отказ от ребенка считают уголовным преступлением. Дело доходит до полного маразма: следственные органы разыскивают отказников — и насильно прикрепляют к ним ребенка; при этом уголовного наказания (сроки, штрафы, поражение в правах) для «обрадованных» по суду родителей никто не отменял — и каково тогда счастливое детство! Вот катехизис воинствующей мерзости:

Когда же не отмечается без видимых и понятных причин заключение брака или рождение ребенка, то общественное мнение не может расценить это иначе как признак ненормальных отношений между супругами или детьми. Такая оценка является, как правило, наиболее верной, хотя закон не обязывает праздновать свадьбу или рождение ребенка. Отход от общепринятого способа поведения, безмотивное нарушение обычаев и установившихся традиций представляет собой в большинстве случаев явление, оцениваемое нравственностью отрицательно.

Сначала нам предлагают выставить интим напоказ — чтобы какой-то скот не посчитал причины непонятными и не натравил на слишком скрытных «общественное мнение» (бандитов и убийц). Положено отмечать по понятиям — отмечайте. И не хрен про финансовые причины и (еще хуже!) про любовь. Кто против (уставного или неуставного) начальства — тот, конечно же, ненормальный. Мало ли, что закон не обязывает! У скотов общепринятые (в их скотском кругу) способы, (дикие) обычаи и (варварские) традиции — на защиту которых встают

признанные (блатные) авторитеты. Не предъявили серому остолопу убедительного мотива — тут же запишут в минус, затравят, вычеркнут из жизни, сотрут в порошок. При полном попустительстве государства, которое без теневой экономики вообще никуда.

Конечно, мы имеем в виду обычаи, не являющиеся отсталыми, вредными или во всяком случае не мешающие развитию новых, здоровых отношений в семье.

Но решать так будет «народная мудрость» — построенные паханами сокамерники! В лучших традициях буржуазной демократии: мы не вмешиваемся в отношения свободных людей — пусть одни совершенно свободно пожирают других... Поскольку инструментарий обработки общественного мнения в руках господ — насадить нужный режим пожирания не представляет труда. Право умывает руки: в конце концов, вешать и жечь негров на кресте — это всего лишь мудрый обычай...

Коммунистическая мораль не следует слепо, некритически за сложившимися у какой-то части населения обычаями, она идет впереди них, вносит в эти обычаи и традиции черты, характерные для нашего строя.

Ну да, «коммунистическая мораль» — самосушая абстракция, которая вообще ниоткуда не следует и ходит сама по себе, независимо ни от кого. Но при этом не посылает «обычаи и традиции» куда подальше — а лишь подкручивает их, чтобы самые крутые могли насаждать черты «своего» строя — к своей выгоде. Кто заведует традициями — тот и диктует «коммунистическую мораль», прикрываясь фразами, что

общественное мнение — это категория нематериальная

Тем более, что

Все большее значение в развивающемся к коммунизму обществе начинает приобретать чувство долга.

Типично буржуйская абстракция: долг вообще, безотносительно к чему-бы-то-ни-было и к кому-бы-то-ни-было, на вечные времена, от бога или от природы; и это называется «правильное понимание»... Но говорить про долги можно лишь там, где есть рынок, купля-продажа, — иногда в кредит. Выходит, чем ближе к коммунизму, тем громче базар.

Как только навесили на население долги — не обойтись и без вышибал, без классового насилия. Для Королева — это «две стороны воздействия на личность»: убеждение (мораль) и принуждение (право). Замечаем: есть личность — и кому-то надо на нее «воздействовать», —

вместо того, чтобы жить себе тихо-мирно и другим не мешать. Сначала воздействуем морально; если девиант упрямится — в кандалы; если же и право сплеховало — см. выше про третий путь.

Напыщенные заявления типа сделать основной формой уплаты алиментов добровольную — никого не обманут. Всего лишь сместить акценты, преимущественно действовать в обход закона, а не по закону. Это как поймать в подворотне: *кошелек или жизнь!* — понятно, что многие вполне добровольно выставят откупные (хотя иногда и это не спасает, и жизни лишают все равно). Даже не по-капиталистически — по бластным понятиям. Чтобы строить коммунизм — потребовалось бы отменить институт иждивения как таковой, и вместо алиментов ввести единый прогрессивный налога в копилку *общественного* воспитания детей, независимо от их происхождения. Вот первая задача *народной* власти — в противовес классовому диктату.

Рассматривая способы воздействия на семью, следует иметь в виду, что мероприятия в области идеологии и нравственного воспитания, не поддержанные необходимыми материальными средствами и авторитетом государственной власти, не могут еще принести желаемый эффект. Также малорезультативными будут правовые нормы, не соответствующие объективным социально-историческим условиям.

От воздействия на персоналии незаметно переползли к воздействию на семью; вероятно, это признание факта противостояния семьи обществу в целом — что, конечно, чаще всего сводится к саботажу разумных начинаний (по Королеву — такие семьи правильны, их надо поощрять); но в некоторых случаях семья сплачивает единомышленников в борьбе против классовых институтов — и тогда приходится «воздействовать», призывать к порядку, давить материей и авторитетом. Чтобы «принести эффект» — желаемый теми, кому положено желать. Морализаторский идеализм перерастает в вульгарный материализм по Аристотелю: нет движущей силы — нет и движения; представить себе инерционное (свободное) движение — страшно: наверняка занесет не туда! Так устроено классовое общество: надсмотрщик с плетью — его необходимый атрибут. Про действенность права — тоже верно: если закон мешает грабителю грабить — тем хуже для закона.

... формы и методы вмешательства в дела семьи, будучи довольно разнообразными, преследуют единую цель — поощрить самые передовые, соответствующие высокому уровню развития нашего общества отношения.

Поэтому, дескать, право «не точно соответствует традиции» (и не должно). Кого следует поощрять — выше сказано. Общий смысл: властители мира хотят жить на широкую ногу, стремятся подгрести под себя все и вся; поэтому вмешиваются они «в дела семьи» только для того, чтобы на законном основании отнять перспективные наработки — и пресечь опасные вольности: «передовая» семья должна считать идеалом обретение начальственного статуса — а не задумываться о порочности системы господства и подчинения как таковой, и об отправке всякого начальства куда всех посылают. К великому сожалению Королева, «уровень сознательности» (еще одна абстракция способная расти сама по себе) не достиг в народе той степени, когда можно было бы обойтись без принуждения. Но его таки обнадеживает «стремление к усилению влияния неправовых способов воздействия». То есть, без суда и следствия. Подлым людишкам — лишь бы на них вообще не воздействовали! Наоборот, воздействующие мечтают о золотом веке, когда насильничать можно было без оглядки на закон.

Как и положено в рыночной экономике, разделение сфер влияния морали, права и понятийных разборок происходит стихийно, путем столкновения конкурирующих группировок (экономических агентов). Королев снова и снова повторяет пустые словеса о «важности для общества» или «объективной возможности» регулирования — и тут же на попятную:

Не всегда, с одной стороны, норма закона обязательно будет применяться к важному конкретному случаю и, с другой стороны, вполне возможно правовое разбирательство сравнительно малозначительных для общества дел. Упомянутые выше критерии разграничения проявляются только как тенденция...

Потому что критерии ваши — сплошной субъективизм. А право растет из солидных экономических почв — и ему интересны потоки активов, а не брезгливые мины людоедствующих мещан, для которых кайф не в том, чтобы содрать деньгу: им сделать это максимально извращенным способом, вдоволь поиздеваться над людьми. Вот и сетуют:

Известно, что основную массу судебных дел по брачно-семейным вопросам составляют алиментные дела.

То есть, никакой важности: поделили деньги — и начхать на публику с ее обывательской моралью и жадной крови.

На помощь спешит юрист Королев, который против правового государства на том основании, что беспристрастных свидетельств и тому

подобной фактуальности среди подлых людишек не бывает — а потому, дескать,

формы регуляции брачно-семейных отношений следует рассматривать как тяготеющие по самому своему существу не к правовым, а к нравственным, общественным, влияющим на сознание более гибким путем воздействия.

Не признает этот филистер семью сугубо экономической категорией, которая *лишь как таковая* подвластна правовому регулированию. Тут как раз старая большевистская затея — товарищеские суды и прочие публичные стирки соседского нижнего белья; в числе «других мер общественного, товарищеского воздействия» понятийщик упоминает назидательные беседы (с начальником), коллективное обсуждение в неофициальном порядке, травлю и давление («изменение отношения коллектива к нарушителю»), установление общественного контроля, наблюдение и злобную диффамацию...

Спрашивается: есть у этой своры *законное* право портить жизнь окружающим? Абсолютный ноль. Но нет и запрета — и снисхождение власть предержащих гарантировано. Барину выгодно демонстрировать нейтральность: пусть холопы друг дружке лбы расшибут — они же потом виноваты... Вот если коснется начальственного кармана — тут пощады не жди. Холуйствующие мерзавцы умеют не переступить грань; их конек — провоцировать свои жертвы.

Дальше блюстителю морали пошел в разнос — и прямо диктует народу самодельные правила, пострашнее закона. В общем случае — это «недостойное поведение в семье, затрагивающее интересы семьи и других лиц». Что считать достойным — решать будут «другие лица»... Споры о разделе имущества — лишь (не самая важная) часть разборок; это можно, так и быть, оставить законным судам. Незаконное вмешательство в частную жизнь бичует прежде всего воспитание детей в семье, и «недобросовестность родителей». Опять же, решать будут паханы — остальным не рыпаться! С пеной у рта бесноватый автор клеймит (разрешенные по закону) разводы: дескать, «разрушающее влияние многоженца (даже не нарушающего закона о регистрации брака)» — опаснее, чем кража. Что оно разрушает? Только вековые предрассудки и систему разрушения личности детей, вынужденных существовать в атмосфере взаимной ненависти. Кому оно опасно? Только тем, кто делает бизнес на несчастьях других — или смакует пикантные подробности чужой беды.

Советский инструмент для «общественного» вмешательства — так называемые комиссии по делам несовершеннолетних, которые, якобы, призваны выявлять неблагополучные семьи, заниматься профилактикой семейных конфликтов. Нечто подобное есть и у буржуев (например, полиция нравов); но там право таки во главе угла — и привлечь падших к ответственности можно лишь при неуплате фискальных сборов (иногда натурой — как проститутки ублажают полицаев в околотке).

Ссылаясь на произвол самозванных комиссаров, наводят статистику типовых причин «неблагополучия»: повышенная занятость родителей, неполная семья, низкая материальная обеспеченность... Уже этот перечень показывает, что капиталистическая семья вообще не пригодна к воспитанию детей — ее основное назначение в другом. Передайте воспитание обществу в целом — и не нужны никакие комиссии, и совершенно без разницы, кто с кем проживает и в какой форме. Пусть кому интересно делят свои деньги — ресурсы, выделяемые на каждого ребенка обществом, от этого никак зависеть не должны. И тем более все равно, кто кого родил: разращение детей богатыми — столь же мерзкая общественная язва, как и истязание нуждой и лишениями в беспородных низах.

После всего, г. Королев приступает к самой безнравственной части своего опуса — пытается наложить грязные лапы на самое чистое во вселенной, на любовь. Как водится, первым делом надо все опошлить: свести любовь к сексу — а секс, по филистерским понятиям, допустим только в целях зачатия, — а зачать ребенка в обществе диктатуры дегенератов разрешается только в семье:

Отношения между девушками и юношами в коллективе на производстве или в учебном заведении в отдельных случаях складываются неправильно. В результате проявления легкомыслия при вступлении в близкие отношения или неосведомленности и доверчивости некоторой части девушек появляются так называемые одинокие матери.

Это добропорядочных буржуа не устраивает — и «ошибку» требуют исправить задним числом: кого-то от фонаря назначают в отцы — потом травят всем кагалом, чтобы загнать «неправильную» парочку в брак:

Воздействие коллектива комсомольцев на предполагаемого отца ребенка может в определенных случаях способствовать к вступлению в брак отца и матери ребенка, а если это по каким-либо причинам невозможно, может привести к принятию отцом официальных конкретных обязательств по его содержанию.

Заметьте: отец только «предполагаемый»; положенные по закону процедуры установления отцовства (а по-хорошему, и материнства) — совершенно побоку, достаточно указаний блатного авторитета... Мнения жертв вообще никто не спрашивает.

Блатной теоретик сетует, что не может вставить свои садистические наклонности в кодекс: дескать, право не предписывает любви, уважения, дружбы при вступлении в брак — «о них в законе говорится лишь в самой общей форме»... Типа, «построение отношений в семье» на любви, и прочие общие фразы.³¹ Вот и приходится опираться на дикую мораль, на свой страх и риск. Вероятность самому попасть под статью хоть и мала — но есть. Согласно морально-процессуальному кодексу, уклонение от брака «по любви» (то есть, с документально заявленным сексом и плодоношением) расценивается как букет нарушений разной аморальности. Самый слабый вариант, когда брачующиеся

имеют искреннее желание создать нормальную семью, надеясь на то, что в процессе супружеской жизни их отношения укрепятся, а если этого не случится, то достаточно будет взаимного уважения и намерения жить вместе для того, чтоб семья могла существовать. Ни мораль, ни право не могут осудить подобную пару, и, несмотря на то, что такая семья не будет идеальной, полностью соответствовать принципам коммунистической нравственности, она имеет все же достаточное основание для своего существования.

Дескать, давайте пока просто трахаться на законном основании, ради прироста населения, — а там стерпится-слюбится... Неидеальность тут в самом факте честного признания, что приходится уступить начальству ради душевного спокойствия, чтобы не нарываться лишний раз на неприятности — но вполне можно было бы обойтись и без, если бы не давили экономически и морально. Бог с ней, с коммунистической нравственностью! — на обычном языке это называется *порядочностью*. Непорядочным — бельмо в глазу, и страх, что человеческий разум окажется в итоге сильнее стадных порядков и сохранит духовность даже в когтях филистерианства.

Куда проще подозревать корыстные мотивы (брак по расчету). Это свое, родное, рыночное... Сокрытие истинных мотивов — типичнейшее суждение мерзавчика: дескать, а я бы поступил так — значит, и они

³¹ Еще раз отметим: «построение семьи» — не то же самое, что «построение отношений в семье». Регулировать заключение брака и вмешиваться во внутренние дела семьи — такие разные позиции. Впрочем, любовь ни туда, ни туда — никаким боком...

поступили так же, но молчат, подлецы, — и потому вызывают зависть и восхищение у подлых соглядатаев. Опять же, за неимением фактов — простор для извращенной фантазии, возможность посмаковать себя в воображаемой роли. И пафосно осудить эту якобы реальность:

В советских условиях, когда женщины и мужчины вместе трудятся, получая равную плату за равный труд, вместе учатся, являются равноправными участниками коммунистического строительства, нет ни экономической, ни моральной базы для браков по расчету. И тем не менее они имеют место.

То есть, как вы ни изображайте добродетель — вы все равно воры! — уж Королеву-то доподлинно известно: он сам такой... Впрочем, такие браки морально приемлемы, если сующим нос не в свои дела тычут в нос демонстративной атрибутикой: секс, дети, семейные ссоры, дележка имущества, теневая экономика (по благу)...

Другое дело — фиктивный брак. Тут, наоборот, демонстративное презрение к морали и праву, когда не государство и воровские шайки помыкают людьми, а разумные люди умеют использовать дикую природу в совершенно непостижимых для нее интересах. Они могут

оформить свои супружеские отношения, фактически не создавая семьи, — для того, чтоб воспользоваться льготами и преимуществами, предоставляемыми в данном случае лицу, вступающему в супружеские отношения.

Что такое «фактическая» семья — кобс умалчивает, и приходится судить по первым попавшимся признакам: живут врозь — значит, мошенники; если одним домом, но есть две кровати (или даже две спальни!) — значит, уклоняются от секса (а дети тогда подставные!); если вообще прицепиться не к чему — достаточно пустить слух, что они друг друга не любят... В том смысле, как любят друг друга скорпионы в склянке.

Безусловно, такое поведение членов советского общества является крайне безнравственным, нарушающим сами основы и принципы социалистической морали, не говоря уже о его противоположности.

Королев не в курсе, что закон увязывает имущественные отношения (семью) лишь с фактом заключения брака, не оговаривая никаких иных оснований (ст. 19–20 КоБС); аналогично, отношения детей и родителей возникают на основании официальной регистрации родства — что при наличии штампов делается по умолчанию, но можно и по суду. Ничего кроме экономики в таких отношениях нет; предписанное кодексом право «общения» остается чистой абстракцией, поскольку конкретных форм

общения закон не предписывает — и все судебные решения опираются только на обывательскую мораль, или на подзаконные акты (понятийные решения).

Как и раньше, крестовый поход против «неверных» сопровождается сетованиями на чрезмерную либеральность закона. Например, нет возрастных ограничений сверху (снизу таки ввели!) и по разнице в возрасте. Однако «общественное мнение» и органы загса борются с неравными браками! Спрашивается: какое право у загса отказать в регистрации юной фее и старперу? Или наоборот. Прав нет; зато есть инструкции от Королева — и добиваться законности придется только через суд, где тоже у блатных все схвачено.

Подобных крючков — пачками, на каждом шагу. Первобытные нравы — браки по сговору, с несколькими предварительными этапами (предполагающими соответствующие обряды и затраты):

Нельзя не видеть, что, как правило, всегда имеется прямая связь между важностью события и сроком, необходимым для его подготовки.

Тем самым начисто отменяются браки по любви — бурная страсть не соответствует «важности события»! Рождение детей — тоже без особой важности, потому что сроки беременности ни с чем не связаны (скорее, наоборот: подготовку привязывают к ним).

Но нет худа без добра! Апологетика внешнего вмешательства в дела семьи ведет к ограничению родительского влияния на половозрелых отпрысков — включая прямое подстрекательство к неповиновению:

Практика показывает, что препятствия только укрепляют людей в их намерениях.

Пусть прокрадутся в загс темной ночью — но порадуют-таки округу лихостью свадьбы, тщеславным безумием:

Вступающие в брак как бы берут обязательство создать хорошую семью не только перед самими собой и государством, но и перед широкой общественностью, перед коллективом, в котором они живут и работают.

Сам того не ведая, Королев выбалтывает суть всякой обрядности: раньше связывали магическими силами; позже магией заведует церковь; относительно недавно магические ритуалы вывели за рамки закона — но подлого обывателя это не устраивает: ему до фени мощь державы — ему важно упиваться своей властью, поставить себя выше властей — и тем самым как бы прикоснуться к всемогуществу действительных хозяев

жизни, господствующей элите. Право обслуживает именно из — и брак есть обязательство перед их государством, перед меньшинством, сидящим не шее у большинства. Извращенная форма социального протеста — отказ от разума, вакханалия дикой морали, заставляющей молодых брать на себя еще и обязательства перед бесчинствующей толпой. Разумеется, насаждение дикости кое-кому выгодно: удобно делать бизнес на дураках — на разуме особо не наживешься!

Уже помянутые возрастные запреты на вступление в брак (а секс без брака табуирован полностью и безусловно) Королев, как это принято у моралистов и святош, подкрепляет якобы ссылками (без источника) на якобы науку:

... медицинская наука считает, что наиболее подходящее для женского организма время рождения ребенка — 20–23 года, а в возрасте старше 35 лет увеличивается опасность рождения неполноценных детей.

То есть, кто за 35 — обществу вообще не нужны, их надо вычеркнуть из всех списков как совершенно бесперспективных; пусть, так и быть, доживают век без пособий и льгот — но браковаться и рожать ни-ни! Потом говорят про кризис среднего возраста... Это кризис буржуазной морали, с ее чисто утилитарным отношением к человеку — к домашнему скоту.

Забавно, что про моногамию Королев вообще не говорит; сказывается скудость его воображения, на которую он неоднократно ссылается ближе к началу. Брак по схеме М + Ж подразумевается сам собой. Однако чрезмерная либеральность закона может быть легко истолкована как посягательство на святая святых — патриархальность брака. Тут наш разъяснитель идет на прямой подлог, утверждая, что союзное законодательство якобы приравнивает труд жены по дому к труду мужа вне семьи. Ничего такого там, конечно же, нет. А есть ст. 12, часть вторая (она же в ст. 20 КоБС), которая гласит:

Супруги пользуются равными правами на имущество и в том случае, если один из них был занят ведением домашнего хозяйства, уходом за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного заработка.

Душа Королева равенства не приемлет — и он тут же указывает женщине ее место: домашнее хозяйство — в отличие от государственной важности забот ее благоверного. Зарботок женщине вообще ни к чему: финансами должен заведовать мужик, признанный беспредельщиками глава семьи. А контора пусть себе пишет!

Каждый из супругов имеет равное право на установление того или иного порядка ведения домашнего хозяйства. Практически в этом отношении главная роль принадлежит женщине, но закон устанавливает равное право обоих супругов.

Плевать на закон! — мы тут чисто практически, по понятиям...

Следующим разделом, конечно же, воспитание детей. Как известно, законодательство декларирует право и обязанность каждого заниматься воспитанием тех, кто по бумажкам выделен ему в воспитанники. Как оформить бумажку — в кобсе прописано; что дальше с ней делать — вилами на воде. Короче — простор для подзаконщиков и правовых нигилистов. Те, конечно же, не заморачиваются уточнением понятий — им достаточно жизни по понятиям. Королев, в своем стиле, начинает с громких лозунгов:

Воспитание подрастающего поколения в нашем обществе является делом не только семьи, но и всего общества в целом.

По-хорошему, следовало бы сказать: не столько семьи... Да и не семьи вообще, а именно общества в целом, которому всякая семья в этом плане должна быть подотчетна (поскольку мы вообще допускаем совместный быт детей и родителей). А так оказывается, что «право родителей на воспитание детей» — это их «личное право» (хотя и «одно из наиболее важных прав»). В любом случае, оно (по Королеву) «носит сугубо личный характер».

Одинаково вредно положение, когда вопросами воспитания детей никто, кроме семьи, не занимается и когда вопросы воспитания детей изымаются совершенно из ведения семьи и передаются каким-либо общественным или государственным органам. Влияние семьи не может быть равноценно заменено никакими другими средствами воспитания.

В переводе: воспитывать вы будете в семье — но публика имеет право подглядывать в замочную скважину и потом устраивать вам публичное «вау!» или публичное «фи!» (без малейших материальных обязательств). Общество (по Королеву) ни в коем случае не изымает ребенка из семьи; наоборот, оно заставляет семью навязывать ребенку свое «влияние». Наличие детсадов, лагерей, интернатов и т. д. — «лишь дополняет семейное воспитание». Это вроде заманки: чтобы охотнее браковались. Или просто большевистский атавизм, кости былой мечты...

Разумеется, общественным и государственным органам, которые сложились при советах, доверять воспитание детей было безусловно

вредно: там сплошь последователи Королева, и ничем человеческим не пахнет. С другой стороны, поскольку семья навязана населению законом и моралью (заведовать которыми подрядилась королевская рать) — ее влияние действительно огромно; иначе зачем бы любителям порулить стремление во что бы то ни стало «воздействовать» на семью? Одно неотделимо от другого — и Королев со товарищи (или господа?) берут быка за рога:

Воспитание в семье, выработка у детей передовых убеждений и идеалов является также и методом воспитания самой семьи.

Ну, насчет передовых идеалов в семье — это логическое противоречие. Но недаром Королев подстрекал молодежь против родителей! — его метод в развитых капиталистических странах стал одним из главных элементов машины промывания мозгов: медийные технологии нацелены прежде всего на неокрепшую психику подростков — и напрямую подчиняют их сознание интересам крупного капитала; через это и родители волей-неволей проникаются, и вынуждены соответствовать (им же не хочется, чтобы бывшие детишки сдали предков в приют — вместо почтения и ухода). Говорить после этого про «личный пример родителей» — просто кощунство.

В большинстве семей родители не занимаются специально целенаправленным воспитанием детей. Воспитание — естественный процесс, который чаще всего не регулируется, а происходит стихийно, по традициям и обычаям, существующим в семье.

Что массовому родителю педагогические таланты не свойственны — это козе понятно: по жизни, им только бабла настрелять — или (что то же самое) уложиться в нормативы и сроки. Но гений Королева на этом не успокаивается и отливается в теорию воспитания как естественного процесса — звучит! Где тут, кстати, нобелей раздают? Остается только добавить, что существующие в семье обычаи и традиции не возникают там же методом самозарождения — они (совершенно естественно) проникают в семью под давлением извне, соединенными усилиями чиновников, соседей и коллег, а где-то и уголовных авторитетов. О чем Королев не устает нам напоминать. Но в данном случае важно подать дело так, будто семейное начальство принимает «отсутствие регуляции» с должным раболепием, как удобный повод откосить, оправдание дикости. Хотя на заднем плане таки маячит «применение сознательных приемов и методов» — конечно, как «естественное» дополнение к стихии, а не ее преодоление.

Возводят к природе и формы воспитания — расцениваемые, главным образом, как формы принуждения:

Естественно, что наибольший эффект воздействия на молодежь окажут нормы не запретительные, а разрешительные, указывающие определенный порядок действия, обучающие поведению.

См. выше про выработку «передовых убеждений» и воспитание семьи. Внешне, вроде бы, логично: недостаточно сказать, как не надо, — надо еще и показать, как надо. Западная поп-культура вся на этом стоит: бесконечные сериалы, коммерческие акции, мультики и социальные сети — набор шаблонов, которые вбивают в головы и души лакеи крупного капитала. Буржуазная школа (включая советскую) — целиком заточена под «обучение поведению». Тому, что вполне естественно и вытекает из порядка вещей... И пусть люди будут вещами.

Теоретик Королев исходит из того, что право — в основном касается *прав людей*, тогда как мораль — определяет их *обязанности*. Поэтому «заставить выполнять обязанности» (какой слог!) можно, главным образом, лишь через мораль. Что в кодексе прописаны и права, и обязанности — большого ученого не волнует: для него право — одна эфемерность, и чем меньше баловать население — тем лучше. Держать в ежовых рукавицах пошива фабрики Королев и К°. Обратить народный гнев на злостных уклонистов. Независимо от модуса деградации. Например, испортить детей могут как в религиозных семьях — так и родители-алкоголики. Хотя, по факту, портит-то детей не семья, а общество: скотский быт и моральное убожество — следствие перекосов в экономике и засилья расплодившихся на этой почве правозащитников, попов и моралистов. Королев предельно крут: никаких поблажек! Так, он приветствует указ 1944 года о запрещении обращения в суд для установления отцовства матерям, не состоящим в браке (для повышения рождаемости после войны при дефиците мужчин). И констатирует с удовлетворением:

По отношению к людям, крайне морально распущенным, ведущим беспорядочный образ жизни, могут быть применены и применяются крутые меры воздействия, вплоть до выселения с жилой площади.

Кому какое дело, что это противоречит заявленному в конституции праву на жилье? Кого считать распущенным и беспорядочным — закон не ведает, и ему с радостью подскажут более компетентные инстанции. Они же посоветуют, как повоздействовать. Как совместить с этим их же призывы к сохранению семьи? — а логика барину не указ.

Начальство не заботится о том, чтобы его уважали, — оно требует всего лишь повиновения.

В частности, если практически невозможно принудить человека испытывать чувство любви или привязанности, то вполне реально воспитать в нем чувство долга...

и построить на нем семью. Флюгер опять повернулся задницей к собственным словесам. А что? Где-то в самом начале уже было про верховенство долга «в развивающемся к коммунизму обществе»... Поэтому следовало бы вообще запретить разводы: кого с кем в клетку посадили — с теми и размножайтесь. По счастью,

Нормы права несколько сдерживают обращение в суд с заявлениями о разводе установленным в законе все еще сложным процессом расторжения брака...

Да, до развитых буржуинств мы не доросли. И даже до некоторых полуфеодалных обществ, где разводятся одной фразой. Зачем? Будем уповать на пошлую сентенцию: все к лучшему в этом лучшем из миров. Вдруг с неба упадет повышение зарплаты?

Улучшение условий жизни может привести и к укреплению семьи и нравственных начал в ней...

То есть, опять все строить на деньгах, на рыночном болоте. Этика в денежном эквиваленте: мой дом — моя крепость. Суррогат семьи — и суррогат нравственности. Все точно:

Семья должна служить примером отношений в обществе.

Напоследок положено отбрехаться про коммунизм — для королевых это лишний повод продемонстрировать звериный оскал:

Не является предметом дискуссии вопрос о том, сохранится ли семья при коммунизме. Вместе с тем следует отметить, что попытки высказаться по этому вопросу делались неоднократно и получали соответствующий отпор.

Понятно? Никаких дискуссий! Есть звери — будет и зверство. Независимо от существования экономических предпосылок выделения семья в особую хозяйственную единицу. Потому что родня — она и есть родня, и роднее может быть только мудрый пророк Королев, грозящий нам семейным рабством во веки веков:

Если не будет трудностей в решении этих проблем, то в семье останутся связи как раз те, которые должны быть там главными — связи духовные, родственные. Очевидно, еще в течение обозримого

исторического периода родственные и супружеские связи будут иметь очень большое значение и полностью очистятся от материальных расчетов.

Какое отношение родство (биологическое или бюрократическое) имеет к духовности — черт его знает. Может быть, мы уже перетекли в религию и базарим про божий промысел? Очищение — это тоже оттуда, из теологии (если, конечно не флюгернуть к Фрейдю). Фраза содрана из преамбулы кобса; одна глупость цитирует другую — и оказывается, что они теперь не так уж и глупы, а где-то даже себе на уме!

Еще или уже?

Мы уже видели, как семейственность пропихивает в массовый обиход социалистическая законность — и как закон «углубляют» моральными заповедями воинствующего патриархата. Следовало бы заскочить на другой полюс — и представить обзор классического и современного буржуазного права, а также практики его опошления. Однако эта работа — ну, совсем не интересна, потому что результаты известны заранее, и к сказанному добавить нечего. Оставим желающим в качестве домашнего упражнения. Но у нас была когда-то перед глазами и своеобразная промежуточная зона: еще не капиталистическая Европа, но уже и не совсем Советский Союз. Здесь, в принципе, можно было бы ожидать тонкой игры противоположных тенденций — и спрашивать себя на каждом шагу: это еще социализм? — или уже буржуинство? Впрочем, поскольку по части экономического базиса и отношения к разуму одно от другого мало отличается, особых надежд почти нет. Тем не менее, пробежаться по характерным примерам полезно — ради комплекта; кого угораздило прочесть что-нибудь из предыдущего — могут смело опустить этот неинформативный материал, и они ничего не потеряют. Пообщаться со смыслом можно, если захочется не только познавательного, но и навестить старых знакомых, связать духовные ниточки, — или просто под специфическое настроение.

Двигаться будем из Москвы на запад по порядку: сначала Чехия и Словакия, потом Восточная Германия (а еще дальше — уже оплот «демократии»). Итак: некто Иржи Хазерка, *Вступление в брак. Правовые аспекты*. (М.: Юридическая литература, 1980). Книжка толстая — однако детали нам ни к чему, и постараемся не разлетаться во всю ширь.

Название говорит за себя: автор собрался в поход против брачного нигилизма (которым уже сильно пахнет на западе — но восток энергично сопротивляется). Особенность — не частая в соцстрановской апологетике тональность: это не апелляция к обывательскому рассудку, не попытка убедить, а своего рода проповедь, задушевный подкол. Граждане, давайте жить дружно! — строить брак на века, страстно желать его и основательно готовить (вспомните, у Королева: важные дела и делать надо важно; или: служенье муз не терпит суеты). «Постоянно провозглашаемая, но по сути почти донкихотская борьба с разводами» убедили автора, «что первичной предпосылкой удачного супружества является серьезный и сознательный подход к заключению брака» (по-простому: брак по расчету) «и что, напротив, легкомыслие в совершении этого поступка ведет к отрицательным последствиям». Ах, как мило! Все дело, оказывается, лишь в несознательности юных и неопытных... Ну-ну, донкихотствуйте, эмпирики-идеалисты!

Разумеется, ни один автор не связан своими моральными предпочтениями.

Ой ли? А на фига тогда все затеяно? Лозунг явно списан у западных коллег — ревнителей потусторонних истин божественной природы.

Но должен признаться, что как перед началом работы, так и после ее окончания я глубоко убежден в том, что моногамный брак в нашем обществе остается лучшим, что могло изобрести человечество для создания между мужчиной и женщиной отношений, которые были бы свободны от всего антигуманного и способствовали тому, чтоб жизнь была содержательной и полноценной.

Сусальное золото, сопливый леденец... Вообразить себе, что есть не мужчины и женщины, а просто люди, — и что ни свободны любить друг друга каким заблагорассудится, без начальственных указов и гербовых бумаг, — Хазерка принципиально не в состоянии. Хочется кому-то изобразить сладкую парочку — на здоровье; испрашивать на это божьей или государственной милости — подлое рабство. Другим захочется непарности — и для этого тоже не нужно изобретать бракованные формы, достаточно оставаться людьми и относиться друг к другу по-человечески. Чего ради навязывать свои предпочтения всему обществу в качестве обязательного норматива? И тем более к этой нормативности всемерно принуждать — как на законном основании, так и грубостями морального воздействия. Подспудно тут еще и клеймо империализма:

европейские порядки — самые-самые совершенные, и потому извольте спариваться по-европейски во всемирном масштабе!

Моногамный брак не является чем-то обреченным в обозримом будущем на отмирание, разумеется, если нас не постигнет катастрофа типа описанной в книге «Дети триффидов»... Но и в этом смысле я не являюсь пессимистом.

Насчет слабости воображения и неумения обозреть вполне обозримое будущее — см. выше. Это у апологетов семьи, видимо, семейное... Но сами по себе эти слабости — не порок; свинство начинается, когда начинают мерить по себе — и рубят крылья всем подряд. Кто слишком зрячий — тому глаза выколоть. Кто слишком башковитый — башку и оттяпать недолго. В любом случае, воображать себе вечность семейной кабалы (а следовательно, и вечность капитализма) — это и есть самый что ни на есть исторический пессимизм. В подтверждение, как водится, приводят статистику — например, в Великобритании, вроде бы, полно сторонников. Но что остается тамошнему обывателю, если классовое общество ничего не предлагает в замен? Перед лицом практической эмансипации — хватаются за моногамию, как утопающий за соломинку.

Потом, опять же по традиции, — опошление Энгельса (со ссылками невпопад): дескать, при свободном выборе партнеров, устранении экономических факторов и свободе любви возникает «брак будущего», и это, оказывается всего лишь «этическое требование»... Путаницы у Энгельса много — и отказаться от семьи он никак не решается. Но голову таки надо немного напрячь: если у людей свобода распоряжения собой (включая органическое и неорганическое тело), и никакая экономика за этим не стоит, — на хрена им вообще задумываться об оформлении отношений? И тем самым выставить интим на всеобщее обозрение — как видеотрансляция из спальни по всем каналам! Есть какие-то отношения — и никому до этого дела нет. Потом будут другие отношения — и опять же, никого не касается. Никакой брак среди свободных и разумных существовать не может. Им вообще не нужно никого выбирать — заранее себя ограничивая. Захочется — поиграем в семью (эротические игры — на любой вкус); не захочется — будем любить через мегапарсеки и миллиарды лет.

Далее еще кусок бодренькой статистики, согласно которой среди причин вступления словаков в брак фигурируют «эмоциональные мотивы» (76%), «желание иметь ребенка» (64.9%), «обогащение жизни

и полное развитие личности» (55.4%), «желание создать собственный дом» (50.5%); по сексу — есть половые расхождения (47.5% мужчин и лишь 26.9% женщин). Ну и прочее — вроде как уже подзалетели, или просто скучно. На последнем месте «материальные мотивы» (10.3% и 8.7% соответственно). Понятно, что «правильную» статистику всегда можно поиметь, подбирая достаточно туманные формулировки анкет. Например, «назло врагам» — это тоже эмоциональный мотив. Можно предположить, что наводящих вопросов (почему нельзя «эмоционально относиться», делать детей, лично расти, жить вместе или заниматься сексом без брака) никто не задавал — иначе все вообще мотивы свелись бы к той самой, последней строке.

О чем все говорит? Лишь о том, что почти европейцы (быстренько оформившие брак с Евросоюзом после распада соцлагеря — конечно же, исключительно по причине сильных эмоций!) в вопросах семьи ничуть не продвинулись по сравнению с отсталыми москалями — или что мозги у них уже промыты до полной стерильности. Большинству и в голову не приходит абсурдность оформления бумажек по поводу того, что запросто могло бы обойтись и без них: так положено, так завещано предками — или: мы просто не умеем вообразить себе что-то другое. Но Хазерка делает свои выводы:

К выбору брачного партнера мужчины и женщины в нашей стране приступают с верным представлением о браке.

Полный букет филистерства: людям предписано вступать в брак, они поставлены в условия необходимости выбора, браки предполагаются только парные и разнополюе, — а верность представлений определяют не сами люди, а кто-то со стороны. Под это почти европейцы тут же подводят теоретическую базу:

Можно согласиться с мнением социологов, что было бы ошибкой понимать любовь как сильное, непреодолимое чувство, произвольно вмешивающееся в жизнь. Напротив, стрелы Амура движутся по заранее намеченным траекториям, определяемым усвоенными нами представлениями о браке в процессе воспитания, под влиянием семейной среды, сверстников, школы, собственного жизненного опыта, неформальных правил, которые либо как позитивные факторы, либо как иррациональные или вредные предрассудки в совокупности определяют наш выбор, т. е. побуждают осознать или по крайней мере подсознательно чувствовать, кого нам следует любить. Кроме того, наш выбор зависит, конечно, и от объекта наших избирательных возможностей.

Социологи, разумеется импортные (Worsley & Berger) — по высшим стандартам «демократического» общества! В котором любят только тех, кого «следует любить» — следуя указаниям самых авторитетных (то есть, очень богатых) инстанций. Как и среди советских, собственно правовые аспекты задвинуты в самую заднюю задницу — и на первый план выдвигаются два фактора: синкретическая рефлексия — и давление среды. Тупое попугайство, стремление не заморачиваться грустными думами и плыть по течению — либо желание не высовываться, дабы не получить по физию. Призрак коммунизма давно скончался — и про экономические факторы ни тени. Разве что очень косвенно, поскольку «выбор партнера для брака явно зависит и от территориального фактора» (отсюда мостик к отсталости способа производства, приковывающего людей к определенной территории — как у диких зверушек).

Социологические исследования в определенной мере подтвердили теорию комплементарности, основанную на гипотезе, что человек в пределах возможного выбора стремится к браку с таким лицом, от которого он может ожидать дополнения своей личности и тем самым удовлетворения своих психологических потребностей.

Как и в какой мере теория подтверждена — ни слова. Странники теории выбора по сродству, конечно же, приведут другие эмпирические указания, столь же неоспоримые. Ни те, ни другие — понятия не имеют о том, что личность вообще не заботится о сравнениях и просто ведет себя разумно, общается со столь же разумными существами. А вся эта буржуйская арифметика — явление сугубо классовое, и началась она задолго до Аристотеля (который оставил нам ее обстоятельный обзор). Чисто утилитарное применение — брачные агентства и тому подобные бизнесы. Во времена Маркса всяческие анкеты были просто шуткой, забавой в своей компании. Конец XX века — господство нумерологии, привлекающей к делу самую навороченную математику (а сегодня еще и искусственный интеллект). Хазерка упивается цифирью про «свойства характера, по которым выбирается брачный партнер», про требования к уровню образования, про убежденность в невозможности сохранения верности в браке (а что такое — верность?), про «предпосылки супружеского счастья»... Мы узнаем, что большинство супругов к моменту заключения брака плохо подготовлены материально к нему, и часто спешат из-за ребенка. Начинает подташнивать от мелькания флюгера: сначала сетования на «легкомыслие»; потом радуемся «верным представлениям»; но оказывается, что готовить радостное

событие население так не умеет — вероятно, потому что не обратились вовремя к советскому авторитету Королеву... Очень познавательно про добрачный секс: у женщин — преимущественно с будущим супругом. Напротив, девственности требуют мужчины — а женщинам мужики «с опытом» в самый раз. Советскую статистику способов знакомства дополняют передовым западным опытом: будущих супругов выявляют через общих знакомых или через специализированные бюро — это уже «формы искусственного знакомства» (популярные пока лишь среди тех кому за...). Тут, якобы, есть несомненные успехи — но в целом все равно криво. Нетрудно догадаться почему: в официальных конторах все заточено под типовой (дозволенный) брак — а в историческом масштабе это вчерашний день: современные сервисы чаще подбирают партнеров «для отношений» — что гораздо привлекательнее, поскольку никто не берет на себя заранее никаких обязательств.

Рост статистики разводов — повод лишний раз упрекнуть народ в легкомыслии. Какие экономические причины? — что вы! — просто не спросили кого следует, прежде чем в бежать в загс (или куда у них там бегают):

... горький опыт показывает, что выбор партнеров для брака, в частности в сегодняшнем усложненном мире, является нелегким делом и нередко имеется опасность совершения ошибок. Они ведут не только к разводу, но иногда и к самоубийству. Эротические и семейные конфликты нередко являются причиной самоубийств. Суицидальное поведение было выявлено более чем у 50% мужчин и 60% женщин.

Всем сразу страшно. Но кто и как доводит до трагедии? В ответ тишина. Не иначе, мистическое предопределение, изначальная инфернальность.

Определенного уменьшения этой опасности можно достигнуть путем введения добрачных и брачных консультаций в сочетании со своевременным воспитанием, готовящим молодежь к браку и выполнению родительских обязанностей.

Глупые полумеры. Суть-то как раз в том, что людей (экономически!) запирают в одной клетке — и вырваться им бывает практически невозможно. Судя по статистике — более чем в 50% случаев. Остается либо терпеть — либо выход через окно.

Но Хазерка этой очевидности признать никак не может — и сводит все к давно таившемуся в брачующихся недугу, из-за которого те не в состоянии принимать взвешенные решения (скрыто недееспособны) — и потом болезнь быстро прогрессирует, доводя семью до развода или

могилы. На это счет тоже есть высокая теория! Нам открытым текстом предъявляют истинные цели предприятия: по Хазерке,

брак, как правило, предполагает:

- а) совместную жизнь супругов, т. е. непрерывную взаимную связь социального характера;
- б) сексуальное сожителство;
- в) рождение общего потомства и его воспитание в общей семье.

Без крепкого здоровья все это, конечно же, не потянуть.

Сразу лавина вопросов. Например, «непрерывная социальная связь» может состоять в деловой переписке, или партии в шахматы раз в неделю в городском парке, или в независимом доказательстве математических теорем, или в хождении по одним и тем же кабакам (с поочередным выставлением выпивки) — или в периодических налетах на банки. Плюс бесконечность прочих форм. Если мы с кем-то пилим полено двуручной пилой — это уже семейная жизнь? На русском матерном — пожалуй...

Точно так же, пути секса неисповедимы. Кто-то млеет от одной мысли — другим надо обязательно в задний проход, — а третьи не представляют этого дела без групповухи... В конце концов, бывает и секс по телефону.

Про общее потомство — полный туман. Что, нужен документ о занятиях супругов (парным) сексом и последовавшей именно вследствие этого беременности? То есть, и заниматься при свидетелях (не меньше двух дееспособных), и тут же анализы сдавать стоящему на стреме медперсоналу. Стремное дело получается. Дети от прежних браков — не в счет. Не говоря уже о левосторонних похождениях, искусственном оплодотворении или усыновлении.

Наконец, самое страшное: что такое «общая семья»? Бывает еще и не общая? Можно состоять сразу в нескольких — и в каждой свои связи социального характера, свой секс, и общие дети (в смысле совместно нажитой собственности). Никакого здоровья не напасешься!

Бдительный Хазерка предупреждает об опасности — и обвиняет бракоразводные суды в таком же легкомыслии, как у неправильно забракованных:

Стоит также помнить, что в судебном решении о разводе отражены лишь те обстоятельства, которые суд в состоянии выяснить в процессе рассмотрения дела, тем более, что разводящиеся нередко указывают не действительную причину развода, а ту, которая представляется им наиболее подходящей с точки зрения достижения цели. Выявление

того, как все обстоит в действительности, весьма затруднительно. Уровень судебного производства и принятия решений в бракоразводных процессах почти никогда не бывает удовлетворительным.

Можно понять разводящихся, которым вовсе не в радость выворачивать себя на публику, и потому договариваются на минималку — лишь бы с вопросами не приставали. Кстати, практика инквизиторских допросов и требование весомых причин — это уже противозаконно: по кодексу, достаточно заявления, а причины — личное дело каждого; единственно, загс может затягивать процесс — но таки не до бесконечности.

Конечно же, пророки вечной моногамии против либерализма; логика совершенно прямолинейная: невозможно представить себе (см. выше о слабом воображении), чтобы подающие на развод были в здравом уме! — как можно добровольно отказаться от «лучшего, что могло изобрести человечество»? Вот и страшат прочих блонистителей:

Неврозы, психопатия и другие душевные болезни в современном мире распространены гораздо шире, чем несколько десятилетий назад.

Опять же:

Сексуальные извращения имеют место и в нашем обществе, а венерические болезни даже при современных лекарственных средствах нельзя считать окончательно побежденными.

В общем, кто хочет развестись — тот психопат или сексуальный маньяк. Надо бить в набат и принимать срочные меры.

Желательно предусмотреть следующее:

Создание сети консультаций для лиц, намеревающихся вступить в брак, и для супругов, а также предварительную подготовку молодежи к вступлению в брак и воспитанию детей еще в школе.

Возможность искусственного прерывания беременности, если:

- а) беременность угрожает здоровью или жизни матери;
- б) существует большая вероятность риска рождения физически неполноценного ребенка.

Введение мер по стерилизации и даже кастрации в случае прогноза рождения грубо дефективного потомства...

Легализация искусственного оплодотворения женщин, преследующего цель продолжения рода...

Введение мер, препятствующих необдуманному заключению брака в тех случаях, когда возникновение брака могло бы создать угрозу для жизни или здоровья другого супруга или привести к появлению грубо дефективного потомства.

Для реализации этих мер следует предусмотреть следующее:

- а) выявление состояния здоровья каждого лица, вступающего в брак, путем обязательного медицинского обследования;
- б) ознакомление каждого лица, вступающего в брак, с результатами обследования его будущего партнера.

Задумано фундаментально! Только непонятно: при чем тут брак? Есть женские консультации — где все это практикуют давным-давно. Кое-где женщин заставляют проходить обследование по разнарядке (а мужиков обследуют в военкомате). Существенно, что медицина никак не зависит от паспортных штампов — и это правильно, ибо внебрачным детям тоже здоровье не повредит. Далее, семейные консультации и школьные уроки про семейную жизнь — обычное дело и у буржуев, и в СССР (взять того же Сухомлинского). Если в Чехословакии такого еще не знают (и даже искусственное оплодотворение вне закона!) — это признак жуткой отсталости по сравнению как с западом, так и с востоком.

Предложение выставить дополнительные рогатки для вступления в брак — логическое продолжение разговоров о «серьезности». Но этим вы лишь сделаете брак еще менее привлекательным! И так приходится палками (то есть, экономикой) загонять — а тут лишний повод откосить и иметь, в общем-то, все то же — но без медпринудилки. У западных буржуев последовательнее: дело сугубо добровольное — но каждый вправе поинтересоваться, за свои деньги... Так легче выполнять план по осемьенению — и начальству удобнее приглядеть. Но Хазерка уповает на карательные инстанции:

Широкое распространение получило мнение, что рассматриваемую проблему можно решить с помощью просвещения: когда население будет сознательно подходить к ней, введение каких-либо законодательных мер будет излишним.

Не верьте! Это — «не имеющий ничего общего с действительностью оптимизм»: Противники поголовного запикивания в брачный карантин возражают: во-первых, дело интимное — и лишний раз лучше гусей не дразнить; во-вторых, генетика пока не шибко разбирается в том, что ее мощные методы способны натворить — и определение родительства не особо надежно; наконец, у государства просто нет ресурсов и кадров для столь масштабных деяний. И приходится сожалеть, что

в охране интересов гражданина и в конечном итоге общества законодатель не идет так далеко, как при регулировании призыва на военную службу...

То есть, в идеале, следовало бы, наряду с военнообязанностью, ввести репродуктивную обязанность — и размножать кроликов под свисток бравого капрала. Тут, правда, связи с семейственностью становятся совсем туманными — и даже автор уже не понимает, на фига оно надо. Из последних сил Хазерка взывает к ответственности властей — и требует хотя бы сделать обязательными консультации (собеседования) при вступлении в брак. Если не удастся другими способами народ достать — так хоть помуржжить идиотскими проповедями, выдать корочки вполуха прослушавшим курс и умыть руки насчет кривых последствий.

У разумных людей все просто: если мы сами заперли дверь — ломиться в нее вовсе не обязательно. Создавать препятствия только ради того, чтобы их героически преодолевать, — это как раз по медицинской части: хронический мазохизм с осложнениями на интеллект. Слабое воображение Хазерки наводит на соответствующие подозрения — особенно когда начинается про секс.

Уже из самого понятия брака следует, что в него должны вступать два индивида разного пола: мужчина и женщина.

Можно подумать, что понятия не у людей, а существуют сами по себе, и одинаковы для всех во все времена. Казалось бы, про мусульманские гаремы все слышаны... Но Хазерка полагает, что его понятия самые понятные — и представлять себе иные понятийные рамки решительно отказывается. Несмотря на то, что закон (следуя букве кобса) вовсе не исключает очень разных браков — и только сотрудники загсов своей прихотью отказывают в регистрации всякой экзотики (по большей части, просто не хотят брать на себя ответственность: а вдруг начальство не поймет?). С другой стороны, что такое пол? У людей это вовсе не природное свойство, а запись в официальном документе: первичные и вторичные признаки после этого никого не волнуют. За хорошие деньги можно записать мальчика девочкой, или наоборот, — и такие казусы реально были. А потом пошли радужные знамена: транссексуалы и бисексуалы, геи, лесбиянки, — и даже «интерсексуалы» (в том числе псевдогермафродиты, пол которых вообще не поддается определению). Под давлением обстоятельств Хазерка вынужден допустить, что есть-таки «истинные транссексуалы» — но все равно требует навесить на все тела опознавательные знаки *М* и *Ж* — вроде как нацисты метили евреев. Бог с ними, пусть меняют половую принадлежность — но в браке

никаких вольностей дозволить нельзя, и спаривать можно только разные буквы, и только по одной с каждого боку. Ни полигинии, ни полиандрии просвещенный писатель не признает — не говоря уже о групповых браках и своп-компаниях. Недоразвитые мусульмане слишком много о себе думают — но и до них доберется тяжкая рука империалистической моногамии! Ну и что, если при этом единственно дозволенной религией оказывается христианство? Оно совершенно, как и все европейское, — и правильно пресекало бесовские козни, насаждая кристально чистую патриархальную моногамию (жену в клетку — а мужа в бордель).

Это явление не было случайным, поскольку моногамия давала больше возможностей для создания такой общественной структуры, которая могла функционировать наиболее адекватно существовавшим экономическим отношениям. Следует согласиться, что моногамия создает наиболее благоприятные условия для воспитания детей, проявления высших эмоций, установления внутрисемейных связей, нежели другие модели семьи.

Что европейские законы отвечают именно европейским экономическим отношениям — это козе понятно. Но в каждую эпоху законы свои — они изменяются по мере развития экономики. С другой стороны, за пределами Европы своя экономика — и строение тамошней семьи следует именно ей, а не забугорным веяниям. Хазерка предписывает «согласиться» с европейскими буржуазными правилами — потому что лично ему такие условия кажутся наиболее благоприятными, и никаких других благоприятностей он допустить не хочет. Разумеется, ни одного серьезного аргумента автор предъявить не в состоянии. Зато он умеет критически примазаться к американским теориям (Parsons & Bales, нуклеарная семья с разделением семейных ролей на инструментальные и экспрессивные) — а также возмутиться, что

ни одна международноправовая норма не предусматривает моногамию в качестве обязательной формы брака.

Как все из-за этого сложно! Попробуйте установлению отцовство в бигамном браке (два мужа у одной женщины) — с катушек слетишь. Хазерке и в голову не придет, что отцовство среди разумных людей вообще незачем устанавливать: каждый важен сам по себе, независимо от происхождения, — и каждый имеет право на достойную жизнь и доступ ко всем уголкам культуры. От перемены фамилии человек не меняется. Если это, конечно, не классовый человек, загнанное в клетку условностей полуживотное.

Кульминация извращенности — половые связи между поколениями. Хазерка вопит про «моральное требование запрета кровосмешения» (когда и почему это стало аморально?) и утверждает, что в настоящее время запрет кровосмешения

выполняет постоянные и обоснованные социальные функции. Прежде всего он обеспечивает однозначность социальных ролей внутри семьи.

То есть, превращает человека в животное. Если по уму — нужна именно подвижность социальных ролей — вплоть до полного их растворения; если мы не можем сами назначать себе роли — какие же мы разумные существа, где наша свобода? Никакой связи с биологией тут вообще нет, о чем сам же Хазерка и предупреждает:

Спорным является утверждение, что кровосмешение ведет к вырождению [...] вредность кровосмешения, как такового, с медицинской точки зрения до сих пор не доказана...

Но пиетет перед буржуйскими откровениями — выше разума. Снова и снова: семья для секса — секс для семьи... И отношения людей — вроде бодания оленьих самцов, которое юристам приходится регулировать:

... этот запрет предупреждает сексуальное соперничество внутри семьи, поскольку неконтролируемое осуществление полового влечения уничтожило бы семью как социальную единицу.

Так, может быть, оно бы и к лучшему? На фига нам эти единицы? Но фишка в том, что семья — сугубо социальное явление, и никакого отношения к сексу она не имеет. То есть вообще. Одно без другого может прекрасно обойтись — и часто обходится. Секс в принципе не может перешибить экономическую основу — и выступает, скорее, поводом к рыночным разборкам, а вовсе не причиной крушения семьи.

Кроме того запрет кровосмешения ведет к установлению коммуникаций между отдельными семьями, поскольку член одной семьи вынужден искать себе партнера-супруга в другой семье.

Опять же, а на фига? В смысле искать супруга (а не просто партнера) — и в смысле искать в какой-то семье (а не просто человека самого по себе). А главное — зачем устраивать «коммуникацию семей», когда можно просто общаться по-человечески, кому с кем нравится? Если я кого-то люблю — мне начхать на его семью, и дурная семейственность только мешает (вспомним про Ромео и Джульетту). С другой стороны, если кто угодно может общаться с кем угодно — никакие кровосмесительные запреты вообще не нужны: дайте людям возможность — и они найдут

партнеров по духу, и семья никому не указ; принадлежность тому же коллективу вовсе не делает кого-то сексуально привлекательным (чаще как раз наоборот: слишком знакомое не интересно). Искусственное сдерживание ведет лишь к расслоению общества на касты и прочие субкультуры, о чем Хазерка спешит наивно сообщить:

Это ведет к культурной сбалансированности этих семей и гомогенности определенного общества.

И тем самым выбалтывает тайную суть семьи: она для того и нужна, чтобы не допустить единства, раздробить человечество на «единицы» — и подчинить тем, кто якобы выше этого и блюдет «общечеловеческие» интересы (как в фильме *Кавказская пленница*).

Исторически табу кровосмешения возникло, скорее, в результате наблюдений за этими социальными явлениями, а не из-за вредных биологических и физиологических его последствий, хотя и этот факт мог сыграть свою роль.

Дело, конечно же, не в «наблюдениях», в беззастенчивой дележке имущества — что сразу же порождает проблему перераспределения (наследование — начало бесчисленных войн; как в семье, так и в планетарном масштабе). Биология и физиология в этом не участвуют. Однако Хазерка делает головокружительный вираж — и снова тычет нас мордой в между ног:

Любое семейное право базируется на принципе кровного родства.

Что такое «кровное» родство — не говорит ни один кодекс. Есть понятие семьи, есть понятие родства; и то, и другое — правовые отношения, возникающие на основании составления надлежащих документов, а вовсе не из постельной жизни. Хазерке крыть нечем — и он апеллирует к большому брату, к опыту СССР. Какова юридическая мысль у советских — мы уже видели. Подобрать пару-тройку «авторитетных» цитат — легко! Например некто Е. М. Ворожейкин, с пасквилом *Семейные правоотношения в СССР* (1972):

а) родство — это биосоциальная категория, и признание иного родства, чем кровное, не должно допускаться правом; право должно стремиться к выявлению кровного родства там, где оно не является явным;

Полная чушь! Автор этой сентенции плохо читал кобс. Либо мечтает о замене социалистического права на «биосоциальную» диктатуру, когда «выявлять» родство будут компетентные органы, приставленные к каждому комплекту органов половых. А кто не хочет состоять в кровном

родстве по предписанию свыше — тому можно и кровь пустить...
Дальше полный бред:

б) кровное родство как юридический факт является основанием возникновения семейно-правовых отношений, которые можно охарактеризовать как генезисные;

В кобсе нет кровного родства, а семейные отношения не *возникают* из «крови», а наоборот, служат фактором *установления* родства (когда по умолчанию рожденные у состоящих в браке считаются их отпрысками).

в) подобием этих основных отношений является другая группа отношений, регулируемая семейным правом, которые можно назвать адаптационными; к их числу относятся усыновление, опека, попечительство (можно было бы добавить сюда и воспитание).

Бредятина! В кодексе «адаптационные» отношения занимают больше места, чем «генезисные» — и правильно! Они вовсе не «имитируют» деторождение (писака блистает знанием латыни: *adoptatione natura imitatur*), а выражают саму суть родства как *правового* отношения — общественный характер воспроизводства человека.

Еще одна ссылка — на «классическую» работу Г. М. Свердлова *Брак и развод* (1949):

... запрет браков между ближайшими родственниками основывается на недопустимости такого общения между людьми, с которым не может мириться веками установившееся в человеческом обществе отвращение к кровосмешению. Такое общение противоречит самым элементарным общечеловеческим нравственным представлениям. Поэтому не может иметь значения, возникло такое близкое родство в браке или вне брака.

Действительно классика! Каждое слово дышит биологизаторством, субъективным идеализмом и рафинированной тупостью! Филистерская мораль под именем «общечеловеческих нравственных представлений». А под конец пенка: то ли надо поголовно проверять кто с кем спал без уставного предписания — то ли кровосмешение приводит к родству, даже вне брака.

Про психические недомогания ретивых теоретиков уже было. Сначала высасываем из пальца различие родства де-юре и де-факто — потом разбиваем череп о совершеннейшую невозможность их разделить на практике. Типа, отец де-факто в браке с не являющейся дочерью де-юре — или наоборот. Аналогично — про матерей. Казалось бы, что проще? Ликвидируйте само понятие родства! Без разницы, по биологии

или по закону. А есть еще и духовное родство... Пусть каждый человек будет человеком — сам по себе, а не по случайностям природы или юриспруденции. И тогда вообще никаких проблем — не надо тратиться на ярлыки. Но Хазерка считает, что виноваты во всем недостаточно ответственные субчики, злонамеренно создающие затруднительные ситуации, — и требует «противодействовать им самым активным образом»! И даже изобретает для этого маразматический закон «трех презумпций отцовства»...

В любом случае, чем строже — тем лучше. Следует «соблюдать особую осторожность» — и запретить браки родственников до 3–4 степени. Подумать о «правильном» установлении возрастного ценза для брачующихся — как всегда, с реверансами в сторону физиологии (хотя по факту — да и по закону — речь лишь о дееспособности, а это полностью социальная условность). Попутно оказывается:

Дифференциация брачного возраста в зависимости от пола не противоречит конституционному принципу равноправия обоих полов в сфере брака и семьи.

Остается только добавить, что само понятие пола в юриспруденции связано не биологией, а с документальным подтверждением: кому что в паспорте напишут — тот то и будет (по крайней мере, до изменения пола по суду или хирургически). Поэтому сегрегация по половому признаку неизбежно создает конфликт; юристы обычно решают просто: указать, за каким из противоречащих друг другу документов следует закрепить приоритет.

Видимо, на фоне либерализации западных правовых систем, резкое заявление — кулаком о стол. Чтобы не сомневались в крутости:

Брак является единственной формой признаваемого правом сожителства мужчины и женщины, формой, императивно урегулированной, и никакого другого варианта европейское социалистическое семейное право не признает и признать не может.

То есть, чтобы выйти замуж за робота или записать супругой любимую кошку — это у нас ни-ни! Ни сейчас, ни в отдаленном будущем, когда, быть может, уже никого кроме роботов и не останется — в том числе и среди кошек.

С помощью продуманной системы запретов вступления в брак можно эффективно ограничивать или по крайней мере контролировать возникновение супружеских союзов, не имеющих благоприятных перспектив.

Пардон, а кто у нас главный по части благоприятности? Когда сплошные запреты — остается только указать инстанцию, уполномоченную выдавать официальные разрешения; а еще лучше — брачная полиция, которая будет подыскивать «перспективных» кандидатов, ловить их, сажать в камеру — и заставлять сожительствовать по «императивно урегулированному» варианту (в согласии с сексуально-процедурным кодексом). Тут радеть за семью сам задыхается от собственного маразма — и пытается ослабить хватку:

Однако правовые нормы не являются универсальным средством лечения всех общественных недугов.

Законы вообще не для того! Все равно что средством лечения считать форму пилюли, а не ее содержимое! Ну да, плацебо иногда работает; но это не повод забывать о реально действующих веществах.

Последние три десятка страниц посвящены тому, что же мы все-таки в семье (предполагается что) делаем. Вот как Хазерка видит «личные права и обязанности супругов»:

- а) создание здоровой семейной атмосферы;
- б) совместная жизнь (включая рождение и воспитание детей);
- в) соблюдение супружеской верности;
- г) взаимопомощь (в том числе «в сфере интеллекта и чувства»);
- д) удовлетворение потребностей семьи;
- е) совместное решение семейных дел;
- ж) взаимное представительство и ведение дел вместо супруга.

Из этого перечня только последние три пункта имеют отношение к браку (как правовому отношению). Но осмыслен только пункт (ж) — право подписывать документы от лица супруга (будем надеяться, что по взаимному согласию). Пункт (д) требует определения «потребностей семьи» (в отличие от потребностей людей) и придание им правового статуса — чего ни один законодатель пока не сделал. Аналогично, придать смысл пункту (е) можно лишь определив, что по закону является «семейным делом», и каким образом следует понимать совместность; например, если муж тратит деньги жены на выпивку — это безусловно семейное дело, и совместность налицо — с разделением семейных обязанностей («инструментальных и экспрессивных ролей»): она зарабатывает — он под кайфом. Пункты (а–г) брака не предполагают; даже вменить их в обязанность состоящим в браке будет сложно, поскольку потребуются ввести и регламентировать понятия семейной атмосферы (и градаций ее здоровья), супружеской верности (плюс

детализация девиантного поведения), взаимопомощи (тем более в сфере интеллекта и чувства) — и даже понятие совместной жизни нуждается в серьезном уточнении: если мы живем на разных планетах, но рожаем по почте или воспитываем (личным примером) интернатских детей, — мы запросто подпадаем под устав, и никаких претензий к нам нет.

Про имущество — самое простое, и тут особых расхождений с советским кодексом нет. Зато совершенно новаторский пассаж о сути «волеизъявления», которое якобы предполагает:

«условия содержания воли»: а) наличие воли; б) серьезность намерения; в) отсутствие заблуждения; г) свобода воли;

«условия выражения воли»: а) ясность выражения б) определенность выражения;

«соотношение воли и ее выражения»: а) отсутствие заблуждения; б) отсутствие намеренного несоответствия выражения воли действительному намерению независимо от того, идет ли речь о: 1) сокрытии намерения, 2) двусторонней или односторонней симуляции.

Перечень не отличается ни ясностью, ни определенностью выражения; можно только догадываться, насколько заведомая ахиня соответствует действительному намерению. Набор словечек от фонаря — и никаких правовых реализаций даже не предполагается. А разумным людям оно вообще ни к чему — их воля ничем не связана, и морочить головы друг другу им незачем.

Забавный кусок про «ошибки в лице» — когда одного принимают за другого, иногда с использованием чужих документов и т. д. Вероятно, в их стране это актуально; по советскому опыту — смешной детектив.

Особым видом ошибки в психофизическом характере личности партнера является ошибка в оценке его принадлежности к определенному полу в том случае, когда данное лицо, будучи женщиной, выдает себя за мужчину, и наоборот, либо является двуполым или лицом неопределенного пола; при этом оно может носить нейтрально звучащее имя и фамилию, а указание пола в личных документах по разного рода причинам может не соответствовать действительности.

Дебильное глубокомыслие. Что соответствует действительности, когда лицо неопределенного пола указывает в документах потолочный пол? Скорее всего, само указание пола в документах есть безнадежный анахронизм — и должно быть запрещено, наряду с указанием возраста или национальности; все это потенциальный повод к сегрегации. Даже

прописка в паспорте — влияет на отношение работодателей и клиентов. Такие данные следовало бы хранить подальше от деловой активности.

Напоследок особо мерзкий выверт, вероятно как-то связанный с текущей практикой чехословацких загсов:

обязательным является присутствие свидетелей бракосочетания, роль которых часто недооценивается.

Как бы вы думали, зачем?

В известной мере функция свидетелей заключается в предоставлении доказательств, если такая необходимость возникнет в будущем.

То есть, мы заранее подозреваем, что брачующиеся только и мечтают, что облапошить государство — и Хазерка уже предлагал задействовать свидетелей при каждой постели, да и перед браком проверять всех на детекторе лжи... Но здесь еще и сомнения в порядочности работников загсов — представителей власти: а вдруг они в сговоре с потерпевшими (пардон, с будущими супругами) и готовы зарегистрировать абы что за соответствующую мзду? Поэтому надо обезопасить государство и от таких злоупотреблений.

Г. е. был ли брак правильно заключен; не является ли он мнимым.

Можно подумать, что свидетелей купить нельзя! И что они вообще в состоянии что-либо проконтролировать в запутанной бюрократии. Вероятно, тут снова за деньги: чтобы ввести брачующихся в лишний расход и тем самым усерьезнить отношения: жалко, ведь, кровную копейку! По этому случаю опять грубый подлог: Хазерка ссылается на *Нью-йоркскую конвенцию о согласии на брак, минимальном брачном возрасте и регистрации брака* (1962) — но в конвенции вполне ясная формулировка: брак следует заключать «в присутствии свидетелей, предусмотренных законом»; то есть, если закон не предусматривает свидетелей — они и не нужны. По счастью, в советской России никаких свидетелей никто не требовал — да и сейчас, вроде бы, свобода.

Перенесемся теперь на родину марксизма, где за полтора века до крушения берлинской стены один берлинский студиязус мечтал связать себя узами брака с блистательной аристократкой — а параллельно задумывался о мире, в котором не было бы ни аристократов, ни контрактов (в том числе брачных). Коллективный труд ГДРовской сексуально-юридической мысли озаглавлен: *Мы остаемся вместе. Дискуссия о причинах разводов* (М.: Прогресс, 1977). То есть заранее

предполагается, что развод — это бяка, и что в цепи надо заковывать навсегда. Вероятно, в Советском Союзе свирепствовала антиразводная кампания — и переводили то, что в струю. Соответственно, предисловие солидных россиян: д. мед. н. + д. юр. н. (а фамилии к делу не относятся). Уже это задает тон — и обозначает уровень маразма:

Проблему любви и брака авторы рассматривают как с позиций медицинской науки, так и физиологии, юриспруденции, этики и эстетики.

Проблема у любви только одна — запихивание подневольных в брак. Также и с браком лишь одна проблема: как бы поскорее избавиться от этого пережитка классовой культуры. Валить в одну кучу животное и человеческое — традиционно буржуйская установка: все равно как элитное вино закусывать коровьей лепешкой.

Бесспорно, только те мужчины и женщины, чувства которых основаны на взаимной дружбе и любви, имеют все основания на продолжительный, пожизненный брак.

«Пожизненный брак» = «пожизненное заключение». Суровое наказание за любовь... Классовое общество против всего человеческого.

... представители концепций «свободы любви» отрицают этико-эстетическое содержание любви человека и не желают признать, что целомудрие физическое и психическое способствует правильному целостному формированию личности и сохранению всех ее творческих возможностей в разных направлениях жизни.

Целомудрие — разновидность рабства: цепи абстрактных запретов — инобытие материальных цепей. Связывать это с развитием духа — бред и вредительство. Личность — это свобода.

Но не о мещанском понимании сохранения целомудрия мы ведем речь, а о том, что в его основе должны быть заключены знания об особенностях физиологии мужчины и женщины, о правильных взаимоотношениях полов.

Чем отличается «мещанское» от немещанского? Та же самая тупость — но уже якобы по науке (причем не о человеке, а о зверушках)! Но мурло мещанина сквозит уже в корявостях языка: вместо целомудрия (что уже означает сохранение «невинности») — «сохранение целомудрия» (для внушительности?); то есть, сохранение сохранения... А потом взять еще и производные высших порядков?

Еще маразматичнее — говорить о физиологии в связи с заявленным выше «психическим целомудрием» (что это такое, нам не сообщают —

но, видимо, нечто очень страшное). Даже допуская, что за эту часть отвечают лишь последние три слова — в них просто концентрат классовой идеологии: вместо человеческих отношений — отношения каких-то «полов» (делить на которые будет, конечно же, начальство — нормальным людям вообще незачем противопоставлять одно другому); далее, судить о «правильности» взаимоотношений самостоятельно не полагается (на это, опять-таки есть начальство) — и уж тем более побоку творчество, свобода от всяких «правильностей», главный принцип духовности.

Проблему любви авторы не отделяют от других общественных категорий.

Наш великий и могучий рыдает под задницей филистерского: отделять проблемы от категорий — это, ну, уж очень продвинуто! Опять же, любовь для нормальных людей вообще не проблема — проблемы у тех авторов, которые из всех сил пытаются оскотинить человечество, заменить высшую духовность голой физиологией: духовность упорно этому сопротивляется — и будем надеяться, что ее не прогнуть.

Разумеется, цементирующим фундаментом брака и семейного счастья должны быть истинная дружба и любовь, психологические контакты супругов и детей и гуманное отношение друг к другу и к окружающим.

Берем фундамент — и делаем из него цемент... У кого-то в мозгах сплошной брак. Что счастье — само по себе и не имеет отношения к семье, господам невдомек; но, конечно, если вдруг удалось спрятать его от обывательской морали в недрах семьи — то без любви и дружбы тут не обошлось; это козе понятно. Впрочем, филистера такая свобода не устраивает — и вместо человеческой любви предлагается насаждать «истинную» (а кто у нас авторитет по части истины?), человеческие контакты заменить психологическими (причем только между супругами и детьми) и культивировать абстрактный гуманизм (которым буржуи испокон веков прикрывают всеобщую куплю-продажу).

Любовь следует понимать прежде всего как духовную связь и глубоко нравственное чувство между мужчиной и женщиной.

Не «прежде всего» — а именно как духовную связь! Далеко выходящую за рамки «нравственного чувства» — и любые другие рамки. В том числе любовь свободна и от случайных телесных обстоятельств: любить может только человек человека; как только люди начинают делиться по полу, возрасту, происхождению или размерам кошелька — любви конец. Даже в половой любви: если мужчина любит женщину — он любит не ее

половые признаки, а человека, личность, — и любит не куском мяса, а как человек, носитель разума, духовности. Плоть во всем этом, конечно, участвует; но одну плоть можно заменить другой — а любовь останется.

По пути — комплект примитивно-мещанских представлений о семейных (каких же еще?) отношениях. Давайте вообразим себе

ласковость, строгую сдержанность, женственность и чуткость женщины.

а также

Сильный, благородный образ справедливого отца-мужа...

Вот вам и патриархальная моногамия в качестве всеобщего, единственно допустимого образца! Вот так буржуи под видом «естественного» и само собой подразумевающегося пропихивают вполне конкретную модель общественного устройства; навесить сюда рынок — дело техники.

Только взаимное уважение и помощь мужчины и женщины, понимание истинной дружбы, любви и назначения брака являются условием его сохранения.

Снова про (классово-филистерскую) истину вместо любви. И надо не любить, а понимать. То есть, жить не по любви, а по понятиям. Что взаимно уважать друг друга и помогать один другому люди могут независимо от пола (и прочей коммерции) — в мещанское сознание не помещается. Трюизм насчет целесообразности сохранение брака только когда в этом есть какой-то смысл — типичный образчик обывательской логики; в любом случае, к человеческой любви это никак не относится (а «истинная» нам ни к чему).

Истинная супружеская любовь в семье, о чем пишут авторы книги, органически впитывает в себя чувства дружбы, доверия, искренности, преданности, готовности ради любви ко всем трудностям.

Очевидно, авторы кем-то уполномочены судить об «истинности». После этого органичность (этимологически: подобие организму) означает просто животность — а «впитывание» есть эвфемизм для опошления, замены человеческого животным. В обществе разумных людей любовь помогает преодолевать трудности; в классовом обществе — она их предполагает, и требует абстрактной «готовности».

Не надо, однако, забывать, что даже после создания социалистического общества, в условиях полной победы коммунизма не исключены еще неправильные взгляды на любовь, семью, брак и поступки, не отвечающие нормам коммунистической морали и нравственности.

То есть, семейное рабство — это навсегда, его «правильность» — во веки веков, и людей опять и опять будут насилловать навязанной со стороны моралью (или чем-то покруче). Господам даже в голову не приходит, что свободные люди не нуждаются в санкционировании деятельности: любые поступки у них нравственны — и само понятие правильности неуместно.

Дальше паника по поводу омоложения браков и призыв прекратить безобразия:

Мы считаем людей, вступивших в преждевременную половую связь, сексуально неграмотными...

А кто будет выдавать документ, что уже можно? Конечно же, гербовая печать — гарантия грамотности (особенно сексуальной). Вспоминается старая физфаковская песенка:

Мама, биофизика люблю!
Я за биофизика пойду:
знает он такие штуки
и ... по науке —
вот за это я его люблю!

Так что — не надо без основательной подготовки (где мы это уже слышали?): нет диплома — нет и семейного (или публичного?) дома.

А ведь нравственные семейные традиции могли бы передаваться от старших к младшим. Что же это за традиции?

Мы назвали бы это нравственным опытом родителей и прародителей.

Который, конечно же, само совершенство и годится на все времена! То есть, нетрадиционный секс — не по понятиям, и если дикие родители трахались как попало — то и детскую грамотность заморозить на уровне пары телодвижений. Ибо народная мудрость гласит, что «в основе так называемых непрочных браков лежат определенные причины» — бездна глубокомыслия! — типа: нет дыма без огня.

... большинство юношей и девушек, рано вступивших в брак, физически созрели, а социально еще инфантильны.

То есть, органы отрасли — а денег нет. А какой брак без денег? Таков истинный смысл обывательской «истинности»: у кого финансы есть — может кой-куда залезть... Например, в брак (или в петлю). Наличие капитала — гарантирует сексуальную грамотность не хуже бумажки (вероятно, потому что у бумажки тоже есть цена). Медико-юридические

рецензенты про столь интимные подробности стесняются — и все сводят к назидательным беседам:

В идеале мать готовит 12–13-летнюю дочь, а отец 14–15-летнего сына.

В каком смысле «готовит»? Остается только догадываться... Если речь об отработке навыков секса — тут бы наоборот: мамы с сынами, отцы с дочерьми. Но нам опять вешают на уши лапшу про первородную животность — и заявляют,

что половое воспитание — это неотъемлемая часть нравственного формирования личности, что оно прежде всего означает воспитание гражданских чувств чести, достоинства и целомудрия мужчины и женщины, уважения между полами.

Что такое гражданское целомудрие и в чем отличие гражданской чести от негражданской — тайна. Как и суть гражданского уважения между гражданскими же полами. Завуалированная отсылка к гражданскому кодексу — намек, что не положено плодиться без брака? После таких предисловий остальное уже и читать не хочется: зачем лишний раз месить дерьмо? Только окаянная академическая добросовестность толкает на убийство энного времени — да, быть может, наивная убежденность, что и в вонючей луже может отразиться солнце.

Сборник состоит из шести статей, написанных разными «учеными», имена которых вряд ли кому известны — и упоминать всеу незачем. Будем считать это монографией — и крыть всех под общую гребенку.

Начинается, как принято у солидных авторов, с анализа статистики. То есть, куча циферок — а между ними идиотские комментарии, никоим образом из цифири не вытекающие и ею не подтверждаемые. Без фанфар, конечно же, не положено:

Победа социализма создала прочную материальную основу семьи.

Зачем социализму семьи? Где данные о благосостоянии? Что считать прочностью? Для ясности замяли — а вместо этого опять про интимные отношения, чувства и т. п. как основу брака. Глупо и скучно. Цель брака, оказывается, — это «забота о новом поколении». То есть, внебрачные автоматом без перспектив. Почему новые комбайны можно собирать на заводе — а новое поколение нельзя? Зачем сохранять кустарщину? Впрочем, какой логики можно требовать от писателя, глубокомысленно изрекающего:

Человек как индивид обусловлен социально, и поэтому любые отношения между людьми представляют собой общественное явление.

Арифметика плохо действует на голову. Социальная обусловленность — это есть выражение общественного характера человеческих отношений (поскольку мы ведем себя как люди, а не уподобляемся животным или вещам). А тут наоборот: из невесть откуда взявшейся социальности индивидов выводится общественность вообще.

Дальше про «моральные принципы поведения и другие факторы» как основу сексуальности. То есть сексом заниматься можно не только физиологически — но еще и морально; это указывает на общественную суть человеческого секса, известную каждому матерщиннику, точно обозначившему, чем, например, начальник занимается с подчиненными; экономическая основа — налицо!

Брак в социалистическом обществе характеризуется честными взаимоотношениями супругов как в интимной сфере, так и вне ее. На передний план все более выдвигается дух — нравственное и культурное содержание брака.

То есть, если уж трахать супругу — то на самом деле, а не морально (как начальник с подчиненными). Это по-честному. Ну, и во всем остальном так же: если пошел налево — так и доложить: а что стесняться? Пропил получку (или в карты проиграл) — дело житейское, и пусть принимают как факт. Почему дух не может выдвигаться без семьи — никто не объяснил. Конечно, нравственное и культурное содержание имеется в чем угодно — и даже в браке (где его совсем уж с гулькин нос). Но утверждать, что брак — это общность, которая якобы формирует социалистическую личность, — грубое насилие над личностью, которая вполне может формироваться и по другим каналам — что и происходит чаще всего. Автор об этом тут же проговаривается:

Наряду с другими социальными группами... брак и семья благодаря своим внутренним эмоциональным связям приобретает все больше значения.

Открытым текстом: семья лишь наряду с прочими коллективами. Почему эти прочие лишены «внутренних эмоциональных связей» — наверно, тонкая особенность германского менталитета; у русских, например, компания братанов по накалу страстей переплюнет любую семейственность — да и у американцев биржевые баталии куда весомей фамильных безделушек.

Традиционная мешанина про «личностные и общественные функции брака»: счастливая жизнь супругов, моральная и материальная взаимопомощь, развитие личности, забота о детях. Почему нельзя быть

счастливым просто так, и по-человечески (а не по кодексу) помогать друг другу, и заботиться о каких угодно детях (не только тех, что в собственности) — моралисты еще не разу не рассказали. И снова глыба глубокомыслия:

Если брак выполняет свою функцию в интересах человеческой личности, он одновременно выполняет и функцию общественную. И наоборот: своей общественной роли брак соответствует лишь постольку, поскольку им осуществляется функция личностного порядка.

Остается только спросить: а что, кроме брака интересам личности и общества ничто не служит? Похвально упоминание о духовности — если, конечно, при этом не сводить личность к предписанным законом и моралью ролям. Но так как брак изначально ограничивает личность, загоняет ее в цепи уставных отношений — способствовать личностному росту и росту культуры в целом он может только случайным, привходящим образом — наравне с прочими природными факторами (движением живых и неживых тел). То есть, чаще как помеха, которую приходится преодолевать — оттачивая таким образом разум.

Автор выкатывает на публику теорию «динамического явления» превращения «Я» в «Мы» — развитие общности в браке, «духовно-физическое единство супругов»; в результате и каждое «Я» обогащается через «Мы». У нормальных людей, далеких от академических вывертов, это называется просто любовью — и к браку не имеет ни малейшего отношения: «духовно-физическое единство» невозможно у супругов (поскольку они выступают именно в этом качестве) — оно бывает только у свободных людей, которые общаются не по семейным делам, а по ходу совместного обустройства вселенной. Классовое общество старается выхолостить эту универсальность, свести все к установленному для каждой касты регламенту — запутать любовь в вещных противоречиях:

Браков, с самого начала свободных от конфликтов, в действительности не существует, и нередко за самодовольными заявлениями о счастливой жизни скрываются сложные семейные проблемы, которые стараются сохранить в тайне.

Так на фига тогда вообще с этим заморачиваться? Что у нас, по жизни конфликтов мало — надо еще и семейные прицепить? Но большая классовая логика работает все так же: нагромоздить дурные проблемы, чтобы некогда было о человеческом задумываться. Вместо ликвидации брака и семьи — напрасные «средства закрепления и прогресса брачных

отношений» (типа: самовоспитание + воздействие государственных и общественных органов). Чтобы потом гордо заявить:

Брак, таким образом, содержит в себе всеобщую и взаимно-воспитательную задачу.

Задача эта — насилие, закабаление личности. Когда мы развиваем не дух, а «брачные отношения» — сохраняем пустую форму любой ценой. И дальше все те же буржуйские лозунги вечности семьи, неотделимой от брака, — что предполагает вечность права и государства как органов классового господства:

Всестороннее осуществление равноправия мужчины и женщины приведет к решительному вытеснению еще существующих пережитков в сознании людей и индивидуалистических и эгоистических форм поведения. В качестве важной ячейки общества брак во все большей степени будет служить прогрессу общества и формированию личности. С увеличением общественной роли в удовлетворении материальных потребностей семьи, с установлением единства общественного воспитания и воспитания в семье брак и семья станут отражением богатства духовной и культурной жизни будущего общества. В них разовьются более глубокие и интимные связи между супругами, а также более дифференцированные связи между всеми членами семьи.

Насчет богатства духовной и культурной жизни — мы не против. Именно поэтому мы против брака — ибо всякая семейственность есть способ деления общественного пирога, растаскивания общенародного достояния по частным лавочкам. Если все, доступное членам семьи, доступно и всем остальным — зачем тогда семья? Вместо «глубоких и интимных» связей внутри семьи — единство разумного человечества, в космических масштабах; тогда возможностей для «дифференциации» будет неизмеримо больше! Думать не о членах семьи (или какого угодно другого коллектива) — а о людях ка таковых, которые сами решат, с кем и каким образом общаться, смело отбрасывая бракованные варианты.

После развернутой преамбулы — переход к основной теме. Легко догадаться, что в контексте обожествления (европейского моногамного) брака и превращения (патриархальной) семьи в вечную и незыблемую категорию развод окажется страшной букой, пугалом для затраханного кривостями буржуйской экономики обывателя. В ход идет бессовестная ложь:

Развод представляет собой явление исключительное и был таковым всегда. Господствующий класс постоянно заботился об охране благоприятных для него брачных отношений.

Вспомните легкость развода по шариату: достаточно мужу произнести стандартную формулу — и брака уже нет. Про имущественные права там есть особые установления — и далеко не все дамы оказываются в накладе. Точно так же, китайская элита могла запросто избавляться от ненужных жен (нередко методом зверского убийства) — да и в Европе больше заботились о «благоприятности» брачных отношений, нежели об их «охране»: вспомним, хотя бы, богатый опыт Генриха VIII. Можно и русских царей лихом помянуть.

Существование охраняемых форм брака обеспечивалось соответствующими правовыми нормами.

Снова верх глубокомыслия: по определению, брак и есть *правовое* отношение граждан — и чем же еще его «охранять»? Но даже если признать, что в каких-то исторических условиях развод действительно не одобряли и старались всячески затруднить (заметим: это *никогда* не касалось правящей верхушки) — отсюда вовсе не следует, что так оно и должно быть. Иначе получится та самая дурная бесконечность, куда впадает неумеренно мудрствующий автор: дескать, все исторические перевороты упрощают развод по старым бракам, а по мере стабилизации нового строя семейное рабство закрепляется в новой форме; переход к социализму — не исключение, и в будущем ничего светлого не ждет... Переход к бесклассовому обществу уничтожает *все* правовые атрибуты, и в том числе семью — вместе с ее неотъемлемой проблемой развода.

Выясняется, что брачно-семейное законодательство ГДР — пример фантастической отсталости, по сравнению и с цивилизованным Западом, и с дикой Россией:

... брачное право в ГДР отвергает как принцип абсолютной нерасторжимости брака, так и принцип абсолютной свободы развода, когда расторжение брака зависит только от желания одного или обоих партнеров.

То есть, тамошние власти заявляют: *мы* будем насильно держать их вместе, пока они не убедят *нас* в отсутствии «подлинного» (по *нашим* понятиям) брака! Без основательного мордобоя и публичной грязи разойтись не дадут — как и за сотню лет до того, когда никаким «социализмом» в Германии не пахло. Прогрессивным юристам уже не до кардинальных новшеств — им бы хоть убрать из закона совсем одиозные статьи о «доказательстве виновности»: дескать, «нарушение супружеского долга» (кто бы нам сказал, что это такое?) «не всегда ведет к распаду брака»...

Решающим в бракоразводном деле может быть только вопрос о том, сохраняется ли еще брак или он уже распался. Согласно этому принципу, главным в вопросе о разводе является установление факта, что подлинного брака уже не существует.

Объяснить, что такое «подлинный» брак — вряд ли кто сумеет; тем более трудно это кодифицировать — и предложить практические методы измерения «подлинности». А иначе как суд сможет решить, «выполняет ли брак свою функцию»? Тем более, что и функции брака — тоже темный лес.

Стоящие перед статистиками проблемы крайне сложны, ибо «задача систематизации разводов» представляет «непреодолимую трудность». Вопрос в скобках: так, может, и не надо? Официальная «каталогизация» таи «опасность неверного представления о поведении людей» (а зачем суду верное?), а «упрощенное рассмотрение обстоятельств, приведших к разводу, тем поверхностнее, чем более дифференцирована структура личности супругов» (одной на двоих?) На самом же деле, каждый развод неповторим! — ну и что? чем это мешает валить все в одну кучу? вы же пугаете любовь с браком, а брак с деторождением...

По статистике, 80% браков (в ГДР начала 1970-х) сохраняется до смерти первого супруга. Еще один показатель отсталости и забитости. Через три страницы сообщают, что средняя продолжительность брака составляет 25–30 лет; недолго же у них живут первые супруги! — или речь о том, что после «освобождения» выжившие пускаются во все тяжкие и меняют браки как перчатки (с самыми убедительными доказательствами «виновности»)?

С увеличением длительности брака снизилось число женщин, желающих развода, тогда как число мужчин, желающих развода, стало расти.

Где причина, где следствие?

В нашем обществе нет чисто формального равноправия женщины и ложной морали, нет противоречий между моральными нормами и действительным поведением людей в сфере морали

То есть, все уже зомбированы до полного одурения и не представляют себе, как можно поступать разумно, а не под давлением филистерской морали. Иллюстрация к ходячим анекдотам про знаменитую немецкую дисциплину. Насчет логики, правда не задалось:

... в большинстве случаев объективные причины конфликта в браке следует искать не в общих причинах, присущих общественному развитию, а в обстоятельствах личного характера людей.

Спрашивается, какие же это объективные причины, если все дело в чертах характера?

Большинство условий, благоприятствующих конфликту, также зависит исключительно от поведения самих супругов.

Еще бы! Не выставишь себя развратником и дебоширом — развод не дадут...

Таким образом, большинство причин и обстоятельств, ведущих к распаду брака, можно обнаружить внутри самого брачного союза.

Силлогизм странный — а вывод еще страньше. Эдакая спонтанная радиоактивность. Закон природы. Причем «в распаде брака всегда должен присутствовать субъективный момент». Высоколобая наука: нестабильность семьи в силу перемешивания вращательных степеней свободы... Не пора ли за нобелевкой?

В качестве подтверждения — длинный список причины разводов (по судебной статистике). Чего там только нет! Но все это

причины и условия, которые имеют субъективную основу и, таким образом, могут быть отнесены к поведению супругов. Однако нельзя утверждать, что это поведение обязательно противоречит принципам социалистической морали...

Единственное объективное («социальное») противоречие автор видит в неравноправии женщин — но этот фактор, якобы, совершенно невесом, и затерялся где-то среди «прочих обстоятельств». Ну а «конфликты, возникающие в связи с трудовой деятельностью женщины, не имеют экономической основы»... Вот и верь после этого людям! Работа в общественном производстве — это, оказывается, не экономика.

Любые превосходно задуманные социально-политические мероприятия не достигнут цели, если семья не сумеет выполнить все требования, которые предъявляются всем ее членам, и в частности по отношению к женщине. Каждый человек включается в самые различные общественные группы... Он удовлетворит ожидания такой группы лишь тогда, когда повысит сознание собственной ответственности и тем самым увеличит возможность преодолевать возникающие конфликты.

Здорово живешь! Государственные дела надо взвалить на семью — прежде всего на женские плечи. Это вместо того, чтобы высвободить членов семьи из семейных тисков и на первый план выдвинуть прямые отношения с обществом в целом — способность представлять все человечество, а не какие-то замкнутые группировки. Заметим, что там,

где проблески подобной сознательности стихийно пробиваются к свету, она почти всегда идет вразрез с узко семейными делами — и порождает семейные конфликты. Бесконфликтность в данном случае говорит о животном приспособленчестве, конформизме.

Маленькая фишечка германского законодательства, которая не вяжется с российским кобсом:

Проблемы, связанные с трудовой деятельностью, повышением квалификации того или иного супруга, с воспитанием детей, должны решаться ими сообща.

То есть, ни самостоятельно выбрать род занятий, ни поинтересоваться чем-либо без разрешения дражайшей половины... По сравнению с этим СССР — царство свободы.

В процессе развития человеческой личности в нашем обществе жизнь в браке становится более разнообразной, приобретает более личный характер.

Это каким образом проверяли? А с жизнью вне брака сравнивали? От фонаря утверждать — невелика наука.

Зато есть статистика супружеской неверности (без указания, что это такое и откуда цифирь). За двадцать лет женщины почти сравнялись с мужиками по части леваков — проблеск фактического равноправия:

Нередко борьба за равноправие мужчины и женщины переходит в сексуальную область.

Что сказать о таком обществе, которое не оставляет гражданам другого выбора? Автор, конечно же, клеймит практику раздельного проживания супругов, которое, дескать, способствует «неверности», плодит разводы.

Кое-кому из почти европейцев желание иметь *своего* ребенка не позволяет по-человечески относиться к другим детям (ни от прежних браков, ни тем более вообще чужим); отсюда разводы по бездетности. Собственническое отношение к детям — завуалированное выражения дележки семейного имущества, проекция рыночной конкуренции и борьбы партий внутрь семьи. В этом плане семья становится лакмусовой бумажкой буржуазности экономики.

По части строгостей при вступлении в брак — продолжение линии восточных соседей: тащить и не пущать!

Подлинная, настоящая любовь не мыслима без осознания и понимания всей проблемы супружества. Симпатия и физическое влечение не могут служить оправданием вступления в брак.

Но (в отличие от оголтелого консерватизма чехословаков и россиян) намечается-таки нотка разумности:

В то же время представление, будто сохранение распавшегося брака имеет смысл хотя бы ради воспитания детей, ложно с точки зрения как педагогики, так и психологии развития ребенка. Необходима гармония между супругами по меньшей мере в вопросах воспитания детей. Если ее нет, существует большая опасность появления и развития у детей скрытых психологических дефектов.

Наконец-то нашлось чему поаплодировать! Еще бы шаг — и вообще отделить детей от родителей, перейти к полностью общественному воспитанию. Но по статистике в 93.1% случаев ребенка получила мать, в 6.0% — отец, и лишь 0.9% детей не досталось никому. Грустно.

Статистика подтверждает общий вывод о том, что основную причину наступления распада брачных отношений следует искать в партнерах, не подходящих друг к другу по своим личным качествам и поведению, а также в субъективных и объективных обстоятельствах, способствовавших распаду данного брака.

Вершина мудрости! То есть, на все есть какие-то обстоятельства — и любые сойдут за «основную причину».

После цифирной артподготовки самое время поинтересоваться, о чем умалчивает статистика. Вторая статья сборника так и называется — но вводить в курс собирается лишь в контексте проблем супружеской жизни и предупреждения разводов, в качестве рекламы (нового для немцев?) инструмента семейной консультации.

Затравка: социалистическая семья вообще какая-то не такая — ничего общего с прежними. И смотреть на нее надо чистым и наивным взглядом, отрешившись от перипетий мировой истории. Допустим. Правда, не очень понятно, почему тогда мы упорно продолжаем называть это семьей? Опять же — зачем тогда (совершенно буржуазная) процедура регистрации брака? Если формально все осталось как было — это, наверно, не случайно и выражает наличие точек соприкосновения по существу? Но такие сопоставления автор решительно пресекает:

Вряд ли можно сравнивать старые брачные отношения с новыми брачными и семейными отношениями в социалистическом обществе.

И еще через несколько страниц:

Одно стало как будто ясно: брак в нашем социалистическом обществе нельзя сравнивать с браком прошлых эпох...

То есть, не положено. Запрещено. А то, не дай бог, заметят, что различия никакой! А если ограничиться чистой эмпирией — сойдут любые нелепости, и не надо выискивать в нас противоречия! Это мы не к тому, что в тексте совсем мрак — а по поводу нестыковки одних кусков с другими, что разумного читателя несколько напрягает.

Например, утверждается, что старорежимные порядки были плохи, потому что жаждающим требовалось официальное согласие на брак: помещик выдавал добро крестьянам, цех — ремесленникам, монарх — офицерам, судьям, учителям, чиновникам... Но тут же выясняется, что все это с весьма похвальной и благородной целью: гарантировать достаток будущей семьи, возможность, как минимум, прокормиться. Если уж создавать коллективы — так работоспособные, а не свору голодных крыс. Идеалистический душок этой картинке пока не трогаем; но сравните с призывами предыдущего оратора (и чехословацких товарищей) ужесточить правила вступления в брак, вплоть до выдачи официальных разрешений после прохождения курса молодого бойца (пардон, семьянина); что это — назад в пещеры? На фоне брачных кривостей — можно считать здоровой предусмотрительностью; хотя разумный вопрос звучит иначе: не говорит ли нужда во внешних регуляторах о нелепости самого общественного института? — не лучше ли поменять систему, чтобы разговоры об обеспеченности семьи стали неуместными — и каждый человек мог бы занимать достойное место в обществе сам по себе? Пока такого, изначально общественного способа воспроизводства человека (как носителя разума) нет — остается только брачный рынок (или игорный дом): если повезет — можно выгодно обтяпать дельце и жить в шоколаде. Такова «извечная мечта девушек о счастливом конце любовных историй». Кто и зачем заставляет девиц опускаться до этой пошлости?

Нередки случаи, когда женитьба бывает вынужденной. Правда, многие молодые люди, ломая традиции, вступают уже в 17 лет в «добрачные» отношения. Но продолжающаяся в большинстве случаев экономическая зависимость от родителей, мнение родных и соседей и не в последнюю очередь беспокойство девушки о том, что все тяготы, связанные с ребенком, ей придется нести одной и поэтому отстать в школе, в высшем учебном заведении или в профессиональном училище, а то и вообще отказаться от достижения намеченной жизненной цели, служит толчком к заключению брака. Молодые люди женятся, надеясь, что все проблемы тем самым будут решены, уверенные, что со всеми задачами в браке они справятся.

Замечательно сказано! Мы видим, что к браку молодых подталкивают сугубо экономические причины: нужда в экономической независимости (ибо мнения родственников и соседей имеют вес только в силу ее отсутствия), невозможность тянуть навязанную классовым обществом родительскую лямку поодиночке (то есть, государство перекладывает финансирование детей на родителей — но не оплачивает их труд в достаточной мере, чтобы не нужно было жить вскладчину). Классовое общество (в том числе социалистическое) ставит одних в зависимость от других (а всякая зависимость есть отношение экономическое!) — и вынуждает народ соблюдать установленные правила; обратная сторона того же — оставить массы в невежестве относительно истинных причин их проблем, кормить иллюзиями о возможности справиться коллективно там, где экономическая свобода в принципе невозможна. Это ничем не отличается от биржевых спекуляций: несите нам ваши денежки — а мы ими успешно распорядимся! По слухам, некоторые выигрывают; но реклама умалчивает о закулисных пружинах биржевых успехов — о нерыночных рычагах для завоевания рынка.

Понятно, что развитие сети семейных консультаций (или даже обязательный брачный ликбез) ничего не решает. Потому что учат не оставаться свободными, а выгодно размещать капитал (продавать себя), эффективно используя дозволенные рыночные и правовые инструменты (разумеется, при условии, что главные игроки всегда остаются в выигрыше). Программы обучения утверждены свыше — и призывать к бунту никому не позволят. Консультирование (рыночное, брачное или психологическое) — всего лишь бизнес; от помощи по дружбе это отличается как бордель от эротических фантазий. А у немцев (как и прочих эмпирионатуралистов) все в куче:

... многие молодые люди видят в браке возможность освободиться от опеки родителей и получить официально, как нечто само собой разумеющееся, право, которое до той поры за ними не признавалось, на интимную супружескую общность.

То есть, свидетельство о браке — лицензия на трах когда угодно и где угодно. Не перепихиваться по укромным углам, а гордо вываливать интим на публику. Такая же дикость, как бравада секс-похождениями в узкой компании — или перед телекамерами.

Но откуда вообще берется власть родичей в вопросах половой жизни? Очевидно, все упирается в экономику: если нет общедоступных туалетов — придется справлять нужду в кустиках; если нет возможности

культурно отправлять половые надобности — начинаются конфликты и извращения. Такая атмосфера уродует психику — и дикари ловят кайф от демонстрации дикости, показной пошлости и жестокости. Так классовое общество превращает свободу в ее противоположность: отказ от традиций не потому, что они мешают любви — а ради самого отказа, и любовь побоку!

Безграмотность населения, послушно отождествляющего брак с сексом, подают как великий прогресс: у современной молодежи, дескать, «наблюдается, наряду с соответствующим возрасту биологическим развитием, также соответствующее общественное развитие» — и уже нет разрыва между половой и социальной зрелостью. Ой ли? Если некто убежден, что его половые проблемы следует решать исключительно в браке — и отказывается сношаться без штампа, — это говорит о рабской забитости, об отказе от разума — вместо сознательной разумности. То есть, об отсутствии социальной зрелости напрочь — и превращении в зверушку, у которой все решает только биологическая зрелость. О чем автор тут же наивно сообщает, мотивируя это необходимостью учиться всю жизнь — и вытекающем отсюда снятии формальных возрастных цензов. Само по себе выдвижение идеи непрерывного образования — гигантский шаг вперед по сравнению с советскими педагогическими воззрениями: не абстрактные сертификаты и дипломы — а реальное овладение интересующими человека сферами производства и быта, творческое выстраивание собственной индивидуальности — против типовых программ. Но, как обычно бывает в рыночном мире, плюс тут же превращается в минус: оказывается, все это лишь призвано сделать индивидуальное развитие «естественным» — вернуть к природе, а не перестраивать природу... Биологическая зрелость как критерий права на брак — чушь несусветная! Автор это сам чувствует — и пытается подправить. Но не понимая экономической сути брака и семьи, он неизбежно скатывается в биологизаторский идеализм: дескать, предпосылка права на труд — способность трудиться; предпосылка права на брак — способность к взаимному уважению, взаимопомощи и признанию равноправия личности. Спрашивается: если мы уже друг друга уважаем, взаимно помогаем и все равны — на кой ляд нам создавать неравенство, противопоставляя брачный статус безбрачию и одну семью другой? Автор резонно заявляет: «социалистическая личность формируется в тесном общении людей в школе, вузе, на работе и в семье». То есть, вообще везде — и семья тут на положенном ей последнем месте. Когда

есть все остальное — наличие штампа вообще к делу не относится; но ввевшаяся в мозги буржуазность опять выворачивает наизнанку:

Повсюду, где самостоятельная профессиональная деятельность женщины стала реальностью, исчезли и многие недоразумения из жизни молодых супругов и повысилась вероятность сохранения брака на всю жизнь.

Грубо говоря, если женщина может удовлетвориться вне семьи — ей совершенно безразлично, что прописано в документах, и (по глупости заключенный) брак вполне может оказаться вечным — просто чтобы не заморачиваться с разводом. Про мужчин — годится тот же текст.

Эмпирический субъективизм все стремительнее утягивает автора в абстрактное словоблудие. Так, утверждает, что

родители в значительной мере влияют на будущий брак своих детей моделью собственного брака.

Ну и что? А если избавиться от брака — тогда исчезнет само понятие родителей, и вместо обезьяньих «моделей» — придется напрячь разум. Собрать опыт разных людей — и творчески его перерабатывать.

Врач, специалист по социальной гигиене и юрист обязаны всегда помнить о том, что большинство супругов, желающих развестись, когда-то любили друг друга. Во всяком случае, они настолько симпатизировали друг другу, что произвели на свет ребенка. (Мы не рассматриваем здесь те случаи, когда зачатие ребенка происходит под действием алкоголя, под влиянием настроения или во время карнавала. Подобные случайные связи все реже ведут к заключению брака.)

Публика катается по полу в конвульсиях ржача! Карнавальное зачатие, вероятно, сродни древнеславянским магическим ритуалам (принятым когда-то и у европейцев, и сохранившимся у некоторых народов по сей день). Зачатие под действием алкоголя — это, скорее, против правил: есть даже специальное слово *beerdick* для обозначение отсутствия эрекции из-за зеленого змия. Влияние настроения на вероятность зачатия — вполне диссертательная тема, претендует на шнобелевскую премию. Забавно звучит намек на возможность произвести ребенка одной лишь взаимной симпатией — без собственно производственных операций. Однако самый юмор тут — в логике! С чего ради мы должны увязывать брак с любовью, а детей с симпатиями? Только что нам убедительно показали, что мотивы вступления в брак сплошь экономические; возможно, у кого-то к этому примешивалась любовь —

но и разводы запросто возможны по любви, если уничтожение оков раскрепостит духовность партнеров, позволит каждому из них полнее выразить себя, раздвинуть культурные горизонты (а любовь вовсе не предполагает сожительства). С другой стороны, если супруги уж очень друг другу симпатичны — им вполне достаточно друг друга, и делание детей тут совершенно неуместно — как уплотнить постояльцев в гостиничном номере или пассажиров в двухместном купе.

Совсем смешно звучит заявление о синонимичности брака и счастья, невозможности обойтись без семейных уз:

Пусть разведенные супруги зачастую находят удовлетворение и признание в своих рабочих коллективах, пусть поначалу куда проще будет воспитание оставшихся у жены или у мужа детей, ведение хозяйства, проведение досуга, тем не менее разведенная жена или разведенный муж мечтают о супружеском счастье.

На практике — многие обходятся, и особо не скучают. Кое-кому даже напоминать приходится — по суду.

Полученное нами по наследству понятие верности тесно связано с собственническим мировоззрением. «Моя жена» — это значит «моя собственность». Неверность жены рассматривалась как кража.

Замечательно! Так бы и дальше. Но:

Традиционное понятие верности меняется, и в него вносится иное содержание — добровольная передача прав, которая с неослабевающими усилиями должна подтверждаться обоими партнерами.

Вот те раз! Как известно, само понятие права выражает раздел собственности (неважно, будут ли это осязаемые вещи — или элементы духовной культуры). Выходит, что жена должна добровольно отдаться мужу, стать его собственностью — чтобы даже не помышлять о свободе. Ну, или наоборот: муж под каблуком. В любом случае, верность — это другое название для рабства, и следовательно, отрицание любви; точно так же верные друзья — уже не друзья. Тем более, если приходится свои права подтверждать «с неослабевающими усилиями»: в классовом обществе не свободны ни низы, ни верхи — и никакое право не может быть вечным.

... внешнее проявление неверности является следствием часто длящейся годами скрытой неверности не только одного партнера. Скрытая неверность вовсе не обязательно направлена на другого партнера, она начинается уже тогда, когда брак рассматривается одним или обоими партнерами как нечто установившееся, о чем уже

нет надобности беспокоиться, когда, следовательно, партнеры не утруждают себя более заботами о формировании собственных отношений и укреплении взаимной общности.

Выкинуть отсюда брак — и получится очень разумное напоминание, что не бывает готовой личности, что дух постоянно в процессе становления, и стоит понравиться себе, почтить на лаврах, — неминуемое вырождение, бездуховность. Разум не вне воспроизводства разума — он и есть это воспроизводство. Любовь, свобода — слияние объекта, субъекта и продукта деятельности, снятие различия, восстановление целостности мира наиболее полным образом. Если предоставить все «естественному» порядку вещей — получится как в природе: соединение, разъединение, рекомбинация... Как в «химическом» романе Гете (*Избирательное сродство*), на который немецкий автор достаточно уместно ссылается.

Столь же уместны указания на изоляцию детей от реальной жизни как источник разного рода «комплексов» — иллюзорное избавление от которых ищут в наркоте (в том числе духовной). Но автору не приходит в голову, что подобная изоляция — первый принцип семейственности вообще и семейного воспитания в частности; вместо того, чтобы делить человечество на семьи, классы или нации, — надо устранять любые барьеры, тем самым уничтожая почву для внутренних и внешних конфликтов.

Еще одна приятная находка — избавление от глупых восторгов по поводу материнства:

«Слишком много детей» — такой рубрики в статистике вообще нет. Однако взваливая на женщину непосильное бремя многих, зачастую следующих одни за другими родов, значит наносить ущерб ее профессиональному и культурному росту.

Здесь явно западное влияние — у славян такого и в помине нет: у них баба должна рожать — и радоваться, жертвовать всем ради племенной работы. Но утверждать культурную свободу женщины (или мужчины), не устраняя заведомо ограничивающего ее института брака (тем более у немцев — см. выше о предыдущей статье), — просто нонсенс. Пока мы не люди, а всего лишь мужчины, женщины, супруги, коллеги и т. д., — мы остаемся частичными существами, и культура повернута к нам всегда одним боком; попасть на обратную сторону Луны можно лишь преодолевая власть земного тяготения.

Еще одна нетрадиционность — особое мнение автора о раздельном проживании супругов. С одной стороны, еще раз недвусмысленное

указание на чисто экономическую суть брака, который представляет собой официальное

согласие общества на то, что два человека отныне вместе живут и ведут общее хозяйство, и как производное отсюда — имеют право на поддержку общества, если их брак организован оптимально.

Неявно предполагается, что люди могут «вместе жить и вести общее хозяйство» и без брака — не испрашивая на то никакого согласия; однако в этом случае будьте добры полагаться на собственные ресурсы и не требовать господдержки там, где общество не может быть уверено, что ваше предприятие вполне соответствует текущей государственной политике. Снова чуем ветер с запада — рыночную «свободу». На фоне соседей с востока, заявляющих об аморальности «гражданского брака», это решительный шаг вперед. Но сентиментальная идеализация брака тянет в сторону традиционных предпочтений:

Только при совместной жизни развивается тип поведения, который ведет к длительному счастью.

Мало ли кого я люблю! И они все должны жить со мной? Не многовато ли? Проще любить себя... С другой стороны, некоторые почитают за счастье мечтать о любимых издалека — а не наткаться на якобы принадлежащие им тела; в этом случае следовало бы, скорее, говорить о длительном несчастье благополучных браков (см. ниже про *Империю*).

Если такое условие — возможность жить совместно — нарушается, то у многих браков вообще не будет счастливого начала.

Заметим: именно *возможность*, но не обязанность! Следовательно — возможность *не* жить вместе. И обойтись без хозяйственных забот. Любить друг друга и быть счастливыми не по разнарядке, и не по шаблону, — а творчески, вырабатывая уникальные формы общения, которые ни в какие кодексы не вместить. Но возможность — таки должна быть! Когда любителям не дают покопаться в общем огороде, поухаживать за общими розами, — это столь же губительно для любви, как и вменить производство в обязанность.

Остается только согласиться с выводом, что «тысячи разводов возможно предотвратить, если лечить действительные причины». Но развод станет вообще невозможным, если вылечить главную причину — само существование брака. Стоит ли заталкивать людей в семьи только для того, чтобы наблюдать, как они пытаются вырваться из них, всеми правдами и неправдами?

В итоге роль заявленных в названии семейных консультаций — вообще никакая. Ну, можно поугovarивать перед разводом, дать время подумать (чем занимаются и советские бюлстители семейственности). Если развод затеяли сгоряча — есть надежда, что успокоятся, проспят, протрезвеют. Когда реальные проблемы — базар не поможет. Автор неумолимо подводит читателя к единственно возможному выводу: экономические проблемы надо решать экономическими средствами. Здесь — почти марксизм. Если, конечно, не останавливаться на полпути, а видеть великую цель: разбить все и всяческие цепи, дать людям самим решать, с кем и как общаться, сотрудничать, воспроизводить себя. Свободно — а не следуя древним традициям или «общечеловеческим» нормам, отчужденным от человека, противопоставленным творческому духу. Чтобы не винтиком в коллективе — а от своего разума, и потому от имени разумного человечества в целом.

Следующий раздел сборника озаглавлен более чем странно, с налетом мистики: *Чем может помочь социалистическое общество проблеме развода?* Что такое помогать людям — как-то можно понять. Но в каком смысле общество помогает «проблеме» — совсем темно... Как и следовало ожидать, под претензиями на «классовый взгляд» и выпренными фразами с кучей ссылок на классиков — субъективный идеализм самого мелкого пошиба. До провидческих снов предыдущего оратора — никаким боком не дорасти.

Начинается с сосуществования двух априорных тенденций: к распаду (кишащей конфликтами) буржуазной семьи — и к становлению социалистических отношений в семье (про которые вообще ничего не известно). Почему нельзя строить социализм без семей — даже не спрашивайте! Брак — это свято! А разводы — из-за того, что «значительное число людей, состоящих в браке, еще не овладело его объективными и субъективными факторами»... Классический субъективизм беспросветного эмпирика. Дескать, недостаточно прониклись — оттого и беды. Экономические корни? — ну что вы! помилосердствуйте!

С тем воздействием, которое оказывает социалистическая гуманность на человека, нельзя даже сравнивать влияние призывов капиталистического мира: «хорошо относиться друг к другу!».

Сравнивать — нельзя! А то ненароком убедисься в тождестве... Тут и предыдущий автор храбростью не блистал.

Вывод из эмпирии — не заморачиваться с созданием экономики, способствующей человеческим, разумным отношениям, — а просто потребовать от всех «общественного поведения»:

- понимание сложности и серьезности ситуации в коллективе;
- сочувственное отношение «к действиям и поступкам, которые в другой ситуации порицались бы»;

Расшифровка: к пьянству, к дебошу, насилию и т. д. То есть, все можно вытерпеть ради сохранения семьи! Продолжение списка:

- не подогревать конфликты;
- способствовать созданию деловых отношений между мужчиной и женщиной;

Правильно! Брачный контракт, внутрисемейный торг, — но можно и акции на биржу, через опытного сутенера (ой, нет! брокера).

- «создание атмосферы, побуждающей к размышлению о совершенных в браке ошибках»;

Опыт дзен-медитации, мантры и тантрические ритуалы... Особенно помогает задумчивое созерцание большого кулака — или комплекта кармы по совокупности статей кодекса.

- не мириться с уголовщиной, но учитывать, что коллектив не все знает.

Высоко сижу — далеко гляжу... Но закрываю глаза на уголовщину: бывают же «сложные и серьезные» ситуации! Прямая пропаганда семейного насилия (против которого сегодня модно демонстрировать борьбу). По сравнению с советскими — положительный элемент: ограничить деревенские и понятийные разборки, не дать соседям совать нос в чужие дела. Но исключительно на уровне благих пожеланий, абстрактных постулатов; типичная черта ползучей эмпирии: требовать чего-то от объективности, вместо того, чтобы изучать ее и действовать в ней, используя имеющиеся возможности.

Предполагая, что общество («коллектив») таки может влиять на «проблему развода», — рекомендуется все же поставить воздействие на солидное теоретическое основание, не довольствуясь (в отличие от россиян) одной лишь ходячей моралью:

Особенно отрицательно влияют на возможность действенной помощи со стороны окружающей социальной среды два положения, в теоретическом отношении совершенно недопустимых. Это, во-первых,

мнение, что мать призвана воспитывать детей в силу закона природы, а отец может только помогать ей в этом.

На классовую основу такого биологического подхода обратила внимание еще Клара Цеткин, которая утверждала, что только в социалистическом обществе отцу предоставляется вся полнота его родительских прав.

Конечно, филистерские представления о женщине (рабыне добытчика-мужа) — верх непристойности (см. выше статистику о дележке детей при разводе). Борьба с биологизаторством надо, надо, и еще раз надо. Однако сама постановка вопроса на корню рубит серьезность теории: почему, собственно, воспитывать ребенка должны какие-то частные лица, а не общество в целом? Всякое право — атрибут классового общества, «родительское право» — сплошная буржуазность! Будет это перекошенная морда под вывеской «яжемать» или деловое партнерство в соответствии с кобсом и контрактом — никакой разницы. По любому, ребенок подвязан к родителям на основании биологической (или судебной) случайности — и это возводят в теоретический принцип.

Второй теоретически ложный подход заключается в том, что с разводом якобы должны быть разрушены все связи между ребенком и родителем, не получившим права воспитания.

И после этого не моргнув глазом:

Наше общество должно преодолеть семейный эгоизм, отгораживающий семью от общества. Оно призвано воспитывать социально открытого, активного, непосредственно интересующегося проблемами и потребностями общества, неравнодушного гражданина.

Сначала повязали по рукам и мозгам — а потом требуют преодолевать «семейный эгоизм» и становиться «социально открытым». Спасибо хоть за упоминание антиобщественной сути семьи — когда клан гребет все под себя, живет по далеким от потребностей общества понятиям. Опять же, общество «должно». А где экономика и социальные условия, политика и бесклассовый идеал?

Поскольку озвучена мысль о биологической фатальности связи родителей с детьми, из области собственно человеческих отношений мы плавно перетекаем к дикой природе — и вынуждены рассматривать брак как медицинский факт. На это есть еще один теоретик, с творчеством которого нам предлагают ознакомиться.

Конечно, если похерить экономику — стремление вступить в брак папахивает нехорошим диагнозом. А стремление медикаментозно

обосновать это стремление — вообще клиника. Но кое-кого такие подозрения нимало не смущают: автор четвертой статьи смело вступает в спор с автором второй — и первым делом безапелляционно заявляет:

В достоверности статистических данных сомневаться не следует.

Тут он радикальнее самих статистиков, которые честно признаются в ненадежности данных и трудностях интерпретации... После чего от строгой отчетности вдруг перепрыгивает к туманным спекуляциям:

Отношения же партнеров в браке и семье характерны тем, что они строятся на внутренних связях, на чувствах между мужчиной и женщиной, на взаимном доверии и любви.

Даже если это иногда и так — никакая медицина тут ни при чем; некоторые, конечно, называют любовь болезнью — но совершенно неизлечимой (вопреки инсинуациям Овидия). Чтобы окончательно добить остатки разумности — бесконечно мерзкая и подлая тирада:

Для человека, который, конечно, желает видеть себя индивидом, очень важно понять, что хотя в своей специфической сущности он и является продуктом и активным членом общества, но своим индивидуальным появлением в этом мире он обязан хотя бы временному социальному сообществу своих родителей. Кроме того, он должен знать, что только в длительно существующем единстве с человеком другого пола — в браке — он может полностью использовать *все* предоставленные ему природой и обществом возможности для успешной, уравновешенной и счастливой жизни в этом обществе.

Индивид — это представитель биологического вида. Человек, который желает видеть себя животным — не человек. Общество, конечно, и животных пристраивает к делу — но как средства производства, а не в качестве субъектов деятельности. Животные появляются животным способом, люди — человеческим. Но человеческое общение не имеет ничего общего с «социальными сообществами» (стадо, стая, прайд, улей, или еще какой-нибудь человек). Это духовный акт — в который вовлечены движения очень и очень многих (в пределе — вообще всех) материальных тел (в том числе — биологические и социальные организмы). Но эвфемизм тут не просто из скромности: речь о том, что секс вне брака считается изначально порочным, — а альтернативные методы производства органики (искусственное оплодотворение, генные технологии, инкубаторы — или 3D-печать) сплошь от лукавого. Прямая угроза: не вступишь в «длительно существующее единство» — кое-кто постарается, чтобы жизнь на была «уравновешенной и счастливой».

Чтобы лишнего не подумали — «единство» прямо назвали браком (напрочь отметая сколь угодно длительные неформальные отношения), причем признается только парное сожителство лиц противоположного пола. Гомики и лесбиянки — вне закона; множественные компании разных полов и бесполов существ — законодателя тоже не устраивают. Короче, старинный еврошовинизм, жажда прогнать человечество под колониальный стандарт. Ну и, конечно, главным источником счастья объявлена природа (она на первом месте) — а общество у нее на подхвате: следит за соблюдением (конечно же, природных) законов. Оргазм — превыше всего!

Мечты о патриархальной моногамии тянут за собой рассуждения о неужности внесемейных занятий женщине:

... в социалистическом обществе производственная деятельность женщины не является следствием недостатка рабочей силы, она не преследует также цель обеспечения более высокого материального жизненного уровня семьи.

Пусть бабы сидят дома, ублажают мужиков, тянут на себе хозяйство, рожают детей и потом нянчатся с ними... Чего им еще надо?

Именно в браке все возможности совместной жизни и развития каждого должны использоваться в целях общего согласия.

То есть, мужик пользуется женой, регулярно отдает ей получку за вычетом заначки — и все согласны. Лепота!

В любви не должно быть места эгоизму, каждый должен не только брать, но в то же время и давать.

В любви — никто никому не должен; это не базар. Никаких баш на баш. Теоретически, такое возможно и в семье — но труднее, ибо семья изначально коммерческое предприятие, а формы обмена регулирует классовая экономика, господствующий способ производства. И не надо нам про половые различия, которые, якобы, предполагают обмен; половая любовь — не торговля, а совместность духовного производства. Следуя классовой логике, можно предпраздничные хлопоты на кухне объявить биржевой активностью, принципиально невозможной без законодательного основания и надлежащим образом выправленного контракта. И заявлять, что здесь не место эгоизму. Если же за ужином при свечах следует секс — это вовсе не повод считать брак «высшей формой сексуального партнерства» (само выражение — воняет рынком; секс буржуи воспринимают лишь как разновидность торговли телом).

Тут мы плавно перетекли к следующему автору, трактующему разводную тематику «с педагогической точки зрения». С первых же строк нам дают понять: на о каких разводах не должно быть и речи!

Для нас брак — это созданное на всю жизнь замкнутое сообщество, основанное на взаимной любви, взаимном уважении и верности, на взаимопонимании, доверии и бескорыстной помощи, которое облекается плотью и кровью именно в семье, в совместной жизни, в воспитании детей во всесторонне образованных и социалистически мыслящих людей.

Вот так: на всю жизнь. Кто разводится — тех сразу убивать! Автор, правда, всю дорогу путает брак с семьей: первое — правовой акт, устанавливающий супружество как правовое отношение (наряду с иными отношениями родства); второе — собственно сообщество, основанное, правда не на абстракциях любви и уважения (не путать с человеческой, свободной любовью, не вмещающейся ни в какие границы, тем более правовые!), а на отношениях формального (то есть, установленного правовыми актами, безотносительно к вопросам пола) родства. Путаница может быть следствием дикости и необразованности (как у большинства населения большинства стран) — но у пишущих теоретические книжки апологетов общественного неравенства это еще и намеренное смешение, призванное запутать обывателя, затемнить суть дела — и протаскивать самые реакционные взгляды под флагом заботы о будущем человечества.

Антиобщественный характер семьи заявлен открытым текстом: «замкнутое сообщество» — противопоставленное обществу в целом. Живет это сообщество по своим правилам (по понятиям) — и жестко пресекает все попытки от этого уклониться, требует «верности». Слова о «бескорыстной помощи» — намек на семейное насилие, принуждение к «совместной жизни», которая (в отличие от прочей экономики) не предполагает никакой компенсации за каторжный труд. Радуйтесь рабству — это и называется здесь (как и в традициях буржуазной пропаганды) «социалистическим мышлением». Ну а вообразить себе «всесторонне образование» в условиях семейной изоляции — можно лишь с большого бодуна.

Брак — это нечто большее, чем организационная форма совместного проживания двух людей различного пола.

Люди любого пола могут совместно проживать и без брака — и не только на выделенной (унаследованной, купленной) жилплощади, но и

в разных городах и странах (на одной планете — или в одной вселенной). Расстояния совместности не помеха; иначе можно договориться до необходимости хирургическим путем сращивать тела вступивших в брак до полной неотделимости — и нет проблемы развода. С другой стороны, любить друг друга люди могут и без бумажек — тогда как брак лишь теоретически может «способствовать счастью, развитию личности» — но (по признанию автора) чаще становится «ареной борьбы». Чтобы бороться с борьбой — надо работать над собой:

Брак должен пониматься как задача, и решение ее предполагает такие качества личности...

Субъективизм чистейшей воды: семейные дразги — от несносного характера, и достаточно пройти курс медитации или педагогического ликбеза, чтобы все наладилось, при любой экономике.

Как только семья выделена из общества и противопоставлена ему, остро встает вопрос о защите границ. Тут даже сексу приходится потесниться:

Упорядоченные половые отношения, прежде всего в форме стабильного брака, не являются самоцелью усилий общества. Напротив, существование таких отношений особенно активно влияет на общественное развитие, создавая у людей, соединенных в браке, чувство защищенности уравновешивая их характеры, поощряя их способности, столь необходимые человеку, чтобы работать в полную меру своих сил на пользу общества.

Автор допускает, что «упорядоченные половые отношения» возможны и вне брака (или в нестабильном браке) — и на том спасибо! Раз в неделю в борделе — самое оно. Существование таких отношений благотворно влияет на общественное развитие. Однако в браке — секс обретает воистину мистическое звучание: супружеская постель становится символом семейной изоляции, крепостной стеной, отгораживающей крепостных от внешнего мира, от общества, от свободных людей — от которых, чего доброго, можно заразиться свободой. Волей-неволей, приходится «уравновешивать» характеры (вроде скорпионов в склянке). А способности человеку даны, оказывается, чтобы ишачить на чужого дядю — а не творчески трудиться без оглядки на мнения со стороны. Именно такие способности семейная жизнь поощряет — и подавляет все остальные, собственно человеческие.

Тут автор спохватывается, что публично выбалтывать компромат про эти, столь дорогие господствующему классу, функции брака и семьи

не стоило бы: обыватель должен воображать себе милые игры зверушек, организованные господами-селекционерами к максимальному удобству копулирующих:

Брак как доказанная наилучшая и наиболее подходящая форма половых отношений двух людей, придерживающихся твердых нравственных принципов, очень высоко оценивается и всемерно поощряется в нашем государстве...

Доказанная — кем? Лучшая — для кого? Подходящая — кому? Не говоря уже о том, что брак — вовсе не «форма половых отношений», а правовое (и следовательно экономическое) отношение (см. выше). Никакие кодексы не регулируют частоту оргазмов, предпочтительность поз или технику контрацепции.

Не очень понятно про магическую двойку. Допустим (хотя и без особых на то оснований), что брак удобен для парных сношений; тогда автор, как можно предположить, согласен, что для всех прочих половых связей (когда участников больше или меньше двух, без учета половых различий) брачные формальности не нужны. Не говоря уже о тех, чьи нравственные принципы недостаточно тверды (к сожалению, нет никаких указаний на используемую шкалу и способы измерения). Соответственно, вопрос о допустимости государственной поддержки для лиц нетрадиционной (или переменной) ориентации отнюдь не снят с повестки дня — тем более там, где все равны:

Решающей предпосылкой к достойной организации взаимоотношений полов, и прежде всего в браке, является неограниченное признание равноправия полов.

То есть, брак — лишь одна из опций для «достойной организации» секса; есть и другие, о которых теоретик умалчивает по причинам личного характера. А какой у кого пол — всем без разницы. Ради такого дела, автор даже готов встать на почву якобы марксизма:

Действительное их равноправие, удовлетворяющее фактическим качествам и возможностям как мужа, так и жены, предполагает революционное преобразование общественных отношений.

Закручено с претензией! Но революционность намерений вызывает серьезные подозрения: вместо равенства как такового — ограниченное «равноправие» (абстрактно-юридическое равенство прав), с поправками на «фактические качества и возможности». В буржуинстве всякий имеет право нанять на работу кого угодно — однако по факту денег у рабочего нет, и приходится наниматься к буржую, а не наоборот. Если чернь вдруг

возмечтает управлять государством — нет у нее для этого нужных качеств, и предоставлять возможности никто не собирается. Не говоря уже о занятиях балетом или теоретической физикой в компании крутых профессионалов — на досуге после смены. Из дальнейшего ясно, что о преобразованиях — просто шутка, и не надо принимать ее всерьез, как некоторые:

Приведенные в статистическом ежегоднике нашей республики и в статистике других стран данные по числу разводов, а также безрадостная ситуация во многих существующих браках дают повод время от времени поднимать в дискуссиях вопрос о том, не устарел ли брак в современном обществе, не следует ли заменить его другой формой совместной жизни.

Конечно же устарел! Но нельзя просто «заменить» его (тем более когда никто толком не знает чем); это целая революция в отношениях людей, и прежде всего в *способе воспроизводства человека* — не в вульгарно-биологическом смысле, а по Марксу, как ансамбль человеческих (как производственных, так и духовных) отношений. Насчет «безрадостной ситуации» — очень откровенное признание: хорошее дело браком не назовут...

Однако в ходе обсуждений выясняется, что этот вопрос, как и другие подобные ему, не является выражением твердой позиции, которую защищают по внутреннему убеждению.

О каких обсуждениях идет речь, нам не ведомо; если это треп обывателей на кухне (хотя бы и академической) — грош ему цена. Можно лишь сожалеть, что мало в нашем обществе убежденных людей, занимающих твердые позиции по мировоззренческим вопросам и не боящихся выражать свои убеждения — а не только трепаться по поводу!

Эти сомнения можно расценивать только как признак того, что вследствие недопустимого обобщения отрицательных явлений и взаимоотношений в браке возникает неуверенность, которую стремятся преодолеть.

Сомнения как признак «возникающей неуверенности» — это очень глубоко! Но еще бы она не возникала, когда брак, столь долго ласкавший сердце мелкого субчика-собственника, традиционный оплот дикого барства в социалистическом мире, — этот брак на глазах трещит по швам и разваливается! И голосит сей изрядно перетрусивший субчик во всю ивановскую, и пытается хоть как-то спасти обветшалое здание буржуазного брака за счет утопических «усовершенствований» и

«рекомендаций» — тщетно; приходится просто запрещать обобщения всего отрицательного в браке как абсолютно «недопустимые» — но отрицательность от этого ничуть не убывает и все чаще режет глаз. Вконец отчаявшись, бросается мелкий буржуа в другую крайность, в дикий нигилизм и беспросветную анархию — с давних пор служившие последним пристанищем окалине классовых сражений.

Где уж расслышать на таком фоне разумную, материалистическую, марксистскую речь! — засвистят, зашикают, шапками закидают. Но экономика молча делает свое дело — и рушатся стены семейных крепостей, и учатся люди быть людьми общества, а не родственниками или просто знакомыми. Этот процесс, объективный в своей основе, но столь болезненно выдавливающий классовое сознание и самосознание, не задержать, не остановить. Нашими сомнениями, и нашим трудом, — мы делаем историческое время.

Брак как социальный институт можно поставить под сомнение только там, где характер союза не определяют более искренность и взаимная верность, взаимопонимание и внутренняя склонность, взаимное содействие развитию личности и стремление к совместному достижению определенных целей.

То есть, поставить под сомнение все-таки можно (а куда денешься?) — но только там, где позволят сентиментальные буржуа, где вы не сорвете фиговый листок их «целомудрия» с нарочито запутанных, и потому якобы неприличных тем. Замалчивая, что брак не просто «социальный», а именно правовой институт, авторы протаскивают с черного хода вечность государства — а значит, и классовой экономики. Характер этого союза определяет рыночная конъюнктура — о чем бессовестно проговаривается терминология: об искренности говорят лишь там, где обычна ложь; верность — только на фоне измен; взаимопонимание — просто договорняк, рыночное партнерство; «внутренняя склонность» — соблюдение принятых в «приличном» обществе правил; стоит ли объяснять, что развитие личности измеряется в этом контексте ее рыночным весом (меновая стоимость)? — оно важно не само по себе, а ради «определенных целей». Другими словами, возражать против семейных клеток допускается лишь в плане профилактики нерыночных тенденций: на их фоне торгашеские (правовые) институты видятся в самом невыгодном свете, как помеха для человеческой духовности, разума. Поскольку же отречься от собственных корней буржуа не в силах — у западных утверждается цинично-контрактная трактовка брака

(а также внебрачного сожительства), окончательно стряхивающая в навоз романтическую мишуру.

Подобное развитие брачных отношений принимает массовый характер только в том обществе, которое поощряет нравственно уродливое влияние частной собственности на брак, в котором экономические соображения получают преимущества перед чувством любви.

Ай как неприлично ругаться про экономику при дамах! Может, лучше вообще про брак забыть — чтобы любви уже ничто не мешало? А то, ведь, чем приходится заниматься в семье — дележка собственности, сплошное нравственное уродство... Мелкому буржуа так хочется отгородиться от страшилищ-монополий, от жестокого и беспощадного бога, вечно грозящего «повлиять» на крошечный, но частный бизнес — залезть в карман, экономически раздавить. А буржуазная пропаганда всячески поддерживает иллюзии, превозносит «бескорыстную» любовь, отвлекая внимание от экономического варварства! Буржуям подпевают немецкие (и прочие) «марксисты».

Если на то пошло, как раз в откровенно буржуйских государствах брак прочен и вечен — там его родина и классовая опора. Размывание устоев семейственности возможно лишь по мере становления новых, бесклассовых отношений человека к человеку — вне рынка. А нам на уши вешают откровенную лапшу:

В этой враждебности браку капиталистического общества до сих пор ничего не изменилось.

Нехорошо переверять классиков! Где Маркс говорит о «враждебности»? Коммерция — да! Экономическая основа — обязательно! Но именно *основа*, намеренное опошление, а не враждебная слепая сила.

Изменить подобную ситуацию в этих странах не в силах те, кто посвятил себя борьбе с враждебным влиянием капиталистического общества на брак, пока они не решатся потрясти основы капиталистического порядка.

Враждебное влияние — это у них вообще на все... Но недурно бы и социализму повраждовать с браком и прочей семейственностью!

Субъективные желания и усилия дать браку и семье в империалистической стране чувство защищенности, необходимое, чтобы обеспечить их существование, недостаточны и не в состоянии ничего изменить коренным образом.

Насчет субъективизма — это к авторам книги. В буржуинстве все по объективным законам — что, конечно, ничуть не лучше (поскольку

разум призван свободно изменять природу и себя, а не лепиться к одной из сторон в отрыве от других). Империалистические страны в плане «защищенности» ничем не отличаются от социалистических — только способы защиты у них разные. Откровенно рыночный вариант: спасение утопающих — дело рук самих утопающих; социалисты — предлагают спасение вкладчину: пусть добрый начальник нас полюбит — и даст мудрые законы, чтобы всем стало тепло. Вариант: все в руках божьих... Но фишка в том, что сама идея защищенности противопоставляет семью обществу — в том числе и «доброму» начальству. Для существования семьи действительно необходимо отгородиться от «чужаков» — иначе не удержать ничего внутри. Поэтому барьеры строят с двух сторон: одни против протечек наружу — другие против хищнического присвоения; тот же рынок: поменьше дать — побольше взять. Чтобы изменить коренным образом, надо кончать базар — рушить границы.

В нашей республике одновременно с революционным преобразованием всей общественной жизни были уничтожены первопричины распада брака и разрушения семьи как самой малой социальной ячейки общества. То, к чему стремились поборники социализма с давних пор, претворено нами в жизни. Брак получил условия, необходимые ему, чтобы существовать в будущем как постоянная общность, обеспечивающая развитие и личности и общества.

Ай да мы! Ой молодцы! Сумели! — а что именно? Откат в крепостное право? Свободы людям не положено — надо рассадить всех по клеткам и запереть на веки вечные. От усердия аж заговариваются: брак вовсе не общность, а лишь способ создания формальной (иллюзорной) общности в целях борьбы с действительным единством. Почему-то человека самого по себе никак невозможно признать «ячейкой общества» и позволить ему представлять самого себя (а значит, и человека вообще, все разумное человечество)! Нет, кому-то зачем-то надо сколачивать семьи, банды, общины и прочие преступные группировки, живущие по своим (заведомо антиобщественным) понятиям. Всячески насаждать взаимное отчуждение, натравливать одних на других.

По всей видимости, Маркс и Энгельс не были «поборниками социализма» — поскольку ни к чему такому они не стремились. Скорее, совсем наоборот: их угнетала мысль о «постоянстве» какой угодно общности — крайне антидиалектическая идея! Устраивать жизнь на все времена — значит, отказаться и от экономического прогресса, — а это верный путь назад в пещеры (в том числе духовные).

До сих пор не существует иной формы супружеских отношений, которые заменили бы отвечающий нормам социалистической морали брак или хотя бы поставили под сомнение его право на существование.

Зато есть отношения *не* супружеские! Реально, уже в наличии. А брак — бог с ним: в условиях экономической отсталости придется терпеть неизбежность. Что право и мораль не одно и то же — авторам не известно. Брак — правовое отношение. А мораль — противозаконное давление на граждан, стадный диктат, принуждение к покорности по понятиям (вроде «опускания» новеньких в тюрьмах, по указке пахана).

Брак ни в коей мере не потерял своего значения.

И верно — *своего* значения он не терял. Только значение это совсем сморщилось: современная семья — инородное тело, опухоль на теле культуры, помеха экономическому и духовному развитию. Но авторы, конечно же возражают:

Наоборот, он стал в новых условиях одним из значимых факторов развития личности. Отказ от брака повлек бы за собой обеднение личности и совместной жизни двух людей, а главное, его ничем нельзя компенсировать.

Бедная и несчастная личность! — нет у нее ничего кроме брака, и больше заняться нечем... До чего семейственность довела! Полное вырождение.

Почему речь о совместной жизни двух людей? Вроде бы, семья может быть и больше... По всей видимости, работает классовая логика: есть правящая верхушка — а все остальные не люди.

Зачем отказ от уродства чем-то «компенсировать» — аллаху ведомо! По-человечески: отказаться — и все. На самом деле, конечно, заменить одно уродство другим — без проблем; но авторы не хотят ничего знать кроме брака — значит все остальное «нельзя».

Таким образом, в интересах как отдельного человека, так и общества в целом способствовать усовершенствованию брака, сделать все, чтобы укрепить его существование и поднять его ценность. Необходимо испытать все средства...

Латать гнилье, лепить подпорки, — с воплями: ой, рушится! Дерьмо как ни усовершенствуй — это дерьмо. В чьих это интересах? Людям — интереснее избавиться от любых оков, следовать не кодексам и догмам, а собственному разуму. Эмпирионатурализм — всегда ограниченность и нетерпимость к малейшим попыткам изменить *status quo*. Именно это и собирается воспитывать немецкий педагог у несчастных детишек. Разумеется, только в семье — а где же еще? А семья впивается взором в

общественную жизнь — и норовит отхватить, где плохо лежит, а потом юркнуть за брачный занавес, посмаковать «защищенность»...

Чем большую склонность проявляет семья к общественной жизни, тем благоприятнее условия воспитания подрастающих в этой семье детей в общественно полезных людей, отвечающих всем требованиям как частной, так и общественной жизни.

Все дело, оказывается, в склонности! Кто-то чуть выше критиковал западных за «субъективные желания»... Но заметьте: не члены семьи — а именно семья; человек ничто — компания все. Интересоваться чем-то не по-семейному — можно и на санкции налететь. Что тем самым воспитывают в детях и взрослых? Правильно, чувство стадности, привычку идти за вожаком, стремление «отвечать требованиям»:

Нормы господствующей морали совпадают с правилами поведения, действующими в семейной сфере. Это постоянство норм является основой правильного поведения...

Нормы, правила... Нет такого слова: разум. Про истину и ложь тоже расскажут вышестоящие инстанции:

Как можно раньше следует оказывать противодействие возникновению ложного отношения к собственной персоне и к коллективу, а также к неоправданным специфическим оценкам, связанным с полом человека.

Какие эвфемизмы! Матом ругаться — некультурно; давайте лучше займемся куплей-продажей — такая увлекательная игра! Мы будем правы — а вы будете нам обязаны...

Ребенок должен понимать, что получение прав связано с выполнением обязанностей.

Как будто права и обязанности существуют сами по себе. Платоновские идеи. Тем более нет речи про самостоятельное выстраивание отношений с другими. Однозначно: родители воспитывают детей. Наоборот нельзя. И тем более не заглядываться на *самовоспитание*. Для обывателя — ребенок не человек. Вот и вырастают не люди, а звери.

Семья не должна влиять на детей и подростков лишь спонтанно. не следует также низводить возможности семьи в области воспитания до незначительных педагогических приемов, характеризующихся тем, что родители принимают спорадические меры, направляя подростков к какой-то расплывчатой цели.

Звучит! Сделать педагогику еще основной специальностью — чтобы все владели полным арсеналом средств «влияния» и «направления». Плюс

диплом по курсу «промывание мозгов». И цели — не расплывчатые, а вполне определенные: мозги должны быть чистыми.

Усилиям родителей в области воспитания целесообразнее придать такое значение, чтобы именно в семье совершались педагогические процессы, отличающиеся важной степенью осознания целей, смысла, содержания и задач, в основе которых лежат ясные, дифференцированные и динамичные педагогические намерения и замыслы, а также понимание развития педагогического процесса и его организационно-методическое выражение.

Ой как высокопарно! Государство полностью устраняется от подготовки кадров — что зазя деньги изводить? Пусть процессы сами собой совершаются. Культивируем ясные и незамысловатые педагогические намерения — типа: ремнем отлупить. Учителей разогнать, школы позакрывать — и оставить только крутых теоретиков, буржуазных пропагандистов:

Подобное положение достижимо в настоящее время лишь с помощью продуманной системы педагогической пропаганды, дающей семье действенную поддержку в решении ответственных задач воспитания.

Достижимость — конечно же, из области юмора; продуманность — (само)реклама. *Общая черта* всех утопистов: преобразовывать мир предполагается при помощи одной лишь пропаганды: разъяснить, *уговорить* общество на еще одно социальное снадобье: чтобы принять, зажав ноздри, — и никаких больше проблем! Это у них и называется «действенностью». А экономика — чур ее!

Несмотря на большое значение семейного воспитания в подготовке подростков к браку, оно не в состоянии решить эту задачу без активной помощи извне.

Вот-вот. Именно помощи! Это все, что могут позволить обществу защитники семейных крепостей. Вы помогайте — а мы внутри сами разберемся. И после этого:

Только взаимное проникновение и обоюдное дополнение общественного и семейного воспитания обеспечат успех.

Хороша взаимность! И что считать успехом? Точки зрения семьи и общества прямо противоположны. Но автор уже успел забыть о громких призывах, чтобы важнейшие «педагогические процессы» совершались «именно в семье». Флюгер развернулся по полной.

Объективная согласованность личных и общественных интересов находит свое выражение и в формировании нераздельного процесса

воспитания с едиными целями и принципами, процесса, который становится все более и более делом всего общества.

Будь это в не столь поганом контексте — можно было бы порадоваться. К черту семью! Есть личность — и есть общество. Если между ними не встречаются коммерческие структуры — их интересы едины: это одно и то же, взятое с разных сторон. Воспитание становится делом всего общества — а значит, и каждого из его членов. Свободных, а не рассаженных по клеткам. Людей, а не зверей.

Читаем дальше — и теперь школа задвигает семью на обочину, допускает лишь крутиться на подхвате:

При согласованности действий всех воспитательных учреждений, когда школе отводится координирующая и тем самым ведущая роль, молодого человека эффективно готовят ко всем требованиям, предъявляемым ему жизнью.

Про ведущую роль партии уже давно никто не вспоминает... Но плюс тот, что готовят в школе уже не ребенка (или подростка), а *человека*. Убрать слова про «молодость» — и получится принцип бесклассового образования. Только готовить надо не к наваливающимся невзгод отсюда «требованиям жизни» — а к активному преобразованию жизни, творческому труду. Не жизнь от нас требует — а мы добиваемся, чтобы она стала разумнее. Тем самым каждый воспитывает себя:

Его способности и социальное поведение развиваются таким образом, что он в конце концов будет в состоянии сознательно включиться в общественную жизнь и уверенно действовать в ней.

Нет у человека разумного никаких критериев кроме разума. Сознательно включиться — и действовать. Но для теоретиков всех мастей самое страшное слово — *свобода*. Чтобы кто-то сам себе голова — так не бывает! — какое же общество без начальства? Поэтому любое поведение они воспринимают не как явление человеческого духа, личности, — им надо обязательно втиснуть великие деяния в пошлую мораль или абстрактные теории:

Морально безупречное поведение и поступки предполагают у человека как прочные знания о том, что такое правильное поведение и теория нравственности, так и способность в любой ситуации принять решение, верное с точки зрения нравственности.

Да — если мы говорим про «моральное безупречное поведение», про животность, следование законам стада. Нет — когда речь о разумном, человеческом, творческом. Безупречность — предполагает возможность

порока; а разум не в чем упрекать! Не существует правильности самой по себе — и только разум подскажет каждому его неповторимый путь. Всякая теория ограничена — а разум безграничен. И решения человек принимает не «с точки зрения нравственности» — он просто поступает разумно. И тогда мы уверенно цитируем:

В этом и заключается высокая цель воспитания.

Поскольку про высоты воспитания автор ничего толком сказать не может, он переключается на половое воспитание — традиционный предмет пошлых спекуляций. И тут же фейерверк пошлостей:

половое образование и воспитание есть всегда воспитание будущей любви, которая в перспективе кончается браком.

Именно, «кончается»! Стоит навесить на любовь перспективу семейного рабства — и любви больше нет. Опять же, любовь бывает разная. Если я люблю поспать до обеда — мне что, с кроватью в загс бежать? А если смотреть на звезды? — у них паспорта для наших штампов не очень подходящие...

Конечно, любовь к вещам неотделима от любви к людям, и на нее можно навесить брачные цепи: любишь конфеты — иди за кондитера; любишь цветы — за садовника; влюбился в теорему Пифагора — дуй за математика... Но любители клубнички почему-то не спешат браковаться с порно-звездами или проститутками. Половое образование, по смыслу, есть подготовка к половой жизни — приобщение к достижениям сексуальной культуры (включая технику безопасности) и воспитание уважения к половому партнеру. Никакого отношения к браку это не имеет. То есть, вообще. Воспитание «перспективных супругов» — это нечто иное: подготовка семейных рабов, машин для размножения и своего рода инкубаторов, где дитя будет отрастать до момента отчуждения от родителей (что, собственно и есть рождение еще одного члена общества). Разумного в этом мало — и прототипы запросто можно найти в мире животных; но если кого-то довоспитывали до скотского состояния — это не значит, что и остальные таковы, и в этом предназначение человека.

Любовь, скорее, следует понимать как овладевающее человеком влечение к партнеру, которое включает физические, духовные и душевные побуждения, при этом человек добивается длительности отношений, которые основываются на взаимности.

Ни черта вы не понимаете в любви! Классиков читайте, господа!

Истинная любовь возникает тогда, когда желание помочь партнеру во всех жизненных ситуациях и всеми силами поддерживать его совпадает с сексуальными интересами.

Оказывается, «истинная любовь» — это все та же купля-продажа: закупить на энное количество поддержки и помощи эквивалентное количество секса. Так на фига нам брак? Все на панель!

Половое воспитание укрепляет сопротивляемость к соvrращению и к необдуманым ранним половым связям, благотворно воздействует на процесс приспособления к партнеру...

Ах, вот зачем *ваше* половое воспитание! У вас только и думают, как бы кого соvrратить — а если и не надеются, то грязно предполагают. Поэтому следует учить малолетних, что любые контакты сводятся к гнусным поползновениям, — и спрашивать в каждом случае согласия семьи. Со стороны виднее, что считать ранним; а сами думать вы все равно не умеете. Но если уж семья сподобилась подобрать шикарную партию для дорогого чада — будьте добры не трепыхаться, а покорно приспособливаться к партнеру. И дальше совсем чепуха:

Наука едина во мнении, что разумную информацию об основных вопросах пола ребенку следует лучше всего давать до двенадцати лет. Это относится и к девочкам, и к мальчикам.

Что за наука имеется в виду — автор скрывает. Но мы видим, что эта наука целиком сводится к мнениям — и не слишком-то разумна:

До начала полового созревания сексуальные ощущения и представления еще далеки от сферы переживаний ребенка. Этот факт значительно облегчает разумное, здоровое обучение, поскольку теоретическим познаниям еще не препятствуют серьезные эмоциональные переживания.

Ну и чушь! Абстрактная теория сама по себе, не имеющая отношения к интересам людей. Будто можно хоть что-нибудь усвоить без эмоций и переживаний! Вспомните о традиционных мучениях школьников на уроках математики. Никто не научится сексу, рассматривая картинки анатомии половых органов; это надо пробовать. Выучить названия противозачаточных средств — вовсе не значит уметь ими грамотно пользоваться. Обучение в отрыве от практики — педагогический нонсенс, неизбежный провал. Более того, такие педагогические ляпы — верный способ спровоцировать нездоровую сексуальность там, где она вполне могла бы сформироваться в культурных границах. Но самое свинство — легко испортить людям жизнь, с детства вдалбливая в них

идиотские представления о неизбежности брака и «естественном» разделении семейных ролей.

Взрослые объясняют любовь как самое прекрасное и одновременно человеческое явление гетерогенно-сексуальных отношений двух людей.

Как обычно, субъективизм отождествляет сны и реальность: если (теоретически) должны объяснять — значит объясняют... Замечательно противопоставление прекрасного человеческому — до такого трудно додуматься! Но сведение любви к «гетеросексуальности» — это перебор. Как прикажете тогда квалифицировать любовь к Родине?

Не половую жизнь со всеми вытекающими последствиями должен молодой человек считать чем-то безнравственным, а только того человека, который не в состоянии мобилизовать свои силы, чтобы по собственному усмотрению управлять влечениями полового инстинкта.

Спрашивается: зачем всюду выискивать безнравственность? Занимаясь сексом, мы просто занимаемся сексом — и нравственности это до фени. Общаясь с людьми — мы просто общаемся, не подковыривая партнера нездоровыми нехорошестями (занятие совершенно безнравственное), а наоборот, стараясь перенять все, что считаем разумным, человеческим. Да, неумение справляться с животностью — не украшает. Но огульные обвинения не научат культурности. Заклеймить вместо помощи — это как-то не по-людски.

Разумеется, последствия в половой жизни (как и в любой другой) бывают и положительными, и отрицательными; но считать последствия неизменным атрибутом секса — полнейшая глупость. Разумные люди используют всякий опыт (в том числе сексуальный) для того, чтобы научиться свободно направлять деятельность к тому, для чего мы ее затеяли, — контролировать последствия, а не обожествлять их.

Наша молодежь отнюдь не испорчена и не безнадзорна в сексуальном смысле, как опрометчиво утверждают некоторые взрослые, основываясь на недопустимом обобщении отдельных отрицательных крайностей ее поведения. Доказательством нашего мнения служат научные исследования, проводимые в последние годы.

Испорченность — это взгляд со стороны, отстраненно, как на вещь. Кто спрашивает мнений у куска мяса? Обратная сторона того же — надзор, навязывание поведенческих норм при полном игнорировании личных пристрастий. Из той же оперы — о допустимости обобщений. Кто у нас за допускающих? А наука — ничего не доказывает; она исследует, присматривается, сводит одно с другим. Кто и как это использует — кого

и в чем станет убеждать — ученому (пока он остается в границах науки) задумываться не резон. Но если (как мы видели выше) науку считать ворохом мнений — есть и такое мнение:

Когда молодые люди добиваются дружбы с партнером противоположного пола, они прежде всего ищут в нем понимающего партнера, которому можно доверять, близость которого приносит счастье и которого они уважают, а вовсе не стремятся вступить в половое общение.

Когда добиваются дружбы — тогда конечно. Это не зависит от пола. Если же речь о половой любви — тут изначально тело, и отложенное стремление ничуть не слабее бурной стремительности. Типичная черта морализаторского субъективизма — не замечать материи. Дескать, бродят внутри какие-то «искания» и «стремления» — возникшие из ничего, по прихоти — неведомо чьей... И общение сводится к обмену этими виртуальностями, за которыми не стоит ровным счетом ничего. Стоит ли удивляться, что такие «дружбы» разваливаются при первом же серьезном натиске извне? Разумеется, раскритиковать и отринуть — не самое разумное решение. Субъективизм — зеркало зарождающихся в обществе идей о духовности как принципиальном отличии человека от природы, о развитии разума в переплетении собственно духовных процессов. Но в условиях классового общества такое самосознание приобретает извращенные, рыночные формы: вместо неразрывной связи материи и духа — противопоставление одного другому. Оторванному от плоти духу не на что опереться, кроме столь же беспочвенных мнений толпы, пошлой морали (которую здесь выдают за науку). Тогда любые телесные контакты (безотносительно к сексуальности) воспринимают как осквернение платонической идиллии — бьют в набат, требуют принять меры...

Разумеется, усиливающиеся ласки отвечают естественному стремлению молодых людей к нежности. Подобное поведение только тогда должно настораживать и давать воспитателю повод вмешаться, когда молодые люди, любя друг друга и желая выразить свою склонность, не уверены в своих поступках и не знают, как далеко можно им зайти.

Про «усиливающиеся ласки» — это прямо-таки по американской бейсбольной метафоре: пробегаем от одной базы к другой (взгляды, поцелуи, петтинг, язык и рот...) — вплоть до финальной стадии, *home base* (в нашем контексте можно усмотреть и намек на брак: повязать половой акт с правовым). Конечно же, все совершенно «естественно»:

дикая природа — что с нее возьмешь? Об отличии собственно человеческой нежности от острых ощущений — кое-кому догадаться трудно. Но самое забавное — что все это предполагается совершать под неусыпным воспитательским надзором, и кроликовод всегда может либо подтолкнуть зверушек друг к другу, либо придержать по углам. Глупые они, зверушки, — и не знают, что можно и чего нельзя...

Но дальше — совсем прикольно: оказывается, воспитатель должен вдохновлять воспитанников личным примером!

Только в том случае, если воспитатель олицетворяет единство слова и дела, он может действительно влиять на воспитуемых. До тех пор, пока его собственное сексуальное поведение, его взгляды на брак содержат ошибки, преодолеть которые он даже не пытается, его усилия в деле полового воспитания вряд ли окажут влияние на подростков.

То есть, показать салажатам виртуозную технику во всем блеске! Делайте как я — и не ошибетесь. А если воспитатель недовоспитанный, или какие-то органы (по естественным причинам) не сработали, — его «усилия» будут напрасны (про возможность отрицательного влияния стараемся даже не думать).

Не подумайте, что мы против полового воспитания непосредственно в процессе! Научиться культуре секса по книжкам — все равно что играть на скрипке только в своем воображении. Или мужиков учить теории тампакса. Или объяснять про туалетную бумагу кашалоту. Чтобы воспитывать культуру поведения за столом — нужен, как минимум, стол. И не в учебном исполнении (с муляжами продуктов), а регулярно и разнообразно. Вот, замечательная фраза:

Только на практике отношений двух партнеров можно научиться правильному поведению.

Но именно этой практики лишает людей ханжески-лицемерное «половое воспитание»! Даже эта (продвинутая) формула — насквозь пропитана филистерством: не бывает у разумных людей никакой «правильности», и учатся они тому, что им нужно, — а не абстрактной нормативности.

Последующие откровения педагогической мысли прочно вгоняют в ступор даже закаленного бойца.

Каждый брак находит свое воплощение в семье, возникающей с рождением первого ребенка.

Новое слово в теории! Оказывается, брак вовсе не создает семью (а что тогда он создает?) — а семья «возникает» только при размножении.

Конечно, хозяин — барин, и можно теоретизировать сколь угодно абстрактно. Но если таки заглянуть в кодекс — даже бездетные супруги позиционированы там как семья, и если им вдруг приспичит повозиться с детьми — они вправе усыновить кого-нибудь, или взять на воспитание. А не заморачиваться репродуктивной физиологией.

Но фундаментальная наука на этом не останавливается: нам кидают лозунг, от которого шесть дыбом и мурашки по коже:

Брак и семья поглощают человека целиком.

Вот так. «Поглощают»: был человек — и нет его больше... Вероятно, в классовой практике так частенько и происходит — и нужен институт семьи господствующему классу во многом для того, чтобы загнать рабов в такие рамки, когда им просто некогда будет мечтать о свободе — под гнетом тяжких проблем семейного быта. Но пропагандировать такую деградацию личности, когда все помыслы сводятся к поддержанию узости и ограниченности, чтобы всеми силами отбиваться от огромного, необъятного мира, — это законченное свинство!

Чтобы людей поглотить сразу и всех — надо поторапливаться: при малейшей возможности — в омут головой! А возможность — дело тонкое: желательно сначала построить свою процветающую фирму (домашнее хозяйство) — чтобы предложить столь же процветающему партнеру взаимовыгодный картель. Не знаем, что видится достаточным основанием автору статьи; у советских это «квартира—машина—дача», а кому-то нужна вилла на море, личный самолет и замок среди элитных виноградников.

Но когда молодые люди встали на ноги, им не следует, если они нашли себе подходящего партнера, надолго откладывать заключение брака.

Оговорок столько, что отбрыкаться от брака не составляет труда: на ноги вставать можно всю жизнь, искать подходящего партнера — тем более (тем более, что решить, кто кому подходит, можно лишь задним числом). Так что если ребята хотят любить, а не жениться, — на здоровье, прокрастинируйте в свое удовольствие.

Фантастическая повесть вульгарного биологизаторства с классовой патриархальностью и мещанской моралью:

Хорошая мать всегда в силах заменить плохую семью

Предполагается, что мать — всего лишь организм, от которого некто отпочковался; приемные матери не в счет — крестные и духовные тоже. Что такое «хорошая мать» — решает главный на малине, под вывеской

«общественное мнение». С другой стороны, предполагается, что семья невозможна без мужика, полновластного главы. Мать с ребенком — уже не семья. Зачем нужно плохую семью (а семья — это всегда плохо) чем-то заменять — нормальному человеку невдомек. Пусть бы каждый сам по себе, как полноправный член общества — а не через навязанных извне посредников...

После столь напряженных занятий «педагогической» наукой — немудрено и забыть, о чем писано в начале статьи, где развод отмечается со всей возможной решительностью. Стоит призвать на подмогу господина филистера — и он быстренько перевернет все кверху как:

Таким образом, и с точки зрения социалистической морали развод не только возможен, но и необходим, если брак достиг той степени разлада, когда примирение невозможно, и потерял свой смысл для всех непосредственных участников и третьих лиц.

То есть, довести до стадии громкого мордобоя, повеселить публику, — а потом разводиться за милую душу! Опять-таки, абстрактные условия допустимости развода — допускают любые оценки «степени разлада» и делают практически неизбежным вмешательство третьих лиц. Но вовсе не тех, что здесь красноречиво подразумеваются. Вероятно, это большая мозоль: дальше — долго и задушевно про секс на стороне.

Сексуальная измена — чаще всего именно это предьявляется как бракоразводный мотив — наверняка примета дисгармоничного брака.

Когда супруги намертво прикованы к совместно нажитой постели — это тюремная гармония. Показательно сращивание права с уголовщиной, жизнью по понятиям: закон вообще ничего не говорит о допустимости или запрете секса вне семьи — но суды (вместо того, чтобы решать по закону) трактуют «измены» как тяжкое правонарушение, фактически аннулирующее брачный договор! По закону — нет у судов такого права. В конечном итоге, автор это чувствует и призывает: ребята, давайте жить дружно! Да, конечно:

Не всегда просто казаться спокойным, а тем более быть спокойным, если человек, которого ты любишь, обманул твои ожидания. Однако житейски умный человек умеет владеть собой.

Не надо превращать любовь в рынок — и требовать «эквивалентного обмена»; тогда базар об «обмане» вообще неуместен. Но классовое сознание не может не заниматься поиском происков — спихивать вину на первую же оказию. Остается держать удар — хорошая мина при плохой игре. В таком понимании, «житейски умный» — это матерый

торгаш или круглый дурак (в любой комбинации). Реальные кореша на подколы не обижаются — а просто подкалывают в ответ. Примите походы налево как должное — как повод для анекдота, а не для мордобоя. Нет брака — нет и измен; похождения на стороне лишь подчеркивают факт существования брака — а значит, утверждают его отрицательным образом!

И третьего участника этих отношений — его или ее — следует уважать как личность.

Заключительная статья сборника (*Любовь, брак и семья в духе социалистического гуманизма*) как бы подытоживает все свинство и мерзость предыдущих. Редкая по концентрации дикости и тупости, по наглости и буржуазности, подтасовка всего, что только доступно, — смесь животности и рынка... Это даже не капитализм — а половой фашизм, ультимативное требование и насаждение патриархальной моногамии как обязательной для всех пожизненной каторги — все остальное напрочь отменяется. Уже заголовок первого раздела:

Один брак на всю жизнь — объективно обусловленная моральная и юридическая норма социалистического общества

говорит сам за себя, заодно выставляя социализм обществом дикарей, послушных рабов. Если и в остальных аспектах идеологии господствует та же линия — у граждан ГДР были все основания с надеждой смотреть на вывешенные вдоль берлинской стены буржуазные конфетки в ярких фантиках. Там хотя бы базар в открытую, и остается хоть мизерный — но шанс. А тут, пожалуйста: *Кодекс законов о браке и семье* — где с места в карьер:

Семья представляет собой наименьшую ячейку общества. Она основывается на браке, заключенном на всю жизнь, и на особо тесных отношениях, вытекающих из эмоциональных связей между мужчиной и женщиной и отношений взаимной любви, уважения и взаимного доверия между всеми членами семьи.

Уж на что советский кобс далек от разума — но здесь совершенно непроходимое болото. Как только семья объявлена «наименьшей ячейкой» — человек сам по себе членом общества быть не может: любые отношения человека с обществом должны быть опосредованы семьей. Поскольку же в этой «ячейке» неизбежно воспроизводится классовое расслоение, речь идет о семейном рабстве, когда одни члены этого микрообщества диктуют свою волю другим. Брак, заключенный «на всю

жизнь», — чудовищная глупость! Тогда развод оказывается началом новой жизни. Эвфемизмы про «особо тесные отношения» — фактически выводят секс из сферы правового регулирования (нет такого понятия в кодексе — и говорить не о чем!); сказки о взаимной любви — вообще пустой звук (впрочем, оно и у советских не лучше). Но на этом гнилом основании — редкая по мерзости тирада о браке и морали:

Законодательство о браке и семье исходит из того, что один брак, заключенный между мужчиной и женщиной на всю жизнь, представляет собой в этом аспекте нормальную и официально признаваемую форму совместной жизни и что пожизненное единобрачие заслуживает одобрения и помощи со стороны государства и общества. Конечно, заключенный на всю жизнь моногамный союз не должен быть лишь формальной внешней связью двух людей, соблюдаемой ими как долг перед обществом. Он должен опираться на длительные чувственные отношения, на взаимное внимание и доверие, равноправные материальные, социальные и духовные взаимоотношения, на общую заботу о детях.

На все лады, снова и снова: «на всю жизнь», «пожизненно»... Для вящей убедительности — поскольку других аргументов нет. Нормальность — это всего лишь официальное признание (хотя ни то, ни другое не имеет ни малейшего отношения к разуму). Без документа — совместно что-либо делать запрещено! То есть, по сути, запрещено жить — ибо человек (разумное существо) не может существовать иначе как в совместной деятельности. Пункт об одобрении со стороны «общества» — прямо натравливает ревнителей морали на инакомыслящих, открывает охоту на ведьм — при полной государственной поддержке. Без обиняков, супружество объявлено «долгом перед обществом». Верх цинизма — требование не просто подчиняться государственно-обывательскому давлению, а еще и радоваться пожизненному сроку, и убеждать друг друга, что иначе и быть не может, раз только об этом дозволено мечтать. Делать правовой нормой «чувственные отношения» — предел дикости. Придется эту чувственность постоянно показывать и доказывать: всем дозволено совать грязные лапы в самые укромные уголки. Кончается все, как и следовало ожидать, грубой экономической необходимостью: дележка имущества и разделение труда, вынужденная забота о детях (только «общая» — по отдельности людьми быть не полагается!)... По поводу равноправия, как нам тут же поясняют, — это шутка:

Брак, существующий в течение всей жизни супругов, приобретает в нашем обществе гуманистический смысл лишь в том случае, если эти

черты семейной жизни существуют реально или хотя бы потенциально, в тенденции.

Глупое наукообразие — чтобы прикрыть типично буржуазный выверт: вовсе не обязательно буквально воспринимать громкие фразы! — пусть все хорошее будет (у вас) только «в тенденции», морковкой перед носом (или конфетками вдоль берлинской стены).

Далее — авторы всей компанией насилуют Энгельса. Он, конечно, иногда сам подставляется — но надо же хоть как-то придерживаться духа и буквы, раз уж взялись говорить о «блестящей, и сегодня не потерявшей актуальности, работе»! А нам нагружают уши:

В социалистическом обществе вместе с уничтожением частной собственности на средства производства отпадает и *экономическое* принуждение к традиционной моногамии.

Насчет уничтожения частной собственности — малость поторопились. Госкапитализм — тоже капитализм. Но насчет принуждения — ворох двусмысленностей. С одной стороны, выделен курсивом отпад только экономического принуждения — не исключая каких-то иных форм (например, обывательской морали и религии). С другой — нас не собираются принуждать к «традиционной» моногамии — зато можно принудить к «нетрадиционной»; поскольку же отличие одного от другого устанавливают власть предержажие — объявить новизной можно что угодно, всего лишь меняя декорации для той же пьесы. Такова подлая сущность всякого реформизма: вместо выдавливания гноя — приукрашивание гнойников. Изобретая какие-то «улучшенные» моногамии — задвигают подальше задачу полного уничтожения семьи (в частности моногамной) как одной из древнейших форм отношений собственности; не истребим семейственность — из нее неизбежно вырастет классовая экономика, во всей неприглядности.

В наше время женщина уже не вынуждена стремиться к нелюбимому мужчине, который мало привлекает ее, но олицетворяет материальную обеспеченность; ей не надо хранить верность нелюбимому мужу для доказательства отцовства ее детей; терпеть внебрачные похождения супруга, потому что этого требуют экономические соображения и общественная мораль; отказываться от совершенствования собственной личности, чтобы не подрывать господства мужа в семье.

И это выдается за «полную свободу при заключении браков», о которой якобы говорил Энгельс! Вспомним хотя бы, что женщина вовсе не «стремится» в семейное рабство — ее силой туда запикивали несколько

тысяч лет (о чем Энгельс, конечно же, упоминает). Фраза насчет «привлекательности» — антиисторичная чушь! В каждую эпоху своя привлекательность; в частности, для буржуазок хороший капитал и деловая хватка — делают привлекательными мужиков, далеких от идеалов альфа-самца или романтического слюнтяя. Помечтать про себя, пофантазировать — это сколько угодно; а замуж хочется — чтобы как за каменной стеной (см. у предыдущего оратора про «защищенность» и необходимость до брака «встать на ноги»; да и сами ниже о том же). Данте обожествлял свою Беатриче — но женился по расчету; если вдруг заинтересовались мнением женщины — то ставили ее в такие условия, когда выгодная партия напрашивалась «сама собой». Если кому-то кажется, что при социализме оно было иначе — разуйте глаза! Здесь неуместны абстрактные оценки («хорошо — «плохо»); это классовая реальность — и классовый человек. Только на этой материалистической платформе имеет смысл обсуждать просвечивающие сквозь дикость искорки духовности — предвестия свободы и любви.

Смешная наивность — «доказательство отцовства». Гляньте в кобс: по закону, дети, рожденные у официально зарегистрированных супругов *автоматически* считаются их детьми — и доказывать придется лишь в случае серьезных сомнений и при наличии достаточных средств, чтобы покрыть судебные издержки и услуги ловкого адвоката. Учитывая, что здоровый образ жизни в классовом обществе стали пропагандировать лишь недавно (в качестве продвижения товаров и услуг), — внешность ребенка совершенно не аргумент. Так оно оставалось на протяжении многих веков: интрижки становятся поводом для скандала лишь там, где есть шанс отхватить лакомый кусок, перетянуть на себя одеяло.

Терпеть внебрачные похождения супруга женщине по любому придется — если в одиночку она детей не вытянет (а на государство надежды ноль). Зверства «общественной морали» обнажают и советские теоретики, и соцстрановские: проще терпеть мужа на стороне, чем травлю со стороны соседей, знакомых, или заправил семейного клана. Про отказ от «совершенствования собственной личности» в угоду интересам мужа — далеко ходить не надо: см. выше «медицинские» суждения о том, что современной женщине работать не следует — лучше мужика как следует ублажить. Если такое пишут в официальной (прошедшей цензуру) публикации — что говорить о массовой «морали»!

Большинство населения вступает, следовательно, в брачный союз и, несмотря на те или иные конфликты, сохраняет его чаще всего на

протяжении всей жизни, хотя традиционное экономическое принуждение к моногамии на всю жизнь в значительной степени отпало.

Так «традиционное» — или «экономическое»? Видимо, и то, и другое. Вышеприведенная цитата из немецкого кодекса — это оно и есть, прямое и косвенное принуждение...

Можно утверждать, что основное связующее начало в браке в социалистическом обществе составляет любовь. Но что же мы должны понимать под этим словом?

Здорово! Сначала милостиво разрешаем людям любить друг друга (даже в браке — хотя без него сподручней); потом тут же перечеркиваем надежды: под любовью следует понимать не любовь, а указания сверху (мы «должны» понимать правильно!). Тогда, конечно, можно что угодно утверждать. Чем авторы бессовестно пользуются, преподнося публике образец махрового эмпирионатурализма:

Поскольку человек является существом как общественным, так и биологическим, естественно, соответствующие влечения и стремления оказывают сильное влияние на его чувства и мнения в течение длительного периода жизни. Природа наделила человека способностью оргазма — достижения сильнейшего наслаждения при совершении полового акта. Подлинно человеческое сексуальное партнерство перерастает, таким образом, в социальное: по своей сущности оно направлено на то, чтобы давать наслаждение *друг другу*.

Оно не заключается в чисто механическом акте *эгоистического* удовлетворения влечения, а дает возможность сладострастного удовлетворения влечения *двух* людей. Это совершается благодаря тому, что *оба* партнера, движимые чувством и желанием, стремятся дать радость *друг другу* и тем самым *самому себе*.

Тут что ни слово — перл воинствующего идиотизма. С ходу записали человека в животный мир — «существо биологическое». Тогда можно разводить про «естественность»: дескать, в основе всего (по крайней мере длительное время) — «соответствующие влечения и стремления»; это, так сказать, фрейдизм наизнанку: у Фрейда общественное в человеке по-иному окрашивает биологические отправления — а здесь личность выводят из биологии. Привычка изъясняться вульгарными эвфемизмами — из той же филистерской морали, которую авторам так хочется насадить вместо культуры. Но назвался зверушкой — не говори, что не дуж! Оргазм — это, оказывается, дар природы, мистическим образом превращающий копуляцию в «социальное партнерство» (любимый слоган капиталистической пропаганды), — и

никакая экономика тут вообще ни при чем! Движущая сила истории — стремление «давать наслаждение друг другу»! И это у них называют марксизмом... И это они называют любовью.

Позвольте поинтересоваться: с чего ради сексуальные партнеры вдруг воспылают интересом не к своим половым органам, а друг к другу? Вон, зверушки всех мастей партнерствуют миллионы лет — так хоть бы у кого прорезалась гражданская ответственность в форме посещения загса! Выходит, не физиологические процессы становятся социальными — а наоборот, общество меняет физиологию таким образом, чтобы поставить ее на службу общественному производству, а через это и развитию духовности. Трахать жену (или проститутку) без любви — обычное дело; только высочайшая культурность делает секс продолжением духовного общения, половой любовью.

С другой стороны, партнеры бывают разные — иногда вообще без пола (хотя, конечно, целомудрие немецкого писака не выдержит наблюдений за играми собак и прочих развратных существ). В конце концов, почему нельзя «дать радость» самому себе? — тем более сегодня, когда на это работает индустрия секс-игрушек и порнофильмов (включая элементы «дополненной реальности»). Это очень даже «дает возможность сладострастного удовлетворения» (и многие вообще не хотят связываться с какими-то партнерами). Что же тогда — с самим собой в брак вступать? Опять же, если таки есть повод влиться в коллектив — можно и больше двух: наслаждения при этом могут быть острее — хотя, конечно, на вкус и секс никакие сапоги не пара.

Если серьезно, имеет смысл поинтересоваться происхождением оргазма у людей — поскольку биологическая наука, вроде бы, указывает на отсутствие чего-либо столь же грандиозного у животных. И тогда мы сразу приходим к прямо противоположной картине: не оргазм рождает любовь, а наоборот, возможность оргазма появляется по мере развития собственно человеческого (духовного) общения, выходящего за рамки производственных нужд. Оргазм — такой же продукт деятельности, как и любые другие перестройки органических процессов под влиянием общественных связей (движение руки, речевой аппарат, изменение динамики нервных процессов). Органике оргазм не нужен. А у человека существуют аналогичные явления, весьма далекие от постельной жизни. Например, творческий экстаз, вдохновение. Или стремление к идеалу, жажда переустроить природу и общество на новых, более разумных принципах. Эти порывы (как и оргазм) не только не обеспечивают

устойчивости метаболизма — но иногда и полностью разрушают его, ведут к гибели. А в условиях классового общества — могут проявляться и как коллективизм, мотив для образования устойчивых общностей (аналогичных семье); такие формы лишь отчасти способствуют духовному росту — и очень скоро начинают его тормозить (подобно всяческой семейственности).

Говоря о механизме бурных эмоциональных всплесков, можно провести аналогию с усилением слабых сигналов в физических приборах (триггеры, фотоумножители, счетчик Гейгера, лазеры). Коллективные эффекты приводят к тому, что единичное событие вызывает мощный резонанс, лавину других событий; чтобы это стало возможным — среда должна быть выстроена определенным образом, сенсibilизирована; именно такую преднастройку обеспечивает далекое от утилитарности человеческое общение. В любви люди проникаются друг другом — и малейшее духовное движение у одного тут же вызывает отклик у других, что создает сильно положительную обратную связь и превращает обычные реакции во взрывные. Поэтому оргазм у людей зачастую не требует копуляции как таковой — и наоборот, типичная проблема сексуально равнодушных — отсутствие оргазма даже при очень долгой стимуляции.

Как только мы связали оргиастические состояния с движениями духа — становится понятным резко отрицательное отношение церкви к сладострастию. Начальство вполне удовлетворилось бы животным сексом у рабов — не предполагающим никакой духовности. Делать детей можно чисто механически — и даже без секса, путем сдачи семенного материала. Если у низов отмечается продвинутый интим — это верный признак, что какие-то элементы классовой иерархии вышли из-под контроля и вся махина рискует рухнуть в любой момент. Вот вам и общественная функция классовой морали, религии и права: борьба с разумом во всех его проявлениях, в любых сферах бытия.

Вернемся к поборниками сладостей в паре. Попытки припутать Энгельса не блещут результативностью — и бьют рикошетом по возделенной моногамии. Авторы поясняют, что Энгельс якобы понимал под половой любовью:

Это понятие подразумевает не только взаимное физическое наслаждение партнеров, получаемое в половом акте, но и вообще чувственные отношения между ними, которые одновременно предполагают и обуславливают получение наслаждения.

Но человеческая чувственность все стремительнее расширяется, она бесконечно разнообразна — и место половой любви в этой вселенной уже теперь совершенно ничтожно. Человеческими наслаждения бывают только у людей; утонченная чувственность — другая сторона широты культурного кругозора, и современному человеку уже недостаточно формальных отношений — важнее творчество, выход за рамки любых стандартов и норм.

Однако при такой половой любви или основанного на любви пожизненного полового партнерства нет необходимости в пожизненной моногамной связи по закону, о чем свидетельствуют факты добрачных или не зарегистрированных по закону отношений. К этой связи не следовало бы и стремиться, ибо известно, что половая любовь мужчин и женщин не всегда направлена на одного и того же партнера.

Спишем странности грамматики на неловкость переводчика. Но здесь нам недвусмысленно показывают, что брак и любовь не только не предполагают друг друга — они противоположны! Нет необходимости в пожизненном заключении — ни по закону, ни без! И стремиться в семейное рабство разумному человеку, конечно же, не следует. Это, кстати, раздвигает границы жизни: мы уже не связаны телами каких-то зверушек — и можем любить через века. Но буржуазный теоретик не в состоянии представить себе ничего кроме рынка, товарного обмена, который буржуи объявляют (конечно же) «естественной» потребностью, а следовательно, уже не человеческой.

То, что мы называем любовью на всю жизнь, состоит безусловно, не только в основанном на чувствах сексуальном партнерстве. Сюда присоединяются связи, основанные на чувстве и сознании, имеющие отчетливую социально-психологическую ориентацию: например, желание индивида получить от другого человека неограниченное признание и заботу и дать ему в свою очередь такое же интимное и полное признание. Эта естественная человеческая потребность может быть лишь отчасти удовлетворена в таких сферах деятельности, как, например, работа на производстве, преподавание или культурная деятельность. Поэтому человек ищет интимного социального единства там, где он будет во всем понят и оценен, где он сможет без прикрас раскрыть свои личные качества, где ему открыто коммуникативное поле, свободное от всякого рода табу.

Рыночная «любовь на всю жизнь» — логическое противоречие. Для рынка нет ничего «святого» — он разрушает любые связи, если на них уже нет возможности наварить. Как только мы начинаем мыслить в

категориях «получить — дать», на горизонте маячит неотвратимый кризис. В любви человеку безразлично, кто кому и что дает; в ней не бывает равенства, «эквивалентов», — есть тождество, неразрывное единство, где просто невозможно ни брать, ни отдавать — поскольку каждый из любящих уже и есть все, в полном объеме.

Разговор о приукрашивании — это из области рекламы. Тогда «интимное социальное единство» есть разновидность картеля: за счет теневых договоренностей, участники упрощают движение активов внутри группировки — и в частности экономят на рекламе, — что дает монополии рыночные преимущества перед прочими игроками. То есть, на публике надо соблюдать приличия — а дома можно быть свинья свиньей. Легко видеть, что в экономическом плане это возврат от свободного рынка к рабству — на этот раз семейному. Семьи современных богачей в большей степени сохраняют рыночный характер: их члены могут быть относительно независимы (как члены картеля); семьи низов — беспросветная кабала.

Если все это вывернуть наизнанку, истребить логику «ты мне — я тебе», за уродскими формулировками обнаруживается и здоровое зерно. Классовое общество препятствует духовности человеческих отношений, навязывает формальность и взаимную отчужденность. Чтобы сохранить в себе человека — надо отгородиться от внешнего давления, выставить против него такую же формальную силу, — и пока одна грязь воюет с другой, получить передышку, укрепить дух. Как лесной пожар гасят встречным палом. В этом смысле возможно говорить о браках по любви. Да, семейная любовь — это рыночно извращенная форма; в этом разрушительном огне легко спалить себя. Но разум не вне этого мира — и он использует каждую возможность для вытеснения дикости и накопления зацепок для человеческой культурности. Точно так же, идеи материалистической философии духа проникают (хотя и в извращенной форме) в писания буржуазных «мудрецов»:

Такое социальное единство часто возникает на основе половой любви двух людей, которая представляет собой отношения полного взаимного понимания, проникновения и доверия. С такими отношениями, отчетливо проникающими в социальную сферу, тесно связаны взаимный душевный подъем и духовное развитие.

Здесь все наоборот: не любовь «проникает в социальную сферу» — наоборот, общественная сущность человека проявляется как любовь (например, половая), главный механизм личностного развития.

Поэтому человеческая сущность получает в половой любви прочный фундамент для общности двух людей, их взаимного признания во всем и взаимного духовного обогащения.

Про обогащение — это из рынка. Однако прочное «сообщничество» ни по какой логике не предполагает брака:

Но и для такой высшей формы любви между двумя взрослыми равноправными людьми совсем не обязательна пожизненная моногамная связь. Такая любовь может существовать и без юридически оформленной связи, строясь только на личном согласии, и во многих случаях она существует в действительности.

Даже идиоты вынуждены отступить перед фактами! Любовь есть — и она свободна. Было бы личное согласие — и экономическая база. По большому счету, число два — тоже не указ. Тут авторы ужасаются собственной дерзости — и начинают изворачиваться:

Подлинный смысл нового содержания моногамного брака выступает только в том случае, если наряду с физиологическим, социально-психологическим и духовным аспектами принимается во внимание основная функция брака и семьи, а именно воспитание детей.

И это «новое содержание»??? Маски сняты! Семья — репродуктивный конвейер (для бедных) или механизм наследования (у кого есть, что наследовать). Но при чем здесь моногамия? Детей плодить можно и без семьи, и в публичных домах. Воспитывать — в приютах. Денежки передавать — по завещанию. Короче — вариантов тьма! Однако бездетные семьи — красная тряпка для филистерской морали.

Конечно, благодаря успехам медицины сегодня существует возможность любви между мужчиной и женщиной без появления ребенка.

Такая любовь существовала во все времена — и решает здесь вовсе не медицина. Мужчина и женщина могут обойтись без физиологии — что уж говорить об остальных ликах любви!

Но всегда там, где зарождается новая жизнь или есть желание иметь ребенка, указание Ленина на интересы общества сохраняет всю свою актуальность и обязательность.

Имеется в виду якобы сказанное в беседе с Кларой Цеткин:

Но в любви участвуют двое, и возникает третья, новая жизнь. Здесь кроется общественный интерес, возникает долг по отношению к коллективу.

Ленин позерствует перед дамой — и несет всякую чушь (об этом подробнее в соответствующем месте). В принципе, фразу можно понять

как призыв не делать детей без оглядки — учитывать собственные возможности и задачи момента. Тогда уместна оговорка немецких авторов: там, где есть желание иметь ребенка (тоже, между прочим мерзость: это же человек, а не имущество!). Но вульгарное фразерство удобно подпилить — как и «блестящую работу» Энгельса:

Дело в том, что, несмотря на возрастание роли общественного воспитания в яслях, детских садах, школах, группах продленного дня и т. п. психологически полноценное руководство и воспитание детей до определенного возраста без родителей практически невозможно.

Ой ли? Если «руководители» и «воспитатели» сплошь «психологически неполноценны» — тогда конечно. А если родители тоже такие?

И тогда единение двух людей в половой любви, в других случаях расторгимое без особого вреда для общества, превращается в социально значимый институт, который делает необходимым официальный союз обоих партнеров перед обществом и государством.

То есть, если само не клеится — будем соединять насильно. На веки веков. Чтобы было не расторгимо «без особого труда». Выходит, что человеческая любовь — не является «социально значимой»; классовое общество придает значение только тому, что допускает эксплуатацию человека человеком — например, в форме «полового партнерства». Такие отношения значимы для господствующего класса — это его право. Когда функция принуждения делегируется государству — она вовсе не утрачивает эксплуататорский характер: государство — инструмент классового господства. Поэтому «официальный союз» (как и другие институированные формы человеческих отношений) — выражает не важность чего-то для общества в целом, а всего лишь классовый диктат, способ ограбления масс правящей верхушкой. В данном случае — речь о воспитании детей, платить за которое (создавая не «психологически», а экономически полноценные условия для полностью общественного воспитания) буржуи не собираются — и тем самым тянут деньги из народного кармана.

Понимание супругами этой главной общественной функции брака создает дополнительные моральные нормы, которые придают моногамной связи еще большую прочность.

Здесь сквозь маску субъективизма проступает волчий оскал капитала. Оказывается, «понимание» — это просто покорность, которую власти собираются культивировать не только прямо, силовыми (правовыми) средствами, — но и косвенно, насаждая зверскую морали, пресекая

всякие поползновения обрести свободу. Моногамия тут ни из чего не следует — это требование от фонаря (потому что верхам так удобней). В других странах точно так же регулируют полигамный брак — а в очень продвинутых буржуинствах в законе целый зоопарк «нетрадиционных» семей, никаким боком не похожих на буржуазную моногамию XIX века.

Таким образом, брак заключенный на всю жизнь, оказывается в социалистических странах социально необходимым институтом, относительная стабильность которого вытекает из комплекса разнообразных факторов.

Как мы видели, фактор только один: желание господ вечно сидеть на шее у рабов. Мы также видим, что якобы социалистические страны далеко отстали от передовых капиталистических держав — что социализмом называется недоделанный, полуфеодальный капитализм. Всяческие «гуманисты» — критикуют капитализм не с точки зрения будущего, а из прошлого, из стана закоренелых крепостников: дескать, раньше порядок был — и заботились баре о своих людишках, обеспечивали им «защищенность» под барским крылышком... Гуманизм (в том числе «социалистический») сводится к призывам строить «капитализм с человеческим лицом» — эклектическую смесь рыночной экономики и феодальной иерархии. Апологеты крепостного брака выдвигают в качестве оснований букет дичайших суеверий (которые они же в массах и воспитали).

Во-первых, моногамия и стабильный брак представляют собой наилучшее социальное единство для рождения, психологического руководства и воспитания детей;

Полная чушь! Семья уродует ребенка, учит быть против всех «чужаков», воспитывает антиобщественные склонности, подрывает способность общаться с другими как с людьми, а не рыночными конкурентами или партнерами. И самое главное — семья воспитывает забитых рабов, не знающих вкуса свободы и даже не помышляющих о мире без цепей.

во-вторых, это важный источник экономической и социальной надежности, защищенности;

От кого защищается семья? От людей — от разума. Круговая порука никогда не обеспечивала «экономической и социальной надежности»: это союз зверей, а не людей — скорпионы в банке, готовые в любой момент сожрать друг друга (но на публику — показное благообразие).

в-третьих, такой брак — социальное единство для выработки правильных норм межчеловеческих отношений;

Правильных для кого? Почему люди должны тупо тянуть общую лямку, а не творить сами себя, сознательно вырабатывая приемлемые для них принципы (но не «нормы»!) человеческих отношений? Классовая подоплека тезиса — отрицание классовой борьбы, априорное признание спущенных сверху норм единственно правильными и вечными.

в-четвертых, это свободное от табу поле коммуникаций, важное для общественной жизни в целом;

То есть, обществу важно воспитывать законченных подлецов: на людях такие соблюдают приличия — но дома они «свободны от табу» и могут распоясаться как угодно. Когда хозяева разрешат хамство по отношению к неуютным ему элементам (диссидентам, конкурентам, вражеским нациям) — слуги уже готовы оттянуться по максимуму, теряя даже подобие человеческого облика. С другой стороны — людей приучают к вечным табу: дескать, это норма общественной жизни, иначе нельзя!

в-пятых, брак — это идеальная социально-психологическая структура для взаимного духовного подъема

Предполагается, что читатель уже забыл, что несколькими страницами выше это говорилось не о браке, а о *любви* — которая вовсе не требует брака (тем более моногамного и на всю жизнь).

и, наконец, в-шестых, брак — это форма реализации в течение длительного времени в достойных человека проявлениях сексуального влечения и потребности в признании.

А внебрачная любовь — грех-с! Недостойное добропорядочного буржуа проявление чего бы то ни было. У кого денег не меряно — тем, конечно, все дозволено. Остальным — даже платонически любить вредно. Чисто феодальная накладочка с «потребностью в признании»: это для рынка важно себя рекламировать, выставлять в выгодном свете перед самой широкой публикой; «гуманисты» ограничивают признание только узким кругом: даже на мгновение возжелать признания общественного — все равно что прелюбодействовать, освободиться от семейных цепей; такие порывы могут слишком далеко завести!

По недосмотру (вероятно, утомившись от беспардонной брехни), авторы цитируют Германа Канта (роман *Империя*):

Подходить друг другу означает также знать об опасностях совместной жизни, из которых самая страшная — наждачный камень привычки. Сначала он стирает мешающие неровности, но затем приходит гладкость, ничто более не захватывает, нет никакого трения, никакого

тепла, никакой электризации. Расслабленное состояние, скука, жизнь вдвоем лишь для вида. И если все пойдет хорошо — наступит разрыв, а если плохо — будет золотая свадьба.

Здесь все против брака — даже «гражданского». Не устраивать дурацкие «ячейки» — а общаться по-человечески, как одно разумное существо с другим. Без запретов, без правил и норм. Свободно. Только тогда людям ничто не мешает «подходить друг другу» — быть друг другом, любить.

В качестве бурного финиша — попытка изобразить из себя больших диалектиков. Дескать семейная жизнь исполнена противоречий...

1) Дети — это и радость, и жертвы.

И то, и другое — от дикости, от недоразвитости. Почему надо радоваться зверушкам собственного изготовления — а не всем прочим? Почему не сделать этот продукт полностью общественным? — чтобы не глупо радоваться, а работать по плану. Соответственно, если растить детишек всем вместе, а не в клетках, — ни о каких жертвах и речи нет.

2) Для любви необходимо познание другого — но оно открывает и его недостатки.

В любви неуместны никакие оценки — это не рынок! Нет в ней ни достоинств, ни недостатков. Точно так же, отстраняться от любимых, делать их внешним объектом (предметом познания) — значит, убивать любовь. Мы любим не «другого» — мы в наших любимых, а они в нас.

3) Направленность на взаимную духовную помощь и стимулирование приводит к изменению «социального престижа» партнеров — и один отстает от другого.

А это, пардон, артефакт семейственности! Когда человек в полной мере, напрямую становится членом общества (а не через посредство каких-то коллективов), ему вообще не нужно никакого «престижа» — его в культурном целом никем не заменить. Но и в любви люди напрямую становятся друг другом — и достижения одного есть непосредственно достижения другого; откуда возьмется конкуренция? Но если между людьми воздвигнуть барьеры семейных ролей («обязанностей»), и отделить внутрисемейное (антиобщественное) от общественного — противоречия тут как тут, перерастают в конфликт, в семейные разборки и размывание границ семьи; отсюда еще одно противоречие:

4) В браке неизбежно возникает объективная тенденция к внебрачным сексуальным связям. Она настолько сильна, что за тысячелетия существования моногамии никогда не удавалось ее устранить.

Ребята, учите логику! Даже не диалектическую, а заурядно-школьную. Как только мы отделяем то, что в браке, от того, что вне брака, — это автоматически означает существование чего-то внебрачного (хотя бы в качестве тенденции). Будут это сексуальные связи, пиво с корешами или трудовой энтузиазм — никакой разницы. Это обратная сторона брака (не только моногамного) — и никакой силой одно от другого не отодрать.

Означенный список — форменное издевательство над диалектикой. Вечные и неизменные противоположности, без единого намека на переход одного в другое. Тем более не предвидится разрешения, снятия противоречий: в болоте на все времена.

В качестве иллюстрации к пункту о неверности — берлинская и американская статистика: налево ходят примерно четверть жен и около сорока процентов мужей. Причем у молодежи чаще — и темпы эмансипации женщин растут. Как вы полагаете, какой из этого можно сделать вывод?

Это может означать, что в ГДР исчезают различия между полами, а у молодого поколения они вовсе не отмечаются.

Поставить памятник. За недостижимые высоты теоретической мысли, маразма и черного юмора. Исчезновение различий между полами — очень круто. Вероятно, оно так и должно быть в мире, населенном только роботами, — но мы проглядели, когда оно таки свершилось.

После этого продолжение заигрываний с диалектикой уже не впечатляет. Ну, тянут верность и привычка брак в разные стороны — дело житейское... А дети, дескать, скрепляют брак пока маленькие — но делают его бессмысленным, когда выпорхнут из-под родителей, сами обзаведутся хозяйством и потомством. Если отношения людей держатся только на производственном плане — может, и не надо лезть в кустари, а лучше воспроизводить население индустриально? Страдания от пустоты — сродни известному синдрому *post partem*. Пережиток собственнического отношения друг к другу. Животность, возведенная в культурный канон.

Как положено по социалистическому уставу — несколько страниц на критику буржуазных теорий. Хотя критикой это назвать трудно — сплошная солидарность. Например, с концепцией Освальта-Коле: раскрепощение половых отношений (но без брака таки нехорошо!) в связи с прогрессом в противозачаточных средствах ведет к уменьшению количества неврозов, проистекающих от страха перед нежелательной беременностью. Пристальное внимание к персоне Десмонда Морриса

(автора *Голой обезьяны* — глупейшей книги всех времен и народов) можно понять: авторы ближе к началу подхватили и углубили моррисовскую трактовку оргазма — объявили первопричиной общества и культуры. Моррис для них недостаточно радикален:

Конечно, любовь включает в себя влечение. Чувственное влечение — важнейшее условие для любви двух людей: мужчины и женщины. Однако, как показывает действительность, оно еще не гарантирует стабильности брака и семьи. И хотя итог — дарить радость друг другу — вытекает, как известно, из чисто биологических факторов, стабильность такого сложного явления, как брак, не может опираться только фактор влечения.

То есть, кайф должен быть не от секса — а от простановки штампа в паспорте; хотя радости людям дозволены только физиологические («из чисто биологических факторов»), оргазм таки не может увековечить рабство — и требуются средства покруче (нагайка права и морали).

Полностью присоединившись к обывательским представлениям о неотделимости брака от ревности (см. выше о «тенденции» леваков), авторы и здесь усматривают вечную и неизменную «диалектику»:

Нормальному браку, естественно, присуща определенная, индивидуально различная степень взаимной терпимости. И все же ревность, вернее, связанные с любовью некоторые взаимные притязания брачных партнеров, невозможно изгнать из мира. Это объективное противоречие, которое не может быть разрешено с помощью патентованных средств.

Завуалированное признание неистребимости классовых обществ, с их собственническими инстинктами. А человеческая любовь выше всего этого — и нет у не никаких притязаний.

В конечном итоге все опять возвращается к экономике. Больше в качестве курьеза — теория Хафнера: «брак на время», «сексуально-экономическое самоуправление». Нельзя же, в самом деле, отрицать обязательности брака на всю жизнь! Шведский опыт межсемейной кооперации («большая семья») — соединение нескольких пар на почве общего хозяйства и совместного воспитания детей. Нечто подобное было и в Советском Союзе (например, в Свердловске). Аналогичные течения есть и во французской глубинке. По факту, такие коммуны — прототип экономики нового образца, демонстрация возможности перерастания семейственности в общественность. Утопии долго не живут — они перерождаются, пропитываются классовым духом, прогибаются под рынок.

Вне всякого сомнения, корни концепции такой семьи возникают из социальной неуверенности, порождаемой системой позднего капитализма.

Нам на вас смешно! После долгого базара про «защищенность» — валим с больной головы на не самую больную. Все равно что осуждать Оуэна за поставку продукции его общинников на английский и американский рынок.

Еще одно неприличное начинание — студенческие «коммуны», совместное проживание студентов и студенток. Своего рода групповой брак — и в каком-то смысле шаг вперед по сравнению со шведами. Но точно так же, как переход от картеля к тресту приводит к восстановлению рыночной конкуренции в укрупненном формате, — буржуазное право поглощает богемные сообщества, придавая им контрактный статус; семья — лишь частный случай юридического лица.

Болгарский PS

К вышесказанному, вроде бы, уже и незачем что-либо добавлять. Но обнаружился еще один конспект — и придется изображать научную добросовестность. Конечно, никакую науку мы тут наводить не собираемся — а в писаниях соцстрановских пропагандистов ее отродясь не было — но на гносеологии свет клином не сошелся, и полезно иной раз пообщаться просто так, чтобы взглядом погладить — или выпустить пар. Добавляем гудок — и поехали.

Перемесимся на крайний юг социалистического реализма, в солнечную Болгарию — и откроем книгу (вряд ли кому известной) Маргариты Мартыновой *Почему мы развелись* (1984). Неизвестность автора никак не влияет на общеизвестность текстуальных банальностей: на 142 страницах вряд ли отыщется лучик южного солнца. Ну да ладно, что есть — и на том спасибо.

Название сразу намечает идейность позиции: семья — превыше всего, а развод — бяка. О чем авторша (надо отдать ей должное!) честно и откровенно предупреждает на первой же странице: цель книги — «чтобы дело не дошло до развода». Остается только убедительно объяснить, зачем и почему. В качестве аргументов — анекдоты из болгарской судебной практики. Дескать, давайте приглядимся к тому, как разводились другие, — авось, самим уже не захочется:

Иногда человек, разобравшись в мотивах поступков, совершенных другими, успевает предотвратить подобный шаг в собственной жизни.

Товарищ явно недопонимает. Деятельность и ее мотив — не ходят друг без друга: это разные выражения одного и того же; то есть, при наличии мотива — будет и соответствующий поступок, и никакими познаниями не отвратить. Чтобы чего-то не было — надо сделать так, чтобы это было не нужно. То есть, менять жизненный уклад, перестраивать культуру, — то, чем и должен, по логике, заниматься всякий разумный человек. А нам опять впаривают замшелый субъективизм: недолговечные браки среди болгарской молодежи — «результат легкомысленного, непродуманного, поспешного решения серьезного вопроса». Если на то пошло, будешь долго думать — вообще не женишься, и замуж не пойдешь! Дурное это занятие, по здравому размышлению...

Традиционное возражение: ну как же? ведь «семья — это основная ячейка общества»! То есть, о существовании классов, сословий, рас и блатной дележки — предпочитаем (подобно прочим «марксистам») наглухо забыть; иначе пришлось бы признать, что существовать семья может только в условиях общественного неравенства — и на каждом уровне культурного развития воспроизводит это неравенство (для чего, собственно, она законникам и нужна).

Коль скоро семья объявлена «нашим всем» — всякий гражданин обязан устремляться в узы брака всеми фибрами своей души, особенно «в социалистическом обществе, целью которого является всестороннее удовлетворение потребностей людей, личное счастье отдельной личности»... Насчет удовлетворения — это, конечно, перебор; согласно классикам, пока у нас нет надлежащей материальной базы, задача стоит куда более скромная: обеспечение по труду, подготовка перехода к бесклассовому обществу. А «личное счастье отдельной личности» — тоже не по-людски: суть как раз в том, чтобы не надо было ни от кого отделяться и отгораживать свое маленькое счастье от всех остальных. В частности, странно ограничивать личное кругом семьи: мало этого разумному существу — ему нужна вселенная целиком; мы ко всему причастны, мы умеем творить миры!

Как водится, пару-тройку страничек надо посвятить тов. Энгельсу, который якобы указал на различное понимание термина «семья» в разные эпохи. Но тут промашка: вслед за буржуазным историком Морганом, марксист Энгельс говорил об исторических формах *семьи* — а вовсе не об эволюции ее *идеи* (которая как раз всячески оберегается от материалистических посягательств — вплоть до натяжки этнографии под консервативные обывательские представления). То есть, изначально

признается, что семья была во все времена и всегда будет — и давайте называть семьей что попало (независимо от реальных общественных связей) — считать различные культурные образования формами одного и того же. О научности такого подхода — умолчим для приличия.

Задерживаться на скользких идеологических тонкостях мадам не хочет — и быстренько переводит вопрос в нравственную плоскость (то есть, речь о плоской нравственности типового буржуа — филистерской морали). Новаторство Мартыновой состоит в переводе марксизма на язык дамских романов — что местами уводит ее от Энгельса, ну, очень далеко. Для начала, заклеить коммерческие корни буржуазной семьи:

Сам по себе такой брак безнравственен, потому что при его заключении нет свободного волеизъявления сторон.

Ни много ни мало — признание существование идей самих по себе, безотносительно к общественно-историческому контексту. Тогда как нравственность своя в каждую эпоху, и при капитализме именно любовь как *повод* для брака (остающегося сугубо экономическим отношением) есть совершеннейшая безнравственность. Ладно. Но пассаж о свободном волеизъявлении — это вообще перл... Брак выставлен как сделка; нравственность приравнивается к деловому партнерству. Если подпись ставят под давлением — это формально законно, но безнравственно; взаимовыгодное сотрудничество, эквивалентный обмен — вот наш идеал! Но задумаемся: люди поставлены в такие условия, когда они вынуждены противостоять друг другу как «стороны», — это про любовь? Когда что-то «заключают» — «стороны» становятся уже не свободными людьми, а заключенными! О какой свободе можно тогда говорить? Про добровольность — еще куда ни шло; но и тут трезвому сознанию невдомек: а почему надо обязательно «изъявлять волю»? — почему нельзя просто общаться, не вовлекая в это какие-либо сторонние инстанции? Вместо этого — обязанность сесть под замок дополняют правом пересест в другую камеру:

Нравственным становится только брак, основанный на любви, в противном случае он уже по сути не является браком и должен быть расторгнут.

У Энгельса [21, 84–85] про другое; но слова о «сути брака» — это гениально! У чисто правового отношения (брака), оказывается, есть еще и неправовая (поскольку любовь ни в какой кодекс не впишут) «суть», которой отдан безусловный приоритет при определении законности сделки — вплоть до аннулирования договорных обязательств. Прямо-

таки революция в теории фиктивного брака. Отнесите это к рынку вообще — и мировая буржуазия цепенеет от мистического ужаса: вместо всем понятных (несмотря на нарочитую запутанность) правил игры — диктат некоего мирового духа, которого (в той же стилистике) можно было бы назвать «порядочностью», или (купеческой) «честью». Все «нечестные» сделки — автоматически расторгаются, потому что они уже не являются сделками «по сути». Но и этого мало! Оказывается, похерить договор можно в одностороннем порядке — просто потому, что он лично меня больше не устраивает:

... к браку в социалистическом обществе стали предъявляться более высокие нравственные требования. Это означает, что каждая сторона может расторгнуть союз, если другая окажется недостойной его.

Классика женской логики: он меня недостоин — катись колбаской! Бабья психология, прикрывающая животные позывы высокопарными словами. Инстинкт собственника, погоня за прибылью. А в итоге? Полный хаос: никто никому ничего не должен — и ни законности, ни правозащиты... Пойдут разборки по понятиям — борьба мафиозных группировок. В общем, возврат от капитализма в глухое средневековье. А вовсе не социализм, и не коммунизм.

Фишка в том, что свобода развода напрямую вяжется с наличием достаточных для разведенной жизни средств и общественных условий. Собственно, так и относятся к сделками завязтые рыночники: если от разрыва контракта мне светит 200% профита — гори оно все ярким пламенем, и я даже неустойку готов заплатить! У болгарской дамы понятия вывернуты наизнанку:

Во многих случаях конфликты рождаются от несоответствия между материальными возможностями и тем образом жизни, к которому стремится человек.

Дескать, мы сговорились на 10% дивидендов — а в другом месте мне предлагают 100%, и сердце мое не камень... Сладенькая буржуазная формулировочка — штамп западной пропаганды.

Так, например, причиной конфликтов иногда служит недостаток жилой площади. Невозможность на сегодняшний день предоставить всем желаемую жилую площадь, что приводит к совместному проживанию семей двух-трех поколений, придерживающихся различных систем нравственных ценностей, чревата конфликтами.

Вместо «иногда» — следовало бы сказать: всегда. Факт необходимости проживания под одной крышей (или в одной вселенной) — это уже

серьезное ущемление личной свободы, без которой не бывает любви. Соответственно, «желаемое» для свободного человека — это уже не квадратные метры, а кубические мегапарсеки, как минимум... Плюс то, что вообще не измеряется ни в каких единицах, — личное пространство и время. Но у Мартыновой все приземленнее: дело, оказывается, вовсе не в экономике, а в нравственных ценностях, которые почему-то вдруг оказываются различными (особенно у разных поколений — явно о своем, наболевшем). Иначе: если мы сумеем привести нравственность к единому для всех знаменателю — то никаких конфликтов быть не может, и на одном квадратном метре запросто уживаются десятки человекообразных — как еноты спят вповалку, — или как черти на острие иголки. Вывод: не экономику поднимать надо — а крепить нравственные устои! Как юморная советская фраза: «преобразования в интересах трудящихся»; в смысле: интересоваться — чем положено!

Конечно, есть и другие дефициты: нехватка детских учреждений, отсутствие эффективной «сети по надзору за детьми» (пока родители на работе), мало удобных и дешевых столовых и ресторанов «с высокой культурой обслуживания»... А раз уж ни сна, ни отдыха измученной душе — «конфликты возникают и в межличностных отношениях». Особенно бурную реакцию вызывает «пренебрежительное отношение к женам»: тут и стремление «утвердить свое равноправие в семье», и добиться «справедливого распределения семейных обязанностей»... Глупая борьба за *равноправие* вместо действительного *равенства*. Результат — бессмысленная нервотрепка, семейные сцены, и в финале заявление на развод. Болгарская специфика — обостренный феминизм, обратная сторона патриархальной недоразвитости семейных отношений, господства средневековых (в том числе исламских) традиций. Развод как бунт против системы — неотъемлемая часть системы.

Уже в самом начале семейной жизни ответчик меня разочаровал. Он почти не уделял мне внимания. Редко соглашался пойти со мной куда-нибудь. Проводил время в своей компании, возвращался домой поздно.

Когда с самого начала муж становится «ответчиком» — это клиника. Сплошное разочарование. Хотели плюшевого мишку — чтобы всегда там, куда засунули, — а тут какой-то монстр, гуляющий сам по себе! Какие могут быть свои интересы? — и тем более свои компании? Записался в семью — значит, собственность глупой бабы (у которой интересов нет — и ходить с ней просто не интересно). Человек пытается оставаться нормальным — она его пилит — нормальная реакция

перетекает в гипертрофированные формы — супруга обижаются и подают на развод по причине романтической разочарованности (прямо-таки Чайльд-Гарольд в юбке).

Не то чтобы мы стояли горой за дурных болгарских мужиков, коим сначала не хватило ума не жениться на ком попало — а потом подумать о неуместности мужицких замашек в семейном быту. Но женский взгляд мадам Мартыновой — застарелая болезнь всех соцстрановских судов, правовой системы, направленной на обуздание жеребцов, а не на воспитание человеческих отношений между людьми — свободными, а не какими-то бракованными. Когда человек любит — он не будем твердить: деньги давай! Да пусть остается при нем — и неважно, где и с кем! Лишь бы счастлив был. Как у русской поэтессы:

Я не ревную — я благословляю.

Полагаете, мужское сердце этого не оценит, и не отзовется столь же великим чувством? И наоборот, любая фальшь, попытка закабалить — ничего общего с любовью не имеет, и бежать подальше от такой «любви» — святое право и обязанность. Для женщин и для мужчин. Для людей. Поскольку они люди.

И тут самое время поговорить о воспетым тысячами сопливых апологетов «материнском чувстве». Оказывается, ребенок — не человек, а орудие для приведения законного супруга к законопослушности, выбивания денег и времени, — вроде приворотного зелья:

Когда через год у нас родилась дочь, я стала надеяться, что семья наша станет крепче, выправится. Но, к сожалению, рождение ребенка не способствовало появлению у мужа чувства ответственности перед семьей.

И не могло способствовать! Прикиньте: если ему и супруга в тягость — будут ли еще одно ярмо облегчением? Или как у спортсменов — второе дыхание? Но любовь не спорт — да и экономика против заведомо лишних движений, за разумную организацию труда.

Я надеялась, что рождение ребенка укрепит нашу семью, но, став отцом, ответчик сделался еще грубее.

Логичный результат: двойной наезд вызывает двойное противодействие.

Я шла на компромиссы и старалась сохранить семью ради ребенка.

Наоборот: использовать ребенка для давления на мужа.

По той же причине я хотела иметь второго ребенка. Но, к сожалению, и после его рождения семейная жизнь моя не улучшилась.

Вот-вот! Дать двойную дозу снадобья: если копыта не откинет — влюбится... Вспоминаем Феокрита. Короче, травка не сработала — цыганка обманула (но деньги таки взяла). Ну, и какое при этом воспитание? Родители дерутся — у детишек души трещат; якобы «врожденные» неврозы — гарантированы.

Понятно, что благородные дамы действуют из самых чистых побуждений — а мужики козлы! До того заэксплуатировались — что даже на развод подать лень:

Являясь по существу разрушителем семьи, мужчина вместе с тем обычно не делает первого шага к разводу.

Существенна здесь только точка зрения разъяренной супруги — мнения другой стороны в расчет не принимаются: они всего лишь «ответчики»! От которых сначала требуют безответности — а потом возлагают на них всю ответственность за крушение девичьих грез. Козлиная сущность подчеркнута апелляцией к чисто природным качествам типового (не выбившегося в принцы) мужика, нерешительность которого выводят из «психологического барьера традиции», из якобы «национальных черт болгарина». Можно подумать, в других странах дамы фантазируют иначе! По жизни все гораздо проще: козел (пардон, ответчик) понимает, что в другой семье его ждет то же самое, — так зачем менять шило на мыло? Бабам нужно — пусть они и дергаются...

В лице Маргариты Мартыновой бабы подводят под это дело высокую теорию, выделяя три основных направления, в которых создаются конфликтные (предразводные) ситуации:

1) несоответствие поведения мужа и требований жены (то есть, отказ мужа признать в супружнице семейного диктатора);

2) несоответствие понятий предыдущего поколения и современных внутрисемейных отношений (свекровь заела, а тещу не слушают);

3) несоответствие между претензиями родителей мужа к жене (прет из них специфическая болгарская отсталость!) — и «экономическим и общественным возвышением женщины» (у родителей жены, конечно же, с головой все в порядке, и пусть наезжают на мужа сколько угодно).

Риторически спрашиваем: согласятся болгарские мужчины с такой постановкой вопроса? Скорее всего, нет. Перетягивание семейного одеяла выстраивается явно не в их пользу. Но лишний раз кулаками махать (как поведала нам теоретизирующая мадам) у них не в крови — и само собой напрашивается ленивое (чисто мужское!) решение: а пошли они с ихней семейкой куда подальше! Тогда полный ажур —

никаких конфликтов в семье. Давайте разведемся еще до брака — и незачем суды напрягать.

Но на такое воинствующие феминистки пойти никак не могут! С кем тогда воевать-то? На подмогу, опять же, зовут матушку-природу:

Пока будут «Он» и «Она», будет и семья.

Про однополые (или бесполые) семьи — воображение не достреливает. Про постель вне брака — фу, как неприлично! Поэтому, дескать, вопрос о будущем семьи тревожит многих, «и в частности — болгар, не отказавшихся пока что от своих идиллистических патриархальных понятий о сущности брака».

... связываем ли мы будущее нашего общества с будущим семьи?

Ответ может быть только один: да! Потому что семья продолжает оставаться основной ячейкой общества.

Очевидно, Мартынова от идиллий давно отошла: для нее семейные реалии — преисполнены рыночных страстей. Обычная филистерская логика: если это есть сейчас — оно будет всегда! Будущее — всего лишь продолженное настоящее, и никакие эпохальные перевороты нам не нужны! Браковали — и браковать будем. А посему — требуется нравственная и психологическая подготовка к браку. Про материю ближе к началу поговорили — пора бы и забыть. На фига мы годами учим в школах никому не нужные предметы? А про самое интересное — в советчиках матери и бабушки, уличные приятели. Непорядок.

Например, по (взятым с потолка) оценкам Мартыновой, для сложения семьи требуется от трех до семи лет. Это молодежь думает, что достаточно штампа в паспорте! Больше серьезности, товарищи! Есть минимальный срок; выпускать в развод раньше — было бы неправильно. А то милым дамам поупражняться не на ком.

Утверждение экономической самостоятельности и равенства женщин приведут к тому, что связанные с браком ожидания все более утвердятся как ожидания счастливого супружества.

У них много чего с браком связано — и прежде всего присосаться к экономике; это ли не счастье? Равенство, конечно, в буржуазном смысле: одни заведомо равнее других. В больших масштабах сложновато — давайте нам свою махонькую ячейку, в которой мы будем рулить кем-то счастливым, на букву *М*. Очень оно полезно для дамской психики.

Психологическая гармония становится все более важным фактором существования вновь созданной семьи.

Вспомните элементарную теорию музыки: гармония — это когда есть основной тон, а все остальные ему подчинены. Идеальные условия для проявления свойственных женщинам чувствительности и деликатности:

И насколько утонченной становится человек как личность, настолько более ранимыми будут его чувства...

В смысле: прыгайте вокруг нас, сдувайте пылинки, исполняйте самые глупые капризы — мы же такие нежные...

Если по совести — понятия «личность» и «ранимость» друг с другом не вяжутся. Только интеллигентствующее дерьмо может прикрывать поиск односторонней выгоды своей «утонченностью» и «ранимостью». Личность — действует, а не хнычет.

Когда семья как единица, как основная ячейка общества будет упрочена?

Это произойдет, когда повысится общая культура партнеров в браке, культура их чувств. Когда возникнет высокоразвитое понимание долга, ответственности за счастье близкого человека, ответственности перед обществом.

Перспектива на вечные времена: животная привязанность в семье, противопоставленность ее остальным «ячейкам» и обществу в целом, слепое подчинение государству-цензору, поставленному (видимо, господом-богом) над людьми... Близкие — против дальних; отвечать *перед* — а не быть в ответе *за*.

Но терпеливо ждать на перроне Мартынова не желает — и бежит к партнерскому долгу и ответственности впереди исторического паровоза:

... на браки сегодняшней молодежи надо смотреть оптимистично и упомянутый «взрыв» разводов — это только статистические данные.

Ха-ха! Статистика вообще ничего не отражает! — великое завоевание женской логики. Ср. с серьезными дядями из России и неметчины, помешанными на печатной цифири...

В сущности, всегда во все времена были семьи, которые жили плохо.

Следовало бы заключить: семья принципиально порочна! — есть в ней что-то такое, что не даст людям жить хорошо.

Но человек в конечном счете должен определить главную линию своего поведения, сообразуясь с одним: хочет ли он сохранить, сберечь, свою семью или не хочет?

Других критериев нет? Тяжелый случай... Даже насчет сохранения чужой семьи — думать грех. Вцепились во что-то — держите зубами и

когтями. Не упустить, «идти на уступки, насколько это возможно и нужно». Ибо чересчур неуступчивые рискуют оказаться «лицом к лицу с результатами своей бескомпромиссности».

Возможно. Впрочем, так ли уж это плохо? Конечно, добиваться своего — не самая разумная позиция. Но и разум — не легкая прогулка, и плоды труда не только мед. Однако узколобый конформизм — не для свободных людей.

В продолжение темы о воспитании в семье — по-житейски верное замечание, что характер современного человека складывается главным образом под влиянием семьи — и перенесение изначально конфликтного психологического груза на новый брак выплескивается постоянными конфликтами. Как этого избежать? По уму, следовало бы семейные влияния вообще исключить: пусть каждый напрямую общается с миром, с обществом в целом, — без неуместных посредников и привносимых ими поведенческих aberrаций. Пусть нас воспитывает весь мир — а мы его... Тем более, что семья — рассадник частнособственнической психологии. Открытое указание на этот факт — великий плюс в идеологическую копилку Мартыновой. Тут бы логически завершить: воспитание, следовательно, должно быть полностью общественным — а это предполагает решительное отделение деторождения и воспитания от семьи, от частного сектора... Как бы не так! Напротив, рыночный менталитет предлагается вбивать с малолетства (и даже раньше):

В нашей социалистической семье должна существовать гармония между нравственными и материальными ценностными системами. И очень важно, чтобы, вступая в брак, человек был правильно подготовлен к оперированию такими понятиями, как «мои деньги», «твои деньги», «общие деньги».

Без комментариев. В гробу мы видали такой социализм!

Давайте, что ли, лучше про секс... Как-то оно безобиднее, на первый взгляд. Но и тут без конфликтов никуда. Вот, муж бросает упрек жене:

Если бы ты была женщина что надо, ты не оставалась бы до 30 лет девственницей!

По большому счету, конечно, справедливо. Хотя и сам дурак: был бы умнее, не женился бы на инфантильной идиотке. С другой стороны, кому что надо — это на любителя. Женщина — это не (только) дырка для траха; иначе и секс-кукла сгодилась бы. Возможно, некоторым важнее как раз то, что отличает даму сердца от шлюхи в борделе. А про слабую сексуальную культуру как причину разводов — это вообще пальцем в

небо. Брак импотентов вполне может быть счастливым — а самый культурный секс не спасет от творческих исканий, от пересоздания мира и себя. Наконец, помимо брака и секса (в браке или без) есть любовь — у которой много обличий, воплощений, — и даже в суровых классовых реалиях (включая социализм) любовь умеет выстоять, не сломаться, не изменить главному — разуму и свободе. Конечно, выращивать любовь в семье — условия не из благодатных. Но давайте без дамских штучек:

Любовь хрупка и нежна, как детская улыбка, и ломается от малейшего неловкого движения.

На помойку! Любовь вечна — ее ничем не сломать. Ломают тела — и улыбки — но не величие духа, не всеохватность личности.

Тут наша проповедница потребительского отношения к детям вспоминает о родительской любви. Чуть выше — о том, как слабо этот клей удерживает вместе разношерстную компанию; сейчас на попятную:

Родительская любовь — может ли быть на свете что-либо более святое, всепоглощающее, самоотверженное?

Животное! Кстати — это из письма мужика... Но ради торжества феминизма использовать слабости врага — без проблем.

Да, наши родители всю жизнь стараются делать нам только добро. И что с того, что они иногда ошибаются? Это с каждым их нас может случиться.

Конечно. Подумаешь, сгноили судьбу на корню — испортили жизнь, изуродовали психику... С кем не бывает! Убивать людей — что может быть человечнее? Если оставили гору добра — будь добр считать это любовью. У кого вместо капитала нулевые фантазии — вообразите себе, как здорово было бы, если бы... И не фиг напоминать про мерзости. Извольте блюсти «неприкосновенность социалистической семьи» и поддерживать «традиционный культ ее внутреннего мира».

У современной семьи нет прямых хозяйственных задач, которые составляли содержание семьи прежних времен.

Главное заблуждение буржуазных писак! Воспроизводство способа производства — тоже хозяйство. Будет семья при этом гнать иной товар или нет — дело десятое.

Но вместе с тем личностные, нравственные, духовные ценности, чуткость, эмоциональность воспитываются в семье.

И это очень плохо! Именно это нам надо преодолеть, чтобы пройти путь от сознания к разуму, от единичного к всеобщему. Семья убивает дух,

разменивает его на всякого рода «ценности». Не учит прислушиваться к другим — а наоборот, отделяет от чужаков, запирает в клетке для своих.

И в этом заключена ее общественно значимая функция. Создавая новые и обогащая ранее добытые социалистические ценности, семья играет все более высокую, благородную роль. Именно поэтому попытки сражаться за прочность семьи ради «внушающей опасение» судьбы детей, ради мещанской благопристойности и прочего, налаживать единство между партнерами ценой компромисса с человеческим достоинством будит в нас тревогу.

К сожалению, разбудить мышление так и не удалось... Ни одного примера «созданного» или «обогащенного» — ни здесь, ни у других авторов не найти. В чем высота и благородство — темнее темного. Привлекает (явно идущее вразрез с заявленной целью) отвращение к сохранению семьи ради семьи — в ущерб человеческому достоинству. Еще шагочек — и мы уже признаем, что единство личности и общества невозможно посредством семьи или иных коллективов, что личность и становится личностью (общественно-культурным образованием) по мере преодоления групповщины, освобождения от всех и всяческих границ. Мы вместе не потому, что это «надо»; это движение нашего духа, выражение нашей свободы. И чем шире диапазон прямых связей личности и общества — тем разумнее и мы, и общество. А пока так:

Применительно к данному случаю связь «общество — личность» почему-то никак себя не проявила.

Забавная беспомощность, растерянность... Наив:

Общество — это мы сами и люди вокруг нас, которым мы безоговорочно верим.

Вульгарность, опошление — отсюда и безвыходность, и слепота. Классовое общество — далеко от всеобщего доверия. Общество — не только люди; прежде всего, это дух, всеобщий субъект. В идеале — да: каждая единичная личность представляет всех, общество в целом. Но пока до этого далеко. Особенно в отсталых «социалистических» странах, где все еще талдычат о «гармонии» трех социальных ролей: женщина-мать, труженица, хозяйка. Женщина-человек — это бесконечность ролей, и выход за рамки любой из них. В том числе и за рамки роли «женщина».

Как обычно, громкие лозунги, заявления об очищении семьи от хозяйственных функций перечеркиваются признаниями, что многие женщины вступают в брак, чтобы не «подставлять себя моральным и

материальным невзгодам» от рождения внебрачного ребенка — и что «общество сегодня все еще отказывает в должном отношении матерям-одиночкам и внебрачным детям». По-хорошему — не должно быть самого понятия «мать-одиночка»; да и с понятием «мать» давно пора бы разделаться. Есть люди. Которые занимаются кто чем — и все одинаково важно для всех. Но для Мартыновой (см. выше) «общество» — просто группа соседей, к мнениям которых человек вынужден прислушиваться и косить под расхожую мораль. Грустно.

Сельское хозяйство, сельская собственность, сельский труд веками господствовали на нашей родине. Они оставили прочные традиции — и хорошо, и плохо.

Помимо (или в качестве одной из) традиций — определенный настрой умов, своеобразное отношение к миру. И уродливая картина будущего, в котором

значительно сократится значение хозяйственно-бытовой функции семьи. Но деятельность семьи, которая обеспечивает личное счастье людей и воспитательную роль по отношению к молодому поколению, еще больше расширится.

Нет уж! Давайте быть счастливыми без всяких бумажек и штампов; пусть дети воспитываются участием в жизни общества в целом, а не одной противопоставленной всему остальному кучки особей; пусть воспроизводство субъекта (разума) станет полностью общественным — а с личными делами мы тогда сами разберемся, без правовых костылей.

Но что поделаешь! В Болгарии, в силу экономической отсталости, еще не созрели (хотя бы) социалистические общественные отношения, сплошь и рядом черты прежних хозяйственных укладов, различные формы классовой культуры... В том числе в семейных отношениях. Образ жизни (в значительной мере деревенский) отражается на образе мышления. Господство предрассудков, эмпирии, метафизики, наивного идеализма... Однако иноземным социалистам вряд ли удастся блеснуть на этом фоне: подходы к проблемам семьи, брака, воспитания, любви — практически те же, с глубокими корнями в истории разделения труда и рыночной экономики. Тем более нечем похвастаться советским писателям; яркий образчик — предисловие к мартыновской книге, написанное неким Перевезенцевым В. И. — автором книжек про школу и семью, которые он по тексту усиленно рекламирует...

Начинается, как водится, с громобойной статистики — надо же запугать читателя, обратиться в паническое бегство, — чтобы уже не до

логики! За двадцать лет — рост количества разводов более чем втрое, при том, что и эта «статистика несовершенна: основана на числе справок о разводе в органах загса, а не на фактическом числе распадов брачных пар». Что такое «фактический распад» и как его документировать — наука умалчивает. В качестве компенсации — ходячий предрассудок, что жены «в подавляющем большинстве случаев выступают формально инициаторами разводов, хотя до этого их доводят мужья». Совсем как у Мартыновой. Оно и понятно: советские суды в этом плане ничем не отличаются от болгарских — и даже в кбсе указание на пол «ответчика» некоторым образом присутствует (ст. 48, ч. 2). А чего еще ждать? — в бракоразводных процессах судьи, как правило, женского пола, — а всевозможными общественными институтами семейного профиля заведуют дамочки определенного социального статуса.

Продолжение — о том, что «дети — главная страдающая при разводах сторона». Опять дурная цифирь дополняется сарказмом по поводу ее достоверности — с неизменной коррекцией в сторону усугубления. Походя вводится модный в СССР термин «полусироты»; подразумеваются, конечно же, матери-одиночки — поскольку «отцы практически не будут участвовать в воспитании» (кто им даст!).

Матери одной очень нелегко воспитывать ребенка, особенно мальчика, особенно в переломном подростковом возрасте. Это важная общественная проблема. Немало хлопот доставят полусироты и обществу в целом, в том числе и школе, и милиции, и разного рода воспитательным учреждениям, которые вынуждены будут исправлять огрехи «полусемейного» воспитания.

Все это мы уже видели у Фрейда, у Макаренко... Можно подумать, родители всерьез кого-то воспитывают! Выращивают как получится — потому что деться некуда; рыночная стихия бушует, и кризис на кризисе... Под эвфемизмом «воспитанием» следует понимать всего лишь содержание — материальное и бюрократическое обеспечение. А из общественных дотаций всегда есть что урвать на нецелевые траты...

Но, если по честному, не «полусемейное», а именно «семейное» воспитание — причина болезни. Вместо полноценного участия в жизни общества — человека загоняют в узкие рамки семьи; если общество в целом при необходимости легко перераспределит ресурсы — любая недостача в семье чувствуется остро; это и делает ущербными детей «разведенков», из которых вступает в брак потом «лишь очень небольшая часть». Нет семьи — нет и «полусемьи», и все варианты одинаковы в

глазах общества (как вообще, так и в ближайшем окружении); преимущество, конечно же, отдаем масштабным, индустриальным решениям: никогда еще экономика не выезжала на кустарях, и воспроизводство разумных существ не исключение.

Нынешняя семья недостаточно хорошо выполняет обе главные свои функции — дать личное счастье ее членам и обеспечить воспроизводство населения страны, то есть замещение родительского поколения детским, не меньшим по численности.

Правильно! Так на кой ляд заикливаться на устаревших технологиях, когда есть эффективные варианты? Какое личное счастье, если сидишь в болоте? Какое воспроизводство, когда нет ни средств труда, ни квалификации? Есть сугубо экономическая задача: поддержание разумной (требуемой способом производства) численности населения; прекрасно, пусть этим (пока мы так живем в классовом обществе) занимаются профессионалы — на хорошем оборудовании и с отбором сырья; кому хочется — пожалуйста, нанимайтесь и получайте кровно заработанное. А в свободное от работы время — будьте свободными и счастливыми. Совмещение труда и свободы — достижимый идеал.

В том же русле — отмеченная Перевезенцевым (и замалчиваемая Мартыновой) тенденция к отказу от семейственности как таковой. Дескать, раньше считалось, что человек не хочет быть одиночкой, и уходят не от семьи вообще, а от конкретной семьи (с прицелом на создание новой). Все изменилось: «теперь многих привлекает судьба именно одиночки»; лишь около трети разводящихся не прочь вступить в другой брак. Как всегда, статистика — зеркало кривое: брачный статус никоим образом не отражает реальную картину — популярность неформальных отношений стремительно растет, и заманивать в семью финансовыми подачками на фоне роста зарплат уже не катит; только (жилищные) льготы хоть как-то держат планку. Возврат к капитализму ломает и этот рычаг: квартиры теперь покупают, а не получают по очереди, и здесь шансы выше у одиночек, для которых все способы заработка равно приемлемы.

А Перевезенцев потрясает неуклонно падающим коэффициентом воспроизводства:

Воспроизводство вплотную приблизилось к той границе, за которой начинается суженное воспроизводство, недопроизводство. Это грозит уменьшением численности населения страны в недалеком будущем. А главное — это ведет к очень быстрому старению населения...

Чем плохи люди в возрасте — товарищ умалчивает. Казалось бы, при нормальных условиях жизни — можно с откидыванием копыт чуток подзадержаться. А примеры активного долголетия — сколько угодно. При надлежащем финансировании, даже репродуктивная способность поддается продлению (вспомним про Чарли Чаплина). И не надо загонять население в панику: «много разводов, мало детей», «взрыв разводимости»... Еще раз: если традиционные способы воспроизводства органики себя изживают — ищите новые, индустриальные технологии; а в промышленности все поддается планированию и регулированию. Падение рождаемости в семье — вовсе не к тому, что больше «нет основы для рождения детей»; речь лишь о том, что *семья* не может играть роль такой основы — и назрел переход к полностью общественному производству (а следовательно, и к общественной социализации).

А нам тут про цепную реакцию, когда малодетность провоцирует разводы — и три ребенка на двоих превращаются в доисторический миф:

Вот как далеко простираются последствия взрыва разводимости, последствия нестабильности сегодняшней молодой семьи.

И совершенно идиотский вывод (как водится, со ссылкой на материалы XXVI съезда КПСС):

Молодая семья — эпицентр всех демографических проблем, и задача ее укрепления — одна из основных задач нашего общества.

Вот те раз! Эталон выдержанно-партийной логики: раз семья насквозь прогнила — значит, надо и дальше за нее держаться, латать дыры до последнего (а в безнадежной экономической трясине любые деньги легко утопить — или распилить). Нечто подобное у современных борцов за экологию: не осушать болота, не орошать пустыни, не бороться с вредителями — короче, ни в коей мере ничего не делать на благо людей, а всеми силами сохранять все как было, во всем биоразнообразии (за счет беднейших стран, разумеется).

Кстати о наукообразии. Курс на укрепление семьи предлагается подкрепить глубоким пониманием причин разводов. Оказывается, что основная причина — «глобальные изменения самой семьи как социального института, смена типов семьи, переход от традиционной семьи к современной». Поскольку обсуждать возможность отмирания семейственности как таковой партия запрещает, главный постулат — вечность брачно-семейных уз, с минимальными вариациями по части

наблюдаемых форм. Нет-нет, это не о семьях геев и лесбиянок, и не о семейных «коммунах» на скандинавский манер... Все по старинке: есть «он» и «она» (как у Мартыновой) — но от патриархальной семьи мы якобы движемся к «биархальной», где «муж и жена более или менее равны»; от многоколенной семьи — к нуклеарной (только брачная пара и их дети); от разделения функций мужа и жены к «смазыванию функций» (а что в качестве смазки?); от бесконтрольной рождаемости — к контролю, к малодетной семье (а как быть с репродуктивными планами партии?).

Разумеется, эти коренные изменения семьи, которые столь велики, что вполне заслуживают названия семейной революции, сами происходят под совместным воздействием многих социально-экономических изменений. Эти последние таковы, что пути обратно в развитии семьи нет и быть не может, хотя многие испытывают сильную ностальгию по старой патриархальной семье.

Во как! Сам себя напугал. Но истинного ученого не остановить!

Насколько позволяют судить нынешние знания о семье, у нее есть только один путь развития — к завершению охарактеризованного выше перехода, в частности, к равенству супругов в семейной жизни.

Конечно, равенство — не то же самое, что равноправие (формальное равенство по закону). Хозяйка эпохи умирающего социализма уделяет дому в два-три раза больше времени, чем ее благоверный — что (по каким-то оценкам) эквивалентно 12-часовому рабочему дню женщины, с 5 часами домашнего труда в воскресенье.

Нынешняя молодая, образованная женщина — квалифицированный специалист — не может мириться с таким положением объективно и не расположена к этому субъективно.

И мы ее в этом всецело поддерживаем! Но разумный выход видим в том, чтобы вообще отказаться от категории «домашнее хозяйство» — а не распределять все те же заботы поровну между *М* и *Ж*. По Перевезенцеву, споры о распределении домашнего труда — основная причина разводов. Пожалуйста, есть радикальное решение: давайте разведемся еще до брака — и никаких споров, и любить друг друга можно совершенно бескорыстно, а не так, чтобы менять час постели на час мытья посуды (или в магазин заскочить). Без базара, по любви.

Как бы не так! Положено напялить на шею семейный хомут — и тянуть через болото, совместными усилиями... Общая кабала, общая кормушка — все общее, сплошной коммунизм!

Между тем у семьи практически нет иного пути, кроме пути к фактическому равенству супругов.

То есть, супруги в буквальном смысле — как запряженные в одну телегу, и тянут одинаково. Утопической задаче — идеалистическое решение:

Достижению этого равенства может, на мой взгляд, существенно способствовать школа. Учащихся надо воспитывать в духе полного фактического равенства полов (а не равноправия).

В условиях фактического неравенства проповедовать фактическое равенство — все равно, что призывать с амвона возлюбить ближнего, который тебя ограбит, изуродует, да еще будет публично издеваться над тобой... Собственно, формальное равноправие — это и есть попытка убедить себя, что все равны: не по жизни — так, хоть, на бумаге... Не делаются такие дела методом внушения и самовнушения: весомое слово опирается на существующие экономические и культурные условия — язык не придумывает вещи, а лишь обозначает их.

Брачующиеся! — побойтесь бога! — будьте в одно упряжке! Нечто подобное мы слышим в наставлениях молодоженами в загсе, по ходу идиотского торжественного обряда. Помогло оно хоть кому?

Нужно ввести специальные курсы, готовящие школьников к семейной жизни.

Ну, вводили такие курсы, неоднократно, — и продолжают перебирать варианты. А надо бы — курсы свободы, жизни без семьи. Чтобы каждый по мере сил задвигал семейственность в пыльные архивы — и переходил к разумным человеческим контактам, не зависящим от официального оформления. Не браку учить — а жить без брака. Собственно, это и есть задача бесклассовой педагогики: сделать человека человеком. Никакая семья с этим не справится — тут нужно все миром.

А вместо — реклама утопической концепции «перевоспитания общества»; разумеется, в русле борьбы за здоровый семейный быт:

Целенаправленными действиями общество может существенно ускорить переход от старой патриархальной семьи к новой, современной. Нынешний взрыв разводимости — следствие незавершенности этого процесса.

Если вместо выхода из пещер в хорошо обустроенные города будем призывать к сохранению пещерности (хотя бы и на «современном» уровне) — скоро завершать процесс будет некому! Сами не вымрем — конкуренты съедят.

Можно думать, что в будущем семья станет более гармоничной, существенно более крепкой, лучше станет выполнять основные свои функции.

Думать можно сколько угодно — дело от этого не сдвинется ни на грамм. Вообразить себе вечный кайф и рай с гуриями — не то же самое, что строить человеческое общество прямо сейчас, для ныне живых, хотя бы и не очень прилизанное, по мере возможности, — но в направлении большей свободы, разумности. И думать при этом о людях — а не о растаскивании собственности по всяческим «ячейкам», в которых все приберут к рукам какие-нибудь паханы — и будут диктовать свою волю ограбленным соучастникам. Что, не так? Так вот же, образчик:

Супруги и все члены семьи станут счастливы, детей будет достаточно для оптимального воспроизводства населения, дети будут лучше воспитаны.

Парой страниц выше, сам же говорил о прогрессивной нуклеарности — и тут норовят примазывать к кормушке еще какие-то «члены семьи»... Гнилая у вас пастораль. «Счастливым супругам» сверху спускают нормативы по «оптимальному воспроизводству» — это счастье? Но обратите внимание: детей-то опять за людей не держат, а только штампуют тела, да воспитывают, да поучают... Получилось или нет — решают тоже где-то наверху: начальство знает, что для него «лучше»! Не тянет нас присоединяться к мечтательному благодущию. Может, оно и хорошо, что такие сказки никогда не сделаются былью.

Круг завершен: начали с России — ею и закончили. Мир, конечно же, соцлагерем не ограничивается — другие лагеря тоже в изобилии. Везде свои пророчества и заморочки. По агентурным данным, особого благолепия пока нигде не сыскать. Не будем про едва пробивающихся к свету — но даже признанные богатеи, столпы цивилизации и опоры миропорядка, — от мертвой буквы к духу пробиться так и не смогли.

Хотелось, конечно, чтобы отдельные недостатки замечались на фоне всеобщего прогресса — но пока, к сожалению, лишь редкие проблески разума в тине рыночных делишек и помутненного сознания. Все так же пугаются люди непривычного — прячутся от свободы в наезженную колею. Да, быть на равных с миром — это сложнее. Но, ведь, и интереснее! Или как?

Правила секса

Выросшим в эпоху интернета, вероятно, трудно представить себе мир, в котором голое тело оставалось за гранью массовой культуры — и подсматривать приходилось где кому придется. Интересные формы все равно проскальзывали на экран (и даже не всегда в категории 16+); но книжка со всеми подробностями — это уже перебор... Даже сухие теоретические трактаты (заумный жаргон без картинок) скрывались в недрах библиотечных запасников, куда далеко не всем удавалось дотянуться. Нет, формальных запретов на наготу, вроде бы не было: скульптуры в больших музеях никто фиговыми листиками не оснащал, и знаменитую живопись светили как есть. Но книги — жуткий дефицит, так что не до эротики (в том числе высокохудожественной). Сегодня проблема, скорее, в том, чтобы не нарваться на порнуху на волне шопинга или сетевого трепа. А в доперестроечные времена найти что-нибудь откровенное, когда надо по работе, — далеко не факт.

Тем не менее, в определенных кругах бродили по рукам западные журналчики и книжонки — и неиспорченная (анти)советская молодежь на это западала. Заманка в капитализм, наряду с харчами и шмотками. Уровень первичных органических потребностей.

Но мы (помимо общего образования) смотрели под своим углом — с точки зрения материалистически понятой духовности и любви. Особых надежд, что забугорные творения сдуют замшелость советских или соцстрановских предрассудков, конечно, не было: теоретически, мрака на цивилизованном Западе должно было быть еще больше — поскольку даже первобытный социализм таки прогрессивнее любого буржуинства. Так оно, в общем-то и оказалось; поэтому ковыряться в тоннах чего-то «с утра» смысла нет, и представляет интерес лишь невинный пласт сексуального просвещения, популярные книжонки (а потом и видео) в стиле «как быстро разбогатеть с ломаным грошиком в качестве стартового капитала». Они, по крайней мере, намереваются помочь страждущим — ну, и самую малость на этом заработать (на базаре как на базаре). Сейчас это модное направление — и просветители выпускают один трактат за другим, каждый божий день; даже удивительно, что до сих пор не все миллиардеры — и по части секса массовых успехов не видать... Или мы не с той колокольни глядим?

Оставляя в стороне современность, вспомним о древней книжонке, опубликованной в 1972 году американкой Ruth Dickson (фамилия с намеком — явный псевдоним): *Now that you've got me here, what are we going to do?* Многообещающий подзаголовок: *A non-marriage manual* — анонсирует возможность отдохнуть, наконец, от политиков с дубинками, загоняющих идиотов в брак. Еще один подзаголовок: *A book, that starts, where a sensual women stops* — предвещает нечто brutальное, далекое от совместного прослушивания божьих пташек в поле зрения бдительных родителей.

Тут правда произошел конфуз. В нашем распоряжении (годы, как уже говорилось, были суровые) — только подпольная перепечатка любительского перевода на русский; и подзаголовок переведен лихо: *Книга, которая начинается там, где чувственная женщина кончает*. Это, как все понимают, совсем другая тематика: не о преодолении скромности, а о технологии доведения нескромности до оргастических размеров. Кстати, постсоветские публикации — сдвиг сохранили. Но погоды оно не делает, и разбираться будем без лишних заморочек.

Общая характеристика: это вообще не эротика — и уж тем более не порно, не извращение, не призыв к разнузданной похоти, не попытка подсадить на наркоту; исходя из (предположительно, общеизвестного) факта наличия половой жизни у нормальных взрослых людей, авторша предлагает и кавалерам, и дамам потрудиться над совершенствованием такого общения, чтобы использовать его возможности как можно полнее. Подход вполне разумный — остается только выяснить, как обстоит дело с реализацией.

Как обычно, две крайности. Первая — чрезмерная увлеченность предметом, обычный грешок популяризаторов: их предмет, разумеется, главнее всех — и сообщают они, конечно же, самое-самое, достоверное и безусловно необходимое всем и всегда:

Есть только один способ пробудить свою чувственность. Вы научитесь, что верно и что неверно.

Тем самым предполагается, что пробуждение чувственности — на повестке дня всякого культурного человека, и что делать это следует всем одинаково — следуя единственно верному пути (намеченному коммерческим автором):

Развивайте чувствительность ваших нервных окончаний. Научитесь наслаждаться своей сексуальностью...

Возможно, мадам вовсе не имела в виду, что людям больше нечем заняться; однако управляемый сверху рынок наверняка выпятит именно такое толкование: секс превыше всего, живите ради «пробужденной» чувственности — и не парьтесь по поводу экономических проблем и духовных ценностей, не предавайтесь глупым мечтаниям и оставьте проектирование общественной жизни признанным (то есть буржуазным) архитекторам. Этим книжка выгодна капиталу. Поэтому такие книжки публикуют — и в итоге они выгодны и авторам.

Обратная сторона этого — вовлеченность, взгляд изнутри. И потому безнадежный эмпиризм, отсутствие перспективы. То, что мы привыкли делать, — представляется единственно возможным способом действия, «естественным» удовлетворением «природной» потребности. Здесь следует отдать должное автору: в отличие от большинства, она вовсе не утверждает, что животность — всеобщая первооснова, с которой надо либо примириться, либо из последних сил инстинкты обуздывать; речь как раз о том, что разумному человеку не интересно заниматься этим делом просто так — и ему хочется привнести в него творческий характер, и тем самым одухотворить, очеловечить. Как человек и поступает со всеми другими телесными проявлениями. Но стоит замкнуться в рамках предмета — и такое очеловечение окажется лишь частичным: оно просто превращает человека в придаток его полового аппарата, а не возвышает секс до человеческой деятельности:

Теперь вы знаете все о члене и о стоящем за ним мужчине.

А когда мужчина сводится к члену — и женщина («секс-леди в самом высшем смысле этого слова») состоит только из половых органов и эрогенных зон. Забавный афоризм:

Когда член ослабевает, слабеет и мужчина.

Посмотрите на это с точки зрения человека общественного: по жизни, крутить самцами куда проще, чем теми, кто не озабочен демонстрацией потенции, — испокон веков дамы использовали мужские слабости (привязанность к члену), чтобы по-своему править миром.

Понятно, что впадать в вульгарный романтизм и обуславливать секс возвышенной атрибутикой — тот же идиотизм с противоположным знаком; давайте исходить из разумных целей — и подвязывать к ним постель в столь же разумных дозах. Иначе «удовольствие» становится самоцелью, наркотиком, а учебники — пропагандой, растлением недостаточно культурных (следовательно, нестойких духом) масс.

С поправками на неизбежные идеологические перекосы, читать такие пособия не грех — а какими-то местами полезно. Возможно, секспросвет — не лучшее средство против сексуальной беспомощности и ханжества; но сопротивляться подавлению человеческой личности, опошлению и закабалению любви, помогает и такое оружие. Особенно, если оно рубит под корень «традиционные» ценности:

... на книжном рынке масса книг для супружеских пар, плюс целый полк советчиков по брачным взаимоотношениям, планированию семьи, внутрисемейной морали, которые посвящают все свои силы безнадежному делу — спасти остатки кораблекрушения моногамного брака.

Первая же (насмешливая) фраза — заявление позиции: моногамия гибнет. И это так. Но она *не может* погибнуть при капитализме, пока есть частная собственность и аппарат наследования. Можете трахаться на стороне как угодно — от дележки имущества не уйти, и семья до сих пор остается здесь главным (рыночным) регулятором. Разумеется, когда у вас ничего нет — и суда нет. Но таким пособия по активному сексу как-то не в струю (если, конечно, не предполагается зарабатывать на пропитание половыми органами). Допустим, кто-то из принципа живет один, избегает сколько-нибудь постоянных связей и привязанностей (что само по себе свидетельствует о несвободе, о самоограничении — одно из обличий страха). Дает ли это независимость секса от экономики? Да никогда! Диксон ограничивается только постелью — а это одно мгновение на шкале сексуальности, охватывающей как то, что приводит нас в постель, так и весьма отдаленные последствия (в том числе очень «сублимированные»). То, как люди ведут себя в постели (и даже само предпочтение постели иным обстоятельствам секса) тесно увязано с их экономическим поведением, с характером деятельности, с отношением к собственности, с инвестиционными предпочтениями. Будьте уверены, помешанный на стяжательстве и увлеченный творческими проектами — очень разные любовники; адепт гедонизма и фанат дела — обставляют секс каждый по-своему. Партнер-вещь — не то же самое, что родная душа. Хотя, конечно, минимальная грамотность никому не повредит:

... мы, одинокие люди, сталкиваемся с совершенно другими проблемами в своей сексуальной жизни, и хотя то время, когда считалось, что у нас ее нет, и не должно быть совсем, уже прошло, печальным фактом все же остается отставание нашего воспитания от происшедшего в последние годы сексуального освобождения.

Освобождение — когда ты можешь и делать, и не делать. И когда делать можно без оглядки на других. А если толпа срывается с места как только дан «стартовый выстрел в большом кроссе к постели» — это не свобода, а сексуальная лихорадка, в которой кто-то одни лезут наверх по телам других (и только рынок решит, что считать успехом).

Люди прыгают в постель и из постели в оргастическом исступлении, совокупляясь друг с другом, но количество их сексуальных актов поразительно превосходит их качество.

Так вот, качество — как раз и определяется тем, что вне постели, а вовсе не знанием анатомии и физиологии, и не богатым опытом прошлых сношений. Любовь знатока холодна и противна, если он развлекает себя или отрабатывает уплаченное; если все-таки есть желание что-нибудь пробудить в партнере — это превращается в профессию, эротический массаж, — который лишь условно можно называть сексом.

На заднем плане, за занавесочкой, — сдвиги мотивации. Лихорадка отодвигает в сторону оргазм как таковой; как раньше говорили: важна не победа, важно участие. Оргиастическим становится секс сам по себе: чем больше (или чем «качественней») — тем лучше. В какой-то мере это можно соотнести с тантрическими практиками, направленными на поддержания постоянного возбуждения без (снимающего его) оргазма. Или вспомним о младенцах, повторяющих только что выученное действие до полного изнеможения.

Политический аспект — попытка сделать проблему века из неизбежной половой безграмотности в условиях нынешней экономики семьи (как в России, так и за рубежом), превращение «сексуального освобождения» в совсем не сексуальное закрепощение. Проекция большой и разнообразной жизни (в том числе сексуальной) в постель лишает человека главной определенности разума — универсальности; после этого отвлечь внимание неразумных зверушек от насущных проблем человечества — пара пустяков.

Книга «является руководством по улучшению сексуальной жизни одиноких людей». Когда авторша «освободилась от уз брака» — она вдруг обнаружила, что и вне семейности особых радостей ожидать не приходится. По ее экспериментальным оценкам, о сделать это приятно «даже один мужчина из пятидесяти не имеет ни малейшего понятия». Тут русский перевод привносит как раз ту неоднозначность, которая намекает на суть дела: речь не просто о неспаренных (*single*), а именно об одиноких — по жизни, по характеру, по судьбе. Как ни складывай

вместе два одиночества — любви не будет. А секс без любви — лишь отправление физиологической потребности. Нажраться от пуза или сходить в туалет — это, конечно, создает иллюзию умиротворенности; но никакого человеческого смысла за этим не стоит — и потому требует простого воспроизводства, повторения (что еще больше обесмысливает затею). Попытка исправить положение путем секс-просвещения заранее обречена на провал: человеческие удовольствия (в отличие от животных ощущений) возникают лишь там, где за единичным человеком стоит все разумное человечество — и секс лишь представляет грандиозный процесс окультуривания природы в одном, очень частном его аспекте. Проще говоря, даже на пике горячих телодвижений каждый из партнеров должен чувствовать себя человеком — а не копулирующей особью; пережевывая пищу или почесываясь — мы (если не осознаем, то хотя бы) чувствуем важность этого деяния в общепланетном (и даже космическом) масштабе.³² Как такого добиться — предмет особого разговора; здесь пока про буржуазный секспросвет. Неудовлетворенная мадам считает, что

сексуальное воспитание должно начинаться с мужчин, хотя бы потому, что инициатива все же большей частью исходит от них. Кроме того, мужчинам нужно больше знать, чем женщинам, т. к. женщина в сексуальном отношении более сложна, чем мужчина.

Типичный эмпирионатуралистический ляп: если что-то есть сейчас — так оно всегда и будет, по природе. Но поведенческие различия полов — плод тысячелетнего воспитания, и вовсе не факт, что оно еще следует исторической актуальности; быть может пора менять? Универсальность как определяющая черта разума требует постепенного снятия запретов и свободы в действиях — в норме все одинаково активны (хотя и не обязательно в тех же формах), и вопрос не об умении быть лидером или ведомым — а об уместности того и другого в каждом конкретном контексте (и на разных стадиях любовной игры). И уж совсем неуместно рыночное перетягивание одеяла: мы сложнее — вы примитивнее... Сложностей у всех хватает; а по факту в сексуальном отношении все пока очень и очень неразвиты — но половое воспитание девочек до сих

³² Обывателю (особенно американскому) вбивают в мозги пошлый предрассудок о сексуальности танца; на самом деле наоборот: человеческая сексуальность начинается там, где секс похож на танец, где это общение и совместное творчество. Точно так же не искусство эротично — а наоборот, эротика возникает, когда искусство пропитывает физиологию, возвышает ее.

пор не дотягивает даже до возможностей среднего мужчины, и отсюда надуманные «сложности», нестыковки в практике секса. Вероятно, Диксон несколько преувеличивает невежество викторианских женщин:

Никто и мысли не допускал о сексуальном удовольствии женщины, об этом можно было только пугливо перешептываться. Женщины просто не знали, чего им не хватает, а потому и не чувствовали такой нехватки. Во всяком случае, они не сознавали ее.

Вспоминаем про Сафо, про литературу средневековых женщин, — про богоемную чувственность XVIII и XIX веков. Викторианки (и русские институтки) об этом так или иначе наслышаны — но обязаны считать себя собственностью мужчины, любовь которого — дикое барство (даже в куртуазных или романтических фантиках).

С другой стороны, нехватка чего бы то ни было — продукт эпохи; потребности не возникают сами по себе — они воспитываются. Пока мы не чувствуем нужды в чем-либо — отсутствие нас не напрягает; если же со всех сторон твердят, что все обязаны иметь кайф, — обнаруживая у себя прохладу, мы теряем уверенность и начинаем искать, что с нами не так. И валим вину на мужиков, которые не умеют (и не хотят) толком воодушевить.

Мадам приветствует «сексуальную революцию» — вне всякой связи с происходящим во всех остальных областях. Но даже в рамках одной культуры сексуальность будет принимать разные формы на разных ее этажах. Нет нормы одной на всех. И уродство уродству рознь.

Сейчас вряд ли можно найти девственницу старше 16 лет. Молодежь экспериментирует друг с другом все в более раннем возрасте, что по моему очень хорошо и здорово. Беда в том, что никто из них не знает, что им следует делать после того, как они легли рядом, и они вырастают такими же невежественными в приличной любовной технике, как их бабушки и дедушки. Единственное, что, кажется, понимает большинство мальчиков, это что девушка должна, по-видимому, достичь сексуального климакса, но как довести ее до этого, они не знают и действуют наугад. Счастье, если иногда они попадают в точку.

Спрашивается: а почему человечество до сих пор не озаботилось отменой самого понятия девственности? Зачем эти дикие дефлорации в грязи и боли? Почему это не делать хирургически в раннем возрасте, когда до секса еще далеко? Просто включить в список обязательных прививок — и нет проблем, и лишних комплексов. Точно так же, молодежные эксперименты на самотек — признак вековой отсталости, убогости системы общественного (и в частности полового) воспитания.

Это не «хорошо и здорово» — это всего лишь объективная тенденция, вынужденная компенсация отсутствия сколько-нибудь продуманного приобщения подростков к практике секса — при том, что еще в античности богатые нанимали свободных женщин или покупали рабынь для инициации отпрысков; аналогичные обычаи существовали и у первобытных народов. Фраза о «приличной» любовной технике — это не только забавно, это еще и указание на необходимость окультуривания секса наравне с прочими физиологическими отправлениями; невежество идет от ханжества, ханжество — от классовой экономики, ставящей конкуренцию выше сотрудничества, войну выше любви.

Еще одна идеализация — о том, что мужчины прошлого должны были потрудиться, чтобы «привести незамужнюю женщину к постели». Куртуазная любовь вообще крутилась вокруг замужних — а у буржуа доступность дамы определялась не манерами, а толщиной кошелек. Тем не менее, само обращение к теме — уже выход из постели, первая постановка вопроса о человеческом содержании секса.

В наше время искусства обольщения, так же как и умения заниматься любовью, больше не существует. И это вопиющий позор!

Это просто другая сторона того же объективного процесса, перевода секса на индустриальные, рыночные рельсы. Да, это позор — но смыть его можно только уничтожение капитализма, для которого высшее наслаждение — прирастание капитала лишним гривенником.

Я полагаю: какая же польза от потенциальной возможности иметь наслаждение, если она сводится в конце концов ни к чему другому, как к потрясающей скуке?!

А чего же вы хотите? За что боролись — на то и напоролись! Свободы секса без человеческой свободы — оскотинивание масс, когда вместо половой любви — сплошное скотоложество. Думать о творчестве, о духовности, о любви, — а постель приложится. Не наоборот: уложить в постель — и разбежаться по делам.

Горькие слова о варварстве мужиков и мужском шовинизме — сами по себе справедливы; однако может ли быть иначе, если разбираться с играми в постели мы предпочитаем независимо от игр на бирже? Уродство современного феминизма в том, что главным достоинством женщины они считают ее тело (как член — «мужское достоинство»). Гармония отношений вытекает из экономического единства: если людям (мужчинам, женщинам, и прочим) нечем заняться вместе кроме секса-азробики — они никогда не научатся любви, умению быть друг другом.

Такова изнанка «сексуальной революции»: разрушая семью (которая хоть как-то объединяла вне постели) — ничего не предложить взамен, оставить секс в себе и для себя.

При всех своих провидениях Фрейд на каждом шагу обнаруживает пошло-обывательские воззрения — которые он пытается выдать за результаты «анализа», вердикт науки. В частности — идиотская теория о примате «мужского достоинства»: с младенчества женщина должна чувствовать себя ущербной из-за отсутствия члена — хотя по логике должно бы наоборот: мужчина обезображен дурным отростком — и это делает его низшим существом (генетический дефект). Но в экономике — господство мужчин, и Фрейду даже в голову не приходит усомниться в «естественности» социального неравенства. Отсюда и бред о «вагинальном оргазме»: раз мужику нравится иметь член в вагине, значит и женщине должно нравится, а если она ничего такого не чувствует — она больна... Диксон ругается:

Больна!.. Имеете ли вы понятие, как много бедных женщин тратили целые годы в поисках неуловимого экстаза, который никогда не находился в вагине, и который они могли прекраснейшим образом получить при помощи клитора?!

Но скажите на милость, чего ради упираться в бредовые теории и тратить время на то, без чего вполне можно обойтись? Сама же авторша говорила, что прежним женщинам оргазм, в общем-то, и не требовался. Так что за ним гоняться (без разницы как)? Убеждение в обязательности оргазма для всякого нормального человека — автоматически объявляет ненормальными тех, кто предпочел бы другие удовольствия; чем это лучше Фрейда? Если мадам Диксон нравится онанировать десятью разными способами — вовсе не факт, что Эмми Нетер получила меньше кайфа от доказывания всемирно известных теорем; когда великий Гаусс писал, что занятия математикой умерщвляют вожеления плоти, — это вовсе не признание в импотенции, а, скорее, наоборот — причастность к недостижимому для зверушек блаженству.

Чаще всего, женщины ищут секса потому что их заставляют его искать. Потому что без этого — им не дадут чего-то еще, что для них гораздо важнее. Уродливое общество воспитывает моральных уродов.

И все же задумаемся: любовь (настоящая, человеческая) — не ради удовольствий; однако любые удовольствия в любви взаимны — просто потому, что каждый из любящих духовно слит с другим, они чувствуют (не путать с ощущениями!) одно и то же. Если секс по любви — женщина

и мужчина не по отдельности, они одно — и не только фигурально, поэтической метафорой! Что приятно одному — приятно и другому. Как они будут улавливать ощущения партнера — дело десятое: это может идти вовсе не от половых органов, поверх физиологии; тем не менее сексуально озабоченная мадам рекомендует (в последующих главах) милым дамам поупражнять мышцы вагины; в наши дни на это работает индустрия секс-игрушек для женщин. Да, чисто физиологически вагина не должна быть слишком чувствительной — иначе как бы мы рожали? Однако у человека, помимо нервных окончаний, есть проприоцепция, — да мало ли что еще? — и собрать разнородные сигналы в мозгу мы можем методом упорной тренировки, заставляя тело двигаться так, как нам нужно, и ощущать как нам хочется. Другое дело, что иной раз овчинка не стоит выделки — и разумнее отдаться другим, далеким от физиологии удовольствиям (которые бывают покруче любого оргазма). Но уж если вы решили воплотить любовь в секс — над этой материей, конечно же надо работать, и учиться — и учить друг друга.

Книга Диксон — про американцев. Которые, дескать, отравлены пуританским прошлым до такой степени, что даже выразиться толком не в состоянии: в английском языке катастрофически мало слов про это — либо медицинские, либо матерные. По-русски оно в том же духе; утверждается, что арабский сексуальный избыток (непереводимой) лексикой для передачи тонких оттенков — но тут позволим себе посомневаться: вероятно, наши познания в арабском не заходят уж очень далеко — но как-то не верится, что набор сексуальных действий у разных народов может существенно различаться, при практическом тождестве физиологии, — а словесные обозначения лишь выделяют предпочтительные позы и движения, которые другие нации, возможно, практикуют без специальных названий. Куда важнее общественный статус секса, который христианские церкви решительно отделяют от богоугодности — и втаптывают в грязь.

А теперь позвольте спросить: как же может человек вести себя в кровати свободно, если он думает, что то, что он делает, грязно?

Это стало частью нашей культуры — отождествлять секс и грязь.

А ведь любой студент-психокибернетик может сказать вам: говоря так, будете так себя и чувствовать.

В наши дни оценки значительно изменились — и секс как таковой большинство (кроме уж очень упертых) считает совершенно невинной забавой; коммерческому прокату (который делает бизнес как раз на

грязи) приходится выводить на публику секс в извращенных формах, замешанный на жестокостях и насилии; кровавое месиво на экранах — это противно; но народ подсаживают на такой «реализм», как американские психотерапевты заставляют слишком нервных возиться с пауками да змеями, чтобы (навсегда?) успокоились.

Но на дворе пока 1972 год — и грязные представления о сексе растаскивают на два полюса: пуританский (спрятать поглубже, с глаз долой) — и распутный (бравада, эпатаж, болезненное самоутверждение). Первые считают, что их жены — драгоценность, которую нельзя пачкать при свете (даже в мыслях!), и секс воспринимается как вынужденное отступление от чистоты — ради детей. Вторые — коллекционеры эротики, у которых чувство вины еще сильнее, чем у пуритан. Для них мужчины чисты, а женщины — нет (это всего лишь приспособления для самоудовлетворения, «одушевленные вагины»).

... стереотипный «хороший» муж старается удовлетворить свою жену, не давать ей скучать, а «жеребец» старается сексуально истощить своих любовниц (он подсчитывает количество женских оргазмов, как другие люди подсчитывают монеты), но ни тот, ни другой не относятся к женщине душевно, а это самое главное, если мужчина хочет быть хорошим любовником. Без этого никакая техника в мире не удовлетворит любую опытную женщину. О, конечно, вы можете вызвать физический климакс почти у любой женщины, если правильно действовать, но довести ее до оргазма души, это кое-что потруднее, чем определить ее эрогенные зоны.

Мы опять выходим из постели в большой мир — ибо только в нем возникает человеческое отношение к человеку, душевность (так сказать, маленькая любовь). Слова об «оргазме души» — это великолепно! Сразу все на своих местах: не удовлетворяют нормального человека животные приключения — ему нужно одухотворить физиологию, поставить ее на службу разуму (включая осмысленную, человеческую чувственность).

Между прочим, полная солидарность с тогдашними советскими сексологами: те тоже сетуют на недостаток (точнее, полное отсутствие) сексуальной культуры — и взывают к душевности; однако ни у них, ни у американских доброхотов, — ни малейшего намека на то, откуда берется нежность, как прийти к оргазму души. Они специалисты по сексу — и не замечают, что духовные взлеты куда чаще приходят из далеких от эротики областей — а секс большей частью лишь оттеняет уже имеющееся, расцветивает вдохновение. Традиционно мещанские «теории» изображают дело так, будто великие люди черпают силы для

творчества в постели с музами (любого пола); на самом же деле все наоборот: избыток неприкаянной духовности (пристроить которую не дают обстоятельства места и времени) заставляет придавать ей хоть какое-то внешнее выражение — и принимать интимность от тех, кто убежден в ее благотворности для гениев (и немножко для опекающих гениальность ангелов).

Кусок с претензиями к мужчинам — буквальное повторение того, о чем писали во всех странах за пару сотен лет до Диксон, и о чем продолжают писать и в наши дни. Ничего сверхъестественного: просто мужчина должен по-человечески хотеть близости (то есть усматривать в нем не забаву или отработку повинности, а достижение духа, важный этап на жизненном пути, нечто возвышающее и очищающее) — и кроме того, мужчина просто обязан по-человечески относиться к женщине, уважать их и восхищаться ими. То есть, по сути, в каком-то форме любить женщину еще до того, как он займется ее телом, — а также в процессе и после.

Казалось бы, совершенно нормальные желания. Но (как и сотни лет назад) на женщину смотрят как на развлечение, ее «балуют по причине предполагаемого недостатка ума», и ее эмоции считают непостижимой экзотикой, так что и заморачиваться не стоит. Плюс чисто рыночное отношение к «физическим прелестям».

Как думающее, творческое и трудящееся человеческое существо, я, конечно, против такого отношения.

Но как иногда хочется побыть в центре внимания, почувствовать себя драгоценностью...

Мужчина, который чувствует, что женщина является чем-то редким и особенным, может быть исключительно притягателен. Во всяком случае это гораздо приятнее, чем общеамериканский синдром плейбоя.

Утверждается, что половое потребительство «стало теперь редким на Западе»; однако, судя по интонациям авторши, — это вовсе не рецидив первобытности, а очень живая реальность, и не просто экономическое насилие, а глубоко встроенное в души представление о гармонии полов как дополнительности, необходимости друг другу.

Но снова: «дружба с женщиной не считается возможной». Про уважение уже было — и мы снова и снова возвращаемся к любви как обязательному условию одухотворенного, человеческого секса. Здесь мадам даст сто очков вперед любому из советских (и антисоветских) писателей: поскольку в американском языке слово *любовь* опошлено до

неузнаваемости, она говорит о дружественности — при решительном разведении телесности от духа:

Я полагаю: что может быть более дружелюбным, чем делить с кем-то свою кровать? Так почему нельзя быть другом того, с кем ты спишь?!

Мужчины убеждены, что любые отношения с женщинами — прелюдия к сексу, и для «серьезных» дел ищут мужчин.

Причина заключается просто в том, что большинство мужчин не любят женщин.

Насчет большинства — это очень политкорректно; чуть выше Диксон говорила, что (при ее богатом опыте) знала только одного уважающего женщин мужчину — но то был гей...

И я удивляюсь, что бы стали делать мужчины, если бы узнали, что женщины такие же люди, как и они. Какое потрясение они бы испытали, если бы вдруг переключили свое внимание с того, что у них между ногами, на то, что у них между ушами! Но до тех пор, пока они позволяют своим гениталиям думать за них, этого никогда не случится.

Во многих случаях это стало бы действительно потрясением! Ибо нет ничего печальнее, чем зрелище глупой бабы, готовой связаться с теми, у кого мозги между ног, — но при этом фантазирующей о великой любви. Да, женщины такие же — но, скорее, столь же не люди. Они убеждены, что им позарез нужен секс — их так воспитали. И поиски любви — только через постель. Как не считать женщин блядами, если они сами предлагают себя в этом амплуа?

В конце концов, женщина рождается с таким же разумом, физической силой, как и мужчина, но вместо того, чтобы дать ей возможность развиваться и проявить свои способности, ей указывают на ее главное предназначение — быть женой и матерью. И для многих на этом все и кончается.

С разумом не рождаются — его вырабатывают! Всю жизнь, по капле выдавливая из себя животное. Если вы считаете себя природными существами — вам и ткнут в морду (или еще куда) вашу природность. Чтобы обслуживали и рожали. Так «защищают» женщин в Америке и Европе; то же самое мы читаем у советских женолюбков. Ну хорошо, допустим, что не только женой и матерью; тогда кем? Пожалуйста:

Если бы мужчины могли подойти к женщинам с той же откровенностью, с какой они подходят друг к другу, мы бы сделали наш первый гигантский шаг к Суперсексу, о котором я собственно толкую.

На фигу мужикам суперсекс? Ему и обыкновенного секса достаточно. Откровенничать с соискательницами? — зачем? Тем бы только отжаться покруче; ни о каких прочих достижениях речи нет. Так пусть получают свое — и не рыпаются.

... из-за такого отношения к женщинам мужчины сами лишаются самого прекрасного секса. Если вы не можете дружить с женщиной, то не сможете быть ей и хорошим любовником.

Так, ведь, в рыночной экономике у мужчин и нет задачи становиться хорошими любовниками — пусть бабы учатся улаживать кобелей. Чем они и занимаются — в частности при помощи пособий, вроде этого. Между прочим, типичнейшая черта феминисток — пассивность; пусть, дескать их оставят в покое — и дадут всякие права, и еще чего-нибудь дадут... Вместо того, чтобы делать свой мир — они ждут подарков со стороны сильного пола, тем самым подставляя себя и устремляясь в рабство мифического «суперсекса».

Попробуйте проделать небольшой эксперимент. Выберите женщину, которая вас привлекает, но вместо обычного ухаживания попробуйте разговаривать с ней, как если бы она была мужчиной. Кончится тем, что она сама предложит себя. Я обещаю.

Вот и вся любовь... Даже если мужчина действительно видит в женщине друга или бизнес-партнера — кончается все равно постелью.

Мадам с горечью вспоминает случай из практики, когда вроде бы обольститель после приглашения в гости просто прыгнул на нее, три раза вздрючил — и отвалился.

Никто не может обойтись со своим другом с таким презрением. Друзья стараются сделать друг друга счастливыми, помочь когда нужно, стараются понять друг друга. И, конечно, больше чем где-либо это необходимо в постели. Чуткость, взаимопонимание и желание доставить удовольствие являются основными ингредиентами хорошего занятия любовью.

А что Вы сделали, чтобы он считал Вас своим другом? Выпили вместе, потанцевали... Это, извините, даже не шапочное знакомство! Нет, конечно, любовь с первого взгляда таки бывает. Но даже в этом случае чрезмерная телесность дамы становится, скорее, досадной помехой, которую любви приходится по возможности преодолевать. В одной из арабских историй Маджнун отказывает Лейли, когда она пришла предложить ему себя: он предпочитает сохранить любовь, хотя, по законам того времени, именно за любовь ему предстояло умереть (а секс

с незамужней — тем более с родственницей — особым грехом не считали). А тут мужика с ходу затаскивают в постель — но при этом еще поучают:

Прежде чем заняться с женщиной любовью, нужно выяснить, что ей больше нравится, а это можно осуществить только путем откровенного, участливого и дружеского разговора, без предрассудков и без каких бы то ни было запретов.

Видали такое ханжество? Где у него было время на душеспасительные беседы? Не говоря уже о том, что выяснять эротические предпочтения дамы в долгих разговорах — явно не тот метод: такие вещи узнают в процессе, нащупывая (в буквальном смысле слова!) правильные места, пробуя себя в совместном творчестве. Тем более, что и дама далеко не всегда догадывается о своих тайнах — и прелесть новой любви как раз в том, чтобы глубже понять себя.

Далее разговор «о предрассудках вообще». Дескать, они делают из вас тормознутых, «чтобы вы не делали того, что вам хочется».

Очевидно, не все запреты плохи. Большинство из них препятствуют нам причинять вред самим себе или другим и они служат основой нашего морального кодекса. Но основное для всяких запрещений заключается в том, что они внушены нам извне.

Запрет — всегда плохо. Ибо он делает из человека животное. Пока человек *является* животным, запрет необходим. Но на смену ему должно идти сознательное действие. Посыл очень даже здоровый: вместо слепой веры в то, чему нас учили «с двухлетнего возраста» (а по жизни гораздо раньше!), — разобраться и «найти на основе факто подлинную истину». Вероятно, мадам не в курсе, что *factum* по-латыни означает *сделанное*. Именно в том, что мы считаем фактами, выражается наше воспитание. Про то, что истин самих по себе не бывает, — американцам не говорят, по партийным соображениям. Но предложение иногда думать, что делаешь — уже кое-что. У кого есть чем (см. выше).

Для меня нет ничего глупее, чем ответ: «Я ничего не могу с собой поделать, так меня воспитали». Отсюда следует, что вы можете делать глупые вещи, раз это можно свалить на родителей. Спросите у кукуклуксклановца, зачем он бежит в простыню и жжет кресты, — «так меня воспитали». Спросите у девушки, почему она настаивает на обручальном кольце, прежде чем пойти с мужчиной в постель, и она ответит: «так меня воспитали». А мне кажется совершенно очевидным, что если бы все говорили: «так меня воспитали» — то мы бы жили еще в пещерах, без каких-либо признаков туалета.

Типично американский наив: глупости делают по глупости. Что зря спрашивать тех, зажат условиями быта — и просто не может вообразить себе какие-то иные варианты? Расисты не только жгут кресты — они еще и негров вешают. И не потому, что дурные — а наоборот, от большого ума, с сознанием рыночной выгоды. Точно так же девушка продает себя в семейное рабство по рыночным ценам — и от нее здесь не зависит ровным счетом ничего. Но последняя фраза в точку: именно благодаря тем, кто нашел в себе силы пойти поперек всепроникающей дикости, человечество все же продвигается вперед, к миру, где есть чистые и хорошо оборудованные заведения — и столь же обустроенный секс.

Печально, что мудрость предлагается проявлять лишь одной, очень ограниченной сфере: без комплексов сообщать постельному партнеру, где он не совсем прав, — и подсказывать более удобные технологии. Даже если добавить сюда умение материться на публике (об освоении которого авторша сообщает с ликующей гордостью) — до человеческого отношения к миру (и другим людям) как-то не дотягивает. Потому и получается как получается:

Самый печальный факт в жизни, это что большинство людей занимается любовью в одиночку, предаваясь только своим собственным чувствам, своим собственным эмоциям и ощущениям.

Это не только о сексе — это о любви в самом общем смысле слова. Но дело не в том, что люди недостаточно мудры, — а в экономической сути капитализма, общества всеобщего отчуждения. Никакие тренинги не помогут, если людей на каждом шагу ставят по разные стороны пропасти (имущественной, расовой, половой, этнической или возрастной). Классовое общество под партнерством понимает соперничество, перетягивание одеяла (или кто под чем спит) — но никак не единство, совместный труд и совместное творчество. Отсюда и чисто рыночное «определение» Диксон:

... занятия любовью — это совместные старания двух людей в сотворении радости и красоты, наслаждение. одинаковое для обоих и в которое оба вносят одинаковый вклад.

Если мы будем думать о паритете — это не любовь, а бизнес и политика. Важна совместность творчества, радость и красота; все остальное — как сложится. Внутренний протест против торгашества таки есть:

Я считаю, что занятие любовью — это просто кульминация сексуальной игры, которую навязывает нам наша цивилизация. Это мат в бесконечном шахматном матче между мужским желанием

господствовать и женской чувствительностью, хотя то и другое противоестественно.

Именно так: экономические отношения прячут за противоположностью полов (или этническими, или межконфессиональными отношениями) — которые в данном случае лишь *обозначают* взаимное отчуждение, всеобщее разделение труда. Это действительно противоестественно — однако задача не в том, чтобы откатиться в первобытность, а в том, чтобы решительнее избавляться от природности, от бесконечной грызни всех со всеми. Вместо сексуальных игр — обычные, человеческие связи, участие в общих делах, чем разнообразнее — тем лучше. Чем мы разнообразнее, универсальнее, тем меньше поводов выпатить одно из возможных отношений друг к другу — и тем больше возможностей духовно сливаться друг с другом (то есть любить). Понадобится нам для этого полая любовь — без проблем. Но лишь как одна из черточек целого, далеко не самоцель.

Далее зарисовка о противоестественности воспитания — в русле традиции: мужчин приучают казаться грубыми, а женщин слабыми, — хотя по природе все наоборот:

Кто были величайшие поэты, музыканты, артисты до сих пор? Кто испытывал настоящие страдания в конце любовного романа? Мужчины, вот кто. Женщины производят больше шума, но под ним прячут свою упругую практичность, которая помогает им пройти почти невредимыми через самые невероятные катастрофы. Хотя женский порог болевых ощущений гораздо выше мужского, именно она имеет смелость кричать, когда мужчина закусывает губы и старается не выдавать своих мучений.

Мадам (как и все прочие) не замечает, что мужская чувствительность и женская стойкость — тоже продукты воспитания! С момента рождения девочек и мальчиков не просто подгоняют под филистерские стандарты, а встраивают в них внутреннюю противоречивость, на которой так удобно играть власть предержавшим (а за ними и всем кому не лень). Однако романтические страдания — из другой оперы. Мужчина теряет не просто женщину — он теряет собственность! — самая болезненная из потерь. Женщине нечего терять, кроме цепей, — и потому она способна пережить крушение иллюзий: в ее жизни, собственно, ничего и не произошло, все остается как было — только горечь на душе. Остальное лишь оттенки, в зависимости от достигнутого уровня духовности. Это рынок: спрос рождает предложение, и наоборот.

Постельное поведение — продолжение и составная часть поведения экономического. Способ производства воспроизводится в семье — и самые лучшие родители не в состоянии компенсировать уродств, вбитых в ребенка самим устройством семейного бытия.

Но хуже всего то, что мы учим их, будто любовь — это для девочек, а секс — для мальчиков.

Хуже всего, что и девочек никто не учит любви! Вместо нее коммерция, циничный расчет — стремление присвоить, закабалить, поработить. Идея примитивна до одури: если мужчина — главный собственник, то делая собственностью мужчину, женщина обретает весь мир — и других путей нет. В любом случае — это не человеческое, а сугубо орудийное отношение к партнеру;

Все это приводит в постель двух неполноценных людей... В результате чаще всего возникает полное непонимание друг друга, отсутствие эмпатии.

Про эмпатию — это типично женский взгляд (см. выше); мужчина бы усмотрел здесь женские капризы, неумение как следует отдаться — вплоть до ригидности. И то, и другое — отсутствие любви, глупая спешка: вместо того, чтобы (иногда годами) выстраивать многообразные человеческие отношения (которые в какие-то моменты мог бы украсить секс) — побыстрее нырнуть в постель, продемонстрировать с одной стороны доступность — с другой потенцию.

Я говорю не о тех эгоистах, которые вообще ни о чем не заботятся, кроме себя. Нет, есть и такие, которые хотят понравиться своей партнерше, но не знают, как определить ее состояние в каждый момент. Я знала таких глупых мужчин, которые покидали меня как раз тогда, когда я находилась на пороге оргазма! Не потому, что они об этом не беспокоились, а потому, что не могли уловить мои самые недвусмысленные сигналы.

Вот так: упреки мужчинам за утилитарность, использование женских тел по своему разумению — плавно переходят в женские представления о том, что мужчина должен делать именно то, чего желает она. Когда мужик удовлетворяется, не обращая внимания на чувства дамы, — это плохо; когда дама хочет использовать мужика для самостимуляции — это в порядке вещей. Груз классового воспитания, противоположность полов воспроизводится снова и снова, в самых разных обличьях. Тупик. Из которого нет выхода, если мотивы секса искать в самом сексе, человеческие отношения сводить к физиологии.

И тут мы снова возвращаемся к вопросу о мотивации. Почему мы это делаем? Мы это делаем прежде всего для того, чтобы доставить себе удовольствие.

В контексте борьбы с семейственностью и вульгарно-репродуктивным отношением к женщине — это революционно. Советские и прочие «социально» мыслящие писатели — возопили бы со всей дури, с пеной у рта клеймили бы буржуазное легкомыслие. При том, что именно культ семьи и женщины-матери есть первейшее выражение буржуазности. Но человеческое удовольствие — вовсе не то же самое, что «броситься на женщину, засунуть ей свою штуку и достичь оргазма».

Речь идет о получении удовольствия всеми своими чувствами, а не о простом облегчении своей сексуальной потребности.

Фишка в том, что сосредотачивая внимание на собственных ощущениях (или реакциях партнера) — мы теряем чувственность как таковую, и если в результате какое-то удовольствие найдется — оно, скорее, будет интеллектуальным (или чем-то похуже). В этом суть иерархичности: рефлексия по поводу любой деятельности есть *другая* деятельность — со своими мотивами. Секс ради удовольствия — лишен удовольствия; любовь ради любви — не любовь. Наивно полагать, что одно лишь упоение своими ощущениями позволит мужчине

иметь рядом с собой исключительно счастливую женщину и превратит таким образом «Я» и «Ты» в «Мы».

При всей женской отзывчивости, это все равно

приводит к поспешному, неудовлетворительному и скучному половому акту.

Чтобы получить удовольствие от секса — надо прежде всего заниматься тем, что доставляет удовольствие, помимо секса. Где это удовольствие от совместной деятельности — взаимно приятен и секс. Духовность — ключ к себе — и к любви. В частности, это и умение превратить секс в творчество, сделать физиологию знаком, выражением чего-то более высокого, разумного, человеческого. У каждого по-своему. Но этот не начинается постелью, а лишь делает ее одним из воплощений духа.

Все это кажется простым и понятным, но остается в пренебрежении у слишком многих мужчин именно потому, что наша культура учит их, что находить удовольствие в чувствах — это привилегия женщин. Конечно, им кажется чем-то несурзным увидеть грубого шофера грузовой машины наслаждающимся округлостью женского бедра, или восхитительной мягкостью ее зада, или ароматом ее волос.

Отсюда один шаг до сексологического материализма: за уродством чувств — экономические причины. Не люди грубы и невежественны сами по себе («по природе») — это организация труда и быта делает их грубыми и невежественными — в том числе в сексе. Представьте себе, что работа шофера связана с чувственным отношением к машине, с умением восхищаться ее формами и движениями, ее отзывчивостью — или даже строптивостью. Для такого шофера нет ничего нормальнее увлеченности женскими прелестями: для него это лишь продолжение другой, далекой от секса жизни. Есть такое в реальности? На каждом шагу! Только капитализм, с его системой всеобщего разделения труда, вынуждает людей ставить одно выше другого — вместо того, чтобы развивать одну духовность другой.

А у Диксон — абстрактные пожелания: давайте воспитывать в себе чувственность — и великодушие, желание дарить. Типа: хотите быть миллиардером — будьте!

Мальчик, помогающий старушке перейти улицу, и мужчина, дарящий своей даме бриллиант, делают это по одной и той же причине: из желания показать себя щедрым, великодушным. В этом нет ничего плохого или хорошего, это просто присуще человеку.

Можно ли полнее выразить (вбитую классовым воспитанием в мозги) убежденность в вечности, «естественности» торгашества? Распускать хвост, выпендриваться — это чистейшей воды коммерция, реклама, которая (предположительно) должна окупиться за счет выгодного перераспределения активов. Какая, к дьяволу, любовь!

Если, разжигая женщину, мужчина сам не разжигается, значит с ним что-то не в порядке.

Ты мне — я тебе. Баш на баш. В любви — никто никого не «разжигает»; любящие уже горят вместе — они просто не смогут быть всего лишь любовниками.

Дальше — технологические подробности, обсуждать которые нет особого смысла. Но по ходу — интересное замечание:

Очень мало пар достигают сознания «мы» с первого раза.

Термин хорош: сознание «мы». Напоминает о первобытной магии, и про теории психологического резонанса... Но главное — выдвигения этого единства на первый план, в качестве цели и критерия «успешного» секса. Стоит ли повторять, что проблемы с близостью — оттого, что начинают не с того конца? Теоретически, можно через секс пробиться к любви —

но куда проще приходиться к постели с готовым сознанием «мы», лишь распространяя его на половые игры. Когда мы чем-нибудь (чем угодно) занимаемся вместе, у нас есть шанс ощутить эту совместность как творческое сотрудничество, единство мотивации (эмпатию); когда такое единство уже неотделимо от личности — это любовь.

Достаточно разумны замечания Диксон о взаимном удобстве (типа расположения партнерши слева для правой); в более современных пособиях увлекаются трюками — которые, по факту, губят на корню собственно эротику. Вместо секса — экстремальный туризм. Вместо того, чтобы в комфортной и спокойной обстановке уделить больше времени исследованию тел, — лихорадочная смена поз, попытка вписаться в странные объемы, с риском кого-нибудь травмировать; конечно, такие упражнения могут представлять некоторый интерес — когда не хватает фантазии и желания высвободить духовность партнера. Между прочим, даже простое (но заинтересованное) разглядывание ее тела действует на женщину возбуждающе — возможно, поэтому модели так легко отдаются художникам и фотографам. Можно, пожалуй, также согласиться с Диксон, что неумеренно разрекламированная позиция 69 мало подходит для финальной стадии — когда так важно быть глаза в глаза, ловить тонкие нюансы эмоций.

Как мужчины прикрывают чувствительность грубой агрессией — так и женщины прячут безразличие под маской бурной активности, изображают восторг вместо искреннего чувства. Иногда в силу дурного воспитания (так полагается делать, так показывают в порно) — иногда из-за желания больше понравиться (чрезмерная опека). Хуже всего, если такое актерство — с коммерческим душком, в расчете на известность, секс-рекламу (за которой стоят вполне меркантильные интересы). Диксон холодно замечает, что «проявляющие так много страсти леди мало заботятся об утонченности», и что

большинство женщин любят перемены в способе ведения акта, но весьма мало заботятся о всякого рода экзотической акробатике.

Все хорошо в меру. Бурные порывы отвлекают от поисков высокой духовности — но и чрезмерное эстетство отвлекает от любви.

Только мужчина, посвятивший себя любви, может стать мастером куннилинга.

А на фига? Как только мы чему-то себя «посвящаем» — это конец универсальности, духовная смерть личности. Человек интересен вовсе

не совершенством ремесла (так оценивают животных) — за каждым его деянием бесконечность других возможностей: не умение преодолевать барьеры — а способность выходить в иное измерение, где барьеров нет. Как только мы вбили себе в голову, что в «суперсексе» обязательно будет то-то и то-то — мы разучились заниматься сексом по-человечески, приходя к телесному единению очень разными путями. Если мужчина не хочет лизать передок, а женщина сосать член, — и аллах с ними! Это их индивидуальность, которая делает половое общение интереснее, переносит акцент на тонкости другого рода, недоступные знатокам модных практик.

Когда любовь соединяет людей — им часто вообще не нужно ничего предпринимать: даже просто быть рядом — величайшее наслаждение, перед которым меркнет любой оргазм. Взгляд, прикосновение, нежное слово — прямой путь от сердца к сердцу, в отличие от физиологических изысков. Секс может быть хорош как вишенка на торте — но без торта и украшать нечего. Женщина может не испытать оргазма — но значит ли это, что секс не доставляет ей удовольствия? Точно так же, мужчине иногда намного приятнее довести до полного восторга даму — не отвлекаясь на собственные излияния (так или иначе навязывающие гигиенические процедуры). И уж конечно не обязательно (в русле рекомендаций Диксон) наполнять мир характерными звуками; для обычного человека (у которого нет собственной виллы с частным парком на несколько миль в диаметре) позаботиться о приватности половой жизни — святое дело: вовсе незачем извещать о постельных достижениях соседей — даже если лично вас публичность не напрягает. Показать свой восторг партнеру — миллионы способов, и чем шире репертуар — тем ярче любовь.

В конце концов (в главе 5) мы выползаем из постели — и с горечью обнаруживаем, что уродский быт, от которого мы пытались спрятаться в секс, после принятой дозы смотрится еще хуже, и ужасающая пустота заставляет заполнять ее новыми приключениями, и так без конца. Одна наркота не лучше другой. Особенно это касается женщин, которые быстро заучивают хронометраж — и покорно скучают, и что-либо на самом деле испытать — им все труднее:

Мужчины не должны забывать, что женщине нужно сосредоточиться на достижении оргазма.

В этом корень зла. Сосредотачиваясь не на физиологии, а на любви — мы не заботимся о банальности и новизне, о том, что должно получиться

из наших движений: мы думаем только друг о друге, наслаждаемся не сексом, а близостью (которую, кстати, вовсе не обязательно следует искать в сексе).

Очередная порция бабьих сплетен про неотесанность мужиков, пошлость адюльтеров и надоедливость клиентов... Но чего же вы хотите, если ваше половое воспитание упирается в вашу человеческую невоспитанность? Если для вас нет жизни вне секса — не будет и секса. Диксон пишет, что традиционное девичье воспитание целиком вертится вокруг монетизации тела: женить на себе мужчину — или развести на дорогие подарки. Но когда девочки видят в мужчинах только сложное приспособление для мастурбации — тоже не комильфо. Женщины (по Диксон) не выносят, когда их «используют»; но насчет попользоваться самим — тут всегда пожалуйста.

Свалить мусор всегда есть на кого — тем более, что поведение мужицких масс после акта далеко не блистает духовными откровениями. Диксон не может удержаться чтобы (вслед за многими другими) не изречь «несколько суровых слов ко всем мужчинами, для которых половое сношение является чем-то вроде анестезии». Ребята, давайте продолжим! — потерпите, не отключайтесь так стремительно. Но там, где все заточено под оргазм, — им все и заканчивается, как иначе? Вопрос просто не возникает, если заниматься сексом по любви: любовь остается и после, а в какой форме оно продолжится — уже неважно. Между прочим, тут и к дамам бывали пожелания; вспомните хотя бы грустные стихи Жана Кокто о том, что он не может последовать за уснувшей после ласк женщиной в ее сны.

Некоторые женщины не могут заниматься сексом одним лишь телом. Все их существо участвует в акте, и независимо от того, насколько они искусны или пресыщены, даже самый мимолетный секс является для них эмоциональным событием.

У разумного человека, чем бы он ни занимался, вообще все становится «эмоциональным событием»! А иначе зачем? Это в буржуинстве работа для работы, кайф для кайфа, оргазм для оргазма... Мир, разодранный в клочья. Единство с другим человеком — другая сторона внутреннего единства; универсальность деятельности — знак цельной личности. Просто так попрыгать в постели — полная бессмыслица. Заранее настраивать себя на эфемерность постельных отношений — посадить любовь в клетку, прекратить движение духа. Речь, конечно же, не о том, чтобы после оргазма бежать в загс — или к ювелирам за бриллиантами;

это чисто коммерческая «благодарность». Но сделать каждую близость незабываемой — нормальное стремление разумного существа, и не надо специально продолжать то, что просто не может завершиться, что остается навсегда.

Разъяснения насчет порнографии (женщина возбуждается от слов — мужчина — любит картинки) просто повторяют вековые предрассудки о любви ушами — или другими принадлежностями. По жизни — бывает наоборот, да еще и зависит от обстоятельств места или времени. Есть дамы, которые просят показать в нужный момент что-нибудь «эдакое»; и наоборот, есть мужчины, на которых чтение скабрзностей действует куда сильнее (довольно однообразных) экранизаций, — более того, такие мужчины эти книжки и пишут! А для некоторых (вроде великого маркиза) порно — лишь повод заняться философией.

Вместо всего этого — банальные сентенции: «обращайтесь с леди как с проституткой, а с проституткой, как с леди; тогда вы никогда не ошибетесь»... Глупо. С людьми надо вести себя как с людьми — любить партнера, а не вписывать в роли. Какие мы при этом говорим слова и совершаем действия — без разницы: главное, чтобы не от ремесла, а по вдохновению, не по опыту, а по любви. Люди играют не только в сексе: это один из уровней всякой вообще деятельности; отождествлять игру с реальным производством — верх нелепости (а в сексе — еще и неприличия).

Посткоитусное время — самое удобное для разговоров об искусстве любви... это самое благоприятное время, чтобы проявить друг к другу любовь и дружбу.

Но лучше все-таки любовь и дружбу практиковать задолго до коитуса, и не забывать о них во время. Тогда совершенно неважно, чем все закончится — лишь бы оставаться вместе, наяву и во сне.

Следующая глава — стимуляция подружек насчет избавиться от вековых предрассудков: про девственность, про секс-табу, и т. д. Есть у девочки ценный актив — надо продаться подороже:

Каждый день ей всеми способами доказывают, что это единственная дорога, ведущая к полной жизни и что пока она не станет женой и матерью, существование ее бессмысленно. Допустим, что для многих женщин дом и очаг означают высшее счастье, но предполагать, что *все* женщины должны быть домашними наседками, столь же бессмысленно, как утверждение, что все мужчины должны быть врачами или водопроводчиками.

Или богатыми... Дело не в предубеждениях, а в реальном устройстве классовой экономики — где человек вынужден заниматься доступным ему ремеслом, что бы он про это ни думал: без денег никуда... Если женщине доступны все без исключения сферы деятельности, и нет нужды заниматься чем-то одним исключительно ради заработка, — ее бесполезно агитировать за семью и детей: она сама решит, что ей интереснее по судьбе. Но точно так же, она распорядится и своим телом по собственному разумению, и вовсе не обязательно в качестве заманки для самцов или способа самоудовлетворения. Однако есть факт — всеобщее разделение труда; различие полов — частный случай. Что поделили — тем приходится обменивать; отсюда рынок — в том числе, рынок тел. Воспитывают девочек не злонамеренные (или несчастные) родственники — воспитывают объективные (то есть, природные) законы рынка, и никакими душе(или тело)спасительными книжками ничего не изменить. Тем более, когда взамен одной постели — предлагают другую постель, вместо одного секса — другой. Да, традиционно женщина хочет быть привлекательной (sexu), чтобы «заставить мужчин желать ее тело до такой степени, чтобы они захотели жениться». Но быть сексуальной только для того, чтобы улаживать себя постельными похождениями — тот же рынок: покупка любовника вместо мужа; проще купить вибратор.

Одна из подружек признается: «из-за того, что я стала думать о сексе, я стала намного сексуальнее». Но это же очевидно! Если на этикетке товара написано, для чего он предназначен, — его и покупают те, кому оно нужнее. Но это очень избирательный интерес — со стороны самцов, а не мужчин, — любителей секса, а не жаждущих любви. Будь подружка поумнее, она открыла бы для себя такую вселенную, по сравнению с которой и «супероргазм» окажется бледной немочью!

Чтобы наслаждаться сексом, нужно любить и себя, и человека, с которым находишься в постели.

Безусловно. При условии, что речь именно о людях — а не только телах. Но у Диксон другая логика:

Следовательно, надо со своего отношения к самой себе. Если вы не любите себя и эротическую сторону своей природы, то как можно надеяться, что кто-либо полюбит вас и сделает счастливым ваше тело?!

Начнем с того, что тело не бывает счастливы или наоборот; счастье — только для людей. Любить себя можно только как человека — и эротика тут вообще ни при чем: это лишь одна из красок, одна из нот. Наконец,

любить себя люди учатся *только* через любовь к другому — другого пути нет. Но Диксон воспитана рынком — и для нее любить = ценить. Что иллюстрирует истории некой Линн, долго прозябавшей в шкуре талантливого химика — но пришедшей к сексу через любование собой, «оргию нарциссизма». Как только дама начала тратить деньги на свою внешность, на дом, на дорогое белье, на рестораны и отдых, — она тут же превращается из «синего чулка» в «чертовски привлекательную женщину».

Здесь суть буржуазной пропаганды секса: заставить *покупать*. Способствует сексуальности — лучшая реклама. И первыми жертвами этой (сугубо мужской!) политики становятся женщины. Они даже не замечают, что их используют, — хотя громко возражают против того же в сексе. Линн удивляется резким сдвигам в карьере, новым перспективам роста... Ну еще бы! Смазливая дамочка — лучшая реклама для бизнеса. До сих пор женщин используют на всех уровнях (от трактира до офиса президента) для «связи с общественностью». Линн наивно признается, в покупке расположения ранее враждебных коллег обходительностью и подарками — это же так естественно! Милым дамам и в голову не приходит, что такая сексуальность — сродни приституции; или иначе: они не умеют отличить проституцию от любви.

Почему бы вам не опрыскать духами ваши наволочки? Почему бы вам не менять простыни 3 раза в неделю вместо одного? А что вы скажете о свежих цветах возле постели?

Все это замечательно, слов нет. Но требует не только средств — но и доступности определенного образа жизни, чего у большинства людей нет и быть не может. Если бы даме пришлось самой стирать и гладить белье три раза в неделю — это вызывало бы тот же восторг?

Что общего имеет такая любовь с сексом? Абсолютно все — в этом и дело! Потому что именно эти мелочи пробудят вашу чувственность. Окружив себя красотой и комфортом, тоньше становятся ваши осязательные ощущения к тканям, вы лучше почувствуете ароматы, приятные картины и звуки, а все эти компоненты как раз и возбуждают секс. Важнее всего то, что любя себя, вы тем самым привлекаете к себе других. Это очень заразительно, клянусь вам! Вы создаете вокруг себя ореол привлекательности. Женщина только тогда прекрасна, когда она считает себя прекрасной, и любовь она может привлечь только если будет думать, что заслуживает ее. Совершенно очевидно также и обратное: если женщина не заботится о себе, то и другие о ней заботиться не станут; если она сама себя не считает достойной любви,

то кто же ее полюбит? А отсюда вывод. Если вы недовольны тем, как люди к вам относятся, то прежде всего посмотрите, как вы сами к себе относитесь.

Чувственность ради чувственности, пробуждение ради пробуждения... Снова и снова: покупайте! Ваша личность — имеет цену: чем больше вкладывает — тем ближе дивиденды. Ту же логику навязывают биржи, сетевой маркетинг, финансовые пирамиды. Но может ли быть иначе, если видеть себя (и других) лишь с одной стороны, в одном качестве? — все неизбежно сводится к количественным показателям. Любовь к себе здесь не имеет ничего общего с любовью — это обычный рекламный трюк, игра на обывательском тщеславии; для хорошо промытых мозгов (особенно американских), что дороже — то обязательно лучше, и друг перед другом бахвалятся на практичностью приобретений, а их ценой. Секс не исключение. Заразительность = стадность, недостаток разума (как у панурговых баранов и их владельцев). Приучить публику — прикормить добычу. Если женщина считает себя прекрасной — с ней согласятся лишь те, кому она нужна в определенном качестве, и кто может снисходительно закрыть глаза на несоответствие рекламного образа реальным достижениям. Все давно привыкли торговать собой — и красота (настоящая или воображаемая) воспринимается как упаковка товара, как мишура.

В народе говорят, что хорошая вещь в рекламе не нуждается. Когда такие вещи все-таки рекламируют — это, скорее, дань традиции, уступка правилам игры, способ откупиться от назойливых бюрократов. Мы покупаем проверенные продукты, независимо от рекламных кампаний (а смена упаковки только мешает); мы устанавливаем на компьютер те программы, с которыми мы привыкли работать, и знаем, что они не подведут; лишь когда нужен необычный функционал, приходится долго подыскивать подходящее, перебирая тонны расфуфыренного мусора. Женщины — не исключение. Мужчины тоже.

Но если копнуть поглубже, оказывается, что отношение к себе вообще невозможно вне и помимо отношения к другим: это проекция нашей деятельности на внутренний мир. Чего мы хотим от мира, каким собираемся его сделать, — вот наша картина самих себя. Голое потребительство, желание купить — автоматически делает человека товаром. Напротив, жажда творчества, следование голосу разума — освобождает от необходимости проявлять и выгодно подавать себя, раскрепощает тело и дух.

Разрекламированная Диксон любительница себя — по сути, ничем не отличается от «самого неприятного типа женщин», играющих (по Берну) в «динамо»:

Она пользуется своим телом как приманкой, а потом беззастенчиво использует мужчин, которые попались на ее удочку.

И оргвыводы:

Если в конце концов ее изнасилуют, это будет вполне заслуженно. Не дразните голодного пса куском мяса, а то он укусит вас!

Это про людей? Нет, это о кусках мяса, обоего пола. Одна дикость против другой, ни малейшей духовности.

И точно так же, никакого отличия от раскритикованных чуть ниже акул-мужеедок:

На самом деле она любит не секс и не мужчин. Она использует то и другое лишь для того, чтобы отомстить судьбе, которая дала ей тело женщины, и с помощью этого тела она наказывает мужчин за то, что они мужчины.

В наше время, когда операции по смене пола успешно проводят в оба конца (а то и по нескольку раз), — вроде бы, не актуально; однако предложите такой сменить пол — она откажется! Значит, дело в другом.

Во всех случаях — рынок. Заплатить поменьше, получить побольше. Дальше — рыночные стратегии, формирование пакета акций. Одни вкладываются в одно, другое в другое. Ни слова о том, чтобы изменить мир, избавить людей от необходимости продавать и покупать — когда секс станет лишь одним из штрихов бытия, вовсе не требующим повышенного внимания и полной самоотдачи. Следуя логике Диксон, многие вбухивают все в какое-нибудь увлечение (иногда несколько), от коллекционирования спичечных коробков до физики черных дыр. Занятие само по себе безвредное — и даже общественная польза бывает. Но это далеко от разумности, от свободы, от любви. И куда ближе к наркомании или эскапизму. Любительница абсента, любительница секса, благочестивая ханжа, — одно лицо.

Те же торгашеские правила — в главе 7, где женщину учат изо всех сил восхищаться мужским членом, чтобы (в терминах НПП) создать раппорт — и потом уже использовать чужое мясо на все сто:

И даже если он подумает, что вы преувеличиваете или же просто слишком мало видели членов, все равно он будет польщен, и ваши слова сделают его счастливым. Это первый шаг к тому, чтобы он заплатил вам тем же.

Рыночная идиоматика стала неотъемлемой частью языка — но как мы говорим, так мы и думаем (см. выше про нейрокибернетику). Требуется очень потрудиться, чтобы изменить и то, и другое.

Но рынок не сам по себе — это продукт и механизм классовой экономики, общественной системы, основанной на эксплуатации человека человеком. Поэтому и член для мужика

не только инструмент наслаждения, но прежде всего его орудие его господства над женщиной...

Потому и «желания его раздваиваются: ему хочется дать и получить»...

Казалось бы, как яснее выразить бездуховность и уродство? Какая любовь, когда одни ездят на других (уже и в буквальном смысле)? Но Диксон призывает не просто смириться, но и радоваться — и принимать палочные удары как «дар любви». Предполагая, что партнер достаточно тщеславен, чтобы еще больше распустить хвост:

... когда женщина вступает в контакт с мужчиной, радостно самоотдаваясь ему, его гордость и самолюбие заставят его сравняться с нею в рвении — обязательно!

Ту же апологетику барства мы видим в сочинениях авторов, весьма далеких от порнографии, и даже гневно осуждающих увлеченность телом. Высшее извращение — наслаждаться рабством и считать его необходимым ингредиентом того, что Диксон называет «суперлюбовной стряпней» (*superlove concoction*). В качестве специй — женские игры с членом, которые можно и затянуть:

Никогда у вас не будет такой власти над мужчиной, как сейчас...

... уже одно только удовлетворение от чувства своей огромной власти будет достаточной наградой за все ваши труды.

Если вы однажды осознали, что за восхитительную, возбуждающую игрушку имеете вы в своем распоряжении, то сможете использовать ее для своего, а также для его собственного наслаждения.

И это у них называется любовью? Да, слуги частенько надувают господ (по-французски это называется: *играть ручкой корзины*); но слуги остаются слугами, господа господами. А любовь свободна — она не нуждается во власти, и не требует наград.

...разве вы не нашли у меня никаких доказательств, что любовь является самой восхитительной составной частью занятий любовью?

Когда любовь принимает участие в занятиях любовью, то вы имеете самое лучшее из всего, что только может быть.

Мы нашли, скорее, доказательства противоположного: если любовь считают лишь «составной частью», ингредиентом секс-кулинарии, — если она лишь «принимает участие», — что унижительнее для любви?

Заниматься любовью с мужчиной, которого вы можете чувствовать всем своим телом, всеми фибрами своего существа, ведь это и есть квинтэссенция счастья. И я буду последней из женщин, если стану выступать против этого.

Когда «существо» сводится к телу — откуда взяться любви? Обратно, когда есть любовь — какая разница, в чем она выражается? Взгляд, молчание, мытье посуды, нетленные шедевры искусства или науки... Можно, в конце концов, вообще ни разу друг с другом не встретиться, даже не знать друг о друге, — это не помеха для духовного единства, для свободы, для любви.

Но ни на секунду не подумайте, что вы не можете иметь хороший, здоровый и счастливый секс без любви.

Не указывает ли это на абсурдность чрезмерной сексуальности, погони за постельными приключениями? Мы можем почистить зубы или сделать прическу без того, чтобы превращать это в дело всей жизни; точно так же, удовлетворение половой потребности вовсе не требует стремления к «суперсексу». Искусственно качать чувственность — овчинка не стоит выделки. А нам вещают:

Вы должны поддерживать истечение сока — иначе вы высохнете.

Ну, допустим, высохли. И что? Чем это ущемит нашу человечность, почему мы должны считать себя людьми второго сорта? Телесные импульсы разумный человек использует в русле творческих исканий; если не будет одних — будут другие, но все они лишь внешние обстоятельства деятельности, а смысл в другом.

Несомненно, лишь чем-то занимаясь вместе, мы можем узнать друг о друге, и узнать друг друга. Иногда это перерастает в любовь. Да,

если любовь ведет к сексу, то и секс ведет к любви.

Вот именно: *если*. Но в любви вовсе не обязателен секс, а постель стоит не в загсе (если ограничиться рыночной любовью) — и чаще вызывает лишь угрызения совести и накладывает моральные (или финансовые) обязательства, чем способствует духовному сближению.

Наслаждение друг другом в постели чаще всего ведет к наслаждению друг другом вообще. Идите с мужчиной в постель, и это может кончиться тем, что вы влюбитесь в него.

Когда от мира ждут только наслаждений — ожидания не оправдываются никогда. Любовь — из другого мира, где наслаждения неуместны (хотя и не исключены).

Понятно, что для той любви, в которой секс лишь один из оттенков, совершенно безразлична (не)однократность, или продолжительность знакомства. Может случиться по-всякому. Ограничивать себя рутинной или мимолетностью — неразумно. Пусть будет и то, и другое, — или вообще ничего не будет: мечты — такая же плоть духовности, как и эфемерная органика.

Многим женщинам трудно быть совершенно свободной и бесстыдной с мужчиной, к которому она испытывает любовь, — они все время боятся сделать что-нибудь такое, что оттолкнет любимого.

Когда есть любовь — людям некуда спешить, и они вольны узнавать друг друга не сразу, а по искоркам. Если же вы боитесь оттолкнуть любимого — значит, вы не любите. Любовь делает человека чутким, направляет его (и не только в постели). Робость в любви не помеха — она лишь дозирует телесность, чтобы не стеснить духа. Лечить это одноразовыми приключениями — какая глупость! Тем более, что приобретенные на таком опыте знания все равно никуда не подшить: сама же Диксон настаивает, что одни и те же навыки не годятся для каждой постели, — люди разные. Развратность и целомудренность — хороши на своих местах; это лишь инструментарий нашей телесности. Не по базарным правилам:

... одноразовая встреча может быть использована как прекрасная возможность попрактиковаться, усовершенствоваться в мастерстве. И именно так вы сумеете стать женщиной, от которой мужчины никогда не сбегут...

Здорово! Мужчину используют в качестве тренажера, чтобы собрать стартовый капитал. То же самое Диксон рекомендует и мужикам — хотя сама же выше возмущается донжуанами, оттачивающими мастерство обольщения на (морально) невинных созданиях.

По логике, обучение сексу намного эффективнее там, где вы хорошо знаете учителя и уже настроены на тренировочный процесс. То есть, в относительно регулярных отношениях. Например, занятия танцами в группе позволяют отрабатывать элементы с разными партнерами под руководством опытного танцора; но когда вы пришли на милонгу, на дискотеку, или просто в теплую компанию, вы уже не на тренировке, и звучит музыка, и надо с незнакомым партнером танцевать так, будто от

этого зависит ваша судьба, и технические нюансы лучше отодвинуть на десятый план. Это искусство, это духовный труд.

В самодельной перепечатке, по которой мы когда-то познакомились с трактатом Диксон, далее следует длинный кусок, который выпал из послеперестроечного русского издания. Одноразовые приспособления для секса — это, конечно, замечательно:

А потому я вам советую: если вы можете найти трех, пять или даже дюжину людей, с которыми можно завести беглую интригу, то так и сделайте.

Но:

Какой бы удовлетворительной не была такого рода жизнь бабочки или мотылька — она может продолжаться довольно долго — но рано или поздно вы почувствуете потребность пристать к одной особе и посвятить все свое время, все свое внимание ему или ей. Это уже последняя ступень в деле любви и она вполне стоит ожидания, поисков и стараний. Большой Роман включает в себя любовь, преданность, чувство дружбы и уважения, и совершенный секс, в котором каждый из нас нуждается, которого каждый из нас желает, несмотря на весь приобретенный нами в жизненной борьбе цинизм. Любить и глубоко заботиться о другом человеке — это единственный путь к полному совершенству...

Скорее всего, потому и выбросили, что не вяжется это с циничной апологией мотыльков, порхающих из постели в постель. Совсем другой тон — и первый вопрос: а почему не начать с этого, с любви? Курс половых технологий можно ввести в школьную программу, вдоволь поупражняться в методике и гигиене секса; но когда аттестат зрелости на руках — стоит ли заострять на пройденном внимание? Не лучше ли поискать новых высот — перейти от обучения к творчеству, от тела к духовности, от контактов к общению?

Имейте в виду, однако, что я говорю вовсе не о браке, который, по моему, является убийцей любви.

Правильно. Речь именно о любви; но полагать, что это дело двоих, — пошлый обывательский предрассудок (от которых Диксон до сих пор призывала избавляться):

Быть настолько погруженной в другое человеческое существо, что все остальное буквально становится невидимым, делить с ним и давать ему все, что вы имеете, — это единственная полная радость и счастье, известное человечеству, — но только до тех пор, пока вы не оформили это по закону!

Погрузиться — это замечательно. Но так чтобы весь мир послать в задницу — это не по-людски. Человечеству известно такое, о чем R. D. даже не догадывается, — и о чем мы тоже имеем очень смутные представления. Любовь дарит влюбленным весь мир — буквально! Нет ничего, что не вписывалось бы в полное единство (на то оно и полное). Загонять любовь в клетку (даже в самых нетрадиционных форматах) — значит, избавиться от любви (ибо она все равно окажется вне запертых на правовой ключ пространств). И однако нельзя думать что брачные пары (или иные коллективы) абсолютно потеряны для любви.

Я уже писала, что не верю в счастливые браки, и не изменю своего мнения.

Сама законность брака омертвляет роман, и ничто на свете не может убить восторг совместного пребывания скорее, чем шаги к алтарю. Как только брак совершен, вы привязаны друг к другу больше внешними силами, чем внутренней потребностью или желанием, и что-то самое важное теряется из-за этого навсегда.

Часто случается ситуация, когда любовная связь благотворна и счастлива, а брак оказывается для этой же пары губительным.

Давайте не будет путать компот с яичницей! Люди (помимо брака) состоят в десятках формальных и неформальных сообществ. Если любящие принадлежат одному коллективу — каким образом это может отразиться на их любви? Если, допустим, они вместе работают на заводе, или в офисе, или танцуют в балете, — они что, не могут любить друг друга? Так почему формальный брак должен обязательно разрушить любовь? А если разрушает — любовь ли это? Вспомним супругов Кюри, супругов Лафарг (и многих других). Ах, это не отвечает представлениям мадам Диксон о «суперсексе»! Быть может, это говорит лишь о том, что с мадам что-то не в порядке, — и не надо сводить любовь к банальному «роману»? Даже если люди счастливы в любви (и в сексе) — какая им разница, стоит в паспорте штамп или нет?

Заметим, что и сама Диксон (а также приведенные в качестве иллюстраций подруги) вовсе не исключает образования крепких пар, связанных многолетними отношениями.

Большинство мужчин любит домашний комфорт, уютное гнездо, в котором их ждет любящая женщина. И я думаю, почти каждая женщина, какой бы свободной она ни была, тоже получает удовольствие, делая все те мелочи, *какие делает жена для мужа*. *Важно то, что она не обязана это делать*. Пока это лишь часть любовной игры, а не жестокая необходимость ради ее сохранения,

любая женщина рада побаловать своего мужчину, показать ему свое искусство в кулинарии, в пришивании пуговиц, сыграть роль Маленькой хозяйки Большого дома. Но я не думаю, чтобы умная женщина могла бы сделать это целью своей жизни и удовлетвориться этим.

Курсив наш: совместная жизнь вне брака часто принимает такие же формы, как и в традиционной семье — но содержание совсем другое! Сама по себе регистрация брака никак не отражается на характере отношений. Значит, меняется что-то другое, что вытесняет любовь из жизни, заменяет ее иными (коммерческими) связями. Все, что раньше делали вместе, осталось как было — но добавилось нечто иное, слишком ограничительное для нежной привязанности.

Очень грубый пример: если бы условием регистрации брака было обязательство каждое утро бить друг друга по морде — будут супруги счастливы в таком браке? Трудно. Хотя (например из Монтескье) известны случаи, когда (русский) супруг имитировал положенное по всеобщей дикости «поучение» супруги — а та подыгрывала, голосила благим матом. Долго продолжать такую игру все же затруднительно — и надо резко менять среду обитания, чтобы избавиться от идиотизма жизни по понятиям.

Да, умная женщина вряд ли сделает функции домашней рабыни «целью своей жизни». Но точно так же, она вряд ли удовлетворится ролью наложницы (хотя бы и любимой, и купающейся в роскоши). Посвятить жизнь постели — это так же скучно, как вытягивать семью; по сути, нечто вроде элитной проститутки, у которой есть возможность придиричиво (или по прихоти) выбирать клиента.

Пока совместная жизнь является лишь частью жизни женщины, а не всей ее жизнью с начала до конца, она может чудесно проводить время, играя роль хозяйки дома, но как только она попадает в капкан кухни, спасения нет, кроме как в бракоразводном процессе — она и ее роман в серьезной беде.

Очень важно: любовь — это свобода. Мы ничего никому не обязаны — мы просто ведем себя как разумные существа. Если нам для чего-то понадобится свидетельство о браке — мы его сделаем, чтобы отбросить в сторону, когда никакой нужды в нем уже нет. Формальности — отрывка капиталистической экономики, инструмент перераспределения собственности. Что бы мы ни делали — мы не можем уйти в это целиком, это лишь часть нас, которую при необходимости можно заменить другой (как меняют отработанную смазку или перегоревшую лампочку).

Разумеется, это не повод легкомысленно относиться к любви (а у Диксон на уме только «романы»).

Но задумаемся: почему в браке появляются дикие ограничения? Почему «законные» супруги не могут жить как раньше, ничего не меняя в отношениях? Выясняется, что таки могут! Известны пары, которые узаконивали вполне семейные отношения спустя много лет — и ничего не менялось. Ответ прост: деньги. Если экономика формальной семьи ничем не отличается от экономики сожительства — какая разница? Если после заключения брака супруга вовсе не попадает «в капкан кухни» — и у нее достаточно прислуги чтобы и рождение детей (не обязательно в браке) сделать очередным приключением, — никаких поправок в личную жизнь оформление не внесет. Панический ужас Диксон перед аналогом — следствие привычки жить на широкую ногу (упоминаются фешенебельные курорты и все такое) и страх, что заставят делиться, ущемить себя хоть на миллиграмм. Но это вопрос не к любви — а к правовой системе, в которой муж приобретает право распоряжаться семейным имуществом, ограничивая имущественные права супруги. Никаких обязательств по части секса это вообще не предполагает — за исключением уж очень диких стран, где сексуальное удовлетворение супруга прописано в кодексе.

Мне известна идея о счастливом браке, являющимся результатом счастливой любви: «Итак, они поженились и прожили счастливо вместе до глубокой старости...» — бабушкины сказки! Ничего подобного. Брак — это естественный конец счастливой любви, и если вы не верите мне, то испытайте сами, но потом не пеняйте на меня, если жизнь в браке не покажется вам такой привлекательной, как она описана в сладких рассказах из дамских журналов.

Да, брак может стать концом счастью — если не хватило любви. Хотя, конечно далеки от «естественности». Но брак может и стать началом новой, неожиданной любви — если супруги смотрят за горизонт, не замыкаются в семейных границах. Дело не в общественных условностях, а в духовности, в умении освободиться от навязанных культурой форм, компенсировать их уродство тем, что неподвластно никаким законам — совместным творчеством, любовью. Но точно так же, любовь помогает вырваться из капкана эгоцентрической чувственности, слезть с иглы «суперсекса».

Тут мы плавно перетекаем в последнюю главу, где мадам обнаруживает у себя философию и (теперь уже в роли «теоретика»!)

связывает стеснительность широких масс при обсуждении половых увеселений с тем, что «мучительно сладкие сексуальные ощущения настолько велики, что о них невозможно говорить без некоторой сдержанности».

Как и при всякой атаке на наши чувства, мы стараемся отделаться молчанием или спрятаться за шуткой, чтобы скрыть глубину своих эмоций. Они слишком сильны, чтобы выразить их без глупого и беспомощного поэтического звучания.

Атаки и оборона — это от классовых уродств. Нормальные люди ни на кого не нападают, и у них нет никаких ограничений чувственности или рефлексии по ее поводу. Дело тут вовсе не в особенной силе чувств — есть переживания покруче любого секса. Просто дикий человек не умеет превратить свои ощущения (не путать с человеческими чувствами!) в нечто разумное, творческое, «поэтическое» (и, как всякий дикарь, переходит в нападение: высмеивает поэзию — не умея прикоснуться к ее мудрости и осознать ее мощь). Кроме того — стыдно признаться, что в какие-то моменты находился только в себе, для себя, — оскотинился, перестал существовать как человек, принципиально общественное существо. Именно умение быть для других (а не для другого!) создает настоящую любовь, а не тупую погоню за наслаждениями.³³

Чудо оргазма и создающие его ощущения слишком сильны для человеческого разума, чтобы совладать с ними, — и именно поэтому мы стараемся говорить о них либо с иронией, либо совсем не говорить, т. к. поистине нет слов, чтобы выразить их как следует.

Вздор! Не ощущения слишком сильны — а разум слишком слаб. Отсюда и попытки прикрыть слабость иллюзорной силой, смехом. Вне силы и слабости, агрессии и смерти, животное не знает ничего.

Оргазм — слишком монументальное чувство для любого человека, чтобы он был способен говорить о нем.

... как много чудесных индивидуальных опытов пропадают для других людей только потому, что их невозможно выразить.

Вовсе не обязательно обо всем разговаривать — у людей тысячи других форм общения. Претворить невыразимое в великие деяния — чисто

³³ У Стругацких мы читаем про *слег* — наркотическое опьянение потоком удовольствий, плавно перетекающее в жажду разрушения. Нечто подобное предлагает читателям г-жа Диксон. *Хищные вещи века* написаны до выхода книги Диксон — которая лишь продолжает логику развития классовой культуры (включая «социализм»).

человеческая способность. И тогда никакие личные переживания не могут «пропадать для других» — они заставляют человека менять мир, что другие очень даже замечают (а классовое общество стремится такие порывы обуздать). Если ваш «индивидуальный опыт» пропал — значит, вы просто не нужны человечеству: ваша индивидуальность выродилась в животность.

Но безусловно, мы можем и должны говорить о сексе вообще, пытаюсь достигнуть здесь здоровой перспективы.

И далее — о том, что мы считаем «безнравственным злоупотреблением естественной функцией полового акта». На первом месте, конечно же, упомянутые выше «кокотки»:

Она использует секс не для того, чтобы дать и получить наслаждение, а как средство для одной цели, какой обычно является брак.

С точки зрения традиционной морали это совершенно нормально — но Диксон не может смириться с тем, что женщина «терзает разум и тело своей жертвы самым порочным образом, имитируя чувства, которых сама не испытывает». Поэтому «использование отказа отдать свое тело как средства вымогательства» — номер один в списке безнравственного секса. Тут, правда, неувязочка с предыдущими поучениями подыгрывать любовнику, подогревать его тщеславие, изображать страсть там, где ее по факту нет. Для чего все это? Либо дама чего-то хочет от мужика добиться (и тогда она ничем не лучше «кокоток») — либо она ловит кайф от игры — а вовсе не от секса (и тем более не по любви).

На втором месте — «использование своего тела в качестве награды». Обычная тактика замужних женщин (а от себя добавим любительниц политики и шпионок).

Конечно, они будут оскорблены, если им укажут, что такое их поведение сходно с поведением обыкновенной уличной шлюхи, — но разве отдать свое тело за новый холодильник не то же самое, что продавать его за деньги?

Чуть выше мы уже говорили о сходстве искательниц постельных приключений («романов») с элитными проститутками, у которых есть возможность быть разборчивыми при выборе очередного клиента. Для полноты картины, заметим также, что рыночные отношения вовсе не обязательно сводятся к деньгам как таковым; товарообмен в самых разных формах делает валютой все что угодно: недвижимостью, знаки внимания, услуги, перспективы карьерного роста, шедевры искусства и

научные открытия... Отдаваться за кайф — одна из разновидностей проституция, которую по-русски называют блядством. Та же базарная схема: ты мне — я тебе.

Третий круг ада — «безнравственные мученицы», которые отдаются лишь по обязанности и вообще не понимают, зачем нужен секс помимо деторождения.

Она, быть может, даже любит своего мужа, но не способна выразить ему свою любовь через тело.

Вероятно, здесь тот же диагноз: нет любви. Если женщина любит — ее любят, и любовник легко догадается о неуместности секса, и сумеет найти иные формы этой гигиенической процедуры. Только очень невежественные, оболваненные до полной животности, будут считать постель безусловной необходимостью — и мучится на пару. Разум дан человеку, чтобы находить разнообразнейшие формы общения — а не упираться в предписанное пошлыми предрассудками.

Аналогично — перечень мужских прегрешений: секс как статусная обязанность, — как охота, спорт, мода, — как жажда самоутверждения, (физическое и психологическое) насилие.

Короче, «все, что искажает естественные функции секса, порочно и грешно». Все опять сведено к природе. Остается только разобраться в пороках животных — и назначить каждому по его вере.

Естественно, в самой своей основе секс — лишь средство для продолжения рода, хотя в скором времени из-за перенаселения его нужно будет научным образом ограничить. Во всяком случае, до сих пор продолжение рода являлось главной функцией секса. Но прошу заметить: лишь одной из функций. Оно никогда не было единственной целью, что бы там ни говорили пуритане. Если бы это было так, то женщина имела бы такую же конституцию, как и все представители животного царства, которые допускают к себе самца только во время течки, а во всякое другое время отталкивают его. Мне всегда смешно слышать, когда людей, свободно наслаждающихся своим телом называют животными. Как раз это и делает их менее всего похожими на животных!

Та еще мешанина! Допустим, что про искусственное оплодотворение Диксон не в курсе. Но она вряд ли не знает ничего о контрацепции! — увязывание секса с деторождением оказывается поэтому пустым звуком, и ограничивать секс в целях борьбы с перенаселением (тоже, между прочим, не факт!) — по меньшей мере странная логика. Отсутствие обычной для животных сезонности полового поведения — до сих пор

вводит в ступор буржуазных теоретиков, и на этот счет изобретали десятки навороченных теорий. Теория Диксон — привлекает своей простотой: секс нужен прежде всего для наслаждения — и потому им надо заниматься всегда и везде. С одной стороны — неясная догадка о принципиальном отличии человеческих отношений от животных (выражением чего может стать и секс); при этом характер отличия Диксон не улавливает — и прежде всего потому, что не видит ничего кроме секса. Человеческое наслаждение — это не острые ощущения, это движение духа. Мы наслаждаемся не телом — а друг другом, человек человеком, личность личностью; лишь в той мере, в которой мы проявляем в постели нашу духовность, способность творчества, секс становится наслаждением. Когда секс лишь продолжение любви — это по-человечески; если же мы оказываемся в плену (пусть даже ничем не ограниченной) похоти — какая же это свобода? Далее снова по старой перепечатке:

... единственной причиной, по которой человечество (а точнее, женская часть человечества) может наслаждаться сексом каждый день года, только один: это именно наслаждение сексом каждый день года. Нам дан прекрасный дар оргазма ради него самого, и я считаю, что не использовать его благодарно и радостно так часто, как только возможно, — это и есть оскорблять нашего Создателя.

То есть, если у нас есть молоток и гвозди — мы обязаны целыми днями заколачивать гвозди всюду, до чего может дотянуться... Это даже не животность, а бездушный автоматизм: повторять операцию пока хватает ресурсов, и пока конструкция не развалится.

Я лично считаю сексуальное удовольствие высшим даром природы и истинным преступлением против природы считаю отказ от секса. И поскольку я считаю, что главной целью секса является достижение удовольствия, а продолжение рода — лишь второстепенной задачей, я должна прийти к выводу, что всякое нормальное средство достижения этого удовольствия морально допустимо. Я исключаю лишь насилие и садизм, т. к. не верю, что причинить вред другому человеку может быть нормальным желанием, а потому отношу это тоже к злоупотреблению сексом. Других же пределов для достижения сексуального удовлетворения я не признаю. Все чувственное, вызывающее восторг в психологическом мире человека, хорошо, верно и допустимо!

И снова: только природа — человеческих аргументов нет. Можно понять протест против (сексуального) насилия — но вопрос о нормальности сразу вводит нас в контекст классового общества, где все вертится

вокруг арифметики двух операций: отнять и разделить. Для разумных (то есть, свободных) людей нет никаких норм — и критерием верности пути становится лишь разумность. Не данная раз и навсегда — а как постоянный поиск, творчество, дар любви. Которая никогда не будет ограничиваться постелью — заполняет вселенную и создает миры.

Социальная опора эмпирионатурализма — прослойка зажиточных буржуа, которым хватает средств для удовлетворения примитивных потребностей — но не хватает духа честно взглянуть правде в глаза: доступа к серьезным свершениям у них нет, и судьбы мира вершат другие. Почему так — думать не полагается, и для удержания этих господ в рамках данной им эмпирии хозяева используют примитивно животную стимуляцию: пряник дозволенных наслаждений — и угроза их лишиться при первых знаках чрезмерной проницательности или строптивости.

Философия удовольствий (в том числе сексуальных) — это одно из крайних проявлений эмпирионатурализма, отождествляющее человека с пресловутой лабораторной крысой, доводящей себя до изнеможения при стимуляции через вживленные в мозг электроды. Понятно, что есть и другие (прежде всего социальные) цепи стимуляции, многие из которых власти применяют с древнейших времен. Достаточно искусственно сузить горизонт — и рабы просто не знают о существовании мира без горизонтов, и чувственные утехы становятся единственной отдушиной на фоне невыносимой эфемерности всякого благополучия.

Человек отличается от крысы прежде всего тем, что он не позволяет поработить себя, навязать извне нормы и правила. Удовольствие или неудовольствие для человека — лишь индикатор достижимости, но никогда не самоцель. Если по каким-то причинам ничего другого нет — разумно заключить, что тема исчерпана, и пора искать новые стимулы саморазвития. То есть менять мир вокруг себя — снимать барьеры выходя в иное измерение. В этом и состоит подлинно человеческая, разумная чувственность — ни в чем себя не ограничивающая.

Противоположность разуму — классовое решение, аскетизм, отказ от попыток выйти из тупика, вырваться из клетки. Дополняя погоню за наслаждениями, аскетизм дает еще один образчик эмпирионатурализма: каждый из полюсов призывает ограничиться тем, что есть, — и такая абстрактная данность становится одной из сторон природы, якобы первичной по отношению к разуму, вынуждающей приспособливаться к миру, а не переустраивать его. Страх потерять имеющееся приобретает

форму враждебности телесным и интеллектуальным «излишествам»: предполагается, что нарушение природного (в частности, телесного) равновесия способно пошатнуть «высокие» идеалы, изменить «порядок вещей» — и ввергнуть общество в хаос. Вульгарное отождествление культурности и природы — ничем не отличается от позиции гедонизма; это одно и то же с разными знаками.

Может показаться, что призыв довольствоваться малым удобнее власть предержажим: кормят скотину, доят по расписанию, — и пусть будет довольна. Но по сути это лишь вариант гедонизма: упиваться доступным или недоступностью — никакой разницы.

Разум снимает саму идею доступности: если что-то есть — надо идти дальше; если чего-то нет — мы это сделаем. Поступки разумных людей определяются не наличием средств — а наличием потребности. Разумеется, изменять природу мы будем по ее собственным, природным законам; но если что-то в этих законах нас не устраивает — природу можно дополнить, добавить новый уровень, на котором все пойдет как нам надо. Тем самым уничтожается почва как для гедонизма, так и для аскетизма: физика, химия, физиология и психология — лишь материал сознательной деятельности; телесные движения не могут сами по себе порождать человеческие, социально значимые поступки — или менять характер культурных процессов. Для человека общественного, для личности — *несущественно*, как работает его тело: важнее, чего человек от тела потребует. Иногда (но лишь в определенных условиях) личность допускает проекцию на организм, который на какое-то время становится ее носителем, представителем — не для природы, а для других людей. Однако намного шире сфера трудового взаимодействия — общение через любые вовлеченные в деятельность вещи, организмы, а также через их идеальные компоненты (формы, связи, тенденции). Такое, *неорганическое* тело личности включает биологические тела — и заставляет их вести себя культурно. Как только тела начинают влиять на наши дела — мы перестаем быть людьми, возвращаемся в природу.

В отношении к вещам разумность проявляется как свобода. Как духовная связь, единство личностей, выражение их всеобщности — это любовь. Половая свобода и половая любовь — лишь грани целого; далеко не всегда уместно трактовать наши поступки с точки зрения отношения полов. Когда надо — мы будем свободно владеть телом и общаться посредством тел. Но мы не хотим становиться рабами страхов и наслаждений — и не признаем ни безграничности, ни границ.

Разлучай и барствуй

Зигмунд Фрейд неоднократно ссылается на расплывчатость детских представлений о половых органах: дескать, девочки склонны думать, что у женщин тоже есть пенис; а у кого нет — того бог наказал. Аналогично заблуждения мальчиков. Сразу ясно, с каким контингентом уважаемому терапевту приходилось работать. Надо очень постараться, чтобы скрыть от мальчиков и девочек телесные особенности друг друга. На любом пляже посмотрите: до определенного возраста детишки плюхаются голышом; девочки сызмальства участвуют в уходе за младшими братьями (иногда и наоборот); в банях и общественных туалетах маленькие мальчики вместе с матерями (а иногда и наоборот). Детские игры в смешанных компаниях нередко связаны с раздеванием. И так далее, в том же духе. Допустим, советские в 1980-х еще не очень знали массив западной порнухи; но книжки по искусству и статуи в музеях таки были — во всей красе. А в Европе времен Фрейда обнаженка на каждом шагу, не говоря уже о специфической литературе, фото, кино и кафешантанах. Телесный ригоризм — достояние очень узкой прослойки буржуазии, вбивающей дурное пуританство в малолетних и приученных прятаться даже от себя. Стоит ли удивляться, что в такой среде высок риск психической неадекватности?

Обратно, принимая, что двуполость всем изначально известна как эмпирический факт, мы неизменно обнаруживаем гипертрофированную проекцию этой физиологии на строение классовых культур: мужская и женская субкультуры испокон веков разделены — и не сливаются даже сегодня, в эпоху всеобщей эмансипации и виртуальности половых признаков. Отсюда вывод: телесная организация вовсе не определяет общественного устройства — и даже наоборот, многие общественные установления (вроде национальности или педагогики) искусственно подчеркивают, культивируют телесные различия — которые никак не влияли бы на человеческую деятельность сами по себе.

Разведение людей на противоположности — инструмент классового господства; признавая формальное равенство, уравниватели не забывают про различия, а, скорее, подчеркивают их, обращая преувеличенное внимание на конфликты интересов и мотивации; рыночные агенты противостоят друг другу в каждой сделке, при сколь угодно широких

возможностях (рыночного) партнерства. Культурные различия — это продукт деятельности; они воспроизводятся подобно любым другим продуктам, и точно так же становятся товаром — источником прибыли. Вбейте населению в головы какой угодно абсolut — и у вас в руках мощный инструмент контроля и манипуляции. То есть, в конечном итоге, экономические рычаги — возможность рулить миром.

Здесь мы поднимаем три старых конспекта — образчики литературы эпохи «развитого социализма» (уже стоящего не краю гибели). Половое воспитание — тема старая и, к сожалению, очень скучная: везде одно и то же, теми же словами... Плодить глупости намного проще, чем искать разум; точно так же, плодить глупцов — не то же самое, что растить гениев. Сегодняшние писатели штампуют книжки сотнями — вынести из такого чтива мыслящему человеку совершенно нечего (да оно для этого и не предназначено). Поэтому просеивание прежних шлаков может оказаться более эффективным методом добычи полезных идей, нежели погоня за модной новизной, пеной дурного трюкачества и эпатажа.

Мальчики налево...

Поскольку человечество в те далекие времена делили на два пола, начнем с какого-то одного; патриархальная традиция (далеко не изжитая и по сей день) ставит мужиков во главу (семейного?) угла.

А. Г. Хрипкова и Д. В. Колесов, *Мальчик — Подросток — Мужчина*. (М.: Просвещение, 1982). Мы авторов не знаем; скорее всего, вы тоже. Так что прямо по тексту, со всем беспристрастием.

Первая же глава задает тон: все начинается с характеристики мужского организма. Эмпирионатурализм во всей красе: говорим не о людях, а о самцах некоего биологического вида — полностью оставаясь в рамках животного метаболизма. Над органами надстраивается столь же дикая психика — на уровне условных рефлексов: возбуждение и разрядка. Соответственно, об окультуривании тел речь не идет, и вместо всестороннего развития разумных существ — «физическое развитие и половое созревание мальчика, подростка, юноши». Тем самым явочным порядком вводят и «естественное» отличие взрослых от детей — все регулируется само собой, и общество вообще ни при чем. О том, что и органические особенности, и характер полового созревания на практике сильно зависят от общественных условий, от культурной среды, от традиций и сословной принадлежности — скромно умалчиваем.

Зато нам живописуют былинными красками «типично мужской характер» пропорций тела: длиннее ноги, шире плечи и спина, уже таз. Посмотреть вокруг и поискать контрпримеры — зачем? мы придумали свой ужастик, и нам достаточно страшно...

Предполагается, что внешность формируется исключительно в ходе полового созревания. А на завершающем этапе у девушек почему-то вдруг снижается двигательная активность — тогда как подростков преисполнены силы и выносливости. Что поведенческие сдвиги могут быть навязаны классовым воспитанием — в голову не приходит. Зато высосать из пальца эталон «наиболее благоприятного соотношения» роста и веса (по кем-то придуманным средним, 172 см и 71–72 кг) — за милую душу! Но скажите на милость, чему таки мы собираемся благоприятствовать? От этого, по логике, зависят требуемые габариты. В ответ следует удар ниже пояса:

Половая зрелость — способность мужчины не только зачать ребенка, но и обеспечить наилучшие условия для вынашивания, выхаживания ребенка матерью, для физического и духовного развития.

Крутняк! Половая зрелость мужчины есть способность «вынашивать и выхаживать» ребенка вместе с дамой. Служить, так сказать, внешней оболочкой инкубатора — как в термосе, прикрывать женственную хрупкость колбы. Нет, мы понимаем, что сие допускает метафорическое истолкование (типа охотиться на мамонтов и расписывать стены пещер); непонятно только, зачем вообще затевать детородную бодягу, а не строить инкубаторы индустриально, освободив прекрасную половину от массы досаднейших неудобств. Что общаться можно и без детей — все, надеемся, достаточно наслышаны.

В завершение физиологических пролегоменов нас ставят в известность, что зверушки различаются еще и по типу дыхания: брюшное на букву *М*, грудное на букву *Ж*. Но отработать любой тип и свободно переключаться между ними — для человека пара пустяков. Например, известно, что певцам нужна опора на диафрагму (и нижнее дыхание) — тогда как танцорам, наоборот, следует в основном дышать верхом; получается, что оперная певица — не женщина, а танцовщик — не мужик... Ну, по жизни, филистерские представления именно таковы.

Дальше — совсем забор: оказывается, что физиология прямо влияет на «психологические особенности». При этом, правда,

следует учесть также и относительный характер половых психологических особенностей: общечеловеческие черты, качества, свойства

более широки и полностью перекрывают специфические половые особенности.

Поэтому, дескать, говорить следует больше о статистике по частоте и выраженности черт (а сами черты — бог сотворил?). Но где логика? Если одно перекрывает другое «полностью», то зачем вообще экскурсии в физиологию? — можно сразу говорить о каких-то иных источниках различий. Но с источниками худо: с места в карьер — буржуазная теория о «общечеловеческом». Откуда оно? Что равно характеризует всех — уже не человеческое, а только общее; то есть, природное свойство — но не человека, а его телесности. Если имеется в виду лишь не зависящее от пола — то (в силу «полного перекрывания») все последующие сказки о мужских и женских характерах можно смело спускать у унитаза. Но нет, получите длинный перечень половых особенностей...

Оказывается, мальчики сплошь тормозные по части «физического и психического развития», позже начинают говорить, а о человеческих взаимоотношениях — вообще без понятия; на этой почве у них меньше ответственности, добросовестности, исполнительности — «даже при правильном воспитании». И в общении с женским полом — затыки, тогда как девки «более свободно чувствуют себя в общении с юношами» и склонны обращаться к авторитетам, придерживаться норм поведения, легко поддаются начальственному давлению.

Частично это связано с тем, что сама школьная деятельность по своему характеру ближе к привычной домашней деятельности девочек, чем мальчиков, и с тем, что последние всегда склонны к более неожиданным и выходящим за привычные рамки делам, которые девочек, напротив, нередко настораживают.

Можно подумать, что в мире ничего кроме дома и школы нет. И что блюсти порядок — основная забота, везде и всегда. С другой стороны, неожиданность и выход «за рамки» — это очень относительно: что для одного обычное дело — другого «настораживает» (и наоборот).

Отдаленный намек на общественное происхождение половых различий — проскакивает через мозговые пустоты не задерживаясь; хотя именно отсюда следовало бы раскручивать тему: по каким-то причинам общество производит не универсально развитых людей, а нечто узко специализированное, дрессирует каждого по типовой программе. Если копнуть глубже — такой подход типичен не для общества вообще, а лишь для классового общества; с уничтожением классов искать различия станет просто незачем.

Дальше — набор обывательских предрассудков, кочующих из одной книжки в другую; по факту, это никто не проверял — но принято считать, что оно именно так.

В общении с другим полом, мальчики больше ориентируются на сверстниц — а девушкам подавай кого поопытнее (хотя понянчиться с недоростками иногда в охотку). Вопрос: быть может, им навязывают именно такие предпочтения, с малолетства ограничивая круг общения?

Мальчики интересуются абстрактными предметами — и потому не могут сосредоточиться на текущих делах, и постоянно отвлекаются; поэтому у них шире мышление и кругозор, способность сопоставления понятий, объективность обобщения — но бытовая приспособленность отсутствует, а насчет трезво сопоставить необходимое с возможным — вообще швах. Зато у девочек в центре внимания человек и его быт, «ближняя сфера», — якобы, отсюда лучшее знание себя и людей. Опять же, кроме культурно обусловленных ограничений тут усмотреть нечего. А если девочки в несколько раз чаще ведут дневник — так что им еще остается, если вольные забавы традиционно предосудительны?

По предыдущему пункту глубокомысленные замечания о различиях в «восприятии пространства и времени»: дамы, дескать, больших расстояний не воспринимают, ориентируются в том, что уже знакомо и освоено, а отслеживать время не умеют; напротив, кавалерам подавай масштаб, чтобы все увязывать издалека — и тогда никакой хаос не помеха, а порядок только мешает. Сомневаюсь, что кто-либо реально промерял психофизику. А где все же измеряли (например: Д. Г. Элькин, *Восприятие времени* — 1962), градаций по полу не выявлено. Однако сие не имеет ни малейшего отношения к человеческому восприятию — которое опирается вовсе не на физиологию, а на культурные стереотипы, так что характеры людей отражают прежде всего характер разделения труда (поскольку в классовом обществе все дорожки врозь).

И тут всех озадачивают странным наблюдением: во всех странах среди неуспевающих в среднем 4/5 мальчиков. Когда авторы успели обежать все страны, мы не знаем; допустим, что они быстро бегают. Но есть упрямый факт: большинство деятелей искусства и науки (не говоря уже о философах) — мужского пола; то есть, как-то они таки сдают положенные экзамены и проходят образовательный ценз. А дамы — выскакивают замуж, и от былых побед остаются одни воспоминания... Только в последние годы наметился резкий сдвиг в определении пола профессий: женщины практически вытеснили мужчин из многих сфер,

которые раньше считались сугубо мужскими. Однако даже возможность такого рода перемен наводит на мысль, что дело тут вовсе не в половых признаках (первичных, вторичных и выше), а строении способа производства. Одними школьными оценками тут не отбрезжаться.

Даже если допустить, что у мальчиков действительно «отсутствуют» должные навыки труда», и нет усидчивости, настойчивости, терпения, старания, прилежания, аккуратности, — что «любой вид деятельности труден для них, если он требует сознательного проявления активности, усилия над собой», — вопрос все тот же: а почему? Никакой физиологией этого не объяснить. Хотя, если честно, и про неусидчивость брехня: по личным наблюдениям, когда пацану что-то интересно — он бросается в дело, как в бездну, напрочь забывает про пространство и время, будет пахать, как проклятый, пока не добьется своего. Кстати, мужская любовь во многих культурах — тоже как падение в бездну; тогда как женщины не забывают и про бриллианты... Романтический рыцарь не спроста появился в литературе, на Западе и на Востоке. Получается, что блюстители успеваемости просто смотрят не туда — сравнивают не по тем показателям. А потом сокрушаются: основная причина сачкизма у подростков — активное отрицательное отношение к учебе, отсутствие мотивации. Кто озаботился, чтобы им эту мотивацию создать? Идиотские программы, стригущие всех под одну гребенку — явно не тот стимул.

Далее про выпендреж, распетушенные хвосты, переоценку успехов, некритичность, перепады в настроении, переоценку себя...

В случае неправильного воспитания это может самым незаконным образом сочетаться и с чувством превосходства по отношению к девочкам: это чувство характерно именно для наименее зрелых представителей мужского пола, тех, кто сам далек от норм поведения своего пола.

Но кто в пример? Если рынок требует рекламы — она будет. У девок она тоже есть: косметика, прически, тряпки... Только товар разный. Где милые дамы вынуждены бороться за самца грубой силой — силы им не занимать. И наоборот, профессиональные жиголо отменно корректны и точно знают, на что претендовать.

Про законность в области чувств — что-то новенькое! Деталей нам, к сожалению, не сообщают. Существование «норм поведения пола» — это с натуры; остается выяснить, кто и как эти нормы устанавливает; быть может, следует установить иначе?

Что воспитание происходит под влиянием среды — пустой трюизм. Но нам уже предложили пространственно ограничить девочек — и потому на них влияет, главным образом, «микросреда»:

... у девочек она значительно более благоприятная — это более тесное и непосредственное общение с матерью, более спокойные микрогруппы во дворах и т. д. Девочки по характеру своих интересов и склонностей более привязаны к дому, менее удаляются от него (и физически, и психологически). Основной причиной нарушения поведения у девочек является неблагополучие именно в самой семье; если же семья вполне благополучна, то в воспитании девочки менее вероятны какие-либо упущения, чем в воспитании мальчика.

Благоприятна — для чего? В чем состоит «спокойствие»? Какие семьи считать «благополучными» — и где критерий «полноты»? Наконец, про «упущения» — это намек на филистерское понимание сути: воспитание сводится к дрессировке; кто на короткой цепи — дрессировать проще.

Но вот мы добрались до переходного возраста (как всегда, допуская отставание пацанов на пару лет).

В юношеском возрасте не нашедшие возможностей самоутверждения школьники уже не просто отрицательно относятся к школе, у них сложилась собственная активная жизнь вне школы...

Однако ничего серьезного в этом выходе за рамки авторы не усматривают: «легкость, импульсивность, несистематичность, характер развлечения». Почему-то внешняя жизнь обязана быть активной — и не может развиваться в направлении аутизма, ухода в собственный мир (который еще надо построить для себя). Видимо, и здесь без наставников и примеров не обошлось. Мужчина, гуляющий в одиночестве по лесам, нюхающий цветочки и любующийся красками закатов, — ну, совсем не мужик — ботаник какой-то!

Но совсем странно слышать, что у мальчиков в этом возрасте круг интересов шире девичьих, богаче словарный запас, — и что они «знают специальные вещи и не знают элементарных». Что мы с чем сравниваем? Если границы переходного возраста у юношей и девушек различны — нельзя сравнивать без поправок на динамику развития. Если интересы лежать в очень разных сферах — то как можно сравнивать их чисто количественно, по «ширине»? Соответственно, кто чем интересуется, тот про то и слова знает. Наконец, что считать элементарным? У каждого свое. Кто к чему по жизни привык. Элементарная теория музыки, или теория элементарных частиц, — это на любителя.

Обычный предрассудок: мальчики должны действовать, девочки — ляссы точить. Соответственно и увлечения предлагают: одним спорт и всяческие буйства — другим книжку почитать, собирать что-нибудь, помузицировать в будуаре... А потом все объяснить чудесным образом возникшими характерами:

Видимо, сам характер предметов гуманитарного плана больше отвечает склонностям и характеру девочек, тогда как четкий, более схематичный и абстрактный характер предметов физико-математического цикла — склонностям и характеру мышления мальчиков.

Все гораздо проще: если школы насквозь пропитаны «бабьим» духом, атмосферой рутинной покорности, если нет возможности универсально развиваться — уход в абстракции становится формой внутреннего освобождения: независимость любой ценой. Девочки, возможно, тоже хотели бы — но им не дают, их раньше запрягают в семейное рабство, они устают не по возрасту, теряют вкус к открытиям.

В конце многостраничности по поводу различий — хоть лучик надежды на единство:

В отношении мальчиков и девочек к товарищам и учителям существенных различий нет.

Не очень понятно, как отношения сравнивать — и есть подозрение, что отношение к учителям носит сугубо классовый характер, как к единой угнетающей силе, которой надо противостоять общим фронтом. Есть также личные воспоминания (и юридические казусы), заставляющие усомниться в бесполости школьной вертикали: девочки сплошь и рядом влюбляются в учителей-мужчин, а мальчики, соответственно, в женщин. Разумеется, при наличии сколько-нибудь ярких фигур, а не в болоте обрюзгшей бесформенности.

Забавно: много лет разводили мальчиков и девочек по разным социальным нишам (вплоть до возрастной дискриминации) — а потом наивно хлопаем глазками:

Существенным недостатком школьников обоего пола является неумение организовать совместную деятельность. Частично это связано с индифферентным в смысле половой принадлежности школьников характером учебно-воспитательного процесса, от чего, несомненно, страдает качество и обучения, и воспитания.

Вот те раз! Оказывается господа недостаточно пресекали возможности универсального, всестороннего развития — и надо было науськивать детишек друг на друга еще и по «половой принадлежности»! Логика

дуболома: чем больше между нами барьеров — тем легче нам «организовать совместную деятельность». Чтобы объединиться — надо размежеваться.

Видимо, следует более полно использовать возможности внеклассной работы для воспитания навыков совместной деятельности школьников обоего пола.

Это в смысле коллективного выхода в бордель? Или секс-вечеринки под присмотром классного руководителя?

Другой причиной неумения школьников обоего пола организовать совместную деятельность является их настороженное отношение друг к другу, как правило, инициируемое взрослыми.

Вот-вот. Разводят по углам ринга с малолетства. Дикари.

Когда же на смену настороженности, а в определенный период и некоторой отчужденности между мальчиками и девочками приходит все более нарастающий взаимный интерес, их взаимная активность не находит правильных путей, так как к этому нарастанию взаимного интереса они не подготовлены предшествующим воспитанием.

Как только про «правильные пути» — значит, все уже неправильно. Нет между людьми никаких «правильных» отношений — а есть отношения человеческие, которые надо творить по-новому в каждом конкретном случае. Главная «педагогическая» задача — разбудить человеческое в человеке, чтобы весь мир перед ним, и нет страха искать — и найти.

В результате многие юноши и девушки входят во взрослую жизнь с довольно смутным представлением о характере общественно полезного разделения обязанностей между мужчинами и женщинами, с неумением организовать совместную деятельность с представителями другого пола, испытывают большие трудности в общении с ними.

Приехали. Снова разделение труда, борьба классов... Начинать надо с *совместной* деятельности — и не когда гром грянет, а с момента рождения (а лучше еще раньше). Уберите различие между полами в реальной жизни — и детям будет все равно, какие у кого органы, они будут интересоваться не телами, а людьми.

Воспитание мальчиков является в школе, в общем, более трудной задачей для учителей, не только потому, что среди последних абсолютное большинство составляют женщины, но и в связи с указанными выше психологическими особенностями мужского пола.

Вот так все ставят с ног на уши. Вышеперечисленные различия — это не физиология, и не психология; это факт культуры — которая отнюдь не

встроена в организм, а надстраивается над ним в практике общения, во взаимодействии всех членов общества, мужчин и женщин, взрослых и детей. Нечта на зеркало пенять. Тем более, что внушенная мальчикам такими «педагогами» трудновоспитуемость — такой же культурный стереотип, и вряд ли можно ожидать иного, закладывая результат с самого начала: за что боролись — на то и напоролись.

В целом можно сказать, что с воспитанием представителей мужского пола школа в настоящее время справляется хуже, чем с воспитанием женского.

Ну, это еще не факт. Женская дикость — покруче мужской; она лишь проявляется иначе. С другой стороны, возьмите любую книжку по педагогике — и везде про особую ответственность девушек, и что воспитывать в первую голову нужно их, готовить на роль семейного инкубатора. Общественное давление в тысячу раз выше — не мудрено, что забитость и послушание вросли в девичьи души на правах органического дефекта. Вот кстати и образчик:

У каждого нормального человека есть данная природой потребность в продолжении рода. Но у человека она приобретает социальный смысл.

Человек не зверушка! И нет у него никакого рода — он разумен лишь поскольку сумел освободиться от позывов органики, использует их, а не подчиняется им. Никакая природа не может ему ничего «давать» — он создает сам себя как продукт деятельности. Пока человек не чувствует себя индивидуальностью и личностью — до человека он не дорос. Точно так же, член коллектива — это всего лишь член, и до разума ему далеко. А разум занят не (одним только) разведением зверушек — ему надо переустраивать вселенную. Задача другого масштаба. И мы скорее предпочтем, чтобы господа-авторы объявили нас ненормальными, чем согласимся с их зверским тезисом.

Утверждается про два аспекта половой потребности: 1) постоянно присущая потребность, — и 2) потребностное состояние, побуждение. Но это так для *любой* потребности — ибо все в мире иерархично, а иерархию можно развернуть не в два уровня (как здесь), а в бесконечно много, и очень разными способами. Одно дело — потребность как факт культуры, нечто воспитанное и определяющее круг возможных мотивов; другой уровень — мотив конкретной деятельности, развернутой в действия и операции.

Но если уж зашла речь о половой потребности — значит, за скобками предполагается некоторая деятельность, и от ее мотивов

существенно зависит, что станет объектом и каков продукт. Варианты разнообразнейшие — и никакие начальники нам не указ. Огульно заявлять, что объект половой потребности есть «представитель женского пола, обладающий определенными специфическими качествами, во-первых, вообще свойственными женскому полу и, во-вторых, индивидуальными», — это вопиющая вульгарность. Мало того, что есть люди альтернативных ориентаций, — вполне возможно удовлетворение половой потребности сколь угодно нетрадиционными способами, иногда вообще исключаящими физические контакты (в том числе с самим собой). На то и разум, чтобы сублимировать влечения, делать из не физиологическими, а общественными движениями. А нам тут опять:

В наиболее элементарном рассмотрении моментом удовлетворения половой потребности является специфическое физиологическое ощущение, возникающее при половом акте.

Потребности — у человека, а не у животного. И они изначально социальные — так что никакое «физиологическое ощущение» их удовлетворить не может. Акт акту рознь. Не говоря уже о том, что удовлетворяться без полового акта — даже зверушки умеют. Ладно, хоть согласились, что это «не есть эмоция» — ибо эмоции, связанные с сексом,

представляют собой явление значительно более высокого уровня. Специфически половые эмоции есть выражение определенной ступени духовного развития мужчин, и они в должной мере выражены далеко не у каждого.

Хоть шерсти клочок. Конечно, авторам невдомек, что и любые другие переживания у человека — совсем не то же самое, что эмоции животных, и что окультуренную чувственность надо воспитывать еще до того, как начнет играть какая-нибудь физиология.

Но авторам высшие сферы не по разуму — и они опять спрыгивают в дурную животность, рассматривая развитие личности как «обогащение половой потребности»: сначала, дескать, возникает «потребностное состояние» — потом мы ищем, с кем бы поношаться, чтобы «временно устранить» спермотоксикоз, — а если при этом удастся еще и кайф поймать, соответствующая деятельность закрепляется как «наиболее эффективная» и воспроизводится снова и снова. Классическая схема условного рефлекса — торжество дикой природы.

Легко догадаться, во что в такой уродской схеме превратится любовь: всего лишь поиск бабы для секса, чтобы выработать на нее

устойчивый стояк — и трахаться «наиболее эффективным» способом, а не заниматься мастурбацией на порнуху (что в нынешней Америке называют «сексуальной дисрегуляцией» — стабильный источник дохода для тамошних сексотерапевтов). Тут как тут «уровни объекта»:

- 1) «любая женщина» — низший уровень, трах по пьяни;
- 2) «красивая женщина» — когда ведутся на внешние данные;
- 3) «хорошая женщина» — еще и залезть во «внутренний мир».

Дальнейшее развитие половой потребности видят в выработке «идеала женщины» — хотя по логике все наоборот: сначала общество доводит дух до (общественно значимых) идеалов — и только после этого мужчина способен любить (видеть в женщине человека а не половую щель). Но нас сразу предупреждают: высшие уровни никоим образом не отменяют животной копуляции, а лишь подают это основное блюдо с гарниром и в нарядной сервировке — но «сами по себе душевные качества женщины не могут возместить для мужчины недостаток необходимых физических качеств». Аналогично про культуру питания: мужику первое дело — нажраться и крепко выпить; а без штучек-дрючек можно и обойтись... Вот это у них и называется любовью — «высшее выражение половой потребности». Грустно.

Думаете, на этом остановится? Как бы не так! Есть социальный заказ: затащить мужика не только в постель — но и в брак; и не какой-нибудь — а патриархально моногамный. Артподготовку начинают с «важнейшего атрибута» любви — сужения «круга возможного выбора» до одной женщины. Никаких внятных доводов в пользу такой узости нам не приводят; почему нельзя «эффективно» любить многих — остается только догадываться. Для доходчивости, несколько раз: «важнейшая характеристика» любви — концентрация всей деятельности на одном объекте. Чисто экономически, оно понятно: на каждом шагу видим, что разделение труда ведет к росту производительности — и специалист «эффективнее» разбросанного дилетанта. Когда некто влюбляется — на первых порах это весьма благотворно сказывается на производстве: остатков духовного пиршества хватает на раскачивание инертной массы. Если ограничивать любовь исключительно экономическими функциями, «половой потребностью» и деторождением, — ничего из нее больше не выжмешь. Но тогда резонный вопрос: а нельзя ли вообще обойтись? Давайте доведем разделение труда до предела — и пусть одни работают донорами яйцеклеток и семенного материала, другие все это соединяют в научно выверенных пропорциях, третьи подсаживают зародыши в тела

четвертых (получающих деньги за индустриальное вынашивание), потом еще кто-то принимает дитя и передает по конвейеру наемным мамкам да нянькам, воспитателям и учителям... Эффективность на все сто! А половую потребность пусть удовлетворяют как кому захочется — быть может, так и до настоящей, человеческой любви дорастут.

Тут нам выкатывают возражение с верхних этажей, от биологии весьма далеких:

Прежде всего, любовь — это *форма отношения* человека к чему-либо (не только к другому человеку), избирательное тяготение и избирательное сосредоточение душевных сил, психической активности, концентрации их на одном объекте, захватывающие личность целиком или существенную ее сферу. При этом любовь выделяет свой объект в качестве единственно возможного вообще или в течение продолжительного времени в своем классе объектов; наряду с половой любовью может быть и любовь неполовая (хотя и имеющая конкретные черты в зависимости от того, кто любит — мужчина или женщина, а также от индивидуальных качеств). Есть любовь к Родине, есть любовь к матери, есть любовь к женщине (то есть собственно половая любовь).

Кстати: почему половая любовь — только к женщине? А в обратную сторону любить не положено? Играет потребительская психология дикого мужика: чем пользуемся — то и любим. Становится понятным разгул потребительского отношения к родственникам, к друзьям, — наконец, потребительская любовь к родине (и готовность переметнуться на другую сторону, если хорошо посулят). Возвращаясь к полу — замечаем логику в походах налево: потреблять любовницу иногда намного «эффективнее», чем жену.

Все эти разновидности любви объединяются главным — единственностью объекта и сосредоточением, концентрацией на нем душевных сил, психической энергии, стремлением сделать для него максимум хорошего. Именно поэтому любовь является одной из важнейших ценностей, а способность любить — одним из важнейших качеств человека.

Насчет единственности — очень странно. Само разнообразие форм любви указывает на возможность многих любовей уживаться друг с другом; но если мы можем одновременно любить женщину и родину — то что мешает нам любить сразу нескольких женщин (или мужчин — если глянуть с другого края постели)? И не надо про качественное различие! — например, мы запросто можем любить нескольких друзей, в том же качестве; с другой стороны одна женщина очень отличается от

другой — и любовницы (любовники) часто дополняют друг друга: одни компенсируют то, чего не хватает другим.

Человек — существо универсальное, и он в состоянии переключать «душевные силы» и «психическую энергию» (либидо?) между разными склонностями, или обихаживать всех сразу — когда силенка есть. Опять же, если мужик без ума от своего мотоцикла — он, конечно же, постарается «сделать для него максимум хорошего». Как в солдатской песне: *наши жены — ружья заряжены...*

Про важность любви — тут мы согласны. Если, конечно, не иметь в виду лишь кого-то поиметь, а ценности оставить для базара — любовь несравненна, и торг здесь неуместен. С минимальным напрягом, из вышеприведенного можно также заключить, что любовь — вовсе не психологическая категория, что ее сфера совпадает с культурой в целом, а способность любить просто невозможна без развитой (материальной и духовной) культуры.

Тут авторы опять пугаются собственной смелости — и начинают выгораживать для секса теплое местечко и особую роль:

Есть и другие важные виды любви, например любовь к каким-либо занятиям, к определенным предметам, хотя здесь любовь снижается до уровня предпочтения.

Кто-то выше говорил, что любовь — это лишь условный рефлекс на предпочтительного секс-партнера... Где отличие? Разведение любви к людям и любви к вещам — страдает типично обывательской слепотой: за (неодушевленными или живыми) предметами не видят человеческой деятельности — людей, которые сделали вещи такими, и воспитали в любителях соответствующие наклонности. Как половая любовь кажется пристрастием к сексу — так любовь к вещам (или абстрактным идеям) лишь кажется безличным предпочтением; во всех случаях — речь идет о характере *совместности*, о способах духовного общения субъектов деятельности.

Чтобы еще больше противопоставить половые связи неполным, авторы тшятся вывести дружбу за рамки любовной темы — и делается это все тем же (буржуазным и поповским) методом опошления: словом «дружба» называют то, что дружбой никогда не было, а собственно духовную сторону, становление личностей друг другом и личностный рост — незаметно сливают в кювет.

Дружба — это *форма взаимоотношения*. Она отличается от любви целым рядом важных свойств.

Можно подумать, что любовь — не форма взаимоотношения! Или женщину за человека не держат? Удовлетворился и отвалил? Вроде как водки стакан — и заесть огурцом. Косвенное подтверждение гипотезы:

Во-первых, дружба имеет направленность на другого человека.

То есть, любят женщин — а женщина не человек, и дружить с ней не надо Тогда очень странно выглядит следующая фраза.:

Другого человека, вообще говоря, можно любить, можно с ним дружить, а может быть и то, и другое вместе.

Поскольку женщину из списка людей исключили — любовь к «другому человеку» здорово пахнет гомосексуализмом... Не то, чтобы мы возражали, — но как-то не вяжется с предыдущими глаголами про сексуальные объекты.

Между прочим, многие советские писатели (художественные и не очень) требуют обязательного сочетания половой любви и дружбы — без этого любовь неполноценна. Но в книге про мальчиков нашлось место только сексуально озабоченным самцам. Ладно, продолжим о различиях:

Но с Родиной дружить нельзя — ее можно только любить.

С Родиной и спать нельзя! Половая потребность к целой стране — это уж очень круто...

Нельзя дружить и с какими-либо предметами, хотя любить их можно.

Так ли? Есть обычные обороты речи типа: *дружен с молотком и зубилом* (с компьютером, с интегралами...) — или даже про вещи сами по себе: *одно с другим не дружит*. А если не видеть за вещами людей — так их и любить нельзя (особенно в половом смысле).

Еще одно отличие: дружба обязательно предполагает взаимность, а любовь — отнюдь не обязательно.

Вот тут извините-подвиньтесь! Еще Аристотель писал о дружбе в одну сторону. Опять же, взаимность — с кем? С тем кого любишь, или с тем, кого воображаешь, что любишь? Когда любимый (или любимая) превращен в «объект любви» (да еще разделен на вышеперечисленные уровни) — такая «любовь» действительно ограничивается лишь предметом или индивидом; человеческая любовь — охватывает весь комплекс общественных отношений, и потому невозможна без ответной любви — вовсе не обязательно в форме секса. А нам тут вещают: *нельзя сказать: Я дружу с А., а он со мной не дружит*, — но вполне допустимо: *Я люблю А., а он меня не любит*. И то, и другое — ложь. Потому что

говорят только о телах, а не о людях. Мы, например, очень дружны с Марксом — но он про нас узнать малость не успел: разошлись на сотню лет, и странами. С другой стороны, кто по-настоящему любит — никогда не пожалуется на холодность любимых: ему вполне достаточно отраженной в них любви — и вернувшиеся лучи хоть чуточку теплее, духовнее.

Очередная странность: дружба возможна лишь при наличии «определенного расстояния»; под словесной кривостью имеется в виду ограничение общения сравнительно узкими рамками: культурное сходство, общее дело, непосредственное общение. А для любви, дескать, это совсем не обязательно. Подружиться на расстоянии, никогда не общаясь или не общавшись, якобы не получится, а любить за тридевять земель — без проблем. Именно поэтому дружба — всегда явное, а любовь может быть и тайной.

Вот как можно в одном абзаце нагородить столько чуши? Общаться можно на любых расстояниях — особенно сегодня в эпоху мобильных, интернета и социальных сетей. Более того, общаться можно и через время (см. выше пример с Марксом). Потому что общаются не тела — общаются разумные существа, субъекты деятельности. Начатое нами дело — продолжится и после исчезновения наших тел, как мы продолжаем Маркса, Гегеля, Омара Хайяма или Диогена. Чем шире человечество распространяется в космосе — тем весомее формы непрямого общения, через цепочку субъектных опосредований; такая дружба вообще не предполагает личного знакомства — да и само понятие единичного субъекта может стать другим. Обратное: каким образом возможно в кого-то влюбиться, если не иметь о нем ни малейшего представления? Даже выдумать с нуля идеальный образ без культурных влияний — совершенно нереально. Строим мы любимых из того, что нам они говорят о себе, — через тела, через следы, через других людей. Те, кого мы любим — собраны из чего-то очень распределенного, и суть любви как раз в таком возникновении одного духа в другом, в их неразделимости всеобщности. Будет проекция на что-то телесное — пусть будет; для любящих это не принципиально — и уже тем более не важно наличие половых признаков: любят человека, его дух — а не вагину или член.

Про тайны — вообще пальцем в небо. Когда двое любят друг друга, это никакой силой не скрыть — это (иногда очень опосредованно) влияет вообще на все — становится частью человеческой истории. Сколько раз

дама испытывала оргазм такого-то числа такой-то эпохи — никого не касается; это и самим любовникам не столь важно — дело житейское. Зато слияния личностей, превращение их инобытие друг друга — как на ладони. Разумеется, тем, кто умеет смотреть не только на груди и между ног. Любящие иногда сами не догадываются — а со стороны все уже знают, что это судьба.

Опять же, тайные дружбы — вовсе не редкость. Поскольку про них не трубят на каждом углу — обывателю кажется, будто бы их и нет: дурак видит только чем в морду ткнут. Но действуют на движение и развитие человеческой духовности какие угодно дружбы — точно так же, как и любая другая любовь.

Дальше нам намекают, что можно придумать и другие различия дружбы и любви — «но в главном они сводятся к вышесказанному». Вышесказанное, как мы видели, касается вовсе не различий, а того, что у любви и дружбы есть *общего*. Любовь — она и есть любовь, и с этого единства надо начинать. Тогда, на общей основе, имеет смысл обсуждать специфику разных проявлений любви — ее общественных (а не только биологических) тел. Но в здешнем цирке — суперкульбит:

Что же касается роли любви в прочности брака, то он, разумеется, наиболее прочным является в том случае, когда для отношений между супругами свойственны и любовь и дружба: эти два чувства взаимно дополняют и укрепляют друг друга, хотя они весьма ценны и каждое в отдельности.

Авторы не выпячивают брачный статус на первый план — но где-то в фоне постоянно маячит призрак загса, и такое подспудное навязывание идеи может быть более действенным, нежели прямые предписания.

Разведение любви и дружбы у супругов (расписанных или нет) — буржуазное извращение. На базаре так принято: каждому товару — свой ценник, и продавать клубничку как велосипед (или наоборот) — это не против правил. Могут и привлечь — по закону или по понятиям. На самом же деле — есть просто отношение двух личностей, и в нем уникальным образом соединены самые разные способы быть вместе. Глупо говорить: вот это мы делаем по любви — а это по дружбе. Мы движемся по судьбе вместе — и совершенно без разницы, каким словами все называть. Если исходить из единства — отсутствие границ между разными видами (проявлениями) любви становится очевидным, и вовсе незачем навешивать на наши отношения отпечатанные в типографии массовым тиражом ярлыки. Тогда, впрочем, исчезает и необходимость

культурно закрепленных союзов: мы вместе духовно, а не по экономике или по историческому контексту; в любви каждый из нас не исчезает как личность — при полном слиянии личностей любящих.

Даже упертые в пол авторы смутно догадываются о разнообразии любви — и о чисто внешнем различии любовей:

Формы деятельности, порождаемые половой потребностью, развиваются относительно самостоятельно, обогащаются новыми элементами и в немалой степени утрачивают узкую направленность на достижение полового удовлетворения.

Это переведенная на язык «социалистического реализма» фрейдовская теория сублимации. Прямое следствие эмпирионатурализма: «высшие» этажи надстраиваются над «низшими», культура — общественное инобытие сексуальности... Можно подумать, человеку больше заняться нечем: мамонты пусть сами себя ловят — а мы тут реально трахаемся! Иногда, впрочем, с абстракциями; да и начальство затрахало.

Все наоборот. Не культура вырастает из физиологии — а человек культурный придает физиологии неприродную направленность, при необходимости меняя протекание природных процессов. Только там, где уже сложилась культура производственных и духовных связей — возможно появление половой любви как духовного, а не органического движения; чем выше уровень развития культуры — тем культурнее секс.

Известно, что любовь оказывает вдохновляющее воздействие, стимулирует творческие возможности человека.

При чем тут пол? Неполовые формы любви умеют «стимулировать» ничуть не хуже.

Например, любовная лирика — прямое выражение потребностного состояния, которое, однако, в данном случае выступает в новом качестве — как стимул поэтического творчества.

Во где маразм! Пошло обывательское уподобление поэта певчей птичке: бабу хочет — вот и поет. Идиотское натурализаторство. А в искусстве поэзии — любовная лирика запросто может стать выражением гражданственности или стремления к мудрости. Поэт пишет не тогда, когда ему захотелось переспать с женщиной; скорее, наоборот: ему этого мало — и хочется раздвинуть границы до размеров вселенной. Тогда и с женщиной будет совсем по-другому. Не забываем, конечно, что поэзия как искусство — не зависит от пола.

После обсуждения «потребностных состояний» — приходит черед пообсуждать варианты удовлетворения потребностей. Тут авторы

забывают о сублимации (какая, на фиг, поэзия?) — и рубят матку грубо по-животному: есть организмы, есть встроена в них психика — но и то, и другое только чтобы в итоге подергать за органы.

Удовлетворение — феномен скорее физиологического характера, эмоции же — психологического, хотя сам механизм эмоций способствует эффективности деятельности, служащей достижению удовлетворения.

Товарищи совершенно не понимают, что есть что, — и валят все в кучу, метафизически цепляясь за слова. А слова означают что угодно — в зависимости от того, зачем их говорят. Так, удовлетворение вполне может ссылаться на эмоцию, на чувство, на переживание... И на волю. Но здесь подразумевается не удовлетворение как движение субъекта — а всего лишь разрядка, сброс напряжения. Даже тупые американские психиатры различают типы сексуальных расстройств: в одном случае речь об «импульсивности» (желание получить удовлетворение или удовольствие) — а на другом полюсе «компульсивность» (попытка облегчить дискомфорт или тревогу). Таки есть разница? Впрочем, по их практике, оба вида могут вместе бороться за отсрочку или подавление девиантного поведения...

Эмоции также бывают разные — и слово ничего не значит само по себе. Но даже если оставаться на уровне чисто животной психики (где, собственно, и эмоций как таковых нет, а только цепи обратной связи) — проявляться психика может только посредством телесных движений (типа, член рефлекторно дергается, или желудочный сок течет) — а эти движения так или иначе меняют среду обитания и тем самым оказывают влияние на характер поведения, на психику. О чем нам незамедлительно и сообщают:

Лишь в единстве и целостности оба элемента — физиологический и психологический — могут выполнять роль удовлетворения в случае достижения высокого развития личности.

Однако в единстве органика и психика работают на всех этажах — на самых низших превращаясь в простую реактивность, однозначную связь строения и поведения (хотя в чистом виде такой однозначности нет даже у вирусов). Речь может идти лишь о способе поддержания телесной целостности; у разумных существ этим занимается личность — то есть, человек сам выстраивает свое органическое и неорганическое тело в зависимости от направлений развития деятельности (и в конечном счете, направлений исторического развития). При этом фокус сдвигается с «удовлетворения» на культурное строительство: в отличие от животных,

мы заставляет двигаться наши тела не ради самих тел (с их физиологией и эмоциями) — мы используем телесные движения как средство изменения природы (включая собственную природность).

Опять же, авторы и это интуитивно просекают — и заводят разговор об уровнях любви — опровергая самих себя:

Таким образом, развитие любви происходит не только в плане все более избирательной концентрации на одном объекте, но и в плане обогащения эмоциональной сферы человека.

То есть, любить таки можно много и по-разному — и чем разумнее, тем меньше про секс, а больше про чувства... Чем мы выше и возражали на чересчур моногамные амбиции.

Тривиально, но по существу: достаточно очеловеченный мужчина удовлетворяет женщину — и, видя это, удовлетворяется сам. Пусть будет: простое отражение (включая самочувствие) — низший уровень, почти животная психика; на следующем (принципиально человеческом) уровне вступает в дело рефлексия: каждый акт преобразования мира становится и актом саморазвития. Научиться быть другим = научиться любви. Однако на этом разум не останавливается: различие бытия в себе и в другом (для себя) надо снять в такой постановке деятельности, когда обратная связь уже не нужна, когда мы чувствуем другого как себя — и действуем так, будто действует он. Вот такое бытие в-себе-и-для-себя называется *любовью*, без ограничительных кавычек.

Всегда легко определить — чихнул человек культурный или недостаточно развитый в культурно-психологическом отношении. Последний чихает так, что сразу чувствуешь — именно так чихали наши далекие предки: полное отсутствие *самовосприятия*, *самокон-*троля, и *саморегуляции*.

Сказано красиво! Образно и по существу. Но опять: не заикливаться на себе — выходить в большой мир. Как нас давным-давно научил Гегель, разум — единство сознания и самосознания. Человек разумный чихает не потому, что приспичило, — и не подстраиваясь под общественное мнение: каждый чих у нас — одухотворение природы, перестройка мира в целом на разумных началах. То есть, мы ведем себя культурно лишь потому, что считаем это разумным, выводим из своего (далеко уже не животного, сознательного и самосознающего) бытия.

Из мелких придилок: нам говорят, что по мере роста духовности (личностного развития) становится все меньше перепадов в отношении к другому — чувства ровнее. Вряд ли. Неравномерность — закон

всякого развития. Ровненко и гладенко — это уже не развитие, а эволюция (или что-то неодоушевленное). Даже в самой возвышенной любви будут свои неровности, крайности и перекосы. Однако в разумно устроенном (бесклассовом) обществе такие размолвки не превращаются в непреодолимое препятствие на пути к единству, а наоборот, будят творчество, ведут от личных проблем к общественным (историческим) сдвигам. Синкретически, подобное видение присутствует, например, в античной трагедии — где отношения людей не только выражают волю неба — но и активно влияют на движение небесных сфер. Разумеется, увязывать поведенческие перепады и коллизии с половым циклом — вопиющая вульгарность.

Вообще, отношения с другим полом имеют важное значение для развития и обогащения личности, и особенно в том случае, когда человек по-настоящему любит. Ко всему этому следует добавить, что половая потребность есть хотя и одно из важных, но лишь частный аспект более широкой *потребности в общении*.

Вот, открытым текстом: любовь — это не только пол, это духовное (личностное, субъектно опосредованное) общение, в любых формах. Поэтому «развитие и обогащение» не имеет никакого отношения к половому вопросу, и реализуется на любой материальной базе, в любой деятельности. Собственно, любовь и есть духовное развитие. Можно поздравить авторов с великим открытием? Как бы не так! — кончается все равно за упокой:

По мере развития общества, культуры все большее количество людей становится способными к любви, и не случайно именно любовь во все большем количестве случаев становится главным мотивом заключения брака.

За признание духовного прогресса — респект и уважение; но какое отношение любовь может иметь к браку? То бишь, к (тюремному) заключению. Наоборот, любовь ведет людей к свободе — когда им уже все равно, есть какие-то бумажки или нет, и кто что на это скажет. Любящим просто в голову не придет мысль о браке: они уже настолько близки, что дальше некуда. Навязывание любви — смерть. Это касается и далеких от пола любовей: дружба, любви к родине, и все такое. Дружить из-под палки? Любить родину по паспортной графе? Вздор!

... многие вступающие в брак не способны отличить любовь от влюбленности, от увлечения, не способны в должной мере разобраться в личностных качествах своей избранницы или избранника.

Вступление в брак и не предполагает ничего такого. В отличие от любви (любого вида), брак — отношение не личностей, а *лиц*, — не субъектов деятельности, а *субъектов права*. Другими словами: просто сделка, акт товарного обмена. Брачующиеся договариваются соблюдать правила (рыночной) игры — и за это государство (как общества в целом, в свою очередь представленного господствующим классом) обязуется дать доступ к ряду культурных сфер, которые для не состоящих в браке искусственно закрыты (отчуждены). Вот и все. Будет любовь или нет — без разницы; по факту, лучше, когда ее нет, и все необходимое прописано в брачном контракте. Буржуазный брак не делает супругов собственностью друг друга — и никак не регламентирует половую жизнь; это сугубо экономическая условность, раздел имущества.

В конце концов авторы возвращаются от общепhilософских идей к воспитанию мальчиков — и замечают плачевное состояние индустрии:

... некоторые люди, попросту говоря, впадают в первобытно дикое состояние в одной из важнейших сфер своей жизнедеятельности — в сфере взаимоотношений с другим полом — или же так и не поднимаются до человеческого уровня.

Между прочим, одной из причин становится гипертрофированное внимание к половой любви — в ущерб всем остальным любовям. Если подчеркивать на каждом шагу, что женщины — другой пол, а не просто люди (при том что каждый — со своими анатомическими и прочими особенностями, независимо от пола), — чего еще ждать? Если же с младенчества учить, что (при всех телесных различиях) есть только люди, и каждый достоин любви, — половое созревание упадет на уже созревшее уважение к другим, и умение разумно подстраивать общение применительно к их особенностям (не только физиологическим, но и общекультурным).

В этом контексте разговоры про вред ранних половых связей — детский лепет. Дескать, голое (в смысле: недетое?) физиологическое поведение уродует личность — а «подросток или юноша еще не способен по-настоящему оценить душевные качества женщины — он для этого просто еще не созрел личностно». Заставивание психологии. Неспособность восприятия и познания партнера. Предрассудок: успех = потенция; и превращение члена в крупнейшую жизненную ценность.

Пардон, а что считать «ранним»? Чего нужно достичь, дабы иметь право? И кто вправе сортировать? Опять же, что считать «половой связью»? Например, мастурбация — типичнейшее явление; как мы

собираемся увязывать его со сроками и с «оценкой душевных качеств»? Мастурбировать лично зрело — это как? Есть еще эротические фантазии — и у многих они очень даже влияют на душевный строй; как их будем выстраивать?

Снова и снова: начинают не с того конца. Личность не отдельно от плоти — и не вырастает из природы; личность формируется в общении: ее не привносят сверху, ее каждый выращивает в себе. Задолго до рождения ребенка — его личность уже существует как общественный проект; кривой проект — уродует тело и психику. Когда ребенок растет в атмосфере любви — его зрелость заложена в него с самого начала. Человек не «оценивает» другого человека (базарная привычка!) — люди по-человечески общаются. Не взирая на пол, возраст и все остальные градации, без которых не может существовать рынок и классовое общество вообще. Формы и сроки половой жизни — каждый находит для себя; именно унификация, причисывание всех под одну гребенку вынуждает ребенка следовать дурным примерам, создает перекосяк в сторону биологии.

Конечно, такой мужчина не превращается в «биологическое» существо, но, оставаясь существом социальным, он оказывается менее полноценным в своем социальном качестве.

Мысль здравая — если бы не упорные поиски «полноценности». Свободный человек не обязан ничему соответствовать — он просто не может быть неполноценным. Общество не приписывает людям какие-то абстрактные «качества» — оно принимает человека таким как он есть, организует культуры в соответствии с его запросами и возможностями. Индивидуальность — путь к универсальности, без которой нет разума.

Именно с ранней половой жизнью можно связывать тот факт, что в жизни можно встретить, и немало, кажется, вполне достойных представителей мужского пола, в сфере половых отношений вступающих в противоречие с нормами нашей морали.

Вот-вот. Вы навязываете человеку вашу мораль, вы ограничиваете его жесткими условиями и сроками... — какой порядочности можно от него ожидать, если сам этот акт насилия — глубочайшая безнравственность? Вы получите козла в маске. Это вы внушили ему нездоровый интерес к вопросам пола — заставили исковеркать самого себя. Будет он вас уважать? Вряд ли.

Но беда в том, что, будучи целостным существом, человек не может быть порядочным в *целом*, если он непорядочен в *частностях*.

Человек — вообще вне «порядочности», филистерской морали. Его целостность — это его свобода; любое ограничение — выставляет внутренние барьеры, кастрирует дух.

Нас страшат, что ранняя половая жизнь ведет к пресыщению, эмоциональной пустоте — «происходит психосексуальная деградация личности».

Личность — не имеет отношения ни к психике, ни к сексу: это про человеческие отношения, про духовность, про любовь. Увязывать дух с «психосексуальностью» (что бы под этим ни понималось), да еще и спускать сверху морально-догматическую разрядку, — это и есть деградация, отказ от разума, сведение человека к животному.

И тут вдруг выясняется, что критерием «преждевременности» служит — что бы вы думали? — брачный возраст! И мы друженько возвращаемся к избитому до полусмерти тезису: постель — только супружеская; в этом и состоит «зрелость»... И «половая функция» сводится к дозволенному господствующей моралью размножению; ее «успешное выполнение», оказывается, определяется «способностью сотрудничества» одного человека с другим.

Все. Дальше можно не читать. Ну, глянуть мельком на обычные для такого рода литературы банальности:

Между тем известно, что облегчение домашнего труда с развитием общества происходит таким образом, что в первую очередь облегчаются или отменяются именно традиционно мужские дела (принести воды, наколоть дров и т. д.), традиционно женские же обязанности сохраняются в полном объеме.

Вообще, воду в дом раньше носили, главным образом, женщины. Поэтому водопровод облегчает именно их труд. Традиционно женские обязанности — это коня на скаку, или в горящую избу... Мерзко — когда загоняют людей в клетки, назначают им «обязанности» — и берутся делить что-либо на мужское и женское. Из этой первичной мерзости — все остальные.

У человека, как и у любого живого существа, есть врожденная *потребность в движении*.

Эмпирионатурализм без намордника: человек всего лишь животное, и движется он под действием врожденных импульсов — даже условные рефлексy для такого «человека» непозволительная роскошь.

Девушкам следует разяснять, что, хотя курение среди них и не редкость, все же на курящую женщину, а тем более девушку смотрят

подозрительно: ведь девушки начинают курить чаще всего все же в сомнительной компании. Кроме того, если с курящими юноша и мужчина общаются охотно, то замуж их берут *не столь* охотно.

Курящие бабы таки выходят замуж — иногда очень выгодно. А сводить человека женского пола к стремлению захомутать мужа — это подло.

Следует официально признать правом и долгом граждан, и об этом широко и официально объявить, чтобы не было кривотолков, право *пристыдить* отца или мать, курящих в присутствии ребенка, юнца, гордо шагающего с сигаретой в зубах, и т. д. Пока попытки поступить так в отношении курящих воспринимаются ими как недозволённая дерзость по отношению к ним.

Право пристыдить — и так есть. Но в ответ могут набить морду... Тоже имеют право. Нет, тут нужны иные орудия труда. Например, снабдить дворника автоматом и гранатометом — чтобы пристрелить на месте бросившего окурок, пешего или омашиненного соответственно.

Нужно официально наделить граждан правом запрещать в своем присутствии курить, чтобы курящие обходили стороной некурящих, а не наоборот. Пока же курящий вправе вести себя в этом отношении так, как ему заблагорассудится.

Пожелание благое — всеми конечностями за. В последние годы видим заметный прогресс, и некурящие зоны повсюду ширятся. Но курилки все равно есть, и пройти мимо где-нибудь в аэропорту — тяжкое испытание. А тут еще и легализация марихуаны — так что дышать будем наркотой.

... следует в общении со школьниками подчеркивать отрицательные качества курящих людей, внушать, что курение — большой недостаток человека.

Недостаток — в смысле недостаточность, отсутствие в должных количествах. Действительно, разумным существам хватает разумных интересов — и дымить по дури им как-то странно. Но недоразвитость не лечится проповедями — для этого надо менять устройство мира. Вести к разумности себя и других — создавая условия, в которых трудно стать неразумным.

Нередко ханжеское отношение некоторых людей к сфере межполовых отношений у нас объясняют влиянием западной идеологии. Пожалуй, все же больше в нем именно отголосков религиозной догматики.

Можно подумать, религия — не идеология! С другой стороны, идеология — слепок способа производства, его духовное выражение. Поэтому истребить ханжество может лишь коренная перестройка

экономики, уничтожение собственности, товарного производства и обмена. С другой стороны, ханжество — всего лишь следование принципам расхожей морали, которая, наряду с религией и правом, становится инструментом классового насилия, позволяет одним диктовать нормы другим. Все эти (классовые) надстроечные явления можно устранить только вместе, а бороться с ними по отдельности — бесполезно и глупо.

Абстрактные ссылки на пропаганду — врут сами себе. Так, с Запада всегда шла не только пуританская мораль — но и публичная обнаженка, и порнуха. Религии тоже бывают разные: в некоторых сексуальные практики широко распространены, а сексуальные домогательства со стороны попов и растление малолетних признает даже официальное христианство.

Девочки на...

Поскольку предыдущий (двуединый) оратор достаточно высказался по поводу половых различий вообще и мужикойдной недоразвитости в частности — следующее выступление можно сразу ориентировать на дамскую педагогику: Б. Леонидова, *Девушкам-красавицам* (1983). Ибо

суть всегда была и остается в том, что девушка, независимо от того в каких брюках или джинсах она щеголяет, несет в себе женское начало.

Женское начало «в себе» — это в смысле под юбкой или в джинсах? Но нет, нам намекают на что-то еще, не столь осязаемое:

Под любой внешностью девушка женственна, нежна, ранима. Ей свойственно желание опереться на сильное мужское плечо, иметь семью, детей... Пусть это желание таится до поры до времени где-то глубоко в душе — оно есть, оно неизбежно появится.

То есть, помимо первичных половых признаков — предусмотрительно встроенный в женщин богом или природой комплект безусловных рефлексов, обеспечивающий подобострастное отношение к господину и повелителю — и неукротимую потребность размножаться. Так сказать, феминизм наоборот (юнгянцы сказали бы: «фемининность»).

О том, что подобные установки не производное от анатомии и физиологии, а воспитываются в женщинах господствующим способом производства и соответствующими методами социализации, — думать настойчиво не рекомендуют. За несколько тысяч лет классовое общество с присущими ему формами разделения труда вылепило мужчин и

женщин так, чтобы различие экономических ролей казалось им само собой разумеющимся и единственно правильным. Женщина тянет на себе дом, воспитывает детей, — мужчина добывает средства и стоит на страже системы наследования. Всегда было — и всегда будет. Общество поддерживает «правильных» (обабившихся) девушек — и осуждает уклонисток в обе стороны: «гулящих» и «синих» (раньше косо смотрели и на розовых — но сегодня они в законе, и могут создавать однополые семьи, в том числе с детьми). Вбитый в массы предрассудок о девочке как будущей семейной рабыне — передается от матери к дочери: пока младенец еще в утробе — мать прикидывает, как вовлечь девочку в типовой женский быт, нагрузить семейственностью и отрезать от вольных хлебов.

Как только исчезнет домоводческая повинность — и женщина сможет заниматься тем, что ей по душе, без оглядки на воспроизводство рабочей силы, — понятие «дома» растворяется без остатка, и желанию «опереться на сильное мужское плечо» взяться неоткуда. Женщины смогут общаться с другими людьми (независимо от пола) не по разнарядке, а когда и как им интереснее; никакие семьи больше не нужны. Общество (даже в форме государства) вполне может делать детей индустриально — так что назвать кого-то родителем уже не получится, и воспитывать надо всем миром.

Желание «иметь детей» — такое же классовое явление, как желание «иметь женщину». Одни относятся к другим как к собственности — и ни о каком человеческом общении уже и речи нет.

Несмотря на сильнейшее давление со стороны недоразвитого общества, свободных женщин становится все больше; и секс, и дети — возможны вне брака, а экономическое равноправие женщин и мужчин постепенно перерастает в действительное равенство (не без перегибов в противоположную сторону).

Авторша чувствует слабость своей позиции — но продолжает настаивать на традициях домостроя:

Кто-то из вас возмущен подобным утверждением и категорически с ним не согласен? Что же, вы согласитесь с ним несколько позднее.

Уверяю вас, именно так и будет. Поверьте пока на слово.

Обращается она, конечно же, к неопытным девочкам — которых уже замутили идиотской моралью, жестко противопоставили мужикам — и готовят к вечной войне за господствующие сексуально-семейные высоты (участие женщин во внесемейной экономике если и возможно —

то лишь на подсобных ролях, или как странный курьез, исключение, долженствующее подтвердить правило). Поскольку ничего разумного в девичьи мозги не залито (залить некому!) — туда удобно сливать обычные эмпирионатуралистические помои:

Природа устроила так, что основная ответственность за отношения между полами ложится на женщину.

Оказывается, общественные установления — чисто природный закон, заранее предусматривающий неравенство людей по половому (или еще какому-нибудь формальному) признаку! Классовое неравенство — тоже от природы, и ни о каком изменении мироустройства мечтать не положено... Женщина, видите ли, только для того, чтобы на нее ложиться — а потом еще и возлагать ответственность: пусть сама расхлебывает последствия господства насильников.

Нет, конечно, мы понимаем, что это больше расхожий эвфемизм: под «отношениями» подразумевают секс, а под «последствиями» — детей (со ссылкой на классика Энгельса! [21, 78]); поскольку обществу на детей начхать, и помощи как от козла, — дамам предлагают вовремя предохраняться, или хотя бы держать козлов на безопасном расстоянии, пока не согласованы финансовые пункты контракта.

Отношения между людьми — это не отношения «между полами». Делать общение приходится на имеющейся экономической базе — поэтому отвечает за уродские взаимоотношения не женщина или мужчина — а мерзкое общественное устройство, обрекающее людей на отчужденность и вражду; всеобщее разделение труда всегда сводится именно к этому: одни действуют — другие виноваты; одним гулять — другим мучиться.

Поэтому естественно, что девушку с той самой минуты, когда она осознала свою принадлежность к слабому полу, волнует все, что связано с этой стороной жизни, больше, чем ее сверстников-юношей.

Осознать «принадлежность к слабому полу» = знать свое место. Зарубите себе на носу: вы слабые! — и по закону сильный вправе вас иметь, насиловать в свое удовольствие. Единственная возможность компенсировать расстановку сил — традиционно лакейская тактика, искусство обманывать хозяев и воровать, постепенно прибираться к рукам. Не дружите, девочки, с мальчиками — дружить надо с бриллиантами. Главный принцип воспитания.

Ты готовишься, уже сейчас готовишься к тому, чтобы стать женой, матерью, хозяйкой дома.

То есть, человеком становиться не надо! — это наказуемо. Изобразите покорность — но целомудренно оттягивайте морковку от опасного места, настаивая на соблюдении обычая; соглашайтесь рожать — но под достаточные гарантии; берите дом на себя — но при условии полного контроля над финансами. Вот эти вопросы и «волнуют всех девушек, во все времена!»

Так походя отправили в отхожее место исторический материализм: раз отношения полов регулирует только природа — они вечны и неизменны и что было у неандертальцев — то продолжается у античных греков, у немецких феодалов или русских крепостных, на развитом Западе и в недоразвитом Союзе... — везде и всегда все одно и то же.

Как обычно, экономическая ущербность и неизменная униженность выплескиваются в стремление отыгаться на тех, кто слабее. У кого есть прислуга — достается им; у большинства советских — только дети, изначально бесправные по закону:

Мать привыкла видеть в дочке существо, созданное *ее* любовью, заботой. Понятное и открытое материнскому глазу до самого доньшка, ласковое и послушное существо.

Как интересно... Оказывается, дочерей дамы производят исключительно в порядке партеногенеза — и мужской пол им для этого не требуется. Соответственно, и воспитывать никому больше не позволим: это мое! — и какие, на фиг, родственники, или общественные институты? Дрессируют пупсика как собачонку: чтобы никаких тайн, и прыгать по команде на задних лапках, и не кусаться. А то, ведь, и отцовского ремня отведать не исключено.

Природа на первом месте и в отношении участия в общественном производстве: прежде всего — свой дом, а все остальное — только для этого. Кто призывает дам смело брать на себя масштабные проекты, ворочать рычагами государственности или летать в космос, — вредные элементы, слушать которых порядочная девушка не должна. Пусть брешут, что призвание разума — преобразовать вселенную, что всякое ограничение этой универсальности — духовная недоразвитость. Ладно, кто не умеет улаживать мужиков, укладывать их на себя и грести с каждой постели под себя, — пусть улаживают компьютеры.

Но разве нет женщин, полностью отдающих себя семье? Они вроде бы и не заняты общественно полезным трудом, а счастливы. Воспитание детей, как уже говорилось, тоже общественно важный труд, необыкновенно важный для всего общества. Кто знает, быть может, кто-то из

вас со временем станет многодетной матерью, испытает большое счастье растить своих детей, воспитывать будущих граждан Советской страны, целиком отдавая себя этому нелегкому делу.

Все прослезилась от умиления, и вытерли глазки крупной купюрой. Правда, есть непонятности. Почему «необыкновенно важный для всего общества» труд надо отдавать на откуп кустарям-одиночкам — и тем более, преимущественно женского пола? Почему бы обществу не взять это полностью на себя — привлекая всех желающих в рабочем порядке, как принято в остальных производствах? Если кто-то найдет свое счастье в этой отрасли — всем хорошо. А то получается странно: мамаша воспитывает «граждан Советской страны» — но только из «своих детей»; а как же все остальные — уже не граждане? Опять же, любительницы детородных функций могли бы заниматься этим на индустриальной основе, в хорошо оснащенных специализированных заведениях — независимо от личной жизни где-то еще. Или вы рождаете ваше личное потомство в расчете на полное материальное обеспечение со стороны (за счет) государства? Так это подлость. Да и не будет оно вас содержать — это ваше семейное дело; разве, пособия какие-нибудь, и льготы по жилью. Следовательно, придется надыбать кормильца, и назвать его отцом, — и по любому, детей поднимает не только мать. Короче, семья в такой постановке оказывается лишь маленьким заводиком (фермой) по производству рабочей силы — и вопрос не о материнском счастье, а о конкуренции мелкого частника с крупным (капиталистическим) хозяйством: примеры этого мы видим на всех рынках, и знаем, что в каждой экономике устанавливается некоторое равновесие мелких и крупных производителей — но доминирующая роль индустрии неоспорима, и если отдельная отрасль остается на уровне средневековой цеховщины — это верный знак недоразвитости экономики в целом, и предстоящей эволюции в сторону укрупнения и обобществления производств, концентрации капитала.

Как бы то ни было, домашний труд всегда был (и будет) самым непроизводительным — технологически и организационно отсталым. Внедрение современных методов хозяйствования возможно лишь при включении «фермеров» в единую систему поставок и сбыта — то есть, по сути, превращения их в наемных рабочих или батраков. Примитивная психология мелкого собственника не дает ему заметить принудиловки: большинство кустарей считают себя «хозяевами» (но при этом всю дорогу требуют у государства все новых подачек).

Отсталое производство катастрофически действует на духовность. Мамаша-наседка — страшное зрелище. Полное убожество, апофеоз тупой ограниченности. Как может человек, замкнувшийся в кругу семьи и не участвующий в жизни страны, готовить нужных стране людей? Упертые в свое махонькое счастье — делают несчастными детей.

На излете советской власти в воздухе витала идея «детских комбинатов» на дому: агитаторы от нескольких знаменитых семей разъезжали по городам и весям с лекциями от пользе многодетности, показывали красивые картинки и учили тонкостям «правильного» воспитания... Об экономической основе «передового опыта» почему-то предпочитали умалчивать. Однако пропагандистские ролики наводили на грешные мысли: принудительный труд детей в семье, работа не на общество в целом, а на узкий коллектив, — это не вяжется с воспитанием гражданской ответственности, и тем более высокой духовности. Эдакий усеченный вариант феодальной общины Сухомлинского. Большая семья очень скоро начинает воспроизводить только себя — и либо разрастается в мафиозную структуру (семейный клан), либо распадается под напором внешней экономической необходимости.

Пропускаем несколько десятков страниц высокопарной патетики — и опять попадаем в болото домостроя. На всякий «девицам-красавицам» (кстати, а как быть тем у кого ни физиономии, ни аппетитных форм?) напоминают о пользе умеренного целомудрия: какая любовь? — давайте делать бизнес, ничего личного!

... в первом «грехопадении» всегда виноваты обе стороны — он и она. По девушке это ударяет сильнее, поэтому она должна проявлять большую сдержанность, предвидеть последствия своего легкомыслия.

Почему обоюдовыгодные занятия надо обязательно кому-то вменить в вину? Да потому что тогда есть возможность наварить на компенсациях и гарантиях, ввести дело в твердые рамки гражданского кодекса и не менее жесткие клещи разборок по понятиям. Почему так выходит, что трахаются вдвоем — а ударяет по девушке (которая уже, в общем-то, и не девушка)? Это значит, что нет на самом деле свободного секса, а есть «сексплуатация» (термин новейшего феминизма): самцы в классовом обществе освобождены от ответственности за половые похождения, и лишь в редких случаях удается достоверно установить отцовство; конечно, алименты — чистый символ, разве что в плане морального удовлетворения... Впрочем, успехи правозащитников и генетиков уже сегодня позволяют наиболее ушлым самочкам заниматься сексуальным

вымогательством, добиваясь вполне весомых отступных от известных и богатых (независимо от их действительного участия в производстве потомства). Воспитание девочек *à la* Леонидова должно, по замыслу, тренировать навыки торговли детьми, шантажа и прочей коммерции.

В человеческом обществе — ни о каких «последствиях» вообще не заботятся. Разумные существа и в постели разумны, и случайностей не допускают; а если вылез глюк — ничего страшного: детей выращивает общество в целом, а не биологические родители (о которых, в норме, ребенок вообще ничего не знает).

Никуда не денешься — мысли о замужестве, о семье обязательно появляются, это естественно. И надо думать обо всем трезво и здраво. Любви это ущерба не наносит.

Мысль о замужестве и семье — совершенно противоестественна! Никто в животном мире в загс на бегаёт — справляются по мере возможности. Если людей заставляют — следует задаться вопросом, кому это выгодно, и не стоит ли выстроить все по-другому. Но пока мы еще не люди, а только рыночные агенты — женщинам приходится продавать себя в брак, и надо, конечно же, учить экономическим основам: бизнес-план, реклама, правовое обеспечение, бухгалтерия и менеджмент. Заметим: женщина — товар, мужик — покупатель (инвестор). Наоборот бывает редко. Почему? Потому что «первоначальное накопление» насилем отстраняет женщин от экономических рычагов — типа, как буржуй законно унаследовал капитал и потому имеет право наживаться на обездоленности других.

Про любовь тут — очень иронически, с намеком на традиционный романтический хлам в девичьих головах. В этом разрезе — книжка очень полезная, поскольку открытым текстом озвучивает действительное положение вещей — но, конечно же, не ради борьбы с проклятым наследием, а во имя еще большего упрочения рыночной экономики и очищения брачно-семейного капитализма от допотопных иллюзий. Хотя, для вящей убедительности к девочкам сначала пристраиваются снизу, (очень голословно) допуская, что

Брак в нашем социалистическом обществе основан на любви, на привязанности, на уважении.

Ну, а когда создан раппорт — внушение действует безотказно. Любовь любовью — а в брачную тюрьму по команде капрала!

Забавный экскурс в сторону от основной темы — рассуждения о незыблемости морали (в дополнение к правовым и экономическим

рычагам давления). Полная победа эмпирионатурализма (над разумом, и даже над здравым смыслом):

Нравственность — в природе вещей, так оно и есть.

Снова дикость, неизменная и незыблемая, — как в болоте!

Но вернемся к основной линии — жесткой пропаганде брака и семейного рабства, которое начальство хотело бы причесать под личный выбор, и даже высокое призвание.

... в наше время, как, впрочем, и во все другие времена, разным парням нравятся разные девушки, и наоборот: разным девушкам нравятся разные парни.

Метафизическая теория привлекательности: люди одинаковы везде и всегда — и диапазон вкусов воспроизводится в неизменном виде из поколения в поколение. Утверждение тем более странное, что на каждом шагу бытовые контрпримеры: несколько парней вполне могут любить одну девушку; еще типичнее — когда толпа поклонниц осаждает попкумира. Столь же возможна и обратная ситуация: разнообразие половых appetitов (как у мачо, так и у блядей). Наконец, вкусы меняются и на протяжении одной биографии — что заставляет бывших почитателей искать секс на стороне. В принципе, ничего предосудительного здесь нет (а у разумных людей вообще нет привычки кого-либо судить). Человек по определению есть существо универсальное — и не обязан никак себя ограничивать; в частности, любовь — выражение духовной свободы. Нейролингвистический подвох — в самой постановке вопроса: нам подсовывают мысль об обязательности выбора, необходимости брака и супружеской верности (соблюдении условий контракта). Пардон, а зачем любящим вся эта мишура? Мы любим друг друга — и нам этого достаточно; экономические и политические вопросы мы будем решать в другом контексте: к любви это не имеет ни малейшего отношения. Если мы любим многих — или нас любят многие — это всем на радость: любви слишком много не бывает. Взять пары исключительно по внешним данным — верх идиотизма.

Независимо от моды, от времени, независимо от чего угодно, в девушке привлекает вечно женственное.

Снова про вечность и неизменность — абстрактная идея женственности витает среди прочих платоновских идей и априорных принципов. Чушь несусветная! Женственность женственности рознь — и у разных народов в одну эпоху под этим понимают кому что заблагорассудится.

Заметить красоту иной африканской или азиатской дивы — сможет не всякий европеец; наоборот, впрочем, бывало: например, европейки шли на ура в мусульманских гаремах (хотя, предположительно, больше брали характером, а не сексуальным темпераментом). Тем более — когда речь об исторических эпохах: палеолитические «венеры» вряд ли разбудят страсть в сердцах современных мужчин (и, скорее всего, наоборот тоже сомнительно). Существование моды на габариты внешность — ни для кого не секрет; это само по себе ясно указывает на подвижность и переменчивость.

Таким образом, от «вечной женственности» остается только одно: вечное рабство. Баба должна сторожить дом, нянчить отпрысков и предоставлять хозяину любые дырки по первому требованию.

Она самой природой предназначена для великой любви, любви к ребенку. Ей быть добрым духом семьи, ее хранительницей, ее душой и настроением. И парни охотно, с удовольствием будут выламываться на танцах с красивой и модной, гулять с ней, сидеть за коктейлями в кафе. Но когда вопрос пойдет о настоящем, о серьезном — о жизни, *семье* — подход иной.

Начальника назвали природой — и словечко женского рода вроде как восстанавливает матриархат: дескать, сами женщины (в лице природы) себе и написали на роду все, что начальству от них требуется... Получается, что человечьи дети ничем не отличаются от животных детенышей — и отношения с матерью у них чисто биологические. Почему женщина не может быть духом самой себя? — начальство так решило! Женщина здесь не личность, не человек, — всего лишь самка и овчарка на цепи. Отсюда две стороны потребительского (барского) отношения к женщине: либо шлюха, с которой можно мило провести вечер в кабаке (а закончить трахом в туалете, в машине, в лифте) — либо это предмет мужского обихода: работница, скромница, роженица... Никакой духовности (и следовательно, никакой любви) отношения не предполагают. Шлюха должна быть смазливой и эффектной — товар лицом. Домашней бабе оно не обязательно:

Тогда притягивают те девичьи качества, которые привлекали в свое время отцов этих парней, и дедов, и прадедов.

История рабства — автоматически продлевается в плюс бесконечность. Бабы достоинства скромно именуя «девичьими» — предполагая еще одну классовую дискриминацию: вставших на путь разврата отделяют от брачного товара стеной борделя (в прямом и переносном смысле) —

и конвертация до недавнего времени была очень затруднена. Гулящие девки — одно; будущие жены — совсем другое. Прейскурант.

Чтобы записанные в невесты не очень уж кисло выглядели (иначе замуж брать побоятся!) — им подсовывают еще одну романтическую пошлость:

А суть в том, что свадьба знаменует собой начало новой жизни: любовь, счастье, семью.

Дескать, потерпите с девственностью — и будете вознаграждены на том свете (пардон, в браке). Кто там говорил, что в брак вступают по любви? Нет, любовь начинается только с момента простановки подписи в загсе и штампа в паспорте! Счастье тут — чисто рыночное: ага, таки обделали дельце; можно на чуток расслабиться перед грядущей битвой за суверенитет, возведением неприступных стен семейной тюрьмы.

Брак — совсем новое существование. Ведь рядом с тобой отныне всегда другой человек. Твой человек, с которым ты вместе днем и ночью, в заботах и в развлечениях, в горе и радости.

То есть, до брака вы еще могли воображать себя свободными людьми — а теперь вы навек повязаны одним бизнесом — и ни о каком разводе речи быть не может! Существование в клетке — вовсе не то же самое, что птичка на воле. На вас повесили непростые экономические обязанности, спихнули заботы, которые разумнее было бы препоручить государству (если на миг вообразить, что оно могло бы стать представителем общества в целом, а не только господствующего класса). Когда человек «всегда другой» — значит, нет любви (ибо в любви мы становимся друг другом). Когда этого «другого» еще и делают собственностью («твой человек») — это не только физически (экономически) запирает в клетке, но и насаждает духовное рабство — то есть, по сути бездуховность, животность. Разум свободен — человек никому не может принадлежать. А тут еще и обязанность телесно присутствовать (особенно по ночам), и не развлекаться на стороне! Такое даже в кобсе озвучить постыдились; утверждать бизнес-логику придется по понятиям (см. выше насчет «природной нравственности»).

Пока человек свободен, он обитает не в пустоте — он в океане человеческих отношений, среди многих и многих *людей* (не зверушек, а личностей — иногда без материального носителя). Если мы умеем общаться — мы открыты любви, и клеткостроительством заниматься никто не будет. Любовь не сковывает любящих — а в классовом обществе она их освобождает от классовых предрассудков. Любовь не

может грузить людей заботами и обязанностями: они любят, поскольку они неравнодушны — и поскольку это им по сердцу. А буржуазные проповедники бессовестно врут:

В семье новые заботы, новые обязанности становятся не в тягость, а в радость, потому что их рождает любовь.

Духовность не может «озаботить»; обязательство — не любовь. Авторша беспросветно запуталась в своем «здравом смысле домохозяйки».

Большой кусок — про обряды. Девочкам (которых готовят в невесты) предлагается продолжить игру в куклы — и свести романтику к голой ритуальности. Например в обязательном порядке представить кавалера предкам — и этим лишний раз подтолкнуть в клетку, навесить еще и обязательства по отношению к родственникам:

... Наконец Дима откашлялся и робким голосом сказал, что любит меня и просит у родителей согласия на наш брак.

Когда кавалер твердо стоит на (экономических) ногах — будет он робеть и смущаться? Черта с два! — наоборот, родители невесты будут заискивать перед ним, дабы не упустить выгодную партию. Испокон веков просить согласия было принято лишь потому, что молодые не имели своего дома и хозяйства, были полностью зависимы от родителей (или иных опекунов). В пределах одного уровня сословной иерархии — молодых вообще никто не спрашивал: родственники договаривались об экономических реалиях и политических союзах; во многом оно так и сейчас. Зато когда начальство одобрило — всеобщее ликование:

Я видела, что у него даже лоб вспотел... После этого все стали целоваться и всем стало весело. И я шепнула Димке, что он молодец, все сделал как надо... И хотя папа был прав — все было решено между нами до этого разговора, — я рада, что были и эта торжественность, и эти цветы, и это волнение...

Что мы видим? Актеры долго репетировали выступление — и штатно отработали на сцене; но бизнес-леди и тут не теряет самообладания: она контролирует процесс — и поощряет удачно оттанцевавшего паяца.

Кстати, если бы все было *действительно* было решено между молодыми — стали бы они заморачиваться с презентацией? Да им бы даже в голову не пришло; самое большее — поставить родственников перед свершившимся фактом. Значит, бизнес потребовал вливаний — и пришлось готовить почву, оживлять конъюнктуру.

... Кстати, свадьба ведь тоже церемония, а как жаль отказываться от нее, правда?

Особенно когда ее устраивают родители за свой счет! — да еще и гости одарят молодых по старому обычаю. Разумеется, одной свадьбой дело не ограничивается: надо еще и медовый месяц организовать, и вложить капитал в новую «ячейку общества»... Да мало ли что!

Кстати, девушки, совсем неплохая формулировка, нисколько не устаревшая: сердце — это, понятно, любовь, а рука, она ведь олицетворяет помощь, поддержку, опору в пути.

Снова подразумевается: по гроб жизни, и одинаково во все времена. Исходно звучало так же — но значило нечто иное: «сердце» — я ее хочу купить (вариант: завоевать) и пользоваться ею; «рука» — беру ее «на поруки», выделяю положенное по уставу содержание — но по жизни веду железной рукой, как мне потребуется. Это ничем не отличается от покупки раба на невольничьем рынке (вспомним известное французское стихотворение!) — и лишь в самые последние годы в экономически развитых странах расширяется сфера чисто контрактных половых отношений (не всегда предполагающих брак — а часто и дополняющих его). Аналогично феодал «договаривался» с вассалом о взаимной поддержке — и даже отношения крестьян к феодалам иногда выглядели взаимовыгодным договором.

Но здесь снова подменяют одно другим — и предложение начинает косить в сторону дамских бенефиций: когда в собственность передают сердце — это намек на недопустимость вывода средств из семьи (в которой финансы ловко прибирает к рукам бывшая невинность); насчет помощи и поддержки — обязательство и в продаже рабочей силы иметь в виду прежде всего семейные интересы, вносить по максимуму. Ни в том, ни в другом случае — про любовь вообще ничего.

Кстати о невинности. Сегодня это товар не самый ходовой — но поторговаться тоже есть о чем. Сразу же выясняется, что с половым воспитанием в обществе глубокий вакуум:

Нет девчонки, которая до замужества не наслушалась бы рассказов своих подруг и не читала бы литературы на эту тему.

То есть, ни слова о школьном (или хотя бы родительском) просвещении: только по слухам, шепотком меж собой. При этом (если речь о товарных девицах, заготовок в жены) не предполагается и собственного опыта половой жизни. Как ни крути, идея «девственности» в обывателя въелась намертво — и цена во многом зависит от «чистоты». Другая сторона медали: сексуальная безграмотность самым печальным образом сказывается на интимной стороне брака — и его экономике (поскольку

постельные разочарования еще больше укрепляют даму в сознании первичности рыночных отношений и невозможности любви):

А потом свой медовый месяц невольно сравниваешь с тем, что ты знаешь: ведь должно быть необыкновенное счастье, любовное упоение, восторги.

По факту новобрачная вообще ничего не знает — и сказки о том, как «должно быть» — из столь же невежественных источников. С другой стороны, откуда взяться восторгам, если новоиспеченная жена не умеет готовить их, и даже не готова прочувствовать? Научиться сексу — нужен секс, в (индивидуально) достаточных дозах, не все сразу. Тут бы как раз и пригодилась грамотно поставленная система полового образования, дозированно дополняющая практикой теоретические сведения.

В самом конце XX века по части секс-просвещения стало проще: источников столько, что проблема, скорее, не переборщить. И все равно первый сексуальный опыт — игра стихий; это по-прежнему грязь, боль и страх — который девочки глушат выпивкой и наркотой.

Ну, не будем о грустном. Тем более, что под самый конец, авторша таки обнаруживает ход времен — и меланхолически сокрушается:

Когда-то, и сравнительно не так уж давно, в понятие «счастье», особенно применительно к женщине, вкладывался всегда один и тот же смысл. Если у женщины были хороший муж, семья, дом, что еще ей требовалось? О чем еще она могла мечтать?

Но годы шли, и женщины захотели перешагнуть порог своего дома, им стало тесно в нем. Сумма счастья стала включать в себя большое число слагаемых. Любовь и материнство остались незывлемыми (и останутся такими всегда!), но прибавились широта интересов, стремление раскрыть свои способности, желание получить общественное признание.

Итак, понятия семьи, любви и счастья оказались вовсе не мифическими абстракциями на все времена — они развиваются вместе с обществом. Женщинам не вдруг стало тесно внутри выстроенных упорным трудом линий семейной обороны — это не случайная блажь, а отражение реально происходящих в культуре процессов: экономические сдвиги требуют более активного участия всех без исключения членов общества в передовых отраслях, где производство становится непосредственно общественным, постепенно утрачивает характер частной инициативы — и тем самым готовит гибель капитализма. Поскольку семья есть явление антиобщественное, зародыш и механизм воспроизводства классового расслоения, — люди меньше придают значение «семейным ценностям»:

не потому, что они уж очень сознательны — а из-за несовместимости семейной экономики с магистральными направлениями исторического развития. С другой стороны, новые технологии делают возможным участие людей в очень разных производствах, все более универсальным образом, не требуя чрезмерных усилий, особых физических данных, тонких предрасположенностей психики и т. д. Тем самым различия полов снимаются «явочным порядком», *de facto*, — и бывшие «мужские» профессии переходят в женские руки. Всплеск предложения рабочей силы поначалу выгоден капиталу, позволяя сбивать цену. Возникает положительная обратная связь: новые производства изначально создают с учетом гендерного паритета — и тем самым еще больше утверждают его в общественной практике, в быту, в общежитии. Остается совсем небольшой шаг — освобождение женщин от гнета репродуктивной физиологии, от материнства; после этого семья ни на что не нужна.

Полное сближение

После того, как мальчиков провели по уровням сексуального объекта, а девочек ввели в тонкости рыночных технологий и НЛП, — самое время вернуться к любви как способу примирения «вечных» («природных») противников — хотя бы на время, и не во всех смыслах. *Et voilà!* — перед нами книжица мадам Л. Богданович, *Пробуждение чувств* (М. 1979). Переступить грань всеобщего помешательства и глянуть на вещи глазами свободного человека — дама, конечно же, не может; она сразу же соглашается с мнением предыдущего оратора:

Любовь начинается в кругу семьи.

На этом, в принципе, можно было бы и закончить: чего ожидать от заведомой ограниченности? Но на той же странице — цитата штатного психолога Ю. М. Орлова:

Способность любить — это не дар природы. Это результат воспитания, образования и жизни ребенка в семье. Там, где существует любовь, вырастает человек, способный к любви.

И тут уже есть что повертеть. С одной стороны, великий плюс — отход (наконец-то!) от дикой природности. Но что взамен? Чистейший субъективизм: все дело, оказывается во внешней накачке — и достаточно поставить правильно тренировочный процесс, чтобы на выходе поймать великое чудо. Ни экономические условия (вообще или в окрестностях), ни опыт общения с другими (потенциально, со всем

человечеством — прошлым, настоящим и будущим), — на способность любви, оказывается, не влияют... Позиция, в общем-то, ожидаемая — учитывающая послушной список господина психолога:

Я делал вид, что разделяю эту худосочную теорию деятельности Леонтьева, которая, в общем-то, завела психологию в тупик.

То есть, с одной стороны — принципиальное неприятие самой идеи деятельности (а значит, и человеческой свободы, и умения свободно творить самого себя), а с другой — подлое лицемерие, которого сей субчик совершенно не стесняется, и которым даже гордится! Собственно психологические труды — исключительно по методам натаскивания, оболванивания, промывания мозгов. Но женское сердце комментирует по-своему:

Автор усмотрел потребность в любви даже с младенческих лет. И это правильно. Любовью и только любовью светится мать у колыбели ребенка. Она говорит с ним тембром самого душевного голоса, поет песенку на сон грядущий...

Про потребность в любви — это правильно; но потребностей не бывает без способностей — и логика требует соответствующего воспитания с первых мгновений физиологической отделенности (а на самом деле — гораздо раньше). Ребенок нуждается в любви в той же мере, в которой он уже умеет любить. Природное существо — в любви не нуждается; только живя в контакте с людьми некоторые зверушки перенимают доступные им по органике крохи разума.

А, вот, сказки про светящихся матерей — тупой филистерский стереотип. По жизни оно очень по-разному. Богатые мамы могут спихнуть дитя кормилице — и вспоминать о нем лишь в интересах бизнеса. Совсем бедным — не до песенок: им бы надыбать пожрать для всего семейства; а колыбельку бездомным ставить негде. Некоторые даже избавляются от нежелательных отродий — с риском нарваться на уголовный кодекс. Про душевный голос тоже не будем: даже если детей не бьют — на них шипят, зло шпыняют, орут матом... Впрочем, допускаем, что у некоторых такие представления о душевности.

Таким образом адресная аудитория книги состоит из сравнительно благополучных мещан, коих надо приучить к жизни по понятиям — и затащить в брак заманкой якобы возникающей в нем любви (а до того — ни-ни!). В этой среде принято соблюдать внешние приличия (следуя примеру г-на Орлова) — и терпеливо ждать возможности отыграться на сородичах послабее. Именно это у них зовут любовью.

В полном согласии с лицемерными установками — традиционные реверансы в сторону установленных в капище идолов:

... точно писала Н. К. Крупская о любви: «Необходимо, чтобы это чувство, которое дает много радости, связывалось с идейной близостью, со стремлением к единой цели, с борьбой за общее дело».

К. Маркс писал, что именно любовь делает человека снова человеком в полном смысле этого слова.

Примечательно, что ни Крупская, ни Маркс — не обуславливают любовь брачными узами; им важнее духовное единение — как возможность вырваться из природности и стать человеком. Однако хрен редьки не слаще: припутывать к любви какую-то борьбу — те же кандалы, или замок на клетке. Любовь свободна — все остальное лишь отблеск ее сияния, грани свободы. Понадобится любящим вместе встать на баррикады — это их личное дело; но есть немало других способов делать любовь — включая (внебрачную) постель или (не обязательно семейное) деторождение. Разумеется, помимо производства тел, есть и рождение духа: любовь как способ соединения двух личностей в одну допускает проекцию этого единства на совокупность общественных отношений, которая далее существует независимо от «духовных родителей» как единичный дух; так любовь дает начало новым личностям — в какой-то мере наследующих черты «родительских» личностей. В некоторых случаях такая, изначально представленная многими людьми личность может воплощаться в органические и неорганические тела — этот процесс мы называем социализацией, введением ребенка в контекст культуры в целом.

Но мадам Богданович высокими материями не заморачивается: ей бы по-простому, чтобы строем в загс и по этапу в роддом. И чтобы не портили семейную идиллию неуставной невоздержанностью:

До женитьбы (замужества) половое влечение юноши (девушки) может быть сдержано при условии взаимного уважения, доверчивого отношения друг к другу, при наличии чувства ответственности во имя последующих крепких брачных уз.

Ну, всякие фишечки — типа «может и не быть», — или безусловной обязательности брачных уз при малейшем намеке на сближение, — пока оставим на совести ответчика. Здесь интересны попытки отбиться от самой идеи любви до брака, заменить ее эвфемизмами: «уважение», «доверчивое отношение»... То есть, на самом-то деле любовь есть — но пока не куплена семейная клетка, отсиживать придется в клетке «чувства

ответственности» — не перед любовью, а перед предписанными законом «крепкими узами» (= путами, цепями, оковами). А вручили ключик от собственной камеры³⁴ — тогда и любите в рамках дозволенного:

Полное сближение мужчины и женщины должно завершить проведенное сдержанностью эмоциональное и духовное влечение.

Ура! — завершилось, и конец, и дальше ничего уже не предполагается... Мы строили, строили — и, наконец, построили. Так чтобы развивать любовь, расцветивать ее новыми красками, обнаруживать все новые грани... — это лишние хлопоты, когда уже не надо воздерживаться и можно трахаться до полного одурения. Воздать с лихвой за былые мучения во имя научной психиатрии:

На основании солидного врачебного опыта Крафт-Эббинг писал: «Бесчисленное множество нормальных мужчин в состоянии отказаться от удовлетворения половых страстей, причем это вынужденное воздержание не причиняет никакого вреда здоровью».

А вот мнение другого известного русского психиатра — А. И. Сикорского: «Практика чувственности в раннем возрасте является почти роковой по своим физическим и нравственным последствиям, т. е. роковой для физического здоровья человека и для склада его характера... Позднее начало половой жизни не только не вредит здоровью, но и приносит с собой то значительное преимущество, что сохраняет для мужчины половую силу до позднего его возраста. Чем раньше возникла чувственность, тем раньше она угасает».

И этот филистерский хлам выдают за высокую науку! Между прочим, любая вынужденность — это стресс, нагрузка на психику; отсюда до невроза и шизоидности рукой подать. Но, конечно, от этого никакого вреда здоровью ученого психиатра — а только рост гонораров. Точно так же, устанавливая единые для всех сроки освоения тех или иных сторон действительности — безнравственное насилие, прямая дорожка к физической и нравственной ущербности. Органика у всех своя — а уж пути ее окультуривания тем более; одним детсадовский секс в самый раз, другим — и в шестьдесят рановато.

Но не будем забывать и школьную классику: *сказка — ложь, да...* Урок будем усматривать хотя бы в том, что любовь (хотя она и не сводится к чувственности) таки опирается на совокупность телесных движений (не обязательно имея в виду органическое тело). Пока не

³⁴ Вспомним дурацкий обычай (символ «добровольного» рабства) навешивать куда-то замок, запирать и выбрасывать ключи: мечта тюремщиков всех времен и народов!

созданы материальные предпосылки здоровой чувственности — половая практика может стать препятствием на пути к разуму, ограничить дух возможностями и запросами тела. Для того в разумно устроенном обществе и нужна грамотно выстроенная система полового воспитания: не как нудные нотации и систематическая принудилровка — а как доступ ко всем достижениям культуры, включая и технику секса, и умение осознать свои действительные потребности, одухотворить их, насытить творчеством. Только на этой базе человечество сможет забыть о любви по хронометру (или календарю), и каждый сам найдет уместные формы.

Ученые пробуют установить фазы любви. Они утверждают, что это чувство сопутствовало жизни человека на всех ступенях развития культуры общения. В первобытную, доисторическую эпоху любовь человека, подчинялась только инстинкту и ничем не отличалась от влечения животных. По-видимому, это были групповые браки с обменом женщин.

Ерунда! Любовь — движение социальное — поэтому *принципиально* человеческое. Вылез инстинкт — значит, нет любви. А вылез обмен — значит, уже рынок на носу, классовое расслоение; заметьте: «обмен женщин» — то есть уже и патриархат грянул, и от первобытности почти не осталось следа. Безграмотность — не украшает даже женщину. Хоть бы Энгельса перелистала, прежде чем за писанину...

В дальнейшем образование семьи привело к так называемой «семейной любви».

Слышим родные голоса: Н. К. Крупская, с ее вездесущими плеоназмами. Забавно, что здесь авторша забывает о изначальном тезисе: «любовь начинается в кругу семьи», — и (хотя бы через задний проход) допускает историчность как семьи, так и любви. Будем надеяться, что уничтожение (когда-то возникшей — и значит невечной) семейственности столь же плеонастически приведет к любви несемейной, просто любви...

И, несмотря на явное господство мужчин над женщинами, любовь обогатилась духовным содержанием чувств.

Мы не против женской логики — но тут логики вообще ноль. Семья, где мужчина полновластный хозяин, — и *духовная любовь*. Вот к таким глупостям приводит незнание истории и непонимание экономических условий возникновения различных *форм*, внешних проявлений любви. Во всех антагонистических формациях — любовь *противопоставлена* семье, и потому право, религия и мораль наперебой предлагают рецепты обуздания любви, во имя соблюдения (хотя бы) внешних приличий.

Даже семейная любовь — предосудительна, поскольку в ней супруги свободны от супружеских, родительских, производственных, сословных и классовых обязанностей — а это посягательство на устои! При этом любовь (как и любая рефлексия) отчуждается от угнетенных масс и становится прерогативой верхов, их исключительным правом и знаком превосходства. И все равно: даже в разглагольствованиях апологетов сплошь и рядом разговоры о любви и семье — то есть, они уже отделены друг от друга, и вопрос только о первичности и подчинении.

В последующие века любовь получила название «личной». Это потому, что женщина значительно выше поднялась по общественной лестнице.

Как все интересно! Право на личную жизнь, оказывается, напрямую зависит от успешности карьеры... Какая-нибудь бизнес-вумэн любит лично; а уборщица — только по распоряжению руководства. До такого экономизма Маркс не додумался.

По-видимому, глубина любви всегда зависела от духовной жизни общества, от взаимного уважения полов.

Достаточно самого беглого взгляда на историю, чтобы заметить фальшь. Духовная жизнь общества менялась от эпохи к эпохи — но любовь Дидоны (или Сафо) ничуть не мельче любви Прекрасной Альды (или Элоизы), а любовь Гаргантюа (или Кристины Пизанской) — столь же величественна, как и любовь де Грие (или подвиг жен декабристов). Неуместны в любви никакие количества — она всегда одинаково духовна, ибо она и есть движение духа. Экономические и культурные условия влияют лишь на *формы* любви — но не на ее суть, единство личностей (которые и становятся личностями через любовь). Точно так же, не могут «попы» уважать друг друга — уважает человек человека. Стоит причислить себя (или другого) к формальной категории — нет больше свободы, нет разума, нет любви. *Как* мы будем друг друга уважать — зависит от исторических условий; но самого уважения быт не изменит ни на гран.

Может показаться, что состояние экономики (и следовательно, круг доступных деятельностей) определяет характер знакомств — и тем самым подталкивает в определенном направлении развитие любви. Экономически независимая женщина более «разборчива» — ей есть из кого выбирать. Есть шанс подобрать идеальную «половинку» — в полной мере задействовать возможности духовного роста. По здравом размышлении — ничего общего с любовью. Необходимость выбора —

ограничивает свободу: приходится действовать не по разуму, а по возможности. А где нет свободы — нет и любви. Да, в классовом обществе искусственно ограничивают людей — заставляют выбирать; в этом случае можно говорить о разумности выбора — но не вовсе не о удаче в любви. Найти любовь — не то же самое, что подцепить девку на ночь (или надыбать выгодную жену). Любовь не нуждается в прямом контакте — она не связана расстояниями и временем. Если из налично данного нет ничего (хотя бы отдаленно) похожего — любовь построит недостающую духовность, тем самым обогащая недоразвитую культуру. В чем эту любовь придется воплощать — дело десятое: на то и разум, чтобы обойти любые трудности и дефициты. Обывателю не понять, почему, вдруг, он или она отказывается от выгоднейших партий — отдавая предпочтение чему-то вовсе несуразному; отсюда рассказы о непостижимости любви — и мистический ужас перед грозной силой. Она не слепа, эта сила; слепы те, кто не видит в ней разума:

И все-таки начало любви загадочно. Психологические повороты этого чувства неожиданны и всегда основаны на нравственной силе любви.

Вот, придумали не весть что означающую «нравственную силу»... Одну непонятку прикрыли другой. Понятно, что эта *сила* женского пола:

Видимо, природа сделала все для того, чтобы женщина была привлекательна, и наградила ее признаком женственности. Это едва ли уловимые черты, создающие гармонию физических и духовных качеств, сердечной теплоты, нежности, сдержанности, стыдливости, сочувствия. Женственность сочетается с красотой, но от нее не зависит. Она проявляется во внимании, в порыве помочь, успокоить, приласкать. Так, великие художники в образе молодой матери отразили эти особенности женственности в любви к младенцу.....

Здорово живешь! Рыночные отношения, оказывается, даны человекам от природы — и она же сделала женщину товаром и вручила ей средства саморекламы. Например, показную стыдливость (умение торговаться). Потом к природным аргументам добавили еще и тряпки, и косметику, и прочие аксессуары... Но в общем случае можно и без красотостей: как говорят в простом народе, с лица воды не пить, — а миллионеры на золушек от природы падкие. С любовью к младенцу, правда, маленькая неувязка: любить положено только одного младенца, эдакого иисусика; во взрослом виде он имеет успех и у падших носителей женственности. Остальным матерям приходится делить восторги между небесным созданием и земными отродьями — иногда не в пользу последних.

Призвание женщины не только родить детей, но и воспитывать их, прививать им чувство прекрасного, высоконравственного, что делает человека культурным и интеллигентным.

Заметим, что все это делает только женщина: отец — а тем более общество в целом — здесь совершенно ни при чем! К чему бы это? Вероятно, к высокой интеллигентности.

Девушка, склонная к нежности, состраданию, стыдливости ⟨ах!⟩, обладающая чувством чести и достоинства ⟨отстань, я устала!⟩, трудолюбием ⟨помоешь посуду — тогда дам!⟩, всегда оказывает большое нравственное влияние на юношу. Она открывает перед ним новые, прекрасные человеческие чувства и перспективу создать счастье и радость в семейной жизни.

Вне семьи жизни нет и быть не может! Там пустынное, чем (в XX веке) Москва за кольцевой — или космос за облаком Оорта. Достоинства девушки всецело сводятся к домовитости: хозяйство, кухня, дети, муж. Какое может быть равноправие? Она же не член общества — а опора семьи. Только в этом для «женственных» счастье и радость.

Конечно, об исторических сдвигах в способе производства авторша ничего не знает (видимо, настоящая женщина!) — и не допускает, что экономика может когда-либо требовать массового вовлечения женщин в хозяйственную деятельность человечества.

Забавно, что мужчину милые дамы считают просто самцом, не способным к человеческим чувствам... Их перед ним (а почему не в нем?) приходится открывать, его необходимо подталкивать — другими словами, брать за хобот. По известной пословице, только женщина делает юношу мужчиной; в природно-физиологическом смысле это действительно так. Там, где общество все еще разделено по половому признаку, так что один пол (мужской) поставлен (экономически и политически) выше другого (женского), — общение с женщиной может иногда сделать мужчину человеком, открывая ему то, чего он в себе не замечал. Но почему бы точно так же мужчине не вывести любимую на просторы вселенной, не приобщить к бесконечности перспектив? Кто знает, быть может ей понравится... Чтобы не как мужчина и женщина (и тем более не как муж с женой) — а как два человека, счастливых в разумной и свободной любви. Но лично Богданович это не увлекает — ей бы чего поменьше, чтобы спрятать под полой:

Любовь, брак, семья составляют личное счастье человека, и каждый обладатель этого счастья заинтересован в его нерушимости.

Вот. Личное — значит, мое. Отдай, дурак, игрушку — поломаешь! Иди лучше стены строить с бойницами, да ров поглубже, — чтобы стояло нерушимо, и никто на собственность не посягнул.

Разумеется, в основе брака — любовь, тяготение юноши и девушки друг к другу, но сам брак, укрепляя любовь, как бы переводит ее в другое качество.

Не забываем: любовь — только в браке; до того — абстрактное «тяготение», сплошная загадочность... Например, брак мистическим образом может укрепить то, чего до него не было, — и даже (как бы) перевести в другое качество! Чудеса, да и только.

Русский народ всегда почитал и соблюдал свои предсвадебные и свадебные традиции. Нравственная сила наших женщин была примером для всех.

Да уж... Женщин насиловали, били, унижали, продавали и все такое... А «нравственная сила» таки осталась! Со всеми ее «психологическими поворотами» (см. выше).

Целомудрие и трезвость вступающих в брак были обязательны.

Это про девочек. Мальчикам — можно и выпимши. Для храбрости.

Совсем недавно целомудрие, девичья и юношеская чистота, сохраняемые до времени социального созревания, у отдельных представителей молодежи вызвали иронию, насмешки, наградились эпитетом «мещанство». Это опять-таки результат веяний зарубежных концепций «свободной любви». Выразители их не только наскучили, а, прямо сказать опротивели, безыдейностью, однообразной пустотой, противостественным выхолащиванием чувств, демонстративным пренебрежением целомудрием, честностью и достоинством.

Эдакая двусмысленность: можно понять и так, что лишь *отдельные* представители молодежи хранят «чистоту» до брака! — а все остальные насмеваются и травят. Но если серьезно, в свете выше сказанного о брачной коммерции — тут прорастает не просто мещанство, а кое-что похуже: циничная жажда наживы.

Достоинство и честность — свалить в одну кучу с целомудрием. Человеческое — с физиологией. Между прочим, у некоторых дам девственности отродясь не было — это их биологическая особенность. Чем будем целомудрить? А про свободную любовь... Скукотища! Никакой тебе «естественности» — да и разнообразия ноль.

Даже в буржуазном мире явно теряется интерес к этому противоположному явлению. Учитывая такие нездоровые веяния, мы, согласно

принципам коммунистической морали и нравственности, обязаны установить твердый взгляд на целомудрие.

Тема «секс и здоровье» — справляет не первый век. Столь краткое упоминание, видимо, отсылает к изобилию литературных источников (Бебеля, что ли, перечитать?). А, вот, авторше в моральный кодекс строителя коммунизма заглянуть однозначно стоило бы: тогда бы она знала, что коммунисты от девушек целомудрия не требовали — там важнее преданность идее (в лице партии и правительства).

Предложение установить твердый взгляд — очень радикально! Обследовать в обязательном порядке — и принимать меры.

Разумеется, девушки, потерявшие целомудрие, не должны подвергаться оскорблениям. Однако целомудрие, возможно, будет учитываться все чаще, и этому следует уделить внимание.

Будьте бдительны, товарищи девушки! Хорошенько прикрывайте срам, чтобы не обронить по дороге. А то с вами обойдутся интеллигентно, без оскорблений, — но учтут, и припаяют поражение в правах. И снова: проверять и перепроверять!

Интересно, как быть с женщинами, которые разведены? Они вряд ли обладают этим замечательным качеством. Вероятно, это люди низшего сорта: разведенки, брошенки, матери-одиночки... Что с них возьмешь? Даже девственности — и той нет. Рынок рук и сердец — явно не про них.

Помощь мужа, равно и жены в суете повседневной жизни порождает чувство благодарности, а то и гордости за внимание, уважение, чуткость, формирует признание и верность общим принципам. В согласии проходят годы, укрепляется психологическая совместимость, которая постепенно ведет и к совместимости интимной.

Взаимопомощь тут — вроде товарообмена: работаем с проверенными партнерами, потихоньку перерастаем в картель. Но если уж очень постепенно — можно и не дожить. Или потерять интерес к интиму. Зато когда есть любовь — будет и интимная совместимость! Но это не к мужьям и женам — это про людей. У которых любовь не проверяют не крепость, или еще на что-нибудь. А не так:

Однако, повторяю, чувство любви чаще всего не только не ослабевает, но и усиливается в браке. Секрет этого в том, что истинная любовь всегда связана с социальной зрелостью человека, с запасом зрелости его чувств. Общие заботы, бытовые обязанности, воспитание детей и т. д. укрепляют верность, преданность, а любовь делается глубокой от нравственной ответственности и честного труда на пользу общества.

Дескать, запрягли в упряжку — и тяните на пару, по возможности синхронизируйтесь (вам же легче будет!). Не человеческая любовь — а «истинная» (помнится, кто-то ради истины даже от Платона отказался). Сообщенный на ушко секрет — оказался слишком уж мудреным: что такое «зрелость», кто и как ее измеряет, — мадам не сообщила (видимо, совсем страшная тайна). Как чертик из табакерки — «верность» и «преданность». Кто кого выверяет — или предает? Про глубину любви мы уже слышали — но тут довели еще одну ответственность и обязательку по части внешних отработок. С таким грузом — не факт, что выплывем, на «глубине».

В XIV веке арабский ученый-мудрец Сиди Ахмед бен-Ардун написал книгу о серьезном вдумчивом подходе к любви и доказал, что это чувство расцветает только в браке.

Вай-мэ! Вот оно куда восходит-то! Наверно, великий был математик, коли такие теоремы доказывал... Спинозе до него далеко.

В 1798 году в Петербурге вышла в свет книга неизвестного русского автора «Любовь». Автор настоятельно в ней советует: «Воздержание, весьма нужная добродетель для юношей и юниц, умножает аппетит и увеличивает следующее на конец наслаждение».

Во как! Крут... — почти как Л. Богданович. Видимо, не зря аноним: а то, ведь, и побить могли, по народному обычаю.

«Юношеским разумам не перья и крылья, но свинец и гири привязывать надо».

Ага, до разума таки добрались! Ату его! — в каталажку, в Сибирь по этапу. Тут, кстати, и декабристы, под горячую руку...

В книге имеются и гигиенические советы. В случае любовного томления, пишет автор, «употребляй чаще холодные бани».

У нашей авторши тоже нечто вроде. Два сапога спарились.

В 1897 году безымянный автор обратился в печати к молодежи со следующими словами: «Выбор супруги есть важное обстоятельство для мужчины. Если удачно, то жизненный путь усыпан цветами, а нет — сожалениями и горестями... Молодым людям, еще не достигшим зрелого возраста, или достигшим, но недавно, рано жениться, а если они решаются на это, то должны следовать советам старших касательно выбора, который они намереваются сделать».

У мадам патологическое пристрастие к безымянным (типа некрофилии). Да и цифры в дате просто переставлены — высокая нумерология! Как бы то ни было — подбирает товар мужчина, и *его* жизненный путь будет

усыпан (выгодно купленными) цветами; а кто дурак — пеняй на себя. Молодые «люди», разумеется, — всегда главного полу... Проповедуя уважительное отношение к женщине авторша не брезгует такими, откровенно шовинистическими цитатами!

Что брак напрямую повязан с экономикой — открытым текстом. Между прочим, аноним разбалтывает и то, что Богданович постеснялась интимно прошептать: зрелость, оказывается, измеряется в единицах денежного достоинства и кто еще не остепенился — пусть выслушает солидных людей и назовет их решение своим выбором.

Развели, свели — пора подводить итоги. Снимать аналитику. Хотелось бы, конечно, по жизни — но пока хотя бы в теории.

Как ни примазываются любители гнать брак к идее любви — она ускользает из грязных объятий и по-прежнему обитает лишь в сфере человеческой духовности — универсальной способности разумных существ преобразовывать природу и себя, тем самым выстраивая новый, окультуренный мир, в котором нет ничего по отдельности — а есть все вместе. Поскольку никакого другого мира, кроме развернутой вокруг вселенной, у нас нет — приходится как-то размещать идеальность в уже имеющемся, распределять ее по многим телам — а тем временем готовить иные ансамбли тел, готовые высветить индивидуальность и духовность не столь опосредованным способом, концентрировать ее в нужном месте в нужное время. Чем больше таких концентратов — тем ближе мы к новой эпохе, устраняющей всякие различия между людьми. Прежде всего речь о различиях классовых: пока одни могут обирать других, убивать и насиловать, сгонять в стада, выпасать и доить, стричь и разделывать туши, — разуму и любви надо краешком пристраиваться к эфемерным созданиям — и оперативно менять точку при смене ракурса. На помощь приходит та самая универсальность: в сколь угодно уродских формах есть, за что зацепиться, — и продолжить начатое. Метод един: поиск единства. Разделили всех на мужчин и женщин — а мы нашли в них общее, и в этом прорастает отличие человека от природы. Отделили взрослых от детей — мы и здесь усмотрим общее, человеческое, разумное. Господа дают рабов, а рабы убивают господ, — мы знаем, что под антагонизмом кроется возможность быть вместе, действовать сообща — и любить друг друга. Кто как умеет.

Благочестивый десерт

Даже поверхностное знакомство с марксизмом (разумеется, не в буржуазных дайджестах, а живьем) наводит на мысль: чего-то в этом не хватает... Интуиция тут же подсказывает: не вяжутся громкие фразы о борьбе за счастье людей с представлением о человеке, действующем только из экономических соображений: остальное лишь кажимость, — а на самом деле все экономически обусловлено (мы не можем отследить логику — но предполагаем, что так оно и есть). Кто-нибудь, вероятно, удовлетворится ролью винтика или кирпичика — но про таких обычно выражаются не самым лестным образом: не дотягивает, не причастился, не сподобился... Даже если гражданин занят в чем-нибудь по видимости творческом: в искусстве, в науке, в распиливании бюджета, в биржевых спекуляциях. То есть, важно не только производить и потреблять — но и быть тем, ради чего производится и потребляется. Мы же таки не чурки с глазами, и хочется не только жить по-человечески (что, конечно, тоже немаловажно) — но и чувствовать себя человеком (даже если с экономикой пока дружбы нет). А у революционного авангарда про чувства — рыдающий кот.

Вот и тянет сочувствующих довести к теории еще кусочек, про наше особенное и ни на что не похожее. Величают это отличие человека от всего нечеловеческого по-разному. Кто-то упирает на сознание — и это не очень убеждает, ибо есть у нас помимо знания и коммуникаций другие чудеса, вдохновение и восторги... Из-за чего в роботы мы тоже записываться не хотим. Бытовой вариант — душевность. Но и тут сомнения: душа, она у всякого живого существа; а мы не просто живые, в нас бродит какой-то необыкновенный дух!

Стоп, машина! Кто у нас по части духа главный авторитет? Гуртом попы всех мастей: мы, дескать, на духовности много чего съели — а что меж собой договориться не можем — так то это определенно вызвано спецификой предмета, а не нашей прихотью...

Еще один тормоз! Последняя фраза списана у Фрейда — который попов не жаловал, но отличие человека от животных не признать не мог; усматривал же он это отличие в том, что на дикие позывы, копошащиеся в каждом организме, накладывается влияние общественных условий — выстраивающих органические движения по ранжиру, никакой природой

не предусмотренному. Случается, что, по неумелости чересчур ретивых общественников, навязанные стереотипы друг с другом не склеиваются, и бедная зверушка в полной растерянности: не понимает, куда податься, где поддать, — и на физиономии у нее сплошной невроз. Поскольку марксисты по части влияния общества тоже мастаки, доведивать к ним Фрейда — старая добрая традиция; ежели еще и с непременным почтением к духораспорядителям и духоприказчикам — получится особая разновидность фрейдомарксизма под названием Эрих Фромм.

Трактат *Искусство любить* (1956) — цитируют все, кому не лень. Не секрет, что про любовь попы толкуют много и охотно. Они прекрасно понимают (или нутром чувят), что у светского обывателя настоящая, человеческая духовность представлена прежде всего любовью (а на самом низу, где собственности почти никакой, других представителей вообще нет). Поэтому прибрать к рукам непокорные чувства (а вместе с ними и потенциальных бунтовщиков) — дело святое. Технология — проверена тысячелетиями: подменить деньги бумажками, конфетку — травкой, масло — пальмой, благодетеля — работодателем, искусство — попсой... После тысячи подмен шарики забуксуют — и разбирать мудрость от других слов на ту же букву уже не захочется.

Опять же, поскольку массы привыкли (или приучены массовой культурой) относиться к любви положительно, спрятать откровенно горгонистую поповщину за всеобщим благолепием — полезно для бизнеса. Поэтому типовые агитки начинают за здравие, и только потом, убедившись, что клиент сел на иглу, кончают за упокой. Фромм не исключение: по психоаналитической привычке, он выискивает корни любви в младенческой невинности — а потом оказывается, что на горизонте маячит старуха с косой (гильотиной, атомной бомбой...), — и потому, дескать, давайте любить то, что от нас после всего этого останется, — чистую абстракцию.

Нет, иногда этот фроммаж пахнет вполне терпимо — особенно там, где Фромм цитирует (и даже по существу!) тов. Маркса. Сама по себе поповская фразеология никого попом не делает. Но если Франц Баадер сочиняет божественные сказочки во имя людей — Фромм поступает с точностью до наоборот: словеса про человеческую любовь призваны прикрыть нечто совершенно антигуманное.

Пощипать по мелочам, конечно же попробуем (чуть-чуть, чтобы не отравиться). Но для начала главный тезис, в лучах которого яснее все остальное. Благодетливый писатель агитирует за древнеегипетскую (а

потом и древнегреческую) триаду: *природа* → *человек* → *бог*, откуда сразу же выводится, что и в каждом человеке намешано природного и божественного — и все человечество естественно (или божественно) делится на тех, кто от сохи, — и тех, кто ближе богам. Соответственно, уровни любви: есть исконно природное единство людей — всех без исключения или принадлежащих одному роду («братская любовь»); на другом полюсе — «религиозная любовь», для которой совершенно неважно, кого или что именно мы любим: идеал — не человеческое, а нечто безусловно высшее, самосушая идея, предел всяческих мечтаний. Между природой и богом — пестрые оттенки человеческой любви, которые Фромм оценивает с точки зрения пропорции природного и божественного: материнская любовь, эротическая любовь, себялюбие...

И Маркса, и Фрейда Фромм критикует за недооценку сути божества. Хорошие были парни — но многого не понимали... А лично Фромму — открылось (вероятно, по благу — за фамилию). Богу нельзя дать имени, он не обладает никакими качествами — потому что это означало бы унижить божественное, сделать человеческим; фроммовский бог стал

безымянным Единым, чем-то невыразимым, понимаемым как единство, составляющее основу всего феноменального мира, основу всякого существования; бог стал истиной, любовью, справедливостью.

Христианские попы согласны: да-да, мы тоже тысячи лет твердим, что все в боге... Нет! — возражает Фромм. — Всюду, где измысливают бога как особое существо, — божественное просто подменяют человеческим. Поэтому фрейдовская критика идеи бога «вполне справедлива» — но относится она лишь к теистическим религиям — тогда как истинно верующий

достигает смирения, чувствует свою ограниченность, зная, что он ничего не знает о боге. Бог становится для него символом, в котором человек на ранней стадии своей эволюции выразил полноту всего того, к чему стремится сам, реальность духовного мира, любви, истины и справедливости. Любить бога, — если бы он использовал эти слова, — означало бы стремиться к достижению совершенной способности, любить, к осуществлению того, что символизирует собой «бог».

Где мы все это видели? Конечно же, у патриарха Юнга, умевшего любую человеческую идею превратить в чудосочный архетип. Многостраничие Фромма — демонстрация верности юнгианству: библейский текст на полном серьезе разбирается на архетипы — безусловно «высшие» по отношению к слишком человеческим юнговским (женское и мужское

начала, и т. п.). Чувствуется влияние моды на гностицизм, увлечение восточной экзотикой. Нормальному человеку до самого конца невдомек: а на фига же нам все эти бредни, если знать мы ничего про божественную любовь не можем, и все, что у нас есть — чистая отрицательность, недопустимость приписывания богу ничего человеческого:

Чем больше я узнаю том чем бог не является — тем больше мое знание о боге.

Так, может, ну их в баню, этих неведомых? — своим умишком куда-нибудь дотелепаемся, и окаянную природность из себя тоже вытравим, следуя заветам русского писателя Чехова. Тем более, что и сам пророк новой религии заявляет, что большой нужды в ней нет:

В нетеистической системе не существует духовного мира, внешнего человеку или трансцендентного ему, а мир любви, разума, справедливости существует как реальность только потому и лишь в той степени, в какой человек способен развивать эти силы в себе в процессе своей эволюции. С этой точки зрения, в жизни нет никакого смысла кроме того, какой человек придает ей сам; человек абсолютно одинок, если он не помогает другому человеку.

Это, конечно, далеко не марксизм — поскольку человека походя сбросили в животное царство, и он уже не развивается, не сознательно строит себя, — а всего лишь эволюционирует. Абстрактный человек вне общества — конечно же одинок: это животная особь, и смысла в его жизни никакого; что значит помогать другому человеку — такой индивид вообще не знает. Общество — вот реальное, а не выдуманное единство; классовое общество отчуждает людей друг от друга — но даже оно содержит зародыши духовности, единства разума. Нет, отказаться от религиозной бредятины Фромм не в состоянии:

Поскольку я говорил о любви к богу, то хочу пояснить что сам я мыслю не в теистических понятиях; и что для меня понятие бога это только исторически обусловленное понятие, в котором человек на определенном историческом этапе выразил опыт восприятия своих высших сил, свое страстное стремление к истине и единству. Но я думаю также, что следствия строгого монотеизма и нетеистического пристального интереса к духовной реальности это две точки зрения; которые, несмотря на различия, не должны бороться друг с другом.

То есть, я в бога не верю — но без религии нельзя! — и пусть разные религии возлюбят друг друга — чтобы атеизм удушить. И пусть будет рынок — но без конкуренции; и пусть капиталист эксплуатирует — но без вражды, по обоюдному согласию... Фромм не понимает, что роль

бога способны играть не только картинки, но и абстракции: если мы не воображаем себе старикашку на облаке, а постулируем верховенство объективного духа (что бы это ни означало) — богом становится объективный дух (как «основа всякого существования»); объявите «высшими силами» истину или единство — и вот вам боги по Фромму. Открещиваться после этого от теизма — абсурд: я придумал себе бога, но пусть это будет бог не теистический (то есть, не божественный).

А человеку не нужны никакие высшие силы — обойдется он без спрятанных за эвфемизмами начальников. Слить за борт мистику и перевести фроммовские любви на человеческий язык — без проблем: замените «братскую любовь» *уважением* — и она уже ничем не отличается от «божественной» любви, которую человек испытывает к другому человеку, а не к мифологизированной абстракции, — и которую уместно называть *дружбой*. Слишком узкое понятие материнской любви смело заменяем на *заботу* — разумеется, взаимную, как всякая любовь. Эрос — никуда, конечно, не денется; в общем случае это вовсе не половая любовь, а *страстность, воодушевление*, — в любом контексте. Наконец, любовь к себе — вульгарный аналог *одухотворенности*, чувства причастности к разуму любых масштабов, независимо от персонификации.

Но говорить по-человечески попам западно: их социальный заказ — заморочить головы, накидать идеологического мусора — чтобы и у черта потемнело в очах (хотя бы и в нетеистическом смысле). Фромм долго убеждает публику (и самого себя), что его небожественный бог требует особо божественной любви, которую никоим образом нельзя путать с человеческими («низкими») разновидностями — вроде любви к родителям или хорошо покушать. Нет в мире совершенства!

Если мы говорим о любви в современной западной культуре, мы должны отметить, способствует ли социальная структура западной цивилизации и соответствующий этой структуре дух развитию любви. Если так поставить вопрос, то придется ответить на него отрицательно. Объективное наблюдение за нашей западной жизнью не вызывает сомнения, что любовь — братская любовь, материнская любовь и эротическая любовь, — это относительно редкое явление, и их место занято неким количеством разных форм псевдолюбви, которые, на деле, являются многочисленными формами разложения любви.

Мы бы добавили, что стадная («братская») и божественная «любовь» — самые распространенные разновидности псевдолюбви, и что возникают

это извращения не сами собой — их активно насаждает господствующий класс. Определили вас в производственный коллектив (как скорпионов в банку) — будьте добры трудиться сообща, во благо бенефициаров. Назначили вас в рабы — извольте любить господ, да не равняйте высшую расу с собой!

Чтобы любовь начала разлагаться — она, как минимум должна уже сложиться. Сие значит, что даже классовые «формы псевдолюбви» способны представлять какие-то из сторон любви свободных людей — служить прототипами общества будущего. Другое дело, что любви трудновато сложиться у рассованных по клеткам людишек. Фромм сочувственно кивает, долго рассуждает про превращение человека в придаток индустрии, про невозможность стать полноценной личностью в условиях господства рынка...

Человеческая проблема капитализма может быть сформулирована так: современный капитализм нуждается в людях, которые кооперированы в большие массы и слаженно трудятся сообща; которые хотят потреблять все больше и больше; чьи вкусы стандартизированы, легко могут быть направляемы извне и предвосхищены. Он нуждается в людях, которые чувствуют себя свободными и независимыми, неподвластными какому-либо авторитету или принципу, или совести — и при этом готовы подчиняться приказу, делать то, что от них требуют; без конфликта прилаживаются к социальной машине; ими можно руководить без применения силы, вести без ведущих, заставлять двигаться без какой-либо определенной цели — за исключением цели делать товар, быть в движении, идти вперед.

Казалось бы, вывод ясен: первым делом надо стряхнуть с планеты чертово буржуинство — убрать причины уродств, чтобы строить новую, свободную любовь. Но такого вывода Фромм сделать никак не может! Для отмазки — притягивает за уши классический тезис буржуазной пропаганды: современный капитализм, дескать, уже не тот — и дело вовсе не в собственности, не в присвоении плодов чужого труда:

Сотни тысяч держателей акций «владеют» предприятием; бюрократический аппарат хорошо оплачиваемых управляющих, которые однако не владеют предприятием, управляет им.

Так что теперь вся власть не у буржуя, а у номенклатуры!

Как в области капитала, так и в области труда инициатива перешла от индивида к бюрократии.

Нынешний капиталист уже не сам распоряжается своими средствами — он следует указаниям высшего менеджмента (типа касты брахманов);

следовательно, говорить о классовой борьбе больше не приходится — и про революции можно с чистой бессовестностью навеки забыть...

Заметим, что в эмпирическом плане картина очень даже верна. Однако вместо того, чтобы искать человеческие решения, Фромм уходит в эмпирионатурализм: данность принимает за естественность, которую далекому от («нетеистической») божественности человеку никакими судьбами не перешибить. Снова предысторическая триада: всемогущая природа — и всемогущий бог; а людишки корчатся меж молотом и наковальной...

В качестве подсказки для тех, кто еще заинтересован в поисках человеческого в человечестве и в себе: иллюзорное всемогущество номенклатуры вовсе не отменяет факта ограбления немногими многих; реально собственниками остаются вполне конкретные люди (и кланы), которые, конечно же, марасть руки производственными делами не хотят и нанимают для этого армию управленцев (во главе которой встает назначенный собственником полководец — высший менеджмент). Капиталист принимает рекомендации (и правила игры) — пока это в русле его интересов; но хозяин может в любой момент уволить якобы всемогущего бюрократа — и посадить другого, более сговорчивого. Перестановки в государственном аппарате — частный случай. Только очень наивный человек поверит, что масса мелких акционеров может хоть сколько-нибудь влиять на экономическую и политическую власть; есть реальные хозяева, а демократия — всего лишь форма правления, фиговый листок классового насилия. А теперь вспомним, что в недрах средневековья, за полтора тысячелетия до буржуазных революций, торгаши пользовались заметным влиянием на всех уровнях феодальной иерархии, дергали ниточки при дворах — и оптом скупали мелких аристократов. Время от времени — избивание фаворитов и передел собственности; но буржуазия продолжает консолидироваться в класс, исподволь готовит приход капитализма. Очень похоже — не правда ли? Так вот, не говорит ли засилье номенклатуры о формировании новой силы, которая будет рулить миром после крушения цивилизации? Называть это можно как угодно — но налицо синтез верхов и низов: управляет бюрократия тем, что ей не принадлежит; типовой управленец парадоксальным образом соединяет в себе буржуа и пролетария! И точно так же, как борьба феодалов и крестьянства вывела к власти буржуазию, борьба рабочих с капиталистами не ведет к пролетарской революции — она уничтожает собственность как основу классового

общества, а значит и саму идею власти. Понятно, что далеко не всякий бюрократ годится в прогрессивные прототипы — для этого нужно вариться в исторически перспективном способе производства, создавать условия для массового участия трудящихся в организации труда (а не для иллюзорного финансового участия). Дополнительные соображения мы приводили в других местах³⁵ — а здесь говорим про любовь.

В этом пункте Фромм разводится с Фрейдом и большинством фрейдомарксистов, которые исходят из «старого материализма» и считают, что «субстратом всех духовных явлений служат явления физиологические»; Фрейд пытался отыскать дух внутри природного тела человека — но, как и ожидалось, ничего, кроме сексуальности, там обнаружить не смог.

Он не замечал, что основополагающая реальность это целостность человеческого существования; во-первых, общая всем людям человеческая ситуация, и во-вторых, практика жизни, заданная специфической структурой общества.

Оказывается, еще до Фрейда найден другой вариант:

Решительный шаг вперед от этого типа материализма был сделан Марксом в его «историческом материализме», в котором не тела и инстинкты, вроде потребности в пище или имуществе, служат ключом к пониманию человека, а целостный жизненный процесс человека, его «практика жизни».

Формулировочка мутная. Особенно если учесть, что Марксу тот же автор натурально приписывает любовь к богу:

Все в жизни, всякое мелкое и всякое важное действие, посвящены познанию бога, но познанию не посредством правильной мысли, а посредством правильного действия.

Про эпидемию богостроительства среди российских марксистов мы наслышаны — это отголоски все той же бредовой идеи, что духовность целиком и полностью относится к ведомству религии. Исторический материализм по Фромму — очень уместно заключен в кавычки. Но если принять, что «целостный жизненный процесс человека» определяется «специфической структурой общества» — от этой печки уже можно плясать.

Пляшет Фромм не то, чтобы уж очень вдохновляюще: длинные пассажи о «невротической» любви — перечень банальностей. Тут и взаимное сексуальное удовлетворение (с комплектом извращений и

³⁵ П. Б. Иванов, *Марксизм и эмпириомонизм* — М. 2009.

комплексов), и любовь как партнерство и взаимопомощь, или как убежище от одиночества; романно-киношный стереотип «великой любви», любовь-поклонение; выдуманная, «сентиментальная» любовь (идеализация, превращение человека в фантазию); плюс «абстракция любви во времени» (воспоминания о прежней любви или фантазии о будущей); а также любовь-перенос, проекция собственных проблем на «любимого» человека (или на ребенка). Все это «нормальные формы разложения любви в современном западном обществе» — а на них накладывают всевозможные аномалии (неврозы и психопатии).

Опять же, чисто эмпирически — так оно и есть. Но в чем смысл инвентаризации? Что дальше с этим делать? А ничего! Смотреть на дерьмо — и тешить себя иллюзиями насчет собственной избранности и богодухновенности. Один остался на свете благочестивец — остальным гореть в геенне во веки веков...

Разложение любви к богу достигло тех же размеров, что и разложение любви к человеку.

Мы свидетели возврата к идолопоклонскому пониманию бога и превращения любви к богу в нечто, соответствующее структуре отчужденного характера.

Как автоматы не могут любить друг друга, так не могут они любить и бога.

Что может означать понятие бога в данных обстоятельствах? Оно превратилось из своего первоначального религиозного значения в значение, соответствующее отчужденной культуре успеха.

... вера в бога превратилась в психологический прием, призванный способствовать лучшему приспособлению к конкурентной борьбе.

Религия приравнивается к самовнушению и психотерапии в деле помощи человеку в его деловой деятельности.

... бог превратился в далекого Генерального директора акционерного общества Вселенной: ты знаешь, что он есть, что он руководит предприятием (хотя, вероятно, оно также могло бы управляться и без него), ты никогда не увидишь его, но ты признаешь его руководство, делая то, что тебе надлежит.

Рыдания сотрясают вселенную до светового горизонта: нет больше божественной любви — и никакой тебе естественности.

Что может посоветовать юнгианствующий психотерапевт? Есть у него сказочка про архетипически встроенную в каждого фемининность и маскулинность — и можно утешаться спариванием этих начал внутри себя, подобно энгельсовской глисте [21, 38]. Духовный партеногенез.

Половая поляризация заставляет человека искать единства особым путем, как единства с человеком другого пола. Полярность между мужским и женским началом существует также внутри каждого мужчины и каждой женщины. Как физиологически каждые мужчина и женщина имеют противоположные половые гормоны, также двуполы они и в психологическом отношении. Они несут в самих себе начала, заставляющие получать и проникать вглубь, начала материи и духа. Мужчина и женщина обретают внутреннее единство только в единстве своей мужской и женской полярности. Эта полярность составляет основу всякого созидания.

Поскольку создается все только в эротических фантазиях — человек полностью отчужден от человеческой, действенной любви и почти готов (не мытьем, так катаньем!) приобщиться к измышленной Фроммом «нетеистической» мистике; отсюда один шаг до превращения любви в религию: давайте, дескать, практиковать любовь как обряд, долг благочестия, знак принадлежности к церкви. Заодно и разум подвести под ярмо, свести к пассивному отражению природы и божества:

Быть объективным, пользоваться собственным разумом возможно только при достижении установки на смирение, при избавлении от мечтаний о всезнании и всемогуществе...

Понятно? Начальник все знает и всемогущ — а мы его смиренные рабы, и нам положено только верить в обещания божественной благодати.

В отношении практики искусства любви это означает: любовь требует развития смирения, объективности и разума. Вся жизнь должна быть посвящена этой цели. Смирение и объективность нераздельны, как и любовь.

Больше всего на свете власть предержавшие (и состоящие у них на службе промывщики мозгов) ненавидят любовь — которая свободна, которую ничем не усмирить, — и ей плевать на буржуйскую «объективность»: она глубоко субъективна, духовна, — и движима человеческим, а не буржуйским разумом. А Фромм лезет с истерическими заклинаниями:

Этот процесс освобождения, рождения, пробуждения требует одного качества, являющегося необходимым условием: веры. Практика искусства любви требует практики веры.

Полная клиника. Даже Фромм чувствует, что перегнул — и пытается оправдаться:

Что такое вера? Обязательно ли это вера в бога или в религиозные учения? Должна ли вера обязательно противостоять или расходиться с разумом и рациональным мышлением? Чтобы хоть немного прибли-

зиться к пониманию проблемы веры, нужно провести различие между рациональной и иррациональной верой. Под иррациональной верой я понимаю веру (в человека или идею), основывающуюся на подчинении иррациональному авторитету. Рациональная вера, напротив, это убежденность, которая имеет своим источником наш собственный опыт мысли и чувства. Рациональная вера это прежде всего не верование во что-то, а определенность и стойкость, которые свойственны нашим убеждениям. Вера это черта характера, пронизывающая всю личность, а не какая-то особая вера во что-то.

А потом еще катят бочку на шизофреников... Ладно, отождествление разума с рациональностью — от буржуазного воспитания, и здесь можно только пожалеть убогого. Но скажите на милость, чем абстрактная вера ни во что, вера как мистическая «черта характера», отличается от «подчинения иррациональному авторитету»? Чего ради мы должны верить в эту идиотскую веру? Если определять «рациональную веру» как следование собственным убеждениям — на кой дьявол нам лишний термин? — почему не прямо об убеждениях как противоположности вере?

Подмена терминов не безобидна — это не просто условность, это манипуляция сознанием обывателя, для которого разум и вера — не одно и то же, ибо он по жизни знает: про разум говорят там, где что-то замышляют против начальства; про веру говорят там, где призывают против начальства не замышлять. Если на место убеждений подставить веру — это отказ от разума в пользу поповщины. Оприходованы они по разным инстанциям — и выбор слова определяет, кому мы понесем наши кровные, или голоса на выборах.

Но мы знаем еще кое-что, о чем Фромм (и иже с ним) предпочитает не упоминать: вера (сколь угодно иррациональная) — не всегда религия (сколь угодно нетеистическая). Вера — одна из форм синкретической рефлексии, когда мы решаем до поры до времени не заморачиваться с обоснованиями и продолжаем трудиться как если бы у нас была полная уверенность, что дело обстоит именно так. Это своего рода проекция общественного сознания на индивидуальное, сродни психологическому понятию установки. Ничего «божественного» в этом нет — и природные предрасположенности тоже ни при чем. Таким образом понятая вера — вовсе не фроммовская «черта характера»: мы верим всегда чему-то или кому-то — но мы свободны отозвать наше доверие, как только практика предложит примеры неуместности сделанных предположений. Конечно, вера — не единственная синкретическая форма: она родственна догадке,

предчувствию, интуиции, предрасположенности и т. д. Только если веру навязывают человеку, превращают в догму, — это элемент религии, безотносительно к упоминанию «высших сил», «априорных идей», абстрактных «истин» или мистического «единства». Проповедники и пророки стремятся запутать публику, подменяют понятия:

Рациональная вера коренится в созидательной интеллектуальной и эмоциональной деятельности. В рациональном мышлении, где как считается, вере нет места, рациональная вера является важным компонентом. Например, ученый приходит к новому открытию. Разве он ставит эксперимент за экспериментом, собирает факт за фактом, не имея идеального образа того, что он ожидает найти?

Нет здесь никакой веры! На этом предварительном этапе еще не может быть убеждения (синонимом которого выше объявлена «рациональная вера»); с другой стороны, «идеальный образ» — вовсе не предмет веры, а всего лишь сознательная цель, как во всякой другой деятельности. Мы не «верим» в будущий дом — мы строим его согласно проекту. Научная интуиция отличается от веры изначальной самокритичностью, ясным сознанием неосновательности; позже это может перерасти либо в убежденность (если опыт подтверждает предположения) — либо в догму (если результаты натягивают под априорную схему). А нам толкуют про другое:

История науки полна примеров веры в разум и истину.

Разум не для того, чтобы в него верить! В истину не верят — ее устанавливают практическими действиями. Кто верит в разум — тот неразумен; кто верит в истину — далек от истины.

Коперник, Кеплер, Галилей и Ньютон — все они были вдохновлены нерушимой верой в разум. Из-за нее Бруно сгорел на костре, а Спиноза подвергся отлучению.

Вот так: записали всех подряд в борцы за веру... Конечно, Коперник был попом, а Ньютон — глубоко верующим христианином; но едва доходило до науки — вере конец! — «измышлять гипотезы» (подобно Фромму) разумному человеку не свойственно: он не измышляет, а ставит вопросы и ищет практические ответы, а не «божественную любовь».

Вот образчик бредовой расщепленности религиозного сознания, неспособности психически больного (или наркомана) участвовать в общественной деятельности:

Вера необходима на каждом шагу от замысла, рационального образа до формирования теории: вера в образ как рационально обоснованную

цель, вера в гипотезу, как вероятное и правдоподобное предположение, и вера в окончательную теорию, пока наконец не будет достигнуто общее согласие в ее действительности. Эта вера имеет источник в опыте человека, в уверенности в силе собственной мысли, наблюдения и суждения.

Нормальный человек представляет себе будущий продукт, делает предположения о возможных способах его получения, представляет накопленный опыт в виде схем деятельности... У отравленных религией (разновидность наркоты) — вера в образ вместо образа, вера в гипотезу вместо гипотезы, вера в теорию вместо теории... Таким просто некогда творить — они заняты исключительно утверждением торжества веры! Дайте им власть — и науку бросят на растерзание тупому мракобесию, искусство загонят в рамки канонов, психику раздерут на архетипы и комплексы.

В то же время как иррациональная вера это принятие чего-то как истинного только потому, что так говорят авторитет или большинство людей, рациональная вера имеет источник в независимом убеждении, основанном на продуктивном наблюдении и мышлении человека, вопреки мнению большинства.

Открытым текстом: «рациональная вера» — просто дурной неологизм для убеждения. С другой стороны, почему убеждения обязаны быть «вопреки»? — они вполне могут согласовываться с данными их других источников, и в науке именно это (а вовсе не «вера») служит основанием для уверенности (а вовсе не «вере») в правильности гипотез. Когда человек творит — ему вообще безразличны какие-либо мнения: он ведом общественной потребностью, духом времени, разумом.

Когда готов плацдарм для одурманивания легковерных — можно приступить к главной задаче опуса, опошлению любви.

В сфере человеческих отношений вера является непрременной чертой всякой серьезной дружбы или любви. «Иметь веру» в другого человека это значит быть уверенным в надежности и неизменности его фундаментных установок, самой сути его личности, его любви. Под этим я имею в виду не то, что человек не может менять своих мнений, а то, что его основные мотивации остаются одними и теми же; например, что его уважение к жизни и человеческому достоинству составляет часть его самого и не может измениться.

Кто любит — не разбирает любимых на «фундаментальные установки». Пусть меняются как угодно — это лишь способствует росту нашей общей духовности, углубляет единство. В делах любви, любая «вера» —

предполагает различие верности и неверности, их принципиальную допустимость. А это уже не любовь, — это конкурс по перетягиванию одеяла, дикий рынок, бездуховность («псевдолюбовь»).

В этом же смысле мы верим в самих себя. Мы отдаем себе отчет в существовании собственного «я», неизменной сути нашей личности, сохраняющейся на протяжении всей нашей жизни вопреки различным обстоятельствам, и независимо от определенных изменений в мнениях и чувствах. Эта суть, составляющая реальность того, что обозначается словом «я», и составляет основу нашего убеждения в нашей аутентичности. Если мы не имеем веры в постоянство нашего «я», наше чувство аутентичности оказывается под угрозой и мы становимся зависимы от других людей, чье одобрение становится основой нашего чувства аутентичности. Только человек, который имеет веру в себя, способен верить в других, потому что он уверен, что в будущем будет таким же, каким он является и сегодня, а следовательно, он будет чувствовать и действовать так, как и теперь.

Что может быть губительнее для личности? Дух — не застывшая абстракция — он и есть движение, развитие, деятельность, творчество. Если мне больше некуда расти — я труп. Разум — это универсальность, способность быть кем угодно, неограниченная изменчивость. Личность, собственно, и есть то, на что человек способен. Классовое общество загоняет людей в клетку «аутентичности», навязывает им социальные роли, амплуа, профессии. Классовая педагогика (стихийная, семейная, общественная) направлена на закрепощение рассованных по кастам индивидов; жизнь каждого регламентирована происхождением, спросом и предложением, телесными качествами, прихотью барина... Где родился — там и пригодился; куда засунули — там и сиди. Сегодня — то же, что вчера; завтра — как сегодня... От этого ада люди сбегают в наркосты и в наркотики, в экстрим и на тот свет.

Воспитание тождественно помощи ребенку в реализации его возможностей. Манипуляция противоположна воспитанию, она основана на отсутствие веры в развитие возможностей и на убеждении, что ребенок будет хорошим, только если взрослые вложат в него то, что желательно, и подавят то, что представляется нежелательным. Нет необходимости верить в робота, потому что в нем нет жизни.

Гнусная ложь! Когда ребенку изначально ограничивают круг «его» возможностей — «помощь» в их реализации оказывается грубым насилием, ничем не отличается от манипуляции. Реальная помощь — это создание возможностей, реализовывать которые каждый будет сам; если

их невозможно реализовать без помощи со стороны — это мнимая возможность, бессовестный обман, порабощение.

Вера в себя это условие нашей способности обещать, и поскольку, как говорил Ницше, человека можно определить по его способности обещать, то вера является одним из условий человеческого существования.

Образцово-показательное вывертывание наизнанку — в подлейших традициях буржуазной пропаганды. Человек (в отличие от брехуна или манипулятора) обещает, когда у него есть определенное намерение, — когда он готов действовать. Человек не «верит» в будущее, а делает его! Способность принять на себя этот труд (влиться в движение общества, стать творцом истории) — в классовом обществе есть акт великого мужества; именно в этом суть формулы Ницше. Напротив, Фромм все сводит к пустым фантазиям, дурной самоуверенности; это, по его мнению, обязательное для каждого «условие существования». По большому счету, принимаясь за дело, человек вообще о себе не задумывается — он думает о деле. Одно из определений человеческой деятельности — независимость от единичного субъекта, возможность передать эстафету от одного другому; поэтому всякая деятельность оказывается общественной — и становится частью культуры лишь поскольку она отвечает этому критерию универсальности. Человеку разумному совершенно безразлично, кто конкретно доведет продукт до завершенности: человек знает, что в любом случае это и его труд, его продолжение в труде других. Такое чувство свободы выводит нас за рамки нашей единичности, делает равными человечеству в целом. Нам не надо верить в себя — достаточно быть собой.

Другое значение веры в человека — вера в возможности других.

Педагогическую тему раздвигают на взрослых — это правильно, если ребенка считать таким же человеком, как и все остальные. Но абстрактно верить в кого-то — не только глупо, но и подло: такая «вера» запросто может подставить под удар, толкнуть на неразумность; и снова: «вера» в какие-то возможности — навязывает их другому, подталкивает в нужном манипулятору направлении. Не верить надо — а создавать возможности. Трудиться вместе — а не смотреть со стороны.

Вера в других достигает своей кульминации в вере в человечество.

А зачем в него верить? Это не божество, не идол, — это просто люди, такие же, как мы. Мы исходим из факта реального существования этих

людей — и задача в том, чтобы с ними по-человечески общаться, вместо нагромождения идиотских культов.

Перенос религиозных идей в политику — попытка подчинить массы влиянию всевозможных «церквей» (политических партий). Человеку не положено полагаться на разум — он должен верить в мудрость лидера, разделять партийную программу, а не идти своим путем. Программа рисует утопическую картину — вроде морковки перед носом.

Поскольку до сих пор человеку не удалось построить такой порядок, то убеждение, что он сможет это сделать, все еще требует веры. Но как и всякая рациональная вера, эта вера также является не благом пожеланием, а основывается на свидетельствах прошлых достижений человеческого рода и на внутреннем опыте каждого индивида, на его собственном опыте разума и любви.

Убеждение не требует веры — оно снимает саму необходимость во что-либо верить. Призывая *верить* в убеждения — Фромм фактически подставляет на место собственных убеждений человека — навязанное извне, догму. Если же мы сами определяем, к чему стремиться, — это уже не вера, а мечта, и она не суммирует опыт из прошлого, а дает направленность в будущее. Всякая вера — выражение ограниченности; убеждение — форма свободы.

В то время как иррациональная вера основывается на подчинении силе, которая воспринимается как непреодолимая, всезнающая и всемогущая, и в отречении от собственной силы и могущества, рациональная вера основывается на противоположном опыте. Эта вера пребывает в нашей мысли, потому что она является результатом нашего собственного наблюдения и раздумья.

Еще раз: вера (независимо от рациональности) сама по себе не религиозна — и не предполагает подчинения чему бы то ни было; это лишь свидетельство нашей ограниченности. Как любая рефлексия, вера есть (хотя бы синкретическое) выражение человеческой свободы — пока мы сами решаем, чему верить. Но когда веру навязывают силой — это совсем другое; религии вообще не нужна вера — она там даже мешает: вовсе не обязательно, чтобы духовенство и прихожане верили догме, — достаточно ее исповедовать, «практиковать».³⁶

Далее, если даже заменить фроммовскую «рациональную веру» на «убеждение» — избавиться от мистики не получится: убеждения вовсе не «пребывают в мысли» — они существуют только в практическом

³⁶ В частности, религиозное кликушество — одна из разновидностей истерии.

действии; люди поверяют свои убеждения на каждом шагу — и в этом их отличие от пассивного приятия, веры. Что сам же Фромм признает в свойственной ему извращенной манере:

Основа рациональной веры — созидательность; жить своей верой это значит жить созидательно.

Спрашивается: убудет что-нибудь у созидательности, если выкинуть к лешему всякую веру — и просто творить, как разум направит? Равным счетом ничего! Более того, творить можно и без убеждений: свободный поиск приведет к ним лишь задним числом — если не натягивать результат под какую-то «веру», — то есть, без предубеждений.

Религиозный политик традиционно рядится в овечью шкуру, строит из себя великого гуманиста:

Не существует рациональной веры в силу. Есть подчинение ей или тем, кто ею обладает, желание ее удержать. В то время как многим сила кажется самой реальной из всех вещей, история человека доказала, что это самое ненадежное из всех человеческих достижений. Из-за того, что вера и сила взаимно исключают друг друга. Все религии и политические системы, первоначально строившиеся на рациональной вере, стали разлагаться и наконец утратили свою былую мощь, когда обратились к силе или вступили в союз с ней.

Ложь на лжи. Никогда еще религии или политические системы не руководствовались разумом — у них задача подчинить рабов воле господ, и насаждают единоверие огнем и мечом (а в новое время — еще и твердой валютой). Нет силы самой по себе, как абстракции, в которую можно верить (или не верить); сила неотделима от насилия — она не может существовать иначе как в акте насилия. Именно поэтому сказки про добро с кулаками — чистейший вздор: готовить оружие — значит, кому-то угрожать, навязывать гонку вооружений. Вид вооруженного до зубов головореза — это тоже оружие, и акт насилия, — даже если это «принуждение к миру»; свободного человека — никто ни к чему не принуждает, и само понятие силы здесь неуместно. Когда человек сталкивается с насильником — он не «верит в силу», а просто боится и старается по возможности избежать осложнений. Понятно, что в качестве насильника может выступать любое сообщество (клан, класс, государство) — или обезличенные общественные образования (религия, закон, рынок, общественное мнение).

Придерживаться собственных суждений о человеке, даже если общественное мнение или какие-то непредвиденные факты, казалось бы,

противоречат этому суждению; придерживаться собственных убеждений, даже если они непопулярны, — все это требует веры и отваги. Принимать трудности, поражения и горести жизни как испытания, из которых мы выходим более сильными, а не как несправедливую кару, которая не должна была постигнуть нас, — это тоже требует веры и отваги.

Придерживаться собственных убеждений классовому человеку трудно; отвага здесь не помешает, в разумных дозах. Но при чем тут вера? Если убеждения есть — в них не нужно верить; если во что-то верят — это уже не убеждения. Фраза насчет «испытаний» — насквозь пропитана классовым духом: автоматически предполагается, что кому-то зачем-то надо нас «испытывать» — гнуть и ломать. Не лучше ли заняться устранением трудностей, чтобы никаких побед и поражений — только творческий труд, в котором неуместно понятие успеха, — и чтобы не было в жизни горестей? Говоря про «несправедливую кару» — молча допускают, что кара может быть и справедливой, — и вообще, есть такое понятие как справедливость; в бесклассовом, свободном обществе никто никого не карает — и никто не нуждается в справедливости. В этом мире нет ни веры, ни отваги. А Фромм (подобно другим попам) возлагает на человека обязанность ежечасно демонстрировать рвение — нарываться на неприятности, если начальство не озаботится (как это чаще всего и случается) сделать так, чтобы жизнь медом не казалась:

Практикование веры и отваги начинается с мелочей повседневной жизни.

Превращать все подряд в ритуал — типичнейший прием поповщины всех времен и народов. Где обрядность — там уже нет свободы. Где надо что-то «практиковать» — там нет творчества.

Чтобы верить, нужна отвага, способность идти на риск, готовность принять даже муки и разочарование. Кто дорожит безопасностью и спокойствием, как первостепенными условиями жизни, тот не может верить. Кто ушел в глухую оборону, где средствами безопасности служат дистанция и собственность, тот сам делает себя узником.

Типа: быстренько становимся в очередь — кто тут в мученики крайний? В жизни нужно полно всяких гадостей — и нам предлагают принимать это как должное, и даже еще спасибо сказать попу и барину! Терновый венец без намордника — а потом говорит, что не теист...

Нет уж! Если и рушить тылы — так не ради абстрактной веры, а чтобы изменить эту мерзкую жизнь, навсегда вытравить из нее муки и разочарования. Призывы пожертвовать безопасностью и спокойствием

обращены к тем, у кого заведомо нет ни того, ни другого, — а вовсе не господам-грабителям и состоящим у них на службе промывателям мозгов; первейшая человеческая задача — обеспечить спокойствие и безопасность всем без исключения, а не привилегированной элите.

Бредовая логика апологетов классового расслоения: вы некогда не дорастете до божественности (то есть, до начальства) — и потому вам остается лишь быть скотами. Либо бог — либо животное; ничего другого классовым меню не предусмотрено. Быть свободными людьми, которые не нуждаются в начальниках и богах, которые разумно перестраивают природу, а не подстраиваются под нее, — такого в головах населения быть ни в коем случае не должно! Отдайтесь барину — он вас всю дорогу любит... Такова рыночная любовь *à la Fromm*:

Чтобы быть любимым и любить, необходима отвага, отвага считать определенные ценности достойными высшего внимания, а также отвага ради этих ценностей ставить на карту все.

Торгашеская психология: на все вешать ценники — и хорошенько поторговаться, чтобы не переплатить... Заметим: ценности — только из одобренного руководством списка (удостоенные «высшего внимания»). Свободные люди — просто любят: им не нужны никакие ценности, и незачем записываться в картежники. Чтобы любить — нужно быть человеком, личностью; в любви нет высшего и низшего, достойного и недостойного.

Что касается любви, то здесь имеет значение вера в собственную любовь, ее способность возбуждать любовь в другом человеке, и в ее постоянство.

Клинический бред! Вместо любви — нам подсовывают веру в любовь, в купе с обязанностью кого-то возбуждать и добиваться постоянства. Человеческая любовь — вне всякой веры; это не стрекало, и не оковы. Постоянство = собственность; и любовь поэтому «собственная».

Одну установку, крайне необходимую для практикования искусства любви, которая прежде упоминалась лишь мельком, нужно рассмотреть внимательнее, так как она является основной для практики любви. Это активность. Я уже говорил, что активность означает не делание чего-то, а внутреннюю деятельность, созидательное использование своих сил. Любовь это активность; если я люблю, я нахожусь в состоянии постоянного активного интереса к любимому человеку. Но не только к нему или к ней. Я не смогу активно относиться к любимому человеку, если я ленив, если я не нахожусь в состоянии постоянного осознания, бодрости, деятельности.

Это не активность, а нездоровая импульсивность, лихорадочность, бредовое исступление. Нормальные люди не «практикуют» любовь — они просто друг друга любят, независимо от физического или душевного состояния, от настроений или биржевых индексов. Это у маньяка всю дорогу зудит внутри — он одержим бредовыми идеями; записывать любовь в психические аномалии — не наш выбор.

Быть полностью бодрствующим это условие того, чтобы не скучать самому и не заставлять скучать других, — и конечно же, не скучать и не быть скучным для другого — это одно из главных условий любви.

Сопоставьте это с обличительной тирадой того же автора:

Человеческое счастье сегодня состоит в том, чтобы развлекаться. Развлекаться это значит получать удовольствие от употребления и потребления товаров, зрелищ, пищи, напитков, сигарет, людей, лекций, книг, кинокартин — все потребляется, поглощается. Мир это один большой предмет нашего аппетита, большое яблоко, большая бутылка, большая грудь; мы — сосунки, вечно чего-то ждущие, вечно на что-то надеющиеся — и вечно разочарованные. Наш характер приспособлен к тому, чтобы обменивать и получать, торговать и потреблять; все предметы, как духовные, так и материальные, становятся предметом обмена и потребления.

Любовь как средство от скуки — автоматически добавляется в конец списка, вписывается в рыночный контекст. Надо ли напоминать, что страсть к увеселениям возникает отнюдь не сама по себе, как природная испорченность? — ее вполне сознательно навязывают массам те, кто не хочет, чтобы массы осознали свою дикость и замыслили вытеснить с высот духовности самозванных богов, взять дело в свои руки. Виноват не «наш характер» — который Фромм, по эмпирионатуралистической привычке, сводит к чисто животной приспособленности (откуда легким движением руки выводится «естественность» рынка); господствующий класс проявляет свою «активность» отнюдь не хаотически: он вытесняет из культуры, из экономики, из жизни, всех, кто не желает бегать по свистку и практиковать подлое угодничество. Но если лично Фромм не встречал способных творить и мечтать, — это не значит, что их вовсе нет, и быть не может.

Быть действенным в мысли, в чувстве, активно видеть и слышать на протяжении всего дня, избегать внутренней лени, то ли в форме откладывания чего-то на потом, то ли в форме спланированного пустого времяпровождения, — это обязательное условие для практикования искусства любви.

Любовь в благочестивом понимании — всего лишь обряд, ритуальный жест (как перекреститься на церковь). И на каждом углу шпионы: чуть зазевался, не отдал поклон положенным чином, — призвать к ответу, с поражением в правах... Маниакальность плавно перетекает в юродство, и наоборот. Ср. у того же автора:

Парадоксально, но способность оставаться наедине с собой является условием способности любить.

Напротив, наша культура ведет к ни с чем не сравнимой рассредоточенности и беспорядочному образу жизни.

Каждый, кто попытался оставаться наедине с собой, убедится, как это трудно. Он почувствует беспокойство, возбужденность или даже испытает чувство сильной тревоги. Он словит себя на том, что думает о планах на день или о каких-то трудностях в предстоящей работе, думает, куда пойти вечером, или о каких-либо других вещах, которые приходят в голову вместо того, чтобы в ней наступила пустота.

Самый главный шаг в обучении сосредоточенности это научиться оставаться наедине с собой, и эта способность является необходимым условием способности любить. Если человек привязан к другому человеку, потому что не может стоять на собственных ногах, если он или она могут быть моим спасением в жизни, то это отношение не будет отношением любви.

И вот, вместо (ожидаемого по логике) излечения от суеты, нам предлагают лишь заменить одно сумасшествие другим:

Иллюзия — считать, что можно разделить жизнь таким способом, что она будет созидательной в сфере любви, и несозидательной во всех других сферах. Созидательность не допускает такого разделения труда. Способность любить требует состояния напряжения, бодрствования, повышенной жизнеспособности, которые могут быть результатом только созидательной и активной ориентации во многих других сферах жизни. Если кто-то не созидателен в других сферах, он не созидателен и в любви.

Творчество — это когда не по разнарядке, не потому, что обязан творить; творчество — глубоко личная, духовная потребность. Тем более, если речь о созидании духа, о любви. В российском народе перефразировали слова известной песенки:

Если долго мучиться —
Кайфа не получится!

А оригинал — по Фромму, о самоизнасиловании... Называть насилие любовью — классовое извращение.

Конечно, насчет расширить сферу любви до границ вселенной — тут все по Марксу и Гегелю.

Рассмотрение искусства любви не может ограничиться только личной сферой в достижении и развитии тех черт характера и установок, которые были описаны в этой главе. Оно неразрывно связано с социальной сферой. Если любить это значит иметь установку на любовь ко всему, если любовь это черта характера, она должна обязательно присутствовать не только в отношениях к своей семье, и друзьям, но также и к тем, с кем человек вступает в контакт на работе в делах, в своей профессиональной деятельности. Здесь нет «разделения труда» между любовью к своим и любовью к чужим. Напротив, условием существования первой является существование второй.

Здравая мысль в извращенно-религиозной формулировке. Почему любовь нужно превращать в «искусство» (для Фромма это совпадает с ремеслом) — никакими человеческими словами не объяснить (видимо, это предмет веры, церковный догмат); любовь свободна явить себя и в форме науки, и в совместном труде — в какой угодно области. Однако любовь не принадлежит индивиду — она изначально социальна (поскольку всякое духовное общение есть выражение общественной связи, одна из сторон единства разума). Любовь — никакая не установка, и не черта характера; это не собственность, не обособление от другого, а наоборот, способ соединения. Это на рынке — свои и чужие; в любви все вместе, одни существуют через других (что верно подмечено в последней фроммовской фразе). Но как ни рационализируй религию — от базара ее никакой казуистикой не отодрать: религия заведомо противопоставляет веру неверию, одну веру другой и одно неверие другому; а как только два продукта противостоят друг другу внешним образом — они становятся меновыми стоимостями, и дальше все по накатанной:

Принять это всерьез — значит решительно изменить свои социальные отношения, отступив от общепринятых.

То есть, человека толкают на конфликт с обществом — вместо того, чтобы разобраться, из-за чего сыр-бор, и утилизировать яблоки раздора.

Хотя много слов произносится о религиозном идеале любви к ближнему, в действительности наши отношения определяются в лучшем случае принципом честности. Быть честным это значит не обманывать и не хитрить в обмене товарами и услугами, а также в обмене чувствами. «Я даю тебе столько же, сколько ты даешь мне». Это преобладающая этическая максима капиталистического общества как

в отношении материальных благ, так и в отношении любви. Можно даже сказать, что развитие этики честности это специфический вклад капиталистического общества в сферу этики.

Причины этого в самой природе капиталистического общества.

Вот что хорошо — то хорошо! Капитализм — зарисовка с натуры. Честь и совесть, добро и зло, преданность и верность, истина и ложь — все это сугубо классовые категории, в обществе свободных людей совершенно неуместные. Скользкий момент — когда капитализм опять выводят из абстрактной природы; если это не дело рук человеческих, то и замене на что-то человеческое оно не подлежит.

В докапиталистических обществах обмен благами определялся непосредственной силой или традицией, или личными узами любви и дружбы.

Это не так! Первобытность не знает любви и дружбы — потому что там еще нет личностей. Там действуют другие экономические механизмы, изучение которых сильно затруднено засильем буржуазной догматики.

При капитализме определяющим фактором является рыночный обмен. Имеем ли мы дело с товарным рынком, или рынком труда, или рынком услуг, каждый человек обменивает то, что имеет для продажи, на то, что он хочет приобрести по условиям рынка, не прибегая к силе или обману.

Этику честности легко спутать с этикой золотого правила. Максиму «делай другим то, что ты хотел бы, чтобы делали тебе» можно истолковать в смысле «будь честен в своем обмене с другими». Но в действительности она первоначально была сформулирована в более популярной библейской версии: «люби ближнего своего как самого себя». Иудейско-христианская норма братской любви на деле совершенно отличается от этики честности. Она требует любить своего ближнего, то есть чувствовать ответственность за него и единство с ним, в то время как этика честности требует не чувствовать ответственности и единства, а держаться на расстоянии и порознь; она требует уважать права своего ближнего, а не любить его.

Для Фромма писание — высший авторитет; из него он выводит свои претензии к капитализму — как другие черпают там же аргументы в защиту классового насилия. Но само различие экономики и духовного общения выражено со всей определенностью; филистер в панике: эдак можно и до уничтожения рынка договориться! — а тогда денег на дальнейшие писания не дадут... Срочно на попятную:

Я убежден, что признание абсолютной несовместимости любви и «нормальной» жизни правильно только в абстрактном смысле. Прин-

цип, лежащий в основе капиталистического общества, и принцип любви — несовместимы. Но современное общество в своем конкретном проявлении представляет собой сложный феномен. Продавец бесполезного товара, например, не может исполнять свою экономическую функцию, не прибегая ко лжи, а квалифицированный рабочий, химик или физик может. Подобным образом, фермер, рабочий, учитель и многие друг профессии могут пытаться любить, не прекращая своих экономических функций. Даже если признать, что принцип капитализма несовместим с принципом любви, нужно признать, что «капитализм» сам по себе является сложной и постоянно изменяющейся структурой, которая все же допускает много неконформизма и личной свободы.

Вот так. Пусть мы все уроды — но с человеческим лицом! Фромм чует, что духовность может воплощаться в чем угодно — включая уродские классовые формы. Но причины этому он, конечно, не видит — и все остается на уровне голой эмпирии и «природы вещей». Поэтому и будущее как в тумане.

Говоря это, я однако не склонен предполагать, что существующая ныне социальная система будет продолжать свое существование бесконечно, и в то же время надеяться на реализацию идеала любви к своему ближнему.

И на том спасибо. Осмелились допустить. Но строго в религиозных рамках — подменяя идеалы человеческой свободы поповской «любовью к ближнему».

Люди, способные любить, при нынешней системе по необходимости составляют исключение; любовь является по необходимости маргинальным явлением в сегодняшнем западном обществе. Не столько потому, что многие профессии не допускают отношений любви, сколько потому, что дух общества, сосредоточившего свой интерес на производстве товаров и алчущего товаров, таков, что только неконформист может успешно защищать себя от него. Те, кто серьезно относится к любви, как единственному разумному ответу на проблему человеческого существования, должны прийти к выводу о необходимости важных и радикальных перемен в нашей социальной структуре, если любви предстоит стать общественным, а не исключительно индивидуальным и маргинальным явлением.

Вот здесь теоретик божественной любви наконец-то поднимается до собственно человеческой духовности. Для нас любовь и разум — разные способы говорить об одном и том же. Обнаружить, что не только дух следует за экономикой, но и экономика изменяется по человеческой

воле, — это очень смело, и этого не рискует прямо сказать ни один марксист (где-то включая и Маркса). Мы не потому разбиваем оковы, что хотим более комфортных! — мы хотим чувствовать себя людьми, чтобы никто не мешал нам любить так, как мы считаем нужным, следуя нашему разуму.

Все виды деятельности подчинены экономическим целям, средства становятся целями, человек является автоматом — хорошо накормленным, хорошо одетым, но без какого-либо высшего интереса к своим характерным человеческим качествам и функциям. Если человек в состоянии любить, он должен занять свое высшее положение. Экономическая машина должна служить ему, а не он ей. Он должен получить право участвовать в переживании, участвовать в работе, а не только, в лучшем случае, в прибылях. Общество должно быть организовано таким образом, чтобы социальная, любящая природа человека не отделялась от его социального существования, а воссоединилась с ним. Если правда, как я пытался показать, что любовь это единственный здравый и удовлетворительный ответ на проблему человеческого существования, то любое общество, которое исключает развитие любви, должно в конце концов погибнуть от того, что оно противоречит основным потребностям человеческой природы. На самом деле, говорить о любви — это не «проповедь» по той простой причине, что это значит говорить о высшей и истинной потребности каждого человеческого существа. Вера в возможность любви как социального, а не только исключительно индивидуального явления, это разумная вера, основанная на способности понимания самой природы человека.

Чуть выше Фромм сетовал на то, потребность торговли и насилия сидит в самой глубине человеческой природы; здесь он разворачивает оглобли и провозглашает природой человека любовь. Ну, как говорится, хоть шести клок... Мы тоже убеждены, что любовь — неотрывна от разума, от субъектности как таковой, — и что поэтому она найдет лазейку в самых монбланистых нагромождениях бездуховности, будет размывать завалы, подтачивать цивилизацию изнутри. Но мы полагаем, что это как раз выделяет человека из природы — а не подчиняет его самому себе в форме потусторонней абстракции. Суть не в потребностях, а в том, откуда берутся потребности, — в движении общества как единого субъекта, духа, преобразующего природу в направлении универсальной культурности. Поэтому наше дело — несмотря ни на что участвовать в культурном строительстве, менять мир — а не только уповать на его природные предрасположенности. Где голая вера — разуму конец.

Что действительно существенно в существовании человека так это то, что он вышел из животного царства, из сферы инстинктивной адаптации, переступил пределы природы.

Тут мы согласны! Но продолжение — просто кошмар:

И все же однажды оторвавшись от нее, он не может вернуться к ней; однажды он был изгнан из рая — состояния первоначального единства с природой — и ангел с огненным мечом преградит ему путь, если б он захотел вернуться. Человек может идти только вперед, развивать свой разум, находя новую гармонию, человеческую гармонию вместо дочеловеческой, которая безвозвратно утеряна.

Черт с ней, с библейской высокопарностью, — но дикая природа отнюдь не рай! У человека не может быть единства с природой — он ищет единства с людьми. Человек еще не до конца вырвался из природной кабалы, и еще долго придется освобождаться от груза нерасторопной органики; но первые шаги человек как общественного существа тупо переносят природные формы движения на общество; предел мечтаний апологетов классового расслоения — классовая «гармония», хрупкий симбиоз, обреченный рухнуть под напором исторического времени, когда прежний способ производства уже не удовлетворяет никого.

У Фромма не просто утопическая иллюзия — это предупреждение чересчур ретивым низам, чтобы не раскачивали лодку, не гнали волну... А то будет как в прошлый раз — и божественные башибузуки на вышке с огнеметами... Вы — стадо; только в стаде вам дозволено хотя бы существовать — пока верховные рэкетирсы обеспечивают крышу. Чуть выбился — пеняй на себя: полный комплект ужасов.

Переживание отделенности рождает тревогу, оно является источником всякой тревоги. Быть отделенным значит быть отторгнутым, не имея никакой возможности употребить свои человеческие силы. Быть отделенным это значит быть беспомощным, неспособным активно владеть миром — вещами и людьми, это значит, что мир может наступать на меня, а я при этом неспособен противостоять ему.

Человеку — нужна свобода. Чтобы ни от кого не зависеть и вообще не задумываться о какой-то «отделенности». Мы все вместе перестраиваем мир так, чтобы каждый из нас мог употреблять свои силы независимо от других, как если бы никого больше не существовало. Только в этом случае человек представляет общество в целом — а не противостоит ему. Только тогда человеку не нужно никем и ничем «владеть» — потому что ему принадлежит целиком общий для всех мир. Нас хотят запугать

«отторжением» — но сама возможность такой угрозы говорит об уже наличном отчуждении: чтобы чего-то не дать — надо сначала это отнять. Так что нечего нам терять кроме своих цепей — но мы не хотим ничего приобретать: пусть оно будет сразу для всех.

... панический ужас перед полной изоляцией может быть преодолен только таким радикальным отходом от всего окружающего мира, чтобы исчезло чувство отдельности, чтобы внешний мир, от которого человек отделен, сам перестал существовать.

Так говорят все попы — всюду и во все времена. Если у вас отобрали этот мир, запретили любить и творить, — сделайте вид, что вы сами от всего отказались, что вам вовсе не нужно то, чего вам не дают. Уход в религиозную наркоту — или невротическое вытеснение. Психолог и поп Фромм ничего другого предложить не в состоянии.

Во все времена во всех культурах перед человеком стоит один и тот же вопрос: как преодолеть отделенность, как достичь единства, как выйти за пределы своей собственной индивидуальной жизни и обрести единение.

Единство не в стаде — оно там, где никому не нужно выходить за пределы индивидуальной жизни, где индивидуальность как раз и есть главный вклад каждого в сокровищницу культуры.

Сходным образом человеческий род в своем младенчестве еще чувствовал единство с природой. Земля, животные, деревья — все еще составляли мир человека. Он отождествлял себя с животными, и это выражалось в ношении звериных масок, поклонении тотему животного и животным-богам. Но чем больше человеческий род порывал с этими первоначальными узами, чем более он отделялся от природного мира, тем более напряженной становилась потребность находить новые пути преодоления отделенности.

Суть в том, чтобы не «преодолевать», а завершить! Покончить со звериными масками и поклонениями. Довести всеобщее отчуждение до логического конца — историческая миссия капитализма. Чтобы каждый был сам по себе — и потому мог представлять всех, разум в целом. Тогда невозможно подчинение чуждому (то есть чуждому: не человеческому, а групповому, классовому) авторитету — и насилие обращается против себя, устраняет саму возможность насилия.

Но Фромм страдает бредом классовой гармонии — и усматривает две формы общественного единства: «органистический союз» — и «приспособление к группе». Балансирование на грани слепого бунта —

и слепой покорности. Задуматься о снятии самой необходимости бунтовать или приспособливаться — до такого фрейдомарксистская религия не дошла... Обретать единство предлагается поодиночке:

Третий путь обретения единства состоит в творческой деятельности, в том, чтобы стать артистом или мастером. В любом виде творческой работы творческий человек объединяет себя со своим материалом, репрезентирующим внешний мир. Делает ли столяр стол, создает ли ювелир элемент драгоценного изделия, выращивает ли крестьянин свое зерно, рисует ли художник картину, во всех видах творческой деятельности творец и его предмет становятся чем-то единым, в процессе творения человек объединяет себя с миром.

Слышал звон — но не знает, где он... Продукт деятельности — всегда единство объекта и субъекта; в деятельности человек окультуривает мир и себя. Но главное определение человеческой деятельности — не «объединяться» с миром, а объединять мир! Универсальным образом связывать все со всем. Такая универсальная связь и зовется духом.

Однако от этой общей для всех разумных существ определенности до идеи любви еще далеко. Тем более в мире, где творчество отделено от трудовых масс. Фромм что-то чувствует — но (как и прочие эмпирики) не понимает, что совместный труд возможен и без дележки, и только в этой, объединяющей совместности возможно становление личности. А для Фромма, «созидательность» означает, что «я сам планирую, произвожу, вижу результат своего труда»... Это работа ремесленника, возврат в пещеры! Суть-то как раз том, чтобы человек мог чувствовать свою универсальность вне зависимости от того, чем именно он занимается — чтобы каждая мелочь приобрела общечеловеческое звучание. В работе адронного коллайдера, в запуске зонда к Юпитеру, — непосредственно участвуют тысячи людей (плюс миллионы смежников, и миллиарды тех, кто обеспечивает им фронт работ); однако открытие новой элементарной частицы, или жидкой воды в космосе, для каждого участника проекта — это его открытие, его личный подвиг. Единство возможно в мельчайшей детали; состоит оно в том, что человек не ограничен специализацией — он представляет себя на месте другого, — то есть, может (не только в принципе!) стать этим другим, и через это сливается с ним (а такое взаимопроникновение и есть любовь). Разумеется, капиталистическая экономика нечасто позволяет вдохнуть аромат свободы:

Рабочий стал придатком машины или бюрократической организации. Перестал быть самим собой — а значит для единения не осталось места, если не считать приспособления.

Можно подумать, что рабочий сам этого добивался — или что его делает таким преодолимая природа! Нет, людей целенаправленно отупляют, ограничивают, не дают чувствовать себя людьми. Каждый с детства знает, что ему положено по рангу — и о чем лучше не мечтать. Но развитие экономики все сильнее раздвигает круг массово доступного — и выставить барьеры сразу на всех направлениях уже не получается: люди пытаются трудиться осмысленно — и перестают быть безликими работниками или держателями акций. Но пока есть рынок — любой продукт становится товаром, а любой товар имеет денежный эквивалент. В том числе и люди — сведенные к чистому количеству, рабочей силе.

В современном капиталистическом мире понятие равенства изменилось. Под равенством понимают равенство автоматов: людей, которые лишены индивидуальности. Равенство сегодня означает «тождество» в большей степени, чем «единство». Это тождество абстракций, людей, которые работают на одних и тех же работах, имеют похожие развлечения; читают одни и те же газеты, имеют одни и те же чувства и идеи. Все они выполняют задачи, предписанные структурой организации, с предписанной скоростью и в предписанной манере. Даже их чувства предписаны: бодрость, терпимость, надежность, чувство собственного достоинства и способность без трений вступать в контакт с другими людьми. Книжки выбирают книжными клубами, фильмы и зрелища — хозяевами театров и кинотеатров, которые оплачивают рекламу. Отдых тоже унифицирован: в воскресенье автомобильная прогулка, сбор у телевизора, партия в карты, дружеская вечеринка. От рождения до смерти, от субботы до субботы, с утра до вечера — все проявления жизни заданы заранее и подчинены шаблону. Как может человек, захваченный в эту сеть шаблона, не забыть, что он человек, уникальный индивид, тот единственный, кому дан его единственный шанс прожить жизнь, с надеждами и разочарованиями, с печалью и страхом, со стремлением любить и ужасом перед уничтожением и одиночеством?

Сравнивать можно лишь качественно однородное, и в этом смысле «тождественное». Всякое сравнение (в любую эпоху) есть намеренная односторонность, упрощение, огрубление, схематизация, абстракция, — то приближение, в котором количественные сопоставления приобретают смысл. Пока мы осознаем условность сравнений — никакого криминала. Пропагандистская софистика отождествляет условности с реальностью, подсовывает массам вывод об их «природной» ущербности. Быть личностью — это привилегия, право, призвание... Лично Фромм вносит посильную лепту в индустрию оболванивания масс — с его навязчивой

«верой», которую надо «практиковать», — и ремесленной «любовью», которую надо лихорадочно демонстрировать. Оказывается, что обличать пороки капитализма он взялся лишь для того, чтобы выгородить вероучителя Юнга, предписывающего обязательность «поляризации»: согласно догмату, «полярность мужского и женского начал существует и в природе» — а значит и нам сам бог велел! А капиталистическая уравниловка дошла до женской эмансипации — просто ужас!

Полярная противоположность полов исчезает, и с ней — эротическая любовь, основанная на этой полярности. Мужчина и женщина стали похожими, а не равными, как противоположные полюса.

Эротика даже в античности была куда богаче — что уж говорить о современных экспериментальностях! Но Фромм признать эту эмпирию в упор не желает:

Гомосексуальное отклонение — это неспособность достижения поляризованного единства, и следовательно гомосексуалист страдает от непреодолимого одиночества.

Скажите это прайдовцам ЛГБТ! Закидают тухлыми помидорами. Опять же, страдать от одиночества и в разнополой любви кое-кто замечательно умеет. Потому что и одиночество, и страдание — продукт классового производства, и будут их производить, пока на то есть рыночный спрос.

Как бы то ни было, если Фромма долго полоскать в лотке, отдельные золотинки таки встречаются и этой скудной породе:

... зрелая любовь это единение при условии сохранения собственной целостности, собственной индивидуальности. Любовь — это активная сила в человеке, сила, которая рушит стены, отделяющие человека от его ближних; которая объединяет его с другими; любовь помогает ему преодолеть чувство изоляции и одиночества; при этом позволяет ему оставаться самим собой, сохраняя свою целостность. В любви имеет место парадокс: два существа становятся одним и остаются при этом двумя.

Если откинуть буржуазную идею «зрелости», и не ограничиваться только парами, — в самую точку! Разумеется, любовь вовсе не для того, чтобы что-то преодолевать — но это вполне может быть побочным продуктом, на чем, например, можно (согласно Фромму!) выстраивать практику психотерапии:

Если человек с сексуальными торможениями сможет избавиться от страха или ненависти и обретет способность любить, исчезнут и ее или его сексуальные проблемы. Если нет, то не поможет и знание сексуальной техники.

Здесь Фромм полемизирует со сторонниками секс-терапии и групповых психотренингов — равно как и с создателями групп по интересам (типа анонимных алкоголиков, жертв психиатрии, бодрых пенсионеров и пр.):

Единение, достигаемое в созидательной работе, не межличностно; единение, достигаемое в оргиастическом слиянии, — преходяще; единение, достигаемое приспособлением — это только псевдо-единение. Следовательно, они дают только частичные ответы на проблему существования. Полный ответ — в достижении межличностного единения, слияния с другим человеком, в любви.

Про слияние — очень хорошо! Причем речь именно о личностях — носителях духовности, — а вовсе не о слиянии капиталов. Но дальше все идет вразнос:

Любовь — это активность, а не пассивный аффект, это помощь, а не увлечение. В наиболее общем виде активный характер любви можно описать посредством утверждения, что любовь значит прежде всего давать, а не брать.

Сам же цитировал Маркса про неизбежную взаимность любви! А тут снова рынок: продавец — покупатель. Если мы с тобой одно и то же — как я могу тебе что-то давать или что-то брать от тебя? — у нас уже все общее! Давать — значит, навязывать роли принимающего дар; это типичная пристройка сверху, способ манипуляции; всучивать другому то, что у него якобы должно быть, — это насилие, ограничение духовности. Помощь — предполагает беспомощность; с любовью это никак не совместить.

Наиболее широко распространено неверное мнение, что давать - это значит отказаться от чего-то, стать лишенным чего-то, жертвовать. Некоторые делают добродетель из давания. Они считают, что именно потому, что давать мучительно, человек должен давать; добродетель давания для них заключена в самом акте принесения жертвы.

Это типично рыночная позиция: что отдал — того уже нет... Утрата собственности. Для человека — будто ногу отрезать: потеря части неорганического тела.

Для продуктивного характера давание — это высшее проявление силы. В каждом акте давания я осуществляю свою силу, свое богатство, свою власть. Такое переживание высокой жизнеспособности и силы наполняет меня радостью.

Ноль отличий от предыдущего. На место рыночного обмена — встает грубая сила, насилие. Одни возносятся над другими, самоутверждаются

за чужой счет. И этому радуются. Торг и насилие — две стороны одного и того же, принцип классового расслоения.

Он дает не для того, чтобы брать; давание само по себе составляет острое наслаждение. Но, давая, он не может не вызывать в другом человеке чего-то такого, что возвращается к нему обратно: истинно давая, он не может не брать то, что дается ему в ответ. Давание побуждает другого человека тоже стать дающим, и они оба разделяют радость, которую внесли в жизнь.

Это другая сторона марксовской теории взаимности. Любящий — будет любим. Но кто с мечом к нам придет — от меча и погибнет. Насилие порождает насилие, действие равно противодействию. Дикая природа. Психологически, пристройка сверху, навязывание роли ведомого, — вызывает реакцию протеста, попытку самому стать лидером; поэтому продуктивное общение невозможно при статическом распределении ролей (даже по чисто деловой схеме: *взрослый — взрослый*): иерархия должна регулярно обращаться, чтобы сохранить целостность. Фромм сочинял свои опусы до рождения берновского трансактного анализа — но вряд ли он отказался бы от проникнутых религией утопий в пользу психодинамики...

В акте любви, отдавания себя, в акте проникновения вглубь другого человека, я нахожу себя, я открываю себя, я открываю нас обоих, я открываю человека.

Да, любовь открывает нас друг для друга. Но для Фромма общение — сугубо тет-а-тет, а общество побоку. Два абстрактных индивида на пустой земле. В худших традициях утопических робинзонад. А суть любви в том, что влюбленные не коллапсируют внутрь себя, а вместе пересоздают мир — и потому каждая любовь становится историческим действием, прорывом в будущее для общества в целом. Пока требуется куда-то «проникать», что-то «открывать» (и чем-то обмениваться), — любви нет; когда мы любим — мы уже прониклись, уже открыты. Важно не то, что мы представляем друг для друга (и для себя), — важно быть универсально, превратить весь мир в эхо нашей любви. Как только любовь сводят к познанию (и самопознанию) — мы в тупике, в клетке: человек знает лишь то, в чем он сумел воплотить разум. Нет этой всемирности — остается только мистика любви, псевдолюбовь:

Даже если бы мы знали о себе в тысячу раз больше, то и тогда мы никогда не достигли бы самой сути. Мы все же продолжали бы оставаться загадкой для самих себя, а также и наши ближние

продолжали бы оставаться загадкой для нас. Единственный путь полного знания, это акт любви: этот акт выходит за пределы мысли, выходит за пределы слова. Это смелое погружение в переживание единства.

И тогда:

Проблема познания человека аналогична религиозной проблеме познания бога.

Ради чего все и затеяно...

Тем не менее, в религиозно-мистифицированной форме, Фромм все-таки вплотную подходит к идее универсальности любви — как одной из сторон универсальности субъекта. Фрагмент, который охотнее всего цитировали советские теоретики:

Любовь это не обязательно отношение к определенному человеку; это установка, ориентация характера, которая задает отношения человека к миру вообще, а не только к одному «объекту» любви. Если человек любит только какого-то одного человека и безразличен к остальным ближним, его любовь это не любовь, а симбиотическая зависимость или преувеличенный эгоизм. Большинство людей все же уверены, что любовь зависит от объекта, а не способности. Они даже уверены, что это доказывает силу их любви, раз они не любят никого, кроме «любимого» человека. Здесь то же заблуждение, о котором уже упоминалось выше. Поскольку они не понимают, что любовь это активность, сила духа, они думают, что главное — это найти правильный объект, а дальше все пойдет само собой. Эту установку можно сравнить с установкой человека, который хочет рисовать, но вместо того, чтобы учиться живописи, твердит, что он просто должен дожидаться правильного объекта; и когда найдет его, то будет рисовать великолепно. Но если я действительно люблю какого-то человека, я люблю всех людей, я люблю мир, я люблю жизнь. Если я могу сказать кому-то «я люблю тебя», я должен быть способен сказать «я люблю в тебе все», «я люблю благодаря тебе весь мир, я люблю в тебе самого себя».

Замечательно сказано! — придраться почти не к чему. Осталось только обратить это против Фромма — призывающего не любить, а «верить в любовь», не действовать — а «верить в себя», не быть свободным — а «верить» в свободу.

... любовь к другим и любовь к себе не составляют альтернативы. Напротив, установка на любовь к себе будет обнаружена у всех, кто способен любить других. Любовь, в принципе, неделима в смысле связи между «объектами» и чьими-то собственными «я».

Золотые слова! Люди неразделимы в любви — только все вместе мы духовны, и личность — лишь единичное выражение универсальности, призвания преобразовывать весь мир. Мы не делимся на мужчин и женщин, взрослых и детей, работников и хозяев, — мы все одинаково люди, и можем придавать своей любви бесконечность вещных форм.

Но тут Фромм спохватывается — и ретируется в поляризованное юнгианство, долженствующее

откорректировать и углубить фрейдовскую теорию, перенося внимание из физиологического измерения в биологическое и экзистенциальное измерения.

Переносить надо в человеческое измерение! — в общество. А Фромм не замечает ничего кроме абстрактного индивида, у которого (при такой изоляции от мира) все может быть только внутри. Соответственно, его любовь может быть либо любовью к себе — либо любовью к чему-то потустороннему, к богу (мало чем отличающемуся от дикой природы).

Зрелый человек внешне становится свободен от материнской и отцовской фигур, он строит их внутри себя. Однако не инкорпорируя мать и отца, а строя материнское сознание на основе своей собственной способности любить, а отцовское сознание на своем разуме и здравом смысле. Более того, зрелый человек соединяет в своей любви материнское и отцовское сознание несмотря на то, что они, казалось бы, противоположны друг другу. Если бы он обладал только отцовским сознанием, он был бы злым и бесчеловечным. Если бы он обладал только материнским сознанием, он был бы склонен к утрате здравого суждения и препятствовал бы себе и другим в развитии.

Легко видеть, что это противопоставление разума любви лишь проецирует внутрь абстрактного индивида противоречия (прежде всего моногамной) семьи — которые, в свою очередь, лишь проекция полярности классов, господ и рабов; проповедь классовой гармонии превращается в медитативную практику, поиск неизвестно чего внутри себя. Занятие совершенно бесперспективное.

Допуская любовную связь хотя бы двух человек (больше — как-то неприлично: полярности не получится), приходится рушить гармонию, влезать в (коммерческие) риски — и пахать на пару, в режиме 24×7, дабы не развалить предприятие:

Любовь возможна, только если два человека связаны друг с другом центрами существования, а значит каждый из них воспринимает себя из глубины своего существования. Только в таком «центральном переживании» состоит человеческая реальность, только здесь

жизненность, только здесь основа любви. Любовь, так переживаемая, это постоянный риск, это состояние не отдыха, а движения, роста, работы сообща; наличие гармонии или конфликта, радости или печали является вторичным по отношению к основному факту, что два человека чувствуют полноту своего существования, в единстве друг с другом каждый из них обретает себя, а не теряет. Есть только одно доказательство наличия любви: глубина отношений, жизненность и сила каждого из любящих: это плод, по которому узнается любовь.

Ни сна, ни отдыха, — сплошное мучение (которое, как мы уже знаем, даровано человеку в целях приобщения к истинной вере). Фромм утешает страждущих: будет у вас (классовая) гармония, или (классовый) конфликт, — совершенно неважно; главное — чувствовать «полноту существования»! Извольте соблюдать единство, несмотря ни на что. Просто так оно не получится; значит — учиться, учиться и учиться, — осваивать веру в любовь по Фромму и практиковать все, на что он вас настропадит. Самодеятельность любовное начальство не одобряет — тут и до бунта недалеко. Для начала — попробовать уговорить скептиков (если не поможет — тогда оргвыводы):

Для большинства людей проблема любви состоит в том, чтобы быть любимым, а не в том, чтоб любить, уметь любить. Значит, сущность проблемы для них в том, чтобы их любили, чтобы они возбуждали чувство любви к себе.

Вторая предпосылка отношения к любви как к чему-то, не требующему обучения, состоит в допущении, что проблема любви — это проблема объекта, а не проблема способности. Люди думают, что любить просто, а вот найти подлинный объект любви, — или оказаться любимым этим объектом, — трудно.

Третье заблуждение, ведущее к убежденности, что в любви ничему не надо учиться, состоит в смещении первоначального чувства влюбленности с перманентным состоянием пребывания в любви.

Итак, все готовы. Что дальше?

Первый шаг, который необходимо сделать, это осознать, что любовь — это искусство, такое же, как искусство жить. Если мы хотим научиться любить, мы должны поступать точно так же, как нам предстоит поступать, когда мы хотим научиться любому другому искусству, скажем, музыке, живописи, столярному делу, врачебному или инженерному искусству.

Понятно. Как и для большинства представителей классовой верхушки, искусство для Фромма — всего лишь ремесло, производство на продажу. Выучиться, сдать экзамены, получить диплом, — и можно претендовать

на доходное местечко в проффильном бизнесе... При этом, конечно, профессиональный слесарь (или профессионал-гинеколог) мало чем отличается от профессионального «любителя» (или маразматика по профессии): все они одинаково совершенны («эффективны») — но и одинаково ограничены; если мы на практике все-таки встречаемся с творческим отношением к труду — это вовсе не благодаря строевой подготовке, а, скорее, вопреки ей — как реакция на муштру.

Процесс обучения искусству можно последовательно разделить на два этапа: первый — овладение теорией; второй — овладение практикой. Но наряду с теорией и практикой существует третий фактор, необходимый для того, чтобы стать мастером в любом искусстве — овладение искусством должно стать предметом наивысшего сосредоточения; не должно существовать в мире ничего более важного, чем это искусство.

Строевой устав: делай — раз! делай — два! делай — три! Друженько маршируем на плацу. Готовим себя к парадной показухе. Последний пункт (про впадение в нирвану) как раз о профессиональности, узкой специализации — чтобы не глазели по сторонам, да не зарились на барское добро.

Про духовность (тем более в искусстве и в любви) религия ничего знать не желает — у попов это слово зарезервировано под обозначение «высших» интересов толстобрюхого сословья; всем остальным — бездумное исполнение распоряжений руководства и пиетет в отношении служителей культа.

Искусство как творчество, как духовное производство (а не только изготовление монетизируемых вещей), — ничего общего с фроммовской разнарядкой не имеет. Тем более далека от «социальных технологий» человеческая, свободная любовь. Благочестивая «наука любви», по Фромму, включает в обязательную программу производство «боли и печали» — внешних и внутренних конфликтов, которые, будто бы, не разрушительны, а «ведут к прояснению, рожают катарсис, из которого оба человека выходят обогащенными знанием и силой». Не хотим мы обогащаться — и сила нам в любовном хозяйстве ни к чему; это мы точно знаем. И даже любовь не станет для нас «предметом наивысшего сосредоточения» — потому что у свободных людей нет высшего и низшего, а есть необъятный мир, который они вместе оборудуют для общего пользования, выдавливая из вселенной грязь и боль. Чтобы любить друг друга — а не только верить или надеяться на любовь.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗБОРКИ	3
О левитации андрогина Бердяева.....	5
Слишком долгое детство	25
Сумасшедший абстракт	34
Подарок к юбилею	63
Воспитание роботов	131
Наука и утопия.....	137
Что есть и чего нет.....	146
Назад в пещеры.....	169
Лики обезличивания.....	185
Еще раз про любовь.....	206
Сказка о настоящем.....	235
Любить иначе.....	256
Братья по кодексу.....	274
Боль свободы.....	283
Дух и буква.....	295
Это страшное слово.....	296
Осемьенение.....	321
Еще или уже?	358
Болгарский PS.....	435
Правила секса.....	454
Разлучай и барствуй	495
Мальчики налево.....	496
Девочки на.....	520
Полное сближение.....	533
Благочестивый десерт	545

ВОСПРОИЗВОДСТВО РАЗУМА ✦ III ✦